

**СССР,
Восточная Европа
И
Вторая мировая война
1939–1941**

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

**СССР,
Восточная Европа
и
Вторая мировая война
1939–1941**

Дискуссии,
комментарии,
размышления

МОСКВА НАУКА 2007

УДК 94(4) "654"
ББК 63.3(4)
С77

Ответственный редактор и составитель
кандидат исторических наук С.З. СЛУЧ

Рецензенты:

доктор исторических наук В.В. МАРЬИНА
доктор исторических наук М.И. МЕЛЬТЮХОВ

СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, 1939–1941 : дискусии, комментарии, размышления / [отв. ред. и сост. С.З. Случ] ; Ин-т славяноведения РАН. – М. : Наука, 2007. – 487 с. – ISBN 978-5-02-035514-9 (в пер.).

Сборник посвящен внешней политике СССР и международным отношениям накануне и в начале Второй мировой войны. В обзорной статье освещаются основные периоды развития историографии этой проблемы в годы Перестройки и представлен современный взгляд на события 1939–1941 гг. Первая и вторая части содержат материалы «круглых столов», проходивших в Институте славяноведения РАН в 1989–1990 и 2000–2002 гг., которые отразили эволюцию одного из важных разделов отечественной исторической науки на протяжении более чем десятилетнего периода.

Для историков, политологов и всех, кто интересуется взаимоотношением исторической науки и политики.

Темплан 2007-1-380

ISBN 978-5-02-035514-9

© Институт славяноведения РАН, 2007

© Коллектив авторов, 2007

© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2007

Содержание

Предисловие	4
<i>С.З. Случ.</i> Внешняя политика СССР накануне и в начале Второй мировой войны. Обзор советской историографии (1985–1991)	26

Часть первая

«Круглые столы» (1989–1990)

Политический кризис 1939 года и страны Центральной и Юго-Восточной Европы	188
Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале Второй мировой войны (сентябрь 1939 – август 1940)	238
Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы накануне нападения Германии на СССР (сентябрь 1940 – июнь 1941)	276

Часть вторая

«Круглые столы» (2000–2002)

Начало Второй мировой войны, 1939 год. Современное состояние проблемы	309
Вторая мировая война, 1940 год. Дискуссионные и неразработанные проблемы	347
Накануне нападения Германии. Внешняя и внутренняя политика СССР в первой половине 1941 года	395
Библиография	455

Предисловие

*То, что мы пакты заключаем –
это не исключает войны, а наоборот.*
И.В. Сталин¹

*...двусторонние пакты о ненападении
не всегда служат делу мира.*
М.М. Литвинов²

Участие СССР в борьбе против нацистской Германии и ее союзников в решающей степени обусловило исход Второй мировой войны. Однако путь, пройденный Советским Союзом во второй половине 30-х – начале 40-х годов до смертельной схватки с третьим рейхом, был весьма непрост; и отнюдь не случайно серьезные, а временами роковые политические и военные просчеты Сталина поставили страну на грань катастрофы в 1941 г.

Влияет ли внутренняя политика государства на его внешнюю политику? Этот риторический для советской историографии вопрос, не нуждавшийся в сколько-нибудь серьезном обосновании и уж, конечно, не дискуссионный, остается, как правило, вне поля зрения российских историков или касательно него выносятся отрицательный вердикт³. Вместе с тем ответ на него имеет самое непосредственное отношение к оценке внешней политики государства, ибо не абстрактная внутренняя политика оказывает непосредственное влияние на его внешнюю политику, а характер господствующего политического режима. Степень этого влияния соотносится со статусом государства, т.е. с его реальными воз-

¹ Речь Сталина на совещании работников оборонной промышленности 13.06.1934 г. – Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 1118. Л. 1.

² Значение пактов о взаимопомощи как гарантий безопасности: Беседа Литвинова с французским журналистом Зауервейном // Известия. 1934. 29.06. С. 1.

³ См., например: Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 (Документы, факты, суждения). 2-е изд., испр. и доп. М., 2002. С. 10.

возможностями субъекта на международной арене, целями, средствами и масштабами поставленных и реализуемых задач, а также сложившимся балансом сил в мире.

Почему возникла необходимость затронуть этот вопрос? Прежде всего потому, что он самым тесным образом связан с оценкой действий СССР на международной арене, его внешней политикой.

Захватившие власть в России большевики изначально сделали ставку на мировую революцию, на обострение классовой борьбы в отдельных странах и их внутреннюю дестабилизацию, а тем самым и дестабилизацию системы международных отношений. Несмотря на то что первая «кавалерийская» атака на капиталистический мир закончилась неудачей, вынудив советское руководство к лавированию на международной арене, она продемонстрировала наличие нового фактора в мировой политике в лице огромной страны, ставшей на путь создания идеологизированной однопартийной политической системы диктаторского типа, трансформировавшейся в период правления Сталина в тоталитарный режим с серьезными внешнеполитическими амбициями.

Были ли у внешнего мира основания для опасений по поводу отнюдь не только миролюбивых намерений СССР? Несомненно, поскольку большевистский режим воспринимался элитой даже сотрудничавших с ним государств как явление не только чужеродное, но и враждебное. По оценке германского посла в Москве графа У. Брокдорф-Ранцау, «Россия (...) управляется группой сомнительных фанатиков, которые держатся только благодаря террору, они не побрезгуют никакими средствами, чтобы остаться у власти. (...) В конечном счете, мировая революция остается для советского правительства великой целью, и изменения в его внутренней и внешней политике – лишь тактический маневр»⁴.

Очевидно, что одним из серьезных факторов нестабильности в мире, исходивших от СССР, была деятельность Коминтерна⁵, который поддерживался финансово и организационно Кремлем. Именно Коминтерн в решающей степени способствовал созданию и закреплению стереотипа о двойственной и отнюдь не ми-

⁴ Denkschrift des Grafen U. von Brockdorff-Rantzau über die Aufgaben eines Botschafters in Moskau vom 8.07.22 // Ursachen und Folgen. Vom deutschen Zusammenbruch 1918 und 1945 bis zur staatlichen Neuordnung Deutschlands in der Gegenwart / Hrsg. von H. Michaelis, E. Schraepfer. Berlin, o. J. Bd. VI. Dok. 1406. S. 596.

⁵ См.: Коминтерн и идея мировой революции. Документы / Отв. ред. Я.С. Драбкин. М., 1998.

ролюбивой сущности советской внешней политики⁶, вызывая априори недоверие и подозрительность к СССР в правящих кругах зарубежных стран, в том числе к его заслуживающим внимания инициативам.

Основания для опасений относительно возможных действий Москвы существовали, прежде всего у соседних с Советским Союзом государств, особенно у тех, которые ранее входили в состав Российской империи или присоединили к себе после падения монархии какие-то ее территории. К началу 1933 г. численность РККА приблизилась к 900 тыс. человек, на ее вооружении находилось 3737 самолетов и 4538 танков⁷. Подобной военной армадой в то время не располагало ни одно государство мира, и эта мощь постоянно наращивалась, о чем свидетельствуют, в частности, следующие данные: в 1933 г. в СССР было произведено больше самолетов, чем в Англии, Франции, Германии, Японии и Польше вместе взятых⁸. Подобный курс в области военного строительства свидетельствовал о длительной подготовке государства к войне практически со всеми соседними странами, и не только с ними. Внутри страны этому в немалой степени способствовало внедрение в массовое сознание, по меньшей мере с середины 1927 г., представления «о реальной и действительной угрозе новой войны вообще, войны против СССР – в особенности»⁹. Неудивительно поэтому, что

⁶ Так, министр иностранных дел Веймарской республики в 20-е годы Г. Штретземан не считал, что параллельно «существуют российское правительство, которое проводит дружественную по отношению к Германии политику, и III Интернационал, который стремится подорвать Германию» (*Walsdorf M. Westorientierung und Ostpolitik. Stresemanns Rußlandpolitik in der Locarno-Ära. Bremen, 1971. S. 28*).

⁷ См.: *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. С. 283, 291, 515.

⁸ См.: Там же. С. 538; *Wirtschaft und Rüstung am Vorabend des Zweiten Weltkrieges / Hrsg. von F. Forstmeier, H.-E. Volkmann. Düsseldorf, 1975; Robineau L.* Die französische Luftpolitik zwischen den beiden Weltkriegen und die Führung des Luftkrieges gegen Deutschland (September 1939 bis Juni 1940) // *Luftkriegführung im Zweiten Weltkrieg: ein internationaler Vergleich / Hrsg. von H. Boog. Herford; Bonn, 1993. S. 735; Zgórnjak M.* Europa am Abgrund – 1938. Münster etc., 2002. S. 298. Тактико-технические данные произведенных в СССР и других странах самолетов не сопоставляются.

⁹ *Сталин И.В.* Заметки на современные темы // Соч. М., 1948. Т. 9. С. 322, 327. Историкам не известны какие-либо документы, которые подтверждали бы обоснованность подобного рода опасений советского руководства. Подробнее о происхождении и функциональной роли тезиса «непосредственной военной угрозы» СССР см.: *Нежинский Л.Н.* Была ли военная угроза СССР в конце 20-х – начале 30-х годов // *История СССР. 1990. № 6. С. 14–30; Он же.* В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917–1933 годах. М., 2004. С. 243–246, 256–264.

Штаб РККА в 1933 г. исходил из необходимости осуществления «по военному времени такого масштаба развертывания, при котором Красная Армия смогла бы вести борьбу с любой коалицией мировых капиталистических держав и нанести армиям этих держав решительное поражение»¹⁰. Только ли для обороны создавалась такая громадная военная машина? Можно ли говорить о стремлении советского руководства в 30-е годы к территориальной ревизии в отношении государств, граничивших с СССР на западе, но при этом якобы не выходившему «за рамки широкого понимания “национальной безопасности”»?¹¹ (Остается, правда, еще выяснить, что понимали в Кремле под обеспечением «национальной безопасности».) Вместе с тем один только отказ от заключения пакта о ненападении с Румынией, означавший, по мнению Москвы, признание территориального статус-кво между двумя государствами, свидетельствовал о том, что ревизионистская политика никогда не сдавалась в архив, даже тогда, когда ее реализация при помощи силы считалась в Кремле невозможной.

Приход Гитлера к власти в 1933 г. кардинально изменил международную обстановку, объективно поставив советскую внешнюю политику перед новыми задачами – необходимостью в недалеком будущем решать проблемы подготовки к борьбе не с воображаемыми противниками из «капиталистического окружения», а с реальным врагом. Одновременно установление нацистской диктатуры разрушило старый советский политико-пропагандистский миф относительно «единого капиталистического окружения», открыв якобы дополнительные возможности игры на международной арене, связанные с использованием «межимпериалистических противоречий». Именно Берлину Москва отводила в этом большую роль, несмотря на резко обострившиеся советско-германские отношения в результате внутривосточных изменений в Германии.

Уже явно настораживавшие внешнеполитические акции нового режима – уход из Лиги Наций и с Конференции по разоружению – с «большим пониманием» восприняли в Москве. Очевидно, что в Кремле были в высшей степени удовлетворены обо-

¹⁰ Цит. по: «Моя оценка была слишком резкой». И.В. Сталин и реконструкция РККА. 1930–1932 гг. / Публ. О.Н. Кена // Исторический архив. 1998. № 5/6. С. 149.

¹¹ Кен О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920 – 1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. СПб., 2000. Ч. 1: Декабрь 1928 – июнь 1934. С. 71–72.

стрием отношений между Германией и западными державами, вызванным этим шагом Берлина¹².

В условиях наметившегося очередного противостояния в Европе для советского руководства уже не имели особого значения ни характер политического режима третьего рейха¹³, ни планируемое им резкое увеличение вооруженных сил. Главное – Германия опять противостояла Западу и, следовательно, рано или поздно ей потребуется союзник на Востоке. С такой Германией Сталин готов был искать сотрудничества если и не любой ценой, то, несомненно, идя на очень многое.

Будучи догматиком не в меньшей степени, чем Гитлер, Сталин долго не признавал ту огромную роль, какую играли идеологические догматы в формировании внешней политики национал-социалистического режима. Практическая политика третьего рейха, прежде всего германо-польское соглашение (1934), заставили Сталина перейти к более сложным маневрам на международной арене. К этому времени относится оформление двухуровневой советской внешней политики¹⁴. Официально декларируемый курс на коллективную безопасность и отпор фашистской агрессии, представленный Литвиновым с его лозунгом «Мир – не-

¹² Когда советник германского посольства в СССР Ф. фон Твардовский проинформировал наркома иностранных дел М.М. Литвинова о причинах, побудивших Германию покинуть Лигу Наций и Конференцию по разоружению, то, согласно его донесению, «г-н Литвинов продемонстрировал столь большое понимание нашей позиции, что я выразил сожаление в связи с тем, что эта точка зрения ответственного руководителя советской внешней политики нисколько не находит отражения в советской прессе» (Politischer Bericht von Twardowskis an das AA 17.10.1933 // Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945 (ADAP). Ser. C: 1933–1937. Göttingen, 1971–1981. Bd. II, 1. Dok. 12. Anl. S. 18).

¹³ Тот факт, что не только Сталин в докладе на XVII съезде партии подчеркнул, что «дело здесь не в фашизме» (*Сталин И.В.* Отчетный доклад о работе ЦК ВКП(б) // XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 января – 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934. С. 13), но и за три недели до него Литвинов публично заявил: «...мы можем поддерживать и поддерживаем хорошие отношения с капиталистическими государствами при любом режиме, включая фашистский. Не в этом дело» (Выступление М.М. Литвинова на IV сессии ЦИК СССР 6-го созыва. Цит. по: Документы внешней политики СССР (ДВП). М., 1957–2000. Т. XVI. Прил. 2. С. 792) свидетельствует о том, что это была заранее согласованная позиция в отношении нацистского режима.

¹⁴ По отношению к Германии эта политика именовалась как «политика дуализма», т.е. сочетание конфронтации на международной арене, аранжированной резкой полемикой в печати, с перманентным стремлением не переходить некоей грани в двусторонних отношениях, постоянно сохраняя возможности для наведения мостов при помощи неофициальной дипломатии (см. письмо полпреда СССР в Германии Я.З. Сурица М.М. Литвинову, 19.09.1936 – Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 05. Оп. 16. П. 118. Д. 46. Л. 66).

делим», был не более чем тактическим маневром¹⁵, удобным камуфляжем генеральной сталинской стратегии, направленной, как и ранее, на разделение мира и сталкивание одних государств с другими, на углубление противоречий и конфликтов, т.е. стратегии, связанной в конечном счете с экстраполяцией марксистско-ленинского учения о классовой борьбе на сферу международных отношений. Так, подвергая критике позицию Наркоминдела, выражавшего сомнения по поводу «допустимости экспорта хлеба и других продуктов из СССР в Италию ввиду конфликта в Абиссинии», Сталин указывал, что «они проистекают из непонимания международной обстановки». По его мнению, «конфликт идет не столько между Италией и Абиссинией, сколько между Италией и Францией, с одной стороны, и Англией, с другой». Современная ему картина мира в представлении Сталина отличалась от прежней тем, что старой Антанты уже больше нет, а «вместо нее складываются две антанты: антанта Италии и Франции, с одной стороны, и антанта Англии и Германии, с другой». В этих условиях «поборник» политики «коллективной безопасности» так наставлял членов Политбюро: «Чем сильнее будет драка между ними, тем лучше для СССР. Мы можем продавать хлеб и тем и другим, чтобы они могли драться. ...Нам выгодно, чтобы драка у них была как можно более длительной, но без скорой победы одной над другой»¹⁶. Принимая во внимание подобного рода установки Сталина, очевидно, сколь ошибочны все еще имеющиеся оценки внешней политики СССР как стратегически ориентированной в 30-е годы на сотрудничество с западными державами, не говоря уже о пограничных с Советским Союзом странах.

Возвращаясь в связи с этим к литвиновскому лозунгу «Мир неделим», еще раз обращаю внимание на тот факт, что он вовсе не отражал альфы и омеги политики Кремля, сосредоточенной «не столько (?! – С.С.) на поиске политического партнерства с теми или иными государствами, сколько на обеспечении безопасности от них»¹⁷. Таким образом, налицо был очевидный диссонанс: неделимость мира – для всех (экспортный вариант), а безопасность – для СССР (сущностный подход). О том, к чему это привело, наглядно продемонстрировали события 1938–1941 гг., когда

¹⁵ См.: Белоусова З.С. СССР в контексте международных отношений 30-х годов // Советская внешняя политика 1917–1945 гг. Поиски новых подходов / Под ред. Л.Н. Нежинского. М., 1992. С. 141.

¹⁶ Шифротелеграмма Сталина Кагановичу, Молотову, 2.09.1935 // Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М., 2001. Док. 620. С. 545.

¹⁷ Кен О.Н., Рупасов А.И. Указ. соч. С. 108.

гипотетическая угроза миру и безопасности в Европе трансформировалась в реальную опасность национально-государственному существованию многих европейских стран, не исключая и Советский Союз. Однако адекватной оценке перспектив подобного развития препятствовали не только политика умиротворения западных держав и антикоммунизм, прежде всего британской политической элиты¹⁸, но и внешняя политика СССР, определявшаяся фактически единолично Сталиным, возможности которой были серьезно ограничены Большим террором.

Очевидно, что в этих условиях СССР не мог играть сколько-нибудь значительной роли на международной арене, что наглядно продемонстрировали события, связанные с чехословацким кризисом. К сожалению, вплоть до настоящего времени отечественная историография не располагает исследованиями, анализирующими позицию Москвы в предшествовавшие Мюнхенской конференции месяцы. Авторы книг и статей, в которых эта проблема затрагивалась в советское время, основывались на ограниченном количестве опубликованных документов¹⁹ и, разумеется,

¹⁸ См.: *Lammers D.* Fascism, Communism, and the Foreign Office, 1937–39 // *Journal of contemporary history.* 1971. Vol. 6. N 3. P. 66–86; *Manne R.* The Foreign Office and the Failure of Anglo-Soviet Rapprochement // *Ibid.* 1981. Vol. 16. N 4. P. 725–755; *Niedhart G.* Zwischen Feindbild und Wunschbild: Die Sowjetunion in der britischen Urteilsbildung 1917–1945 // *Der Westen und die Sowjetunion. Einstellungen und Politik gegenüber der UdSSR in Europa und in den USA seit 1917 / Hrsg. von G. Niedhart.* Paderborn, 1983. S. 105–118; *Little D.* Red Scare, 1936: Anti-Bolshevism and the Origins of British Non-intervention in the Spanish Civil War // *Journal of contemporary history.* 1988. Vol. 23. N 2. P. 291–311; *Shaw L.G.* The British Political Elite and the Soviet Union 1937–1939. London; Portland (Or.), 2003.

¹⁹ Тематические сборники, посвященные предыстории Мюнхенского соглашения, не являлись научными публикациями (см.: Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958; Документы по истории мюнхенского сговора. 1937–1939. М., 1979). Они включали в себя селективно подобранные документы с купюрами, к тому же отредактированные, вероятно, для большей «достоверности». Например, временный поверенный в делах Франции в СССР Ж. Пайяр в беседе с замнаркома иностранных дел В.П. Потемкиным 1 сентября 1938 г. напомнил, что на последней сессии Совета Лиги Наций министр иностранных дел Франции Ж. Бонне ставил перед наркомом М.М. Литвиновым вопрос о том, каким способом мог бы СССР оказать помощь Чехословакии в случае нападения на нее Германии. Согласно опубликованному документу, «народный комиссар ответил, что Советский Союз выполнит свои договорные обязательства в отношении Чехословакии» (Документы по истории мюнхенского сговора. Док. 107. С. 186). Согласно архивной записи этой беседы, «народный комиссар ответил, что все будет зависеть от образа действий самой Франции. Если она придет на помощь Чехословакии, то и Советский Союз выполнит свои договорные обязательства в отношении последней» (АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 149. Д. 161. Л. 82).

не выходили за рамки официальной версии, согласно которой «СССР настойчиво боролся за реализацию действенных мер по защите Чехословакии»²⁰. Доступные в настоящее время документы позволяют сделать другой вывод, а именно, что политика Кремля в ходе чехословацкого кризиса была преимущественно изоляционистской²¹, при всей – чисто внешней – дипломатической активности.

Усугублявшаяся на протяжении 1938 г. изоляция СССР на международной арене, обусловленная рядом внутренних и внешних факторов, достигла апогея в момент подписания Мюнхенского соглашения. Однако представление, уходящее своими корнями в постулаты советской историографии, об изоляции СССР на международной арене в 1939 г. как следствия Мюнхенского соглашения требует серьезного изучения, поскольку не определены даже составляющие этой якобы имевшей место изоляции. Несомненно, заметное охлаждение отношений между СССР и западными державами было налицо, так как Мюнхен продемонстрировал, по мнению Кремля, самый нежелательный вариант развития событий – достижение соглашения между агрессивными государствами и западными демократиями. Однако кратковременность и чисто внешнее сближение между ними, ни в коей мере не снимавших нараставших и углублявшихся противоречий, несовместимости интересов и ценностей, но главное – динамизм внешней политики третьего рейха, в итоге сделавший спустя год Вторую мировую войну неотвратимой, не были осознаны Сталиным и его окружением.

В этой ситуации приоритетной задачей послемюнхенской политики Сталина стало достижение соглашения с нацистской Германией, чему способствовали как проводимое западными державами «умиротворение» агрессивных режимов, так и их дистанцирование от советского режима. Но главное – это его решение было предопределено обозначившейся общностью внешнеполитических интересов советского и нацистского руководства, которую Сталин, из-за ограниченности выбора вариантов поведения

²⁰ Прасолов С.И. Советский Союз и Чехословакия в 1938 г. // Мюнхен – преддверие войны (исторические очерки) / Отв. ред. В.К. Волков. М., 1988. С. 60.

²¹ 26 марта 1938 г. после двухчасового обсуждения международных проблем в Кремле М.М. Литвинов писал полпреду в Чехословакии С.С. Александровскому: «Моя декларация (речь идет об интервью, данном представителям печати 17.03.1938. – С.С.) является, вероятно, последним призывом к Европе о сотрудничестве, после чего мы зайдем, по-видимому, позицию малой заинтересованности дальнейшим развитием дел в Европе» (АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 19. П. 128. Д. 1. Л. 18).

на международной арене, «разглядел» значительно раньше, чем Гитлер. Сочетание в первую очередь этих факторов в условиях перманентно менявшейся международной обстановки оказало большое влияние на формирование внешнеполитического курса СССР.

В послевоенный период одним из существенных элементов многоходовой комбинации, нацеленной на достижение «дружбы, скрепленной кровью» с третьим рейхом, для Сталина стали отношения с Польшей. Как полагали в Кремле, необходимо было разорвать или, по крайней мере, резко ослабить сформировавшийся тандем Варшавы и Берлина. Причем не для того, чтобы сблизиться с Варшавой, а исключительно для того, чтобы, осложнив по возможности польско-германские отношения, создать таким образом основу для собственного сближения с Германией, прежде всего за счет Польши²². В основе этого сценария лежало представление Сталина о том, что в преддверии конфликта с Западом «Гитлеру нужно иметь на Востоке спокойный тыл»²³.

В докладе на XVIII съезде ВКП(б) Сталин сформулировал важнейшие принципы и задачи советской внешней политики на ближайшие годы, на которые он (с известными коррективами) ориентировался вплоть до 22 июня 1941 г., когда обнаружилась их полная изначальная несостоятельность. Кредо этой политики составили четыре постулата, опирающиеся на убеждение Сталина, что «вторая империалистическая война на деле уже началась»²⁴:

1) любой ценой остаться вне большой войны, прежде всего путем уклонения от участия в каких-либо коллективных действиях, способствующих ограничению ее масштабов: «не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками»;

2) использовать противостояние ведущих капиталистических группировок для удовлетворения притязаний на территории приграничных с СССР государств: «Мы стоим за мирные, близкие и добрососедские отношения со всеми соседними странами, имеющими с СССР общую границу (...) поскольку они не попытаются

²² Подробнее см.: Случ С.З. Польша в политике Советского Союза, 1938–1939 // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия: Сб. ст. / Отв. ред. Э. Дурачински, А.Н. Сахаров. М., 2001. С. 170–175.

²³ Гальянов В. Международная обстановка второй империалистической войны // Большевик. 1939. № 4. С. 64.

²⁴ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков): Краткий курс / Под ред. комиссии ЦК ВКП(б). М., 1938. С. 318.

нарушить, прямо или косвенно, интересы целостности и неприкосновенности границ Советского государства» (подчеркнуто мной. – С.С.);

3) недифференцированно подходить к главным действующим лицам на международной арене, фактически стирая грань между политикой неагрессивных и агрессивных держав и тем самым прокладывая путь для соглашения с последними: «Мы стоим за мир и укрепление деловых отношений со всеми странами... поскольку эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом, поскольку они не попытаются нарушить интересы нашей страны»²⁵;

4) четвертый постулат Сталин в докладе лишь обозначил, ибо в то время он был не только его самым большим внешнеполитическим секретом, но и самой вожделенной целью. Коснувшись уже основательно забытой темы о германских планах захвата Советской Украины, активно обсуждавшейся мировой прессой поздней осенью 1938 г., Сталин охарактеризовал ее как «подозрительный шум», который «имел своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований»²⁶.

Таким образом, к началу весны 1939 г. Сталин уже сделал выбор в пользу активного сближения с Германией. Правда, требовалось еще найти пути и методы его реализации, чтобы «не продешевить», обеспечивая интересы режима, и не утратить имидж последовательного борца за мир, оказывающего помощь жертвам агрессии. При этом всю ответственность за то, что ни мир сохранить, ни жертвам агрессии помочь не удалось, следовало возложить на мюнхенских провокаторов войны, привыкших «загреть жар чужими руками».

Переговоры СССР с западными державами²⁷ занимали важное место в процессе сближения между Москвой и Берлином.

²⁵ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) 10–21 марта 1939 года. Стенографический отчет. М., 1939. С. 15.

²⁶ Там же. С. 13. Молотов, вероятно чуть ли не единственный, кто был посвящен в этот сталинский замысел, спустя полгода, когда задуманное уже осуществилось, разъярял широкую аудиторию: «Тов. Сталин... еще тогда (на XVIII съезде ВКП(б). – С.С.) поставил вопрос о возможности других, невраждебных добрососедских отношений между Германией и СССР» (Речь Председателя Совнаркома, наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова на IV сессии Верховного Совета СССР 1-го созыва // Известия. 1939. 1.09. С. 1).

²⁷ Несмотря на обилие публикаций на эту тему, ее комплексное исследование которое основывалось бы прежде всего на архивах всех стран – участник по литико-дипломатических и военных переговоров весной–летом 1939 г., отсутствует.

Двойственный подход руководства Англии и Франции к этим переговорам, хотя и имевший свою мультифакторную мотивацию²⁸, не только не способствовал достижению ни одной из поставленных Лондоном и Парижем целей, но и облегчал Сталину непростую задачу по перекладыванию ответственности за неудачу трехсторонних переговоров на западные державы. Этот замысел прослеживался уже в самом первом советском проекте соглашения между тремя державами²⁹, о чем с удивительной откровенностью упомянул Я.З. Суриц в письме Молотову: «Наш собственный проект безупречен, прежде всего, с тактической точки зрения (подчеркнуто мной. – С.С.). Мы им отрезаем всякую возможность подбросить нам в будущем упреки и обвинение, что СССР уклонялся от участия в борьбе с агрессором»³⁰.

Можно предположить, что, руководствуясь не в последнюю очередь именно этими соображениями, советская сторона и в дальнейшем, добываясь от западных держав на переговорах тех или иных уступок, сразу же выдвигала новые требования (о косвенной агрессии; об условиях вступления в силу договора в отношении Швейцарии и Голландии; об одновременности подписания политического и военного соглашений; и, наконец, возникший «неожиданно» только на переговорах военных миссий сугубо политический вопрос о пропуске Красной Армии через территорию Польши, явившийся предлогом для торпедирования этих переговоров).

Как известно, один из краеугольных тезисов в советской историографии – принципиальное нежелание западных держав заключить равноправное соглашение с СССР было главной причиной (наряду с позицией польского правительства) неудачи августовских переговоров в Москве. В обоснование этого тезиса при-

²⁸ Хотя правительства Англии и Франции по-разному относились к переговорам с СССР, что не в последнюю очередь объяснялось степенью уязвимости их стран перед потенциальной германской агрессией, общим для них являлся ситуационно обусловленный, преимущественно политико-идеологически мотивированный подход. Его основными составляющими были представления об СССР как о потенциальном союзнике; недопущение советско-германского сближения; устрашение руководства Германии созданием тройственного союза, позволяющее избежать войны; обеспечение материально-технической поддержки Польши со стороны СССР в случае германского нападения; ставка на ведение длительной войны с Германией и ее союзниками, которая на начальном этапе должна быть оборонительной.

²⁹ Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы: В 2 т. М., 1990. Т. 1. Док. 276. С. 386–387.

³⁰ Письмо полпреда СССР во Франции Я.З. Сурица Молотову, 6.05.1939 – АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 19. Д. 207. Л. 91.

водились такие факты, как третьестепенный состав западных военных миссий, отсутствие у них необходимых полномочий для заключения военной конвенции, заранее разработанных конкретных планов военного сотрудничества и т.д. Имевшиеся же у них инструкции, как выяснилось позднее, основной задачей ставили затягивание переговоров и получение более полной информации о боеспособности советских вооруженных сил. И это было правдой, но далеко не всей...

В 1992 г. стали известны секретные инструкции главе советской военной делегации маршалу К.Е. Ворошилову, написанные им под диктовку Сталина³¹. Все пункты этого документа были последовательно нацелены на то, как сорвать переговоры, возложив затем ответственность за неудачу на западные делегации и направившие их правительства. Что позволяет столь категорично это утверждать? Прежде всего, жесткая привязка вопроса о пропуске советских войск через территории Польши и Румынии с достижением какого-либо соглашения на англо-франко-советских военных переговорах. Поскольку ответ на этот вопрос в Кремле был известен давно, то есть серьезные основания полагать, что секретная инструкция главе советской военной делегации во многом проясняет, почему трехсторонние военные переговоры в Москве закончились неудачей. Жесткая позиция министра иностранных дел Ю. Бека по вопросу о проходе советских войск через польскую территорию, не без основания считавшего, что «маршал Ворошилов пытается сейчас добиться мирным путем того, что он хотел добиться силой оружия в 1920 г.»³², только облегчала замысел Сталина по торпедированию переговоров военных миссий, но не более. Перефразируя известное объяснение причин неудачи военных переговоров трех держав в Москве, в интервью Ворошилова корреспонденту «Известий»³³, можно с уверенностью утверждать: не потому СССР заключил пакт с Германией, что военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик, а наоборот, военные переговоры были заведены СССР в тупик, чтобы, взвалив вину за их провал на западные дер-

³¹ Инструкция народному комиссару обороны СССР К. Е. Ворошилову, главе советской делегации на переговорах с военными миссиями Великобритании и Франции от 7 августа 1939 г. // ДВП. Т. XXII, кн. 1. Док. 453. С. 584; см. также: С. 579. Примеч. 162; АВП РФ. Ф. 06. Оп. 16. П. 27. Д. 5. Л. 33–38.

³² Телеграмма посла Великобритании в Польше Г. Кеннарда в Форин оффис от 20.08. 1939 // Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1973. Т. VII. Док. 98. С. 165.

³³ Интервью главы советской военной миссии К.Е. Ворошилова о переговорах с военными миссиями Англии и Франции // Известия. 1939, 27. 08. С. 1.

жавы и Польшу, легче было мотивировать заключение пакта с Германией.

Многолетняя дискуссия в историографии о том, кто в процессе сближения между Германией и СССР в 1939 г. первый сказал «А» – Сталин или Гитлер, – по моему мнению, сегодня уже лишена смысла. Существующий уровень знаний о развитии отношений между обоими государствами после прихода Гитлера к власти и вплоть до подписания пакта о ненападении 23 августа 1939 г. дает на этот вопрос однозначный ответ. На протяжении 1933–1939 гг. заинтересованность в улучшении политических отношений между СССР и Германией постоянно исходила только от Сталина, видевшего в этом не только гарантии безопасности СССР, как он ее понимал, но и возможность наращивания военной мощи и влияния страны на международной арене, которая опиралась на военно-экономическую и политическую поддержку нацистской Германии. Однако все эти инициативы Москвы неизменно наталкивались на негативную реакцию Гитлера. И только однажды, когда фюреру понадобилось разъединить гипотетических союзников – западные державы и СССР, обеспечив тем самым решение извечной для Германии проблемы войны на два фронта в преддверии все четче вырисовывавшейся борьбы с Англией и Францией, он положительно отреагировал на очередные попытки Москвы улучшить отношения с Берлином³⁴. Так, 23 августа 1939 г. появился на свет советско-германский договор о ненападении, содержание и значение которого вот уже на протяжении почти семи десятилетий остаются объектом непрекращающейся полемики³⁵.

В связи с последней нельзя пройти мимо двух тезисов, цель которых – «очеловечивание» этого соглашения. Один (из числа особенно живучих) связан с созданием представления, что существовали как бы два документа – советско-германский договор о ненападении, который «ни в момент его подписания, ни сейчас не может вызывать сколько-нибудь серьезных правовых или политических нареканий»³⁶, так как «вполне отвечал нормам дипломатии, являя собой попытку урегулировать столь сложный воп-

³⁴ Подробнее см.: *Случ С.З.* Сталин и Гитлер, 1933–1941: расчеты и просчеты Кремля // *Отечественная история*. 2005. № 1. С. 98–119.

³⁵ См., например: *Lipinsky J.* Das Geheime Zusatzprotokoll zum deutsch-sowjetischen Nichtangriffspakt vom 23. August 1939 und seine Entstehungsgeschichte und Rezeptionsgeschichte von 1939 bis 1999. Frankfurt a. Main etc., 2004 и рец. на это фундаментальное исследование: *Отечественная история*. 2007. № 4. С. 186–189.

³⁶ *Фалин В.М.* Договор о ненападении 1939 г. и секретный протокол // 1939 год: Уроки истории / Отв. ред. О.А. Ржешевский. М., 1990. С. 345.

рос, как советско-германские отношения в до предела накалившейся в тот момент международной обстановке»³⁷, и совсем другое дело – Секретный протокол, санкционировав который «Сталин грубо нарушил ленинские принципы советской внешней политики и международно-правовые обязательства, взятые СССР перед третьими странами»³⁸. Оба вывода представляются мне неверными. Во-первых, с международно-правовой точки зрения открытая часть советско-германского договора о ненападении, оцениваемая в рамках конкретной военно-политической обстановки конца лета 1939 г. входила в явное противоречие со взятыми советским руководством ранее обязательствами в отношении Польши, будучи явно враждебным ей соглашением³⁹. Во-вторых, поскольку Секретный дополнительный протокол, по мнению руководства СССР, представлял собой «органическую часть пакта»⁴⁰, без которого Кремль не пошел бы на заключение соглашения с нацистским режимом, то какое-либо расчленение этого документа и противопоставление одной его части другой является юридически неправомерным, а фактически – фальсификацией.

Еще один тезис, относительно недавнего происхождения, нацелен на то, чтобы максимально исключить критические оценки советско-германского пакта о ненападении, представив его как «широко практикуемое явление в международных отношениях того времени»⁴¹. Его авторы пытаются поставить на одну доску

³⁷ *Куманев Г.А.* Проблемы военной истории Отечества (1938–1945 гг.). М., 2007. С. 37–38.

³⁸ *Фалин В.М.* Договор о ненападении 1939 г. и секретный протокол. С. 345; см. также: *Куманев Г.А.* Указ. соч. С. 38. Политическая конъюнктура меняется, а вместе с ней усиливается стремление некоторых историков взять «реванш» за временное отступление. Поэтому в начале XXI в. можно встретить уже другие оценки секретной части советско-германского пакта о ненападении: «В протоколе была определена сфера геополитических интересов СССР. (...) На практике это означало границу продвижения германских войск на восток в случае войны и невмешательство Германии в советские решения относительно указанных государств и территорий, которые ранее входили в состав России» (*Мировые войны XX века: В 4 кн. М., 2002. Кн. 3: Вторая мировая война: Исторический очерк / Отв. ред. Е.Н. Кульков. С. 61*).

³⁹ См.: *Случ С.З.* Советско-германские отношения в сентябре–декабре 1939 года и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну // *Отечественная история. 2000. № 6. С. 20–21.*

⁴⁰ См. памятную записку, врученную Молотовым Шуленбургу 17 августа 1939 г. // *ДВП. Т. XXII, кн. 1. Док. 470. Прил. С. 612.*

⁴¹ *Мягков М.Ю.* От Мюнхенского соглашения до подписания советско-германского договора от 23 августа 1939 г.: предыстория вопроса // *Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. Материалы международной конференции. Москва, 3–4 февраля 2005 г. М., 2006. С. 58.*

договор от 23 августа между СССР и Германией и соглашение о взаимопомощи между Великобританией и Польшей от 25 августа 1939 г., не брезгуя примитивной подтасовкой фактов. Они утверждают: «В протоколе (к англо-польскому соглашению. – С.С.) были определены государства (также без уведомления их правительств) и территории, которые входили в сферу интересов договаривающихся сторон: Вольный город Данциг, Бельгия, Голландия, Латвия, Эстония и Литва; упоминались также Румыния и Венгрия»⁴². При этом умышленно (в этом нет никаких сомнений!) искажается содержание англо-польского соглашения, в котором, в частности, речь шла о том, что

а) если Великобритания или Польша окажутся вовлечены в войну с Германией в результате действий последней, которые поставят под угрозу независимость или нейтралитет третьего европейского государства в такой степени, что это будет представлять угрозу безопасности Великобритании или Польши, то в силу вступят положения ст. 1 соглашения между ними о немедленном оказании помощи и поддержки, «не нанося, однако, ущерба правам другого европейского государства, которого это касается»⁴³;

б) в конфиденциальном протоколе были перечислены государства, реальная угроза которым могла привести в действие заключенное между Великобританией и Польшей соглашение.

Таким образом, очевидно, что англо-польское соглашение о взаимопомощи не имело ничего общего с советско-германским пактом о ненападении, который, в своей преданной гласности части, *de jure* являлся договором о неограниченном нейтралитете каждой из сторон касательно действий другой стороны, т.е. предоставлявшем друг другу полную свободу действий в отношении других стран. Англо-польское соглашение не было ни политическим, ни тем паче территориальным разделом Европы или ее части на какие-либо сферы интересов Лондона и Варшавы, и третьи государства упоминались в нем исключительно в связи с тем, что возникновение реальных угроз их безопасности было бы равнозначно применению договора о взаимопомощи. При всех серьезных издержках и немало числе ошибочных решений политика Великобритании, равно как политика Польши не представляли в 1939 г. угрозы для отдельных европейских государств, в отличие от политики стран-участников советско-германского пакта.

⁴² Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 61.

⁴³ Соглашение о взаимопомощи между Соединенным Королевством и Польшей, 25.08.1939 // Год кризиса, 1938–1939. Т. 2. Док. 606. С. 324.

Заклучив соглашение с нацистской Германией, Сталин наконец-то осуществил свой давний замысел. Более того, он достиг такой договоренности с Гитлером, о которой, по-видимому, ранее и не мечтал, а именно: разграничения сферы интересов в Европе, и чего в то время ни при каких обстоятельствах не смог бы добиться от западных держав.

Отныне и на протяжении почти двух лет не только отношения между Москвой и Берлином, но и вся внешняя политика СССР находилась под огромным влиянием заключенных 23 августа и 28 сентября 1939 г. советско-германских соглашений. Только опираясь на закрепленную в них договоренность о разделе Европы на сферы интересов, Кремль был в состоянии осуществить внешнеполитическую экспансию в отношении ряда пограничных с ним государств. Используя вовлеченность Англии и Франции во Вторую мировую войну, с одной стороны, и поддержку Германии – с другой, Сталин решил раздвинуть границы советской империи на западном, юго-западном и северо-западном направлениях и при этом остаться вне большой войны.

Советское руководство, заключившее договор о ненападении с Германией якобы исключительно ради того, чтобы «ограничить поле возможных военных столкновений в Европе»⁴⁴, санкционировало начавшееся 17 сентября нападение на Польшу, чтобы «молниеносным ударом разгромить противостоящие войска противника»⁴⁵. Тем самым руководство СССР де-факто поставило свою страну в число воюющих держав, подтвердив в официальном заявлении главы правительства имевшее место участие СССР в военном разгроме Польши⁴⁶. Совместно с Германией были осуществлены территориальный раздел, уничтожение государственности Польши и ее видных носителей, проводилась политика истребления части польского народа⁴⁷.

⁴⁴ Речь В.М. Молотова на IV сессии Верховного Совета СССР 31.08.1939 г. // Известия. 1939. 1.09. С. 1.

⁴⁵ Директива военному совету Белорусского особого военного округа № 16633 от 14 сентября 1939 г. // Катюнь. Пленники необъявленной войны: Документы и материалы / Отв. сост. Н.С. Лебедева и В. Матерский. М., 1997. Док. 3. С. 59–60. Аналогичная директива была направлена в тот же день военному совету Киевского особого военного округа (см. Там же. Док. 4. С. 61–63).

⁴⁶ См. доклад В.М. Молотова на V сессии Верховного совета СССР 31.10. 1939 г. // Известия. 1939. 1.11. С. 1.

⁴⁷ Gross J.T. Revolution from Abroad: The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia. Princeton (N.J.), 1988; Лебедева Н.С. Катюнь: Преступление против человечества. М., 1994; Она же. Агрессия и геноцид в сталинской внешней политике (1939–1941 гг.) // Политическая история на пороге XXI века: Традиции и новации / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 1995. С. 205–216.

Не менее трагическая судьба ожидала и Прибалтийские государства. Опираясь на секретные соглашения с Берлином, советское руководство принудило правительства этих стран к заключению договоров о взаимопомощи с СССР, ставших решающим этапом на пути ликвидации их независимости. В тех же случаях, когда угроза применения насилия или, изъясняясь на языке советской пропаганды, – «сталинская политика мира и дружбы народов»⁴⁸, давала сбой, применялось открытое насилие в крупных масштабах, как это произошло с не желавшей подчиниться диктату Финляндией. Эту политику Советского Союза на международной арене Сталин охарактеризовал так: «Мы расширяем фронт социалистического строительства...»⁴⁹

Несмотря на подобные социалистические «достижения», советскому руководству не удалось обеспечить себе значительной свободы политического маневра в Европе, на что оно явно рассчитывало, пойдя на соглашение с нацистским рейхом. В действительности эта свобода ограничивалась рамками подписанных 23 августа и 28 сентября 1939 г. договоров. Сталин, как, впрочем, и Гитлер, не был большим педантом по части их скрупулезного выполнения, руководствуясь исключительно прагматическими соображениями и реальными возможностями⁵⁰. Пожалуй, Гитлер проявил даже больше уступчивости в том, что касалось советских территориальных захватов, выходявших за рамки оговоренного в соглашениях (Северная Буковина, «кусочек» Литвы, несколько небольших островов в Килийском рукаве дельты Дуная). Однако Берлин не дал согласия ни на захват Южной Буковины, ни на создание военных баз в районе Босфора и Дарда-

⁴⁸ Комсомольская правда. 1939. 2.10. С. 1.

⁴⁹ Неправленая стенограмма выступления И.В. Сталина на совещании в ЦК ВКП(б) о кинофильме «Закон жизни» по сценарию А.О. Авдеенко, 9.09.1940 г. // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике, 1917–1953 / Сост. А. Артизов, О. Наумов; под ред. А.Н. Яковлева. М., 1999. С. 453–454.

⁵⁰ Например, Сталин так объяснял выбор момента для нападения на Финляндию: «Партия и правительство поступили совершенно правильно, не откладывая этого дела и, зная, что мы не вполне готовы к войне в финских условиях, начали военные действия именно в конце ноября, начале декабря. (...) Там, на западе, три самых больших державы вцепились друг другу в горло, когда же решать вопрос о Ленинграде, если не в таких условиях, когда руки заняты и нам представляется благоприятная обстановка для того, чтобы их (финнов. – С.С.) в этот момент ударить» (Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б) начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии 14–17 апреля 1940 г. // Зимняя война 1939–1940. М., 1998. Кн. 2: И.В. Сталин и финская кампания. С. 272).

нелл, ни на «добитие» Финляндии в ходе еще одной военной кампании. Если до визита Молотова в Берлин в Кремле еще могла сохраняться известная иллюзия относительно возможности достичь новых договоренностей с Гитлером, расширяющих сферу интересов СССР на международной арене, то после фактически запрограммированного фиаско берлинских «переговоров»⁵¹ паралич несанкционированной Гитлером советской внешней политики стал уже очевидным фактом. И это наглядно продемонстрировали события на Балканах весной 1941 г., в ходе которых попытка Москвы повести свою «игру» в этом регионе потерпела фиаско.

Пойдя на соглашение с Гитлером в 1939 г., Сталин сделал ставку на длительное противоборство и взаимное истощение Германии и западных держав в ходе мировой войны. Однако созданный во многом Сталиным тоталитарный режим с его вертикалью власти, замыкавшей по существу все решения в государстве на верхушку ее пирамиды, все меньше и меньше был способен адекватно реагировать на нараставшие проблемы, особенно во внешней политике, где в условиях усугублявшейся изоляции СССР на международной арене мало что зависело от Кремля. Система полностью исключала обсуждение готовившихся внешнеполитических решений на экспертном уровне, да и высшее руководство (члены Политбюро) допускалось к участию в этом далеко не всегда, что в совокупности резко сужало возможности реалистичной оценки постоянно менявшейся картины мира (не только через призму сложившихся у Сталина стереотипов) и взвешенной реакции на нее. Все это привело к тому, что, поставив во главу угла, особенно после 23 августа 1939 г., отношения с нацистской Германией, Сталин хотел заставить капиталистический мир «немного потесниться и отступить»⁵², загнав тем самым страну в им же созданный тупик. Тщетные поиски выхода из него, приобретшие формы своего рода маниакального стремления любыми способами оттянуть войну с Германией, свидетельствовали о том, что Сталин не понимал главного в Гитлере-политике, который признавал только один аргумент – силу. И метания Кремля на международной арене в конце 1940 г. – первой половине

⁵¹ Гитлер, собственно, и не собирался вести переговоры, заявив уже в ходе первой встречи с Молотовым, что «проблемы, которые стоят перед Россией, это Балканы и Черное море (...) должны стать темой для переговоров Риббентропа в Москве и других дипломатических переговоров» (Беседа Молотова с Гитлером, 12.11.1940 // ДВП. Т. XXIII, кн. 2. Док. 498. С. 45).

⁵² Доклад В.М. Молотова на торжественном заседании, посвященном 22-й годовщине Октябрьской революции, 6.11.1939 г. // Правда. 1939. 7.11. С. 1.

1941 г. в полной мере отражали эту неадекватную оценку событий: попытки втянуть Берлин в диалог по вопросу условий присоединения СССР к Тройственному пакту; интенсификация политики умиротворения Германии⁵³, наиболее полно проявившаяся в увеличении объема продовольственных и сырьевых поставок, которые осуществлялись вплоть до 22 июня 1941 г., внося серьезную лепту в усиление военно-экономического потенциала реального врага; одновременно неудачные попытки противодействовать расширению влияния третьего рейха на Балканах, на болгарском и югославском направлениях.

Вопрос о реальной боеспособности советских вооруженных сил – важнейшего инструмента внешней политики – накануне нападения Германии остается пока открытым. Как полагает М.И. Мельтюхов, они к лету 1941 г. представляли «гигантский военный инструмент» и «превосходили армию любой другой страны по количеству боевой техники»⁵⁴. Однако здесь возникают, как минимум, три вопроса, непосредственно связанных с эффективностью советской внешней политики. Почему столь весомый внешнеполитический аргумент (если он таковым в действительности являлся?) никак не был использован в сложной политико-дипломатической дуэли Москвы и Берлина начиная с осени 1940 г.? Или в Кремле и Генштабе придерживались в оценке мощи РККА иного мнения исходя не только из количественных показателей? Если последнее предположение не лишено оснований⁵⁵, то не являлось ли производство (во все возрастающих масштабах) сплошь и рядом морально и физически устаревшей военной техники и вооружения, приводившее к значительному омертвлению и нерациональному использованию громадных ресурсов, отвлечению огромных средств от создания, обучения и подготовки современной мобильной армии к грядущей войне, не говоря уже об инфраструктуре будущего ТВД, лишь повторением на новом историческом витке прежних ошибок первой половины 30-х годов?⁵⁶ Не имея пока обоснованных ответов на эти и мно-

⁵³ Утверждение, что «известные на сегодняшний день материалы не подтверждают ... версию» о политике «умиротворения» Германии в конце 1940 – первой половине 1941 г. (*Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. С. 362*) свидетельствует скорее о том, что не все известные историкам материалы принимаются во внимание при оценке политики СССР (см.: *Случ С.З. Сталин и Гитлер. С. 112*).

⁵⁴ *Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. С. 359, 360.*

⁵⁵ См.: Акт о приеме наркомата обороны Союза ССР тов. Тимошенко С.К. от тов. Ворошилова К.Е., 7.12.1940 г. // *Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 193–208.*

⁵⁶ Подробнее см.: *Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920 – середина 1930-х годов). СПб., 2002. С. 334–337.*

гие другие вопросы, связанные с состоянием Красной Армии и ВПК накануне Великой отечественной войны и изменением их качественных характеристик с начала Второй мировой войны, а также сопоставления количественных и качественных показателей с соответствующими данными по Германии, представляется некорректным делать категоричные выводы о якобы имевшем место выигрыше времени для подготовки к войне при заключении советско-германского пакта о ненападении.

На протяжении 22 месяцев после заключения советско-германского пакта Сталин пошел навстречу Гитлеру значительно дальше, чем предусматривалось всеми соглашениями между двумя государствами, и это позволило руководству рейха в этот период извлечь почти на всех направлениях стратегически важные выгоды. Фюрер так оценил достижение договоренности с Москвой, выступая перед руководством вермахта 23 ноября 1939 г.: «Произошло то, о чем мечтали начиная с 1870 г., и что фактически считалось невозможным. Впервые в истории нам придется вести борьбу только на одном фронте, другой – в настоящее время не задействован» и «страхуетя немногими дивизиями»⁵⁷. В итоге ни один из союзников третьего рейха на протяжении Второй мировой войны не создавал для него таких возможностей по маневрированию вооруженными силами, как в 1939–1940 гг. Советский Союз, снявший с повестки дня даже гипотетическую угрозу ведения войны на два фронта или, по дипломатичному выражению Молотова, обеспечил «Германии спокойную уверенность на Востоке»⁵⁸. Поскольку главная цель внешнеполитической программы Гитлера – разгром и завоевание Советского Союза – оставалась неизменной на протяжении всего периода действия пакта о ненападении, то и сроки начала ее осуществления, не говоря уже о других благоприятствовавших этому обстоятельствах, были значительно приближены. Таковы были важнейшие последствия сговора советского и нацистского вождей, проложившего кратчайший путь к нападению нацистской Германии на Советский Союз, таковы более чем неутешительные итоги внешней политики СССР в 1939–1941 гг., единолично определявшейся Сталиным.

Вопрос о возможности руководства Советского Союза осуществлять иную внешнюю политику в 1939–1941 гг., опираясь на ее внутренние детерминанты (политический режим, геополитический, экономический, военно-экономический, внешнеэконо-

⁵⁷ ADAP. Ser. D: 1937–1941. Baden-Baden; Göttingen, 1950–1970. Bd. VIII. Dok. 384. S. 347.

⁵⁸ Доклад В.М. Молотова на седьмой сессии Верховного Совета СССР, 1–7 августа 1940 г. М., 1940. С. 24.

мический факторы и состояние вооруженных сил) в сочетании со степенью свободы маневра на международной арене, в немалой степени зависящей от взаимоотношений с внешним миром, еще требует комплексного изучения, позволяя сегодня ограничиваться лишь предположениями на этот счет.

* * *

Без малого семь десятилетий, прошедшие с начала Второй мировой войны, не ослабили интереса отечественной историографии к ее предыстории и начальной стадии, предшествовавшей нападению нацистской Германии на Советский Союз. Скорее – наоборот. Это обусловлено в первую очередь кардинальными общественно-политическими изменениями в СССР в конце 80-х – начале 90-х годов, а после его распада – в России. Одна из составляющих демократизации общественной жизни в стране – создание предпосылок для изучения отечественной истории, которое основывается не на решениях съездов КПСС и указаниях партийных чиновников, а на документах. Приоткрывшиеся архивы, многочисленные публикации документов и, конечно, отсутствие политической цензуры предоставили историкам большие возможности для научного исследования и осмысления прошлого нашей страны, но особенно тех его периодов, которые в условиях тоталитарного режима подверглись максимальным искажениям или замалчиванию.

Процесс исследования – прежде всего того, что касается внешней политики СССР во второй половине 30-х – начале 40-х годов, – идет трудно и противоречиво. Это объясняется и все еще недоступностью многих документов, затрагивающих процедуру выработки, принятия и реализации важнейших внешнеполитических решений руководством Советского Союза, и зигзагообразным внутренним развитием самой историографии, еще не в полной мере преодолевшей груз «марксистских» стереотипов и по-прежнему испытывающей на себе влияние политической конъюнктуры, замешанной на квазипатриотических настроениях.

Несмотря на несомненные позитивные сдвиги за последние 15 лет в изучении советской внешней политики накануне и в начале Второй мировой войны, они не дают основания для сколько-нибудь благостных оценок их плодов. И дело здесь даже не в самих результатах, которые могли быть большими, а в том состоянии, в котором пребывает немногочисленная часть исторического цеха, занимающаяся историей внешней политики СССР. В трудах этих историков прослеживаются следующие черты: отсутствие четкого представления о составляющих внешней политики государства, чреватое, как правило, подменой ком-

плексного исследования внешней политики изучением лишь одного из ее компонентов – дипломатии; неведение или того хуже игнорирование современного состояния российской, не говоря уже о зарубежной историографии; нежелание признавать наличие результатов, если они не исходят от «единоверцев»; превращение работы в архивах не для повышения уже существующего уровня знаний, а преимущественно для селективного отбора документов, призванных подтвердить запрограммированный вывод; и, наконец, разобщенность усилий и непонимание важности их объединения для решения действительно непростых и трудоемких задач, стоящих перед российской историографией.

Стремление способствовать развитию тех ее положительных тенденций, которые заявили о себе начиная с 90-х годов, определили замысел настоящего сборника, его содержание и структуру. В предисловии представлена авторская позиция по некоторым узловым вопросам внешней политики СССР в 1939–1941 гг., важнейшим направлением которой были советско-германские отношения.

Обзорная статья посвящена основным процессам, характерным для советской историографии 1985–1991 гг. Многообразие представленных точек зрения и оценок освещается не с позиций сегодняшнего знания предмета, а в динамике или статике на момент появления той или иной публикации. Не полемизируя с их сторонниками, я оставил за собой право на комментарий. Положительные сдвиги в интерпретации советской внешней политики еще на «донаучном» (не основанном на документах) этапе развития историографии показаны в постоянном противоборстве с усилиями любой ценой (не останавливаясь перед откровенными фальсификациями!) оправдать действия советского руководства на международной арене. Этот процесс, отображенный в хронологической последовательности, позволяет проследить динамику противоречивых явлений в историографии советской внешней политики.

Первая и вторая части сборника содержат материалы «круглых столов», проходивших в Институте славяноведения РАН в 1989–1990 гг. и 2000–2002 гг. Десятилетний период, отделяющий один их цикл от другого, дает возможность сопоставить эволюцию исторической науки в эти годы, лучше уяснить произошедшие сдвиги и немалый шлейф все еще сохраняющихся проблем. Эти материалы представлены без каких-либо изменений и редакционной правки (за исключением форматирования и исправления опечаток) по их журнальной публикации. Завершает сборник библиография работ по вопросам внешней политики СССР в 1939–1941 гг., опубликованных в России в 1992–2006 гг.

С.З. Случ

С.З. Случ

Внешняя политика СССР накануне и в начале Второй мировой войны

Обзор советской историографии (1985–1991)

Внешняя политика, будучи одной из важнейших функций тоталитарного режима в СССР, обеспечивала условия его существования и расширение сферы господства. При этом цели и методы реализации этой политики были далеки от публично декларируемых лозунгов «борьбы за мир», «мирного сосуществования», «коллективной безопасности» и «уважения суверенитета других государств». Памятуя об установках В.И. Ленина, что необходимо проводить такую внешнюю политику, которая вынудит «империалистических хищников» постоянно сталкиваться друг с другом, советское руководство на протяжении многих десятилетий, прямо или косвенно, содействовало обострению международной обстановки, возникновению тех или иных, в том числе крупных, конфликтов. Однако таким путем оно не смогло обеспечить безопасность страны, к тому же деструктивная внутренняя политика никак не способствовала обеспечению национальных интересов Советского Союза, что наглядно продемонстрировали события 1941 г.

Более 70 лет советская политическая система тормозила развитие исторической науки, поставив особенно исследователей отечественной истории в крайне трудные условия; в результате она в значительной мере утратила свою основную функцию – получение новых знаний. Историческая наука была низведена до уровня obsługi господствующей коммунистической идеологии и правящего режима. Итог плачевен: предвзятое, а зачастую фальсифицированное освещение самых разных событий и целых исторических периодов, прежде всего после 1917 г., деформировало сознание нескольких поколений граждан СССР.

Основные, директивные постулаты по изучению прошлого Сталин сформулировал еще в 1931 г. Они сводились к следующему: во-первых, никаких дискуссий «по вопросам, являющимся аксиомами большевизма», не превращая аксиому «в проблему, подлежащую “дальнейшей разработке”»; во-вторых, никакой полемики с фальсификаторами истории, дабы не предоставлять им «дискуссионной трибуны»; в-третьих, недостаточно «наличия... лишь бумажных документов», чтобы «демонстрировать действительную революционность», для научного анализа исторических событий, поставленного на «большевистские рельсы», необходимо пользоваться более надежными методами – проверять дела, а не копанием «в случайно подобранных бумагах»¹.

Это выступление Сталина имело поистине катастрофические последствия для нескольких поколений советских историков, в директивном порядке лишенных возможности как вести дискуссии, так и работать в архивах, доступ в которые, особенно для специалистов по истории XX в., был максимально затруднен вплоть до конца 80-х годов. Высшие партийные инстанции, наряду с госбезопасностью и цензурой, поставили работу историков под свой жесткий контроль. Среди первоочередных задач Главного управления по делам цензуры при Совнаркомом СССР, значились следующие: «воспреещение опубликования и распространения изданий, заключающих в себе... материалы, искажающие политическую линию партии и советского правительства»². Но этим дело не ограничилось. Как известно, Сталин и лица из его ближайшего окружения начали давать указания историкам, «что» и «как» писать. Разумеется, в условиях, когда идеологические и политические установки произвольно определяли характер событий, не могло быть и речи об исторической науке как науке.

Если отдельные аспекты внутренней политики после 1917 г. еще позволялось описывать (подчеркиваю – *описывать*, а не исследовать) с элементами критики (особенно при наличии столь огромного числа «врагов народа», на которых можно было свалить ответственность за те или иные просчеты и недостатки), то в том, что касалось внешней политики СССР, это полностью ис-

¹ Сталин И.В. О некоторых вопросах истории большевизма: Письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция» // Соч. М., 1951. Т. 13. С. 85, 96, 97, 101.

² Проект постановления ЦК ВКП(б) о работе Главлита от 3 марта 1936 г. // История советской политической цензуры: Документы и комментарии / Сост. Т.М. Горяева и др. М., 1997. С. 65.

ключалось. До конца 80-х годов внешняя политика оставалась своего рода «священной коровой» советской историографии. Ее представляли как совершенно безупречную, ведь «творилась» она не отдельными лицами, которые, по крайней мере теоретически, могли в чем-то ошибаться, а коллективным разумом ЦК – «самой прогрессивной и испытанной политической партии»... Таким образом, ошибки априори исключались, как, впрочем, и дискуссии о внешнеполитическом курсе СССР.

Наиболее нещадно фальсифицировалась история советской внешней политики конца 30-х – начала 40-х годов, которая в те годы явно не соответствовала созданному официальной пропагандой (и не одним поколением историков) образу СССР как последовательного борца за мир и укрепление безопасности на Европейском континенте, строго придерживавшегося принципов уважения территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела других государств. И хотя на протяжении полувека данный круг проблем был полностью закрыт для исследования в Советском Союзе, это не мешало некоторым историкам публиковать монографии и статьи, посвященные внешней политике СССР, международным отношениям в 30-е годы и даже советско-германским отношениям. Правда, написание этих трудов требовало от их авторов незаурядного мастерства по части фальсификации истории.

Официальные оценки событий 1939 г., приведших ко Второй мировой войне, содержались в брошюре «Фальсификаторы истории»³, подготовленной начальником Историко-дипломатического управления МИД профессором В.М. Хвостовым и профессором Б.Е. Штейном в 1948 г. по личному указанию Сталина и впоследствии им отредактированной⁴. Это был «наш» ответ на издание бывшими союзниками СССР по антигитлеровской коалиции немецких дипломатических документов «Нацистско-советские отношения 1939–1941 гг.»⁵ Основное содержание ответа сводилось к следующим не подлежащим обсуждению «аксиомам большевизма»: 1) в 1939 г. советское правительство «не желало упустить ни единой возможности для того, чтобы добиться соглаше-

³ Фальсификаторы истории: Историческая справка. М., 1948.

⁴ См.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 243. Л. 1–116; см. также: *Печатнов О.В.* «Стрельба холостыми»: советская пропаганда на Запад в начале холодной войны, 1945–1947 // *Сталин и холодная война* / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 1998. С. 198.

⁵ *Nazi-Soviet Relations, 1939–1941: Documents from the Archives of the German Foreign Office* / Ed. by R.J. Sontag, J.S. Beddie. Wash., 1948.

ния с другими державами о совместной борьбе против гитлеровской агрессии»⁶; 2) Англия и Франция, проводившие политику умиротворения агрессора, стремились не к соглашению с Советским Союзом, а, напротив, делали все возможное, дабы подтолкнуть нацистскую агрессию на Восток, переговоры же с СССР начали исключительно для успокоения общественного мнения своих стран; 3) «наряду с открытыми переговорами с Советским Союзом англичане вели закулисные переговоры с Германией», которым «придавали несравненно большее значение»⁷; 4) «поведение Англии и Франции в ходе переговоров с Советским Союзом полностью подтвердило, что ни о каком серьезном соглашении с СССР они и не помышляют»⁸; 5) польское правительство при поддержке западных держав заявило, что «не примет военной помощи со стороны Советского Союза»⁹ и ни под каким видом не пропустит советские войска через свою территорию; 6) «в этих условиях выбор, стоявший перед Советским Союзом, был таков: **либо** принять в целях самообороны сделанное Германией предложение о заключении договора о ненападении и тем самым обеспечить Советскому Союзу продление мира на известный срок... **либо** отклонить предложение Германии насчет пакта о ненападении и тем самым позволить провокаторам войны из лагеря западных держав немедленно втравить Советский Союз в вооруженный конфликт с Германией в совершенно невыгодной для Советского Союза обстановке, при условии полной его изоляции. В этой обстановке Советское правительство оказалось вынужденным... заключить с Германией пакт о ненападении. Этот выбор явился дальновидным и мудрым шагом советской внешней политики», предопределившим «благоприятный для Советского Союза и для всех свободолюбивых народов исход второй мировой войны»¹⁰. Западные державы и Польша, согласно «Исторической справке», были виноваты в том, что англо-франко-советские переговоры закончились ничем. Кроме того, в этом директивном документе содержалось предупреждение о несостоятельности любых попыток с чьей-либо стороны дать иную интерпретацию советско-германскому пакту от 23 августа 1939 г. «Правильно осветить действительный ход подготовки и развития гитлеровской агрессии и второй мировой войны», подчеркивалось

⁶ Фальсификаторы истории. С. 43.

⁷ Там же. С. 49.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 48.

¹⁰ Там же. С. 53.

далее в справке, могут только документы, которыми располагает советское правительство¹¹. Так, на нескольких десятках страниц были сформулированы оценки, определившие дальнейшее развитие советской и в какой-то степени даже постсоветской историографии внешней политики накануне и в начальный период Второй мировой войны.

Смерть Сталина почти ничего не изменила в этих директивных оценках. В период весьма непродолжительной хрущевской оттепели некоторые историки попытались хотя бы несколько приблизить свой труд к научному творчеству. Однако разгром редколлегии журнала «Вопросы истории»¹², которая после XX съезда КПСС заняла явно непозволительную для того времени позицию, опубликовав ряд материалов, по-новому (с привлечением архивных документов), трактовавших отдельные эпизоды истории большевистской партии, давно уже ставшие каноническими. В специальном решении ЦК редколлегию обвинили в отходе «от ленинских принципов партийности в науке» и в ориентации «советских историков на ослабление борьбы с буржуазной идеологией в историографии»¹³. Это решение определило пределы творчества и для всех других изданий по общественным наукам. Их могли устанавливать только высшие партийные инстанции – процессу десталинизации, важнейшему этапу в преодолении тоталитарного прошлого, был нанесен очень серьезный удар. Поэтому неудивительно, что в условиях некоего нового феномена в жизни советского общества – «санкционированной свободы», когда «монополия на истину по-прежнему оставалась в руках партийно-государственного руководства»¹⁴, – возможности для научного исследования внешней политики советского государства были практически ничтожны.

Показательна в связи с этим уникальная в своем роде попытка бывшего посла СССР в Великобритании академика И.М. Майского, принимавшего активное участие в переговорах СССР, Англии и Франции в 1939 г. по выработке политического соглашения по противодействию нацистской агрессии, внести вклад в разоблачение распространенной на Западе легенды о

¹¹ Там же. С. 7.

¹² См.: *Сидорова Л.А.* Оттепель в исторической науке: Середина 50 – середина 60-х гг. // *Историческая наука России в XX веке / Отв. ред. Г.Д. Алексеева.* М., 1997. С. 254–261.

¹³ Цит. по: *Справочник партийного работника.* М., 1957. С. 381.

¹⁴ См.: *Сидорова Л.А.* «Санкционированная свобода» исторической науки: опыт середины 50–60-х годов // *Россия в XX веке: Судьбы исторической науки / Под ред. А.Н. Сахарова.* М., 1996. С. 706.

двойной игре советского руководства, которое «будто бы в решающий момент (...) предпочло заключить соглашение с Германией о “разделе Польши” и чуть ли не о союзе с ней против “западных демократий”». Известный дипломат писал Н.С. Хрущеву, что в воспоминаниях он касался также темы, которая «до сих пор не затрагивалась в советской печати», – Секретного протокола о разграничении сфер влияния между СССР и Германией в Восточной Европе. Аргументируя эту позицию, И.М. Майский подчеркивал, что, «если мы хотим вести настоящую контрпропаганду против Запада (...) надо не замалчивать данный протокол, а объяснить, почему мы на него пошли, и это можно сделать понятно и убедительно»¹⁵. В июне 1961 г. он направил рукопись мемуаров Н.С. Хрущеву и М.А. Сулову с просьбой содействовать их публикации. Отдел печати МИД, куда из ЦК была направлена рукопись И.М. Майского на рецензирование, обратил внимание как на ее положительные стороны, так и на существенные недостатки, в частности на совершенно неприемлемые рассуждения относительно конъюнктурности внешней политики СССР, но особенно на вопросы, связанные с переделом сфер влияния между Советским Союзом и Германией. В итоге Отдел пропаганды ЦК КПСС счел возможным опубликовать воспоминания И.М. Майского, предложив ему доработать рукопись с учетом высказанных замечаний и «использовать наиболее важные оценочные формулировки из книг «История КПСС», «История Великой Отечественной войны», шире цитировать иностранные источники, приводя выгодные для нас высказывания»¹⁶. Спустя год книга И.М. Майского увидела свет¹⁷, и хотя от ее первоначального варианта, особенно в том, что касалось рассуждений о конъюнктурном характере советской внешней политики и необходимости заключения Секретного протокола к советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 г., ничего не осталось, тем не менее содержащаяся в ней информация предоставила советским историкам некоторые дополнительные возможности для интерпретации событий 1939 г. Другой вопрос, насколько эти возмож-

¹⁵ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами: В 2 кн. / Сост. Н.В. Бойко и др.; отв. ред. В.С. Мясников. М., 2005. Кн. 2. Док. 774. С. 338–339.

¹⁶ Там же. С. 566.

¹⁷ *Майский И.М.* Кто помогал Гитлеру: (Из воспоминаний советского посла). М., 1962. Первоначально книга называлась «СССР был прав!», но, по всей видимости, даже в подобной, безоговорочно утвердительной, форме такое название было сочтено неподходящим, ибо могло навести на размышления о причинах, которые побуждают это доказывать...

ности могли быть реализованы, особенно с завершением хрущевской оттепели и ужесточением идеологического пресса.

Отныне любая работа, затрагивавшая эти проблемы, попадая в издательство, тут же сверялась с официальными изданиями типа неоднократно переиздававшейся в 60–80-х годах «Истории внешней политики СССР» под ред. А.А. Громыко и Б.Н. Пономарева или «Истории второй мировой войны»¹⁸ – подготовленного под руководством Министерства обороны и Главного политического управления советской армии. За малейшие отклонения от официальной трактовки редакторы издательств, журналов, а также специально назначаемые ответственные редакторы индивидуальных и коллективных трудов несли персональную ответственность. И это был лишь первый цензурный рубеж, преодоление которого вовсе не означало «зеленого света» на издание той или иной работы. Об этом свидетельствует, в частности, весьма характерный эпизод с таким известным и полностью встроенным в систему литератором, как К.М. Симонов. Осенью 1966 г. журнал «Новый мир» планировал опубликовать его записки «Сто суток войны», в которых, как отметили цензоры, «автор пересматривает значение и истинный характер советско-германского пакта о ненападении 1939 г., считая, что заключение этого договора якобы заставило отказаться от социалистических принципов нашей внешней политики»¹⁹. Естественно, что за тем последовал запрет на публикацию.

За историками же присматривали с возрастающим вниманием, особенно после так называемого дела А.М. Некрича, исключенного из КПСС с формулировкой «за преднамеренное извращение в книге “1941, 22 июня” политики Коммунистической партии и Советского правительства накануне и в начальный период Великой Отечественной войны, что было использовано зарубежной реакционной пропагандой в антисоветских целях»²⁰. В трактовке советско-германского пакта А.М. Некрич не вышел и не мог выйти за рамки официальной интерпретации, иначе книга

¹⁸ История второй мировой войны: В 12 т. М., 1973–1982. Небезыңтересные зарисовки того, как создавался этот «научный» труд см.: *Сувениров О.Ф.* К юбилею – не совсем юбилейное (субъективные заметки) // Военно-исторический журнал. 1991. № 11. С. 87–90.

¹⁹ Цит. по: Исключить всякие упоминания... Очерки истории советской цензуры / Сост. Т.М. Горяева. М., 1995. С. 49; см. также: Записка Главлита в ЦК КПСС о зарубежных выступлениях К.М. Симонова против советской цензуры, 29 апреля 1971 г. // История советской политической цензуры. С. 197.

²⁰ *Некрич А.М.* 1941, 22 июня. М., 1965; цит. по: 2-е изд., доп. и перераб. М., 1995. С. 278.

вообще не увидела бы свет. Но характерно, что при ее обсуждении в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС 16 февраля 1966 г. вопрос целесообразности заключения пакта все-таки был поставлен, что вызвало крайне негативную реакцию председательствующего, заведующего Отделом истории Великой Отечественной войны ИМЛ Е.А. Болтина. Он в очередной раз напомнил о тех рамках, в которых обязан работать советский историк: «Мы все это можем обсуждать. XX съезд партии создал такую атмосферу, что мы можем говорить свободно. Но в наших исследовательских разработках, в том, что мы пишем, мы будем придерживаться партийных решений»²¹. Замечу, что, хотя эти слова принадлежали официальному историку, они еще отражали инерцию первых лет послехрущевской эпохи. Спустя два года в атмосфере полицейско-идеологического пресса, обусловленного борьбой с идеями и настроениями, порожденными «Пражской весной», подобное высказывание официального лица в Советском Союзе было уже невозможно.

При освещении предыстории Второй мировой и Великой Отечественной войн на передний план все больше выдвигались авторы работ, посвященных борьбе с «буржуазными фальсификаторами»²². Их обвинения в адрес западных историков, их аргументы, призванные оправдать якобы безупречную позицию Советского Союза на международной арене в 1938–1941 гг., практически оставались неизменными на протяжении многих десятилетий и основывались на тезисах Исторической справки «Фальсификаторы истории», хотя напрямую на нее ссылались все реже.

В числе «новаций» этого времени – расширение набора избирательно цитируемой зарубежной литературы и привлечение до-

²¹ Обсуждение книги А.М. Некрича «1941, 22 июня» в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС 16.02.1966 (Стенограмма) // Там же. С. 331.

²² Против фальсификаторов истории второй мировой войны. Сб. статей / Сост. П.М. Деревянко, А.А. Гуров. М., 1959; Против буржуазных фальсификаторов истории второй мировой войны / Под общ. ред. А.А. Строкова. М., 1962; Против фальсификации истории второй мировой войны: Сб. статей / Отв. ред. А.М. Некрич. М., 1964; *Рейтов Г.Н.* Правда и вымысел о второй мировой войне. 2-е изд. М., 1970; Большая ложь о войне: Критика новейшей буржуазной историографии второй мировой войны / Под ред. В.А. Секистова. М., 1971; Война, история, идеология: Буржуазная военная история на службе милитаризма / Под ред. В.С. Махалова, А.В. Бешенцева. М., 1974; *Мерцалов А.Н.* Западногерманская буржуазная историография второй мировой войны. М., 1978; *Кульков Е.Н., Ржевский О.Н., Чельшев И.А.* Правда и ложь о второй мировой войне. М., 1983; *Ржевский О.А.* Война и история: Буржуазная историография США о второй мировой войне. Изд. 2-е доп. и перераб. М., 1984.

кументов из зарубежных архивов, но подобранных таким образом, чтобы представить политику западных держав (несомненно, заслуживающую критики) в максимально непривлекательном виде. «Все эти работы, посвященные “борьбе с буржуазной историографией”, – отмечает Г.Д. Алексеева, – были лишены всякой научности и объективности»²³.

Это генеральное направление в исторической науке развивалось в русле установок, призванных покончить с десталинизацией, которая, даже непоследовательно продолжаясь, рано или поздно неизбежно привела бы к критике советской внешней политики предвоенного периода. Поэтому попытки в ряде трудов «пересмотреть и искусственно заострить проблемы, давно решенные партией, получившие исчерпывающее освещение в официальных документах», квалифицировались как недопустимые²⁴.

Чтобы «отдельные историки вместо объективного, подлинно научного анализа событий» не занимались «поисками всевозможных, чаще всего сомнительных, фактов об ошибках и недостатках» советского руководства²⁵, их доступ в соответствующие архивы был практически закрыт; даже для доказавших лояльность режиму существовали серьезные ограничения. Это, конечно, не касалось нескольких «придворных» историков, которые не только освещали советскую внешнюю политику, как надо, но и служили своего рода идеологическими «маяками» для всех остальных. Им был предоставлен карт-бланш, их книги переводились на иностранные языки и публиковались (разумеется, на деньги Москвы) левыми зарубежными издательствами, типа западногерманского «Pahl-Rugenstein» в Кёльне.

Среди тех немногих работ советских авторов, в которых рассматривались советско-германские отношения накануне Второй мировой войны, монография И.Ф. Максимычева «Дипломатия мира против дипломатии войны»²⁶. В ней отрицалось или замалчивалось абсолютно все, что составляло собственно ткань отношений Москвы и Берлина в предвоенные годы и, прежде всего, постоянное стремление советского руководства к достижению

²³ Алексеева Г.Д. Некоторые вопросы развития исторической науки в 60–80-е гг. // Историческая наука России в XX веке. М., 1997. С. 286.

²⁴ Голиков В. и др. За ленинскую партийность в освещении истории КПСС // Коммунист. 1969. № 3. С. 73.

²⁵ Там же. С. 72.

²⁶ Максимычев И.Ф. Дипломатия мира против дипломатии войны: Очерки советско-германских дипломатических отношений в 1933–1939 гг. М., 1981; *Maximyschew I. Der Anfang vom Ende. Deutsch-sowjetische Beziehungen 1933–1939.* Köln, 1985.

соглашения с нацистской Германией. Например, их постоянные контакты весной–летом 1939 г. И.Ф. Максимычев назвал выдумкой западных специалистов по ведению психологической войны против социализма; увольнение наркома иностранных дел М.М. Литвинова не сигналом для Берлина, призванным продемонстрировать очередную готовность Кремля к переговорам на высоком уровне, а вымыслом геббельсовской пропаганды, которой нужно было как-то объяснить немецкому народу свой отход от оголтелого антисоветизма; никаких решений о соглашении с Германией советское руководство якобы не принимало вплоть до 23 августа и т.д.²⁷

В том же духе выдержана и единственная в советской историографии монография о внешней политике СССР в 1939–1941 гг. П.П. Севостьянова²⁸, в то время (1981) начальника Историко-дипломатического управления МИД, который пытался убедить читателей, что с первого дня Второй мировой войны советское руководство стремилось исключительно к противодействию германской агрессии и тем самым укреплению обороноспособности страны.

Наиболее известным специалистом по истории внешней политики СССР и международных отношений в 30-е годы был В.Я. Сиполс. Казалось бы, кому, как не ему, на протяжении многих лет сотруднику Историко-дипломатического управления МИД, имевшему доступ к архивным документам, знать о том, как в действительности происходила выработка и реализация советской внешней политики. Но именно его книги представляли в наиболее фальсифицированном варианте роль СССР в развитии международного кризиса накануне Второй мировой войны. Однако даже такому гроссмейстеру фальсификации, как он, не всегда удавалось избежать противоречий в квазинаучных построениях. Например, утверждая, что в 1939 г. Советский Союз находился «перед серьезной опасностью войны одновременно на своих западных и восточных рубежах», В.Я. Сиполс затем пришел к выводу, что «в то время у Германии [не было] намерения начинать войну с СССР»²⁹. А это (правда, чисто гипотетически) уже могло поставить под сомнение центральный тезис Исторической справки «Фальсификаторы истории» об угрозе для СССР войны

²⁷ См.: Максимычев И.Ф. Указ. соч. С. 238, 241, 245.

²⁸ Севостьянов П.П. Перед великим испытанием: Внешняя политика СССР накануне Великой Отечественной войны. М., 1981.

²⁹ Сиполс В.Я. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность 1933–1939. М., 1974. С. 390, 400.

на два фронта в 1939 г., призванный обосновать «дальновидность и мудрость» советского руководства, заключившего пакт о ненападении с Германией.

Очевидно, что все подобного рода «нестыковки» и противоречия между реальной историей и ее интерпретациями не могли стать предметом открытой дискуссии. За активными фальсификаторами истории оставалось не только последнее слово... Даже официальное издание «Документы внешней политики СССР» было приостановлено в 1977 г. на XXI томе по решению высшего руководства СССР³⁰, именно из-за многочисленных, идеологически «неудобных» документов 1939 г. В первую очередь это, разумеется, касалось публикации Секретного протокола к советско-германскому пакту от 23 августа 1939 г., существование которого на протяжении десятилетий начиная с Нюрнбергского процесса категорически отрицалось официальными советскими представителями и соответственно полностью замалчивалось советскими историками³¹, которым не позволялось даже «глухо» ссылаться на этот документ, опубликованный в западногерманском академическом издании³². По понятным причинам ни книг, ни статей по истории советско-германских отношений между 23 августа 1939 г. и 22 июня 1941 г. в советской историографии не было вообще.

Только в конце 80-х годов в период Перестройки, в условиях постепенного преодоления тоталитарного режима началось исследование истории внешней политики советского государства, основывающееся не на партийных директивах и указаниях, а на архивных документах. Этот процесс идет трудно, временами даже драматично. Далее предпринята попытка проследить его динамику в 1985–1991 гг.³³

³⁰ См.: Документы внешней политики СССР (ДВП) 1939. М., 1992. Т. XXII, кн. 1. С. 5.

³¹ Как утверждал В.М. Фалин, он и начальник Историко-дипломатического управления МИД И.Н. Земсков обратились в 1968 г. с предложением к А.А. Громько о включении в подготовлявшийся министерством сборник «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны» документов, отражающих секретные протоколы к советско-германским соглашениям 1939 г. После якобы имевших место консультаций в Политбюро А.А. Громько сообщил, что данное предложение признано «несвоевременным» (Фалин В.М. Без скидок на обстоятельство: Политические воспоминания. М., 1999. С. 401).

³² Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945 (ADAP). Ser. D: 1937–1941. Baden-Baden; Göttingen, 1950–1970. Bd. VII. Dok. 229. S. 206–207.

³³ За основу периодизации взят годичный цикл, который, не являясь адекватным мерилем тех или иных подвижек в развитии историографии, обусловленных, прежде всего конкретными изменениями во внутривластной жизни СССР, все же позволяет наметить некие, хотя и условные, разграничительные линии, отделяющие один этап от другого.

Читатель уже получил общее представление о том, в каком состоянии к середине 80-х годов находилась отечественная историография внешней политики СССР накануне и в начале Второй мировой войны³⁴. Вряд ли имеет смысл упрекать большинство историков (не из числа «стахановцев»!) за то, что они старались, насколько было возможно, в условиях жесткого партийно-идеологического прессинга и тотальной цензуры избегать упомянутой выше тематики или соблюдать существовавшие «правила игры». Очевидно, что на начальном этапе Перестройки все эти тенденции сохранялись, это не упрек в адрес коллег, а лишь констатация факта. Книги, вышедшие в свет в 1985 г., писались ранее; от авторов отдельных статей, опубликованных в течение этого года, вряд ли можно было ожидать какой-то новизны, нетрадиционных оценок, особенно в сфере, которая, как уже говорилось, представляла собой «священную корову» нашей истории³⁵.

Тем не менее именно в 1985 г. появилась первая ласточка, признак новых веяний: в центральном партийном журнале «Коммунист» была опубликована статья члена его редколлегии Ю.Н. Афанасьева «Прошлое и мы»³⁶. На первый взгляд статья соответствовала всем канонам партийно-научной публицистики, т.е. вписывалась в рамки «марксистско-ленинского историзма», но только на первый... В ней содержались ряд положений, кото-

³⁴ См. об этом подробнее: Кулиш В.М. Советская историография Великой Отечественной войны // Советская историография / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996. С. 274–315; *Uldricks T.J. Evolving Soviet Views of the Nazi-Soviet Pact // Labyrinth of Nationalism Complexities of Diplomacy. Essays in Honor of Charles a. Barbara Jelavich / Ed. by R. Frucht. Columbus (Ohio), 1992. P. 331–360.*

³⁵ См.: *Нарочницкий А.Л.* Новые явления в дипломатии и проблема обеспечения мира в 1919–1939 гг. // Вопросы истории. 1985. № 7. С. 35–51; *Панкрашова М.И.* В канун второй мировой войны, 1939 г. // Новая и новейшая история. 1985. № 5. С. 98–124; *Ржешевский О.* Буржуазная историография США о причинах и виновниках второй мировой войны // Общественные науки. 1985. № 2. С. 125–141; *Тихвинский С.Л.* Великая Отечественная война и внешняя политика ВКП(б) // Вопросы истории КПСС. 1985. № 12. С. 31–48. В статье М.И. Панкрашовой впервые была введена в научный оборот выдержка из советской записи беседы Молотова с германским послом графом Ф. фон Шуленбургом 20 мая 1939 г., во время которой нарком иностранных дел поставил дальнейшее ведение торгово-экономических переговоров в зависимости от заключения политического соглашения между двумя странами (*Панкрашова М.И.* Указ. соч. С. 117). Правда, в 1985 г. на этот факт мало кто обратил внимание, и в дальнейшей дискуссии по вопросу, от кого исходила инициатива в советско-германском сближении, он практически не фигурировал.

³⁶ *Афанасьев Ю.Н.* Прошлое и мы // Коммунист. 1985. № 14. С. 105–116. Подробнее о статье Ю.Н. Афанасьева см.: *Логунов А.П.* Кризис исторической науки или наука в условиях общественного кризиса: отечественная историография второй половины 80-х – начала 90-х гг. // Советская историография. С. 468–471.

рые резко контрастировали с общепринятым в советской науке подходом к изучению прошлого нашей страны. К их числу, прежде всего, следует отнести необходимость исследования всей истории без каких-либо изъятий, отказавшись от прикладного, дидактического подхода к ней как к механической сумме исключительно положительных примеров, ибо прошлое страны не объект для любования и восхищения, его идеализация порождает запретные зоны, «фигуры умолчания», т.е. искажение истории, которая «не нуждается, конечно, ни в каком редактировании». Далее Ю.Н. Афанасьев, используя понятие «догматизм» в качестве своего рода эвфемизма для критики принципа партийности в науке, обрушился на «научные труды», в которых во имя заданной схемы вершится насилие над фактами, урезывается, подчищается, приукрашивается подлежащий исследованию материал, собственная же робкая мысль автора тонет в море кажущихся ему незыблемыми цитат. (...) здесь властвует, любит себя безапелляционная “убежденность”»³⁷. И хотя конкретных примеров фальсификации в работах специалистов по отечественной истории Ю.Н. Афанасьев не приводил, но это по существу ничего не меняло в ее оценке как отнюдь не умозрительного фактора.

В статье Ю.Н. Афанасьева содержались и другие, явно не вписывавшиеся в традиционное понимание задач советской исторической науки положения и выводы. И это, несмотря на то что все «положенные» и столь привычные отсылки к решениям последних пленумов ЦК КПСС в ней присутствовали. Тот факт, что, перечисляя разделы отечественной истории, которые «разрабатываются слабо или оказались вообще заброшенными»³⁸, Ю.Н. Афанасьев не упомянул те из них, которые относились к периоду после 1917 г., не могло завуалировать его призыва к серьезному пересмотру самих методов исследования, прежде всего применительно к истории советского государства. Именно так этот призыв был воспринят теми, кто стоял на страже их непорочности и незыблемости³⁹. Партия по-прежнему стремилась дер-

³⁷ Там же. С. 111–113.

³⁸ Там же. С. 116.

³⁹ Спустя три месяца в том же журнале появилась статья академика-секретаря Отделения истории АН СССР С.Л. Тихвинского, в которой позиция Ю.Н. Афанасьева подверглась недвусмысленному осуждению. В ней, в частности, констатировалось, что «в последнее время под видом “новейшей научной мысли” некоторые критики в форме своеобразных “эссе” допускают иной раз нигилистические оценки современного состояния советской историографии, перечеркивают ее достижения. Ставится под сомнение та большая работа, которую выполняют советские историки, им огульно приписываются обвинения в догматизме, пассивном восприятии действительности, культивировании мировоззренческого консерватизма и начетничества, искажения исторической прав-

жать под жестким контролем идеологическую сферу, в том числе с помощью печально известного 5-го Управления КГБ «по борьбе с идеологическими диверсиями противника»⁴⁰. Поэтому слова М.С. Горбачева на XXVII съезде относительно необходимости творческого, не догматического развития общественных наук, пока являлись лишь декларацией, а не директивой⁴¹. Думаю, что и слова неопита в области внешней политики, министра иностранных дел Э.А. Шеварднадзе («...внешнеполитические институты не могут быть какой-то заповедной, закрытой для критики и самокритики зоной»⁴²) не воспринимались как руководство к действию, в частности по критическому переосмыслению истории внешней политики СССР. До этого было еще далеко.

По традиции материалы очередного съезда КПСС становились предметом добровольно-принудительного обсуждения и изучения по всей стране. Не стала исключением и Академия наук, где 24–26 июня 1986 г. состоялось совещание руководителей академических и других научных учреждений исторического профиля под многообещающим названием «Координация как средство повышения качества и эффективности исторических исследований в СССР в свете решений XXVII съезда КПСС». В принятых на совещании документах отмечалось, что «перед советскими историками стоят задачи по актуализации проблематики исторических исследований, по дальнейшему повышению идейно-

ды» (*Тихвинский С.* Советская историческая наука в преддверии XXVII съезда КПСС // *Коммунист.* 1986. № 1. С. 102). В январе 1986 г. Ю.Н. Афанасьев был выведен из состава редколлегии журнала «Коммунист».

⁴⁰ Так, в марте 1985 г. был арестован и в сентябре осужден по ст. 70¹ УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда) московский публицист Л.М. Тимофеев за написание и распространение книги, посвященной положению в сельском хозяйстве СССР «Технология черного рынка, или Крестьянское искусство голодать». Приговор: шесть лет в исправительно-трудовой колонии строгого режима с последующей ссылкой на пять лет (см.: *Тимофеев Л.М.* Я особо опасный преступник. Минск, 1990). Выявление «инакомыслящих» продолжалось и в последующие годы (см., например: Записка председателя КГБ В.М. Чебрикова в ЦК КПСС от 26 февраля 1987 г. «Об итогах работы органов КГБ по розыску авторов антисоветских анонимных материалов в 1986 году» // *Лубянка – Старая площадь: Секретные документы ЦК КПСС и КГБ о репрессиях 1937–1990 гг. в СССР / Сост. В.Н. Бредихин. М., 2005. С. 192–194).*

⁴¹ «Истину обретают не в декларациях и предписаниях, она рождается в научных дискуссиях и спорах (...) Центральный Комитет – за такой путь развития нашего обществоведения...» (*Горбачев М.С.* Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза // XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза 25 февраля – 6 марта 1986 года. Стенографический отчет. М., 1986. Т. 1. С. 109).

⁴² Речь Э.А. Шеварднадзе на XXVII съезде КПСС // Там же. С. 416.

теоретического и научно-методологического уровня исторических трудов», а сама актуализация трактовалась как «необходимость усиления внимания к изучению истории XX столетия, а также всех других периодов общественного развития (...) которые подвергаются наибольшим извращениям в зарубежной немарксистской историографии»⁴³. Итак, по-прежнему перед историками ставилась не исследовательская, а инструментальная задача – испытанное орудие идеологической борьбы.

Поскольку в решениях XXVII съезда КПСС внимание было акцентировано на том, чтобы всемерно «развивать критику и самокритику, усиливать борьбу с парадностью»⁴⁴, то предельно чуткие к указаниям партийных инстанций начальники немалой армии историков несколько понизили уровень славословия по поводу достигнутых результатов⁴⁵. Некоторые из них даже признали, что в учреждениях исторического профиля «болезнь взаимного восхваления» приобрела хронический характер и «при непринятии срочных мер для лечения этой болезни живой организм науки может подвергнуться серьезным нежелательным деформациям»⁴⁶. Конечно, при такой постановке вопроса на передний план выдвигалось следствие, а отнюдь не причина деформации исторической науки, которой та давно уже была подвержена. Впрочем, восхваление отдельных работ по-прежнему продолжалось, особенно тех, которые были посвящены истории Второй мировой войны и внешней политике СССР⁴⁷. Стремление защитить достигнутое и никоим образом не уступить занятые истори-

⁴³ Координационное совещание историков // Новая и новейшая история. 1986. № 6. С. 84.

⁴⁴ Резолюция XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза по политическому докладу Центрального Комитета КПСС // XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. С. 547.

⁴⁵ Например, в докладе председателя Научного совета АН СССР «История внешней политики СССР и международных отношений» академика А.Л. Нарочницкого в конце мая 1986 г. «были отмечены в целом положительные результаты исследовательской работы советских историков-международников за последние годы». В то же время, как указывал докладчик, «ряд важных и актуальных тем (...) пока еще не получили должного научного освещения» (Милокова В. Задачи историков-международников в свете решений XXVII съезда КПСС // Международная жизнь. 1986. № 7. С. 159).

⁴⁶ Хромов С.С. XXVII съезд КПСС и некоторые актуальные проблемы изучения отечественной истории // История СССР. 1986. № 6. С. 15.

⁴⁷ См.: Ивашов Л.Г. Новые труды советских ученых о Великой Отечественной и второй мировой войнах // Новая и новейшая история. 1986. № 5. С. 164–173; Удальцова З.В., Калмыков Н.П. Итоги и перспективы изучения всеобщей истории в свете решений XXVII съезда КПСС // Там же. № 3. С. 5.

ческой наукой «высоты» четко обозначилось уже на начальном этапе Перестройки⁴⁸. Первоначально оно реализовалось в линии на торможение развития демократических принципов в научной жизни, а затем – в управлении процессом освобождения науки от партийного контроля.

Изданные и переизданные в 1986 г. коллективные труды, посвященные внешней политике СССР⁴⁹ (все без исключения), не были свободны от ее канонической трактовки. Более того, авторы сборника «СССР в борьбе против фашистской агрессии 1933–1945» по одиозности оценок перецегиляли не только авторов официальной «Истории внешней политики СССР», но даже творцов Исторической справки «Фальсификаторы истории». Например, позицию западных держав в ходе англо-франко-советских переговоров 1939 г. они охарактеризовали так: «Вся линия поведения английского и французского правительств свидетельствовала, что они не имели ничего против того, чтобы правящие круги Польши и Румынии дали согласие пропустить германские войска через территорию своих стран, не оказывая им сопротивления, или чтобы они договорились с гитлеровцами о совместных действиях против СССР»⁵⁰. Ничего нового не содержали и две статьи о советско-германском пакте о ненападении, появившиеся в 1986 г.⁵¹, а также работы, посвященные критике буржу-

⁴⁸ См., например, сверхблагостный отчет о деятельности Отделения истории АН СССР за 1981–1985 гг.: *Овчинников В.Г.* Итоги развития исторической науки // Там же. № 4. С. 67–77.

⁴⁹ История внешней политики СССР. Изд. 5-е доп. и перераб. / Под ред. А.А. Громыко, Б.Н. Пономарева. М., 1986. Т. 1: 1917–1945; История международных отношений и внешней политики СССР: В 3 т. / Под ред. И.А. Кирилина. М., 1986. Т. 1: 1917–1945; СССР в борьбе против фашистской агрессии. 1933–1945. 2-е изд. перераб. и доп. / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М., 1986.

⁵⁰ СССР в борьбе против фашистской агрессии. С. 122. Спустя год после выхода этого сборника в свет появилась хвалебная рецензия, в которой авторов лишь слегка пожурили за нескрытые «полностью объективные и субъективные причины наших неудач в первый период Великой Отечественной войны» (История СССР. 1987. № 5. С. 210). Критическая рецензия на трехтомник «История международных отношений и внешней политики СССР» под ред. И.А. Кирилина была опубликована спустя два года в условиях резко изменившейся в стране общественной атмосферы (см.: Коммунист. 1988. № 7. С. 124–126).

⁵¹ *Петрова И.А.* Критика вымыслов буржуазной историографии о советско-германском пакте 1939 г. // Правда против вымыслов. Критика буржуазных и социал-реформистских фальсификаторов истории. Волгоград, 1986. С. 47–55. *Якушевский А.С.* Вымыслы и правда о советско-германском договоре о ненападении 1939 года // Военно-исторический журнал. 1986. № 1. С. 59–65.

азной историографии предыстории и истории Второй мировой войны⁵². Их авторы в очередной раз продемонстрировали приверженность неизменной партийной установке, согласно которой «одна из важнейших задач советского обществоведения – борьба с буржуазной идеологией...»⁵³ И здесь – все средства хороши. Было очевидно, что порой даже противоречивые сигналы, исходившие из Кремля и со Старой площади⁵⁴, не давали пока историкам возможности хоть в какой-то форме обозначить иные подходы к оценке внешней политики страны, пробить глухую стену нежелания и боязни «тронуть священную корову»⁵⁵. Требовался мощный импульс с «самого верха», чтобы «процесс пошел...»

* * *

На состоявшемся в конце января 1987 г. пленуме ЦК КПСС М.С. Горбачев сформулировал два важных положения, которые в принципе предоставляли историкам уже в тех условиях известный простор для критического анализа прошлого страны. *Пер-*

⁵² См.: *Герман К.К.* Правда истории против лжи о войне: Критика буржуазных фальсификаций истории Второй мировой войны и Великой Отечественной войны Советского Союза: Научно-популярный очерк. Минск, 1986; *Орлов А.С., Новоселов Б.Н.* Факты против мифов: Подлинная и мнимая история второй мировой войны. М., 1986. Скорее всего, имея в виду именно подобного рода «новации», А.М. Самсонов в одном из интервью отметил, что «о перестройке в исторической науке только по книжной продукции судить еще рано» (Знать и помнить: Интервью с академиком А.М. Самсоновым // Аргументы и факты. 1987. № 10. С. 2).

⁵³ Доклад члена Политбюро ЦК КПСС Е.К. Лигачева на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук (октябрь 1986 г.) // Коммунист. 1986. № 15. С. 14.

⁵⁴ Выступая на открытии того же совещания М.С. Горбачев сказал: «Поиск истины должен идти через сопоставление различных точек зрения, дискуссии и обсуждения, ломку прежних стереотипов» (Там же. С. 4).

⁵⁵ Это убедительно продемонстрировал вышедший в Риге сборник документов, посвященный событиям 1939–1940 гг., в котором не нашлось места ни одному документу из архива МИД Латвии, проливавшему свет на драматические отношения с Москвой в указанный период. Что же касается комментариев к публикуемым документам, то они отнюдь не опережали свое время. Например, «политику нейтралитета» Латвии в первой половине 1939 г. составители охарактеризовали как «политику уступок и заискивания перед гитлеровской Германией», которая вылилась «в заключение с ней 7 июня 1939 г. договора о ненападении» (Восстановление Советской власти в Латвии и вхождение Латвийской ССР в состав СССР: Документы и материалы / Сост. А.И. Спреллис, Э.А. Жагар. Рига, 1986. С. 74). Своеобразный вывод, если принять во внимание, что спустя 2,5 месяца СССР также заключил пакт о ненападении с нацистской Германией.

вое: «любые, даже самые грандиозные достижения не должны заслонять ни противоречий в развитии общества, ни наших ошибок и упущений». Второе: «критика прошлого, будучи важным моментом развития, дает возможность извлечь уроки и выводы для сегодняшнего и завтрашнего дня, помогает конструктивной работе по верному выбору средств и путей продвижения вперед»⁵⁶. Однако этой возможностью в 1987 г. воспользовалась лишь небольшая часть историков, среди которых почти не было историков-международников, не говоря уже о живых участниках событий конца 30-х–начала 40-х годов⁵⁷.

Даже получив «добро» Генерального секретаря ЦК КПСС на устранение «белых пятен» в исторической науке, постепенно возвращавшего ей исследовательскую функцию, а значит, и уважительное отношение к документу как основе любых выводов, «генералы» исторического цеха по своему интерпретировали и откорректировали указания реформаторов из высшего руководства. Так, академик С.Л. Тихвинский в качестве назидания напомнил о том, что «научную обоснованность трудов по истории нельзя сводить лишь к источниковой базе; необходимо уделять неустанное внимание творческому применению марксистско-ленинской теории познания с ее диалектическим методом»⁵⁸. Не случайно секретарь ЦК по идеологии А.Н. Яковлев, выступая на заседании Секции общественных наук президиума АН СССР, констатировал неудовлетворительное положение в общественных науках, где «действует свой механизм торможения, который препятствует раскрепощению потенциальных возможностей обществоведения». Конечно, само это «раскрепощение» трактовалось даже реформаторской частью руководства КПСС исключительно в рамках «творческого марксизма-ленинизма», что уже содержало в себе непреодолимое противоречие. Вместе с тем критика

⁵⁶ М.С. Горбачев о перестройке и кадровой политике партии: Доклад на Пленуме ЦК КПСС 27.01.1987 г. // Коммунист. 1987. № 3. С. 6, 12.

⁵⁷ См., например, вышедшие 4-м изданием воспоминания советского дипломата и одного из переводчиков Молотова во время его визита в Берлин В.М. Бережкова «Страницы дипломатической истории» (М., 1987), которые по существу ничем не отличались от его более ранних публикаций на эту тему, начиная с середины 60-х годов, т.е. создавали в значительной мере искаженную картину бесед Молотова с Гитлером и Риббентропом, содержание которых было уже известно историкам по немецким документам. Эти, мягко говоря, «несоответствия» стали особенно очевидны, после того как в начале 90-х годов сначала в Германии, а затем и в России увидела свет новая версия мемуаров В.М. Бережкова «Как я стал переводчиком Сталина» (М., 1993).

⁵⁸ Тихвинский С.Л. Январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС и историческая наука // Вопросы истории. 1987. № 6. С. 7.

«сверху» по поводу сохранявшейся в историческом цехе стагнации была, несомненно, положительным фактом, оттеняющим наличие различных подходов к руководству наукой. В отличие от Е.К. Лигачева, акцентировавшего внимание на борьбе с буржуазной идеологией, А.Н. Яковлев считал негативным явлением то, что «в исторической науке немалая часть ученых специализируется в значительной мере на разоблачении псевдонаучных концепций буржуазных авторов, не занимаясь самостоятельным изучением источников и выработкой научных идей, критическим переосмыслением устаревших представлений»⁵⁹.

При всем установочном характере подобных положений их реализация должна была неизбежно натолкнуться на очень большие системно-идеологические, профессиональные, психологические и административные трудности. И натолкнулась⁶⁰, приведя со временем к формированию не просто механизма торможения, а четко выраженной системы взглядов, призванных противостоять «очернительству» и «антипатриотическим» тенденциям в исследовании отечественной истории. Пока же речь шла о том, чтобы только обозначить новые подходы в освещении истории внешней политики СССР, но при этом «погодить» в отношении тех «белых пятен», которые на протяжении десятилетий было привычно списывать на измышления западных советологов, «воинствующих мракобесов, служащих целям современной агрессивной внешней политики империализма»⁶¹.

Конечно, появились уже и другие мнения, содержавшие призыв к дифференцированному подходу в оценке «буржуазной» историографии. Например, тот же А.Н. Мерцалов полагал, что необходимо отличать в работах буржуазных авторов «заблуждения от фальсификаций». По его мнению, заблуждение – это следствие «слабой научной подготовленности критикуемого автора». В

⁵⁹ Яковлев А. Достижение качественно нового состояния советского общества и общественные науки // Коммунист. 1987. № 8. С. 5, 20.

⁶⁰ А.Н. Мерцалов высказал принципиально иную точку зрения. По его мнению, «давно назрела проблема увеличения числа ученых, которые действительно участвуют в критике немарксистских трудов по истории второй мировой войны». В пользу подобного вывода А.Н. Мерцалов приводил следующий аргумент: «Высказанное на Всесоюзной научно-практической конференции 1984 г. требование – нельзя считать завершенным ни одно обществоведческое исследование, пока его автор не подвергнет аргументированной критике соответствующие чуждые взгляды, – должно стать руководством к действию для всех советских историков» (Мерцалов А.Н. О критике буржуазной историографии второй мировой войны // Вопросы истории. 1987. № 12. С. 49).

⁶¹ Кульков Е.Н., Ржешевский О.А., Чельшев И.А. Правда и ложь о второй мировой войне / Под ред. О.А. Ржешевского. 2-е изд., доп. М., 1988. С. 63.

то время как фальсификация – это подлог. Примером подобных фальсификаций – подлогов А.Н. Мерцалов считал распространенный на Западе тезис о «свободном выборе» советской дипломатии между Берлином и Лондоном в момент подписания предложенного Германией пакта о ненападении 23 августа 1939 г. и принятую большинством «буржуазных» авторов «геббельсовскую версию того, что произошло в Катыни»⁶².

Очевидно, что объявленная «гласность» должна была сфокусировать внимание прежде всего на двух направлениях в изучении истории внешней политики СССР – советско-германском и советско-польском накануне и в начале Второй мировой войны, придав особое, причем не только академическое, значение вопросу о секретных советско-германских договоренностях 1939 г. Так и произошло. Историки-международники заняли в подходе к этому вопросу в основном уже хорошо известную и лишь модифицированную в нюансах позицию. На прошедшей в сентябре 1987 г. в Вильнюсе всесоюзной конференции на тему «70 лет советской внешней политики (итоги, перспективы, задачи научной разработки и пропаганды, критика буржуазных фальсификаций)» в очередной раз приводились знакомые еще по Исторической справке «Фальсификаторы истории» оценки. Например, что заключение 23 августа 1939 г. советско-германского договора о ненападении «в крайне неблагоприятных для СССР условиях политической изоляции на некоторое время избавляло советское государство от угрозы войны без союзников, сразу на два фронта (против Германии на Западе и Японии – на Востоке) и давало время для укрепления обороны страны». На конференции также констатировалось, что «смысл этого шага всячески извращается буржуазной историографией»⁶³.

В практику научной жизни стали входить дискуссии в форме «круглых столов», на которых обсуждались различные проблемы истории КПСС, советского государства; затрагивались вопросы о «фигуре умолчания», «белых пятнах», периодизации отечественной истории после 1917 г. и ряд других. Несмотря на то что круг участников этих «столов» был очень узок и тщательно подбирался, дискуссии выявили очевидное разномыслие в оценках, которое не могло скрыть даже усердное редактирование материалов. Примечательно, что в 1987 г. на «круглых столах», ма-

⁶² Мерцалов А.Н. О критике буржуазной историографии второй мировой войны. С. 37, 38, 46.

⁶³ Милюкова В. 70 лет советской внешней политики // *Общественные науки*. 1988. № 2. С. 197.

териалы которых попали в печать, не обсуждался вопрос о самом большом «белом пятне», напоминавшем скорее «черную дыру» в исследованиях, – истории внешней политики СССР⁶⁴. Единственным исключением, пожалуй, стала дискуссия в ИМЛ при ЦК КПСС по вопросам истории Коминтерна, в ходе которой Ф.И. Фирсов коснулся недостаточно исследованной проблемы «Коминтерн и внешняя политика СССР»⁶⁵.

На фоне все шире разворачивавшейся дискуссии по разным проблемам внутривластной истории СССР его внешняя политика по-прежнему оставалась вне обсуждения. Более того, свет увидела новая книга В.Я. Сиполса о внешней политике СССР во второй половине 30-х годов, в которой в очередной раз «твердили миру», что в 1939 г. «Советское государство оказалось перед угрозой войны на два фронта. К тому же продолжала существовать опасность антисоветского сговора всего лагеря империализма». А по сему, автор, ссылаясь на по-прежнему авторитетное для него мнение Исторической справки «Фальсификаторы истории», делал вывод, что «подписание советско-германского пакта о ненападении было “дальновидным и мудрым шагом советской внешней политики при создавшейся тогда обстановке”»⁶⁶. Создавалось впечатление, что механизм торможения в исторической науке набирает обороты. На эту мысль наводили и появившиеся публикации на ту же тему высокопоставленных номенклатурных работников – директора ИМЛ при ЦК КПСС Г.Л. Смирнова⁶⁷ и председателя правления агентства

⁶⁴ См.: *Виноградов Л.К.* Историко-партийная наука: пути перестройки и дальнейшего развития [Материалы «круглого стола» в ИМЛ при ЦК КПСС 29.04.1987 г.] // Вопросы истории КПСС. 1987. № 8. С. 138–152; Основные этапы развития советского общества: «Круглый стол» журнала «Коммунист» // Коммунист. 1987. № 12. С. 66–79; *Смыков Ф.Н.* Роль журнала «Вопросы истории КПСС» в перестройке историко-партийной науки [Заседание Ученого совета ИМЛ при ЦК КПСС 26.10.1987 г.] // Вопросы истории КПСС. 1988. № 1. С. 135–150; Современная немарксистская историография и советская историческая наука. Беседа за «круглым столом» в журнале «История СССР» 1.07.1987 г. // История СССР. 1988. № 1. С. 172–202.

⁶⁵ См.: *Бабиченко Л.Г.* Глубоко, всесторонне, правдиво исследовать историю Коминтерна [Дискуссия в ИМЛ при ЦК КПСС 8.07.1987 г.] // Вопросы истории КПСС. 1987. № 10. С. 145.

⁶⁶ *Сиполс В.Я.* Внешняя политика Советского Союза 1936–1939 гг. М., 1987. С. 303, 325.

⁶⁷ *Смирнов Г.* Возвращение к урокам // Новое время. 1987. № 35. С. 18–22. Автор счел возможным пожуричь Молотова за сделанные им в конце октября 1939 г. «неправильные заявления, не способствующие налаживанию дружественных отношений с поляками» (Там же. С. 21). Однако даже такой небольшой шаг потребовал согласований на самом высоком уровне, включая секретаря ЦК КПСС В.А. Медведева, направившего после информации Г.Л. Смирнова

печати «Новости» В.М. Фалина⁶⁸. Последняя особенно изобиловала не только фактологическими неточностями, но и умышленными искажениями⁶⁹. Они обретали особый смысл, если принять во внимание степень информированности В.М. Фалина в том, что касалось секретных договоренностей между СССР и Германией, о чем он живописал в мемуарах⁷⁰, хотя при этом и не все договаривал⁷¹.

Очевидно, что подобное, явно противоестественное, положение, когда «ветер перемен» не затрагивал сферу истории внешней политики СССР и международных отношений в новейшее время, не могло долго продолжаться. Но, по давно установившейся традиции, ожидался некий «сигнал» или «знак» сверху, который мог последовать в связи с предстоявшей 70-й годовщиной Октябрьской революции и ожидавшимся докладом генсека о пройденном страной пути.

Действительно, М.С. Горбачев, выступая на торжественном заседании, посвященном этому событию, уделил проблемам кануна Второй мировой войны и внешней политики СССР в тот период, значительное внимание, что, пожалуй, можно считать единственным достоинством сказанного по этому поводу. Тот,

докладную записку М.С. Горбачеву, который санкционировал этот комментарий (см.: *Медведев В.А.* Распад: Как он назревал в «мировой системе социализма». М., 1994. С. 99, 101).

⁶⁸ *Фалин В.* Почему в 1939-м?: Размышления о начале второй мировой войны // Новое время. 1987. № 38–41. Выдержанная в наступательном стиле, статья В.М. Фалина содержала весьма откровенное признание: «Договор 23 августа давал СССР шанс заняться обустройством того, что ныне называют оборонной на выдвинутых вперед рубежах. (...) Поскольку нам отказывали на переговорах в равных правах и одинаковой безопасности, приходилось утверждать их **явочным** (выделено мной. – С.С.) порядком» (Там же. № 41. С. 20–21).

⁶⁹ В.М. Фалин инкриминировал лидерам западных держав намерения, которые в действительности в более широких масштабах совместно реализовали советское и нацистское руководство: «Воздадим должное замыслам Англии, в которые оказались втянутыми Франция и в известной степени Соединенные Штаты: в августе [1939 г.] они сводились к разделу Польши, отторжению от нее территорий, принадлежавших до 1914 г. Германии и Австро-Венгрии, с возможной компенсацией за счет Литвы. (...) Концепции Германии и “демократий” в тот момент различались главным образом по методам их осуществления» (Там же. С. 18).

⁷⁰ *Фалин В.М.* Без скидок на обстоятельства. С. 401–402.

⁷¹ См., например, подготовленную в Общем отделе ЦК КПСС справку, содержащую, в частности, сведения о том, что в МИД в 1975 и 1979 гг. направлялись (по запросу) копии с оригиналов секретных советско-германских договоренностей в 1939–1941 гг. (Секретные документы из Особых папок / Публ. М.И. Семиряги // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 16).

кто писал для него эту часть доклада, стоял на позициях Исторической справки «Фальсификаторы истории» и ее более поздних адептов. Поэтому основные положения справки нашли отражение в докладе. Однако этим дело не ограничилось. Обозначились и некоторые «открытия». Начало Второй мировой войны не связывалось уже с 1 сентября 1939 г., а было отнесено чуть ли не к началу 30-х годов. Далее, «обнаружилось», что в момент заключения советско-германского пакта о ненападении для СССР «вопрос стоял примерно так же, как во время Брестского мира: быть или не быть нашей стране независимой, быть или не быть социализму на Земле»⁷². Было бы хорошо, если бы М.С. Горбачев оставил последнее слово в оценке событий накануне Второй мировой войны, в том числе и советско-германского договора от 23 августа 1939 г., все-таки специалистам-историкам, но этого не произошло. Он заявил: «Говорят, что решение, которое принял Советский Союз, заключив с Германией пакт о ненападении, не было лучшим. Возможно и так, если руководствоваться не жесткой реальностью, а умозрительными абстракциями, вырванными из контекста времени»⁷³. Еще совсем недавно никто в СССР, ни при каких обстоятельствах не стал бы подвергать сомнению подобный вердикт, но на дворе были уже другие времена⁷⁴. Оценки предвоенного периода, данные М.С. Горбачевым, хотя и не закрыли дискуссию на эту тему, но явно не способствовали ее научной разработке, лишь подкрепив позицию активных защитников постулата о непогрешимости советской внешней политики.

⁷² Помощник М.С. Горбачева А.С. Черняев позже писал, что эта «концепция», была навязана генсеку В.М. Фалиным (через А.Н. Яковлева) (см.: *Черняев А.С. На Старой площади. Из дневниковых записей // Новая и новейшая история. 2006. № 3. С. 90*).

⁷³ См.: *Горбачев М.С. Октябрь и Перестройка. Революция продолжается: Доклад на торжественном заседании, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции 2 ноября 1987 г. // Коммунист. 1987. № 17. С. 15–17*. Впоследствии М.С. Горбачев достаточно критично оценил этот доклад: «Конечно, и на нем лежала печать ограниченности. Мы сознательно решили умолчать о чем-то. Нам самим предстояло еще многое осмыслить, преодолеть психологические барьеры» (*Горбачев М.С. Жизнь и реформы: В 2 кн. М., 1995. Кн. 1. С. 368*).

⁷⁴ Приведенные выше положения доклада М.С. Горбачева вызвали откровенное неприятие у некоторых советских историков, хотя оно не могло еще в то время обрести публичное выражение. Реакция же их западных коллег последовала быстро и отражала явное недоумение по поводу содержавшегося в докладе анализа кануна Второй мировой войны, что вызвало незамедлительную отповедь (см.: *Прозатор Д.М. Незачем переименовывать историю // Известия. 1987. 28.11. С. 4*).

Доминирование апологетики и умолчания в этой области советской истории стало несколько ослабевать в конце осени 1987 г. В статье А.Л. Нарочницкого и Л.Н. Нежинского⁷⁵ очень осторожно констатировалось наличие в исследовании внешней политики СССР и международных отношений ряда недостатков и упущений, пробелов и нерешенных проблем. К их числу были отнесены невысокий аналитический уровень работ, преимущественно описательного характера; недостаточное привлечение архивных материалов и некритическое использование зарубежных документальных публикаций и исследований; огульное зачисление всех зарубежных немарксистских историков в «буржуазные фальсификаторы». Среди лакун внешней политики СССР и международных отношений, по мнению авторов, оказались лишь международные отношения 60–80-х годов и отсутствие фундаментального исследования по истории холодной войны. Правда, в статье отмечалось, что «убедительность ряда трудов по внешней политике и международным отношениям снижается необоснованным умолчанием об «острых» вопросах. Наличие «белых пятен» и «закрытых» тем, которых по тем или иным соображениям не могли или не хотели касаться исследователи, остается серьезной помехой для исторических исследований, не отвечает требованиям гласности»⁷⁶.

* * *

1988 год принес, хотя не качественный прорыв, но, несомненно, резкое увеличение числа самых разных публикаций по вопросам внешней политики СССР накануне и в начальный период Второй мировой войны. Представляется целесообразным сгруппировать их, выделив как позитивные сдвиги в трактовке событий того времени, так и факты, отражающие стремление всеми способами затормозить переосмысления советской внешней политики. Дискуссионные «круглые столы» стали проводить чаще, привлекая более широкий, чем прежде, круг специалистов, хотя участие в них историков-международников оставалось крайне незначительным. Главную роль в обсуждении проблем внешней политики в тот период играли военные историки, среди которых особой активностью выделялся О.А. Ржешевский – один из апологетов сталинского курса на международной арене. В начале 1988 г. он оправдывал политику Кремля, заключившего соглаше-

⁷⁵ Нарочницкий А.Л., Нежинский Л.Н. Актуальные вопросы изучения истории внешней политики СССР и международных отношений // Вопросы истории. 1987. № 11. С. 53–63.

⁷⁶ Там же. С. 54, 55.

ние с Берлином. Модифицировав – в сторону большей категоричности – формулировку из доклада М.С. Горбачева («Советско-германский договор, как и Брестский мир, решал вопрос о жизни и смерти Советского государства»), О.А. Ржешевский нарисовал следующую картину достижений Москвы: «Договором 23 августа мы исключили вероятность объединения империалистических государств на основе блока, созданного в Мюнхене и направленного против Советского Союза, взяли под защиту ряд стран и территорий настолько, насколько это было возможно, чтобы спасти их население от фашистского порабощения и угрозы физического уничтожения»⁷⁷. Подобная безапелляционность в оценках удивительным образом уживалась с вполне справедливыми сетованиями О.А. Ржешевского по поводу того, что невозможно включить в готовящееся издание, посвященное причинам Второй мировой войны, «ни одного нового документа по истории советской внешней политики 1938–1939 годов», поскольку «их просто не давали те, у кого эти документы хранятся»⁷⁸.

Однако среди военных историков были не только закоренелые ортодоксы. Д.А. Волкогонов считал необходимым приоткрыть завесу над «тайной дипломатией» Сталина в предвоенные годы⁷⁹. Фактически именно он был тем первым официальным лицом (начальник Института военной истории МО СССР), в чьей публикации, хотя и в самой общей форме, упоминались «секретные соглашения с Гитлером», заключенные «в духе тех “секретных договоров”, которые были в свое время осуждены Лениным». В оценках внешней политики Советского Союза того времени Д.А. Волкогонов шел значительно дальше, не ограничиваясь аналогиями. Например, он утверждал, что в результате подписания договора «О дружбе и границе» «СССР стал “невоюющим союзником” воюющей Германии...»⁸⁰. Эта новация в оценке

⁷⁷ «Круглый стол»: историческая наука в условиях перестройки [«Круглый стол» в редакции журнала «Вопросы истории», 8.01.1988 г.] // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 54.

⁷⁸ Историки и писатели о литературе и истории: Материалы конференции 27–28 апреля 1988 г. // Там же. 1988. № 6. С. 53.

⁷⁹ См.: Градов К.Л. Ученые обсуждают проблемы истории Великой Отечественной войны [Научная конференция «Методологические вопросы истории Великой Отечественной войны в ИМЛ при ЦК КПСС, 11.05.1988 г.] // Вопросы истории КПСС. 1988. № 7. С. 154.

⁸⁰ Волкогонов Д.А. Накануне Великой Отечественной... // Правда. 1988. 20.06. С. 3; см. также: В августе 1939... [Беседа с начальником Института военной истории МО СССР генерал-полковником Д.А. Волкогоновым] / Публ. В. Павленко // Политическое образование. 1989. № 12. С. 105; Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия: Политический портрет И.В. Сталина: В 2 кн. М., 1989. Кн. II, ч. 1. С. 47.

действий Советского Союза на международной арене, разумеется, не осталась незамеченной активными защитниками генеральной линии советской внешней политики⁸¹.

Вопрос о секретных протоколах к советско-германским соглашениям 1939 г. и в то время и позднее, несмотря на возраставший к ним общественный интерес, по-прежнему являлся закрытой или полузакрытой темой для публичного обсуждения даже в «подготовленной» аудитории. Так, заместитель директора ИМЛ при ЦК КПСС В.В. Журавлев на одном из «круглых столов», отвечая на вопрос собкора центральной газеты, есть ли новые сведения о секретных протоколах к пакту о ненападении между СССР и Германией, порекомендовал журналисту обратиться к сборнику материалов, посвященному встрече М.С. Горбачева с представителями польской интеллигенции, состоявшейся в июле 1988 г.⁸² Шел четвертый год Перестройки, газеты пестрели призывами к «новому мышлению», к демократизации науки, освобождению ее от догматизма, к созданию такого положения, при котором «не может быть терпима чиновная монополия на истину, когда в работе мысли последнее слово оказывается не за истиной, а за должностью»⁸³. Однако авторитетом в вопросе, касающемся изучения истории страны, по-прежнему оставалась не истина, но мнение Генерального секретаря ЦК КПСС. Каким же оно было? В послесловии к брошюре, посвященной встрече в Варшаве, М.С. Горбачев, в частности, написал, что «пакт о ненападении СССР – Германия 23 августа [1939 г.], если твердо стоять на реалистических позициях, был неизбежен», и резко осудил договор «О дружбе и границе» между двумя государствами. Он назвал его «не только политической ошибкой с тяжелыми последствиями и для нас, и для других стран, для коммунистического

⁸¹ Например, О.А. Ржешевский подчеркнул, что для таких «однозначных оценок» нет никаких оснований, так как «документы и факты, взятые в целом... позволяют дать советско-германским договоренностям более объективную оценку и не причислять СССР к «невоюющим союзникам» Германии, как это начали утверждать отдельные историки» (*Ржешевский О.А. Как началась война // Партийная жизнь. 1989. № 13. С. 70*). При этом никакие документы или факты, которые опровергали бы классификацию Д.А. Волкогонова, не приводились.

⁸² Проблемы истории и современность [«Круглый стол» в АОН при ЦК КПСС 23.11.1988 г. редакции журнала «Вопросы истории КПСС» со слушателями Института повышения квалификации руководящих партийных, советских и идеологических кадров – собкорами центральных газет] // *Вопросы истории КПСС. 1989. № 2. С. 62–63*.

⁸³ *Яковлев А. Достижение качественно нового состояния советского общества и общественные науки. С. 21*.

движения, но прямым и вызывающим отступлением от ленинизма, попранием ленинских принципов». Правда, далее М.С. Горбачев явно отступил от декларированного им же несколько ранее принципа: «К истории надо подходить честно». Затронув вопрос о Секретном протоколе к советско-германскому пакту о ненападении, он утверждал, что «до сих пор поиски его оригинала ничего не дали. Копии, которые ходят на Западе и с которыми мы знакомы, вызывают подозрение по многим причинам. Признать на уровне советского руководства адекватность этих копий было бы с нашей стороны несерьезно и создавало бы очень серьезный прецедент»⁸⁴. Сегодня исследователи располагают рядом документов и свидетельств, позволяющих сделать вывод, что М.С. Горбачев в 1988 г. располагал информацией о наличии в архиве ЦК КПСС оригинала Секретного протокола к советско-германскому пакту 23 августа 1939 г., но скрывал этот факт даже от самых ближайших единомышленников по Политбюро⁸⁵.

Тем временем вопрос о советско-германском пакте и о советской внешней политике в 1939–1941 гг. все интенсивней дебатировался в кругах историков, в значительной степени способствуя поляризации позиций. При обсуждении в июне 1988 г. в Институте военной истории МО СССР доработанного плана-проспекта первого тома 10-томного труда «Великая Отечественная война советского народа», решение о подготовке которого было принято Политбюро ЦК КПСС еще в 1985 г., это противостояние проявилось в полной мере. В.М. Фалин, как бы предвосхищая вероятную дискуссию о секретных протоколах, заявил: «...на сегодняшний день у нас нет возможности пользоваться нужными документами. Кроме того, некоторые из них, очень важные (в частности, по 1939 г.), не только уничтожены, но и следов после себя никаких не оставили»⁸⁶. Далее он предложил свою датировку нача-

⁸⁴ Интеллигенция перед лицом новых проблем социализма: Встреча М.С. Горбачева с представителями польской интеллигенции. М., 1988. С. 74–75.

⁸⁵ См.: Секретные документы из Особых папок. С. 22; *Болдин В.* Крушение пьедестала: Штрихи к портрету М.С. Горбачева. М., 1995. С. 261; *Фалин В.М.* Без скидок на обстоятельства. С. 403; *Яковлев А.Н.* Омут памяти: От Столыпина до Путина: В 2 кн. М., 2001. Кн. 1. С. 420.

⁸⁶ Эта заведомая ложь вызвала возражения со стороны некоторых участников дискуссии, в том числе автора этих строк, но они не нашли отражение в журнальном отчете о ней (см.: Великая Отечественная... / Публ. В.Г. Крохмалюка, В.Г. Оппокова // Военно-исторический журнал. 1988. № 9. С. 9–17). В отредактированном для журнальной публикации выступлении В.М. Фалина опущено название отсутствовавших, по его утверждению, документов. В действительности речь шла только о секретных протоколах к советско-германскому пакту, которые, как сказал В.М. Фалин, бессмысленно даже искать в советских архивах.

ла Второй мировой войны, утверждая, что она началась не 1 сентября 1939 г., а значительно раньше. По мнению В.М. Фалина, если взглянуть на начало войны под таким «нетрадиционным углом зрения», то можно лучше понять, «в каких условиях принимались некоторые, так сказать, противоречивые решения в СССР: в мирных или военных»⁸⁷. В.А. Анфилов на этом обсуждении также активно защищал внешнюю политику Сталина в 1939–1941 гг.: «Сталин при всех его грехах и негативных действиях не мог, естественно, олицетворять агрессивную политику, поскольку являлся главой самого миролюбивого государства»⁸⁸.

Из неортодоксально мыслящих историков участие в этом обсуждении приняли В.М. Кулиш и М.И. Семиряга. В.М. Кулиш подчеркнул, насколько «важно показать, как учитывались или не учитывались противоречия между империалистическими государствами, а также объяснить, что именно их неучет явился главным просчетом» советской внешней политики накануне Второй мировой войны. М.И. Семиряга охарактеризовал советско-германский пакт 1939 г. как «самый негативный договор, который можно себе представить. Ведь в результате его заключения выиграли не мы, а фашисты». Он высказал сомнения по поводу правомерности оценки 1939–1941 гг. как времени «усиления наших международных позиций и возрастания авторитета СССР»⁸⁹.

В дискуссии в АОН при ЦК КПСС В.В. Александров обратил внимание на огромный ущерб, нанесенный культом личности Сталина советской внешней политике в предвоенные годы. В частности, это нашло выражение в субъективистской переоценке англо-американских противоречий и недооценке их глубины между англо-американо-французским и германо-итало-японским блоком. По его мнению, «именно при Сталине утвердился стереотип “безошибочности” советской внешней политики, от которого мы с трудом отходим и на нынешнем этапе»⁹⁰.

В июне 1988 г. участники «круглого стола» в редакции журнала «Вопросы истории» обсуждали ряд важных проблем истории Советского Союза в 30-е годы. Они не обошли вниманием и внешнюю политику, хотя вопросы (см. выступление Л.Н. Нежинского), на которые науке предстояло дать ответы, были только

⁸⁷ Там же. С. 11.

⁸⁸ Там же. С. 15.

⁸⁹ Там же. С. 13, 16.

⁹⁰ Перестройка, XIX партконференция и внешняя политика [Обсуждение актуальных проблем советской внешней политики и международных отношений редакции журнала «Международная жизнь» и АОН при ЦК КПСС] // Международная жизнь. 1988. № 6. С. 11.

обозначены. Они касались как общей оценки деятельности советской дипломатии в конце 30-х годов и планов Сталина в 1939 г., когда началось сближение с Германией, так и вполне конкретных аспектов внешней и внутренней политики СССР, связанных с советско-германскими договоренностями. Например, насколько оправданным было столь поспешное заключение советско-германского пакта, и не существовало ли для СССР иной возможности обезопасить себя от военной угрозы? Насколько эффективно использовалось время, обретенное в результате заключения пакта, и как выглядел баланс советско-германских экономических отношений в этот период? Л.Н. Нежинский также обратил внимание на факт снятия М.М. Литвинова с поста наркома иностранных дел как на веху на пути сближения между Москвой и Берлином⁹¹. По мнению еще одного участника «круглого стола», В.М. Кулиша, политика Сталина, направленная на сближение с нацистской Германией, началась не в 1939 г., а значительно раньше, в середине 30-х годов⁹².

Небезынтересные тенденции выявились и на «круглом столе», организованном узкопрофессиональным журналом «Коммунист Вооруженных Сил», хотя эту дискуссию вряд ли можно отнести к числу научных. Не всегда аргументированно выступавший А.Н. Мерцалов высказал некоторые заслуживавшие внимания суждения. Среди них: необходимость рассматривать пакт о ненападении с Германией и последовавшие за ним события только вкупе с критикой сталинизма; вопрос о том, напала бы Германия на СССР в 1939 г. в отсутствие между ними договора, недостаточно изучен; пока нет оснований для однозначного утверждения, по чьей инициативе был заключен пакт от 23 августа 1939 г.⁹³

В отличие от некоторых историков, старательно избегавших даже упоминания о внешней политике СССР в критиче-

⁹¹ «Круглый стол»: Советский Союз в 30-е годы // Вопросы истории. 1988. № 12. С. 16–18. Появившаяся вскоре первая в СССР биография М.М. Литвинова мало что добавила для понимания роли наркома иностранных дел в выработке и реализации внешнеполитического курса страны (см.: Шейнис Э.С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М., 1989).

⁹² «Круглый стол»: Советский Союз в 30-е годы. С. 25.

⁹³ См.: Советско-германский договор 1939 года: взгляд через полвека («Круглый стол» редакции журнала «Коммунист Вооруженных Сил») / Публ. В. Рошупкина, В. Забродина // Коммунист Вооруженных Сил. 1988. № 21. С. 35, 37, 41. При публикации материалов «круглого стола» для усиления или дезавуирования позиции того или иного участника сразу же после текста выступления помещались выдержки из произвольно отобранных документов под рубрикой «исторический факт».

ском плане⁹⁴, А.О. Чубарьян привлек внимание к все еще сохранявшемуся представлению о внешней политике как закрытой сфере. Иначе, сказал он, выступая на научно-практической конференции МИД СССР, трудно объяснить, почему «простое упоминание ошибок во внешней политике 30-х годов и послевоенного времени сразу же вызывает у многих болезненную реакцию и утверждение, что это-де повредит нашим внешнеполитическим интересам»⁹⁵. Затронув конкретные вопросы, связанные с предысторией и началом Второй мировой войны, А.О. Чубарьян предложил признать справедливый характер войны со стороны Польши, а также наличие разных целей в войне у западных держав и нацистской Германии. Наконец, коснувшись внешней политики СССР перед началом Второй мировой войны, он поставил вопрос относительно эффективности советской дипломатии в ходе англо-франко-советских переговоров летом 1939 г. под углом зрения упущенных возможностей. Оценивая политику советского руководства в этот период в отношении Германии, А.О. Чубарьян ограничился призывом к осуждению Сталина и Молотова за подписание советско-германского договора «О дружбе и границе», вообще обойдя молчанием пакт о ненападении. В целом выступление А.О. Чубарьяна можно охарактеризовать как содержащее положения если преимущественно и не оценочного, то, во всяком случае, постановочного характера, что, несомненно, отличало его позицию от подходов тех историков, которые продолжали держаться за традиционные клише⁹⁶.

Спустя несколько месяцев появилась статья А.О. Чубарьяна, в которой он наметил ряд новых для советской историографии подходов к изучению внешней политики предвоенного пе-

⁹⁴ Как отмечал С.Л. Тихвинский, «сейчас от исторической науки как никогда ранее требуются выводы и обобщения, характеризующие движение к лучшему через неизбежные ошибки и неудачи, просчеты и трудности и даже вопреки им» (Перестройка в общественном сознании: проблемы, поиски решений, опыт // Общественные науки. 1988. № 3. С. 155).

⁹⁵ Чубарьян А.О. Историческая наука, внешняя политика и перестройка [Выступление на научно-практической конференции МИД СССР 25.07.1988 г.] // Международная жизнь. 1988. № 10. С. 45, 46.

⁹⁶ Тогда же появилась статья Г.Н. Севостьянова, по мнению которого, «у советских руководителей не было оснований рассчитывать на заключение англо-франко-советского пакта о взаимопомощи. Однако надо было непременно устранить угрозу войны между Германией и СССР». В этой ситуации советско-германский «пакт сорвал планы и расчеты политиков Англии и Франции» (Севостьянов Г.Н. Московские переговоры в 1939 г. и позиция США // Новая и новейшая история. 1988. № 3. С. 127).

риода⁹⁷. Они сводились к следующим тезисам: 1) наличие органической связи между внешней политикой каждой страны, ее внутривнутриполитическим развитием и международной обстановкой; 2) внешнеполитические цели и решения каждой страны лимитировались действиями других участников событий; 3) «внешняя политика СССР испытывала на себе воздействие сталинских деформаций социализма, отступлений от норм нравственности и морали», что повлияло как на оценку ситуации, так и на осуществление многих внешнеполитических акций; 4) международно-политическое развитие предвоенного времени необходимо анализировать с учетом альтернатив, существовавших в 30-е годы в сфере международных отношений. Сформулировав эти положения, А.О. Чубарьян попытался проиллюстрировать их действенность на примерах предвоенного международного развития. Однако оказалось, что сделать это, отказавшись от привычных представлений и оценок, но не располагая при этом необходимыми документами, совсем непросто.

Так, охарактеризовав Мюнхенское соглашение как нанесшее «сильнейший удар по проектам коллективной безопасности» и создавшее «угрозу изоляции для Советского Союза»⁹⁸, А.О. Чубарьян ни единым словом не обмолвился о внешней политике СССР в период кризиса вокруг Чехословакии⁹⁹. В отличие от некоторых историков, полагающих, что после Мюнхенского соглашения не было альтернативы советско-германскому сближению, он считал, что политические и военные переговоры между СССР и западными державами летом 1939 г. сохраняли шанс на подобную альтернати-

⁹⁷ Чубарьян А. В преддверии второй мировой войны: Заметки историка // Коммунист. 1988. № 14. С. 102–112.

⁹⁸ Там же. С. 107.

⁹⁹ В связи с 50-летием Мюнхенского соглашения усилилось стремление к абсолютизации его значения, как пролога Второй мировой войны, якобы предопределившего развитие международного кризиса вплоть до ее начала. Акцент при этом делался на критику политики западных держав, политика же СССР в период чехословацкого кризиса освещалась исключительно по хорошо известным апологетическим канонам (см.: Севостьянов Г.Н. Мюнхен и дипломатия США // Новая и новейшая история. 1987. № 4. С. 177–199; Мюнхен – преддверие войны: (Исторические очерки) / Отв. ред. В.К. Волков. М., 1988; Орлов А.С. Мюнхен: Скачок к войне // Военно-исторический журнал. 1988. № 9. С. 60–66; Иванов А.Г. Великобритания и Мюнхенский сговор (в свете архивных документов) // Новая и новейшая история. 1988. № 6. С. 21–35; Матвеев В.А. Что раскрывают архивы: (Как были преданы в Мюнхене Чехословакия и всеобщий мир) // Открывая новые страницы... Международные вопросы: события и люди / Сост. Н.В. Попов. Под общ. ред. А.А. Искендерова. М., 1989. С. 65–79, и др.).

ву¹⁰⁰. Неудачу переговоров трех держав в Москве в августе 1939 г. А.О. Чубарьян предложил рассматривать через призму «упущенных возможностей», развивая ранее сформулированный им тезис¹⁰¹. Даже в чисто постановочном плане это был важный шаг вперед по преодолению глубоко укоренившихся стереотипов. Однако в трактовке как мотивов, побудивших Кремль пойти на заключение пакта о ненападении с Германией, так и в его оценке в качестве вынужденного и трудного шага, предпринятого в условиях, когда «СССР стоял перед возможностью войны на два фронта»¹⁰², А.О. Чубарьян недалеко отошел от сложившихся оценок. Тем не менее он попытался установить связь между внутренней и внешней политикой СССР накануне и в начале Второй мировой войны, что позволяло, отталкиваясь от общепризнанных «сталинских деформаций социализма», критически проанализировать и внешнеполитическую деятельность Кремля. В статье содержался также весьма прозрачный намек на наличие секретных соглашений между СССР и Германией¹⁰³, что в условиях нараставшего общественного интереса к этому вопросу, с одной стороны, и упорного нежелания руководства страны официально признать их существование¹⁰⁴ – с другой, было, несомненно, важным положительным фактом.

Сохранявшийся контроль за научными публикациями, недоступность архивных документов, недостаточное или одностороннее знакомство с зарубежными трудами, боязнь «прогневить начальство» и ряд других факторов – все это в значительной степени ограничивало в 1988 г. возможности историков¹⁰⁵. В опубли-

¹⁰⁰ В этом вопросе точка зрения А.О. Чубарьяна претерпела изменение. Весной 1988 г. он утверждал, что «после мюнхенского сговора у Советского Союза не было иного выхода, не было иного выбора, кроме как заключить договор о ненападении с Германией» (см.: Проясняя «белые пятна» [Дискуссия о советско-польских отношениях в Гостинном дворе журнала «Международная жизнь»] // *Международная жизнь*. 1988. № 5. С. 153).

¹⁰¹ Чубарьян А.О. Историческая наука, внешняя политика и перестройка. С. 46.

¹⁰² Чубарьян А. В преддверии второй мировой войны. С. 110.

¹⁰³ «Советские историки, – писал А.О. Чубарьян, – призваны продолжить глубокие исследования предьстории договора, его сущности и последствий, всесторонне изучив и вопрос о сопутствующих договору документах» (Там же. С. 111).

¹⁰⁴ Политбюро, обсуждавшее накануне визита М.С. Горбачева в Польшу проблему секретных протоколов к советско-германским соглашениям, отклонило даже предложение секретаря ЦК В.А. Медведева «снять запрет на обсуждение этих вопросов в научной литературе» (*Медведев В.А. Указ. соч.* С. 104–105).

¹⁰⁵ Например, в сборнике «Историки отвечают на вопросы» (М., 1988) вообще не упоминалось о внешней политике СССР и международных отношениях во второй половине 30-х годов. Не касался их и А.М. Самсонов, рассуждая о причинах поражений СССР на первом этапе Великой Отечественной войны (см.: *Самсонов А.М. Знать и помнить: Диалог историка с читателем*. М., 1988. С. 315–316).

кованных статьях наряду с «прорывами» в направлении осмысления различных аспектов внешней политики СССР накануне и в начале Второй мировой войны уживалось немало клише из «не-ржавеющего арсенала» советской пропаганды, глубоко укоренившихся в представлениях многих историков. Порой эти клише, особенно те, что касались политики западных держав, преподносились в качестве некоего «дежурного блюда», демонстрирующего своего рода лояльность того или иного историка.

Например, в одной из статей военного историка О.Ф. Сувенирова¹⁰⁶ повторялись неоднократно воспроизводившиеся в советской историографии характеристики политики западных держав в межвоенный период. Однако, оценивая причины неудач англо-франко-советских военных переговоров, он использовал новые критерии. О.Ф. Сувениров сделал акцент на трех факторах, ранее никак не принимавшихся во внимание советской историографией. Во-первых, одной из важных причин отсутствия заинтересованности правительств западных держав в заключении военного союза с СССР летом 1939 г. было резкое ослабление боеспособности Красной Армии и Советского Союза в целом в результате Большого террора, что не могло не вызвать в Лондоне и Париже усиления и без того немалого недоверия к гипотетическому союзнику. Во-вторых, внешнеполитические акции СССР также не избежали деформаций, обусловленных культом личности, что, в частности, нашло выражение в том, что «тогдашнее руководство Советского Союза во главе со Сталиным сделало отнюдь не все возможное, чтобы добиться заключения военной конвенции с Францией и Англией». И в связи с этим «совершенно неправомерно считать, что заключение договора с Германией являлось в той обстановке единственно разумным и возможным для Советского правительства решением»¹⁰⁷. В-третьих, изучение основных документов Германии и Японии того периода не позволяло согласиться с выводом, что «в августе 1939 г. СССР угрожала реальная опасность войны на два фронта». Ощущая некоторую ограничен-

¹⁰⁶ Сувениров О.Ф. «Клим, Коба сказал...» // Военно-исторический журнал. 1988. № 12. С. 51–60. В название статьи вынесены слова, якобы содержащиеся в записке заведующего Особым сектором ЦК ВКП(б) А.Н. Поскребышева, переданной наркомом обороны К.Е. Ворошилову во время одного из заседаний военных миссий СССР, Англии и Франции в Москве во второй половине августа 1939 г. Достоверность этого факта, сообщенного В.И. Дашичевым на заседании «круглого стола» в Институте всеобщей истории АН СССР 19 мая 1988 г., до настоящего времени не нашла документального подтверждения.

¹⁰⁷ Там же. С. 58, 59.

ность документальной базы для подобного ретроспективного утверждения, О.Ф. Сувениров тут же фактически дезавуировал его следующим предположением: «Так могло казаться Сталину, Молотову, Ворошилову в предвоенное время»¹⁰⁸. Несмотря на отмеченные недостатки, О.Ф. Сувениров выделил новые составляющие провала переговоров военных миссий в Москве в августе 1939 г., что выводило данную проблему за рамки упоминавшегося выше тезиса об «упущенных возможностях».

В опубликованных в 1988 г. статьях, материалах «круглых столов» по вопросам внешней политики СССР и международных отношений крайне редко можно встретить открытую, персонафицированную полемику между историками. Исключение – журнал «Новая и новейшая история», предоставивший свои страницы для дискуссии по такой общей проблеме, как политический характер Второй мировой войны. Начало ей положила полемическая статья М.И. Семиряги, основные положения которой сводились к следующим тезисам: 1) политика западных держав претерпела изменения в начале сентября 1939 г., что нашло выражение уже в самом факте объявления войны нацистской Германии; 2) позиция правительств западных держав в основном совпадала с жизненными интересами народов этих стран и поэтому война, в которую они вступили, с самого начала была с их стороны справедливой, освободительной; 3) ошибочность традиционной советской концепции об империалистическом характере войны со стороны Англии и Франции в 1939–1941 гг. объясняется тем, что в ней на одну доску поставлены политические цели фашистских государств и западных демократий¹⁰⁹.

Оппонент М.И. Семиряги С.А. Тюшкевич противопоставил его новациям в оценке начального этапа Второй мировой войны «незыблемые» постулаты: 1. «Источником и виновником второй мировой войны является империализм как социально-политиче-

¹⁰⁸ Там же. С. 59. Что касается приводимого автором сопоставления технической оснащённости вермахта и Красной Армии, то оно ограничивалось только количественными показателями. Но самое главное, оставалось совершенно не ясным, в какой степени высшее руководство СССР было информировано о боеспособности вермахта.

¹⁰⁹ Семиряга М.И. К вопросу о политическом характере второй мировой войны // Новая и новейшая история. 1988. № 4. С. 103, 105, 106. М.И. Семиряга затронул этот вопрос и на «круглом столе» в ИМЛ при ЦК КПСС в июне 1988 г., посвященном истории Коминтерна. По его мнению, в сентябре 1939 г. Коминтерн неверно охарактеризовал начавшуюся Вторую мировую войну как несправедливую со стороны всех воюющих держав (см.: Бабич Г.Л., Пархоменко Е.А. Идеино-политическая борьба в Коминтерне и ВКП(б) // Вопросы истории КПСС. 1988. № 11. С. 41).

ская система, все крупные государства этой системы...»; 2. Англия и Франция сделали все для того, чтобы сорвать переговоры с Советским Союзом «в интересах направления агрессии гитлеровской Германии против СССР»; 3. Они предприняли немало усилий, чтобы «вместо войны с гитлеровской Германией начать войну против СССР»; 4. «Усилия Англии (...) были направлены на то, чтобы заставить СССР отказаться от нейтралитета и договора о ненападении с Германией и как можно быстрее втянуть его в войну» с Берлином; 5. «Политика, проводимая Англией и Францией накануне войны, носила антисоциалистический, антисоветский характер и потому она не может рассматриваться как справедливая. Следовательно, и война, которую были вынуждены вести Англия и Франция, не могла быть справедливой»¹¹⁰.

Журнал «Новая и новейшая история» не предоставил М.И. Семиряге возможности ответить на статью С.А. Тюшкевича, по-видимому, опасаясь дальнейшей радикализации его позиции, но дискуссия на этом не закончилась¹¹¹.

В.Л. Мальков подверг критике или, по меньшей мере, высказал сомнение по поводу некоторых положений статьи С.А. Тюшкевича: 1) международная изоляция СССР перед лицом нацистской агрессии не была единственной целью политики западных держав и США в предвоенные годы; 2) противоречия между западными державами и странами фашистского блока оказались сильнее, чем их общеклассовые интересы. Вывод В.Л. Малькова сводился к следующему: «Особая расстановка сил на мировой арене, возникшая после заключения советско-германского пакта о ненападении и нападения Гитлера на Польшу только затемнила, но не опровергла в целом оборонительный, антифашистский, а следовательно, справедливый характер войны для тех стран, которые оказались вовлеченными в нее на стороне жертв агрессии»¹¹².

Эволюцию взглядов отечественных историков на характер Второй мировой войны представил В.П. Смирнов¹¹³. Проанализи-

¹¹⁰ *Тюшкевич С.А.* Об оценке характера второй мировой войны // *Новая и новейшая история.* 1988. № 4. С. 109, 111, 113.

¹¹¹ Социально-политические аспекты Второй мировой войны обсуждались и на «круглом столе» в Институте военной истории, причем содержание дискуссии определялось в основном отношением ее участников к концепциям-антагонистам, представленным М.И. Семирягой и С.А. Тюшкевичем. См. Отчет о «круглом столе» в ИВИ МО СССР 13.07.1988 г. (*Гроссман А.С.* О социально-политическом характере второй мировой войны // *Вопросы истории.* 1988. № 11. С. 181–184).

¹¹² *Мальков В.Л.* Некоторые соображения о политическом характере второй мировой войны // *Новая и новейшая история.* 1988. № 6. С. 102, 103, 104.

¹¹³ *Смирнов В.П.* О характере второй мировой войны // Там же. 1989. № 3. С. 101–110.

зировав общие рассуждения С.А. Тюшкевича, зачастую слабо увязанные с реальными событиями, он показал их несостоятельность, противопоставив им аргументы, основывавшиеся на конкретном анализе исторической обстановки. В.П. Смирнов, хотя и солидаризировался с С.А. Тюшкевичем в оценке антисоветских тенденций и склонности к соглашению с Германией, особенно отчетливо проявившихся в Англии и Франции во время «странной войны», тем не менее дал понять, чем не в последнюю очередь был обусловлен этот антисоветизм. «Задача “уничтожения гитлеризма”, – резюмировал он, – сформулированная английским правительством еще в 1939 г. (и публично осужденная Молотовым), вполне соответствовала антифашистскому характеру войны»¹¹⁴.

В отличие от В.П. Смирнова, А.С. Орлов, придерживавшийся иной точки зрения, не стал анализировать аргументы М.И. Семиряги и его сторонников, а воспроизвел хорошо известную в советской историографии оценку «странной войны» как подтверждение незыблемости постулата о несправедливом характере начавшейся Второй мировой войны со стороны западных держав. По его мнению, «их политика была рассчитана на то, чтобы припугнуть империалистического конкурента и сделать его более сговорчивым». Более того, одновременно «вынашивался замысел превращения второй мировой войны из вооруженного противоборства капиталистических держав в объединенный поход против СССР»¹¹⁵.

И хотя немалое число участников дискуссии поддержала тезис о изначально справедливом характере Второй мировой войны со стороны всех государств, вовлеченных в конфликт с державами фашистского блока¹¹⁶, это вовсе не свидетельствовало, что подобная точка зрения в отечественной историографии возобладавала¹¹⁷. Тем не менее у историков могло возникнуть ощущение, что, во-

¹¹⁴ Там же. С. 109, 107.

¹¹⁵ Орлов А.С. Странности «странной войны» // Там же. 1989. № 5. С. 75, 78.

¹¹⁶ См.: Гроссман А.С. Указ соч.; Блосфельд Е.Г. К вопросу о характере второй мировой войны // Новая и новейшая история. 1989. № 6. С. 117–120.

¹¹⁷ Спустя три года статья М.И. Семиряги вновь стала объектом резких нападок со стороны одного из активных ортодоксов, Б.Г. Соловьева, утверждавшего, что «разгром Польши явился прямым следствием мюнхенской политики западных государств, продолжавшейся и после начала второй мировой войны». По его мнению, «оценка политического характера второй мировой войны, нашедшая отражение практически во всех трудах советских историков, в основе является правильной. Соображения, высказанные М.И. Семирягой, не дают достаточных оснований к ее пересмотру» (Соловьев Б.Г. О политическом характере второй мировой войны // Новая и новейшая история. 1991. № 3. С. 99).

преки всем официальным препонам и противодействию ортодоксов, намечился определенный прогресс в рассмотрении вопросов, относившихся к ранее закрытой сфере внешней политики СССР и международных отношений накануне и в начальный период Второй мировой войны, и эта тенденция отныне будет развиваться исключительно по нарастающей. Увы, это было далеко не так...

В 1988 г. вышла в свет переизданная массовым тиражом книга «Правда и ложь о второй мировой войне»¹¹⁸, представлявшая собой в условиях первых лет Гласности явный рецидив холодной войны, «выстраивание фронта противодействия процессу пересмотра устаревших сталинистских стереотипов»¹¹⁹. Оставаясь полностью на позициях Исторической справки «Фальсификаторы истории», авторы буквально ополчились «против буржуазных фальсификаторов, извращающих события минувшей войны в угоду новым агрессивным устремлениям монополий». В оценке западной историографии советской внешней политики они исходили из постулата, согласно которому «по интенсивности и масштабам псевдонаучной лжи, нагромождаемой на Западе вокруг внешнеполитических акций СССР в 1939–1941 гг., этот период не имеет себе равных в попытках буржуазных идеологов опорочить историю Советского Союза»¹²⁰.

Для защиты этой политики использовались самые разные методы, в том числе не отличавшиеся элементарной корректностью. Так, например, журнал «Международная жизнь», занимавший в целом прогрессивные позиции после перемен в руководстве МИД СССР, опубликовал материал о «белых пятнах» в истории советско-польских отношений в XX в., представив его как дискуссию в рамках «очередной встречи в Гостином дворе» редакции журнала известных советских историков, среди которых были члены двусторонней комиссии ученых СССР и Польши по изучению истории отношений между двумя странами. Однако, затронув, в частности, вопрос о расстреле многих тысяч польских офицеров в Катыни, журнал опубликовал оценку этого трагического события только О.А. Ржешевским, категорически отвергавшим ответственность советского руководства и НКВД за это преступление¹²¹, и солидарных с ним историков, создав таким об-

¹¹⁸ Кульков Е.Н., Ржешевский О.А., Чельшев И.А. Указ. соч.

¹¹⁹ Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2001. С. 237.

¹²⁰ Кульков Е.Н., Ржешевский О.А., Чельшев И.А. Указ. соч. С. 61, 295.

¹²¹ Просяния «белые пятна» // Международная жизнь. 1988. № 5. С. 157–158. В развернутом виде эта позиция О.А. Ржешевского представлена в упомянутой выше книге «Правда и ложь о второй мировой войне». С. 272–275. Спустя почти два десятилетия, на международной конференции

разом впечатление о единодушии участников дискуссии. В действительности же никакой дискуссии, как и самой встречи, историков в Гостином дворе не было вообще. В редакции журнала (согласно указаниям со Старой площади) представленные по заранее согласованному кругу проблем тексты были скомпонованы соответствующим образом¹²². И это неудивительно, ибо не только главным редакторам периодических изданий, но даже советским членам двусторонней комиссии ученых Польши и СССР было запрещено открыто обсуждать вопросы, связанные с деятельностью комиссии¹²³. Принимая во внимание эти и немало других фактов, характеризовавших тогдашнее состояние исторической науки, А.М. Самсонов писал, что оно «вызывает неудовлетворенность», к тому же есть историки, которые не только «проявляют робость, непоследовательность», но и «психологически неспособные к перестройке»¹²⁴. Подобное положение особенно касалось советской внешней политики, в освещении которой «только сейчас происходит отказ от стереотипов», сложившихся на протяжении десятилетий. По мнению А.М. Самсонова, советско-германские договоры 1939 г. «принесли, несомненно, выгоды агрессору, безопасность же нашей страны больше проиграла, чем выиграла»¹²⁵.

Появившаяся в конце лета 1988 г. первая в атмосфере Гласности статья А.С. Якушевского о советско-германском договоре 23 августа 1939 г.¹²⁶ отразила все присущие тому времени издержки политико-административного и научно-конъюнктурного ха-

в Москве, посвященной 60-летию завершения работы Нюрнбергского процесса, О.А. Ржешевский по-прежнему отстаивал точку зрения, согласно которой вопрос об ответственности за расстрел многих тысяч поляков в Катыни и ряде других мест на территории СССР якобы остается открытым.

¹²² Сообщено автору в январе 2004 г. членом двусторонней комиссии ученых Польши и СССР, одним из участников «дискуссии», И.С. Яжборовской.

¹²³ *Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С.* Указ. соч. С. 247. Подробно о препонах, которые чинили деятельности этой комиссии высшее советское руководство и прежде всего М.С. Горбачев (см.: Там же. С. 226–267).

¹²⁴ *Самсонов А.М.* Знать и помнить. С. 312.

¹²⁵ *Горов В.Я., Самсонов А.М.* 1941–1945: На подступах к истине // *Историки спорят: 13 бесед / Под общ. ред. В.С. Лельчука.* М., 1988. С. 310. Обоснованность этого вывода явно нивелировалась следующим уточнением А.М. Самсонова: «...до сих пор серьезно не проанализирован вопрос, чья военная мощь за это время выросла больше – наша или фашистской Германии» (Там же. С. 311).

¹²⁶ *Якушевский А.С.* Советско-германский договор о ненападении: взгляд через годы // *Вопросы истории КПСС.* 1988. № 8. С. 82–96.

рактера. Но, пожалуй, главным ее недостатком были непоследовательность, противоречивость и отсутствие доказательной аргументации. А.С. Якушевский справедливо констатировал, что на Западе опубликованы все немецкие документы и материалы, относящиеся как к советско-германским переговорам, предшествовавшим заключению договора о ненападении, так и к самому договору, в то время как у нас «большинство этих материалов все еще недоступно для исследователей»¹²⁷. Однако эти немецкие документы он почему-то почти не использовал. Сетую на недостаток советских документов, А.С. Якушевский, выстраивая свою версию, игнорировал даже уже введенные в оборот отечественными историками¹²⁸. Характеризуя политику западных держав, он приписал им намерения, которые не подтверждались известными документами. В частности, после 23 августа 1939 г. они якобы попытались в срочном порядке «сговориться с Германией, отдать ей Данциг и Польский коридор, заключить с ней соглашение, аналогичное мюнхенскому»¹²⁹. Признавая необходимость «более глубокого исследования и всестороннего раскрытия проблем, связанных с заключением договора [с Германией] и его последствиями»¹³⁰, А.С. Якушевский вместе с тем, оценивая достижения советской внешней политики, в основном остался на позициях тезисов Исторической справки «Фальсификаторы истории». И все же некоторые положения его статьи можно отнести к числу позитивных сдвигов в освещении кануна и начального периода Второй мировой войны. Во-первых, А.С. Якушевский подверг, хотя и ограниченной, критике как не совсем корректную представленную в докладе М.С. Горбачева в ноябре 1987 г. аналогию между кризисной ситуацией, в которой находилась наша страна в период заключения Брестского мира, и положением СССР в период, предшествовавший заключению советско-германского пакта. Во-вторых, он обратил внимание на одно из последствий сотрудничества между СССР и Германией после заключения договора «О дружбе и границе», а именно на передачу «германским властям» (некий эвфемизм гестапо) нескольких групп немецких и австрийских антифашистов, репрессированных в Советском Союзе. В-третьих, традиционно полагая, что в ре-

¹²⁷ Там же. С. 83.

¹²⁸ См., например: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. В 6 т. / Под ред. П.Н. Поспелова и др. М., 1963. Т. 1 С. 174–176; Андросов И.Ю. Накануне второй мировой войны // Вопросы истории. 1972. № 9. С. 133–142; № 10. С. 98–110.

¹²⁹ Якушевский А.С. Советско-германский договор о ненападении. С. 92.

¹³⁰ Там же. С. 83.

зультате заключения договора о ненападении с Германией СССР «получил около двух лет... для укрепления своей обороноспособности», А.С. Якушевский в то же время пришел к выводу, что «предоставленное договором о ненападении время было использовано Советским Союзом менее эффективно, чем фашистской Германией»¹³¹.

Во второй половине лета 1988 г. стало очевидным, что вопрос о секретных протоколах к советско-германским соглашениям августа–сентября 1939 г. невозможно более обходить молчанием, ссылаясь на то, что их оригиналы в архивах не найдены. Интерес к этим документам явно вышел за рамки сугубо академического, обретя общественное звучание. В такой обстановке, по всей видимости, руководство КПСС решило снять табу с обсуждения этой темы, задав ей при этом необходимую тональность. Подходящий случай вскоре представился. В связи с очередной годовщиной начала Второй мировой войны газета «Правда» опубликовала большую статью начальника Историко-дипломатического управления МИД СССР Ф.Н. Ковалева и О.А. Ржешевского¹³². В ней была изложена традиционная для советской историографии трактовка предыстории Второй мировой войны, в контексте которой политика нацистской Германии определенно отходила на второй план. Квинтэссенцией предложенной широкому кругу читателей концепции стал следующий вывод, не требующий комментариев: «Ответственность за то, что альтернатива войне не стала летом 1939 года реальностью, лежит на политиках Запада, принимавших решения (...) Даже если на эти решения повлияло ослабление СССР в результате массовых репрессий, особенно против кадров высшего военного командования, ответственность за роковые для судеб мира и истории решения лежит на тех же западных лидерах». Эти нанизанные одно на другое рассуждения о «коварстве» западных держав представляли собой своего рода косметические средства, призванные во что бы то ни стало подретушировать ту сотканную из противоречий информацию, которой в Кремле решили «поделиться» с общественностью. Вот как она выглядела.

«Нынешний уровень знаний (здесь и далее подчеркнуто мной. – С.С.) позволяет утверждать, что одновременно с договором о ненападении был подписан «секретный протокол». В советских архивах он не обнаружен. Оригиналов нет и в западных

¹³¹ Там же. С. 91, 94–96.

¹³² Ковалев Ф., Ржешевский О. Уроки истории: Так начиналась вторая мировая война // Правда. 1988. 1.09. С. 4.

архивах, нет вообще нигде. Нельзя поэтому со стопроцентной уверенностью считать соответствующими действительности тексты распространяемых копий этого документа¹³³. Тем не менее, очевидно, что Германия по секретному протоколу взяла на себя обязательство не допускать в случае войны вторжения своих войск в Латвию, Эстонию, Финляндию, Бессарабию (позднее также и Литву), а в Польше не продвигаться далее рек Нарев, Висла и Сан. Такие обязательства означали, что неминуемая в будущем фашистская агрессия против СССР могла начаться с рубежей на 200–300 км дальше от жизненно важных центров нашей страны. Значение этого обстоятельства для конечной победы антигитлеровской коалиции трудно переоценить».

Ф.Н. Ковалев и О.А. Ржешевский ограничились осуждением формулировок Секретного протокола к советско-германскому пакту о ненападении – как «политически и нравственно» неприемлемых, а также уже ставшими неким «дежурным блюдом», инвективами по адресу договора «О дружбе и границе» между СССР и Германией, но ни словом не обмолвились о практической политике Кремля, последовавшей за этими соглашениями. Сам же договор 23 августа 1939 г., существовавший вроде бы сам по себе, был взят под «отеческую» защиту «как вынужденная, продиктованная Советскому Союзу конкретно-исторической обстановкой тех дней мера», как «единственная оставшаяся возможность избежать немедленного вовлечения в войну – на западе и востоке, причем, как знать, снова против объединенного фронта всех империалистических держав».

Установочный характер статьи «Уроки истории» не вызывал сомнения¹³⁴, но наступили другие времена, а вместе с ними – иное, чем прежде, отношение к установкам...

М.И. Семиряга одним из первых воспользовался приоткрывшейся возможностью вести дискуссию в печати о советско-германском договоре и его последствиях¹³⁵. Заметив, что на Западе в су-

¹³³ Это была заведомая дезинформация: в официальной многотомной публикации «Akten zur deutschen auswärtigen Politik», подготовленной крупнейшими историками Англии, США, Франции и ФРГ, содержались не только все соглашения между СССР и Германией 1939–1941 гг., включая секретные протоколы и приложения к ним, но и другие документы, прямо и косвенно подтверждавшие факт существования и подлинность текстов секретных соглашений.

¹³⁴ Эта, по характеристике А.С. Черняева, «бездоказательная и фактически выгораживающая Сталина» статья была санкционирована М.С. Горбачевым (см.: Черняев А.С. На Старой площади. С. 90).

¹³⁵ Семиряга М. 23 августа 1939 года: Советско-германский договор о ненападении: была ли альтернатива? // Литературная газета. 1988. 5.10. С. 14.

ществовании секретных протоколов к советско-германским соглашениям не сомневаются, хотя «в советских архивах они не обнаружены», он предложил исходить из реальной обстановки того времени, которую в немалой степени можно реконструировать (что он и сделал) по опубликованным материалам. При этом выяснилось, что новые границы СССР «удивительным образом» совпали с тем разделом «сфер интересов» сторон, которые были зафиксированы в секретных протоколах к советско-германским соглашениям.

Основное внимание М.И. Семиряга сосредоточил на двух еретических для того времени вопросах: был ли советско-германский пакт о ненападении выгоден СССР и была ли ему «альтернатива, адекватная интересам нашей Родины»? Обозначив в самых общих чертах преимущества, полученные СССР и Германией на протяжении 22 месяцев действия договора, он пришел к выводу, что «за продление мирного состояния только для себя Советский Союз заплатил чрезвычайно высокую цену, но национальные интересы страны договор так и не обеспечил». Не в последнюю очередь это было обусловлено тем, что «советская сторона сделала больше уступок третьему рейху, чем получила от него, и это привело к серьезному изменению равновесия в Европе в пользу Гитлера»¹³⁶. Поэтому, резюмировал М.И. Семиряга, «заключение договора было политическим просчетом советского руководства». Менее убедительны его рассуждения по поводу альтернативы этому внешнеполитическому шагу Кремля. Утверждая, что «альтернатива существовала реально», М.И. Семиряга представил следующую гипотетическую ситуацию ее реализации: если бы СССР отверг предложение Германии как неприемлемое или затянул переговоры с ней и одновременно упорно добивался заключения военного соглашения с Англией и Францией, «даже если бы оно и не было заключено немедленно, то все равно угроза его, как дамочлов меч, висела бы над агрессором и удерживала бы его от немедленных авантюр».

¹³⁶ Не в последнюю очередь под влиянием этого вывода М.И. Семиряги я попытался проанализировать эту проблему, взглянув на нее с другой, немецкой стороны, а именно: зачем Гитлеру был нужен пакт о ненападении со Сталиным? По итогам предпринятых исследований мною были сделаны доклады на международной конференции в Вене в октябре 1989 г. и во Фрайбурге в октябре 1991 г., расширенный вариант которых был затем опубликован в Германии (см.: *Stutsch S. Warum brauchte Hitler einen Nichtangriffspakt mit Stalin? // «Unternehmen Barbarossa»: zum historischen Ort der deutsch-sowjetischen Beziehungen von 1933 bis Herbst 1941 / im Auftrag des Militärgeschichtlichen Forschungsamtes hrsg. von R.G. Foerster. München, 1993. S. 69–87*). Все попытки опубликовать эту статью в отечественных журналах в конце 80-х – начале 90-х годов успеха не имели.

Отсутствием столь необходимой в данном случае аргументации не замедлили воспользоваться оппоненты М.И. Семиряги. В статье А.С. Орлова и С.А. Тюшкевича была представлена известная трактовка развития международной обстановки весной–летом 1939 г.¹³⁷, которую венчал не менее традиционный вывод: «Агрессивный курс фашистской Германии, антисоветизм англо-французских правящих кругов, правительств пограничных с СССР стран, их политика любой ценой добиться союза с Гитлером за счет изоляции СССР, их постоянное “нет” предложениям СССР привели к кризису в августе 1939 г. Оказавшись в условиях изоляции, Советский Союз встал перед перспективой войны с Германией один на один, без союзников и при вероятной поддержке Германии капиталистическим миром. В этой обстановке (...) альтернативы советско-германскому пакту не оказалось». Авторы явно не утруждали себя поиском фактов, подтверждавших столь апокалипсическое видение международного положения СССР.

Совсем иначе рассуждал В.П. Смирнов, поставивший во главу угла при освещении советской внешней политики в 1939–1941 гг. и ее важнейшей компоненты – советско-германских отношений – известные, конкретные факты, реальные события. Подобный подход позволил ему, не навязывая априорно выводов, обозначить узловые проблемы этой политики, требующие серьезного изучения даже в ситуации с еще «необнаруженными» советскими документами¹³⁸.

Активно участвовали в дискуссии и историки из Прибалтики. В статье Х. Арумяэ на основе опубликованных немецких документов и материалов советской прессы были охарактеризованы главные этапы советско-германского сближения в 1939 г. Автор исходил из очевидного для него факта существования Секретного протокола к пакту о ненападении от 23 августа и даже затронул вопрос о генезисе информации о его существовании. Он не только опубликовал текст Секретного протокола в переводе с немецкого, но, что еще важнее, – телеграмму Риббентропа германскому посольству в Москве от 25 августа 1939 г. В ней содер-

137 Орлов А., Тюшкевич С. Пакт 1939 года: альтернативы не было // Литературная газета. 1988. 26.10. С. 14.

138 Смирнов В. «Белые пятна» в истории второй мировой войны [доклад на Всесоюзном симпозиуме «“Белые пятна” в изучении всеобщей истории», 25–26.10.1988 г., Москва] // Общественные науки. 1989. № 3. С. 125–131; см. также: *Он же*. «Белые пятна» в истории второй мировой войны // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы / Под ред. А.О. Чубарьяна и В.В. Согрина. М., 1989. Вып. 2. С. 94–106.

жалось указание «хранить в строжайшем секрете», подписанный двумя днями ранее Секретный дополнительный протокол, а сотрудникам посольства, которым стало известно об этом документе, «дать специальное обязательство о неразглашении и заверить это обязательство своей подписью»¹³⁹. К сожалению, как данный факт, так и сама статья эстонского историка остались фактически незамеченными в ходе дискуссии о подлинности секретных соглашений между СССР и Германией.

Историография Прибалтийских республик вовсе не была монолитна в оценке событий 1939–1940 гг., как могло бы показаться на первый взгляд. Заместитель директора Института истории партии при ЦК КП Эстонии В. Бойков попытался в очередной раз доказать, что в июне–июле 1940 г. в стране произошла социалистическая революция, мирное развитие которой было предопределено внутренними и внешними факторами, среди них решающую роль сыграло пребывание на территории Эстонии частей Красной Армии. Именно благодаря этому «профашистская диктатура не осмелилась выступить с оружием в руках против трудящихся», создав тем самым «благоприятные условия для борьбы» против этого режима¹⁴⁰. Вместе с тем спектр мнений в партийной периодике Эстонии в 1988 г. был значительно шире, чем в Москве, о чем, в частности, свидетельствовала возможность полемики с упомянутой выше точкой зрения, причем на страницах того же партийного журнала. Ю. Ант иначе, чем В. Бойков, оценил события в Эстонии летом 1940 г. По его мнению, «в период с 21 июня по 21 июля 1940 года не происходила революция в смысле народного выступления, острой и открытой борьбы классов за политическую власть. (...) Правильнее говорить о подготовке к установлению в тот период Советской власти специфическим способом», который «во многом определяли деформации теории и практики социалистического строительства в СССР»¹⁴¹.

О том, что скрывалось за этим «специфическим способом» установления советской власти или, иными словами, советизации

139 Арумэя Х. Август 39–го: как это было // Таллинн. 1988. № 6. С. 107. В опубликованной в ФРГ летом 1989 г. статье Х. Арумэя в сжатой форме представлена позиция автора по основным дискуссионным среди советских историков вопросам, связанным с предысторией и последствиями заключения советско-германского пакта о ненападении (см.: *Arumäe H. Noch einmal zum sowjetisch-deutschen Nichtangriffspakt // Hitler-Stalin-Pakt 1939: Das Ende Ostmitteleuropas? / Hrsg. von E. Oberländer. Frankfurt a. Main, 1989. S. 114–124.*)

140 Бойков В. Международная обстановка в канун революции // Коммунист Эстонии. 1988. № 7. С. 81.

141 Ант Ю. Чего не хватило для революции? // Там же. № 10. С. 43.

ей государств Балтии, немало поведали воспоминания бывшего министра иностранных дел Литвы (1938–1940) Ю. Урбшиса. Особенно большой интерес у историков вызвали содержащиеся в них подробности встреч с советским руководством в Кремле в октябре 1939 г. и июне 1940 г. Согласно Ю. Урбшису, в ночь с 14 на 15 июня 1940 г. Молотов предъявил ему фактически ультиматум, являвшийся грубым вмешательством во внутренние дела Литвы и означавший полную ликвидацию ее суверенитета. Время, отвеченное литовскому правительству для ответа, составляло менее 10 часов. При этом Молотов заявил: «Какой бы ни был ваш ответ, войска завтра все равно вступят в Литву»¹⁴².

В целом в 1988 г. возможности историков по обсуждению «белых пятен» во внешней политики СССР и международных отношений второй половины 30-х – начала 40-х годов расширились¹⁴³, подготовив почву для серьезного прорыва на этом направлении в следующем, юбилейном (50-летие начала Второй мировой войны) 1989 г.

* * *

Первое всесоюзное совещание историков-полонистов (26–28 января 1989 г., Москва) не было отмечено какими-либо новациями по проблемам, связанным с историей советской внешней политики. В докладе сопредседателя Комиссии советских и польских ученых по истории отношений между двумя странами Г.Л. Смирнова содержалось утверждение, что в сентябре 1939 г. СССР и Польша не находились в состоянии войны¹⁴⁴ и, следовательно, можно говорить не о пленении, а об интернировании

¹⁴² Урбшис Ю. Литва в годы суровых испытаний, 1939–1940. Вильнюс, 1989. С. 57. (На языке оригинала воспоминания Ю. Урбшиса были изданы в 1988 г.) Опубликованная год спустя советская запись этой беседы полностью подтвердила смысл и тональность приведенных Ю. Урбшисом высказываний Молотова (см.: Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией: Август 1939 г. – август 1940 г. / Редкол.: В.Г. Комплектов и др. М., 1990. Док. 240. С. 372–374).

¹⁴³ См. информацию об опубликованных статьях и интервью: Страницы истории: Дайджест прессы. 1988, январь–июнь / Сост. Е.Б. Никанорова, А.Я. Разумов. Л., 1989. С. 293–294; Страницы истории: Дайджест прессы. 1988, июль–декабрь / Сост. С.А. Прохвятилова, Э.А. Урусова. Л., 1989. С. 290–291.

¹⁴⁴ Это абсолютно неверно: отсутствие формального объявления войны как со стороны СССР, так и со стороны Польши не меняло существа дела, поскольку, согласно международному праву того времени, «военные действия нейтрального государства это действия, совершаемые в целях нападения на воюющего. Они являются актами войны и создают состояние войны между таким нейтральным государством и соответствующим воюющим» (Oppenheim L. International Law. L. a.o., 1940. Vol. II. § 320. P. 546).

польских военнослужащих. Коснувшись вопроса о Секретном протоколе к советско-германскому пакту о ненападении, он отметил, что в настоящее время историки не располагают достоверными данными для вынесения окончательного вердикта по поводу столь болезненной темы в истории советско-польских отношений¹⁴⁵. Конечно, это было лицемерное, но отнюдь не самое ложное заявление по поводу Секретного протокола, сделанное в первой половине 1989 г. хорошо информированной номенклатурной персоной¹⁴⁶.

Однако оказалось, что историки располагают достаточно достоверными и аргументированными данными о Секретном протоколе, что, в частности, продемонстрировал состоявшийся 15 февраля 1989 г. в Институте славяноведения и балканистики «круглый стол» под названием «Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы»¹⁴⁷. Его участники обсудили много вопросов, касавшихся внешней политики СССР и международной обстановки в 1939 г., можно сказать, с беспрецедентной для того времени откровенностью. Причем речь шла не только о введении в оборот ранее замалчиваемых фактов, но прежде всего о новых концептуальных подходах и оценках, ставших настоящим прорывом в изучении этих проблем.

¹⁴⁵ См.: *Горизонтов Л.Е.* Всесоюзное совещание историков-полонистов // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 181.

¹⁴⁶ В опубликованных в этом же году на Западе мемуарах А.А. Громыко утверждалось, что Секретный протокол «ни в СССР, ни в какой-либо другой стране никогда не был обнаружен – и не мог быть обнаружен», так как это – фальшивка (*Gromyko A.* Erinnerungen. Internationale Ausgabe. Düsseldorf; Wien, 1989. S. 64–65). В воспоминаниях А.А. Громыко, изданных в России, вопрос о Секретном протоколе был опущен (*Громыко А.А.* Памятное: В 2 кн. М., 1988; 2-е изд. М., 1990). Более того, в его многословных, но малосодержательных воспоминаниях вообще не нашлось места для оценки внешней политики СССР в 1939–1941 гг., хотя он в эти годы уже работал в Наркоминделе. В последнем интервью, данном незадолго до смерти журналу «Шпигель», А.А. Громыко заявил: «Я должен повторить, что нет никаких доказательств подлинности каких-либо документов, которые были бы подписаны Молотовым и Риббентропом, кроме тех, что официально известны. Эти “документы”, которые сейчас распространяются, фальшивки. Это сильное слово, но я должен его употребить, и делаю это совершенно сознательно и с полной ответственностью» (*Spiegel.* 1989. № 17. S. 170). Для справки. 5 мая 1988 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС А.А. Громыко при обсуждении вопроса о Секретном протоколе сказал следующее: «Непризнание протоколов неприемлемо. (...) С точки зрения длительных интересов необходимо сказать правду» (В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991) / Сост. А. Черняев и др. М., 2006. С. 344).

¹⁴⁷ См. данный сборник. С. 188–237.

На основе материалов «круглого стола» был подготовлен сборник статей, аккумулировавший эти сдвиги в трактовке различных аспектов внешней политики Советского Союза в 1939 г.¹⁴⁸ Так, В.К. Волков¹⁴⁹ представил международную изоляцию СССР как следствие ряда причин, среди которых особенно выделил внутривнутриполитические: укрепление тоталитарно-бюрократических методов правления, массовые репрессии, превращение внешней политики в «домен узкой группы политических деятелей». Эти обстоятельства серьезно подорвали международный престиж страны, союзоспособность которой к концу 30-х годов была близка к нулю. Хотя и в этой ситуации проявилась весьма характерная черта советской дипломатии: «чем больше западные державы становились в позицию противостояния Германии, тем больше ослабевала готовность Советского Союза идти на соглашение с ними». В этих условиях реальная оценка Сталиным возможностей СССР «должна была привести его к выводу, что страна не готова к большой войне, что перспектива даже «плохого» сближения с Германией сулила гораздо больше, чем сотрудничество с западными державами». Поэтому, резюмировал В.К. Волков, «принимая во внимание состояние наших внутренних дел, особенности нашей политической элиты, образ мышления сталинского руководства (...) никакой другой реальной альтернативы [советско-германскому пакту о ненападении] не было». Вместе с тем это соглашение, разумеется, не представляло собой «Мюнхен № 2», хотя причинно-следственная связь между ними существовала. По мнению В.К. Волкова, неоправданно также утверждение, что советско-германский пакт от 23 августа 1939 г. и договор «О дружбе и границе» от 28 сентября 1939 г. «представляют собой единое целое, один пакет договорных обязательств», так как, несмотря на их хронологическую близость, «между ними лежит целая эпоха» и «решительная смена вех во внешнеполитическом мышлении и концепциях сталинского руководства».

Л.Я. Гибианский¹⁵⁰ обозначил ряд новых подходов при оценке итогов англо-франко-советских переговоров в августе 1939 г., полагая невозможным абстрагироваться от сложившегося к этому времени на Западе представления о сталинской тоталитарной

¹⁴⁸ См.: Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы / Отв. ред. И.И. Поп. М., 1989.

¹⁴⁹ Волков В.К. Некоторые аспекты предвоенного политического кризиса 1939 г. в Европе // Там же. С. 3–14.

¹⁵⁰ Гибианский Л.Я. Поворот в советско-германских отношениях в 1939 г. и восточноевропейские проблемы: (Некоторые аспекты) // Там же. С. 75–95.

диктатуре, осуществлявшей во второй половине 30-х годов массовые репрессии против руководящих кадров страны. Это не могло не вызывать в Лондоне и Париже определенных сомнений по поводу внутренней прочности СССР, его военных возможностей, стабильности советской политики, надежности Москвы как партнера. В отличие от традиционной позиции советской историографии¹⁵¹, согласно которой Англия и Франция якобы поддержали негативную реакцию правительства Польши на советское требование о пропуске Красной Армии через польскую территорию, Л.Я. Гибианский на основе опубликованных документов пришел к выводу, что как раз в середине августа 1939 г. правительства Англии и Франции проявили серьезную заинтересованность в заключении военной конвенции с СССР и пытались добиться от Варшавы «какой-то формы согласия на проход советских войск в случае необходимости через территорию Польши, стремились предотвратить неудачу переговоров». По мнению Л.Я. Гибианского, главным в планах руководства Англии и Франции был, очевидно, расчет на то, что «сам факт заключения англо-франко-советского военного соглашения остановит Гитлера у границы Польши, предотвратив немецкое вторжение (...) и войну вообще, вследствие чего, в частности, отпадет и необходимость ввода частей Красной Армии на польскую территорию». Таким образом, возникший на переговорах тупик в связи с нерешенностью вопроса о пропуске советских войск через территорию Польши, был обусловлен не позицией западных держав, а отношением польского правительства к подобной перспективе.

Были ли СССР или западные державы больше заинтересованы в пропуске частей Красной Армии через территорию Польши? – поставил вопрос Л.Я. Гибианский. Если бы Германия угрожала непосредственно Советскому Союзу, то его руководство должно было, прежде всего, озаботиться получением помощи от Англии и Франции. Эта помощь могла быть оказана СССР различными путями (на суше, на море), но территория Польши не имела к этому никакого отношения. Ведь при том уровне взаимного недоверия и подозрительности, которые характеризовали отношения между СССР и западными державами в 1939 г., продолжал Л.Я. Гибианский, согласие на ввод советских войск на территорию Польши (в представлении Сталина и его окружения) вовсе не гарантировало помощи Англии и Франции, но неизбежно должно было привести к столкновению Советского Союза с

¹⁵¹ См.: Манусевич А.Я. На пути к катастрофе: (Из истории внешней политики Польши в 1938–1939 гг.) // Там же. С. 48.

Германией. Поэтому возникают вопросы, на которые пока нет ответов: почему «именно советская сторона поставила возможность продолжения переговоров и заключения военной конвенции в зависимость от решения вопроса о разрешении ее войскам вступить в Польшу? Почему именно она заявила о беспредметности дальнейших переговоров, а значит – и невозможности подписания конвенции без такого разрешения?»

И наконец, касаясь вопроса о мотивах советского руководства, заключившего в августе–сентябре 1939 г. соглашения с Германией, Л.Я. Гибианский пришел к выводу, что, кроме стремления избежать вовлечения в войну, первостепенную роль играло желание влиять на судьбы Восточной Европы. С потерей социального ориентира во внутренней политике правящая верхушка, узурпировавшая власть в СССР, выдвинула на передний план вопрос о захвате новых территорий, прежде всего в восточноевропейском регионе.

Ю.С. Новопашин¹⁵², определив национально-государственные интересы СССР как совокупность направленных вовне, в сферу межгосударственных отношений, потребностей развития всего общества, подчеркнул их отличие от интересов «бесконтрольно правившей в то время в нашей стране сталинской клики». По его мнению, национально-государственные интересы СССР и его народов требовали в 1939 г. «не оставаться во что бы то ни стало в стороне от конфликта, навязанного Европе и всему миру агрессивной гитлеровской политикой, а решительно встать в этом конфликте на сторону антифашистских сил».

По мнению Т.А. Покивайловой¹⁵³, Мюнхенские соглашения, подорвав доверие советского правительства к западным державам, негативно отразились и на положении М.М. Литвинова. Его отставка в начале мая 1939 г. «нанесла серьезный удар по внешнеполитическому курсу, направленному на поиск путей объединения со странами западной демократии против фашистской агрессии». Тем не менее нет никаких оснований считать, что после отставки М.М. Литвинова советское правительство было готово идти на сближение с Германией. Характеризуя внешнюю политику СССР этого периода, Т.А. Покивайлова подчеркнула возросшую роль в ней балканского региона, так как одной из задач, выдвинутых Кремлем, являлось обеспечение позиций СССР в районе Черноморских проливов. Она отметила: еще в 1938 г. совет-

¹⁵² Новопашин Ю.С. К вопросу о национально-государственных интересах СССР // Там же. С. 106–116.

¹⁵³ Покивайлова Т.А. После Мюнхена. Литвинов, Потемкин, Молотов // Там же. С. 26–30.

ское правительство заявило, что ряд договоров с балканскими странами может быть пересмотрен, если обстоятельства изменятся и в Москве увидят, что какие-то страны могут стать соучастниками фашистской агрессии против СССР.

В публицистически остром выступлении В.Г. Сироткина прозвучал призыв к историкам: «Нельзя во имя ложно понятого государственного престижа обелять Сталина: надо раз и навсегда от него и от его внешней политики отмежеваться, как сделали ГДР и ФРГ в отношении внешней политики Гитлера»¹⁵⁴.

С.З. Случ¹⁵⁵ обратил внимание на необходимость пересмотра традиционного представления относительно нараставшей в 1939 г. (до 23 августа) международной изоляции СССР, так как интерес к контактам и переговорам с Москвой проявлялся с самых разных сторон именно до этого дня. Была также подчеркнута важность рассмотрения советско-германских соглашений от 23 августа и 28 сентября 1939 г. как единого договорного комплекса, главный компонент которого – пакт о ненападении – превращал его в соглашение с неограниченным нейтралитетом для участвующих сторон. Отсюда очевидно, что «советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г., даже в своей официальной части, отнюдь не ограничивал нацистскую агрессию, а, напротив, всячески способствовал ее расширению». Наличие секретных протоколов к советско-германским договорам подтверждено множеством документов и материалов, никогда не вызывавших сомнения, но, самое главное, реальной политикой СССР и Германии в согласованных «сферах интересов». Поэтому «ставить под сомнение факт четвертого раздела Польши, осуществленного в результате советско-германских договоренностей в августе–сентябре 1939 г.», означает погрешить против истины. В заключение С.З. Случ вернулся к обсуждавшемуся вопросу о наличии альтернативы советско-германскому пакту 23 августа 1939 г. во внешней политике СССР. По его мнению, этому договору в условиях господствовавшего в стране режима, который западные державы воспринимали как не меньшее зло по сравнению с режимом нацистской Германии, не было альтернативы.

Характерно, что вопрос об «альтернативах 1939 года» спустя 50 лет занял заметное место в дискуссии советских историков. Взятый на вооружение главным образом ортодоксами, стремившими-

¹⁵⁴ См. данный сборник. С. 216.

¹⁵⁵ Случ С.З. О некоторых проблемах дипломатической борьбы в канун второй мировой войны // Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы. С. 96–105.

ся к некоему реваншу за вынужденное признание наличия секретных договоренностей между СССР и Германией, он сплошь и рядом трактовался крайне односторонне, без учета всех объективных и субъективных факторов¹⁵⁶. Теперь для поддержания престижа «самого миролюбивого государства» необходимо было доказать безальтернативность советской внешней политики накануне Второй мировой войны, любыми средствами защитить договор о ненападении от 23 августа 1939 г., противопоставить его обнародованной части не только Секретный протокол к нему, но и особенно договор от 28 сентября «О дружбе и границе». При этом всю вину и ответственность за сложившееся международное положение требовалось возложить на западные державы. Именно подобная позиция с теми или иными модификациями стала стратегической «линией обороны» историков-ортодоксов на многие годы.

В 1989 г. их аргументы сводились к следующим постулатам. 1. Вторая мировая война не являлась фатальной неизбежностью, ее можно было предотвратить даже на этапе предвоенного политического кризиса в Европе. Первая такая альтернатива мировой войне существовала летом–осенью 1938 г., вторая – летом 1939 г. 2. «Советский Союз, следуя принципам ленинской внешней политики, прилагал максимум усилий для предотвращения войны». 3. В период чехословацкого кризиса «у Советского Союза была не только военная сила, но и политическая воля к активным действиям по обеспечению безопасности европейских государств и к предотвращению надвигавшейся угрозы новой мировой войны». 4. В последние предвоенные месяцы 1939 г. СССР продолжал решительно выступать за пресечение агрессивных действий фашистских держав и создание системы коллективной безопасности. 5. Назревавший англо-германский альянс, тупик, возникший на московских переговорах военных миссий трех держав¹⁵⁷, ставили

¹⁵⁶ Об издержках обсуждения актуальной проблемы см.: *Ковальченко И.* «Исследование истины само должно быть истинно»: Заметки о поисках исторической правды // *Коммунист.* 1989. № 2. С. 90.

¹⁵⁷ О.А. Ржевский полагал, что советской стороной на этих переговорах были использованы не все возможности. В частности, в Москву не пригласили польских представителей для обсуждения вопроса о пропуске Красной Армии через территорию Польши в случае нападения на нее Германии (см.: *Ржевский О.А.* Две альтернативы // *Общественные науки.* 1989. № 4. С. 121–122). Умозрительный характер подобного упрека очевиден. Не случайно советские дипломаты не ставили этого вопроса перед польской стороной в 1938–1939 гг., ибо обсуждение подобной проблемы не входило в намерения ни советского, ни польского политического руководства (см.: СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 – август 1939 г.): *Документы и материалы.* М., 1971; ДВП. М., 1976. Т. XXI).

СССР «в положение международной изоляции, угрозы совместно-го военного похода империалистических держав» против него, в условия «неминуемого наступления вермахта через Польшу к советским границам с непредсказуемыми последствиями». Все это и предопределило для советского руководства «единственно правильное решение – заключить по предложению Германии двусторонний пакт о ненападении»¹⁵⁸. 6. Нет оснований приписывать Советскому Союзу ответственность за срыв трехсторонних переговоров военных миссий¹⁵⁹. 7. Хотя советское руководство недоценило остроту противоречий внутри капиталистического мира, недопущение создания «единого антисоветского фронта» было действенным аргументом в пользу принятия чрезвычайных мер, включая договор о ненападении с Германией¹⁶⁰. 8. В конкретных условиях лета–осени 1939 г. военный союз с СССР не входил в расчеты политического руководства Великобритании. «Следовательно, СССР фактически не мог “выбирать” между пактом с Гитлером и союзом с Англией и Францией. Альтернативы не существовало»¹⁶¹.

Тогда же, в 1989 г., в отечественной историографии наметилась тенденция, ставшая позднее, к сожалению, обыденной практикой: не обращать внимания на публикации коллег по цеху и приводимые в них документы, факты, выводы. Причины этого явления могли быть разными, но результат один – снижение уровня исследований. Порой подобные методы работы были следствием политической ангажированности. Например, в конце мая 1989 г. были опубликованы тезисы Комиссии ученых СССР

¹⁵⁸ См.: *Ржешевский О.А.* Две альтернативы. С. 111–123.

¹⁵⁹ *Ржешевский О.А.* Москва, Спиридоновка, 17 // Военно-исторический журнал. 1989. № 7. С. 81.

¹⁶⁰ См.: *Безыменский Л.А.* «Второй Мюнхен»: Замысел и результаты (из архива Форин оффиса) // Новая и новейшая история. 1989. № 5. С. 159. В.М. Бережков довел тезис о безальтернативности для СССР соглашения с Германией буквально до абсурда, утверждая: «Если бы Советское правительство отказалось от пакта о ненападении, Гитлер получил бы возможность заявить, что только большевики противятся «установлению справедливого мира» и что надо объединиться для «спасения европейской цивилизации» от «советской угрозы»» (*Бережков В.М.* Накануне войны: К 50-летию начала второй мировой войны // США – экономика, политика, идеология. 1989. № 8. С. 42). Выступая в апреле 1989 г. на международном симпозиуме в Дюссельдорфе, В.М. Бережков, естественно, опустил подобного рода аргументацию (см.: *Bereschkow V.* Ein «Krieg der Diktatoren»? Der deutsch-sowjetische Nichtangriffsvertrag, die Außenpolitik Stalins und die Präventivkriegsfrage // *Hitlers Krieg? Zur Kontroverse um Ursachen und Charakter des Zweiten Weltkriegs* / Hrsg. von U. Hörster-Philipps, R. Kühnl. Köln, 1989. S. 97).

¹⁶¹ *Безыменский Л.* Альтернативы 1939 года: Вокруг советско-германского пакта 1939 года и связанных с ним документов // Новое время. 1989. № 23. С. 41.

и ПНР по истории отношений между двумя странами¹⁶². В одном из них констатировалось: «СССР внимательно наблюдал за ходом военных действий в Польше, предлагая ей материальную поддержку, оказать которую вследствие быстрого развития событий было невозможно. Советский Союз, несомненно, был заинтересован в сильном польском сопротивлении, однако ход событий показал, что это сопротивление ослабеваает». Подобный вывод о позиции советского руководства по отношению к Польше в первой половине сентября 1939 г. как-то плохо сочетался с тем, что сказал Сталин Г. Димитрову во время беседы 7 сентября: «Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше. Что плохого было бы, если бы в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую систему на новые территории и население». Эту выдержку из дневника Генерального секретаря Коминтерна впервые привел Ф.И. Фирсов на конференции в ИМЛ при ЦК КПСС, состоявшейся 13 апреля 1989 г., т.е. почти за полтора месяца до публикации тезисов советско-польской комиссии¹⁶³. Опубликованный в конце 1989 г. аналитический обзор, основанный на документах из фонда Коминтерна в тогдашнем Центральном партийном архиве ИМЛ при ЦК КПСС (ныне – Российский государственный архив социально-политической истории) и посвященный изменению политической линии Коминтерна по указаниям Сталина в связи с заключением советско-германского пакта о ненападении, убедительно продемонстрировал, что руководство СССР в лице Сталина отказалось в то время от антифашистского курса, разработанного VII конгрессом Коминтерна. Кремль ориентировал зарубежные компартии на активизацию борьбы с английскими и французскими поджигателями войны, подчинив свои установки исключительно интересам сохранения дружественных отношений с Германией. Ради этого, даже в условиях приближавшегося нападения нацистского рейха на СССР, Сталин в конце апреля 1941 г. высказался за роспуск Коминтерна¹⁶⁴.

¹⁶² Канун и начало второй мировой войны: Тезисы, подготовленные Комиссией ученых СССР и ПНР по истории отношений между двумя странами // Правда. 1989. 25.05. С. 4.

¹⁶³ Фирсов Ф.И. Коминтерн: опыт, традиции, уроки – нерешенные задачи исследования // Коминтерн: опыт, традиции, уроки: Материал научной конференции, посвященной 70-летию Коммунистического Интернационала / Под ред. Ф.И. Фирсова. М., 1989. С. 21–22.

¹⁶⁴ См.: Коминтерн и советско-германский договор о ненападении: Аналитический материал, подготовленный Институтом марксизма-ленинизма при

Очередной «круглый стол», посвященный предыстории Второй мировой войны, состоялся в редакции журнала «Вопросы истории» 31 марта 1989 г.¹⁶⁵ Тон на нем задавали ортодоксы во главе с В.М. Фалиным, пытавшиеся в который раз оправдать заключение советско-германского пакта о ненападении. По мнению В.Я. Сиполса, инициатива улучшения отношений между Москвой и Берлином исходила исключительно от немецкой стороны, а советское правительство, даже подписав 23 августа договор с Германией, по-прежнему было заинтересовано в заключении англо-франко-советского договора о взаимопомощи, неоднократно заявляя о совместимости обоих соглашений¹⁶⁶. Л.А. Безыменский, признав факт заключения секретных договоренностей между СССР и Германией, утверждал, что «по содержанию ни один из [их] пунктов не выходит за рамки широко бытовавшей тогда практики. Аналогичные секретные договоренности имелись у демократий с Германией, Италией и Японией, а также у Польши»¹⁶⁷. С расчетом на неподготовленного читателя особенно манипулировал фактами В.М. Фалин, стремившийся создать впечатление, что и после подписания советско-германского пакта в Кремле не было полной уверенности в строгом соблюдении немецкой стороной его условий, так как «договор стал действующим правом» только после обмена ратификационными грамотами в Берлине 24 сентября 1939 г.¹⁶⁸ Не менее «оригинальное» умозаключение сделал В.М. Фалин, характеризуя начавшуюся 3 сентября 1939 г. войну между западными державами и Германией (начало Второй мировой войны он склонен относить к 1931 г., когда Япония оккупировала Маньчжурию): «Если мы будем доискиваться, про-

ЦК КПСС совместно с Международным отделом ЦК КПСС // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 202–215. Можно предположить, что Ф.И. Фирсов был основным автором этого текста, что видно из опубликованной им годом позже статьи: *Фирсов Ф.И.* Политика Коминтерна в годы Второй мировой войны // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале Второй мировой войны (сентябрь 1939–август 1940) / Отв. ред. Л.Я. Гибианский. М., 1990. С. 194–211.

¹⁶⁵ «Круглый стол»: Вторая мировая война – истоки и причины // Вопросы истории. 1989. № 6. С. 3–32.

¹⁶⁶ Там же. С. 26, 30. Достаточно взглянуть на статью IV советско-германского договора о ненападении, чтобы понять всю абсурдность подобного утверждения. Она гласила: «Ни одна из договаривающихся сторон не будет участвовать в какой-либо группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны» (Известия. 1939. 24.08. С. 1).

¹⁶⁷ «Круглый стол»: Вторая мировая война – истоки и причины. С. 20.

¹⁶⁸ Там же. С. 7. На этот счет никаких сомнений не оставляла статья VII советско-германского договора о ненападении: «Договор вступает в силу немедленно после его подписания» (Известия. 1939. 24.08. С. 1).

тив кого воевали “западные демократии” – против фашизма или не против фашизма, то из документов сделаем вывод, что они воевали против внешней политики фашизма. Или еще точнее – против того разворота, который приобрела на известном этапе внешняя политика фашистской Германии»¹⁶⁹.

Единственный участник «круглого стола», чья позиция содержала новизну в оценке внешней политики СССР накануне и в начале Второй мировой войны, был М.И. Семиряга. По его мнению, советско-германский договор 23 августа не являлся экспромтом, заключенным якобы в безвыходной для Москвы ситуации. «В 1939 г. Германия не была готова к войне с Советским Союзом и не имела на этот счет никаких разработанных планов». Сопоставляя значение пакта о ненападении для обеих сторон, М.И. Семиряга пришел к выводу, что он обеспечил Гитлеру тыл на Востоке и свободу рук на Западе. Что же касается СССР, то «этот договор и сопутствующие ему документы углубили международную изоляцию нашей страны, нанесли удар по ее международному престижу»¹⁷⁰. Весьма характерной как по безапелляционности, так и бездоказательности была реакция В.М. Фалина на эту точку зрения: «Версию Семиряги принять не могу, поскольку она строится на предвзятой интерпретации фактов, к тому же тщательно селектированных»¹⁷¹.

Подобный подход отражал стремление официальных кругов, приоткрывая правду о событиях 1939 г., определить русло будущих исследований, сделать их управляемыми. Это проявилось и на заседании Комиссии ЦК КПСС по вопросам международной политики, где обсуждался вопрос идеологических, политических и военных аспектов развязывания Второй мировой войны. В предельно политизированном выступлении В.М. Фалина звучала тревога по поводу того, что «в недалеком времени мы столкнемся с целой лавиной версий, совершенно оторванных от реальных фактов, навязывающих (...) вывод, будто Советский Союз был соучастником развязывания второй мировой войны или как минимум способствовал тому, что она приняла столь трагический оборот». По мнению В.М. Фалина, необходимо было провести водораздел между договором о ненападении от 23 августа и договором «О дружбе и границе» от 28 сентября 1939 г. И такой подход со стороны заведующего Международным отделом ЦК был, разумеется, не случайным. Для него историческая наука по-

¹⁶⁹ «Круглый стол»: Вторая мировая война – истоки и причины. С. 9, 31.

¹⁷⁰ Там же. С. 22, 24.

¹⁷¹ Там же. С. 24.

прежнему была одним из инструментов актуальной психологической войны, ибо речь шла не о «прошлом наших отношений с Польшей, Англией, Францией, Соединенными Штатами». В то время как советская наука и публицистика пребывают в состоянии обороны, сетовал В.М. Фалин, «запад просеивает архивы не ради академической истории и не ради сведения счетов из-за давнего или недавнего прошлого», программируя на десятилетия «моральные и психологические ценности»¹⁷².

Д.А. Волкогонов не был склонен даже проводить этого «водораздела», полагая, что «все решения, которые принимались в 1939 г., включая августовский, сентябрьский договоры, определялись оборонительной стратегией Советского Союза»¹⁷³, что противоречило его же ранее сделанным выводам (см. выше. С. 50). Пожалуй, лишь А.О. Чубарьян, из участвовавших в обсуждении историков, хотя и с оговорками, констатировал, что вынужденное подписание договора о ненападении с Германией было в числе прочего результатом просчетов советской дипломатии¹⁷⁴.

Несмотря на доминирование официальной точки зрения, «предвзятая» интерпретация фактов прокладывала тернистый путь к истине. Так, В.М. Кулиш пришел к выводу, что история советско-германского сближения весной–летом 1939 г. не является свидетельством безвыходного положения советского руководства, озабоченного выбором, заключить договор с Берлином или вступать в войну. «Этот договор был не столько вынужденным, сколько нужным Сталину для решения задач его политики в Восточной Европе». В то же время отсрочку нападения Германии на СССР, по мнению В.М. Кулиша, вовсе не следует считать результатом договора о ненападении, так как «германское руководство осуществляло свой план войны в Европе»¹⁷⁵.

Заслуживала внимание позиция, занятая видным советским военным историком Д.М. Проэктором. С его точки зрения, в 1939 г. не существовало прямой военной угрозы СССР, а пропагандистская шумиха вокруг капиталистического окружения, которое было относительным, преследовала «не в малой степени внутривосточные цели». После Мюнхена, считал Д.М. Проэктор, европейская политика Сталина развивалась по нескольким направлениям, но «первым из этих направлений можно считать

¹⁷² С заседания Комиссии ЦК КПСС по вопросам международной политики 28 марта 1989 г. Вглядываясь в прошлое. К 50-летию событий 1939 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 28–29.

¹⁷³ Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 31.

¹⁷⁴ Там же. С. 32.

¹⁷⁵ Кулиш В. У порога войны // Общественные науки. 1989. № 4. С. 129, 133.

курс на сближение с Германией, который имел давние корни». Размышляя над мотивами, побудившими Сталина пойти на соглашение с Гитлером, Д.М. Проэктор писал, что Сталин «не мог отказать от появившихся в результате переговоров с Германией соответствующих его представлениям о стратегии и безопасности возможностей приобрести, как он, видимо, думал, более выгодное стратегическое положение в Центральной Европе и на Балтийском побережье». Однако, приходил к выводу Д.М. Проэктор, «эти сомнительные тактические выгоды не компенсировали долговременного политического и стратегического проигрыша с точки зрения положения на международной арене». Например, «"используя" договоры с Германией, Сталин ввязался в кровопролитную войну с Финляндией»¹⁷⁶.

С иных позиций было подготовлено переиздание книги В.Я. Сиполса, посвященной дипломатической борьбе накануне Второй мировой войны¹⁷⁷. На основе опубликованных и архивных документов различных стран, в том числе советских, и новейшей зарубежной литературы автор пытался доказать, что «правящие круги всех капиталистических стран считали своей задачей уничтожение установленного в СССР нового общественного строя», в то время как «советская дипломатия делала летом 1939 года (...) все возможное, чтобы договориться о политическом и военном сотрудничестве» с Англией и Францией в целях предотвращения германской агрессии, сохранения мира»¹⁷⁸. По утверждению В.Я. Сиполса, «советское правительство и после подписания советско-германского договора о ненападении по-прежнему было заинтересовано в сотрудничестве с Англией и Францией», полагая «возможным продолжение и переговоров о заключении англо-франко-советского договора о взаимопомощи»¹⁷⁹. Поскольку «предпосыл-

¹⁷⁶ Проэктор Д.М. Фашизм: Путь агрессии и гибели. 2-е изд. доп. М., 1989. С. 181, 202. В предисловии Д.М. Проэктор откровенно писал: «...второе издание книги отличается от первого [1985] главным образом тем, что он попытался здесь хотя бы вкратце изложить некоторые из тех вопросов, которые до 1985 г. либо обходились молчанием, либо получали ложное освещение» (Там же. С. 3).

¹⁷⁷ Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. 2-е изд., дораб. и доп. М., 1989 (1-е изд. – 1979 г.).

¹⁷⁸ Там же. С. 6, 280.

¹⁷⁹ Там же. С. 298, 299. Более того, В.Я. Сиполс стремится убедить, что и МИД Франции, изучив вопрос, пришел к выводу о совместимости «советско-германского договора о ненападении с советско-французским договором о взаимопомощи 1935 года» (Там же). В действительности в ноте МИД Франции от 22 августа 1939 г. речь шла о совместимости советско-французского договора 1935 г. с Берлинским договором 1926 г. о нейтралитете: «До тех пор

кой сохранения мира на западных рубежах СССР по-прежнему было предотвращение дальнейшего наращивания военной мощи фашистской Германии путем захвата ею других стран, в частности – предотвращения разгрома ее войсками Польши и Франции»¹⁸⁰.

Научный и общественный интерес в это время в значительной степени был направлен на внешнюю политику СССР накануне и в начале Второй мировой войны, которая активно обсуждалась на страницах печати и в различных аудиториях. Эта проблема оказалась и в центре внимания Первого съезда народных депутатов СССР, принявшего постановление «Об образовании Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года»¹⁸¹. В то же время историки, придерживавшиеся различных взглядов, с завидным упорством продолжали разоблачать политику западных держав в 1939 г., прежде всего Великобритании¹⁸², обильно цитируя, но, к сожалению, не анализируя документы из зарубежных архивов.

пока СССР сохранит свою свободу действий в случае неспровоцированного немецкого нападения, как это вытекало из договора 1926 г., остаются открытыми возможности для организации антиагрессивного фронта». Однако уже 24 августа французскому послу в Москве П. Наджиару было ясно, что заключенное советско-германское соглашение не имеет ничего общего с Берлинским договором, представляя собой «значительно большее, чем только договоренность о ненападении» (*Bartel H. Frankreich und die Sowjetunion, 1938–1940: Ein Beitrag zur französischen Ostpolitik zwischen dem Münchner Abkommen und dem Ende der Dritten Republik. Stuttgart, 1986. S. 256–257, 263*). Весьма показательно, что в подтверждение своей позиции В.Я. Сиполс ссылался на те же самые страницы книги Г. Бартеля.

¹⁸⁰ Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. С. 300.

¹⁸¹ Первый съезд народных депутатов СССР. 25 мая – 9 июня 1989 г. Стенографический отчет. М., 1989. Т. II. С. 377. Характерно высказывание М.С. Горбачева в кулуарах съезда о задачах этой комиссии: «Она должна выработать политическую и правовую оценку этого договора о ненападении, без упоминания секретного протокола, поскольку все архивы, что мы перерыли у себя, ответа не дали» (*Карпов В. Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира (литературная мозаика) // Знамя. 1989. № 10. С. 69*).

¹⁸² См.: *Безыменский Л.* Августовское предложение Гитлера Лондону // *Международная жизнь.* 1989. № 8. С. 40–50; *Он же.* Альтернативы 1939 года // *Альтернативы 1939 года: Документы и материалы.* М., 1989. С. 41–80; *Он же.* «Второй Мюнхен»: Замысел и результаты (из архива Форин оффиса) // *Новая и новейшая история.* 1989. № 4. С. 93–110; № 5. С. 143–160; *Панкратова М.* Англо-франко-советские переговоры 1939 года // *Международная жизнь.* 1989. № 8. С. 28–39; *Политические переговоры СССР, Великобритании и Франции 1939 г. в свете французских дипломатических документов / Публ. В.Я. Сиполса, И.А. Чельшева // Новая и новейшая история.* 1989. № 6. С. 89–116; *Ржешевский О.А.* Две альтернативы // *Общественные науки.* 1989. № 4. С. 111–123; *Он же.* Москва, Спиридоновка, 17. С. 72–81.

Л.А. Безыменский дал следующее обоснование этому явлению: «чем активнее мы стремимся освободиться от примитивного и “агрессивно-критического” подхода к оценке позиций Англии и Франции тех лет (...) тем больше накапливается материала, который дает основания для резкой критики политики Англии и Франции предвоенных лет»¹⁸³.

Казалось бы, можно было только приветствовать введение в научный оборот ранее неизвестных документов, проливавших дополнительный свет на предысторию Второй мировой войны. Однако перед этими публикациями стояла вполне определенная сверхзадача, не имевшая ничего общего с исследовательским процессом. Согласно Л.А. Безыменскому, ее цель была обусловлена тем, чтобы «попытка преодолеть табу, довлевшее над нашим собственным подходом к советской внешней политике конца 30-х годов», не превратились «в индульгенцию тем силам на Западе, которым антикоммунистический синдром не позволил понять объективную необходимость создания антигитлеровского заслона»¹⁸⁴. Появление подобного рода «установок» отражало неуклонное стремление направить исследовательский процесс в регламентированное русло, в границах которого, в частности, проблема истоков антикоммунистического синдрома правительств западных держав не представляла интереса. Следовало лишь констатировать: «Ввиду нежелания Англии, Франции и Польши сотрудничать с СССР в отпоре агрессии сохранить мир во всей Европе становилось невозможным»¹⁸⁵. И это несмотря на то, что речь шла о Советском Союзе – государстве, которое, как отмечалось в редакционной статье официального органа МИД, на протяжении всей его истории воспринималось как не желающее «видеть реальности окружающего мира, адекватно реагировать на его эволюцию, в полной мере считаться с интересами и правами других стран, всегда на деле признавать обязательными для себя нормы международного права и общечеловеческой морали»¹⁸⁶.

Совсем иной характер имело обсуждение проблем, связанных с внешней политикой СССР, организованное редакцией журнала «Коммунист» в преддверии 50-летия начала Второй

¹⁸³ *Безыменский Л.А.* «Второй Мюнхен»... // Новая и новейшая история, 1989. № 4. С. 94.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ *Сиполс В.* За несколько месяцев до 23 августа 1939 года // Международная жизнь. 1989. № 5. С. 134.

¹⁸⁶ Внешняя политика – уроки прошлого // Там же. С. 85.

мировой войны¹⁸⁷. Его участники сформулировали ряд вопросов, положений и оценок, отличавшихся новизной в трактовке советской внешней политики. С точки зрения М.М. Наринского, весной–летом 1939 г. противоречия между фашистской Германией, с одной стороны, и Англией и Францией – с другой, объективно нарастали, что делало невозможным реализацию нового Мюнхенского соглашения. По мнению Н.Д. Смирновой, «если опасность соглашения между основными капиталистическими державами на антисоветской основе в то время и существовала, то скорее в теоретическом плане». Поэтому «в советском руководстве и теоретически, и практически вариант создания единого империалистического фронта против СССР не прорабатывался и всерьез не принимался во внимание»¹⁸⁸. А.О. Чубарьян предложил еще раз тщательно проанализировать позиции всех участников англо-франко-советских переговоров на основе пока недоступных советских архивных документов, чтобы «определить, когда и почему была упущена возможность создания антигитлеровской коалиции или хотя бы ее прообраза»¹⁸⁹. Характеризуя советскую внешнюю политику после начала Второй мировой войны, М.М. Наринский пришел к заключению, что СССР не занял позиции строгого нейтралитета, который был в пользу Германии. Это привело к тому, что объективно «правящие круги Англии и Франции, с одной стороны, и советское руководство – с другой, создали благоприятные условия для реализации агрессивных планов нацистского рейха». В то же время меры по укреплению безопасности Советского Союза в конечном счете оказались неэффективными, а «тактический выигрыш обернулся для СССР стратегическим проигрышем», так как главный потенциальный союзник Москвы в Европе – Франция – был разгромлен¹⁹⁰. В ходе состоявшегося обсужде-

¹⁸⁷ Август 1939-го: Уроки минувшего // Коммунист. 1989. № 12. С. 94–103.

¹⁸⁸ Там же. С. 96. По мнению Н.Д. Смирновой, это отражало представление Сталина о межимпериалистических противоречиях как более глубоких и гораздо больше чреватых войной, чем противоречия между капитализмом и социализмом (см.: *Смирнова Н.* Кризисный год, 1939... // *Мировая экономика и международные отношения.* 1989. № 9. С. 41–42).

¹⁸⁹ Август 1939-го. С. 97. В опубликованной несколько ранее статье А.О. Чубарьян в связи с этим обратил внимание на необходимость проанализировать на основе архивных документов, «насколько уместно было жесткое и бескомпромиссное требование советской делегации о пропуске войск через Польшу и Румынию, тем более что тогдашние руководители этих стран не желали идти ни на какие уступки» (*Чубарьян А.* Август 1939 года // *Известия.* 1989. 1.07. С. 3).

¹⁹⁰ Август 1939-го. С. 100, 101.

ния высказывались разные точки зрения; отдельные участники дискуссии отдали дань официальным установкам, т.е. оправданию договора о ненападении с Германией, считая его вынужденным и необходимым, хотя и безнравственным, шагом. В целом, несмотря на отсутствие возможности документально подтвердить зафиксированные выводы, дискуссия выявила ряд важных подвижек в оценке советской внешней политики.

Значительная поляризация мнений отличала заседание «круглого стола», прошедшее летом 1989 г. в Институте США и Канады АН СССР. Стремление оправдать сталинский внешнеполитический курс в 1939–1941 гг. и лично его творца, отождествить декларации о ненападении между западными державами и Германией 1938 г. и советско-германский пакт 1939 г., преувеличить значимость перенесения границ СССР на западе и северо-западе для укрепления его безопасности (В.М. Бережков, А.С. Орлов) вызвало жесткую критику советской внешней политики накануне и в начале Второй мировой войны, которая позволила Гитлеру в результате заключения пакта со Сталиным осуществить общий стратегический план ведения войны на одном фронте, о чем мечтали германские генштабисты еще со времен графа А. фон Шлиффена (В.И. Дашичев, С.З. Случ). Вместе с тем в ходе дискуссии была озвучена новая информация о действиях высшего советского руководства в те годы. В частности, В.М. Бережков рассказал о том, что проект советско-германского пакта о ненападении, включая Секретный протокол, предложила советская сторона. Он привел также факты, касавшиеся условий, на которых Кремль в ноябре 1940 г. был готов присоединиться к Тройственному пакту, и обратил внимание на реакцию Сталина, быстро ответившего на это предложение Берлина¹⁹¹.

На состоявшемся заседании «круглого стола» в редакции газеты «Правда»¹⁹² доминировало совпадение мнений и оценок, призванных подтвердить постепенно корректировавшуюся официальную позицию в отношении советско-германских договоренностей августа–сентября 1939 г. Новизна в подходах участников диалога фактически отсутствовала. Если не считать таковой утверждение А.С. Орлова, что, поскольку соглашения, подобные советско-германскому пакту о ненападении, были вполне нормальной практикой тех лет, то отказ от его заключения позволил бы Берлину об-

¹⁹¹ Так как же это было? / Публ. А. Новикова // Комсомольская правда. 1989. 8.08. С. 3; см. также: *Бережков В. Прочет Сталина // Международная жизнь. 1989. № 8. С. 21–25.*

¹⁹² Вторая мировая война: истоки и выводы // Правда. 1989. 11.08. С. 5.

винить СССР «в нежелании нормализовать международную обстановку». И все-таки объективности ради, приведу два высказывания, которые заслуживают внимания. В.Я. Сиполс упомянул о том, что Германия была заинтересована в пакте о ненападении с СССР, так как «хотела, чтобы Советский Союз остался нейтральным после ее нападения на Польшу»¹⁹³. Это, правда, не помешало В.Я. Сиполсу, наравне с другими участниками «круглого стола», как и ранее, утверждать, что СССР находился перед угрозой войны на два фронта. Правовед Р.А. Мюллерсон обратил внимание на то, что советское руководство, заботясь о безопасности страны, использовало и на международной арене, и во внутренней политике противоправные методы. По его мнению, безопасность собственного государства «нельзя обеспечить в ущерб и за счет безопасности других» стран. Однако этот вывод не помешал Р.А. Мюллерсону согласиться с Л.А. Безыменским в том, что нет прямой связи между секретными советско-германскими соглашениями 1939 г. и событиями в Прибалтике летом 1940 г., которые «развивались по своей динамике».

Подчеркну, что подобное, даже мимолетное, сопоставление только методов внешней и внутренней политики СССР – большая редкость в работах советских историков, что серьезно сужало и сужает возможности изучения подоплеки внешнеполитических действий советского государства на международной арене. В связи с этим заслуживает упоминания точка зрения Ю.С. Борисова. Рассуждая о просчете Сталина в определении сроков нападения Германии на СССР, Ю.С. Борисов пришел к выводу, что «в принципе такую ошибку мог допустить на его месте и другой [политик]. Но лишь в созданной Сталиным системе управления эта ошибка могла получить и получила решающее значение»¹⁹⁴, полностью исключив серьезное обсуждение поступавшей информации высшим руководством страны с привлечением компетентных представителей различных ведомств.

¹⁹³ В опубликованной ранее статье В.Я. Сиполс высказался даже еще определеннее: «Германия, собираясь начать войну, сама была заинтересована в том, чтобы СССР оставался в стороне от этой войны» (*Сиполс В.* За несколько месяцев до 23 августа 1939 года. С. 134).

¹⁹⁴ *Борисов Ю.* Сталин: Человек и символ. Факты истории и история культа // Переписка на исторические темы: Диалог ведет читатель / Сост. В.А. Иванов. М., 1989. С. 480. В неопубликованной ранее части воспоминаний адмирала Н.Г. Кузнецова дана еще более жесткая оценка созданному Сталиным механизму государственного управления в военной сфере в конце 30-х годов: «Системы, которая призвана безотказно действовать на случай войны ... не существовало» (*Кузнецов Н.Г.* Накануне. [Неопубликованные] главы из книги / Публ. Р.В. Кузнецовой // Москва. 1988. № 5. С. 167).

Пик дискуссий и публикаций пришелся на лето—осень 1989 г., что было естественно ввиду 50-летия заключения советско-германского пакта о ненападении и начала Второй мировой войны. Большинство опубликованных в научных журналах материалов, связанных с этими событиями, носило самый общий характер, далекий от каких-либо новаций. Однако появились и конкретные исследования, посвященные отдельным аспектам внешней политики СССР. И хотя, как правило, их отечественная документальная база оставалась все еще очень ограниченной, наметились сдвиги и в этом отношении. Прежде всего упомяну статью А.Л. Нарочницкого об истории заключения советско-югославского договора от 5 апреля 1941 г.¹⁹⁵ Это – фактически первая в советской историографии небольшая работа, написанная с неапологетических позиций и с привлечением ряда архивных документов. В отличие от укоренившейся в историографии оценки советско-югославского договора как результата больших усилий советской дипломатии по предотвращению нападения Германии на Югославию¹⁹⁶, А.Л. Нарочницкий пришел к выводу, что «значение этого договора не следует ни уменьшать, ни преувеличивать», хотя бы потому, что советское руководство не ставило перед собой в то время такой задачи¹⁹⁷.

В приуроченных к юбилею начала Второй мировой войны публикациях в ряде партийных, причем не только центральных, периодических изданий, при всей имевшей место осмотрительности в формулировках, историки, придерживавшиеся различных воззрений, тем не менее предложили некоторые, определенно заслуживавшие внимания оценки внешней политики СССР и международной обстановки полувековой давности. Так, А.О. Чубарьян, правда в завуалированной форме, отметил несомненное влияние советско-германских соглашений от 23 августа и 28 сентября 1939 г. на развитие обстановки в мире: «События августа–сентября 1939 года внесли кардинальные изменения в соотношение политических сил на международной арене»¹⁹⁸.

¹⁹⁵ Нарочницкий А.Л. Советско-югославский договор 5 апреля 1941 г. о дружбе и ненападении (по архивным материалам) // Новая и новейшая история. 1989. № 1. С. 3–19.

¹⁹⁶ См., например: История второй мировой войны 1939–1945: В 12 т. М., 1974. Т. 3. С. 349; История дипломатии / Под ред. А.А. Громыко и др. М., 1975. Т. IV. С. 157.

¹⁹⁷ Нарочницкий А.Л. Советско-югославский договор. С. 17.

¹⁹⁸ Чубарьян А. 1939 год: драма, переросшая в трагедию // Коммунист Белоруссии. 1989. № 9. С. 12. При этом автор отдал дань некоторым традиционным клише, утверждая, например, что пакт о ненападении с Германией представлял для СССР «вынужденное и трудное решение, позволявшее избежать вступления в войну в крайне неблагоприятных условиях и предотвращавшее создание единого антисоветского фронта» (Там же. С. 11).

Киевский историк В.С. Коваль, хотя и не во всем корректно и последовательно, представил некоторые достаточно любопытные соображения в отношении советской внешней политики накануне Второй мировой войны. Во-первых, итог англо-франко-советских военных переговоров был фактически подведен уже 14 августа, т.е. через два дня после их начала, когда советская делегация жестко увязала заключение военной конвенции между тремя государствами с решением вопроса о пропуске Красной Армии через территорию Польши и Румынии. Во-вторых, кардинальный поворот в советской внешней политике произошел не вдруг, поскольку на протяжении многих месяцев Кремль проверял «два альтернативных политических курса», причем, по мнению В.С. Ковалья, «старт в переговорах с немцами был взят одновременно с предложением основных советских условий западным державам». И, наконец, в-третьих, советское руководство накануне Второй мировой войны «оценивало ситуацию очень серьезно, но вместе с тем спокойно – угрозы нападения на СССР не было и ее никто не придумывал»¹⁹⁹.

Хотя важнейшей составляющей развития международной обстановки в 1939–1941 гг., можно сказать, ее мотором являлась политика нацистской Германии, внимание к ней в отечественной историографии было невелико²⁰⁰, что отражало плачевное положение в советской германистике, переживавшей очевидный упадок²⁰¹. В связи с этим нельзя не отметить статью Г.М. Иваницко-

¹⁹⁹ Коваль В.С. За кулисами пакта 1939 года // Коммунист Украины. 1989. № 9. С. 85–95. Пытаясь совместить привычные оценки политики западных держав накануне Второй мировой войны и одновременно сказать что-то новое о политике СССР в этот период, В.С. Коваль не мог избежать противоречий. Например, он писал: «Сталин, узнав, что западные государства сами взяли на себя обязательство воевать с Гитлером из-за Польши (не совсем корректная формулировка: подобных обязательств ни Лондон, ни Париж на себя не брали. – С.С.), впервые увидел реальный шанс остаться в стороне от европейской войны». Одновременно В.С. Коваль утверждал, что «никакие усилия гитлеровской дипломатии сами по себе не смогли бы побудить Советский Союз к кардинальному изменению политического курса, если бы его не толкала на это англо-французская политика отказа от эффективного военного сотрудничества с СССР против немецкой агрессии» (Там же. С. 87, 90).

²⁰⁰ Например, на конференции «Неизученные проблемы германской истории и задачи современной германистики», состоявшейся в Днепрпетровске во второй половине июня 1989 г., ни внешней политике третьего рейха, ни советско-германским отношениям в 1939–1941 гг. не было посвящено ни одного сообщения (см.: Гинцберг Л.И. Симпозиум по германистике // Вопросы истории. 1989. № 11. С. 186–187).

²⁰¹ См.: Айзин Б.А. Об изучении германской истории // Новая и новейшая история. 1989. № 4. С. 199–200.

го, посвященную торгово-экономическим отношениям между СССР и Германией в 1939–1941 гг.²⁰² – первое исследование на эту тему в советской историографии. Опираясь преимущественно на опубликованные зарубежные документы и материалы, он собрал большой фактический материал, иллюстрировавший основные этапы в развитии экономических связей двух стран, их обоюдную заинтересованность в интенсификации этого процесса. Несмотря на то что экономический аспект Г.М. Иваницкий не всегда увязывал с другими аспектами отношений между Советским Союзом и третьим рейхом, приведенные им факты позволили прийти к выводу, что «в целом практическое выполнение германо-советских торгово-экономических соглашений в 1939–1941 гг. оказалось на руку Германии». Оно «способствовало экономическому укреплению Германии в период интенсивной подготовки к нападению на СССР»²⁰³.

Заслуживала внимания и статья А.С. Якушевского²⁰⁴, посвященная подготовке вермахта к войне с Советским Союзом, в которой опровергалась бытовавшая в советской историографии версия о причинах неудач Красной Армии в летне-осенней кампании 1941 г. По его мнению, «качественное, а не количественное превосходство немецко-фашистских войск над советскими явилось решающим фактором их успехов в начальный период Великой Отечественной войны»²⁰⁵.

Оставляло желать лучшего изучение польского направления советской внешней политики накануне и в начале Второй мировой войны, несмотря на активную деятельность двусторонней Комиссии ученых СССР и ПНР по истории отношений между двумя странами. Правда, усилия ее советских участников были в основном сосредоточены на наиболее болезненной проблеме – Катыни, решение которой серьезно тормозилось высшим политическим руководством СССР, в том числе лично М.С. Горбачевым²⁰⁶. Что же касалось внешнеполитического аспекта отношений между Москвой и Варшавой, то каких-либо сдвигов в их освещении не наблюдалось. На польское правительство по-прежнему возлагалась не только значительная доля ответственности за незаключе-

²⁰² *Иваницкий Г.М.* Советско-германские торгово-экономические отношения в 1939–1941 гг. // Там же. № 5. С. 28–39.

²⁰³ Там же. С. 39.

²⁰⁴ *Якушевский А.С.* Особенности подготовки вермахта к нападению на СССР // Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С. 63–75.

²⁰⁵ Там же. С. 74.

²⁰⁶ См.: *Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С.* Указ. соч. С. 268–275.

ние англо-франко-советского военного соглашения²⁰⁷, но и за воспрепятствование «созданию системы коллективной безопасности в Европе, антигитлеровской коалиции»²⁰⁸. В.С. Парсаданова утверждала, что «после начала войны гитлеровской Германии с Польшей советское руководство заявило о нейтралитете СССР»²⁰⁹, а последствия военных действий Красной Армии по-прежнему трактовала как воссоединение Западной Украины и Западной Белоруссии с Советским Союзом, которое «явилось результатом свободного волеизъявления населения»²¹⁰.

Наблюдались некоторые подвижки в освещении историками-специалистами генезиса советско-финляндской войны. Хотя об отнесении Финляндии к сфере интересов СССР упоминалось как бы между прочим и акцент по-прежнему делался на неконструктивной позиции правительства Финляндии в ходе переговоров с СССР, якобы пошедшего на поводу подстрекательской политики западных держав, тем не менее постепенно в научный оборот стали вводиться факты, из которых можно было заключить, что инициатива в развязывании советско-финляндской войны принадлежала советскому руководству²¹¹. Явно для смягчения реакции на «неудобные» факты авторы утверждали, что «угрозы независимости Финляндии со стороны Советского Союза в 1939 г., а также до этого или позже не было»²¹²; что «ответственность за начавшуюся войну никак не снимается с тогдашнего финляндского правительства»²¹³.

Непосредственно в преддверии 50-летия заключения советско-германского пакта о ненападении была «озвучена» официальная точка зрения на это событие в виде ответов на вопросы газеты «Правда» председателя Комиссии съезда народных депутатов СССР по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 г. А.Н. Яковлева²¹⁴. Она предста-

²⁰⁷ Парсаданова В.С. Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 26.

²⁰⁸ Парсаданова В.С. Трагедия Польши в 1939 г. // Там же. № 5. С. 26.

²⁰⁹ Там же. С. 24.

²¹⁰ Парсаданова В.С. Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии. С. 27.

²¹¹ См.: Барышников Н.И., Барышников В.Н., Федоров В.Г. Финляндия во второй мировой войне. Л., 1989. С. 74–79; см. также: Орлов А. Можно ли было избежать конфликта? // Родина. 1989. № 8. С. 26.

²¹² Барышников Н.И., Барышников В.Н., Федоров В.Г. Указ. соч. С. 122.

²¹³ Барышников Н.И. Советско-финляндская война 1939–1940 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 4. С. 35.

²¹⁴ События 1939 года – взгляд с полувековой дистанции. Член Политбюро, секретарь ЦК КПСС А.Н. Яковлев отвечает на вопросы «Правды» // Правда. 1989. 18.08. С. 1–2.

вляла собой некую смесь ортодоксальных оценок, в том числе основанных на явно некомпетентной трактовке событий²¹⁵, направленных на оправдание необходимости заключения пакта с Германией как вынужденного и нежелательного шага, якобы сопровождавшегося даже стремлением продолжить после 23 августа переговоры с западными державами²¹⁶, и некоторых позитивных сдвигов в интерпретации событий 1939 г. К числу последних необходимо, конечно, отнести подтверждение секретных договоренностей между СССР и Германией, а также вывод: «Следует признать, что договор 23 августа 1939 года и особенно утвердившаяся с конца сентября тяга Сталина к параллельным действиям с Германией расширили свободу маневра для нацистского руководства, в том числе при осуществлении ряда военных операций». Даже главному идеологу Перестройки столь скромный шаг на пути к правдивому освещению событий дался явно не без труда, что отражало наличие серьезных разногласий не только в возглавляемой А.Н. Яковлевым Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении²¹⁷, но, прежде всего, в высшем политическом руководстве страны²¹⁸. И это было

²¹⁵ Например, А.Н. Яковлев утверждал, что «Гитлера устраивали в то время оба варианта – и принятие в Москве предложения и отклонение его». Ни в 1989 г., ни позднее исследователи не располагали документами, которые могли бы подтвердить подобного рода вывод.

²¹⁶ Основанием для подобного рода допущения послужила, по всей видимости, поступившая в Париж информация от французского посла в Варшаве о неофициальном заявлении «от своего имени» полпреда Н.И. Шаронова министру иностранных дел Польши Ю. Беку 24 августа, что «германо-русский пакт не является препятствием для продолжения переговоров между Парижем, Лондоном и Москвой» (Documents diplomatiques français 1932–1939. 2-e sér. (1936–1939). Т. XVIII. Doc. 374. P. 449). Принимая во внимание, что английская и французская военные миссии покинули Москву только в ночь с 25 на 26 августа, можно предположить, что заявление Н.И. Шаронова, если оно имело место, преследовало цели, отнюдь не связанные с попыткой возобновить диалог с западными державами. Позиция советского руководства на этот счет была вполне определенно сформулирована именно 24 августа в письме К.Е. Ворошилова главе британской военной делегации адмиралу П. Драксу: «Ввиду изменившейся за последние дни политической ситуации, продолжение бесед военных миссий, к тому же, как это опытом доказано, совершенно бесполезных, считаю невозможным» – Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 06. Оп. 16. П. 27. Д. 5. Л. 230.

²¹⁷ См.: *Безымянский Л.* Тайны пакта. Как работала Комиссия Яковлева // Совершенно секретно. 1991. № 12. С. 7; см. также: *Александров В.А.* Сговор Сталина и Гитлера в 1939 году – мина, взорвавшаяся через полвека // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 71–85.

²¹⁸ См.: В Политбюро ЦК КПСС... С. 503–504 (запись от 31.07.1989 г.). В.М. Фалин даже утверждал, что «согласие на интервью А.Н. Яковлева “Правде” ... вырвали у Генерального» (*Фалин В.М.* Без скидок на обстоятельства. С. 404).

особенно заметно на фоне некоторых журнальных публикаций второй половины 1989 г.

Так, М.И. Семиряга поставил вопрос о характере политики СССР после начала Второй мировой войны с учетом его конкретной поддержки агрессии нацистской Германии. «Поскольку международное право не предусматривает ни условного или безусловного, ни полного или неполного нейтралитета, то оказание любой военной помощи одному из воюющих государств несовместимо с данным статусом». По его мнению, официальные заявления советского правительства о сути тех или иных шагов СССР на международной арене не всегда соответствовали действительности. Например, выступление СССР против Польши не квалифицировалось в них как война, но «по своему характеру это была военная акция». Договор о ненападении с Германией от 23 августа 1939 г. М.И. Семиряга трактовал как «головной» в ряду других соглашений между двумя странами в 1939–1941 гг., что подразумевает их совокупный анализ, а не противопоставление одного другим²¹⁹. Вступив в предметную, научную полемику (явление редкое не только для конца 80-х годов, но и для последующего времени) с рядом тезисов Н.Д. Смирновой²²⁰, М.И. Семиряга уточнил и развил некоторые свои прежние выводы. Причины неудачи достижения англо-франко-советского соглашения, по его мнению, коренились не только в курсе западных держав, но и во внутренней политике сталинского режима, который «в политическом, да и в моральном плане был больше подготовлен к сговору с Гитлером». Сталина особенно привлекли «щедрое обещания Берлина предоставить свободу рук Советскому Союзу в зоне Восточной Европы, в Прибалтике, то есть то, чего не могли обещать Англия и Франция...» Полагая, что ситуация, сложившаяся во второй половине августа 1939 г., вовсе не была безальтернативной для советской внешней политики, М.И. Семиряга перечислил гипотетические возможности поведения советской дипломатии в тот период, которое, с его точки зрения, позволяло бы найти оптимальное решение проблемы даже на многовариантной основе, хотя документального подтверждения реальности того или иного варианта он не привел. М.И. Семиряга пришел к выводу, что договор о ненападении, «не обеспечивая подлинного нейтрального статуса СССР, по существу превращался в договор о взаимопомощи между СССР и Германи-

²¹⁹ Семиряга М.И. Советско-германские договоренности в 1939–июне 1941 г.: взгляд историка // Советское государство и право. 1989. № 9. С. 94, 98, 100.

²²⁰ См.: Смирнова Н. Кризисный год, 1939... С. 39–52.

ей». Однако, в чем выразилась эта взаимопомощь, осталось не раскрытым²²¹.

Значение статьи Ю.Н. Зори и Н.С. Лебедевой, основанной на обнаруженных ими советских архивных документах, переоценить трудно. В ней реконструирована подоплека отношения представителей держав-победительниц на Нюрнбергском процессе к «неудобным» вопросам защиты главных немецких военных преступников – политике этих держав прежде всего в межвоенный период и в годы Второй мировой войны. В основе этой позиции лежала предварительная договоренность четырех великих держав антигитлеровской коалиции относительно круга вопросов, которые не следовало допускать к обсуждению на процессе. В их перечне, представленном советской стороной, фигурировали, в частности следующие: «2. Внешняя политика Советского Союза: а) советско-германский пакт о ненападении 1939 года и вопросы, имеющие к нему отношение (торговый договор, установление границ, переговоры и т.д.); б) посещение Риббентропом Москвы и переговоры в ноябре 1940 г. в Берлине; в) Балканский вопрос; г) советско-польские отношения. 3. Советские прибалтийские республики»²²².

На правовой стороне советско-германских соглашений 1939 г. сосредоточил внимание Р.А. Мюллерсон. Он отметил, что если исходить из международного права, то ни СССР, ни Германия не могли передавать друг другу не принадлежавшие им территории. «Со стороны Советского Союза соответствующая договоренность выражала лишь согласие СССР не препятствовать в какой-либо форме действиям Германии против Польши, что, несомненно, облегчило Гитлеру развязывание второй мировой войны». Что касается советско-германского договора «О дружбе и границе», то он, будучи результатом применения силы не только

²²¹ Семиряга М. Еще раз о «кризисном годе, 1939...» // *Мировая экономика и международные отношения*. 1989. № 12. С. 119, 122, 123.

²²² Зоря Ю., Лебедева Н. 1939 год в нюрнбергском досье // *Международная жизнь*. 1989. № 9. С. 130. Эта статья, помимо всего прочего, содержала исчерпывающий ответ на риторический вопрос В.М. Фалина: «Почему Риббентроп в Нюрнберге не вспомнил о “протоколах”, когда выкручивался и искал, с кем бы разделить если не судьбу, то вину» (*Московские новости*. 1988. № 36. С. 8). Позиционирующий себя в качестве германиста В.М. Фалин, конечно, мог бы знать, что вопрос о Секретном протоколе неоднократно затрагивался как защитой обвиняемых на Нюрнбергском процессе, так и самим Риббентропом (см.: *Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal (IMT). Nuremberg, 1947–1949. Vol. X, XI, XIII, XIV, XV, XVII, XIX, XXII, XL; Seidl A. Der Fall Rudolf Hess 1941–1984. Dokumentation des Verteidigers. München, 1984*).

со стороны Германии, но и СССР, являлся «как нарушающий императивную норму международного права недействительным с самого начала». Р.А. Мюллерсон отметил, что договор и был признан таковым, хотя и косвенно, уже в Соглашении между правительством СССР и правительством Польской республики от 30 июля 1941 г., в котором говорилось: «Правительство СССР признает советско-германские договоры 1939 года касательно территориальных перемен в Польше утратившими силу»²²³. По его мнению, договор о ненападении с Германией необходимо оценивать в контексте развития как внешней, так и внутренней политики советского государства в целом, не ограничиваясь 1939 г., тем более что он никоим образом не противоречил логике сталинской внешней политики²²⁴. «Политические режимы двух классово противоположных государств приобрели самодовлеющее, доминирующее для характеристик этих государств значение, а методы осуществления власти, направленной, казалось бы, на взаимоисключающие цели, стали в своих главных чертах совпадать», – резюмировал Р.А. Мюллерсон²²⁵.

В увидевших свет во второй половине 1989 г. статьях прибалтийских историков акцент был сделан на обсуждении непосредственного влияния советско-германских договоренностей на ситуацию в этом регионе. Латвийские дипломаты в разных странах внимательно отслеживали всю информацию о сближении Москвы и Берлина и располагали сведениями о содержании секретных соглашений между ними. По мнению латвийских историков, со-

²²³ Документы и материалы по истории советско-польских отношений (ДМИСПО). М., 1973. Т. VII. Док. 133. С. 208.

²²⁴ Этот аспект Р.А. Мюллерсон выделил особо, выступая на международной научной конференции в Таллине в конце июня – начале июля 1989 г. (см.: Выстрел из прошлого: (Размышления ученых о событиях 1939 г. и международных отношениях в Прибалтике) // Вестник АН СССР. 1989. № 11. С. 5). По итогам этой конференции была принята специальная резолюция (в «Вестнике АН СССР» о ней не упоминалось), в которой, в частности, констатировалось: «1. Германско-советский протокол от 23 августа и 28 сентября 1939 г. и 10 января 1941 г. о разделе Восточной Европы на германскую и советскую сферы влияния и интересов юридически являются договорами, направленными против суверенитета, политической независимости и территориальной целостности третьих стран. (...) 5. Ультиматумы 1939–1940 гг. с их угрозами применения военной силы против трех прибалтийских государств – Эстонии, Латвии и Литвы – явились грубым нарушением норм международного права, а последующая аннексия этих государств – международным преступлением и актом агрессии» (Известия Академии наук Эстонии. Общественные науки. 1990. Т. 39. № 2. С. 160).

²²⁵ Мюллерсон Р.А. Советско-германские договоренности 1939 г. в аспекте международного права // Советское государство и право. 1989. № 9. С. 105, 107, 108.

ветско-германский договор от 23 августа 1939 г. «имел самое отрицательное влияние как на международное, так и на внутреннее положение Латвийского государства»²²⁶. Хотя, как полагал Р.А. Мюллерсон, «секретные протоколы не дают оснований для вывода о необходимости присоединения Прибалтийских республик к Советскому Союзу»²²⁷.

Как утверждал литовский историк В. Канцявичус, правительство Литвы было проинформировано в ходе переговоров в Москве министра иностранных дел Ю. Урбшиса со Сталиным и Молотовым в начале октября 1939 г., а позднее и Риббентропом о наличии секретных соглашений к договорам от 23 августа и 28 сентября 1939 г.²²⁸ По его мнению, ввод советских войск на территорию Литвы 15 июня 1940 г. представлял собой оккупационно-аннексионистскую акцию, основы которой были обозначены «уже в договоре о взаимопомощи между СССР и Литвой»²²⁹.

Новые факты, касавшиеся активизации советской политики на балтийском направлении уже во второй половине сентября 1939 г., как следствие отнесения большинства государств этого региона к сфере интересов СССР по Секретному протоколу к договору с Германией от 23 августа 1939 г., были приведены в серии статей эстонского историка К. Арьякаса²³⁰. Как известно, советское руководство использовало ничтожный по значимости инцидент с польской подводной лодкой²³¹, интернированной в Таллинском порту, а затем тайно покинувшей его, для предъявления ультиматума эстонскому правительству касательно заключения пакта о взаимопомощи, предоставлявшего СССР право иметь на территории Эстонии военные базы. К. Арьякас привел неизвест-

²²⁶ Фелдманис И., Странга А. Советско-германский договор от 23 августа 1939 года и Латвия // Коммунист Советской Латвии. 1989. № 8. С. 91.

²²⁷ Мюллерсон Р.А. Указ. соч. С. 108.

²²⁸ Подтверждение этому факту содержалось и в мемуарной литературе (см.: Урбшис Ю. Указ. соч. С. 27).

²²⁹ Канцявичус В. 1939-й год (Последствия договоров между Германией и СССР) // Вильнюс. 1989. № 10. С. 139, 142. Любопытный штрих: другой литовский историк, опубликовавший в это же время статью в московском сборнике, приводил со ссылкой на архив свидетельство о якобы имевшем место сожалении Сталина, высказанном в беседе с Ю. Урбшисом 8 октября 1939 г., по поводу включения Литвы в советскую сферу интересов (см.: Жюгжда Р.Ю. Политика Германии в Восточной Европе осенью 1939 года // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. 2. С. 119).

²³⁰ См.: Арьякас К. Внешняя политика Эстонии в 1939 году // Радуга. 1988. № 11. С. 60–68; 1989. № 1. С. 50–56; № 2. С. 81–86; № 3. С. 91–95.

²³¹ См. подробнее: Варес П., Осипова О. Похищение Европы, или Балтийский вопрос в международных отношениях XX века / Пер. с эст. Таллинн, 1992. С. 125–127.

ные ранее выдержки из беседы министра иностранных дел Эстонии К. Сельтера с Молотовым 24 сентября 1939 г., в ходе которой последний, не останавливаясь перед прямыми угрозами, следующим образом мотивировал действия Кремля: «Бегство польской подводной лодки свидетельствует о том, что Эстонское правительство не хочет или не в состоянии поддерживать порядок в своей стране, и это угрожает безопасности СССР»²³².

В 1989 г. в Эстонии вышел первый сборник документов и материалов, в том числе из архивов республики, освещавших отношения между СССР и Эстонией в 1940 г. В сборнике также опубликовано решение комиссии Президиума Верховного совета Эстонской ССР по выработке историко-правовой оценки событий 1940 г. в Эстонии, в котором «внешнеполитические и военные акции, предпринятые руководством Советского Союза против Эстонской Республики в 1940 году», квалифицируются «как агрессия, военная оккупация и аннексия Эстонской Республики»²³³.

События 1939–1941 гг. нашли отражение и в различных историко-публицистических статьях. Несмотря на то что в некоторых из них вводились в оборот заслуживавшие внимания архивные документы, в целом научная ценность этих публикаций невелика, поскольку они не только преимущественно описательные, но и содержат немало авторского домысла, приближаясь по форме к художественным произведениям²³⁴. Их роль в историографической ситуации того времени была довольно скромной и сводилась, прежде всего, к тому, что в широкий оборот вводилось обилие ранее неизвестных фактов²³⁵ (сплошь и рядом требовавших тщательной проверки), в том числе свидетельств лиц, в той или иной мере причастных к подготовке и реализации внешнеполитических решений, что создавало первое, еще очень приблизительное представление о некоторых аспектах деятельности сталинского руководства на международной арене, раньше полностью недоступной научному анализу²³⁶.

²³² Цит. по: *Арьякас К.* Указ. соч. 1989. № 2. С. 82. Советская запись этой беседы исследователям до сих пор не доступна.

²³³ 1940 год в Эстонии: Документы и материалы / Сост. А. Кёёрна и др. Таллинн, 1989. С. 11.

²³⁴ См.: *Волкогон Д.А.* Драма решений 1939 года // Новая и новейшая история. 1989. № 4. С. 3–27; *Он же.* Триумф и трагедия: Кн. II, ч. 1. С. 11–49, 104–125.

²³⁵ См. очерк о военно-морском и некоторых других аспектах советско-германского сотрудничества: *Горчаков Р.* Загадки северной «Барбароссы»: О малоизвестных страницах истории советско-германских отношений в канун Великой Отечественной войны // Урал. 1989. № 5. С. 142–158.

²³⁶ Например, писатель В.В. Карпов приводил высказывания А.И. Микояна по поводу поездки Молотова в Берлин в ноябре 1940 г.: «Неизвестно, какой вывод сделал для себя Молотов из бесед с Гитлером, но, зная, что Сталин не

Авторы других – более наукообразных и политизированных – статей стремились вмешаться в шедшую дискуссию, защищая одни старые «бастионы» советской историографии и нападая на другие. Р.А. Медведев, полемизируя с М.И. Семирягой, писал, что «без договора 23 августа судьбы народов Европы, и в том числе народов Прибалтики, могли бы сложиться еще хуже, чем это было в 1939–1945 гг.» Более того, возражая тем историкам, кто осуждал подписание Секретного протокола к договору о ненападении с Германией, он утверждал: «Если мы принимаем пакт от 23 августа как вынужденный, но неизбежный в тех условиях, то примерно также следует отнести и [к] заключенному в тот же день секретному дополнительному протоколу». С иных позиций оценивал Р.А. Медведев советскую политику в отношении прибалтийских стран. В отличие от традиционной для советской историографии трактовки событий в Прибалтике летом 1940 г. как результата революционных изменений²³⁷, он констатировал, что «еще за месяц до вступления Красной Армии ни в одной из стран Прибалтики признаков революционной ситуации не наблюдалось». Заслуживала внимания и аргументация Р.А. Медведева, касавшаяся советско-финляндских отношений, объясняющая причины жесткой позиции финской делегации в октябре–ноябре 1939 г. на переговорах в Москве. Отвергая распространенную до недавнего времени точку зрения, согласно которой советское руководство предложило Финляндии произвести обмен территориями как полностью отвечающий интересам последней²³⁸, он считал, что «изменение линии границы ухудшало бы возможность обороны и будущее страны зависело бы от доброй воли Сталина», и поэтому являлось неприемлемым для финляндского правительства. Что же касается угрозы северным границам СССР, то она, по мнению Р.А. Медведева, была «отнюдь не столь велика, чтобы хоть частично оправдать превентивную войну с Финляндией»²³⁹.

При всех заметных для 1989 г. новациях в интерпретации советской внешней политики вызывало удивление то, что бывший

верил в скорое нападение, он и не пытался переубедить его. (...) после поездки Молотова в Берлин (...) был сделан вывод о возможности дальнейшего развития советско-германского сотрудничества» (*Карпов В. Маршал Жуков... // Знамя. 1989. № 11. С. 106.*

²³⁷ См.: Социалистические революции 1940 г. в Литве, Латвии и Эстонии: Восстановление Советской власти. М., 1978.

²³⁸ *Барьшиников Н.И., Барьшиников В.Н. Финляндия во второй мировой войне. Л., 1985. С. 19.*

²³⁹ *Медведев Р.А. Дипломатические и военные просчеты Сталина в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 4. С. 147, 149, 153, 154.*

историк-диссидент Р.А. Медведев даже в самом общем выводе относительно ошибок и просчетов Кремля не пошел далее следующей ограниченной констатации: «Планируя внешнюю политику, Сталин, как и всякий деспот, исходил не столько из реального, сколько из воображаемого комплекса условий и факторов»²⁴⁰. А между тем почти одновременно появилась редакционная статья в официозе МИД СССР, в которой говорилось: «Сталинский режим практически сам поставил себя в положение, когда в августе 1939 года у него действительно не осталось выбора, кроме поспешной сделки с фашизмом. (...) Это системный порок, это врожденная неспособность тоталитарной системы адекватно реагировать на реальность. Борясь за выживание, она либо не видит подлинных угроз и бьет по своим, либо, даже если правильно оценивает опасность, реагирует настолько тупо и преступно, что жертвами становятся и собственный народ, и окружающие»²⁴¹.

В условиях, когда политическая обстановка больше не позволяла откладывать официального признания руководством страны не только факта секретных договоренностей между СССР и Германией в августе–сентябре 1939 г., но и их однозначного и безоговорочного осуждения; ортодоксы от политики и исторической науки были вынуждены предпринять шаги по рассекречиванию и приданию гласности некоторых советских документов, относившихся к событиям 1939 г., а также опубликованию ряда зарубежных документов давно известных специалистам, допущенным к работе в спецхраны крупных московских библиотек²⁴². Были опубликованы тексты советско-германских договоров от

²⁴⁰ Там же. С. 164.

²⁴¹ Урок на сегодня // *Международная жизнь*. 1989. № 9. С. 73, 74.

²⁴² Необходимость этих шагов не в последнюю очередь диктовалась тем, что летом 1989 г. в Литве была переиздана, выпущенная еще в 1983 г. Ю. Фельштинским в «тамиздате» подборка переведенных на русский язык документов из сборника *Nazi-Soviet Relations, 1939–1941. Documents from the Archives of the German Foreign Office / Ed. by R.J. Sontag, J.S. Beddie (Wash., 1948)*, дополненных выдержками из центральных советских газет. Вышедший на русском языке тиражом 100 тыс. экземпляров сборник (TSRS – Vokietija = СССР – Германия 1939–1941. Vilnius, 1989. Т.1–2: Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля 1939 г. по июнь 1941 г. / Сост. Ю. Фельштинский; предисл. В. Кашаускаене, А. Эйдинтас) фактически впервые давал возможность широкому советскому читателю познакомиться с некоторыми тайнами политики и дипломатии Кремля накануне и в начале Второй мировой войны. В Москве этот сборник был переиздан только полтора года спустя (см.: *Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939–1941: Документы и материалы / Сост. Ю. Фельштинский; предисл. В. Дашичева. М., 1991*).

23 августа и 28 сентября, включая секретные протоколы²⁴³. При этом в преамбуле указывалось: «Фактом является то, что ни в советских, ни в западногерманских архивах оригинала секретного дополнительного протокола не имеется. Текст воспроизводится с фотокопии, имеющейся в распоряжении западногерманской стороны»²⁴⁴. Среди опубликованных документов наибольший интерес представляли советские записи ряда важных бесед Молотова с послом Ф. Шуленбургом, содержание которых было известно исследователям только по соответствующим немецким записям²⁴⁵. Несомненный интерес представила и публикация 30 документов о советско-финляндских отношениях, с начала марта 1939 г. по конец марта 1940 г.²⁴⁶ Из них становилось очевидным, к чему может привести имперская политика тоталитарного режима, направленная на ущемление интересов других стран, камуфлируемая декларациями об обеспечении собственной безопасности. Привлекла внимание и совсем небольшая подборка документов, приоткрывавшая завесу над советской политикой накануне нападения нацистской Германии на Югославию в апреле 1941 г.²⁴⁷

Основной целью некоторых других публикаций являлось не столько введение в научный оборот неизвестных ранее документов, сколько создание как можно более сбалансированного впечатления от внешнеполитических действий Советского Союза накануне Второй мировой войны²⁴⁸. Достижению необходимого эффекта должно было способствовать как их «научное обрамление» в виде перепечатки соответствующим образом отобранных

²⁴³ Вокруг пакта о ненападении: (Документы о советско-германских отношениях 1939 года) // *Международная жизнь*. 1989. № 9. С. 91–92, 93–94.

²⁴⁴ Там же. С. 90. Ко времени завершения работы над этим номером журнала «*Международная жизнь*» (сдан в печать 22.08.1989 г.) находившиеся в Архиве внешней политики СССР копии Секретного протокола были «обнаружены», рассекречены и переданы в комиссию А.Н. Яковлева (см.: *Александров В.А.* Указ. соч. С. 79).

²⁴⁵ См.: Вокруг пакта о ненападении. С. 97–104.

²⁴⁶ Зимняя война: (Документы о советско-финляндских отношениях 1939–1940 годов) // *Международная жизнь*. 1989. № 8. С. 51–68; № 12. С. 216–231.

²⁴⁷ Можно ли было предотвратить апрельскую войну? (Новые документы о советско-югославском договоре о дружбе и ненападении 1941 г.) / Публ. И.В. Бухаркина, О.В. Лозинского // *Вестник Министерства иностранных дел*. 1989. № 15(49). С. 55–63.

²⁴⁸ Альтернативы 1939 года: Документы и материалы. М., 1989; На роковом пороге (из архивных материалов 1939 года) // *Вопросы истории*. 1989. № 11. С. 87–112; 1990. № 3. С. 18–39.

статей²⁴⁹, так и сам подбор документов, призванных продемонстрировать отсутствие альтернативы внешнеполитическому курсу СССР в 1939 г.²⁵⁰

Активизировались в защите самой «миролюбивой внешней политики» историки-ортодоксы и ряд периодических изданий²⁵¹, среди которых особенно выделялся своими «ура-патриотическими» публикациями «Военно-исторический журнал», возглавлявшийся в то время генерал-майором В.И. Филатовым²⁵². На его страницах замелькали фамилии как отставных генералов с боль-

²⁴⁹ О заданности сборника «Альтернативы 1939 года» свидетельствовал, например, такой факт. Среди 10 перепечатанных статей и материалов, занимавших в общей сложности 170 страниц, почему-то не нашлось места для статьи М.И. Семиряги, который первым из отечественных историков поставил этот вопрос на широкое обсуждение (см.: *Семиряга М.* 23 августа 1939 года: Советско-германский договор о ненападении: была ли альтернатива? // Литературная газета. 1988. 5.10. С. 14). Но зато нашлось место для интервью с известным апологетом сталинского внешнеполитического курса западногерманским историком И. Фляйшхауэр (см.: *Фляйшхауэр И.* Советско-германский пакт: правда и мифы // Альтернативы 1939 года. С. 162–169).

²⁵⁰ Например, Л.А. Безыменский отмечал в предисловии, что в публикацию включены документы, касающиеся прежде всего англо-советских и германо-советских отношений в 1939 г. (см.: *На роковом пороге // Вопросы истории.* 1989. № 11. С. 88). Но при этом ни одного советского документа, связанного с англо-советскими отношениями, среди 42 опубликованных не было. Все записи бесед между советскими и немецкими представителями в августе 1939 г. были даны исключительно в переводе с немецкого издания, что, естественно, сместило акценты при освещении позиций сторон.

²⁵¹ См., например: *Люттов И.С.* Как готовилась война: факты и вымысел (К 50-летию начала второй мировой войны) // *Военная мысль.* 1989. № 9. С. 3–13. Уровень аргументации автора наглядно иллюстрировал следующий пассаж статьи: «Что же касается версии о “разделе сфер влияния”, то ответом на этот вопрос может служить, например, заявление народного комиссара иностранных дел СССР посланнику Латвии от 28 марта 1939 года, в котором четко указывалось, что Советское правительство не признает никаких соглашений, которые умоляли бы или ограничивали независимость и суверенитет Латвийской республики, установление господства в ней третьего государства» (Там же. С. 12).

²⁵² А.Н. Мерцалов (чуть ли не единственный, кто публично подверг резкой критике содержание «Военно-исторического журнала» за 1988–1990 гг.) полагал, что оно «как в зеркале отражает общее состояние нашей военной историографии», которая «из всех разделов исторической науки в наименьшей степени подверглась перестройке и в наибольшей степени остается под влиянием старой методологии» (*Мерцалов А.Н.* Некоторые проблемы Великой Отечественной войны на страницах «Военно-исторического журнала» // *Вопросы истории.* 1991. № 2/3. С. 252).

шими звездами²⁵³, так и молодых историков²⁵⁴, демонстрировавших готовность любыми средствами оправдать внешнеполитический курс СССР. Подключились к этой кампании и некоторые «маститые» представители исторического цеха, считавшие, что «накануне второй мировой войны правящие круги США, Англии и Франции осуществляли политику, направленную к тому, чтобы руками Гитлера задушить первое социалистическое государство...»²⁵⁵; «летом 1939 г. наша страна была поставлена перед непосредственной угрозой ведения войны сразу на два фронта, причем в условиях политической изоляции»²⁵⁶; «Советское правительство не могло допустить повторения ситуации 1918–1922 гг., когда страна вынуждена была противостоять интервенции четырнадцати государств мира»²⁵⁷; советско-германский договор от 23 августа 1939 г. «не был направлен против [других] стран ни косвенно, ни тем более прямо. Советское правительство не считало пакт несовместимым с возможным соглашением о взаимной помощи между СССР, Англией и Францией»²⁵⁸. В свою очередь,

²⁵³ Резко критикуя интервью с В.М. Кулишом (*У порога войны // Комсомольская правда*. 1988. 24.08. С. 3), генерал армии А.М. Майоров писал: «Лучшим подтверждением правильности советской внешней политики в предвоенный период является то, что временное сближение с фашистской Германией в итоге все же привело к военному союзу не с ней, а с ее противниками» (*Майоров А.М. На пороге войны // Военно-исторический журнал*. 1989. № 5. С. 34).

²⁵⁴ В.И. Прибылов утверждал, ссылаясь на немалое число свидетельств в дипломатических документах ряда стран, что и после подписания советско-германского договора о ненападении «в Москве не оставили надежду на достижение договоренности с западными державами и создание в Европе системы коллективной безопасности» (*Прибылов В.И. Тринадцать дней в августе 1939-го. Из французских дипломатических документов кануна второй мировой войны // Военно-исторический журнал*. 1989. № 8. С. 39).

²⁵⁵ *Секистов В.А. Война и политика: Политические цели войны и характер военных действий в Западной Европе и бассейне Средиземного моря, 1939–1945*. 2-е изд. испр. и доп. М., 1989. С. 49.

²⁵⁶ *Волков Ф.Д. Тайное становится явным: Деятельность дипломатии и разведки западных держав в годы второй мировой войны*. М., 1989. С. 11; см. также: *Анфилов В.А. Незабываемый сорок первый*. Изд. 2-е, доп. М., 1989. С. 35.

²⁵⁷ *Розанов Г.Л. Так была развязана вторая мировая война*. М., 1989. С. 53.

²⁵⁸ *Мерцалов А.Н. Великая Отечественная война в историографии ФРГ*. М., 1989. С. 76. Мерцалов отвел немало места в книге «разоблачению» западно-германских «фальсификаторов», использовавших искаженную трактовку советско-германского пакта «в современных идеологических диверсиях империалистов» (Там же. С. 67). При этом он не ограничивался бездоказательными обвинениями, но и прибегал к откровенным подтасовкам. Например, процитировав телеграмму германского посла в МИД Германии от 19 августа 1939 г.: «попытки побудить русских принять г. имперского министра,

В.М. Фалин уверял, что более чем вероятным последствием отказа СССР от подписания пакта о ненападении с Германией было бы возникновение обстановки, когда вермахт, пройдя Польшу, «с ходу двинулся бы дальше на восток, имея готовое оправдание своей экспансии...»²⁵⁹ Но даже ему было трудно тягаться с полетом «научной» мысли военного философа Е.И. Рыбкина, по мнению которого, «все время, вплоть до поражения Франции летом 1940 г., нам грозило создание единого фронта империализма... Но несколькими неожиданными ходами советской дипломатии удалось в конце концов добиться неожиданной, просто невероятной, как казалось еще недавно, дипломатической победы: империалистический мир удалось расколоть... Таким образом, советско-германские договоры 1939 года практически **предопределили победу в 1945 году**»²⁶⁰.

Заключительным аккордом кампании по максимальному нивелированию возможных последствий предстоящего на II Съезде народных депутатов официального признания и осуждения секретных соглашений с Германией 1939 г. явилась публикация пространного материала «К истории заключения советско-германского договора о ненападении 23 августа 1939 г. (документаль-

к сожалению, остались безуспешными», А.Н. Мерцалов делал вывод: «То есть всего за три дня до подписания пакта СССР не был склонен его заключать» (Там же. С. 69). В действительности в телеграмме Ф. Шуленбурга говорилось: «Моя попытка побудить Молотова согласиться на более раннюю дату приезда г-на имперского министра, к сожалению, осталась безуспешной» (ADAP. Ser. D. Bd. VII. Dok. 132. S. 125). Фальсификация налицо, не говоря уже об искажении текста телеграммы, – именно в ней сообщалось, что Молотов передал послу советский проект пакта о ненападении и дал согласие на приезд Риббентропа в Москву 26 августа (Ibid. S. 124–125). Пройдет совсем немного времени и А.Н. Мерцалов на страницах известного немецкого политического журнала с большой похвалой отзовется о западногерманской историографии, которая «как правило, находилась в более счастливом положении (чем советская. – С.С.), так как официальный политический принцип – критическое преодоление прошлого – способствовал решению стоявших перед ней научных задач» (*Mercalov A.N. Der 22. Juni: Anmerkungen eines sowjetischen Historikers // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1991. N 24. S. 25*).

²⁵⁹ Альтернативы 1939-го [Беседа с доктором исторических наук В. Фалиным] // Известия 1989. 21.08. С. 5. Позиция заведующего Международным отделом ЦК В.М. Фалина оказывала серьезное влияние на работу Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора от 23 августа 1939 г. (см.: *Александров В.А. Указ. соч. С. 73*).

²⁶⁰ *Рыбкин Е.И. Мировоззрение и военная история // Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 51.* Неудивительно, что столь крупные «открытия» Е.И. Рыбкина предварял не менее весомый вердикт: советская политика 1938–1941 гг. относится «к давно уже выясненным и решенным вопросам» (Там же. С. 50).

ный обзор)»²⁶¹. В его основу была положена традиционная трактовка главных событий предыстории Второй мировой войны, базировавшаяся на весьма произвольном отборе фактов и не менее избирательном цитировании документов, а иногда их сознательном искажении²⁶², что позволяло представить внешнюю политику СССР в максимально благоприятном свете. Переходя к анализу собственно советско-германского договора от 23 августа, авторы приходили к выводу, что его «нельзя рассматривать как обычный пакт о ненападении, которые в 30-х годах заключались между различными европейскими странами». И с этим нельзя не согласиться. Однако, по их мнению, эта необычность объяснялась только тем, что «он был подписан в чрезвычайных обстоятельствах разрастающейся войны». Далее в статье делалась попытка интерпретировать статьи Секретного протокола к советско-германскому пакту, зафиксировавшие интересы СССР, которые якобы «заключались в противодействии осуществлению целей, преследовавшихся Германией». Согласно предложенной трактовке, разграничение сфер обоюдных интересов в Восточной Европе между СССР и Германией сводилось лишь к установлению пределов продвижения германских войск на территории Польши, а также к обязательству Берлина не вступать в Латвию,

²⁶¹ Новая и новейшая история. 1989. № 6. С. 3–21. Статья была опубликована без подписи как «редакционная», хотя за приведенными в ней аргументами без особого труда просматривается почерк «команды В.М. Фалина» (Л.А. Безыменский, А.С. Орлов, О.А. Ржешевский, В.Я. Сиполс), которой поручили подготовку материала по истории заключения договора от 23 августа 1939 г. (см.: Александров В.А. Указ соч. С. 73–74).

²⁶² Так, например, касаясь содержания беседы Молотова с Ф. Шуленбургом 3 августа 1939 г., авторы, процитировав предварительные предложения германской стороны в отношении разграничения интересов в Восточной Европе, писали: «Нарком со своей стороны говорил о стремлении СССР договориться с Англией и Францией о сотрудничестве против агрессии» (К истории заключения советско-германского договора о ненападении 23 августа 1939 г. С. 15). В действительности запись беседы свидетельствовала о том, что Молотов фактически оправдывался, так как вопрос об эвентуальном сотрудничестве Москвы с западными державами затронул не он, а его собеседник. «Шуленбург делает замечание, что в данный момент вхождение СССР в новую комбинацию держав в Европе (намек на англо-франко-советские переговоры) может создать затруднения для улучшения отношений Германии и СССР. На это тов. Молотов отвечает разъяснениями. (...) СССР пойдет только на чисто оборонительное соглашение против агрессии. Такое соглашение будет действовать только в случае нападения агрессора на СССР или на страны, к судьбе которых СССР не может относиться безразлично» (Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы: В 2 т. / МИД СССР; Редкол.: А.П. Бондаренко и др. М., 1990. Т. 2. Док. 525. С. 162). И это отнюдь не единственный случай вольного обращения с документами в упомянутой статье.

Эстонию, Финляндию и его незаинтересованности в Бессарабии. Перечисляя преимущества, полученные СССР от заключения договора о ненападении, которые по своей значимости, разумеется, перевешивали «некоторые» издержки, авторы как-то совсем забыли упомянуть о самом договоре. Впрочем, об этом, наверное, больше, чем предполагалось, свидетельствовала их следующая фраза: «Если для Германии был важен прежде всего сам договор, то для СССР не меньшее значение имели дополнительные односторонние обязательства Германии, зафиксированные в секретном протоколе»²⁶³. Это фактическое упоминание об основном тексте договора от 23 августа 1939 г. объяснялось вовсе не забывчивостью историков, оно имело под собой серьезные основания. Ведь, заключив его, советское правительство сразу же нарушило статью 3 договора о ненападении между СССР и Польшей, подписанного 25 июля 1932 г., а затем продленного 5 мая 1934 г. до конца 1945 г., что еще раз было подтверждено в совместной декларации обоих правительств 27 ноября 1938 г.²⁶⁴ Очевидно, что эта и другие подобного рода «детали», прекрасно известные авторам, не вписывались в их общую концепцию. Как отмечал, тесно контактировавший с ними в тот период консультант Международного отдела ЦК КПСС В.А. Александров, «личные взгляды этих крупных специалистов были подчинены дисциплине конформизма, допускавшей изменение оценок прошлого только под влиянием необходимости»²⁶⁵. Неудивительно, что в этой «программной» статье были проигнорированы упоминавшиеся дискуссии и публикации, освещавшие события 1939 г. с иных позиций, в том числе на основании ранее неизвестных документов²⁶⁶.

Положения упомянутой выше статьи легли в основу доклада председателя Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении А.Н. Яковлева на

²⁶³ К истории заключения... С. 18.

²⁶⁴ Согласно этой статье, СССР и Польша обязывались «не принимать участия ни в каких соглашениях, с агрессивной точки зрения явно враждебных другой стороне» (Внешняя политика СССР: Сб. документов / Под ред. Б.Е. Штейна. М., 1945. Т. III. Док. 176. С. 557).

²⁶⁵ Александров В.А. Указ. соч. С. 82.

²⁶⁶ Отмечу все же наличие немаловажного признания, содержащегося в этой статье, которое проливалось свет на вопрос о том, насколько реальна была угроза англо-германского соглашения накануне Второй мировой войны: «...в архиве министерства иностранных дел Германии нет документов, свидетельствующих, что на пороге войны (конец июля – август) в Берлине еще считали возможным далеко идущее соглашение с Англией» (К истории заключения... С. 10).

II Съезде народных депутатов СССР 23 декабря 1989 г.²⁶⁷ Этот доклад преследовал конкретную цель – официальное признание факта заключения секретного соглашения между СССР и Германией о разделе сфер интересов в Восточной Европе, зафиксированном в Секретном дополнительном протоколе к советско-германскому договору от 23 августа 1939 г., и его осуждение в обстановке, когда подлинники этого протокола считались не обнаруженными ни в советских, ни в немецких архивах. Доклад носил ярко выраженный политический характер и научная ценность его была незначительна, особенно если принять во внимание, чье творчество легло в его основу. И тем не менее на некоторых аспектах этого документа, связанных прежде всего с введением в научный оборот новой информации, есть смысл остановиться.

Из его текста следовало, что, во-первых, советское руководство располагало информацией о содержании директив, определявших линию поведения английской и французской делегаций на военных переговорах в Москве. Во-вторых, 11 августа 1939 г. на Политбюро было «признано целесообразным вступить в официальное обсуждение поднятых немцами вопросов, о чем известить Берлин»²⁶⁸. Вызывали интерес и два общих положения доклада, авторство которых, по всей видимости, принадлежало самому А.Н. Яковлеву²⁶⁹. Он отметил, что главным мотивом, побудившим Сталина пойти на соглашение с Гитлером, был не основной текст договора о ненападении, а содержание Секретного протокола: «То есть возможность ввода войск в прибалтийские республики, в Польшу и Бессарабию, даже в перспективе в Финляндию. То есть центральным мотивом договора были имперские амбиции». Общефилософское положение доклада, касавшееся изучения советской внешней политики в целом, явно диссонировало с большинством публикаций 1989 г.: «Оправдывать собст-

²⁶⁷ Известия. 1989. 25.12. С. 5–6.

²⁶⁸ Там же. С. 6. Этот факт до настоящего времени не получил документального подтверждения. Заседания Политбюро в этот день, как известно, не было. В служебном кабинете Сталина находились Ворошилов (40 мин.) и Молотов (2 час. 45 мин.). См.: Посетители Кремлевского кабинета И.В. Сталина // Исторический архив. 1995. № 5/6. С. 48 (запись в журнале посетителей Сталина от 11.08.1939 г.).

²⁶⁹ По воспоминаниям Л.А. Безыменского, в связи с острыми разногласиями в Комиссии по правовой и политической оценке советско-германского договора о ненападении было принято решение, что «А. Яковлев будет выступать с “личным докладом”, следовательно, согласовывать в комиссии (а также вне ее, т.е. в Политбюро) доклад не надо...» (*Безыменский Л.А. Секретные протоколы 1939 г. как проблема советской историографии // Россия и современный мир. 1996. № 1. С. 141*).

венные падения грехами других – путь не к честному самопознанию и обновлению, а к историческому беспамятству»²⁷⁰. К сожалению, многие содержащиеся в самом докладе факты и выводы плохо корреспондировались с этими, несомненно, заслуживавшими внимания умозаключениями.

Тем не менее доклад А.Н. Яковлева свою основную задачу выполнил. Хотя и не без труда, но все-таки удалось убедить большинство народных депутатов принять 24 декабря 1989 г. постановление съезда «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года», в котором признавалось наличие Секретного протокола к договору между СССР и Германией от 23 августа 1939 г. и осуждался сам факт заключения всех секретных договоренностей между Москвой и Берлином в 1939–1941 гг. В постановлении также констатировалось, что секретные «протоколы не создавали новой правовой базы для взаимоотношений Советского Союза с третьими странами, но были использованы Сталиным и его окружением для предъявления ультиматумов и силового давления на другие государства в нарушение взятых перед ними правовых обязательств»²⁷¹. Характерно, что спустя несколько дней первый заместитель министра иностранных дел СССР А.Г. Ковалев в интервью газете «Известия» признал, что еще в декабре 1987 г. МИД совместно с рядом отделов ЦК КПСС внес предложение в Политбюро о возможных вариантах поведения в связи с наличием секретных советско-германских документов 1939 г. В его резюмирующей части констатировалось: «У советской стороны по существу нет альтернативы признанию факта заключения в 1939 году секретных договоренностей с Германией и опубликованию их текстов по сохранившимся копиям»²⁷². Однако в то время это предложение не получило одобрения в Политбюро. Более того, не было принято в начале мая 1988 г. и компромиссное предложение секретарей ЦК КПСС В.А. Медведева, А.Ф. Добрынина и министра иностранных дел Э.А. Шеварднадзе «не идти на юридическое признание протоколов, но и не отрицать их де-факто, дать возможность историкам дальше изучать и обсуждать эти вопросы»²⁷³. Они и обсуждались исключительно явочным порядком. Во всяком случае, Отделение истории АН СССР, признавая отсутствие заметных «прорывов» в изучении отечественной истории, не считало необходимым обратить внимание на самое

²⁷⁰ Известия. 1989. 25.12. С. 5.

²⁷¹ Там же. 27.12. С. 2.

²⁷² Вновь о договоре 1939 года // Там же. С. 5.

²⁷³ Медведев В.А. Указ соч. С. 101, 105.

«узкое» место на этом направлении – исследование советской внешней политики²⁷⁴. Поэтому неудивительно, что даже первый заместитель заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС вынужден был констатировать: «Инерция представлений и подходов вчерашнего дня у историков еще очень сильна. Продолжают выходить в свет книги и научные статьи, принадлежность которых к сегодняшнему дню можно определить только по дате на обложке»²⁷⁵. Эта тенденция сохранялась и после упомянутого выше решения II Съезда народных депутатов, хотя в развитии отечественной исторической науки оно, несомненно, стало важной вехой на пути ее демифологизации, создав формальные предпосылки для исследования советской внешней политики.

* * *

1990 год внес новые элементы в историографию внешней политики СССР накануне и в начале Второй мировой войны. Историки получили возможность опираться не только на опубликованные зарубежные, но и на отечественные, в том числе архивные, документы, хотя доступ к последним был весьма ограничен. Публикации и дискуссии стали концентрироваться вокруг определенного, четче очерченного круга вопросов, что позволяет в дальнейшем сгруппировать их в рамках конкретной тематики.

Впервые в отечественной историографии представить успехи и неудачи СССР во внешнеполитической сфере попытался Н.В. Загладин. Не претендуя на последовательный анализ всего комплекса вопросов, он обратил внимание на наиболее важные события, предложил ряд нетрадиционных оценок внешнеполитических шагов Кремля, полагая, что «Советское государство не всегда играло конструктивную роль на международной арене»²⁷⁶. По мнению Н.В. Загладина, сохранение мира во второй половине 30-х годов не являлось абсолютно приоритетной задачей советского руководства²⁷⁷, будучи скорее средством достижения конкретных

²⁷⁴ Проблемы исторической науки [В Отделении истории АН СССР] // Новая и новейшая история. 1989. № 6. С. 80–88.

²⁷⁵ Капто А.С. Историческая наука и формирование исторического сознания // Вопросы истории КПСС. 1989. № 11. С. 26.

²⁷⁶ Загладин Н.В. История успехов и неудач советской дипломатии: (Политологический аспект). М., 1990. С. 7.

²⁷⁷ Л.М. Спирин привел свидетельство о том, что СССР при определенных условиях мог сам развязать войну, о чем Сталин говорил достаточно откровенно, выступая на заседании Политбюро 10 октября 1938 г. по вопросам партийной пропаганды в связи с выходом в свет «Краткого курса истории ВКП(б): «Бывают случаи, когда большевики сами будут нападать, если война справедливая, если обстановка подходящая, если условия благоприятствуют. Они

целей как для СССР, так и для стран Запада. Далеко не во всем совпадавшие интересы Москвы, Лондона и Парижа «определялись не столько стремлением обуздать агрессию, сколько стремлением избежать сопряженных с действиями Германии и Японии опасностей для себя...»²⁷⁸ Именно поэтому в конкретно-исторической обстановке весны–лета 1939 г. англо-франко-советский союз «на условиях, устраивающих всех, был невозможен». Считая, что «советская дипломатия оказалась в ситуации крайне сложного для себя выбора, при котором ни одно решение не выглядело оптимальным для СССР», Н.В. Загладин не без основания констатировал, что «в еще более сложном положении оказалась дипломатия гитлеровской Германии». Это объяснялось тем, что в конце лета 1939 г. «Гитлер был больше заинтересован в нейтрализации СССР», чем советское руководство «в нейтрализации Германии». Советско-германский пакт о ненападении, по мнению Н.В. Загладина, лишь ослабил военную напряженность на Дальнем Востоке, став «единственным реальным выигрышем» Москвы. «Во всем остальном, включая и интересы безопасности СССР, не только секретные протоколы, но и сам договор пользы не принес». Более того, «поделив с Германией «сферы влияния», Сталин превратил Советский Союз в соучастника гитлеровской агрессии»²⁷⁹. В ходе советско-финляндской войны в Париже и Лондоне СССР рассматривали как союзника третьего рейха. «Фактически страны Запада, планируя дальнейшую войну с Германией, исходили из того, что, прежде чем боевые действия будут непосредственно перенесены на ее территорию, необходимо лишить вермахт сырьевой базы СССР»²⁸⁰. В итоге Н.В. Загладин приходил к выводу, что «совет-

вовсе не против наступления, не против всякой войны» (Спирин Л.М. Сталин и война // Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 95; выступление Сталина см.: Вопросы истории. 2003. № 4. С. 16–22).

²⁷⁸ Загладин Н.В. Указ. соч. С. 95.

²⁷⁹ Там же. С. 110–112.

²⁸⁰ Там же. С. 115. В оценке намерений и планов Англии и Франции в отношении СССР в первые месяцы 1940 г. мнения историков разошлись. Л.А. Безыменский привел извлечения из доклада Комитета начальников штабов британских вооруженных сил от 8 марта 1940 г.: «Военные последствия военных действий против России в 1940 году», направленного военному кабинету Великобритании. По его мнению, доклад сводился «к рекомендации нанести «удар по России» в ее наиболее уязвимом месте – по Баку, Грозному и Батуми, что выведет из строя нефтепромыслы “не менее чем на девять месяцев”». Более того, он не исключал, что «в случае нападения Англии и Франции на СССР в 1940 году они могли объединиться с Германией против нас!» Хотя в преамбуле цитируемого им доклада указывалось, что речь идет «об основных военных факторах, которые имеют значение для рассмотрения последствия союзнических военных действий против России в 1940 году в

ско-германские договоры и соглашения, заключенные в августе–сентябре 1939 года, были не столько вынужденным шагом, сколько порождением совпадения тактических целей сталинского и гитлеровского тоталитарных режимов». Нападение Германии на СССР стало «провалом политики 1939–1941 годов, целью которой было предотвратить вступление страны в войну, достичь целей “мировой революции” и расширить сферы господства сталинского левототалитарного режима»²⁸¹.

Предложенный Н.В. Загладиным политологический подход в оценке советской внешней политики – при всей его фрагментарности и известной умозрительности – дал тем не менее значительно больше для понимания составляющих политики СССР и ее роли на международной арене, чем коллективная монография, подготовленная в Институте всеобщей истории и посвященная предыстории и истории развития международных событий в 1939 г.²⁸² Отраженные в ней реалии советской внешней политики, как правило, оторваны от внутривнутриполитических процессов, характера политического режима в СССР. Авторы не учли или не захотели учитывать многого из того нового, что содержалось в дискуссиях и публикациях 1988–1989 гг., в частности во введенных в оборот архивных документах. Одним словом, уже только по этим причинам к моменту выхода в свет книга безнадежно устарела. Вот несколько наиболее типичных тому примеров. По мнению И.А. Чельшева, «главная причина неудач политики коллективной безопасности состояла в том, что советской дипломатии не удалось преодолеть враждебность правящих кругов Запада к Советскому государству. Идеологическая конфронтация между социализмом и капитализмом тормозила развитие межгосударственных отношений, антисоветизм и антикоммунизм стали той основой, которая привела к мюнхенскому сговору»²⁸³. В.К. Волков утверждал, что в период

контексте главной цели в этой войне – поражения Германии» (курсив мой. – С.С.) (Безыменский Л. Великая Отечественная в ... 1940 году? // Международная жизнь. 1990. № 8. С. 109, 114). Вместе с тем, как отмечал А.Г. Чевтаев, также основываясь на документах английских архивов, «британские стратеги однозначно полагали, что “нет перспективы действий, которые, будучи предприняты против Советской России, ускорят поражение Германии”» (Чевтаев А.Г. Международные отношения в Европе в сентябре 1939–июне 1941 гг.: опыт системного анализа // Европа в системе международных отношений (1917–1945): Сб. научных трудов / Отв. ред. В.И. Михайленко. Свердловск, 1990. С. 147).

⁸¹ Загладин Н.В. Указ. соч. С. 117, 121.

⁸² 1939 год: Уроки истории / Отв. ред. О.А. Ржешевский. М., 1990.

⁸³ Чельшев И.А. Коллективная безопасность: концепции, реальности // Там же. С. 107.

кризиса вокруг Чехословакии «у СССР имелся развернутый план противодействия фашистской агрессии»²⁸⁴, хотя никаких данных об этом плане не привел. С точки зрения О.А. Ржешевского, «в 1938 г. советская сторона не проявила должной настойчивости в разработке совместных с ЧСР конкретных путей ее военной защиты в случае германской агрессии»²⁸⁵. По мнению Н.С. Лебедевой, «пока на посту наркома иностранных дел находился М.М. Литвинов, курс СССР был абсолютно определенным – ставка делалась на оборонительный союз с Англией и Францией и утверждение принципов коллективной безопасности»²⁸⁶.

Оценивая ход и итоги англо-франко-советских переговоров в августе 1939 г., О.А. Ржешевский пришел к противоречивому выводу: перед советской делегацией на этих переговорах была поставлена сверхзадача, так как «интересы национальной безопасности СССР требовали в условиях надвигавшейся германской агрессии против Польши любой ценой (подчеркнуто мной. – С.С.) не допустить выхода вермахта к советским границам, избежать международной изоляции и потенциальной угрозы сближения противоборствующих империалистических группировок на анти-советской основе»²⁸⁷. Очевидно, утверждение того же автора, что «СССР в основном последовательно проводил курс на коллективную безопасность и предотвращение военной катастрофы», не относилось к августу 1939 г., когда подобные задачи уже, по-видимому, не ассоциировались с национальными интересами Советского Союза. Какова в действительности оказалась «цена» этих намерений Кремля явствовало из резюме О.А. Ржешевского: «Советское правительство, подписывая 23 августа 1939 г. пакт о ненападении с Германией и дополнительный секретный протокол, учитывало последствия вероятного разгрома Польши в надвигавшейся германо-польской войне и считало оправданной сделку с гитлеровцами, надеясь такой ценой предотвратить выход вермахта к советским границам, вовлечение СССР в войну»²⁸⁸.

По мнению В.М. Фалина, «не подлежит сомнению, что весной и летом 1939 г. СССР напрасно тратил время и силы на поиск взаимопонимания с западными державами»²⁸⁹. Об этих усилиях, как он писал, германский посол Ф. Шуленбург еще 4 августа до-

²⁸⁴ Волков В.К. Мюнхен: и сговор, и капитуляция // Там же. С. 138.

²⁸⁵ Ржешевский О.А. Заключение // Там же. С. 379.

²⁸⁶ Лебедева Н.С. Эскалация агрессии и западные державы // Там же. С. 231.

²⁸⁷ Ржешевский О.А. Упущенная возможность // Там же. С. 312.

²⁸⁸ Ржешевский О.А. Заключение // Там же. С. 379, 380.

²⁸⁹ Фалин В.М. Договор о ненападении 1939 г. и секретный протокол // Там же С. 326.

кладывал в Берлин: СССР «преисполнен решимости договориться с Англией и Францией»²⁹⁰. Что же касается собственно договора 23 августа 1939 г., то он «ни в момент его подписания, ни сейчас не может вызывать сколько-нибудь серьезных правовых или политических нареканий»²⁹¹ в отличие от Секретного протокола к нему: «Мы можем констатировать, что договор о ненападении от 23 августа 1939 г. не приблизил дату нападения Германии на Польшу (“не позднее 1 сентября”), установленную директивой Гитлера еще 3 апреля»²⁹².

Здесь, как представляется, уместен такой вопрос: имел ли советско-германский пакт вообще какое-либо отношение к развязыванию Второй мировой войны? Ведь, согласно В.М. Фалину, «нападение гитлеровской Германии на Польшу не начало трагедии, постигшей человечество, а логический финал политики, осуществлявшийся западными державами по отношению к германскому империализму и его нацистскому выкорышшу, а также итальянскому фашизму и японскому милитаризму»²⁹³.

Уже только приведенные примеры давали немало оснований задуматься над тем, насколько отражение внешней политики СССР в сборнике «1939 год: Уроки истории» сочеталось с назревшей потребностью «в подлинно научном анализе внешнеполитической деятельности Советского государства, т.е. в раскрытии всех ее сторон, направлений и результатов»²⁹⁴.

²⁹⁰ Там же. С. 333. Цитируя телеграмму Ф. Шуленбурга, В.М. Фалин поставил точку там, где стояла запятая, и фраза обрела совсем иной смысл. В оригинале она выглядит так: «Мое общее впечатление сводится к тому, что сейчас советское правительство полно решимости заключить сделку с Англией и Францией, в случае если те выполнят все без исключения советские пожелания» (ADAP. D. Bd. VI. Dok. 766. S. 894).

²⁹¹ Фалин В.М. Договор о ненападении 1939 г. и секретный протокол. С. 345. Это утверждение В.М. Фалина противоречит действовавшей в то время норме международного права, которая исключала заключение договоров, «несовместимых с обязательствами прежних договоров» (*Oppenheim L. International Law. L. a.o., 1947. Vol. 1. B 503. P. 805*). О нарушенных СССР 23 августа 1939 г. положениях советско-польского договора о ненападении от 25 июля 1932 г. см. выше.

²⁹² Фалин В.М. Договор о ненападении 1939 г. и секретный протокол. С. 346. Директива была утверждена Гитлером 11 апреля 1939 г.

²⁹³ Там же. С. 319.

²⁹⁴ Нежинский Л.Н. История внешней политики СССР: поиски новых подходов // Новая и новейшая история. 1990. № 4. С. 3. Даже в одной из хвалебных рецензий на сборник «1939 год: Уроки истории» обращалось внимание на то, что военная сторона негативных последствий советско-германского пакта о ненападении «в книге раскрыта недостаточно (совсем не раскрыта. – С.С.), а это, как известно, играет большую роль для правильного понимания последующих событий Великой Отечественной войны...» (Тюшкевич С.А. Уроки истории // Военная мысль. 1991. № 1. С. 79).

Предельно политизированная книга С.В. Волкова и Ю.В. Емельянова, посвященная оправданию экспансионистской политики СССР в 1939–1940 гг.²⁹⁵, вышла в свет в период резкой активизации выступлений в Прибалтике за национально-государственное самоопределение республик, аннексированных Советским Союзом. Авторы буквально запугивали читателя тем, что «признание советско-германского договора 1939 г. о ненападении противоправным может иметь (...) ряд крупных юридических и политических последствий для нашей страны». К их числу они отнесли даже изменение политической оценки Великой Отечественной войны. «Если договор 1939 года будет признан незаконным, если Советский Союз будет объявлен соучастником противоправной сделки с фашистским агрессором, то вероломное нарушение Германией договора 1939 года не будет отныне считаться преступлением, Советский Союз лишается морально-правовой основы для оправдания своих действий по отпору агрессору, а освободительная война советского народа превращается в часть вооруженной борьбы двух бывших соучастников, а затем соперников по международному разбою»²⁹⁶.

Не привлекая каких-либо новых документов или фактов (в книге отсутствует научный аппарат), авторы весьма категоричны в своих выводах. По их мнению, внешняя политика СССР в 1939 г. исходила из следующей альтернативы: «подготовки к скорому участию в вооруженном конфликте против Германии с ненадежными союзниками... и попытки добиться временной отсрочки конфликта путем договоренности с Гитлером... В любом случае судьба СССР зависела от воли тех, с кем наша страна вступила бы в соглашение»²⁹⁷. Мотивируя необходимость СССР ввести 17 сентября 1939 г. войска на территорию Польши, С.В. Волков и Ю.В. Емельянов полагали, что в противном случае это «означало бы уступить всю ее территорию немцам», а «альтернативой договорам, заключенным в Москве с 28 сентября по 10 октября, могла стать лишь оккупация прибалтийских республик германскими войсками»²⁹⁸. Но после их заключения, считали авторы, «действия прибалтийских стран являлись нарушениями договоров о взаимной помощи», что создавало перспективу «не только утраты военных позиций в Прибалтике, но и возможного быстрого разгрома советских гарнизонов в случае, если бы Гит-

²⁹⁵ Волков С.В., Емельянов Ю.В. До и после секретных протоколов. М., 1990.

²⁹⁶ Там же. С. 17, 19.

²⁹⁷ Там же. С. 103.

²⁹⁸ Там же. С. 155, 170. Подобные предположения, по-видимому, имели бы больше оснований в книге под названием «1939 год: без секретных протоколов».

лер, опираясь на возрождающиеся связи с прибалтийскими правительствами, решил напасть на СССР»²⁹⁹. Описание авторами намерений и действий нацистского руководства вряд ли заслуживало бы упоминания, если бы не было столь тесно связано с характеристикой советской внешней политики в 1940 г. Так, авторы полагали, что «вступление советских войск в Прибалтику, Бессарабию и Северную Буковину вызвало крайне негативную реакцию в Берлине, казалось бы непонятную, если исходить из утверждения, что за 10 месяцев до этих событий Гитлер согласился на передачу этих земель Советскому Союзу³⁰⁰. (...) Однако ни сам факт этого вступления, ни его воздействие на население страны, – писали они, – нельзя рассматривать в отрыве от международной обстановки, от реакции населения этих стран на эту обстановку, от сложнейших социальных и политических процессов, происходивших в Прибалтике. Тем меньше оснований сводить причины вступления Эстонии, Латвии и Литвы в СССР к подписанию советско-германского договора»³⁰¹.

Вышедшая в том же году книга Ю.В. Емельянова «Большая игра», в основном повторявшая работу «До и после секретных протоколов», отличалась от нее наличием научного аппарата и даже использованием архивных документов, в том числе донесений полпреда СССР в Эстонии К.Н. Никитина. Полагая советско-германский договор «единственным способом оттянуть столкновение с гитлеровской Германией», автор не без оснований считал, что «вступление в соглашение с нацистами втягивало страну в договоренности, игнорирующие интересы других народов». Правда, при этом он разделил ответственность между одним из агрессоров и его жертвой, утверждая, что «отказ польского правительства от сотрудничества с Советским Союзом перед лицом неминуемой катастрофы благоприятствовал заключению Советским правительством аморальных сделок с Германией за спиной польского народа»³⁰². Обращение Ю.В. Емельянова с ис-

²⁹⁹ Там же. С. 180, 181.

³⁰⁰ Раздражение в Берлине вызвала не оккупация Прибалтики, а введение советских войск на территорию Северной Буковины, которая не была отнесена к сфере интересов СССР в Секретном протоколе к советско-германскому пакту о ненападении, и возросшая в связи с этим угроза для Румынии, являвшейся основным нефтяным резервуаром Германии (см. записи в дневнике Й. Геббельса от 16.06. и 5.07.1940 г. // *Goebbels J. Die Tagebücher: sämtliche Fragmente. Teil I: Aufzeichnungen 1924–1941* / Hrsg. von E. Fröhlich. München etc., 1987. Bd. 4. S. 204, 228).

³⁰¹ Волков С.В., Емельянов Ю.В. Указ. соч. С. 186, 193.

³⁰² Емельянов Ю.В. Большая игра: Ставки сепаратистов и судьбы народов. М., 1990. С. 89, 104.

торическими фактами характеризует, например, следующая цитата: «Совершенно очевидно, что в сентябре СССР готовил свою армию не к боям против практически уничтоженной польской армии, а к конфронтации с немецкими войсками...»³⁰³ К тому же Советское правительство не могло исключать возможности и совместного выступления германо-польских войск. К этому также были причины. После 17 сентября некоторые польские военачальники вели переговоры с немецко-фашистским командованием о сдаче гитлеровцам без боя украинских и белорусских городов при условии совместной борьбы против советских войск. Так были сданы Белосток, Дрогобыч, Стрый и др.»³⁰⁴

Кампания в печати и научной периодике, направленная на оправдание советско-германского пакта и доказательство необходимости его заключения, продолжалась, рознясь лишь возможностями авторов по отбору хорошо известных западных работ и их избирательному цитированию, позволявшему подкрепить собственную позицию³⁰⁵. Для придания им большей весомости был осущ-

³⁰³ Там же. С. 94. Крайне трудно представить, что Москва могла в сентябре 1939 г. готовиться к конфронтации с Берлином, который уже 3 сентября поручил послу Ф. Шуленбургу обсудить с Молотовым вопрос о желательности того, чтобы «русские вооруженные силы в подходящий момент выступили против польских вооруженных сил в русской сфере интересов и со своей стороны овладели этой территорией». Это «было бы не только облегчением для нас, но также соответствовало бы духу Московских соглашений и советским интересам» (Телеграмма Риббентропа Ф. Шуленбургу 3.09.1939 // ADAP. D. Bd. VII. Dok. 567. S. 450). Факт сотрудничества и координации действий между вооруженными силами обоих государств в ходе Польской кампании, а отнюдь не стремления к какому-либо противостоянию был зафиксирован в совместном протоколе по итогам военных переговоров в Москве 20–21 сентября 1939 г. (см.: *Köstring E. Der militärische Mittler zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion 1921–1941* / Bearb. von H. Teske. Frankfurt a. M., 1965. S. 177).

³⁰⁴ Емельянов Ю.В. Большая игра. С. 94. Приводя эти факты, Ю.В. Емельянов ссылался на такой «источник», как: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945: В 6 т. М., 1960. Т. 1. С. 249. Примечательно, что в «допечатке» тиража первого тома (М., 1963. С. 249) последние фразы были опущены как явно не соответствовавшие действительности даже в «мелочах». Например, Белосток был взят немцами 15 сентября, т.е. за два дня до вторжения Красной Армии на территорию Польши (см.: *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg* / Hrsg. vom Militärgeschichtlichen Forschungsamt. Stuttgart, 1979. Bd. 2. S. 119).

³⁰⁵ См., например: Прибылов В.И. Был ли выбор? // Военно-исторический журнал. 1990. № 2. С. 29–34. Приведенные в статье пространные извлечения из донесения французского военно-воздушного атташе в Москве подполковника Люге от 29 августа 1939 г., содержавшие оценки советско-германского пакта, не комментировались и не сопоставлялись с другими подобными документами. Остается неясным и характер сокращений, сделанный автором статьи при публикации документа. В другой статье В.И. Прибылов

ствлен блиц-перевод на русский язык монографии И. Фляйшхауэр «Пакт», хорошо документированной, но написанной по канонам советской историографии – от выводов к фактам³⁰⁶.

Когда возможности по привлечению нужных документов были ограничены, то прибегали к «откровениям», и вот одно из них: «Если бы Советское правительство не заключило в 1939 г. договор с Германией, то при такой политике западных стран Гитлер выступил бы против Советского Союза, как это явствует из его программы, на год-два раньше»³⁰⁷. В связи с этим чрезмерно оптимистичной выглядела оценка «прорыва» в отечественной историографии, содержащаяся в редакционной статье журнала «Международная жизнь»: «Горькие юбилеи заключения пакта о ненападении с Германией, начала второй мировой войны разрушили стереотип о том, что СССР был только жертвой войны. Оказалось, что сталинский режим несет свою долю ответственности и за саму возможность прихода Гитлера к власти, и за развязывание войны»³⁰⁸. Прорыв, конечно, произошел, и речь о нем пойдет далее, но делать вывод о разрушении стереотипов было явно преждевременно³⁰⁹.

Серьезные сдвиги наметились в оценке событий, предшествовавших началу Второй мировой войны. Прежде всего, отмечу материалы «круглого стола» в Институте всеобщей истории, по-

утверждал, что советско-германский договор о ненападении «находился в полном соответствии с международным правом, отвечал всем этическим и юридическим нормам. Что касается секретного приложения к нему, то это являлось нормальной дипломатической практикой, к которой прибегали все государства мира» (*Прибылов В.И.* «Захват» или «воссоединение»? (Зарубежные историки о 17 сентября 1939 г.) // Там же. № 10. С. 19).

³⁰⁶ Ставшим к тому времени уже секретарем ЦК КПСС В.М. Фалин назвал эту книгу «эталонным произведением» (*Фалин В.М.* Вступительное слово // Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938–1939 / Пер. с нем. М., 1990. С. 9).

³⁰⁷ *Анфилов В.* На изломе испытаний // Вождь. Хозяин. Диктатор: Сб. / Сост. А.М. Разумихин. М., 1990. С. 345. Статья В.А. Анфилова была специально написана для этого сборника, чтобы, по всей видимости, «уравновесить», помещенную там же перепечатку статьи М.И. Семиряги «23 августа 1939 года: Советско-германский договор о ненападении: была ли альтернатива?» (С. 331–339).

³⁰⁸ Обретение плодов Победы // *Международная жизнь.* 1990. № 5. С. 57.

³⁰⁹ О трудности переосмысления внешней политики СССР свидетельствовал, например, тот факт, что в переиздании фундаментальной работы А.М. Самсонова – одного из активных поборников перестройки в исторической науке – эта проблематика оказалась на периферии, а новизна в ее трактовке была скорее косметической (см.: *Самсонов А.М.* Вторая мировая война, 1939–1945: Очерк важнейших событий. 4-е изд., испр. и доп. М., 1990).

священного Мюнхенскому соглашению³¹⁰. При всем разбросе высказанных его участниками мнений³¹¹, новизну трактовок можно свести к следующим позициям: 1) Франция, проводя политику, ориентированную на Великобританию, сохраняла самостоятельный взгляд на оценку Мюнхенского соглашения (Г.Н. Севостьянов)³¹²; 2) Мюнхенский договор не исключал альтернативного развития в международных отношениях и еще не был поворотом к войне, а та конфигурация сил, которая сложилась в Мюнхене, в дальнейшем никакой роли не сыграла (Р.М. Илюхина, Л.И. Гинцберг)³¹³; 3) Мюнхен нельзя сводить только к антисоветизму Запада, не это было доминантой политики Лондона и Парижа. Основным можно считать их стремление любой ценой избежать войны и фатальную недооценку фашизма как глобальной социальной опасности (Д.Г. Наджафов)³¹⁴; 4) «Упрощенное представление о тайных помыслах Запада руками Гитлера и милитаристской Японии задушить Советский Союз должно быть отвергнуто». Ни Англия, ни Франция, ни тем более США всерьез не были заинтересованы в полнейшем нарушении баланса сил как в Европе, так и на Дальнем Востоке в результате поражения СССР в войне с Германией или на два фронта (В.Л. Мальков)³¹⁵.

Существенно более скромный прогресс наблюдался в оценке советской внешней политики, что, впрочем, было неудивительно в условиях сохранявшейся недоступности архивных документов. Как отмечал И.И. Поп, «в чехословацком кризисе советское руководство избрало путь борьбы за коллективные действия против агрессора», всячески избегая «односторонней ангажированности в чехословацком кризисе вплоть до одностороннего воен-

³¹⁰ Мюнхен – поворот к войне: «Круглый стол» Научного совета по проблеме «Общие закономерности и особенности всемирно-исторического процесса» // История и историки. М., 1990. С. 6–64.

³¹¹ По мнению А.О. Чубарьяна, «вопрос о Мюнхене сравнительно хорошо разработан в советской историографии»; тогда как, с точки зрения Д.Г. Наджафова, «анализ Мюнхена (его причин, сущности, последствий) в советской историографии, как правило, не выходит за пределы сталинских внешнеполитических постулатов, навязанных брошюрой “Фальсификаторы истории”» (Там же. С. 7, 48).

³¹² Там же. С. 21.

³¹³ Там же. С. 36, 47.

³¹⁴ Там же. С. 52. Д.Г. Наджафов развил это положение в книге, полагая, что «отказ от одномерной, плоской интерпретации предвоенной политики западных демократических стран как исключительно антисоветской вносит существенные коррективы в понимание Мюнхена и связанных с ним событий» (Наджафов Д.Г. Нейтралитет США. 1935–1941. М., 1990. С. 96).

³¹⁵ Мюнхен – поворот к войне. С. 60.

ного выступления на ее стороне»³¹⁶. По мнению А.О. Чубарьяна, «Мюнхен, действительно создав угрозу изоляции Советского Союза, еще не лишил его всех шансов на возобновление и укрепление контактов с западными демократиями»³¹⁷.

Достаточно плодотворным было обсуждение в рамках «круглого стола» послеюнхенского периода, опиравшееся на зарубежные источники и исследования. Не согласившись с позицией тех историков, кто утверждал, что после Мюнхена не было альтернативы советско-германскому пакту о ненападении, А.О. Чубарьян заметил, что контрпродуктивно повторять, что «Англия и Франция шли на переговоры с СССР в 1939 г., лишь блефуя и не желая никаких соглашений»³¹⁸. По мнению Р.М. Илюхиной, «государство, которое сговаривается с агрессором и пытается строить свою собственную безопасность за счет других, рано или поздно сталкивается с последствиями этой политики в виде бумеранга». Это произошло с участниками Мюнхенского соглашения и советско-германского пакта 1939 г.: «В этом смысле эти события могут быть поставлены в одну плоскость»³¹⁹. Что касается происхождения Второй мировой войны, то, как считал Д.Г. Наджафов, она «не была вызвана ни антагонизмом двух систем, буд-

³¹⁶ Там же. С. 27, 29. Выступая в сентябре 1988 г. на конференции в Бад Цвишениан (ФРГ), И.И. Поп отстаивал точку зрения, согласно которой советское руководство было полно решимости «оказать помощь Чехословакии всеми находившимися в его распоряжении средствами» (см. подробнее: *Pop I. Die europäische Krise 1938 und das Problem des Hilfsangebots der UdSSR für die Tschechoslowakei // München 1938: das Ende des alten Europas / Hrsg. von P. Glotz u.a. Essen, 1990. S. 429–444*). Ставшие впоследствии доступными архивные документы не подтвердили, что позиция советского руководства на этом направлении была активной. После аншлюса Австрии вопрос о судьбе Чехословакии рассматривался в Москве как предпрешенный. М.М. Литвинов писал: «...в теперешнем окружении Чехословакия долго существовать не может (...) Моя декларация [речь идет об интервью наркома иностранных дел представителям печати в связи с аншлюсом Австрии, 17.03.1938 (ДВП. Т. XXI. Док. 82. С. 128–129)] является, вероятно, последним призывом к Европе о сотрудничестве, после чего мы зайдем, по-видимому, позицию малой заинтересованности дальнейшим развитием дел в Европе» (*М.М. Литвинов – полпреду СССР в Чехословакии С.С. Александровскому, 26.03.1938. – АВР РФ. Ф. 0138. Оп. 19. П. 128. Д. 1. Л. 17*).

³¹⁷ Мюнхен – поворот к войне. С. 9.

³¹⁸ Там же. С. 8. Подходя к этой проблеме с другой стороны, Д.Г. Наджафов писал: «Одномерное сталинское мировосприятие исключало объективную оценку политики Англии и Франции, предопределило нежелание советского руководства добиваться подлинного сотрудничества со странами западной демократии (что не могло не сказаться на судьбе переговоров)» (*Наджафов Д.Г. Указ. соч. С. 107*).

³¹⁹ Мюнхен – поворот к войне. С. 47.

то бы главным мировым противоречием, ни антисоветизмом Запада. Основной и решающей причиной мировой войны был фашизм, несший в себе глобальную социальную опасность»³²⁰.

Проблема Мюнхена и последующего развития международных отношений вплоть до начала Второй мировой войны заняла значительное место в докладе А.О. Чубарьяна и М.М. Наринского на XVII Международном конгрессе исторических наук. По их мнению, «воздействие Мюнхена не позволило тогдашнему советскому руководству увидеть новые позитивные моменты в политике Англии и Франции после полного расчленения Гитлером Чехословакии в марте 1939 г.»³²¹ Резко усилившееся после Мюнхена недоверие Сталина к западным державам, дополненное взаимным стремлением переиграть партнера, отчетливо проявилось в ходе англо-франко-советских переговоров летом 1939 г. Авторы доклада считали, что тройственные политические переговоры «уперлись» в разногласия по вопросу выработки дефиниции «косвенная агрессия», хотя этот вопрос вряд ли был ключевым в деле организации отпора явной агрессии со стороны нацистской Германии³²². А.О. Чубарьян и М.М. Наринский пришли к выводу, что западные державы в принципе не выступали против идеи

³²⁰ Там же. С. 49.

³²¹ Чубарьян А.О., Наринский М.М. Международные договоры в контексте кануна второй мировой войны [Доклад на XVII Международном конгрессе исторических наук в Мадриде, август 1990 г.] М., 1990. С. 15. В отличие от предшествовавших форумов МКИИ, в которых начиная с 1955 г. участвовали советские историки, в Мадриде вопрос о секретных договоренностях между СССР и Германией в 1939 г. не обсуждался, полностью утратив научную остроту после официального признания факта их существования на II Съезде народных депутатов СССР в декабре 1989 г.

³²² Там же. С. 16. В действительности для советского руководства этот вопрос являлся одним из самых важных, так как под «косвенной агрессией» в Москве понимали «внутренний переворот или поворот в политике в угоду агрессору» (см.: Проект протокола к тройственному соглашению, врученный Молотовым послан Англии и Франции 3.07.1939 // СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. Док. 360. С. 480). Подоплека расхождений по этому вопросу раскрывалась в статье А.Г. Иванова, который привел выдержку из беседы лорда Галифакса с полпредом И.М. Майским 6 июля 1939 г. В ходе нее министр иностранных дел Англии подчеркнул, что советская формулировка «косвенной агрессии» для них «совершенно неприемлема, так как она подразумевает почти неограниченное вмешательство в дела Прибалтийских государств» (цит. по: Иванов А.Г. Английская политика гарантий и переговоры между Великобританией, Францией и СССР в 1939 году // Военно-экономические и дипломатические аспекты истории Второй мировой войны: Сб. научных трудов / Отв. ред. А.Г. Иванов. Краснодар, 1990. С. 88). Донесение И.М. Майского об этой встрече с Галифаксом до сих пор нигде не публиковалось.

«сфер влияния», но при этом «отказывались признать возможную сферу интересов для Советского Союза, что и стало одной из причин провала англо-франко-советских переговоров летом 1939 г.»³²³

Затронув вопрос об «упущенных возможностях» в ходе трехсторонних переговоров, А.Ф. Трубайчук особо выделил недооценку советской стороной специфики французской позиции при выработке политического соглашения, которая существенно дальше английских предложений шла навстречу Москве. По мнению А.Ф. Трубайчука, нежелание Сталина использовать эти различия явилось одной из причин, обрекших переговоры на неудачу, в то время как «укрепление советско-французского сотрудничества было единственной альтернативой пакту о ненападении с Германией»³²⁴.

Взросшее участие советских историков в международных конференциях, особенно в связи с 50-летием начала Второй мировой войны, уже не означало столь привычного единомыслия «на экспорт» или демонстрации исключительно «новаторских» позиций, более адекватно отражая сложившуюся в отечественной историографии ситуацию³²⁵.

А.О. Чубарьян в очередной раз обратил внимание на необходимость серьезного изучения связей между внутренней и внешней политикой Советского Союза, чтобы лучше понять, в какой мере «сталинские извращения» внутри страны повлияли на внешнеполитические решения советского руководства. Отмечая на-

³²³ Чубарьян А.О., Наринский М.М. Указ соч. С. 20. Это нежелание не было связано с тем, что Лондон и Париж сами претендовали на эту сферу интересов.

³²⁴ Трубайчук А.Ф. Пакт о ненападении: Была ли альтернатива второй мировой войне. Киев, 1990. С. 10, 38–39. Обосновывая свою точку зрения, А.Ф. Трубайчук, в частности, сослался на беседу премьер-министра Франции Э. Даладье с полпредом Я.З. Сурицем 3.06.1939 г., в ходе которой были охарактеризованы эти важные различия между Парижем и Лондоном (см.: СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. Док. 316. С. 433–434). Отчет Я.З. Сурица об этой беседе в документальные публикации после 1971 г. не включался.

³²⁵ В связи с этим достаточно сравнить позиции отечественных историков, представленные на международных конференциях в Берлине и Вене, проходивших соответственно в августе и октябре 1989 г. (см.: 1939 – an der Schwelle zum Weltkrieg: die Entfesselung des 2. Weltkrieges und das internationale System; [die Internationale Konferenz zum 50. Jahrestag des 1. September 1939 «Die Entfesselung des 2. Weltkrieges und das Internationale System» vom 21. bis zum 23. August 1989 im Berliner Staatsgebäude] / Hrsg. von K. Hildebrand u.a. B.; N.Y., 1990; Der Hitler-Stalin-Pakt: Voraussetzungen, Hintergründe und Auswirkungen; Dokumentation eines Symposiums der Volkshochschule Brigittenau / Hrsg. von G. Bisovsky u.a. Wien, 1990).

метившиеся перемены во внешнеполитическом курсе СССР после Мюнхенской конференции, выразившиеся в интенсивном поиске политических и экономических контактов с Германией, он констатировал, что смена в начале мая 1939 г. наркома иностранных дел «символизировала этот поворот в советской внешней политике»³²⁶. В докладе А.О. Чубарьяна на международной конференции в Берлине, несомненно, прослеживалась важная взаимосвязь (хотя и не выраженная четко автором) между упоминавшимся поворотом в советской внешней политике и позицией СССР на англо-франко-советских политических и военных переговорах весной-летом 1939 г. По его мнению, отказ советской стороны заключить политическое соглашение с западными державами, если одновременно не будет выработана военная конвенция, «противодействовал успешному завершению переговоров». Не менее актуальна в связи с этим, сформулированная А.О. Чубарьяном задача для коллег – «проанализировать на основе архивных документов, насколько было уместно жесткое и бескомпромиссное требование советской делегации (на трехсторонних военных переговорах в Москве. – С.С.) о праве на проход вооруженных сил СССР через территории Польши и Румынии»³²⁷.

С точки зрения М.И. Семиряги, в Кремле и Наркоминделе по-разному оценивали расстановку и соотношение сил в мире накануне Второй мировой войны: Сталин считал, что «в центре мировой политики стояла борьба двух мировых систем – капиталистической и социалистической», тогда как НКВД исходил из того, что «в центре европейской и в конечном счете мировой политики были противоречия между англо-французским блоком и Германией»³²⁸. М.И. Семиряга утверждал, что Сталин пошел на соглашение с Гитлером из опасения создания единого антисоветского фронта. При этом опасность нападения Германии на СССР в 1939 г. Сталин сильно преувеличивал³²⁹. Несомненный интерес представляли выводы, сделанные М.И. Семирягой на основе сопоставления советско-германского договора о ненападении (23.08.1939) с декларациями о ненападении, подписанными Бер-

³²⁶ *Čubarjan A. Die UdSSR und der Beginn des Zweiten Weltkrieges // 1939 – an der Schwelle zum Weltkrieg. S. 283.*

³²⁷ *Ibid. S. 285, 286.* Эта задача вплоть до сегодняшнего дня не решена российскими историками.

³²⁸ *Семиряга М.И. Советский Союз и предвоенный политический кризис // Вопросы истории. 1990. № 9. С. 51, 54.*

³²⁹ К сожалению, М.И. Семиряга не привел фактов, которые подтверждали бы как первое, так и второе положение.

лином с Англией (30.09.1938) и Францией (6.12.1938). По его мнению, ставить эти документы в один ряд, что постоянно делают апологеты советско-германского пакта, неправомерно по ряду причин³³⁰. Вместе с тем, полагал М.И. Семиряга, нет оснований обвинять СССР «в прямом пособничестве в развязывании Второй мировой войны», хотя очевидно, что «ответственность советского руководства состояла в том, что оно неверно оценило сложную предвоенную ситуацию и предприняло шаги, которые создали наилучшие предпосылки для нападения Германии на Польшу»³³¹.

Новые оценки советско-германского договора о ненападении предложил В.И. Дашичев³³². С его точки зрения, очевидно следующее: 1) курс на соглашение с Германией был взят Сталиным в марте 1939 г.; 2) в 1939 г. отсутствовала угроза образования единого антисоветского фронта западных держав и Германии; 3) в 1939 г. для СССР не было опасности войны на два фронта; 4) в 1939 г. не существовало опасности германского наступления в восточном направлении после разгрома Польши; 5) заключение пакта серьезно ухудшило стратегические позиции СССР, позволив Гитлеру вести войну на одном фронте; 6) в ходе практической реализации советско-германского пакта СССР превратился в соучастника агрессии, снабжая Германию стратегическим сырьем и предоставляя вермахту базы³³³ для ведения войны; 7) заключение советско-германского пакта в 1939 г. было неизбежно прежде всего потому, что при Сталине-диктаторе «иного не было дано»³³⁴.

³³⁰ К их числу М.И. Семиряга относил следующие: 1) несопоставимость общей военно-политической обстановки осени 1938 г. и конца лета 1939 г.; 2) в 1938 г. стороны договорились о развитии добрососедских отношений, признали отсутствие каких-либо территориальных споров и установили, что существующая граница между ними является окончательной; 3) обе декларации 1938 г. имели открытый характер и не сопровождалась секретными протоколами, направленными против интересов третьих стран; 4) эти декларации отражали позиции государств на определенные проблемы, формулировали общие принципы отношений между ними, что соответствовало нормам международного права и не могло быть источником напряженности в мире.

³³¹ *Semirjaga M.* Die sowjetisch-deutschen Verträge im System der internationalen Beziehungen des Jahres 1939 // 1939 – an der Schwelle zum Weltkrieg. S. 299.

³³² *Дашичев В.И.* Пакт Гитлера–Сталина: Мифы и реальность // *Историки отвечают на вопросы: Сб. / Сост. В.В. Поликарпов. М., 1990. Вып. 2. С. 262–273.* Несколько расширенный вариант этой статьи см.: *Ежегодник германской истории. М., 1991. С. 181–189.*

³³³ Упоминание о предоставленной немцам базе на территории СССР (см.: *Безносков А.В.* Секрет «базис Норд» // *Военно-исторический журнал. 1990. № 7. С. 53–54.*)

³³⁴ *Дашичев В.И.* Пакт Гитлера–Сталина. С. 271. К сожалению, сформулированные в статье тезисы не были подкреплены какими-либо документами.

Отмечу, что проблема тесной связи и взаимообусловленности внешней политики СССР и внутривнутриполитического развития страны, лишь обозначенная в ряде публикаций, с большим трудом находила своего исследователя³³⁵.

На состоявшемся в конце декабря 1989 г. в Институте славяноведения и балканистики «круглом столе» продолжилось обсуждение проблем, связанных с развитием международной обстановки в Европе и вовлеченности в нее стран Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ) с начала Второй мировой войны и до середины 1940 г.³³⁶ Коснувшись общего вопроса национально-государственных интересов СССР накануне и в начале Второй мировой войны, связанных, прежде всего, с обеспечением безопасности страны, Л.Я. Гибианский напрямую связал их с сохранением самого крупного государства, отделявшего Германию от Советского Союза, – Польшей. Однако, подчеркнул он, советское руководство в этой ситуации действовало прямо противоположным образом. Да и в последующий период политика Кремля в отношении стран Юго-Восточной Европы не поднималась до понимания этих интересов, поскольку была сделана ставка на соглашение с Берлином. В этих условиях, считал Л.Я. Гибианский, «выступая против прозападной ориентации и одновременно демонстрируя свою неспособность оказать реальное влияние на развивающиеся события, СССР блокировал союз антигерманских сил внутри этих стран»³³⁷. Иной точки зрения придерживался В.К. Волков, полагавший, что после начала Второй мировой войны произошло «резкое возрастание влияния Советского Союза во всем регионе Юго-Восточной Европы»³³⁸.

По мнению В.В. Марьиной, советский протест против ликвидации Чехословакии в марте 1939 г., врученный германскому послу наркомом иностранных дел, «по резкости и решительности формулировок отличался от всех других» предпринятых в этой

³³⁵ Одним из первых на эту проблему как объект специального исследования обратил внимание Г.М. Адиеков (см.: *Адиеков Г.М. Три крутых поворота: (О взаимосвязи внешней и внутренней политики КПСС) // Вопросы истории КПСС. 1990. № 3. С. 30–43).*

³³⁶ Материалы «круглого стола» см. данный сборник. С. 238–275, а также: *Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале Второй мировой войны.*

³³⁷ См. данный сборник. С. 260.

³³⁸ *Волков В.К. «Странная война» и страные международные отношения // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале Второй мировой войны. С. 5.*

связи демаршей³³⁹. Вместе с тем, как явствовало из обнаруженных В.В. Марьиной архивных документов, уже в июне эта позиция претерпела трансформацию³⁴⁰. Резкое изменение советского внешнеполитического курса по причине сближения с Германией повлекло за собой корректировку позиции СССР в чехословацком вопросе. Заявив 16 сентября о своем признании Словацкой республики и желании установить с ней дипломатические отношения, «СССР отказался де-факто от тех позиций, которые были изложены им в ноте от 18 марта 1939 г., что, конечно, было на руку гитлеровцам»³⁴¹. Комментируя этот шаг советского руководства, посол Чехословакии в Москве З. Фирлингер писал бывшему президенту страны Э. Бенешу: «Москва никогда не связывала свои руки какими-либо формальными и сентиментальными соображениями. Признав сегодняшнюю “самостоятельную Словакию”, Союз намерен в подходящий момент занять место немецкого протектората...»³⁴² В создавшихся условиях, отмечала В.В. Марьяна, все более иллюзорными становились надежды на сохранение в Москве чехословацкого посольства, ликвидация которого, однако, последовала только в середине декабря 1939 г. После того как З. Фирлингеру было сообщено, что советское правительство далее не может признавать его дипломатический статус, он лишь выразил надежду, что «намерение Советского правительства ликвидировать посольство его страны не может означать признание протектората, поскольку это противоречило бы советской ноте от 18 марта 1939 г.»³⁴³

³³⁹ *Марьяна В.В.* СССР и чехословацкий вопрос. 1939 год // *Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале Второй мировой войны*. С. 97–98. Ф. Шуленбург не воспринял эту ноту как нечто экстраординарное, полагая, что она вообще «не содержала протеста» (ADAP. Ser. D. Bd. VI. Dok. 50. S. 44). Присутствовавший на беседе германского посла с М.М. Литвиновым военный атташе генерал Э. Кёстринг резюмировал ее содержание как отражение того, что СССР будет «и далее на бумаге действовать заодно с нашими противниками (...) Охотно вместе кричать, но не воевать» (Bericht General E. Köstring an OQu IV im Generalstab des Heeres Oberst K. v. Tippelskirch vom 20.03.1939 // *Köstring E.* Op. cit. S. 227).

³⁴⁰ Резолюция замнаркома иностранных дел В.П. Потемкина от 13 июня 1939 г. на одном из документов гласила: «Мы сообщили немцам о нашем принципиальном отношении к захвату Чехо-Словакии. Нужно выдерживать эту позицию пока возможно без серьезных затруднений» (цит. по: *Марьяна В.В.* СССР и чехословацкий вопрос. С. 105).

³⁴¹ *Марьяна В.В.* СССР и чехословацкий вопрос. С. 111.

³⁴² Как сообщила мне В.В. Марьяна, З. Фирлингер верил в добрые намерения советского руководства и полагал, что в скором времени СССР, выступив против Германии, возьмет Чехословакию под свое покровительство.

³⁴³ *Марьяна В.В.* СССР и чехословацкий вопрос. С. 124.

Большое внимание в рамках «круглого стола» было уделено советской политике в отношении Польши в начале Второй мировой войны. С.З. Случ отметил, что Москва последовательно и исключительно в одностороннем порядке нарушала все заключенные ранее договора с Польшей, оказывая политическую и военную поддержку третьему рейху еще до 17 сентября 1939 г. Одновременно население Советского Союза подвергалось пропагандистской обработке, его готовили к более энергичным действиям страны на международной арене, т.е. к оккупации отведенной ему по договору о ненападении с Германией сферы интересов, которая отождествлялась в Кремле с будущими государственными границами СССР. Вторжение Красной Армии 17 сентября на территорию сражавшейся против вермахта Польши было актом агрессии, совершив которую, «сталинский режим де-факто втянул Советский Союз во вторую мировую войну на стороне нацистской Германии»³⁴⁴.

Различные аспекты советско-германских переговоров в сентябре 1939 г., касавшихся Польши, в том числе нашедшие отражение в дневнике начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии генерала Ф. Гальдера осветила Т.Ю. Григорьянц. Характеризуя интенсивно развивающееся в этот период сотрудничество между Берлином и Москвой, она обратила внимание на то, что Сталин и Молотов не только согласовывали с немецкими дипломатами формулировки подлежащих публикации двусторонних документов, но и позволили германскому послу «редактировать мотивировку советского вторжения в Польшу в выгодную для немцев сторону»³⁴⁵.

³⁴⁴ Случ С.З. Внешнеполитическое обеспечение польской кампании и Советский Союз // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале Второй мировой войны. С. 35; см. также: *Slutsch S. Der 22. Juni 1941 und die Frage nach dem Eintritt der Sowjetunion in den Zweiten Weltkrieg // 22. Juni 1941: der Überfall auf die Sowjetunion; Dokumentation eines Symposiums der Volkshochschule Brigittenau / H. Schafranek, R. Streibel (Hrsg.). Wien, 1991. S. 53–62.* С немалым удовлетворением мне удалось обнаружить немногочисленных единомышленников, разделявших в то время мою позицию по вопросу о вступлении СССР во Вторую мировую войну (см.: *Наше отечество: Опыт политической истории / С.В. Кулешов (рук. авт. колл.). М., 1991. Ч. II. С. 379–380.*)

³⁴⁵ Григорьянц Т.Ю. Советско-германские переговоры в сентябре 1939 г. и сталинские планы в отношении Польши // *Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале Второй мировой войны.* С. 45. Речь идет о встрече Сталина, Молотова и Ворошилова с Ф. Шуленбургом в ночь с 16 на 17 сентября 1939 г., в ходе которой, согласно донесению германского посла, «Сталин зачитал ему ноту, которая этой же ночью должна быть вручена польскому послу (...) и затем опубликована. (...) Прочитанный мне проект, – сообщал далее Шуленбург, – содержал три неприемлемых

В.С. Парсаданова констатировала, что, несмотря на подписанный 23 августа 1939 г. договор, «полной уверенности в его выполнении у советского правительства не было». Когда война Польши с Германией «по сути была проиграна, а в командовании вермахта обсуждались планы выхода непосредственно к границам СССР, 15 сентября войска западных округов были приведены в боевую готовность». Тем не менее «на основании советской ноты от 17 сентября и действий советских войск правительство Польши признало, что состояния войны с СССР нет»³⁴⁶. В то же время, по мнению В.С. Парсадановой, расстрел военнопленных офицеров Войска Польского на территории СССР в апрел–мае 1940 г. представлял собой «акт, явно направленный на подрыв отношений СССР с Польшей и ее союзником Великобританией»³⁴⁷.

Как советско-польские, так и советско-германские отношения в сентябре 1939 г. – тема статьи М.И Семиряги, содержащей ранее неизвестные факты³⁴⁸. Он привел данные о составе и численности советских войск, сконцентрированных на границе для проведения операции против Польши, – 28 стрелковых и 7 кавалерийских дивизий, 10 танковых бригад и 7 артиллерийских полков резерва Главного командования. В общей сложности – более 600 тыс. человек, около 4 тыс. танков, более 5,5 тыс. орудий и 2 тыс. самолетов³⁴⁹. Как отмечал М.И. Семиряга, «хотя состояние

для нас пассажа. В ответ на мои возражения Сталин охотно изменил текст таким образом, что теперь, как мне представляется, нота для нас приемлема» (ADAP. Ser. D. Bd. VIII. Dok. S. 80. S. 62). В перевод цитировавшейся в статьях Т.Ю. Григорьянц и С.З. Случа телеграммы Ф. Шуленбурга вкралась неточность, в нем неправомерно акцентировано удовлетворение посла от произведенной Сталиным правки: «теперь нота вполне нас удовлетворяет» (см.: Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале Второй мировой войны. С. 29, 44–45).

³⁴⁶ Парсаданова В.С. «Польская» политика СССР в сентябре 1939 – июне 1940 гг. // Там же. С. 54–55.

³⁴⁷ Там же. С. 63. В этой и других статьях В.С. Парсадановой немало внимания было уделено репрессивной политике СССР на оккупированных территориях, проблеме польских военнопленных и Катынской трагедии, однако все эти вопросы выходят за рамки данного обзора (см. также: Парсаданова В.С. Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 26–44).

³⁴⁸ Семиряга М.И. 17 сентября 1939 года // Советское славяноведение. 1990. № 5. С. 3–16.

³⁴⁹ Там же. С. 7. Впоследствии М.И. Мельтюхов привел уточненные, несколько отличающиеся данные о составе и численности советской группировки (см.: Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 (Документы, факты, суждения). 2-е изд., испр. и доп. М., 2002. С. 94–95).

войны между СССР и Польшей не было объявлено, но по существу боевые действия против польских военных частей имели место». Не случайно в приказе наркома К.Е. Ворошилова от 7 ноября 1939 г. говорилось: «Стремительным натиском части Красной Армии разгромили польские войска, выполнив в короткий срок свой долг перед Советской Родиной». М.И. Семиряга напомнил, что после заключения Рижского мирного договора 1921 г. с Польшей «Советское правительство никогда не ставило вопрос о воссоединении западных областей Украины и Белоруссии» с СССР³⁵⁰. Военные действия против Польши советское руководство предприняло исключительно ради получения стратегических преимуществ, дабы расширить территорию Советского Союза, и они отнюдь не являлись политическими акциями³⁵¹. В подтверждение этого вывода М.И. Семиряга процитировал слова А.А. Жданова, произнесенные на Главном военном совете в начале июня 1941 г. в ходе обсуждения проекта директивы Главного управления пропаганды РККА «О задачах политической пропаганды в Красной Армии на ближайшее время»: «Война с Польшей и Финляндией не были войнами оборонительными. Мы уже вступили на путь наступательной политики»³⁵².

Возможность осуществления именно такой внешней политики опиралась на достигнутые 23 августа 1939 г. соглашения с Германией о разграничении сфер интересов в Восточной Европе. Пройдя успешную проверку в Польше, советско-германский договор сразу же начал реализовываться в отношении государств Балтии. Как отмечал А.Я. Варславян на «круглом столе» в ИСБ, уже во время переговоров с министром иностранных дел Латвии В. Мунтерсом, предшествовавших заключению пакта о взаимопомощи между СССР и Латвией в начале октября 1939 г., Сталин заявил: можете делать, что хотите, но у нас с Германией есть договоренность, и Германия ничего не будет предпринимать против наших действий в советской зоне интересов³⁵³.

Советская политика в отношении Прибалтики в 1939–1940 гг. представляла отнюдь не только академический интерес в 1990 г.,

³⁵⁰ Семиряга М.И. 17 сентября 1939 года. С. 7, 9.

³⁵¹ О сомнительности подобного рода преимуществ свидетельствует, например, такой приведенный М.И. Семирягой факт: если раньше протяженность границы СССР с Польшей составляла 1446 км, то теперь граница с Германией – 1952 км, т.е. на 506 км больше (Там же. С. 13).

³⁵² Там же. С. 14; см. также: Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. – 20 июня 1941 г.: Документы и материалы. М., 2004. Док. 109. С. 490.

³⁵³ См. данный сборник. С. 261. Почти дословно Сталин повторил это и в беседе с министром иностранных дел Литвы Ю. Урбшисом 3 октября (см.: *Урбшис Ю.* Указ. соч. С. 27).

что не могло не сказаться и на ее трактовке историками. В одних статьях прослеживалось стремление представить эту политику в благостном свете, не гнушаясь откровенным искажением фактов. Иногда этим целям служил комментарий к публикуемым документам, которые, по-видимому, считались недостаточно «убедительными», или его отсутствие, когда документы были столь искусно подобраны, что комментарий мог только снизить уровень производимого ими эффекта. Вот, как, например, начальник Историко-архивного отдела Генштаба ВС СССР И.Н. Венков предварял публикацию выдержек из приказа наркома обороны Ворошилова от 15 октября 1939 г. (о размещении советских войск на территории Прибалтийских государств) и ряда других документов 1939–1940 гг., регулировавших поведение этих войск в Прибалтике³⁵⁴: «С нападением фашистской Германии на Польшу 1 сентября 1939 года классовая борьба в Литве, Латвии и Эстонии еще более обострилась. Усилилась непосредственная угроза захвата их территорий немецко-фашистскими войсками»³⁵⁵. Советскому Союзу «не оставалось ничего иного, как предложить Литве, Латвии и Эстонии заключить пакт о взаимопомощи»³⁵⁶. Правительства этих стран, испытывая сильное давление со стороны своих народов, вынуждены были принять это предложение»³⁵⁷. Согласно ему «предусматривалось создание на территории Литвы, Латвии и Эстонии военных баз и размещение на них небольшого числа советских воинских частей»³⁵⁸. В таком же ду-

³⁵⁴ Венков И.Н. «Допустить размещение войск...» (О вводе частей Красной Армии на территории Литвы, Латвии, Эстонии в 1939–1940 гг.) // Военно-исторический журнал. 1990. № 4. С. 32.

³⁵⁵ Эта угроза существовала до 28 сентября только для Литвы, которая до этого дня по договору от 23 августа была отнесена к германской сфере интересов.

³⁵⁶ Когда советское руководство сделало в конце сентября – начале октября 1939 г. эти предложения руководителям стран Балтии, последние были уже отнесены к советской сфере интересов. А это, в свою очередь, означало, что, пока советско-германский пакт о ненападении сохранял свое действие, угроза суверенитету этих стран могла исходить только от СССР.

³⁵⁷ Предложения о заключении пактов о взаимопомощи было принято правительствами прибалтийских стран не под давлением своих народов, которые ровным счетом ничего не знали об их содержании, а под грубым нажимом Сталина и Молотова (см.: Урбишис Ю. Указ. соч. С. 27–31, 35–39; Полпреды сообщают... Док. 57, 58. Не скрывал этого и сам Молотов, вспоминая почти 40 лет спустя о подоплеке заключения этих соглашений (см.: Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 15).

³⁵⁸ Размещенные советские воинские части по численности ненамного уступали армиям Прибалтийских государств мирного времени, соответственно 66,9 тыс. и 73 тыс. человек, имея при этом подавляющее превосходство в танках и авиации (см.: Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. С. 157, 158).

хе И.Н. Венков комментировал и события конца весны – начала лета 1940 г. в Прибалтике³⁵⁹.

По мнению В.Л. Малькова, захват Гитлером Польши породил в странах Прибалтики мрачные предчувствия, из которых «родилась их “новая восточная политика” (пакты о взаимопомощи с СССР)». Что касается событий лета 1940 г., связанных с вхождением Прибалтийских государств в состав СССР, то они «не были изначально предопределены советско-германским пактом о ненападении (...) Судьба Прибалтики решалась в ходе непрерывно меняющейся военно-стратегической ситуации...»³⁶⁰ Ответ на вопрос, в какой мере подобного рода выводы могут быть соотнесены с политической практикой, содержался, в частности, в публикации С.А. Горлова, посвященной обменным операциям Москвы и Берлина, касавшимся территории Литвы и ее отдельных частей³⁶¹.

Первым осветить советскую политику в отношении Прибалтийских государств в 1939–1940 гг. попытался А.С. Орлов, стремившийся оправдать намерения и действия советского руководства, но при этом подвергнуть критике методы их осуществления³⁶². Подобный подход создал неизбежные противоречия. Так, А.С. Орлов полагал, что «правильней, видимо, процессы вступления прибалтийских республик в состав СССР выводить не из

³⁵⁹ По утверждению И.Н. Венкова, правящие круги Литвы, Латвии и Эстонии, «чтобы сделать невозможным пребывание советских воинских частей на территории Прибалтики», учиняли «бесконечные провокации. Тысячами арестовывались и ссылались в концентрационные лагеря граждане из обслуживающего советские части персонала, а также и занятые на строительстве казарм для советских воинских частей» (*Венков И.Н. Указ. соч. С. 38*). Однако в доступной для исследователей дипломатической переписке того времени, включая политотчеты полпредств СССР в странах Балтии, подобные факты не фигурировали. Москва направляла в эти страны как строительные батальоны, так и обслуживающий воинские части персонал, хотя и не исключала привлечения местной рабочей силы (см. беседу Молотова с посланником Эстонии в СССР А. Реем, 4.03.1940 // Полпреды сообщают... Док. 175. С. 241). Более того, несмотря на отсутствие каких-либо симпатий к факту навязанного присутствия иностранных и не слишком дружественных войск на своей территории, правительства стран Балтии не забывали о материальных интересах и в сложившейся ситуации, переклюкая «рабочую силу и безработных на наши строительные участки» (Телеграмма полпреда СССР в Эстонии К.Н. Никитина в НКВД СССР, 8.03.1940 // Там же. Док. 177. С. 244).

³⁶⁰ *Мальков В.Л. Прибалтика глазами американских дипломатов. 1939–1940 гг.: (из архивов США) // Новая и новейшая история. 1990. № 5. С. 51.*

³⁶¹ *Горлов С.А. СССР и территориальные проблемы Литвы // Военно-исторический журнал. 1990. № 7. С. 20–28.*

³⁶² *Орлов А.С. СССР и Прибалтика. 1939–1940 // История СССР. 1990. № 4. С. 42–57.*

советско-германских договоренностей, а из изучения самих этих процессов, форм и методов взаимоотношений СССР с тремя прибалтийскими странами, внутренней обстановки в этих государствах, международной ситуации в целом». И далее он сослался на беседу Сталина и Молотова с послом Ф. Шуленбургом 25 сентября 1939 г., на которой советская сторона предложила обменять часть территории Польши, отошедшей к сфере интересов СССР по договору от 23 августа, на Литву, отнесенную по тому же соглашению к сфере интересов Германии. При этом Сталин заметил, что в случае одобрения Берлином этого предложения Советский Союз немедленно приступил бы к решению проблемы балтийских государств согласно протоколу от 23 августа³⁶³. На основании этого высказывания Сталина, А.С. Орлов делал вывод: «Вот когда впервые появляются определенные указания о решении “прибалтийской проблемы”»³⁶⁴. Очевидно, что эти решения самым непосредственным образом были обусловлены как договоренностями, так и поддержкой Берлина.

По мнению А.С. Орлова, договоры о взаимной помощи между СССР и Латвией, Литвой и Эстонией «обеспечивали безопасность прибалтийским государствам, получившим военную помощь крупной державы в обстановке надвигающейся германской экспансии»³⁶⁵. В 1939 г. советские войска не захватывали территорий Литвы, Латвии, Эстонии. «Они были введены в них по соглашению правительств»³⁶⁶. «В то же время стратегические интересы СССР требовали, чтобы Эстония, Латвия и Литва были по

³⁶³ А.С. Орлов не полностью воспроизвел это высказывание Сталина, который добавил, что СССР «при этом ожидает несомненной поддержки германского правительства» (ADAP. Ser. D. Bd. VIII. Dok. 131. S. 101).

³⁶⁴ Орлов А.С. СССР и Прибалтика. С. 46.

³⁶⁵ На «круглом столе» в ИСБ С.З. Случ обратил внимание на то, что первый этап включения государств Балтии в состав СССР был обусловлен именно навязыванием договоров, ограничивавших их суверенитет, размещением на их территории военных контингентов (см. данный сборник. С. 270). На переговорах с министром иностранных дел Ю. Урбшисом в начале октября 1939 г. Сталин, настаивая на необходимости присутствия 30-тысячного воинского контингента на территории Литвы, убеждал его в том, что именно советские войска будут реальной гарантией ее независимости. При этом речь вовсе не шла об угрозе со стороны Германии: «Наши гарнизоны помогут Вам подавить коммунистическое восстание, если оно произойдет в Литве», – заявил Сталин (Урбшис Ю. Указ. соч. С. 30).

³⁶⁶ Орлов А.С. СССР и Прибалтика. С. 43, 47. Критика А.С. Орлова касалась методов, использовавшихся советским руководством только летом 1940 г. Он оставил без внимания то огромное давление, которое было оказано на правительства Прибалтийских государств, чтобы принудить их осенью 1939 г. заключить договора о взаимопомощи с СССР.

отношению к нему не враждебными и не нейтральными, а союзными странами». Как полагал А.С. Орлов, Москва строго соблюдала условия заключенных договоров с Прибалтийскими государствами вплоть до лета 1940 г., когда советское руководство предъявило им ультиматумы, руководствуясь «в первую очередь соображениями государственной безопасности СССР, продиктованными изменением военно-стратегической ситуации». И эти ультиматумы были приняты: «Ни одно из трех правительств не отвергло советских требований, – резюмировал А.С. Орлов, – не покинуло страну, чтобы создать эмигрантское правительство как субъект международного права (как, например, сделало польское правительство)»³⁶⁷. И это, наверное, неудивительно. Ведь у них перед глазами был свежий пример того, что произошло со страной, которая не уступила давлению Кремля³⁶⁸. Но об этом писали уже другие историки...

Освещение предыстории советско-финляндской войны характеризовалось в 1990 г. значительно большей открытостью – привлечением не только уже известных материалов и зарубежной литературы³⁶⁹, но и советских архивных документов. В научный оборот вводились данные, свидетельствовавшие о том, что вопрос военного решения «финляндской проблемы» был переведен в плоскость практической подготовки уже в середине сентября 1939 г. Именно тогда началось формирование крупных войсковых соединений оперативного назначения, переданных в подчинение Ленинградского военного округа. Как отмечал П.Ф. Ващенко, «боевые задачи армиям были поставлены еще 21 ноября 1939 г. (...) Требовался только повод для развязывания войны»³⁷⁰.

А.Г. Донгаров, исследовавший дипломатическую предысторию советско-финляндской войны, подчеркивал ту большую роль, которую сыграл в ее генезисе советско-германский договор от 23 августа 1939 г. «По ряду соображений, – писал он, – Советское правительство не спешило использовать все возможности, открываемые этим соглашением, и все же последнее оказа-

³⁶⁷ Там же. С. 43, 53.

³⁶⁸ Правомерность подобного рода аналогии подтверждают слова Молотова на сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г.: Советский Союз первоначально предложил Финляндии «заключить советско-финский пакт о взаимопомощи примерно по типу наших пактов о взаимопомощи с другими Прибалтийскими государствами» (Известия. 1939. 1.11. С. 2).

³⁶⁹ См.: Соколов Б.В. Пиррова победа (Новое о войне с Финляндией) // Историки отвечают на вопросы. Вып. 2. С. 274–299.

³⁷⁰ Ващенко П.Ф. Если бы Финляндия и СССР... // Военно-исторический журнал. 1990. № 1. С. 29.

ло развращающее воздействие на советскую дипломатию, создавая у нее ощущение вседозволенности»³⁷¹. Этот вывод подтвердили дипломатические документы, введенные в оборот А.Г. Донгаровым. Среди них важное место занимала докладная записка полпреда СССР в Финляндии В.К. Деревянского Молотову от 17 ноября 1939 г., содержащая сценарий массированного давления на финнов с целью склонить их на уступки: «Полпред предложил создать обостренно-напряженную обстановку на границе, начать антифинляндскую кампанию в советской печати, организовать митинги и демонстрации трудящихся под соответствующими лозунгами, а в качестве последнего шага пойти на денонсацию пакта о ненападении»³⁷².

По всей видимости, в Москве «творчески» подошли к предложениям советского дипломата, и 26 ноября 1939 г. в районе границы у деревни Майнила «возник» инцидент с артиллерийским обстрелом советских позиций, в результате которого, по официальному сообщению штаба ЛВО, распространенному ТАСС, несколько бойцов были убиты и ранены. Как считал А.Г. Донгаров, «у историков до сих пор нет документов, содержащих ответ на вопрос, кем была дана 26 ноября команда “Огонь!” Однако сегодняшние знания о намерениях сторон позволяют с уверенностью предположить, что прозвучала она с советской стороны границы». По его мнению, «фактически Майнила означала предъявление ультиматума: либо правительство Финляндии, чтобы разрядить напряженность, дает знак о готовности пойти навстречу советским предложениям, либо инцидент будет использован в качестве предлога к войне»³⁷³.

28 ноября советское правительство направило ноту правительству Финляндии, в которой, продолжая настаивать на том, что майнильский инцидент был организован финляндской стороной и являлся нарушением пакта о ненападении, заявило, что «считает себя свободным от обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении». А.Г. Донгаров привел выдержки из ответной финской ноты, в которой предлагалось совместное расследование майнильского инцидента. Финляндское правительство считало денонсацию договора о ненападении неправомерной, проти-

³⁷¹ Донгаров А.Г. Война, которой могло не быть: (К политической и дипломатической истории советско-финляндского вооруженного конфликта 1939–1940 гг.) // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 35.

³⁷² Донгаров А.Г. Предъявлялся ли Финляндии ультиматум? // Военно-исторический журнал. 1990. № 3. С. 45.

³⁷³ Донгаров А.Г. Война, которой могло не быть. С. 36, 37.

воречившей его V статье³⁷⁴ и протоколу 1934 г., согласно которому действие соглашения продлевалось до конца 1945 г.³⁷⁵ Однако, принимая во внимание озабоченность советской стороны безопасностью Ленинграда, финляндское правительство выражало готовность договориться об отводе своих войск «на такое расстояние от Ленинграда, при котором нельзя было бы говорить, что они угрожают безопасности этого города»³⁷⁶. По мнению А.Г. Донгарова, готовность правительства Финляндии на отвод своих войск не давала, конечно, гарантий удовлетворительного, с советской точки зрения, решения других проблем, но определенные возможности для этого нота открывала. Тем не менее «они остались неиспользованными: формально – потому что она была вручена спустя несколько часов после разрыва дипломатических отношений, фактически – потому что в Москве уже была сделана ставка на более сильные средства»³⁷⁷.

По мнению П.П. Чевелы, в действиях СССР «определяющую роль сыграли политические амбиции И.В. Сталина, который, заручившись секретными соглашениями с фашистской Германией и уповая на явное превосходство в силах и средствах, а также недооценивая возможности финской армии и специфических условий ТВД, решил начать войну»³⁷⁸.

Международно-правовые аспекты советско-финляндской войны были в центре внимания и работ М.И. Семиряги. По его мнению, вторжение крупных советских сил на территорию Финляндии и их продвижение в ее глубь означало войну, правда официально необъявленную Кремлем, в нарушение статьи III Гаагской конвенции 1907 г. Уже сама эта акция представляла собой очевидное несоблюдение норм международного права, причем

³⁷⁴ Согласно этой статье, «договаривающиеся стороны заявляют, что они будут стремиться всегда разрешать в духе справедливости все споры независимо от их природы или происхождения, которые возникли бы между ними, и что они будут прибегать в целях их разрешения исключительно к мирным средствам» (ДВП. М., 1969. Т. XV. Док. 32. С. 47).

³⁷⁵ См.: ДВП. Т. XVII. Док. 114. С. 239–240.

³⁷⁶ Цит. по: Донгаров А.Г. Предъявлялся ли Финляндии ультиматум? С. 46.

³⁷⁷ Донгаров А.Г. Война, которой могло не быть. С. 37–38.

³⁷⁸ Чевела П.П. Итоги и уроки советско-финляндской войны // Военная мысль. 1990. № 4. С. 48. В статье приводились выдержки из доклада Генштаба, направленного К.Е. Ворошилову 10.11.1939 г., характеризовавшие состояние вооружений финской армии, а также общественно-политическую атмосферу в стране. В докладе, в частности, констатировалось: «Рабочие массы и беднейшие слои крестьянства выражают скрытое недовольство политикой правительства, требуют улучшения отношений с СССР и угрожают расправой тем, кто ведет политику враждебную Советскому Союзу...» (Там же).

при отягчающих обстоятельствах (отказ от предложения о посредничестве в урегулировании конфликта). Эти военные действия были совершены и в нарушение внутригосударственного права, поскольку Конституция СССР 1936 г. допускала возможность объявления Верховным Советом СССР только «состояния войны», но никак не «войны» как таковой. Причем объявление состояния войны предусматривалось исключительно в двух случаях: при вооруженном нападении на Советский Союз и при необходимости выполнения международных договорных обязательств по взаимной обороне от агрессии. Применительно к советско-финляндской войне ничего подобного не было³⁷⁹.

Дальнейшие события продемонстрировали, что советское руководство предпринимало такие политические и военные шаги, которые дезавуировали им же поставленные в этой войне цели. Так, в ряде официальных советских заявлений накануне и в начале войны речь шла о сугубо конкретной военно-стратегической задаче СССР – обеспечении безопасности Ленинграда, затем безопасности Мурманска и Мурманской железной дороги. Но содержание уже первых оперативных приказов войскам ЛВО свидетельствовало о том, что предстоявшая операция выходила далеко за рамки этой задачи. В директиве военного совета ЛВО от 29 ноября, в частности, указывалось: через четыре дня занять г. Виипури, через две недели вступить в Хельсинки, а «при выходе к шведской и норвежской границам границы не нарушать и не допускать провокаций». Неудивительно, писал М.И. Семиряга, что при этом формулировалась цель освобождения «финского народа от гнета помещиков и капиталистов»³⁸⁰.

С точки зрения норм международного права инициативу Советского Союза в этой войне нельзя оправдать никакими соображениями, даже обеспечением безопасности Ленинграда, как об этом твердило советское руководство. Вместе с тем, по мнению М.И. Семиряги, советско-финляндская война, развивавшаяся в рамках Второй мировой войны, была локальным конфликтом, в нее не были вовлечены великие державы. Поэтому «ее неправомерно считать составной частью второй мировой войны»³⁸¹. Зап-

³⁷⁹ См.: Семиряга М.И. «Асимметричная война»: К 50-летию окончания советско-финляндской войны (1939–1940 гг.) // Советское государство и право. 1990. № 4. С. 120; Он же. Советско-финляндская война (1939–1940) в свете международного права // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале Второй мировой войны. С. 140.

³⁸⁰ Семиряга М.И. «Асимметричная война». С. 122; Он же. Советско-финляндская война (1939–1940) в свете международного права. С. 149.

³⁸¹ Семиряга М.И. «Асимметричная война». С. 122.

латив очень высокую цену, советское руководство в результате заключенного мирного договора, как полагал М.И. Семиряга, улучшило стратегические позиции СССР на северо-западе. Однако оно «не считало “финляндскую проблему” окончательно решенной» и потребовало на переговорах в Берлине в ноябре 1940 г. «свободы рук в Финляндии»³⁸².

Прилагались усилия и по новому прочтению советско-румынских отношений в 1939–1941 гг., развитие которых также напрямую зависело от соответствующих договоренностей между СССР и Германией. Именно «пакт Молотова – Риббентропа, – писал А.Г. Морарь, – позволил разрешить на том сложном этапе бессарабский вопрос в пользу СССР без военных действий, без кровопролития»³⁸³. Только после получения из Берлина подтверждения приверженности соглашению, зафиксированному в Секретном протоколе, Молотов вызвал румынского посла и вручил ему ультиматум³⁸⁴: румынские войска должны в течение четырех дней, начиная с 28 июня 1940 г., очистить территорию Бессарабии и Северной Буковины³⁸⁵. Как отмечала М.Д. Ерещенко, «Румыния в июне 1940 г. была последней уступкой со стороны Гитлера Советскому Союзу и последней политической акцией по реализации пакта Молотова–Риббентропа»³⁸⁶.

О том, как развивались советско-германские отношения в дальнейшем, с какими проблемами они столкнулись и как в Кремле видели возможности их урегулирования, в частности на пути «умиротворения» Гитлера, историки только начинали размышлять, имея в своем распоряжении все еще недостаточную документальную базу в виде зарубежных документов и отрывочных

³⁸² Семиряга М.И. Советско-финляндская война: (К 50-летию окончания). М., 1990. С. 43, 44.

³⁸³ Морарь А.Г. Пакт Молотова – Риббентропа и бессарабский вопрос // Страницы истории Советской Молдавии / Сост. и научн. ред. А.Г. Морарь. Кишинев, 1990. Ч. 1. С. 157.

³⁸⁴ Опубликованные в последующие годы советские документы полностью подтвердили именно такую последовательность развития событий (см.: ДВП. Т. XXIII, кн. 1. Док. 217, 225, 232; Советско-румынские отношения: Документы и материалы: В 2 т. М., 2000. Т. II. Док. 160, 161, 163.

³⁸⁵ Северная Буковина не фигурировала в перечне территорий, отнесенных в Секретном протоколе к договору от 23 августа 1939 г. к сфере интересов СССР. Стремление Кремля выйти за его рамки создавало опасный прецедент, чем не преминул воспользоваться Гитлер в отношениях с Финляндией.

³⁸⁶ Ерещенко М.Д. Бессарабский вопрос в лабиринтах дипломатии 1940 г. // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале Второй мировой войны. С. 193.

воспоминаний, достоверность которых всегда оставляет вопросы для исследователя³⁸⁷.

Еще один аспект внешней политики СССР, привлечший внимание историков, – советско-югославские отношения после начала Второй мировой войны. Их работы основывались на документах как югославских, так и советских архивов, например на материалах советского полпредства в Белграде, содержащих не только информацию с «места», но и отражавших общие установки Кремля. Так, О.Н. Решетникова пришла к выводу, что вплоть до осени 1940 г. «пассивность советско-югославских отношений была обусловлена тем, что с оглядкой на Берлин действовало не только югославское правительство, но и советское руководство, которое стремилось ничем не спровоцировать обострение отношений с Германией...»³⁸⁸ Во второй половине 1940 г. ситуация на Балканах начала постепенно меняться. Активизация советской дипломатии в этом регионе, как считал В.К. Волков, была направлена фактически в равной мере на то, чтобы побудить как Болгарию, так и Югославию к активной борьбе против «как английских, так и германских стремлений перебросить войну на Балканский полуостров»³⁸⁹. Однако именно в 1940–1941 гг., отмечал он, проявилась глубокая раздвоенность советской внешней политики: «аргументация выдвигалась одна, действия были другими, а уж последствия совершенно непредсказуемыми, даже не предвиденными руководством НКВД» – одним словом, «кухаркина дипломатия»³⁹⁰. Невозможно было совместить сопротивление экспансии Германии с противодействием западным державам, сохраняя при этом советско-германский союз, – подчеркивал Л.Я. Ги-

³⁸⁷ Например, Г.К. Жуков в беседе с Л.А. Безыменским в 1970 г. рассказал об одной из встреч со Сталиным в начале июня 1941 г., в ходе которой тот показал ему свое письмо Гитлеру и ответ последнего, содержащий успокоительные разъяснения по поводу концентрации вермахта на сопредельных с СССР территориях. Приводя эти сведения, историк и журналист делал немаловажную оговорку: «...до сих пор ни в немецких, ни в советских архивах писем, о которых говорил Г.К. Жуков, пока не обнаружено. Но кто знает...» (*Безыменский Л.А. Встречался ли Сталин с Гитлером? // Новое время. 1990. № 48. С. 37*). В дополненной версии мемуаров Г.К. Жукова о переписке между Сталиным и Гитлером не упоминалось (см.: *Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: В 3 т. 11-е изд. М., 1992*).

³⁸⁸ *Решетникова О.Н. Из истории советско-югославских отношений в начале второй мировой войны // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале Второй мировой войны. С. 185.*

³⁸⁹ *Волков В.К. Советско-югославские отношения в начальный период второй мировой войны в контексте мировых событий (1939–1941 гг.) // Советское славяноведение. 1990. № 6. С. 11.*

³⁹⁰ См. данный сборник. С. 276.

бианский. Какую-то из сторон этого треугольника следовало ликвидировать, чтобы данная политика, хотя бы теоретически, обрела реальную основу. В результате «советское руководство, в сущности, само запрограммировало отдачу балкано-дунайского региона под германский контроль, хотя стремилось к прямо противоположному»³⁹¹.

Неэффективность политики Москвы на этом направлении стала особенно заметной в начале апреля 1941 г., в критические дни, предшествовавшие нападению Германии на Югославию. По мнению В.К. Волкова, продемонстрированная в это время ограниченность возможностей Москвы на равных соперничать с Берлином заставила Кремль перейти в середине апреля к политике умиротворения агрессора. «И роль “югославского фактора”, чувства “вины” перед третьим рейхом за заключенный советско-югославский договор играла, по всей видимости, не последнюю роль»³⁹².

Комментируя развитие советской политики в отношении стран ЦЮВЕ после начала Второй мировой войны до 22 июня 1941 г., Л.Я. Гибианский отметил, что ее общее направление было определено на рубеже августа–сентября 1939 г. и тогда же были сформулированы ее основные цели. Применительно к странам Центральной Европы, Прибалтийским государствам – «все, что можно, взять!» Что же касается Юго-Восточной Европы, то, за исключением претензий на Бессарабию и Северную Буковину, с начала Второй мировой войны можно предположить наличие двух целей: «с одной стороны, не допустить установления там германского контроля, а с другой – не допустить “империалистического вмешательства” Англии и Франции, «вовлечения» стран субрегиона в войну». В целом, констатировал Л.Я. Гибианский, «политика, проводившаяся в 1939–1941 гг., до нападения Германии на СССР, сталинским руководством, явилась важнейшим международным фактором, по сути, подыгравшим успеху экспансионистских, агрессивных действий Гитлера в Центральной и Юго-Восточной Европе»³⁹³.

Среди проблем, причисляемых к ряду очевидных «белых пятен» в истории внешней политики СССР накануне и в начале

³⁹¹ Там же. С. 293.

³⁹² Волков В.К. Советско-югославские отношения в начальный период второй мировой войны... С. 15–16. По мнению А.Г. Иванова, Сталин осуществлял политику умиротворения Германии с 23 августа 1939 г. по 22 июня 1941 г. (см.: Иванов А.Г. Английская политика гарантий и переговоры между Великобританией, Францией и СССР в 1939 году. С. 91).

³⁹³ См. данный сборник. С. 307.

Второй мировой войны, находилось и дальневосточное направление политики Москвы. Во второй половине 80-х – начале 90-х годов публикации, в которых затрагивалась эта проблема, были посвящены антисоветской политике Японии в 1939–1941 гг. и вооруженному конфликту в районе Халхин-Гола³⁹⁴. Особняком среди них стояла статья В.П. Сафронова, посвятившего ее собственно политике Советского Союза в дальневосточном регионе, по его мнению, достаточно взвешенной: «Советскому правительству во многом удалось избежать здесь тех негативных моментов, которые сопровождали урегулирование его отношений с Германией на основе договора о ненападении». В отношениях с Японией Москва нашла ту форму политического соглашения – пакт о нейтралитете, которая оптимально уравнивала все плюсы и минусы этого шага для СССР в международном контексте. Как полагал В.П. Сафронов, подобная политика позволила Советскому Союзу обеспечить известную безопасность на Дальнем Востоке, путем продолжавшейся поддержки Китая связать руки Японии, не допустить опасного ухудшения отношений с США. «В обстановке надвигавшейся угрозы нападения фашистской Германии на СССР, – резюмировал он, – эти факторы имели огромное стратегическое значение...»³⁹⁵

Из исследования В.П. Сафронова оставалось неясным, чем объяснялась столь сбалансированная политика СССР на Дальнем Востоке по сравнению с Европой. Некоторый дополнительный свет на этот вопрос проливали статья С.Л. Тихвинского, посвященная генезису советско-японского пакта о нейтралитете, в которой были использованы ранее неизвестные советские документы³⁹⁶. Из нее следовало, что японская сторона предложила Москве в конце октября 1940 г. заключить не соглашение о нейтралитете, переговоры о котором велись ранее, а пакт о ненападении по образцу советско-германского, отложив при этом реше-

³⁹⁴ См.: Горбунов Е.А. 20 августа 1939. М., 1986; Кошкин А.А. Как готовился Халхин-Гол // Новая и новейшая история. 1989. № 4. С. 42–55; Он же. Крах стратегии «спелой хурмы»: Военная политика Японии в отношении СССР. 1931–1945 гг. М., 1989; Кривень А.М. Слышишь, Халхин-Гол! М., 1989; Савин А.С. Там вдали у реки... (К 50-летию разгрома японских агрессоров в районе реки Халхин-Гол) // Военно-исторический журнал. 1989. № 9. С. 61–63; Халхин-Гол в огне / Ред. сост. А.М. Кривень и др. М., 1989.

³⁹⁵ Сафронов В.П. Борьба СССР за безопасность на Дальнем Востоке и позиция США (сентябрь 1939 г. – июнь 1941 г.) // Россия, СССР и международные конфликты в первой половине XX века: Сб. научных трудов. М., 1989. С. 129.

³⁹⁶ Тихвинский С.Л. Заключение советско-японского пакта о нейтралитете 1941 г. // Новая и новейшая история. 1990. № 1. С. 20–34.

ние всех оставшихся между двумя странами спорных вопросов на будущее³⁹⁷. Как писал С.Л. Тихвинский, 18 ноября 1940 г. советское правительство отклонило это предложение, указав, что «у общественного мнения СССР вопрос о заключении нового пакта о ненападении, на этот раз с Японией, естественно, будет связываться с вопросом о возвращении утерянных ранее территорий – Южного Сахалина и Курильских островов. Если Япония не готова к постановке этих вопросов, то было бы целесообразно говорить не о заключении пакта о ненападении, а о заключении пакта о нейтралитете». Япония явно не была готова к этому, а потому Кремль отверг как «провокационное» предложение министра иностранных дел И. Мацуока, сделанное в ходе его переговоров с Молотовым в апреле 1941 г., о разделе сфер влияния между Японией и СССР³⁹⁸. Документы, использованные С.Л. Тихвинским, показывали, почему советское руководство остановилось на столь «сбалансированном» варианте соглашения с Японией, каким явился пакт о нейтралитете.

В различных публикациях, посвященных положению СССР накануне нападения нацистской Германии, отмечалось, что «Разведуправление Генерального штаба РККА³⁹⁹ своевременно вскрыло политические планы и стратегические замыслы гитлеровской Германии»⁴⁰⁰. Поэтому политическое и военное руководство страны «своевременно располагало достаточными данными о подготовке и сроках нападения, поступление которых на-

³⁹⁷ Очевидно, что если бы Берлин предложил на подобных условиях заключение советско-германского пакта о ненападении, то он никогда не был бы заключен.

³⁹⁸ *Тихвинский С.Л.* Заключение советско-японского пакта о нейтралитете 1941 г. С. 27, 28, 31. Не совсем понятно, почему С.Л. Тихвинский назвал предложение И. Мацуока «провокационным». Вряд ли в Кремле с августа 1939 г. изменились стандарты, хотя вполне возможно, что именно в таких выражениях оно было поименовано в записи беседы Молотова с И. Мацуока от 9 апреля 1941 г., которая до сих пор не опубликована.

³⁹⁹ Об атмосфере, царившей в Разведуправлении Генштаба накануне нападения Германии на СССР, см. воспоминания бывшего врио начальника Информационного отдела подполковника В. Новобранца (*Новобранец В.* Накануне войны // *Знамя.* 1990. № 6. С. 165–192).

⁴⁰⁰ *Ивашутин П.И.* Докладывала точно: (Воспоминания о минувшей войне) // *Военно-исторический журнал.* 1990. № 5. С. 56. Пытаясь всячески подчеркнуть достижения советской разведки, некоторые авторы доходили буквально до абсурда. Якобы «еще в июле 1939 г. советская разведка предупреждала, что инсценировка добрососедских отношений с СССР, и в частности уважение его интересов в Прибалтике, рассчитано на двухлетний срок» (*Исаев С.И., Раманичев Н.М., Чевела П.П.* Советский Союз накануне Великой Отечественной войны. М., 1990. С. 19).

растало по мере приближения даты нападения»⁴⁰¹. По свидетельству П.И. Ивашутина, тексты почти всех документов и радиogramм, касавшиеся военных приготовлений Германии и сроков нападения, докладывались регулярно по следующему списку: Сталину (два экз.), Молотову, Берии, Ворошилову, Тимошенко и начальнику Генерального штаба. Однако «даже в самые последние предвоенные дни реакция на донесения военной разведки со стороны руководства страны была негативной». Его «официальная позиция состояла в том, что империалисты стремятся втянуть нашу страну в конфликт с Германией, но если мы не поддадимся на провокацию и не вызовем у немцев никаких подозрений, станем строго и последовательно соблюдать пакт о ненападении (...), никакой войны не будет». П.И. Ивашутин приходил к выводу, что «руководство страны, и прежде всего Сталин, чересчур большие надежды возлагало на пакт о ненападении, неправильно оценивало обстановку, сложившуюся к лету 1941 года, отказывалось верить очевидным фактам, свидетельствующим о широкомасштабных приготовлениях Германии к нападению на Советский Союз»⁴⁰².

Пожалуй, самым заметным событием 1990 г. для исследователей внешней политики СССР стала публикация документов из Архива внешней политики в двухтомнике «Год кризиса»⁴⁰³. Хотя в его основу был положен сборник документов и материалов, вышедший почти двумя десятилетиями ранее⁴⁰⁴, отличия между ни-

⁴⁰¹ *Мильштейн М.* По данным разведки... Еще раз о 22 июня 1941 года // Новое время. 1990. № 26. С. 33. По воспоминаниям маршала Г.К. Жукова, ранее изъятым при публикации, он как начальник Генштаба «ни разу не был информирован И.В. Сталиным о той разведывательной информации, которую... [тот] получал лично. По долгу службы я пытался выяснить, почему военному руководству не дается та информация, которая направляется И.В. Сталину и другим членам Политбюро. Мне ответили: таково указание товарища Сталина» (*Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления: В 3 т. 10-е изд., доп. по рукописи автора. М., 1990. Т. 1. С. 362). Вопрос о степени информированности начальника Генштаба накануне войны требует дополнительного изучения, так как на этот счет существуют и иные сведения (см.: Обреченные триумфаторы [Беседа с генерал-лейтенантом в отставке Н.Г. Павленко] // Родина. 1991. № 6/7. С. 90).

⁴⁰² *Ивашутин П.И.* Указ. соч. С. 57, 58. Этот вывод в полной мере подтверждается телеграммами советских дипломатов Молотову из Берлина (13 и 15 июня 1941 г.), Лондона (16 июня 1941 г.) и Вашингтона (1 марта 1941 г.) (см.: Канун войны: предупреждения дипломатов / Публ. В.А. Воюшина и С.А. Горлова // Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1990. № 8. С. 71–80).

⁴⁰³ См. примеч. 262.

⁴⁰⁴ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. Документы и материалы. М., 1971.

ми разительны. Несмотря на то что впервые опубликованные архивные документы (148)⁴⁰⁵ составляли менее четверти от помещенных в сборнике (631), они существенно расширяли представления исследователей о деятельности советской дипломатии на протяжении почти года, предшествовавшего началу Второй мировой войны. В сборнике помещены 80 ранее неизвестных шифротелеграмм⁴⁰⁶, отражавших оперативную переписку между Наркоминделом и советскими полпредствами в различных столицах. Среди новых документов 56 были связаны с советско-германскими отношениями. Они освещали важные этапы сближения между СССР и Германией накануне Второй мировой войны, о которых исследователям было известно только из зарубежных источников.

Не имея возможности подробно осветить тематику, а тем более содержание документов⁴⁰⁷, отмечу только некоторые недостатки этого сборника, касающиеся отбора документов и методов их публикации (39 документов опубликованы с купюрами)⁴⁰⁸ и комментирования. Значительное число отечественных материалов, равно как немалое количество зарубежных документов, уже было опубликовано в открытой советской печати, но их подбор вызывал серьезные вопросы, поскольку они преимущественно отражали лишь определенную часть политики западных держав. Все это создавало впечатление некоей заданности издания в целом, приоткрывшего некоторые секреты советской внешней политики, но, прежде всего, нацеленного на их соответствующую аранжировку. Этой же цели служил и обширный комментарий, дававший не столько необходимые пояснения к тем или иным документам, сколько разъяснявший их содержание, «правильно» их толкующий. В еще большей степени это относилось к пространному предисловию В.Я. Сиполса. В нем скомпонованы положения, содержащиеся в отдельных документах, с целью показать,

⁴⁰⁵ Шесть из них публиковались в сборнике «СССР в борьбе...» с купюрами.

⁴⁰⁶ Публикация этого рода документов представляет особую ценность, так как исследователям в Архиве внешней политики РФ они до сих пор недоступны.

⁴⁰⁷ См.: *Нежинский Л.Н., Чельшев И.А.* Рец. на сборник «Год кризиса» // Новая и новейшая история. 1991. № 4. С. 216–218.

⁴⁰⁸ Л.А. Безыменский немного поведал о том, что осталось «за кадром» подготовки этого издания. Оказывается, основной отбор документов был проведен еще в 1988 г. В первом варианте сборника Секретный протокол к советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 г. вообще отсутствовал, в последующих – помещен, но с отсылкой на немецкие архивы. И только в окончательном варианте при подписании в печать (24.05.1990 г.) были указаны сигнатуры АВП СССР (см.: *Безыменский Л.* Правду – но только не по чайной ложке // Новое время. 1991. № 3. С. 13).

сколь враждебен и неискрен был весь мир по отношению к СССР, и это буквально вынудило советское руководство заключить пакт о ненападении с Германией. Но, даже делая этот шаг, СССР по-прежнему «проявлял интерес и к продолжению переговоров с Англией и Францией»⁴⁰⁹. Как говорится, комментарии излишни.

Политическая ситуация в Прибалтике побудила МИД в оперативном порядке подготовить ряд публикаций документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой, Эстонией в 1939–1940 гг. Первой из них была подборка «Прибалтика вступает в Союз»⁴¹⁰, содержащая 34 документа, в том числе 29 архивных. Это в основном переписка между советскими полпредами в этих государствах и Наркоминделом с августа 1939 г. по июль 1940 г. Документы касались, прежде всего, ключевых событий второй половины сентября–октября 1939 г. и конца мая–июля 1940 г. Среди тех, что относились к осени 1939 г., особый интерес представляли телеграммы Молотова полпреду в Литве Н.Г. Позднякову и полпреду в Эстонии К.Н. Никитину (вторая половина октября), которые содержали строгие указания относительно невмешательства во внутренние дела упомянутых стран, пресечения всякого рода слухов, разговоров и настроений по поводу их предстоящей советизации; необходимости строго выполнять условия пактов о взаимопомощи.

Из других документов видно, что 25 мая 1940 г. началось жесткое давление советского руководства на правительства Прибалтийских государств, прежде всего на литовское, и подключение к этой кампании компартии. Литовское правительство стало первым, кому 14 июня был вручен ультиматум об изменении состава правительства и введении на ее территорию крупных воинских соединений РККА (беседа Молотова с министром иностранных дел Ю. Урбшисом 14 и 15 июня). Двумя днями позже последовали почти аналогичные ультиматумы правительствам Латвии и Эстонии (беседы Молотова с посланниками Латвии и Эстонии 16 июня). Во всех случаях срок ультиматума составлял менее 10 часов.

Из опубликованной в журнале «Международная жизнь» подборки документов могло создаться впечатление, что осенью 1939 г. советское руководство строго придерживалось договоров о взаимопомощи, заключенных с Прибалтийскими государства-

⁴⁰⁹ Год кризиса. Т. 1. С. 24.

⁴¹⁰ Прибалтика вступает в Союз: (Документы об отношениях СССР со странами Прибалтики в 1939–1940 годах) / Публ. Г.А. Тахненко. Вступ. ст. В. Александрова // Международная жизнь. 1990. № 2. С. 140–158; № 3. С. 122–140.

ми, не допускало вмешательства в любой форме в их внутренние дела. Однако под влиянием якобы антисоветской политики правящих кругов этих стран было вынуждено изменить курс и принять в июне 1940 г. экстренные меры по обеспечению в них интересов СССР. Реальное развитие событий выглядело далеко не так. Не случайно в публикации не нашлось места ни одному документу, освещавшему беседы советского руководства с представителями государств Балтии осенью 1939 г.

Этот документальный пробел в определенной мере восполнил сборник документов «Полпреды сообщают...»⁴¹¹, содержащий 358 документов (из них более 70% публиковались впервые) преимущественно из АВП РФ, а также из Центрального государственного архива Советской Армии, ныне Российский государственный военный архив. Название сборника не в полной мере отражало его содержание, отнюдь не исчерпывавшееся только донесениями полпредов в трех Прибалтийских государствах, – они составляли немногим более четверти общего числа документов. В сборнике представлены также телеграммы Молотова полпредам, записи бесед руководства НКВД с представителями стран Балтии и протоколы заседаний совместных комиссий, донесения советских военных атташе и выдержки из сводок Разведупра РККА, телеграммы и телефонограммы уполномоченных правительства СССР в Латвии, Литве и Эстонии в Наркоминдел и т.д., а также тексты различных соглашений между СССР и Прибалтийскими государствами и значительное число публиковавшихся ранее, но малоизвестных документов и материалов, переведенных на русский язык.

Как мне представляется, мотивы и намерения советского руководства могут быть до известной степени прояснены благодаря опубликованным записям бесед в Кремле с руководящими деятелями Латвии, Литвы и Эстонии не только накануне оккупации в июне 1940 г., но и на ее подготовительной стадии в сентябре–октябре 1939 г.⁴¹² К сожалению, не все они нашли отражение в сборнике «Полпреды сообщают...»⁴¹³, но и те, что опубликова-

⁴¹¹ См. примеч. 142.

⁴¹² В ходе бесед с латвийской делегацией 2–3 октября 1939 г. Сталин заявил: «Я вам скажу прямо: раздел сфер влияния состоялся. (...) если не мы, то немцы могут вас оккупировать. Но мы не желаем злоупотреблять. (...) Вы полагаете, что мы вас хотим захватить. Мы могли бы это сделать прямо сейчас, но мы этого не делаем» (Полпреды сообщают.... Док. 57. С. 76–77; Док. 58. С. 80).

⁴¹³ В ходе раунда встреч, предшествовавших заключению договоров о взаимопомощи между СССР и Прибалтийскими государствами, состоялось несколько бесед Сталина и Молотова с министрами иностранных дел Латвии, Литвы и Эстонии. Однако в сборнике помещены записи только двух бесед с латвийской делегацией во главе с В. Мунтерсом (Там же. Док. 57, 58).

ны давали основания для пересмотра сложившихся стереотипов о советской политике 1939–1940 гг. в этом регионе (см. док. 57, 58, 152, 231, 233, 234, 239, 240, 242, 248, 249, 250, 251, 252). К этому выводу подводила именно комплексная публикация дипломатических документов даже только одной из действующих сторон⁴¹⁴.

В Эстонии в 1990 г. были выпущены два документальных сборника на русском языке. Один из них содержал исключительно перепечатки официальных документов и материалов, касающихся политики СССР в отношении Польши, Эстонии, Финляндии, из советских периодических изданий 1939–1940 гг.⁴¹⁵ Документы сопровождаются небольшим комментарием в тех случаях, когда опубликованные в советской печати материалы отличаются от оригинальных текстов⁴¹⁶.

Значительный интерес представлял собой сборник «От пакта Молотова – Риббентропа до договора о базах»⁴¹⁷, содержащий не только перепечатки из зарубежных публикаций, но и оригинальные документы из архивов Эстонии. Среди 123 документов, помещенных в сборнике, особое внимание привлекли: запись беседы Молотова с министром иностранных дел Эстонии К. Сельтером 24–25 сентября 1939 г. (док. 94), обсуждение предложения советского руководства на заседании Государственного совета Эстонии 26 сентября (док. 101), запись переговоров Сталина и Молотова с эстонской делегацией о заключении договора о взаимопомощи 27–28 сентября (док. 109, 114), запись совещания эстонской делегации в Москве по выработке текста пакта о взаимной помощи (док. 111), обсуждение советско-эстонского пакта о взаимной помощи на заседании Государственного совета Эстонии 2 октября (док. 123).

Об атмосфере переговоров в Москве, в результате которых был заключен договор о взаимопомощи между СССР и Эстони-

⁴¹⁴ Картина может быть серьезно искажена, если публикуется только один, даже очень важный документ, но вырванный из «переговорного» контекста (см.: Что бывает, когда нарушаются договоры [Запись беседы Молотова с Ю. Урбисом 14.06.1940] / Публ. С.А. Горлова // Военно-исторический журнал. 1990. № 4. С. 40–42).

⁴¹⁵ Роковые годы, 1939–1940: События в Прибалтийских государствах и Финляндии на основе советских документов и материалов / Сост. К. Яансон. Таллинн, 1990.

⁴¹⁶ Например, в статье Ал. Поликарпова «СССР и Эстония» (Большевик. 1939. № 18) процитирована речь президента Эстонии К. Пятса, произнесенная по радио 29 сентября, в которой ему приписывались высказывания, не имевшие места (Роковые годы, 1939–1940. С. 23. Примеч. 6). Эти высказывания были напечатаны также в газете «Известия» от 2 октября и без проверки помещены в сборнике «Полпреды сообщают...» (Док. 54. С. 74).

⁴¹⁷ От пакта Молотова–Риббентропа до договора о базах: Документы и материалы / Сост. К. Арьякас и др. Пер. с эст. Таллинн, 1990.

ей, предусматривавший размещение 25 тыс. советских военнослужащих (как подчеркивал А.С. Орлов, «по соглашению правительств»⁴¹⁸), красноречиво свидетельствовали высказывания советских руководителей. «Если Вы не пожелаете заключить с нами пакт о взаимопомощи, то нам придется использовать для гарантирования своей безопасности другие пути (...) Прошу Вас, не принуждайте нас применять силу в отношении Эстонии» (Молотов в беседе с К. Сельтером 24 сентября)⁴¹⁹. «Могу Вам сказать, что правительство Эстонии действовало мудро и на пользу эстонскому народу, заключив соглашение с Советским Союзом. С Вами могло получиться, как с Польшей» (Сталин в разговоре с К. Сельтером 28 сентября)⁴²⁰.

Изданные в 1990 г. сборники документов существенно расширили возможности историков по изучению внешней политики СССР накануне и в начале Второй мировой войны, что позволяет оценивать их работы, увидевшие свет в последующий период, уже с учетом наличия более солидной документальной базы.

* * *

В 1991 г. внимание историков в основном концентрировалось на изучении советско-германских отношений в 1939–1941 гг. и событий полувековой (юбилейной) давности, непосредственно предшествовавших нападению нацистской Германии на СССР. При этом резко усилились нападки ортодоксов на нетрадиционный подход в освещении внешней и военной политики Советского Союза накануне Великой Отечественной войны.

Наиболее заметным историографическим событием года стало появление книги Г.Л. Розанова «Сталин – Гитлер»⁴²¹, в которой на базе зарубежных и отечественных, в том числе архивных, документов впервые в отечественной литературе была предпринята попытка показать развитие дипломатических отношений между СССР и Германией в 1939–1941 гг. Г.Л. Розанов использовал ряд документов, представлявших значительный интерес для понимания как советской дипломатии, так и внешней политики в целом (обмен телеграммами между Сталиным и Молотовым в ходе визита последнего в Берлин в ноябре 1940 г., полный текст ответа советского правительства от 25 ноября 1940 г. на предложение нацистского руководства о присоединении СССР к Тройственному пакту и некоторые другие).

⁴¹⁸ Орлов А.С. СССР и Прибалтика. С. 47.

⁴¹⁹ От пакта Молотова–Риббентропа до договора о базах. Док. 94. С. 138–139.

⁴²⁰ Там же. Док. 114. С. 188–189.

⁴²¹ Розанов Г.Л. Сталин–Гитлер: Документальные очерки советско-германских дипломатических отношений. 1939–1941 гг. М., 1991.

Заслуживали внимания выводы автора, касавшиеся отдельных внешнеполитических акций Советского Союза. Наиболее важный из них, что «28 июля [1939 г.], то есть после получения телеграммы от Астахова о его встрече со Шнурре, советским руководством было принято решение, серьезно изменившее характер советско-германских дипломатических отношений: оно соглашалось вступить в переговоры с Берлином с целью использовать их как своеобразный “козырь”, элемент давления на западные страны, чтобы подтолкнуть их на заключение эффективного соглашения с Советским Союзом»⁴²². (...) Таким образом, шлагбаум на пути советско-германских переговоров Москвой был поднят»⁴²³.

Оценивая итоги советско-финляндской войны, Г.Л. Розанов писал: «Вопреки широковещательным заявлениям советского руководства, которые затем были подхвачены официальной историографией, укрепления безопасности Советского Союза на его северо-западных рубежах в итоге войны не произошло. (...) В результате «зимней войны» Финляндия не стала дружественной Советскому Союзу страной, которая в случае фашистской агрессии против СССР по крайней мере заняла бы нейтральную позицию»⁴²⁴. Критически оценивал Г.Л. Розанов и шаги советского руководства летом 1940 г. на румынском направлении. По его мнению, «самонадеянность и неуклюжесть действий Кремля привели к тому, что Румыния стала военным союзником Гитлера...»⁴²⁵ Автора «поражает полное непонимание Молотовым истинных целей Гитлера на переговорах» в Берлине⁴²⁶. И наконец, рассматривая главные причины просчета Сталина в 1941 г., поставившего СССР на грань катастрофы, Г.Л. Розанов пришел к выводу, что важнейшая из них – «ошибочная оценка Сталиным весной и летом 1941 г. расстановки и взаимодействия основных политических сил на мировой арене»⁴²⁷.

⁴²² Текст телеграммы Молотова Г.А. Астахову от 29 июля, цитируемой Г.Л. Розановым (см. также: Год кризиса. Т. 2. Док. 511. С. 145), не давал основания для вывода, что переговоры с Берлином рассматривались в Кремле в качестве средства давления на западные державы.

⁴²³ *Розанов Г.Л. Сталин–Гитлер. С. 77, 78.* Важность этого вывода не вызывала сомнений, так как он сдвигал на две недели назад дату принятия Кремлем решения о вступлении в переговоры с Германией. Историки, буквально «завороженные» информацией, содержащейся в докладе А.Н. Яковлева на II Съезде народных депутатов СССР, о принятом 11 августа решении Политбюро вступить в переговоры с Германией, до сих пор никак не подтвержденным документально, явно прошли мимо этого места в книге Г.Л. Розанова.

⁴²⁴ Там же. С. 137.

⁴²⁵ Там же. С. 155.

⁴²⁶ Там же. С. 171.

⁴²⁷ Там же. С. 190.

К сожалению, Г.Л. Розанов не избежал бездоказательных утверждений, противоречащих документам выводов и сомнительных фактов. Так, характеризуя отношения между СССР и Германией после прихода Гитлера к власти и до конца 1938 г. как нараставшую конфронтацию, вылившуюся «в открытую враждебность, едва прикрываемую протоколом дипломатических отношений», он констатировал: «Можно согласиться с чрезвычайно важным выводом Комиссии II Съезда народных депутатов СССР по правовой и политической оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г.: “В дипломатической документации СССР за 1937–1938 гг. не обнаружено свидетельств, которые говорили бы о советских намерениях добиваться взаимопонимания с Берлином”»⁴²⁸. Г.Л. Розанов не раз повторил, что истинный замысел затеянной Гитлером в 1939 г. политической игры в Кремле понимали, а германские оперативные планы оказывались на столе у Сталина чуть ли еще не до того, как их утверждал фюрер, равно как информация о сверхсекретных совещаниях и переговорах, которые проходили в Берлине (с. 38, 42, 49, 52, 55, 80, 101, 140, 149, 187, 194). При этом он не подкрепил сказанное какими-либо фактами. Из очевидных домыслов Г.Л. Розанова приведу следующий: «Агрессия гитлеровцев против Чехословацкой республики в сентябре 1938 г. поставила Германию и Советский Союз, союзника Чехословакии, на грань большой войны»⁴²⁹. О замыслах Сталина после заключения советско-германского договора о ненападении он писал: «Стремясь перестраховаться, Сталин в эти дни, используя различные каналы, пытался склонить Лондон и Париж к продолжению трехсторонних военных переговоров в Москве»⁴³⁰. На это, в частности, прямо намекал Ворошилов Драксу и Думенку в ходе прощальной

⁴²⁸ Там же. С. 31. Вынесем за скобки вопрос о том, насколько профессиональный историк должен полагаться на выводы политической комиссии, кстати, опровергнутые в том же году, когда книга Г.Л. Розанова увидела свет (см.: Особая миссия Давида Канделаки / Публ. Н.А. Абрамова, Л.А. Безыменского // Вопросы истории. 1991. № 4/5. С. 144–156). Достаточно было обратиться к публикации германских дипломатических документов, чтобы убедиться в противоположном.

⁴²⁹ *Розанов Г.Л.* Сталин–Гитлер. С. 12. Представляется излишним даже комментировать утверждения, находящиеся за пределами знания.

⁴³⁰ На этот метод работы обратил внимание В.М. Кулиш: «Г.Л. Розанов вообще довольно часто прибегает к “домысливанию”, чтобы мотивировать поведение активных участников событий. Прием, незаменимый для художественных произведений, в его книге используется главным образом для облагораживания политики советского руководства» (*Кулиш В.* Два года по пути к катастрофе // Свободная мысль. 1992. № 16. С. 119).

аудиенции 24 августа. В качестве даты возобновления переговоров предлагалось 30 августа. Однако никакого отклика на эти предложения не последовало»⁴³¹.

Порой Г.Л. Розанов в своих построениях просто забывал об исторических реалиях. Так, например, касаясь явно неординарного поступка графа Ф. Шуленбурга, который воспользовался пребыванием в Москве посла СССР в Германии В.Г. Деканозова, чтобы во время беседы с ним в начале мая 1941 г. дать понять советскому руководству, что отношения между двумя странами приближаются к критической черте, Г.Л. Розанов делал сенсационный вывод: «Деканозов, явно нарушая свои обязанности, не сообщил о встрече Молотову»⁴³². Увы, перечень таких «открытий» можно было бы продолжать...

Тем не менее в книге Г.Л. Розанова (что важно) обозначены основные этапы политико-дипломатических отношений между Москвой и Берлином в период, характеризовавшийся действиями Кремля, которые на протяжении более полувека тщательно замалчивались или извращались в советской историографии⁴³³. Однако в рамках жанра, избранного автором (очерк), это сделано не всегда корректно, а порой неряшливо.

⁴³¹ Розанов Г.Л. Сталин–Гитлер. С. 102. На самом деле в ходе прощальной аудиенции, которую Ворошилов и начальник Генштаба Б.М. Шапошников дали главам военных миссий Англии и Франции 25 августа, состоялся, в частности, следующий разговор: «Адм. Дракс. – Нам хотелось бы запросить у Вас, г-н маршал, считаете ли Вы возможным, что Советское правительство при изменившейся политической обстановке, объявленной вчера, пожелает, чтобы военные миссии продолжали свои переговоры. Маршал К.Е. Ворошилов. – К сожалению, политическая ситуация настолько изменилась, что сейчас наши переговоры теряют всякий смысл» (ДВП. Т. XXII, кн. 2. С. 595. Примеч. 192). В действительности они потеряли для Кремля смысл вплоть до 22 июня 1941 г.

⁴³² Розанов Г.Л. Сталин–Гитлер. С. 189. Если абстрагироваться от ставшей доступной позднее информации (см. записи бесед В.Г. Деканозова с Ф. Шуленбургом от 5, 9 и 12 мая, направленные только лично Молотову (ДВП. Т. XXIII, кн. 2. Док. 814, 823, 828), а также от состоявшихся в этом же промежутке времени двух встреч В.Г. Деканозова со Сталиным (см.: Посетители Кремлевского кабинета И.В. Сталина // Исторический архив. 1996. № 2. С. 46–47 [запись в журнале посетителей Сталина от 8 и 12 мая 1939 г.]), невозможно даже предположить, чтобы чиновник такого уровня (будучи послом, он оставался замнаркома иностранных дел), пришедший в НКВД с поста заместителя начальника Главного управления госбезопасности НКВД, мог пойти на столь грубое нарушение обязанностей. К тому же его беседы с германским послом проходили с участием переводчика, в роли которого выступал заведующий Центральноевропейским отделом НКВД В.Н. Павлов, о чем упомянул Г.Л. Розанов.

⁴³³ См.: Севостьянов П.П. Перед великим испытанием: Внешняя политика СССР накануне Великой Отечественной войны. М., 1981.

Этому же этапу советско-германских отношений посвящены две публикации А.С. Орлова, в которых предложена периодизация внешней политики Кремля, условно подразделенная им на четыре стадии⁴³⁴. Оправдывая действия СССР на международной арене с военно-стратегической точки зрения, А.С. Орлов критически оценил их политический эффект. Он обратил внимание на одну из главных причин, побудивших Сталина инициировать существенные коррективы относительно границ сфер интересов между СССР и Германией. По его мнению, в случае ввода немецких войск в Литву, отнесенную к сфере интересов Германии согласно договору о ненападении, «созданная там группировка вермахта угрожала бы фланговым ударом по советским войскам, вступившим в западные области Украины и Белоруссии»⁴³⁵. Квалифицировав территориальные приобретения СССР в 1939–1940 гг. как стратегический выигрыш, А.С. Орлов в то же время пришел к следующему выводу, что «война с Финляндией ухудшила международное положение СССР, присоединение к Советскому Союзу Латвии, Литвы, Эстонии, Бессарабии и Северной Буковины было расценено международным сообществом как проявление имперских амбиций коммунистического тоталитарного государства»⁴³⁶. Иными словами – на лицо был крупный политический проигрыш, усугубленный политикой Кремля на Балканах, что еще больше способствовало усилению международной изоляции СССР.

В итоге А.С. Орлов констатировал, что «приобретенные ценой огромных политических и моральных издержек выгоды от отсрочки вступления СССР в войну были перечеркнуты грубейшими, роковыми просчетами накануне гитлеровской агрессии. (...) Сталин оказался не в состоянии объективно анализировать факты в сложной обстановке предвоенных месяцев, не сумел использовать те возможности, которые давал пакт о ненападении,

⁴³⁴ Первый этап – от заключения пакта о ненападении до конца сентября 1939 г. (неопределенность отношений); второй – с октября 1939 г. до июня 1940 г. (стабильное сотрудничество); третий – с июня 1940 г. до апреля 1941 г. (открытое дипломатическое соперничество); четвертый – с апреля до 22 июня 1941 г. (умиротворение Германии) (Орлов А.С. СССР-Германия: военно-политические отношения накануне агрессии (август 1939 г. – июнь 1941 г.) // Военно-исторический журнал. 1991. № 10. С. 13).

⁴³⁵ Там же. С. 14. Если это соответствовало действительности, то данный факт не в последнюю очередь свидетельствовал об уровне компетентности лиц (Сталина и Молотова), готовивших текст Секретного протокола к советско-германскому договору о ненападении.

⁴³⁶ Там же. С. 19.

не смог круто повернуть руль государственного корабля для организации своевременного отпора гитлеровской агрессии»⁴³⁷.

В популярной брошюре, посвященной тем же вопросам, А.С. Орлов в большой степени отдал дань традиционным взглядам, смягчив критические высказывания в адрес советского руководства⁴³⁸. Так, характеризуя внешнеполитическую активность СССР в сентябре-октябре 1939 г., он писал, что «Сталин и его окружение, действуя в рамках, определенных секретным протоколом, стремились в то же время соблюдать нормы международного права. Об этом свидетельствовал и выбор момента ввода сил Красной Армии в Польшу, и форма договоров с Прибалтийскими республиками, и строгое соблюдение условий этих договоров (до лета 1940 г., когда стратегическая обстановка резко изменилась)»⁴³⁹. Подобную заданность оценок трудно было выдержать повсеместно, что неизбежно привело автора к противоречиям в выводах. В частности, он писал: «...вступление Прибалтийских республик в состав СССР летом 1940 г. было продиктовано в первую очередь интересами советской внешней политики», но при этом «курс на государственное объединение Прибалтийских республик с Советским Союзом обернулся крупным политическим просчетом советского руководства»⁴⁴⁰. Не увенчались успехом и попытки Москвы оттянуть дипломатическими средствами нападение Германии на СССР, тем более что Сталин «не смог уловить момента, когда пакт о ненападении уже изжил себя и требовалась коренная смена курса внешней политики»⁴⁴¹.

В.И. Дашичев, трактуя сталинскую дипломатию как явление, намного пережившее время правления диктатора⁴⁴², исходил в оценке ее активности на международной арене в 1939 г. прежде всего из выступления Сталина на XVIII съезде ВКП(б), в котором не было сказано ни одного слова в пользу создания англо-франко-советской коалиции как единственного спасения от фашистской агрессии. Фактически отождествив политику Англии и Франции с политикой нацистской Германией и дав тем самым по-

⁴³⁷ Там же. С. 20.

⁴³⁸ Орлов А.С. СССР-Германия: Август 1939-июнь 1941 г. М., 1991.

⁴³⁹ Там же. С. 18.

⁴⁴⁰ Там же. С. 29.

⁴⁴¹ Там же. С. 56.

⁴⁴² Дашичев В.И. Из истории сталинской дипломатии // История и сталинизм / Сост. А.Н. Мерцалов. М., 1991. С. 227–247. Сокращенный вариант этой статьи был представлен в виде доклада на международной конференции в Берлине в августе 1989 г. (см.: Dašičev V. Planungen und Fehlschläge Stalins am Vorabend des Krieges – der XVIII. Parteitag der KPdSU (B) und der sowjetisch-deutsche Nichtangriffsakt // 1939 – an der Schwelle zum Weltkrieg. S. 303–314).

нять, что он дистанцируется от курса западных держав, Сталин тем самым загнал «Советский Союз в положение изоляции от международных сил, которые были способны совместно с ним оказать сопротивление фашизму»⁴⁴³. Корректируя ранее высказанное им мнение, что время поворота во внешней политике СССР на сближение с Германией ассоциировалось с XVIII съездом, В.И. Дашичев пришел к выводу, что эти изменения наступили ранее, так как решение о созыве съезда и определении его политической линии было принято еще в январе 1939 г. на пленуме ЦК⁴⁴⁴. Опираясь на воспоминания Н.С. Хрущева, приводившего высказывания высшего руководства о советско-германском пакте, он резюмировал, что «Сталин заведомо способствовал развязыванию руками Гитлера второй мировой войны»⁴⁴⁵.

С этим выводом не согласовались рассуждения В.И. Дашичева по поводу возможного развития событий в случае незаключения СССР пакта о ненападении с Германией. Как он полагал, «не исключено, что и в этом случае авантюрист Гитлер развязал бы войну. Но она развивалась бы в очень неблагоприятных для Германии условиях и неизбежно привела бы к образованию против нее коалиции из СССР, Англии, Франции и США. (...) К этому с неумолимой логикой обязывали геополитические особенности расстановки сил между главными актерами на европейской политической и стратегической сцене. Сталин этого не понял»⁴⁴⁶. Таким образом, из предположений В.И. Дашичева, оставалось неясным: Сталин пошел на заключение договора 23 августа 1939 г. сознательно, имея в виду провоцирование Второй мировой войны, или из-за недопонимания, неспособности к стратегическому мышлению?

В статье М.И. Семиряги, представлявшей собой в основном обобщение опубликованного им в 1989–1990 гг. о советско-гер-

⁴⁴³ Там же. С. 232.

⁴⁴⁴ Там же. С. 228. Не затрагивая вопрос о том, когда изменилась политика Кремля по отношению к Германии (он до настоящего времени остается дискуссионным), отмечу только, что пленума ЦК ВКП(б) в январе 1939 г. не было. Вопрос о созыве XVIII съезда был решен путем опроса членов ЦК, о чем в архиве есть соответствующие документы (см.: РГАСПИ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 45. Л. 14, 15). Тезисы докладов Молотова (о третьем пятилетнем плане) и Жданова (об изменениях в Уставе партии) обсуждались на расширенном заседании Политбюро 29 января и в служебном кабинете Сталина 31 января 1939 г. (см.: Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог. М., 2001. Т. II. С. 1016; Исторический архив. 1995. № 5/6. С. 31 [запись в журнале посетителей Сталина от 31.01.1939 г.]).

⁴⁴⁵ Дашичев В.И. Из истории сталинской дипломатии. С. 237.

⁴⁴⁶ Дашичев В.И. Роковое решение Сталина // Оглашению подлежит... С. 7.

манских отношениях в период предвоенного политического кризиса⁴⁴⁷, содер-жались новые данные об информации, поступившей в распоряжение советского руководства летом 1939 г., – оценки в окружении Риббентропа предполагаемых действий СССР на международной арене. «Москва дала нам понять, – рассказал советник “бюро Риббентропа” д-р П. Кляйст в беседе с немецким журналистом (сотрудником советской военной разведки), – что она хочет вести с нами переговоры, что она не заинтересована в конфликте с Германией и что она не заинтересована также в том, чтобы сражаться за Англию Францию»⁴⁴⁸. Что касается общих выводов, сделанных М.И. Семирягой, то среди них выделю следующий: между СССР и Германией не существовало военного союза. Однако «всесторонний и даже доверительный характер советско-германских отношений не позволяет отвергнуть мысль о том, что эти отношения не ослабляли, а усиливали экономический, политический и военный потенциал Германии в войне против Англии и Франции». Они «свели практически на нет экономическую блокаду фашистской Германии со стороны Англии и Франции, обеспечили Германии спокойный стратегический тыл на востоке и свободу рук на западе»⁴⁴⁹.

Рассуждения М.И. Семиряги по поводу наличия альтернативы пакту Гитлера–Сталина в советской внешней политике, не подкрепленные реальными фактами и не увязанные с формой политического режима в СССР, выглядели малоубедительными. Более того, они не согласовывались с его же выводом относительно главных побудительных мотивов Сталина, приведших к заключению советско-германского договора о ненападении: Кремлю «предоставлялась возможность в великодержавной манере беспрепятственно ввести свои войска в Прибалтийские рес-

⁴⁴⁷ Семиряга М.И. Советско-германские отношения в период предвоенного политического кризиса // Ежегодник германской истории. М., 1991. С. 190–208.

⁴⁴⁸ Там же. С. 192. Приводя это высказывание, М.И. Семиряга ссылался на архивный документ. В опубликованной записи этой беседы приведенная выше цитата опущена без каких-либо оговорок (см.: Год кризиса. Т. 2. Док. 414. С. 40–42).

⁴⁴⁹ Там же. С. 198, 207. В другой статье, вышедшей также в 1991 г., М.И. Семиряга несколько иначе определял суть отношений между Москвой и Берлином в рамках подписанного 23 августа 1939 г. соглашения, считая, что «не обеспечивая подлинного нейтрального статуса СССР, договор о ненападении, по существу, стал договором о взаимной помощи между СССР и Германией, ибо он усиливал экономический и военный потенциал Германии в войне против Англии и Франции» (Семиряга М.И. Сговор двух диктаторов // История и сталинизм. С. 212).

публики, в Польшу и Бессарабию, даже в перспективе в Финляндию»⁴⁵⁰. В статье М.И. Семиряги «Сговор двух диктаторов» заслуживал особого внимания вывод о роли советско-германского договора о ненападении в развитии международных событий в конце августа 1939 г. Как он считал, подписание этого соглашения «означало, что “советский фактор” стал играть важную роль в политическом кризисе накануне второй мировой войны»⁴⁵¹.

По-прежнему очень активен был В.Я. Сиполс, стремившийся оправдать все без исключения шаги СССР на международной арене и прежде всего заключение советско-германского пакта о ненападении. Соглашаясь с тем, что правительства одних государств по нормам международного права не имели права решать судьбу других государств, он соотнес действие этих норм только с мирным временем. К тому же «судьба Польши уже была решена тем, что Германия собиралась буквально через несколько дней совершить нападение на Польшу и разгромить ее». Поэтому «вряд ли было бы правильно, если бы Советское правительство в то время отказалось от подписания процитированного протокола». Вердикт В.Я. Сиполса категоричен: «Подписанием договора о ненападении с Германией Советский Союз добился в тогдашней сложнейшей обстановке фактически максимум того, что было возможно»⁴⁵².

Более осторожной была позиция О.А. Ржешевского, что отнюдь не избавляло ее от противоречий. Он полагал, что «Советское правительство, заключая пакт о ненападении с Германией, учитывало последствия вероятного разгрома Польши, считало необходимым при таком развитии событий любой ценой предотвратить выход вермахта к нашим границам»⁴⁵³. Хотя очевидно, что разгром Польши уже неизбежно приводил к созданию общей германо-советской границы. Утверждая, что «рассуждения о том, кто больше выиграл от германо-советских договоренностей, гипотетичны», он сопоставил разновеликие аргументы, не оставлявшие места для сомнений. С одной стороны, «Германия создала к июню 1941 года наиболее благоприятные условия для своего нападения на СССР». С другой – «Советский Союз получил почти два года для укрепления своей обороны, заключив при

⁴⁵⁰ Семиряга М.И. Советско-германские отношения в период предвоенного политического кризиса. С. 204.

⁴⁵¹ Семиряга М.И. Сговор двух диктаторов. С. 209.

⁴⁵² Сиполс В.Я. О тайнах кануна второй мировой войны // Актуальные проблемы новейшей истории / Под ред. Г.Н. Севостьянова. М., 1991. С. 53, 54, 55.

⁴⁵³ Ржешевский О. Нарастание военной угрозы. 1933–1941 годы // Коммунист. 1991. № 7. С. 99.

этом договор о нейтралитете с Японией...» О.А. Ржешевский не разделял точку зрения тех историков, кто позволял себе причислять СССР к «невоюющим союзникам» Германии; по его мнению, отношения между Москвой и Берлином в 1939–1941 гг. сводились к торгово-экономическим связям, а также к взаимным «дружеским жестам» пропагандистского характера, не более. К тому же «реализация договоренностей, достигнутых между СССР и Германией в 1939 году, сопровождалась нараставшим обострением неразрешимых противоречий, вызванных усилившейся подготовкой Германии к нападению на СССР»⁴⁵⁴.

Автор еще одной публикации, посвященной советско-германским экономическим отношениям в начальный период Второй мировой войны А.А. Шевяков⁴⁵⁵, используя документы Центрального государственного архива народного хозяйства и архива Наркомвнешторга СССР, ввел в научный оборот значительный советский статистический материал, касавшийся товарообмена между двумя странами: его номенклатуры, объемов и денежного выражения. При этом он стремился доказать отсутствие альтернативы этим отношениям и наличие большой выгоды от торговли с Германией. По его мнению, СССР удалось получить новейшие образцы военной техники, машины и оборудование для тяжелой, химической, горнорудной и легкой промышленности, некоторые виды остродефицитного промышленного сырья (дюралюминий, вольфрам) и уникальное промышленное оборудование, в котором Советскому Союзу отказывали западные державы. Вместе с тем, по подсчетам А.А. Шевякова, «в ходе реализации экономических сделок с Германией за 22 предвоенных месяца СССР понес убыток в сумме 234,2 млн марок»⁴⁵⁶. Основанная только на советских статистических данных, без привлечения немецких публикаций, статья А.А. Шевякова воспроизводила одностороннюю картину торгово-экономического обмена двух стран, вычлененного из общего контекста их отношений.

⁴⁵⁴ Там же. С. 99, 100.

⁴⁵⁵ Шевяков А.А. Советско-германские экономические отношения в 1939–1941 годах // Вопросы истории. 1991. № 4/5. С. 164–170.

⁴⁵⁶ Там же. С. 169. Эти данные, в целом соответствовавшие и немецким подсчетам, были результатом, прежде всего, согласованных сторонами опережающих поставок СССР стратегического сырья и продовольствия в Германию, составлявших львиную долю названной выше задолженности Берлина, но не исчерпывавших экономических убытков Советского Союза по состоянию на 22 июня 1941 г. (подробнее см.: Schwendemann H. Die wirtschaftliche Zusammenarbeit zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion von 1939 bis 1941: Alternative zu Hitlers Ostprogramm? В., 1993. S. 342–352. Anh.: Tab. I–XX).

Подобная односторонность, хотя несколько иного свойства, присуща и статье А.Ф. Трубайчука. Он ограничился опубликованной перепиской МИД и германского посольства в Москве между 4 мая и 7 августа 1939 г., чтобы показать, как «гитлеровская дипломатия, искусно направляемая фюрером, стремилась загнать Сталина в ловушку и поставить его перед неизбежностью подписания выгодного для Германии пакта о ненападении»⁴⁵⁷. Критикуя Сталина за «схематическое мышление», за неспособность «постичь» тактические уловки нацистских дипломатов, А.Ф. Трубайчук, по всей видимости, был не совсем уверен в убедительности приведенных аргументов: «Впрочем, – писал он, – вполне возможен и диаметрально противоположный вариант – что именно Сталин, сохраняя непроницаемую загадочность, тянул в переговорах с англичанами и французами, до поры до времени не раскрывал своих козырей в германских зондажах»⁴⁵⁸.

Внимание историков по-прежнему привлекало балтийское направление советской внешней политики. По мнению А.Г. Донгарова и Г.Н. Песковой, хотя советское руководство вело осенью 1939 г. переговоры с представителями прибалтийских государств с позиции силы, «московские пакты стали все же результатом именно переговоров, а не ультиматума»⁴⁵⁹. В посвященной этой проблеме статье использовались архивные документы, свидетельствовавшие о том, что в случае отклонения руководством Прибалтийских республик предложения Москвы о заключении пактов о взаимопомощи предусматривалась военная альтернатива решения этого вопроса. 26 сентября Ворошилов отдал приказ о подготовке боевых действий против Эстонии, а также Латвии, если та пойдет на оказание помощи Эстонии в силу имевшихся между этими странами соглашений. Ленинградскому военному округу предписывалось завершить к 29 сентября сосредоточение сил на границе с этими государствами, а затем «нанести мощный ... удар по эстонским войскам». В случае выступления латвийских воинских частей на помощь эстонской армии, «7-й армии быстрым и решительным ударом по обоим берегам реки Двины наступать в общем направлении на Ригу»⁴⁶⁰.

Полагая, что в Кремле после заключения договоров о взаимопомощи не хотели предпринимать никаких действий в отноше-

⁴⁵⁷ Трубайчук А. Возвращаясь к 1939 году // *Международная жизнь*. 1991. № 1. С. 118–119.

⁴⁵⁸ Там же. С. 121.

⁴⁵⁹ Донгаров А.Г., Пескова Г.Н. СССР и страны Прибалтики (август 1939 – август 1940) // *Вопросы истории*. 1991. № 1. С. 39.

⁴⁶⁰ Там же. С. 34–35.

нии трех Прибалтийских стран «до тех пор, пока не прояснится ситуация в войне на Западе», А.Г. Донгаров и Г.Н. Пескова исходили из следующих гипотетических рассуждений советского руководства: «Победят Англия и Франция – и нужда в прибалтийском плацдарме, возможно, отпадет, а согласие Гитлера считать его “советской сферой интересов” ничего не будет стоить»⁴⁶¹. Однако под влиянием неожиданно быстрой победы Германии на Западе, означавшей, что она «получала свободу рук в отношении СССР», этот вариант отпал и стало очевидно, что «необходимо позаботиться об укреплении своих западных оборонительных рубежей»⁴⁶².

Относительно того, когда и почему стала актуальной проблема укрепления западных и северо-западных границ СССР, как советское руководство пыталось ее решить в 1939–1940 гг. и что из этого получилось, мнения историков серьезно разошлись. А.М. Носков считал, что в Москве уже в середине 1939 г. не исключали возможности военного столкновения с Финляндией. В связи с этим в июне–июле 1939 г. Главный военный совет РККА рассмотрел подготовленный Генштабом план военных действий против Финляндии⁴⁶³. Тем временем, приходил к выводу А.М. Носков, «подписанные 23 августа 1939 г. секретные советско-германские соглашения не только не снимали, но, напротив, обостряли эту опасность с севера, способствовали изоляции Советского Союза и толкали Советское правительство подчас на недостаточно обдуманые и опрометчивые шаги»⁴⁶⁴.

По мнению А.Г. Донгарова, конечная цель советской политики в отношении Финляндии состояла в том, чтобы не допустить ее

⁴⁶¹ Там же. С. 39–40. Ни фактов, ни тем более документов, подтверждавших подобного рода допущения, в статье не приведено.

⁴⁶² Там же. С. 42. В распоряжении исследователей нет документов, которые позволяли бы интерпретировать действия советского руководства летом 1940 г. как однозначную реакцию на обретенную Германией «свободу рук» в отношении СССР. Напротив, даже после поражения Франции в Кремле были убеждены, что война на Западе не завершена. Скорее можно предположить, что пришло осознание обретения третьим рейхом большей свободы действий в отношениях с СССР, в итоге породившего некоторую неуверенность у советского руководства по поводу соблюдения Берлином ранее достигнутых соглашений.

⁴⁶³ Носков А.М. «Зимняя война», которой могло не быть // Актуальные проблемы новейшей истории. С. 101. Примечательно, что ни тогда, когда А.М. Носков писал статью, ни спустя 15 лет историкам так и не удалось познакомиться с этим «планом Шапошникова» и даже определить точную дату его обсуждения на Главном военном совете.

⁴⁶⁴ Там же. С. 99.

участия в войне на стороне враждебных СССР государств и использования ее территории в качестве плацдарма для нападения на Советский Союз. Однако «благодаря» советско-финляндской войне Москва добилась прямо противоположного результата. «Своей ошибочной политикой сталинское руководство буквально затолкало Финляндию в стан своих военных противников»⁴⁶⁵. Последствия советской активности в Прибалтике, полагал А.Г. Донгаров, не были столь катастрофичны, хотя и здесь обороноспособности СССР был нанесен немалый ущерб, так как «была подорвана способность этих территорий к самообороне (...) вследствие ликвидации национальных армий, хорошо структурированных полувоенных организаций типа национальной гвардии, полицейских сил». В то время как «создать к началу войны сильный оборонительный район в Прибалтике (...) не удалось». Так выглядело на практике, резюмировал А.Г. Донгаров, «укрепление северо-западных границ СССР», хотя в историографии продолжает господствовать представление – «раз граница отнесена на запад, значит, безопасность Советского Союза укрепилась»⁴⁶⁶.

Анализируя советскую политику на Балканах в конце 1940 г. – первой половине 1941 г., В.К. Волков на основе обширного документального материала приходил к заслуживавшим внимания, хотя и не всегда бесспорным, выводам относительно

⁴⁶⁵ *Донгаров А.Г.* Балтийский рубеж // Родина. 1991. № 6/7. С. 20. Сталин, как отмечал А.Г. Донгаров, признал всю пагубность своей политики в отношении Финляндии, уже 4 августа 1941 г. обратившись «к финскому правительству с просьбой о мире на условиях отказа от советских завоеваний 1939–1940 годов. Но было поздно» (Там же.) А.Г. Донгаров допустил в данном случае ряд неточностей, явно преувеличив способность Сталина «посылать голову пеплом». 4 августа 1941 г. Сталин направил послание президенту США Ф.Д. Рузвельту, в котором, в частности, говорилось: «Если бы Правительство США сочло бы необходимым пригрозить Финляндии разрывом отношений, то правительство Финляндии стало бы более решительным в вопросе об отходе от Германии. В этом случае Советское правительство могло бы пойти на некоторые территориальные уступки Финляндии, с тем чтобы замирить последнюю и заключить с нею новый мирный договор» (подчеркнуто мной. – С.С.). // Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной 1941–1945 гг. 2-е изд. М., 1976. Т. 2. Док. 1. С. 5.

⁴⁶⁶ *Донгаров А.Г.* Балтийский рубеж. С. 19, 20. Эту точку зрения разделяли и некоторые военные историки, считавшие, что включение в состав СССР в 1939–1940 гг. ряда территорий, отодвигавших границу страны на запад, в военном отношении «привело к негативным последствиям, отрицательно сказавшись на оперативной и мобилизационной подготовке, а также на боевой учебе войск» (*Киришин Ю.Я., Раманичев Н.М.* Накануне 22 июня 1941 г. (по материалам военных архивов) // Новая и новейшая история. 1991. № 3. С. 18).

внешней политики советского руководства в целом. По его мнению, общую международную обстановку в Кремле оценивали неверно, один из наиболее грубых стратегических просчетов – прогноз дальнейшего хода войны. Поскольку объем помощи США Англии увеличивался, Сталин пришел к заключению, что война на Западе продлится еще долго и Германия в обозримом будущем не решится воевать с СССР. «Действия Германии на Балканах были подчинены замыслу близкого военного столкновения с СССР, поэтому советская политическая реакция на них игнорировалась. В то время как советская сторона исходила из убеждения, что Германия заинтересована в соблюдении договора о ненападении и потому стремилась остановить германскую экспансию на Балканах политическими средствами»⁴⁶⁷. К тому же, отмечал В.К. Волков, в тактическом отношении советская дипломатия продемонстрировала плохое знание условий этого региона, что увеличило степень недоверия к намерениям Советского Союза на Балканах.

Общие проблемы советской внешней политики и советско-германские отношения в 1939–1941 гг. стали объектом внимания на страницах не только научных, но и научно-популярных изданий, где порой высказывались небезынтересные суждения и оценки, хотя далеко не всегда подкрепленные соответствующими документами. Примечательно, что в этих небольших по объему публикациях зачастую уделялось внутривнутриполитическим основам внешней политики СССР больше внимания, чем в академических работах. Как полагал М. Буроменский, по-прежнему, не был опровергнут один из основных постулатов сталинской версии, согласно которой в 1939 г. у СССР появились серьезные причины для заключения с Германией пакта о ненападении. По его мнению, «договор о ненападении 1939 года не был результатом какого-то неожиданного поворота во внешней политике СССР», а «явился естественным продолжением внешней политики СССР двух предшествующих десятилетий», поскольку господствовавший в стране «авторитарный режим лишь усиливал неизменность мотивации [ее] внешней политики... в том числе отношений с Германией»⁴⁶⁸. С точки зрения Г.Н. Реутова, «результат, к которому в августе 1939 года пришел Советский Союз, учитывая

⁴⁶⁷ *Wolkow W.K.* Sowjetische Politik auf dem Balkan am Vorabend der hitlerfaschistischen Invasion in der UdSSR (Ende 1940-erste Hälfte 1941) // 22. Juni 1941: der Überfall auf die Sowjetunion. S. 48.

⁴⁶⁸ *Буроменский М.* Август 1939: поворот, которого не было // Знание – сила. 1991. № 6. С. 42; № 7. С. 77.

личность Сталина, закономерен», так как все это «имело свои глубокие основы во внутренней политике сталинского режима, – режима донельзя лицемерного, коварного и жестокого, что сближало его (при всех внешних различиях) с гитлеровским режимом»⁴⁶⁹. Даже В.Г. Колычев, явно стремившийся вывести из-под критики внешнюю политику СССР, обращал внимание на то, что с выполнением задачи, поставленной XVIII съездом партии, – соблюдать осторожность и не давать втянуть страну в военные конфликты – дело обстояло «значительно сложнее», т.к. «участие Советского Союза в тяжелой советско-финляндской войне 1939–1940 гг. не было санкционировано ни съездом, ни Центральным Комитетом ВКП(б), ни Верховным Советом СССР». Пытаясь объяснить это положение в рамках старых рамочных конструкций, т.е. не поднимаясь до определения существовавшего в СССР политического режима, автор неизбежно заходил в тупик, не будучи в состоянии «свести концы с концами». Так, он, с одной стороны, констатировал, что высшие партийные и государственные органы не были информированы о наличии Секретного протокола к советско-германскому пакту о ненападении «до Нюрнбергского суда над нацистскими преступниками в 1946 г., где о нем впервые было упомянуто», а с другой – сокрушался, что это происходило в условиях, когда «Политбюро ЦК ВКП(б) непосредственно руководило внешнеполитической деятельностью Советского государства»⁴⁷⁰.

Вопрос эффективности и целесообразности советской внешней политики в 1939–1941 гг. вышел за рамки обычной научной дискуссии, обретя на заключительном этапе агонизирующего коммунистического режима форму своего рода борьбы чуть ли не за «последний» идеологический бастион. Резко активизировались влиятельные консервативные силы (особенно генералитет), которым, опираясь на министра обороны Д.Т. Язова и его окружение, удалось сместить генерала Д.А. Волкогонова с поста начальника Института военной истории МО СССР и не допустить издания подготовленного под его руководством первого тома «Великая Отечественная война советского народа», посвященного предвоенному периоду. В печати, особенно на страницах ультрапатриотических изданий, началась массированная атака на новые оценки истории СССР предвоенного периода, прежде всего

⁴⁶⁹ Реутов Г.Н. Накануне Великой Отечественной: Советско-германские отношения, май 1939 – июнь 1941. СПб., 1991. С. 15, 23.

⁴⁷⁰ Колычев В.Г. Накануне войны: Партия в предвоенные годы. М., 1991. С. 23–24.

его внешней политики⁴⁷¹. В интервью главному редактору «Военно-исторического журнала» маршал С.Ф. Ахромеев сказал, что один из двух главных пороков первого тома истории Великой Отечественной войны, подготовленного в Институте военной истории, – «принципиально неправильная оценка советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года»⁴⁷². Вместе с тем, даже основываясь на постулатах справки «Фальсификаторы истории» (перед советским руководством «неотвратимо встала... жесткая дилемма: если не договор, то война на два фронта с Германией и Японией в ближайшие дни, в которой СССР будет в одиночестве, без союзников»), С.Ф. Ахромеев не смог избежать отнюдь нехарактерного для него признания: «Много доводов подтверждало – договор в стратегическом плане невыгоден СССР. Он в будущем осложнит обстановку»⁴⁷³.

Отвечая на критику в открытом письме в редакцию «Военно-исторического журнала», авторы первого тома истории «Великой Отечественной войны советского народа» писали о своем несогласии с утверждением С.Ф. Ахромеева, что, не заключив в 1939 г. пакта о ненападении, СССР непременно «оказался бы вовлеченным в войну». Те документы, которыми располагают на сегодняшний день историки, говорят лишь о том, что «при отсутствии договора вермахт мог выйти непосредственно к границам СССР и создать угрозу для него на западных рубежах». Вместе с

⁴⁷¹ См.: *Малевич И.* Первый том – не о том: Как пишется ныне история Великой Отечественной войны // Советская Россия. 1991. 13.06. С. 3. В хорошо известном своей многолетней националистической ориентацией журнале ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» (см.: *Митрохин Н.А.* Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М., 2003. С. 342) можно было, например, прочесть, что Секретный протокол к договору о ненападении – это фальшивка. «Фальшивый протокол должен был в будущем (...) использоваться в качестве документа, порочащего личность И.В. Сталина и его деятельность, а также способствующего расколу Союза Советских Социалистических Республик» (*Калабухов Ю.* «Белые пятна» и мифы истории (Гипотезы, факты, размышления). Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом от 23 августа 1939 года: Правда и ложь // Молодая гвардия. 1991. № 7. С. 233).

⁴⁷² Вопреки исторической правде [Беседа главного редактора ВИЖ генерал-майора В.И. Филатова с маршалом Советского Союза С.Ф. Ахромеевым по поводу подготовки издания десятитомника «История Великой Отечественной войны советского народа»] // Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 31. Маршала особенно возмутил следующий вывод авторов тома: «Договоры 1939 года Советского социалистического государства с фашистской Германией (...) были аморальны и с точки зрения общечеловеческой морали, и с точки зрения международного права» (Там же. С. 33).

⁴⁷³ Там же. С. 32.

тем в Германии отсутствовали «какие-либо планы нападения на СССР в 1939 году»⁴⁷⁴.

Очевидно, что, с точки зрения военно-политического истеблишмента, смена руководства Института военной истории не решала всех проблем, связанных с содержанием первого тома. Об этом наглядно свидетельствовали высказывания участников заседания Главной редакционной комиссии труда «Великая Отечественная война советского народа», обративших особое внимание на подбор авторов будущего труда. При их отборе предлагалось «посмотреть, что за человек, что у него за душой. Конъюнктурщиков на пушечный выстрел не подпускать. К документам мы их не пускали и не пустим, архивы не дадим, так как их используют не по назначению – для написания личных трудов в рабочее время» (начальник Генштаба генерал армии М.А. Моисев). Не менее категоричен был и секретарь ЦК КПСС В.М. Фалин: «В закрытые архивы переменный состав авторов не будет допускаться. Вольницы здесь нет, и не может быть. Документы должны использоваться по назначению». Он же поставил вопрос о том, нужен ли сложившийся авторский коллектив для дальнейшей работы: «Может, найти новых авторов, создать новый коллектив? Эта хирургическая операция будет дешевле». Министр обороны маршал Д.Т. Язов предложил, в частности, заново пересмотреть трактовку событий 1939 г., «но не так, как это делал Яковлев»⁴⁷⁵.

Противостояние ортодоксов и поборников новых подходов в исследовании предвоенного периода еще больше обострилось в связи с памятной датой – 50-летием начала Великой Отечественной войны. Налицо было стремление, оперируя заезженными

⁴⁷⁴ Кому в угоду? [Полемика между авторами I-го тома «Великая Отечественная война советского народа» и маршалом Советского Союза С.Ф. Ахромевым] // Там же. № 7. С. 75. В письме также отмечалось, что содержащаяся в интервью С.Ф. Ахромеева критика «весьма далека от товарищеской научной дискуссии», будучи «в значительной степени продиктована не столько стремлением найти истину, сколько желанием “разоблачить” в глазах общественности “политического противника Коммунистической партии” бывшего руководителя Института военной истории МО СССР Д.А. Волкогонова» (Там же. С. 74).

⁴⁷⁵ Имелся в виду доклад председателя Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении А.Н. Яковлева на II Съезде народных депутатов СССР 23 декабря 1989 г. (см.: Правду о войне они нам не отдадут: Генералы определяют, что советские люди должны знать о Великой Отечественной войне, а что не должны [Стенограмма заседания ГРК 10-томного труда «Великая Отечественная война советского народа», 7.3.1991] // Независимая газета. 1991. 18.06. С. 4–5).

клише, во что бы то ни стало оправдать действия советского руководства на международной арене как предотвратившие образование якобы единого фронта империалистических государств и обеспечившие повышение обороноспособности СССР⁴⁷⁶; а плачевное состояние вооруженных сил «объяснить» тем, что «к 22 июня 1941 г. страна не была экономически готова к войне с Германией»⁴⁷⁷. Более того, были изысканы новые «аргументы» для «объяснения» катастрофических поражений Красной Армии в первые месяцы войны. По утверждению А.И. Бабина, «на промедление политического руководства нашей страны по приведению Вооруженных Сил в полную боевую готовность оказала влияние и опасность образования единого антисоветского фронта ведущих капиталистических государств. В мае 1941 г., несмотря на то что Англия находилась в состоянии войны с Германией, в Лондоне шли переговоры заместителя Гитлера по партии Гесса о совместных действиях против СССР» (??? – С.С.). По всей видимости, Сталин, запрещая развертывание войск и мобилизацию военнообязанных, полагал, что этих мер от него ждет Гитлер, чтобы объявить СССР агрессором, а Германию – жертвой агрессии. В этом случае он мог рассчитывать на объединение Германии с Англией и другими капиталистическими странами для совместного выступления против СССР»⁴⁷⁸.

Введение в научный оборот новых фактов и документов представляло очевидную угрозу для подобных «научных» тезисов, что заставило ортодоксов обратиться к «теоретическому» обоснованию «несовершенства» этого пути развития исторической науки. Выстроенная ими конструкция содержала следующие положения: 1) годы Перестройки способствовали накоплению нового исторического знания, но оно оказалось преимущественно фактологическим; 2) представление об истории как совокупности фактов в равной степени опасно и для ее развития как науки, и для политики и идеологии; 3) новое знание в науке возможно только на основе стройной теории и методологии,

⁴⁷⁶ *Ивашутин П.И.* Стратегия и тактика вероломства // Военно-исторический журнал. 1991. № 6. С. 7.

⁴⁷⁷ *Язов Д.Т.* Впереди была война // Там же. № 5. С. 5, 13. По мнению историков, «советская промышленность по количеству выпускаемого оружия и боевой техники значительно превосходила масштабы военного производства фашистской Германии и ее союзников» (*Зверев Б.И., Куманев Г.А.* О военно-экономической готовности СССР к отражению фашистской агрессии // Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 26).

⁴⁷⁸ *Бабин А.И.* Канун и начало Великой Отечественной войны. М., 1991. С. 26–27.

«способной на данный момент непротиворечиво объяснить общественную жизнь»; 4) дополненная цивилизационным подходом «марксистская теория и методология исторического процесса должна остаться той основой, без которой невозможно получение и нового теоретического знания, столь необходимого сегодня политике и идеологии»⁴⁷⁹.

Несмотря на мощный прессинг военных и штатских сановных ортодоксов, историки продолжали исследовать состояние советских вооруженных сил – этого важнейшего инструмента внешней политики государства – накануне нападения Германии на СССР. В их статьях ставилось под сомнение утвердившееся в историографии как аксиома сведение основных причин катастрофы 1941 г. к следующим факторам: 1) нехватке времени для повышения уровня обороноспособности страны; 2) несвоевременному приведению войск в состояние полной боевой готовности; 3) численному превосходству вермахта и качеству его вооружений; 4) просчетам высшего руководства страны в определении вероятного срока начала войны.

По мнению Ю.Я. Киршина и Н.М. Раманичева, Красная Армия значительно превосходила Германию по количеству основных видов боевой техники, но не располагала обученными кадрами для ее эффективного использования. Во всех видах вооруженных сил существовал значительный некомплект командных кадров, а до 75% командного состава занимало свои должности несколько месяцев. Таков был результат массовых репрессий в отношении военных кадров, усугубленный чрезмерно быстрым ростом численности Красной Армии. Ю.Я. Киршин и Н.М. Раманичев сочли ошибочным утверждение, что «реорганизация армии, проводившаяся в 1940–1941 гг., укрепила ее боеспособность. Во многих родах войск она была снижена»⁴⁸⁰. Несостоятелен, по их мнению, и тезис, что Советскому Союзу не хватало танков и самолетов, а также некоторых других видов вооружения для укомплектования соединений и частей. «При рациональном их использовании СССР мог иметь значительно больше полностью укомплектованных и слаженных соединений, чем третий рейх»⁴⁸¹.

⁴⁷⁹ О тенденциях в исторической науке [В Отделении истории АН СССР] // Новая и новейшая история. 1991. № 5. С. 64–65.

⁴⁸⁰ Киршин Ю.Я., Раманичев Н.М. Накануне 22 июня 1941 г. С. 18; см. также: Раманичев Н.М. «Красная Армия всех сильнее»? // Военно-исторический журнал. 1991. № 12. С. 2–9.

⁴⁸¹ Киршин Ю.Я., Раманичев Н.М. Указ. соч. С. 19; см. также: Kiršin J.J. Die sowjetischen Streitkräfte am Vorabend des Großen Vaterländischen Krieges // Zwei Wege nach Moskau: Vom Hitler-Stalin-Pakt bis zum «Unternehmen Barbarossa» / Im Auftrag des MGFA hrsg. von B. Wegner. München; Zürich, 1991. S. 389–403.

М.И. Мельтюхов, проанализировав соотношение советских вооруженных сил и вермахта к 22 июня 1941 г., пришел к выводу, что первостепенное значение имели не количественные параметры, а то, насколько профессионально использовались вооруженные силы СССР. По его мнению, «отсутствие у советского командования четко проработанной концепции современной войны, недостаток боевой выучки войск, обескровленность Красной Армии массовыми репрессиями против командного состава – таковы главные причины, поставившие армию и страну на грань катастрофы»⁴⁸².

Д.М. Проэктор существенно дополнил перечень причин, обусловивших драму 22 июня 1941 г. в широком смысле: «...в условиях общественно-государственной системы того времени (когда судьба государства зависела от воли одного диктатора), – писал он, – «отрицательная психограмма» его состояния и поведения, особенно в самые решающие моменты, была одной из причин трагедии страны и дополнительным стимулом для агрессии»⁴⁸³.

Появление на Западе книги В. Суворова «Ледокол»⁴⁸⁴ способствовало привлечению внимания, прежде всего военных историков, к изучению военного планирования в СССР в преддверии нападения нацистской Германии и в особенности вопроса о стратегическом развертывании РККА в весенние месяцы 1941 г. Б.Н. Петров на основании доступных документов пришел к выводу, что «советское руководство пыталось создать наступательную группировку», но уточнял он далее, «наступательные намерения Советского Союза были лишь возможным вариантом отражения угрозы со стороны Германии...»⁴⁸⁵

А.С. Якушевский сопоставил комплекс мер, осуществлявшихся Берлином для обеспечения внезапности нападения на СССР, и меры советской стороны – для его предотвращения. В итоге он констатировал, что советское командование, основываясь прежде всего на количественных показателях, переоценило возможности своих войск, считая, что «они не только сумеют отразить нападение вермахта, но и быстро разобьют его в случае

⁴⁸² Мельтюхов М.И. 22 июня 1941 г.: цифры свидетельствуют // История СССР. 1991. № 3. С. 27.

⁴⁸³ Проэктор Д.М. 22 июня 1941-го – пятьдесят лет спустя // Военная мысль. 1991. № 6. С. 22.

⁴⁸⁴ Suworow V. Der Eisbrecher: Hitlers in Stalins Kalkül. Stuttgart, 1989.

⁴⁸⁵ Петров Б.Н. О стратегическом развертывании Красной Армии накануне войны // Военно-исторический журнал. 1991. № 12. С. 12; см. также: Азьяский Н.Ф. О стратегическом развертывании вооруженных сил Германии и Советского Союза в 1941 году // Военная мысль. 1990. № 8. С. 9–18.

необходимости»; тогда как Сталин, принимая решения, «не стремился к всестороннему анализу поступающей информации»⁴⁸⁶. Хотя уже то, что было получено Москвой в 1940–1941 гг. от советских дипломатов из Германии и соседних с Советским Союзом европейских государств, позволяло прийти к выводу, что, «несмотря на дезориентирующие установки из Центра, отвергавшие мысль о возможном ухудшении отношений и тем более конфликте между СССР и Германией, советские полпреды постоянно слали депеши с сообщениями о надвигавшейся на страну угрозе»⁴⁸⁷. Причем некоторые из них содержали не просто свидетельства об этой угрозе отдельные факты, но и их обобщение – другими словами, такая информация имела иной, более высокий качественный уровень. Например, В.Г. Деканозов, подытоживая в специальном донесении Молотову в апреле 1941 г. различные слухи о предстоящей войне между Германией и СССР, констатировал: «Немцы ведут сейчас по отношению к нам в Германии, и особенно здесь, в Берлине, как они в подобных случаях имеют обыкновение говорить, настоящую “войну нервов”, и пытаются создать впечатление во всех слоях населения о неизбежной войне против СССР»⁴⁸⁸.

В то же время содержащиеся в отдельных статьях оценки эффективности деятельности советской разведки накануне нападения Германии на СССР менее всего можно отнести к научно обоснованным. За ними скорее – стремление защитить честь того или иного «мундира». Действовавший министр обороны Д.Т. Язов утверждал, что «руководство страны располагало в 1941 г. данными для того, чтобы предположить: Гитлер не пойдет на губительную для Германии войну на два фронта и главные усилия направит на разгром Великобритании»⁴⁸⁹. Тогда как бывший многолетний начальник ГРУ П.И. Ивашутин, ссылаясь на мнение одного из самых надежных и осведомленных зарубежных источников НКВД, писал: «Никогда ни одно государство в истории войн не знало благодаря своей разведке столько о планах врага и его силах», сколько Советский Союз накануне 22 июня 1941 г.⁴⁹⁰

⁴⁸⁶ Якушевский А.С. Фактор внезапности в нападении Германии на СССР // История СССР. 1991. № 3. С. 15.

⁴⁸⁷ Воюшин В.А., Горлов С.А. Фашистская агрессия: о чем сообщали дипломаты // Военно-исторический журнал. 1991. № 6. С. 21.

⁴⁸⁸ Цит. по: Gorlow S.A. Warnungen vor dem «Unternehmen Barbarossa». Aus den Akten der Sowjetvertretung in Berlin 1940–41 // Osteuropa. 1991. H. 6. S. 552.

⁴⁸⁹ Язов Д.Т. Впереди была война. С. 14.

⁴⁹⁰ Ивашутин П.И. Стратегия и тактика вероломства. С. 10.

Деятельность советских дипломатов, прежде всего руководителей НКВД, в предвоенный период также оказалась в поле зрения историков, реализовавшись в форме биографического жанра. Одни статьи практически не содержали никакой новой информации, отличаясь лишь степенью дистанцирования от традиционного изображения личности, так или иначе вошедшей в историю⁴⁹¹. В других в большей степени проявились симпатии и антипатии авторов к своим «героям», наложившие отпечаток на оценку их деятельности в качестве руководителей Наркоминдела. Так, по утверждению В.В. Соколова, над М.М. Литвиновым, довели «антисоветские и антисемитские выпады гитлеровцев», что привело к тому, что, «в отличие от своих западных коллег, он ни разу не встречался ни с Гитлером, ни с министром иностранных дел Й. фон Риббентропом, даже проезжая через Берлин»⁴⁹². Подобная практика приобрела политический оттенок, что, как полагал В.В. Соколов, наносило ущерб делу. Поэтому «вопрос об отставке М.М. Литвинова назрел, если Советское правительство намеревалось проводить не политику, односторонне ориентированную на Великобританию и Францию, а самостоятельную политику, соответствующую национальным, а не идеологическим интересам страны»⁴⁹³. В очерке о Молотове, которому В.В. Соколов явно симпатизировал, он ввернулся к дилемме, возникшей перед советским руководством во второй половине апреля 1939 г.: «...продолжать курс на коллективную безопасность, который становился все более бесперспективным, или же идти на переговоры с Германией». По его мнению, «Сталин и Молотов решили изменить внешнеполитический курс», так как «начавшиеся переговоры с Великобританией и Францией сулили лишь одно: что СССР может оказаться в войне с фашистской Германией, не получив действенной поддержки от намечаемых союзни-

⁴⁹¹ См.: *Сизоненко А.И.* Полпред СССР Я.З. Суриц // Новая и новейшая история. 1991. № 3. С. 100–117; *Соколов В., Ваксберг А.* Министр иностранных дел Андрей Вышинский // Международная жизнь. 1991. № 6. С. 105–116.

⁴⁹² В.В. Соколов явно преувеличил роль личных мотивов М.М. Литвинова, встречи которого с руководящими деятелями нацистской Германии зависели не только от его желания или нежелания, даже если он бывал проездом в Берлине, не говоря уже о том, что для подобных встреч требовалась санкция Сталина. Объективности ради В.В. Соколов мог бы упомянуть, что М.М. Литвинов неоднократно встречался с предшественником Риббентропа на посту министра иностранных дел К. фон Нейратом.

⁴⁹³ *Соколов В.* Наркоминдел Максим Литвинов // Международная жизнь. 1991. № 4. С. 118.

ков»⁴⁹⁴. Столь откровенный вывод соседствовал в статье В.В. Соколова с не менее откровенным «признанием»: «Смена внешнеполитического курса влекла за собой смену министра иностранных дел (...) Провозгласив преемственность советской внешней политики, Молотов принимает активное участие в англо-франко-советских переговорах летом 1939 г., не реагируя в течение длительного времени на зондажи германской стороны»⁴⁹⁵.

1991 год не был столь щедр на публикации новых документов, посвященных внешней политике СССР накануне и в начале Второй мировой войны, как предыдущий. Тем не менее некоторые из них заслуживали самого пристального внимания. Прежде всего, необходимо выделить обнаруженную немецким историком И. Фляйшхауэр в личном архиве графа Ф. Шуленбурга запись бесед Риббентропа со Сталиным и Молотовым, сделанную советником германского посольства Г. Хильгером в ходе второго визита рейхсминистра в Москву в конце сентября 1939 г.⁴⁹⁶ Значение этой находки трудно переоценить, поскольку соответствующая запись советской стороны все еще не доступна исследователям. В зафиксированных высказываниях Сталина можно выделить несколько основных тенденций. Во-первых, их прогерманскую направленность, далеко выходящую за рамки обычной дипломатической вежливости («если, вопреки ожиданиям, Гер-

⁴⁹⁴ Соколов В. Наркоминдел Вячеслав Молотов // Там же. 1991. № 5. С. 103. Опубликованные в сборнике «Год кризиса» советские документы, не только дипломатического, но и разведывательного характера, не подтверждали вывода о том, что в Кремле весной 1939 г. были обеспокоены возможностью вовлечения СССР в войну с Германией. О том же свидетельствовало отсутствие в этот период каких-либо военно-мобилизационных мероприятий общегосударственного масштаба. Даже закон о переходе к всеобщей воинской обязанности в СССР был принят только 31 августа 1939 г.

⁴⁹⁵ Там же. Последнее утверждение, по крайней мере, спорно, ибо в ходе своей первой встречи в качестве наркома иностранных дел с германским послом 20 мая 1939 г. Молотов, как известно, сказал: «Для успеха экономических переговоров должна быть создана соответствующая политическая база. (...) На вопрос Шуленбурга о том, что следует понимать под политической базой, я ответил, что об этом надо подумать и нам и германскому правительству» (Год кризиса. Т. 1. Док. 362. С. 482–483). Немецкие зондажи вплоть до конца июля 1939 г. явно уступали этому приглашению «к танцу», сделанному Молотовым.

⁴⁹⁶ Документ был одновременно опубликован на немецком и русском языках. См.: *Fleischhauer I. Der deutsch-sowjetische Grenz- und Freundschaftsvertrag vom 28. September 1939: Die deutschen Aufzeichnungen über die Verhandlungen zwischen Stalin, Molotow und Ribbentrop in Moskau // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1991. Н. 3. С. 447–470; Фляйшхауэр И. Пакт Молотова–Риббентропа: Германская версия // Международная жизнь. 1991. № 7. С. 126–138.*

мания попадет в тяжелое положение, то она может быть уверена, что советский народ придет Германии на помощь и не допустит, чтобы Германию задушили»). Во-вторых, устойчивый антибританский комплекс («Советское правительство никогда не имело симпатий к Англии. Необходимо лишь заглянуть в труды Ленина и его учеников, чтобы понять, что большевики всегда больше всего ругали и ненавидели Англию...»). В-третьих, ясное представление о поэтапных действиях СССР в отношении стран Балтии («На вопрос г-на министра предполагает ли (...) Советское правительство осуществить медленное проникновение в Эстонию, а возможно, и в Латвию, г-н Сталин ответил положительно... Что касается Литвы, то Сталин заявил, что Советский Союз включит в свой состав Литву в том случае, если будет достигнуто соответствующее соглашение с Германией об «обмене» территории»). И, наконец, в-четвертых, резко возросшая агрессивность заявлений Сталина («Если же Латвия будет противодействовать предложению пакта о взаимопомощи на таких же условиях, как и Эстония, то Советская Армия в самый краткий срок «расправится» с Латвией. (...) если Турция будет упорствовать в своем странном поведении, то, возможно, возникнет необходимость проучить турков»⁴⁹⁷).

Значительный интерес представляла собой также публикация документов, связанных с визитом Молотова в Берлин в ноябре 1940 г.⁴⁹⁸ Помимо известных исследователям немецких записей бесед председателя Совнаркома с Гитлером и Риббентропом⁴⁹⁹, она содержала шифропереписку между Молотовым и Сталиным в эти дни (14 телеграмм). Будучи строго секретными,

* Точнее: территориями (über den «Austausch» der Gebiete).

** Точнее: Советская Армия в кратчайшее время «разнесет» Латвию (so würde die Sowjetarmee Lettland in kürzester Zeit «zusammenhauen»).

*** Неточный перевод, следует: «возможно, возникнет необходимость также взять Турцию “за шкуру” и проучить ее» (sich vermutlich die Notwendigkeit ergeben würde, auch die Türkei beim «Schlafittchen» zu nehmen und ihr eine Lektion zu erteilen).

⁴⁹⁷ См.: *Фляйшхауэр И. Пакт Молотова–Риббентропа. С. 132–134; Fleischhauer I. Der deutsch-sowjetische Grenz- und Freundschaftsvertrag. S. 458–460. По мнению Л.А. Безыменского, эта запись не оставляла никаких сомнений в том, что касалось намерений Сталина в отношении советизации государств Балтии (см.: *Безыменский Л. О чем же договорился Сталин с Гитлером в 1939 году // Новое время. 1991. № 37. С. 32–34).**

⁴⁹⁸ *Безыменский Л., Горлов С. Накануне (Переговоры В.М. Молотова в Берлине в ноябре 1940 года) // Международная жизнь. 1991. № 6. С. 117–132; № 8. С. 104–119.*

⁴⁹⁹ Советские записи этих бесед в 1991 г. были еще не доступны исследователям.

эти телеграммы проливали дополнительный свет на истинные намерения высших советских руководителей, а также на их оценки тех или иных событий. Например, излагая основные моменты своей первой беседы с Гитлером, Молотов сообщал Сталину, что он заявил рейхсканцлеру: «Что касается прошлогоднего Советско-Германского соглашения, то оно действительно было в интересах Германии (во-первых, крепкий тыл на Востоке при развертывании войны на Западе. Во-вторых, получение Польши) и СССР, который считает соглашение выполненным, за исключением вопроса о Финляндии⁵⁰⁰ (...) Теперь пришло время говорить о более широком соглашении между СССР и Германией...»⁵⁰¹ Молотов информировал Сталина о поставленных Риббентропом вопросах, на которые «я ответил ему, что “совместную работу” СССР, Германии, Италии и Японии в деле разграничения основных сфер влияния между ними считаю возможной и желательной, но об этом надо договориться...»⁵⁰² Молотов следующим образом резюмировал итоги своих берлинских бесед: «Похвастаться нечем, но, по крайней мере, выяснил теперешние настроения Гитлера, с которыми придется считаться»⁵⁰³.

Публикация завершалась двумя весьма характерными для методов тоталитарной дипломатии документами – циркулярными телеграммами, направленными МИД Германии и Наркоминделом своим зарубежным представительствам с информацией о переговорах Молотова в Берлине. Оба внешнеполитических ведомства дезинформировали своих дипломатов как о содержании, так и об итогах этого визита. При этом дезинформацию Вильгельмштрассе, не выходящую за рамки опровержения спекуляций «об ухудшении доверительных и дружественных германорусских отношений», можно еще мотивировать рядом причин, в частности стремлением ввести в заблуждение Москву, что, собст-

⁵⁰⁰ Весьма примечательное высказывание, свидетельствующее о том, что в Кремле не были удовлетворены итогами советско-финляндской войны и поэтому не считали вопрос о Финляндии закрытым. Подтверждение этому содержалось в телеграмме Молотова Сталину после второй беседы с Гитлером, в которой основное время было посвящено обсуждению финского вопроса. «Гитлер заявил, что подтверждает прошлогоднее соглашение, но Германия заявляет, что она заинтересована в сохранении мира на Балтийском море. Мое указание, что в прошлом году никаких оговорок не делалось по этому вопросу, не опровергалось, но и не имело влияния» (Там же. Док. 8. С. 117).

⁵⁰¹ Там же. Док. 6. С. 131.

⁵⁰² Там же. Док. 8. С. 117.

⁵⁰³ Там же. Это была иллюзия. Ни содержание шифротелеграмм, ни последующие конкретные действия советского руководства не подтверждают этого вывода.

венно, преследовал собой и сам факт приглашения Молотова в Берлин. Что же касается даже наиболее полной ориентировки, направленной Молотовым в Лондон И.М. Майскому, то она содержала заведомо искаженное представление как о характере обсуждавшихся вопросов, так и реакции на них советской стороны, создавая лишь впечатление об имевшей место напряженности на переговорах⁵⁰⁴.

Две из нескольких публикаций документов, посвященных оккупации Бессарабии в 1940 г., – целенаправленно политико-пропагандистские, отличались тенденциозным подбором небольшого числа документов⁵⁰⁵ и не менее заангажированным комментарием, цель которого обоснование правомерности политики советского руководства. По утверждению А.В. Антосяка, когда «возникла угроза превращения Бессарабии и Северной Буковины в немецкие плацдармы против Страны Советов (...) 26–28 июня 1940 года произошел обмен нотами между правительствами СССР и Румынии. Вопрос о возвращении Советскому Союзу Бессарабии и Северной Буковины был решен мирно»⁵⁰⁶. Третья, более репрезентативная, публикация содержала 42 дипломатических и военных документа, в том числе оперативного характера, связанных с введением частей Красной Армии на территорию Бессарабии и Северной Буковины⁵⁰⁷. Среди них докладная записка профессора академии Генштаба генерал-майора В.А. Меликова замнаркому обороны Е.А. Щаденко от 18 июля 1940 г., в которой, в частности, говорилось: «12-я, 5-я и 9-я Красные Армии Южного фронта имели два варианта для действий с целью освобождения Буковины и Бессарабии. Первый вариант: если правительство Румынии добровольно не согласится оставить Буковину и Бессарабию и отвести свои войска за р. Прут, то Красные Армии должны были стремительным наступлением с линии Днестра вооруженной рукой с боем освободить Буковину и Бессарабию»⁵⁰⁸.

⁵⁰⁴ Там же. С. 118, 119.

⁵⁰⁵ Освобождение Бессарабии и Северной Буковины / Публ. А. Антосяка // Международная жизнь. 1991. № 8. С. 148–157; см. также: К вопросу об освобождении Бессарабии и Северной Буковины (Комментарий и документы) / Публ. А.В. Антосяка // Военная мысль. 1991. № 8. С. 53–63.

⁵⁰⁶ К вопросу об освобождении Бессарабии и Северной Буковины. С. 54.

⁵⁰⁷ Пакт Молотова–Риббентропа и его последствия для Бессарабии. Сб. документов / Сост. В. Вэртек, И. Шишканец. Кишинев, 1991. Издание нельзя в полной мере отнести к научным публикациям, так как в нем отсутствует атрибутика публикуемых документов, не говоря уже о необходимых комментариях.

⁵⁰⁸ Там же. Док. 21. С. 28. В документе приводились факты, свидетельствующие о крайне низком уровне боеспособности частей Красной Армии.

Отдельные аспекты состояния советских вооруженных сил накануне войны и обстановки на западной границе СССР нашли отражение в небольшой публикации, подготовленной сотрудниками ЦГАСА⁵⁰⁹. Среди впервые опубликованных документов отмечу выдержку из приказа наркома обороны С.К. Тимошенко о повышении боевой подготовки военно-воздушных сил от 17 мая 1941 г., в котором указывалось, что в зимний период 1941 г. «боевая подготовка ВВС Красной Армии проходила неудовлетворительно»⁵¹⁰.

Стоит упомянуть также о двух сборниках, изданных массовым тиражом и содержащих выдержки из уже опубликованных документов, мемуаров и статей второй половины 80-х годов. Материалы одного из них, посвященного политико-дипломатической предыстории Второй мировой войны⁵¹¹, подобраны в традиционном для советской историографии ключе: миролюбивый Советский Союз противостоял постоянно строившей ему различные козни международной империалистической реакции. Материалы другого сборника, посвященного преимущественно событиям 1939–1941 гг.⁵¹², отобраны объективнее. В нем представлены извлечения из документов и публикаций, касавшихся не только внешней, но и внутренней политики СССР, состояния его вооруженных сил. Однако отсутствие комментария к документам и выдержкам из мемуарной и исторической литературы, опубликованным в годы тоталитарного и посттоталитарного режимов в Советском Союзе, скорее затрудняло понимание сложных процессов в советской политике того времени.

Оглядываясь на развитие отечественной историографии внешней политики СССР накануне и в начале Второй мировой войны в 1991 г., складывалось впечатление, что она несколько утратила темп, заданный переменами в политическом климате страны, а сопротивление сторонников консервации подхода к советской внешней политике как к «священной корове» усилилось. Издание ряда работ, в которых содержались новые, нетрадиционные подходы и оценки, тормозилось или откладывалось под предлогом якобы отсутствия средств, бумаги и т.д. Спустя ряд лет обнаружилось, что в это время активно лоббировалось вос-

⁵⁰⁹ РККА накануне войны (новые документы) / Публ. Н.Е. Елисейевой, И.В. Успенского // Советские архивы. 1991. № 4. С. 54–61.

⁵¹⁰ Там же. Док. 7. С. 60.

⁵¹¹ Накануне. 1931–1939: Как мир был ввергнут в войну: Краткая история в документах, воспоминаниях, комментариях / Сост. Н.Н. Яковлев и др. М., 1991.

⁵¹² Канун и начало войны: Документы и материалы / Сост. А.А. Киришнер. Л., 1991.

становление цензуры⁵¹³, возвращение к которой уже давно мотивировалось разрабатываемым Законом о военном положении и его вероятным применением⁵¹⁴. И тем не менее историки продолжали работать, преодолевая не столько охранительно-бюрократические препоны, сколько стереотипы традиционного мышления на пути публикации результатов своего труда, упорно защищая уже завоеванные позиции порой в неравновесной полемике с коллегами по цеху. Последующие годы показали, что их усилия в тот период не были напрасны, но все это стало очевидным уже после тех гигантских внутривластных изменений в стране, результатом которых стал распад Советского Союза и, как хотелось бы надеяться, полное преодоление тоталитарного прошлого, подведение окончательной черты под которым – одна из важнейших задач сегодняшней российской исторической науки.

* * *

Эволюция историографии внешней политики СССР накануне и в начале Второй мировой войны в годы Перестройки позволяет вычленить немало событий, оценка которых настолько изменилась, что можно говорить о пересмотре их роли в историческом процессе, независимо от того, насколько эти новые подходы в последующем утвердились в российской историографии. Ниже тезисно представлены наиболее заметные новации, сопряженные с конкретным историческим материалом и озвученные в том или ином виде в 1985–1991 гг., хотя, как правило, не разработанные ввиду отсутствия доступа к документам.

1. Наличие неразрывной связи между внешней политикой, внутривластным развитием и международным положением государства.

2. Внешнеполитические цели и решения руководства страны были лимитированы действиями других игроков на международной арене, прежде всего главных, но не только.

3. Внешняя политика СССР находилась под воздействием сталинских деформаций социализма, что оказало серьезное влия-

⁵¹³ См.: Письмо начальника ГУОТ В.А. Болдырева Президенту СССР М.С. Горбачеву о воссоздании общесоюзного органа по контролю за соблюдением Закона о печати и других средств массовой информации, 30.05.1991 // История советской политической цензуры. С. 397–399.

⁵¹⁴ «Значит, товарищи, тут все-таки, я еще раз говорю, ностальгия по крепкому кулаку. Поэтому давайте свои взгляды немножко применять к тому Закону, который будет существовать» (Заключительное выступление начальника Главлита В.А. Болдырева на Всесоюзном совещании начальников республиканских, краевых и областных управлений Главлита, 20–21 марта 1990 г. // Там же. С. 394).

ние, как на оценку международной ситуации, так и на осуществление многих внешнеполитических акций.

4. Сохранение мира во второй половине 30-х годов не являлось абсолютно приоритетной задачей советского руководства, будучи скорее средством достижения определенных целей.

5. Мюнхенский договор не исключал альтернативного развития международных отношений и не был поворотным пунктом на пути к войне; его нельзя объяснять только антисоветизмом руководства западных держав, так как основным мотивом их действий являлось стремление любой ценой избежать войны.

6. Политика Сталина, направленная на соглашение с нацистской Германией, берет свое начало не в 1939 г., а значительно раньше, в середине 30-х годов.

7. После Мюнхена европейская политика Сталина реализовывалась по нескольким направлениям, но при этом ведущим был курс на сближение с Германией.

8. Союзоспособность СССР к концу 30-х годов была близка нулю, что серьезно сужало его возможности влиять на развитие международных событий.

9. Если правительства западных держав не были заинтересованы в заключении военного союза с СССР летом 1939 г., то в первую очередь по причине резкого падения боеспособности Красной Армии и ослабления всего государства в результате массового террора.

10. В середине августа 1939 г. правительства Англии и Франции проявили серьезную заинтересованность в заключении военного договора с СССР и пытались добиться от Варшавы какой-то формы согласия на проход советских войск в случае необходимости через территорию Польши, пытаясь избежать провала переговоров.

11. Неудача англо-франко-советских переговоров – результат «упущенных возможностей» всех участников.

12. Весна – лето 1939 г. – время объективного нарастания противоречий между фашистской Германией с одной стороны и Англией и Францией – с другой, что полностью исключало заключение нового Мюнхенского соглашения за счет третьих стран.

13. В 1939 г. не существовало прямой военной угрозы СССР, а акцентирование советским руководством внимания на капиталистическом окружении (кстати, весьма относительном), преследовало прежде всего внутривнутриполитические цели.

14. Советское руководство не прорабатывало и не принимало в расчет вариант развития международной обстановки, связан-

ный с созданием единого империалистического фронта против СССР.

15. В 1939 г. Германия не была готова к войне с Советским Союзом и не имела на этот случай никаких разработанных планов, а значит, опасность продолжения германского наступления в восточном направлении после разгрома Польши отсутствовала.

16. История советско-германского сближения весной–летом 1939 г. вовсе не свидетельствовала о том, что советское руководство не могло выбирать: заключить договор с Берлином или вступить в войну. Этот договор был не столько вынужденным, сколько нужным Сталину для решения внешнеполитических задач в Восточной Европе.

17. Национально-государственные интересы СССР накануне и в самом начале Второй мировой войны, связанные с обеспечением безопасности страны, были напрямую сопряжены с сохранением самого крупного государства, отделявшего Германию от Советского Союза – Польши.

19. Советско-германскому договору от 23 августа 1939 г. не было альтернативы в конкретных условиях господствовавшего в СССР политического режима.

20. Заключение пакта о ненападении серьезно ухудшило стратегические позиции СССР, позволив Гитлеру вести войну на одном фронте.

21. Подписание договора 23 августа 1939 г. означало, что «советский фактор» стал играть важную роль в политическом кризисе накануне Второй мировой войны, а советское руководство несло свою долю ответственности за ее возникновение.

22. Политика западных держав изменилась в начале сентября 1939 г., что нашло выражение в самом факте объявления войны нацистской Германии. Война приняла оборонительный, антифашистский, а следовательно, справедливый характер для тех стран, которые были вовлечены в нее на стороне жертв агрессии.

23. Оказание СССР после начала Второй мировой войны конкретной, в том числе военной, помощи нацистской Германии противоречило статусу нейтралитета, превращая пакт о ненападении по существу в договор о взаимопомощи между двумя государствами.

24. Общее направление советской внешней политики было определено на рубеже августа – сентября 1939 г. и тогда же сформулированы ее основные цели. Применительно к странам Центральной Европы, Прибалтийским государствам в Кремле руководствовались формулой «Все, что можно, взять!» Вплоть до нападения Германии на СССР эта политика стала важнейшим меж-

дународным фактором, по сути способствовавшим успеху агрессии Гитлера в Центральной и Юго-Восточной Европе.

25. Вторжение Красной Армии 17 сентября на территорию сражавшейся против вермахта Польши представляло собой акт агрессии, совершив который сталинский режим де-факто втянул Советский Союз во Вторую мировую войну на стороне нацистской Германии.

26. На случай отклонения руководством Прибалтийских республик предложения Москвы о заключении пактов о взаимопомощи предусматривалось военное решение этого вопроса. 26 сентября 1939 г. Ворошилов отдал приказ о подготовке военных действий против Эстонии, а также Латвии, если она окажет помощь Эстонии.

27. В Кремле уже в середине 1939 г. не исключали возможности военного столкновения с Финляндией. Летом 1939 г. Главный военный совет РККА обсудил подготовленный Генштабом план действий против Финляндии. В результате «зимней войны» Финляндия не по своей воле оказалась в стане военных противников СССР. При этом советское руководство «не считало “финляндскую проблему” окончательно решенной» и потребовало на переговорах в Берлине в ноябре 1940 г. «свободы рук в Финляндии».

28. Несмотря на господствующее в историографии представление, согласно которому «раз граница была отнесена на запад, значит, безопасность Советского Союза укрепилась», в научный оборот введены факты, свидетельствовавшие о том, что создать к началу войны сильный оборонительный район в Прибалтике не удалось.

29. Действия Кремля в отношении Бессарабии и Северной Буковины летом 1940 г. способствовали тому, что Румыния стала военным союзником нацистского рейха.

30. В ноябре 1940 г. советское правительство отклонило предложение Японии о заключении пакта о ненападении из-за неурегулированности вопроса о возвращении ранее принадлежавших России территорий – Южного Сахалина и Курильских островов, предложив ограничиться пактом о нейтралитете. Поскольку Токио не был готов к подобным уступкам, Кремль отверг как «провокационное», сделанное в апреле 1941 г. предложение министра иностранных дел И. Мацуока о разделе сфер влияния между Японией и СССР.

31. Советское руководство не ставило весной 1941 г. задач по предотвращению нападения Германии на Югославию. Неэффективность действий СССР на этом направлении особенно была за-

метна в начале апреля 1941 г. Продемонстрированная в это время ограниченность возможностей Москвы на равных соперничать с Берлином заставила Кремль перейти в середине апреля к политике умиротворения агрессора.

32. В целом реализация германо-советских торгово-экономических соглашений в 1939–1941 гг. принесла больше пользы Германии, способствуя укреплению ее экономики в период интенсивной подготовки к нападению на СССР.

33. Главный просчет Сталина в 1941 г., поставивший СССР на грань катастрофы, – ошибочная оценка весной и летом 1941 г. расстановки и взаимодействия основных политических сил на мировой арене. Чересчур большие надежды Сталин возлагал на пакт о ненападении, отказываясь верить очевидным фактам, свидетельствующим о широкомасштабных приготовлениях Германии к нападению на СССР. Только в созданной Сталиным системе управления страной эта ошибка могла стать роковой и привести к столь трагическим последствиям.

34. Качественное, а не количественное превосходство немецких вооруженных сил над советскими явилось решающим фактором их успехов в начальный период Великой Отечественной войны. Красная Армия значительно превосходила вермахт по численности основных видов боевой техники, но не располагала обученными кадрами для ее эффективного использования. Реорганизация армии, проводившаяся в 1940–1941 гг., не укрепила боеспособность, во многих родах войск ее уровень снизился. Отсутствие у советского командования четко проработанной концепции современной войны, недостаток боевой выучки войск, обескровленность Красной Армии массовыми репрессиями – вот главные причины, поставившие армию и страну на грань катастрофы.

Как видно, перечень новаций в освещении внешней политики СССР накануне и в начале Второй мировой войны оказался весьма внушительным и содержательным. Часть из них в последующие годы была развита и подтверждена документально. Однако большинство новаций, к сожалению, до сегодняшнего дня по разным причинам остались в основном некоей «декларацией о намерениях», историографическим фактом, не более того. Советскую историографию конца 1991 г. и «круглые столы», прошедшие в Институте славяноведения РАН в начале XXI в., разделяло весьма противоречивое десятилетие. Оно вместило в себя ряд процессов, которые в итоге наложили серьезный отпечаток на состояние разработанности проблемы внешней политики СССР накануне и в начале Второй мировой войны.

Важнейший из этих процессов – открытие архивов, начавшийся еще в последние годы Перестройки и превратившийся после августа 1991 г. в своего рода «архивную революцию»⁵¹⁵. На ее начальном этапе на основе указа президента Б.Н. Ельцина от 14 января 1992 г. «О защите государственных секретов РФ», установившего 50-летний срок давности для этой категории документов, производилось их массовое рассекречивание. В конце 1991 г. – начале 1992 г. в системе Государственной архивной службы были созданы новые архивы и центры хранения документации на базе бывших центральных и местных архивов КПСС. 19 июня 1992 г. Верховный Совет РФ принял Временное положение «О порядке доступа к архивным документам и правилах их использования», согласно которому вводился 30-летний (с момента создания) ограничительный срок для документов, имевших грифы секретности, а также устанавливался 75-летний срок давности на документы, содержание которых затрагивало права личности. Временное положение определяло, что по истечении 50-летнего срока документы могут быть рассекречены комиссиями государственных архивов. «Делегирование архивам ограниченного права рассекречивания было наиболее важным новшеством, которое существенно упростило процедуру рассекречивания и привело к действительно революционному открытию документов (по крайней мере, возникших до 1942 года)»⁵¹⁶. Как не без гордости отмечал тогдашний руководитель Росархива Р.Г. Пихоя, «открытость архивов России стала в глазах международного сообщества своеобразным показателем демократического облика страны»⁵¹⁷.

В июле 1993 г. были приняты «Основы законодательства об Архивном фонде Российской Федерации и архивах» (статья 20 определяла процедуру рассекречивания) и закон «О государственной тайне». Срок засекречивания не должен был превышать 30 лет (продление – «в исключительных случаях» по заключению межведомственной комиссии по защите государственной тайны). Однако, как пишут В. Козлов и О. Локтева, принятое законодательство содержало некоторые неясности в формулировках, в частности, касающиеся судьбы засекреченных документов после истечения 30-летнего срока: должна ли секретность на опреде-

⁵¹⁵ Подробнее см.: Козлов В., Локтева О. «Архивная революция» в России (1991–1996) // Свободная мысль. 1997. № 1. С. 113–121; № 2. С. 115–124; № 4. С. 116–128.

⁵¹⁶ Там же. № 1. С. 119.

⁵¹⁷ Пихоя Р.Г. Современное состояние архивов России // Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 4.

ленные документы продлеваться лишь «в исключительных случаях» при соответствующем обосновании, а остальные автоматически открываться или все засекреченные документы подлежат рассекречиванию с соблюдением сложной процедуры. К сожалению, «победила, точнее, прошмыгнула в оставленные законодателем дыры вторая точка зрения»⁵¹⁸.

По всей видимости, именно к этому времени либерализация российского «архивного дела» достигла зенита⁵¹⁹ и начала постепенно сдавать позиции. На этом пути следует выделить два бюрократических реванша, серьезно осложнивших не только рассекречивание документов, но и доступ к ним в ряде ведомственных архивов. Принятый в июле 1993 г. Закон «О государственной тайне» не даровал архивам права самостоятельно переводить на открытое хранение документы, срок секретности которых истек. В марте 1994 г. указом президента страны было утверждено «Положение об архивном фонде Российской Федерации», согласно которому для МИД, СВР, ФСБ, МО и ряда других ведомств устанавливался особый порядок депозитарного хранения документов, а АП РФ и МИД были наделены к тому же правом их постоянного хранения⁵²⁰.

Последствия этих нововведений начали сказываться уже в конце 1994 г., когда стали заметно снижаться темпы рассекречивания архивных документов⁵²¹. Прежде всего это касалось ведомственных архивов, которые отстаивали право на особое положение хранения и использования своих фондов, хотя и были обязаны заключать соответствующие соглашения с Росархивом с учетом требований Основ законодательства Российской Федерации об Архивном фонде Российской Федерации и архивах, Положения об Архивном фонде Российской Федерации. При этом принци-

⁵¹⁸ Козлов В., Локтева О. Указ. соч. № 2. С. 116.

⁵¹⁹ Опираясь на личный опыт, подтверждаю, что только в апогее либерализации один из руководителей Архива внешней политики МИД РФ мог выразить публично сожаление по поводу того, что «описи пока в архиве не выдаются, так как они имеются лишь в одном экземпляре». Однако сотрудники архива «надеются, что в недалеком будущем при поддержке ученых и государства они смогут создать для работы исследователей надлежащие условия, приближающиеся к мировым стандартам» (Соколов В.В. Архив внешней политики Российской Федерации – историкам // Новая и новейшая история. 1992. № 4. С. 165). Прошло 15 лет... Остается утешать себя тем, что надежда умирает последней...

⁵²⁰ Козлов В., Локтева О. Указ. соч. № 2. С. 117.

⁵²¹ Минюк А.И. Современная архивная политика: Ожидания и запреты // Исторические исследования в России: Тенденции последних лет / Под ред. Г.А. Бордюгова. М., 1996. С. 18–20.

ально важным была констатация факта, что «документы, образовавшиеся в деятельности министерства, ведомства, подведомственных организаций, отраслевого фонда, являются составной частью Архивного фонда Российской Федерации»⁵²², а не исключительной, ничем не регламентированной собственностью того или иного учреждения-фондообразователя. На практике – совсем иначе. Несмотря на то что Закон «О государственной тайне» и распоряжение президента страны от 1994 г. предусматривали делегирование ведомствами полномочий по рассекречиванию их документов руководителям государственных архивов, этого не происходило. Более того, ведомства фактически заблокировали проведение экспертизы документов на предмет их рассекречивания собственными силами. В результате, как отметил нынешний руководитель Федерального архивного агентства Министерства культуры и массовых коммуникаций В.П. Козлов, «ситуация с рассекречиванием архивных документов в определенном смысле стала даже хуже, чем в советские времена, когда каждый государственный архив худо или бедно, имея в своей структуре комиссию по рассекречиванию, вел соответствующую работу»⁵²³. Не решило проблемы и создание в июне 2001 г. указом президента страны Межведомственной комиссии по защите государственной тайны (МВК), которая «оказалась не в состоянии в плановом порядке организовать работу по рассекречиванию как тематических подборок документов по научным проектам, так и целостных, сложившихся документальных комплексов государственных и бывших партийных архивов»⁵²⁴. И дело здесь, конечно, не в конфликте интересов (историков и архивистов), а в нежелании выполнять законодательство, впервые в истории страны установившее «*обязанность* осуществлять рассекречивание» документов по истечении установленного законом в качестве базового 30-летнего срока сохранения секретности⁵²⁵.

На первый взгляд на находящейся в центре нашего внимания проблеме – внешней политике СССР накануне и в начале Второй мировой войны – ухудшавшаяся на протяжении 90-х годов ситуация в российских архивах сказалась не слишком заметно. Было

⁵²² Тарасов И.Н., Викторова Т.Н. Новые аспекты сотрудничества Росархива с министерствами и ведомствами // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 17.

⁵²³ Козлов В.П. Проблемы доступа в архивы и их использования // Новая и новейшая история. 2003. № 5. С. 93.

⁵²⁴ Там же. С. 93–94.

⁵²⁵ Пихоя Р.Г. О некоторых аспектах «историографического кризиса», или о «непредсказуемости прошлого» // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 26–27.

издано более десяти сборников документов, в которых освещались различные аспекты внешней политики Советского Союза в широком ее понимании. Увидели свет ряд индивидуальных и коллективных монографий, в которых также вводились в научный оборот ранее неизвестные архивные документы (см. библиографию в конце данного сборника). Создается впечатление, что значительный объем опубликованных документов сам по себе снял остроту вопроса о допуске к архивным материалам. Однако если речь идет не только о дипломатии, которая представляет собой лишь один из инструментов внешней политики государства, а о внешнеполитической деятельности СССР на международной арене в совокупности, то картина будет совершенно иной. Большинство направлений этой деятельности либо остаются недостаточно исследованными, либо вообще не стали предметом изучения. Не говоря уже о том, что и в относительно разработанной сфере политико-дипломатических отношений СССР с внешним миром исследователи постоянно сталкиваются с вопросами, на которые не могут найти ответов в доступных им документах, ибо они, как правило, касаются трехуровневой информации (по линии Наркоминдела, ИНО НКВД, V (Разведывательного) Управления РККА), связанной с принимавшимися в Кремле решениями. И эта ключевая информация остается, как правило, недоступной, т.е. засекреченной, что, в свою очередь, позволяет предположить, что спустя почти 70 лет содержащие ее «документы сохраняют свою первоначальную целевую функцию, ради реализации которой они и создавались»⁵²⁶. Очевидно, что это – нонсенс, однако адекватно отражающий внутрисполитическую ситуацию в стране, где в условиях все жестче манипулируемой «демократии» налицо стремление к культивированию и внедрению в массовое сознание селективно положительного образа прошлого России, в частности того, что касается советской внешней политики. В такой ситуации дальнейшее рассекречивание документов, а значит и расширение возможностей по ознакомлению с «кухней» кремлевских «достижений» на международной арене руководителям соответствующих ведомств, администрации президента представляется нецелесообразным, хотя это и является нарушением действующих законодательных актов.

Для российской историографии постперестроечного периода были характерны рассуждения по поводу переживаемого кризиса. Как отмечал В.А. Козлов, «заявления о кризисе исторической

⁵²⁶ Козлов В.П. Публичность архивов и свобода архивной информации // Советская историография. С. 529.

науки с начала 90-х годов стали обязательной исторической формулой, своеобразным правилом хорошего тона при обсуждении профессиональных историографических проблем»⁵²⁷. Пытаясь разобраться в содержании этого процесса, историки выделяли его различные составляющие, и здесь разброс мнений был не только значителен, но и весьма показателен для определения возможных путей преодоления этого кризиса. Сначала о самом феномене, к наиболее заметным проявлениям которого были отнесены, с одной стороны, антимарксизм⁵²⁸, постперестроечный догматизм и воинствующий антикоммунизм, а также тесно связанное с ними отрицание всего положительного в советской истории⁵²⁹, с другой – кризис марксизма, материалистического понимания истории как единственно верного и всеохватывающего метода познания, исследования и толкования прошлого⁵³⁰, наряду с выстраиванием нового «единомыслия», возникновением нового диктата «со стороны политики и идеологии»⁵³¹. Фигурировали среди кризисных явлений и такие, как падение уровня профессионализма исследователей, изолированность от мировой историографии, игнорирование изучения альтернативных ситуаций⁵³², методологический ригоризм – «неизменный подход к истории международных отношений как к исследованию различных абстрактных систем внешнеполитического поведения, столкновения геополитических интересов, рассматриваемых отвлеченно от факторов, их породивших в условиях длинных и коротких временных периодов»⁵³³. Но, пожалуй, к наиболее важным компонентам историографического кризиса 90-х годов, ощущавшимся специалистами и до настоящего времени непреодоленным, следует отнести противоречие «между огромным массивом ставших доступными источников и способностью исторического сообщества

⁵²⁷ Козлов В. Российская история: Обзор идей и концепций 1991–1995 годы // Свободная мысль. 1996. № 3. С. 101–102.

⁵²⁸ Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Освещение в СССР – России Второй мировой войны: Итоги и проблемы // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 621–623.

⁵²⁹ Поляков Ю.А. Историческая наука: Время крутых поворотов // Там же. С. 39.

⁵³⁰ Искендеров А.А. Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 11.

⁵³¹ Данилов В.П. Современная российская историография: в чем выход из кризиса? // Новая и новейшая история. 1993. № 6. С. 101.

⁵³² Кризисные явления в советской исторической науке: Дискуссия историков, философов, правоведов // Общественные науки. 1989. № 3. С. 184–186.

⁵³³ Мальков В.Л. Нужна ли «новая история международных отношений?» // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 89.

их быстро переварить», что, в свою очередь, привело науку к имплантации отдельных фрагментов «новой информации в существующие концептуальные схемы, не замечая, что соотношение между “понятым” и “непонятым” радикально изменилось»⁵³⁴. Анализируя историографическую ситуацию в преддверии 50-летия окончания Второй мировой войны, А.О. Чубарьян констатировал использование названных выше методов в трудах историков в политико-пропагандистских целях: «...предпринимается попытка выстроить некую концепцию, которая соединила бы новые документальные свидетельства и прежние трактовки с новым видением российской державности»⁵³⁵.

Что касается перспектив преодоления кризисных явлений, прежде всего в российской историографии XX в., то здесь наличествовали полярные суждения. По мнению В.П. Данилова, «глубина и продолжительность кризиса будут, конечно, зависеть от общей ситуации в стране...», а выход из него он видел «в свободе научной мысли и научного слова, равно гарантированной представителям всех мировоззренческих и научных направлений и школ»⁵³⁶. А.П. Логунов считал, что кризис оказался более глубоким, чем можно было предвидеть, а причина его не в последнюю очередь в том, что «слишком неравномерно распределились силы между сторонниками глубоких перемен в науке и теми, кто надеется обеспечить преодоление кризиса за счет частных решений»⁵³⁷. Несклонный к экивокам А.А. Искендеров, что называется, «указал пальцем» на тех, кто тормозил преодоление кризисных явлений в середине 90-х годов: «В исторической науке, а точнее, в ее руководящем звене, – писал он, – и сегодня достаточно сильные позиции занимает “коллективный Лысенко” в лице наиболее консервативно мыслящей части Отделения истории РАН, которая как по своему научному, так и по нравственно-этическим качествам не в состоянии возглавлять движение за обновление российской исторической науки»⁵³⁸.

Однако, чем ближе была та или иная оценка состояния отечественной науки к нашим дням, тем она звучала оптимистич-

⁵³⁴ Козлов В. Российская история: Обзор идей и концепций. С. 107.

⁵³⁵ Чубарьян А. Война и судьбы мира: Проблемы исторических исследований // Свободная мысль. 1995. № 2. С. 47.

⁵³⁶ Данилов В.П. Указ. соч. С. 101.

⁵³⁷ Логунов А.П. Кризис исторической науки или наука в условиях общественного кризиса: отечественная историография второй половины 80-х – начала 90-х гг. // Советская историография. С. 479.

⁵³⁸ Искендеров А.А. Указ. соч. С. 13. Хотя никаких конкретных фактов, подтверждающих этот вывод, в статье не приведено, но, возможно, А.А. Искендерову как члену-корреспонденту РАН «изнутри» виднее...

нее. Например, А.Н. Сахаров считает, что в начале XXI в. «российская историческая наука жизнеспособна, динамична, дискуссионна. (...) Она развивается в условиях свободы и это является залогом того, что у российской историографии есть хорошее будущее»⁵³⁹. Более сдержан, хотя и не лишен оптимизма, взгляд Г.А. Бордюгова, который исходит из того, что «новые условия общественной и научной жизни, иные коммуникационные связи делают невозможным “присвоение прошлого”» на директивном уровне, а по сему вряд ли произойдет «унификация учебников истории или цензура исторических книг». По его мнению, «похоже, что нынешний режим власти пока опровергает тезис о том, что в любом обществе власть задаёт набор схем, создающих дискурс эпохи, определяет, что именно будет считаться нормой, истиной и знанием (Мишель Фуко)»⁵⁴⁰. Очень хотелось бы согласиться с этим умеренно осторожным прогнозом Г.А. Бордюгова, но как-то не получается. Власть все-таки пытается поучать историков⁵⁴¹.

Кризисные явления не могли не сказаться в этот период и на исследовании внешней политики СССР накануне и в начале Второй мировой войны. Сыграли роль общие для всей российской историографии XX в. «болевые точки», порожденные осложнявшимся на протяжении второй половины 90-х годов доступом к архивным документам, сбором, изучением и осмыслением большого массива фактического материала, а также переосмыслением в условиях внеглавливского развития исторической науки ранее опубликованных документов и работ. Но дал о себе знать и ряд специфических черт, обнаружившихся в исследовании этого непродолжительного, но чрезвычайно важного периода в советской внешней политике. В отличие от большинства драматических, не слишком «украшающих» историю советской власти

⁵³⁹ Сахаров А.Н. О новых подходах к истории России // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 16.

⁵⁴⁰ Бордюгов Г. Реальность историческая и новые проблемы ее представления // Исторические исследования в России – II: Семь лет спустя / Под ред. Г.А. Бордюгова. М., 2003. С. 10–11.

⁵⁴¹ В интервью 22 февраля 2005 г. президент России В.В. Путин заявил: «С целью обеспечения своих интересов и своей безопасности на западных рубежах Советский Союз пошел на подписание этого пакта Молотова – Риббентропа с Германией. Вот если в этом контексте мы будем смотреть на проблему, которая сегодня выплывает, то она смотрится совсем по-другому. И я бы рекомендовал новоявленным историкам или, точнее, тем, кто хочет переписать историю, прежде чем переписывать ее и прежде чем писать книжки, научиться их читать» (подчеркнуто мной. – С.С.) (цит. по: <http://www.regnum.ru/news/411620.html>).

деяний во внутренней политике, предыстория и начальный период Второй мировой войны, несмотря на публикацию многих, в том числе ключевых, документов, по-прежнему остается сферой крайне острой, хотя и весьма своеобразной, полемики внутри исторического цеха, и не только...

Историки-ортодоксы, опираясь на внедряемое властными структурами в массовое сознание представление о Великой Отечественной войне и победе в ней как событий, овеянных исключительно святостью и героизмом, пытались и пытаются «откорректировать» и предысторию этой войны, лишь слегка модифицировав миф советской историографии о внешней политике СССР этого периода, которая, как жена Цезаря, должна быть, естественно, «вне подозрений». В связи с этим А.О. Чубарьян отмечал в середине 90-х годов: «... мы сталкиваемся и с попытками реанимации старых трактовок пакта Молотова–Риббентропа, причем на смену прежней концепции о стремлении тогдашнего советского руководства обеспечить безопасность СССР пришла идея постоянных геополитических интересов, которые в течение многих десятилетий и даже столетий предопределяли политику России по отношению к Польше и в Прибалтийском регионе»⁵⁴².

Можно с некоторыми оговорками согласиться с тем, что разброс мнений в отечественной науке означает начало формирования «нормальной» историографии, объединяющей исследователей, представляющих разные (не обязательно противоположные!) подходы к изучению тех или иных вопросов⁵⁴³. Правда, эта «нормальная» историография предполагает в качестве *sine qua* поп уважительное отношение к мнению оппонента, ведение дискуссий с целью поиска ответа на возникающие вопросы, а не уход от нее по причине априорной убежденности в собственной правоте. Это тоже одно из важных условий преодоления кризиса в российской историографии.

Если эти неписанные «правила игры» не соблюдаются, то национальная историография не в состоянии отвечать на серьезные не только внутренние, но и внешние вызовы. А именно такой вызов был брошен прежде всего российской историографии историко-публицистическими произведениями писателя В. Суворова⁵⁴⁴, положившими начало новому международному «спору ис-

⁵⁴² Чубарьян А. Война и судьбы мира. С. 47.

⁵⁴³ См.: Мельтюхов М.И. Предыстория Великой Отечественной войны в современных дискуссиях // Исторические исследования в России. С. 278.

⁵⁴⁴ Суворов В. Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну? Нефантастическая повесть-документ. М., 1992; Он же. День – М: Когда началась Вторая мировая война? М., 1994.

ториков»⁵⁴⁵, на этот раз по поводу тезиса о «превентивной войне» 1941 г., – спору, который не закончен и по сей день. Несмотря на обилие откликов в российской историографии на книги В. Суворова⁵⁴⁶, затронутые в них вопросы не получили аргументированного ответа, опирающегося на солидную документальную базу, охватывающего все стороны внешней политики СССР в 1939–1941 гг., а не на отдельные, селективно подобранные документы и основывающиеся на них логические конструкции («логика развития событий»⁵⁴⁷). При этом речь идет не о полемике с концептуальными построениями писателя В. Суворова, представляющими собой некий, по выражению М.И. Мельтюхова, «слоеный пирог»⁵⁴⁸, начиненный реальными фактами, домыслами, подтасовками и откровенными фальсификациями, а о всестороннем изучении той проблемы, которая лишь рельефно была обозначена в его провокативно-эпатажных сочинениях.

Очевидно, что анализ только ограниченного числа оперативных документов военными историками⁵⁴⁹ не дает возможности прийти к обоснованному выводу относительно кардинальных решений высшего политического руководства страны, относящихся к предвоенному периоду. При всей важности количественного роста и совершенствования вооруженных сил они представляют собой, хотя и очень значимую, но только одну часть государственной машины, обеспечивающей осуществление внешней политики. Комплексное изучение деятельности всех без исключения составляющих этого механизма в СССР во второй половине 30-х – начале 40-х годов на широкой документальной основе, а также его сопоставление с уровнем развития, достигнутым главным противником – нацистской Германией, позволило бы полнее представить, насколько соответствовала политика советского руководства на

⁵⁴⁵ Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion 1941: Die Kontroverse um die Präventivkriegsthese / Hrsg. von G.R. Ueberschär, L.A. Bezymenskij. Darmstadt, 1998; Präventivkrieg? Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion / Hrsg. von V. Pietrow-Ennker. Frankfurt a. Main, 2000.

⁵⁴⁶ Подробнее см.: Мельтюхов М.И. Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол» // Советская историография. С. 488–521.

⁵⁴⁷ Выражение М.А. Гареева (см.: Гареев М.А. Готовил ли Советский Союз упреждающее нападение на Германию в 1941 году? // Война и политика, 1939–1941. С. 271).

⁵⁴⁸ Мельтюхов М.И. Канун Великой Отечественной войны: дискуссия продолжается. М., 1999. С. 5.

⁵⁴⁹ См., например: Горьков Ю.А., Семин Ю.Н. О характере военно-оперативных планов СССР накануне Великой Отечественной войны: Новые архивные документы // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 108–129; опубл. также: Война и политика, 1939–1941. С. 280–304.

международной арене интересам страны, установить наличие или отсутствие реальных возможностей у Советского Союза отразить агрессию третьего рейха меньшей кровью, чем это имело место в 1941 г., а также ответить на вопрос, был ли у Сталина шанс вести борьбу за Европу в 1939–1941 гг.?⁵⁵⁰ Решение этой задачи, скорее всего, подвело бы черту под многолетним «спором историков» о намерениях советского руководства весной 1941 г., на сегодняшний день явно зашедшим в тупик, и стало бы индикатором преодоления кризисных явлений на одном из важных направлений российской историографии.

К сожалению, полтора десятилетия спустя после начала очередного международного «спора историков» подобные планы все еще весьма далеки от реализации, и в исследовании советской внешней политики 1939–1941 гг. по-прежнему остается еще много вопросов. Но, по мнению Л.А. Безыменского, «один вопрос – по крайней мере один! – уже удалось довести до окончательной стадии. Долголетний “проклятый вопрос” советской историографии о наличии секретных договоренностей между Сталиным и Гитлером снят с повестки дня». Поэтому он с оптимизмом оценивал перспективы преодоления сталинистской традиции в российской историографии⁵⁵¹. Очень хотелось бы разделить этот радужный настрой, но... Прошло совсем немного времени и В.Я. Сиполс наглядно продемонстрировал, что факт признания секретных соглашений между Москвой и Берлином 23 августа 1939 г. мало что меняет в оценке деяний советского руководства: «было бы лучше, если бы формулировки протокола были иными». По существу же «СССР никаких обязательств перед Германией по протоколу не брал и в нем содержались фактически односторонние германские обязательства»⁵⁵². «Проклятый вопрос» явил себя в старом, лишь слегка перелицованном обличье...

Прошло почти 60 лет после появления Исторической справки «Фальсификаторы истории». Изданная массовым тиражом, она тем не менее в наши дни стала библиографической редкостью, чего, к сожалению, нельзя сказать о содержащихся в ней тезисах, демонстрирующих вплоть до сегодняшнего дня не только поразитель-

⁵⁵⁰ Фундаментальная монография М.И. Мельтюхова «Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941» (М., 2000, 2002), вышедшая уже двумя изданиями, сколько-нибудь заметной дискуссии не вызвала. Рецензии на нее В.Д. Данилова и А.С. Орлова (см.: Отечественная история. 2002. № 1. С. 211–214, 214–217).

⁵⁵¹ *Безыменский Л.А.* Секретные протоколы 1939 г. как проблема советской историографии // Россия и современный мир. 1996. № 1. С. 149–150.

⁵⁵² *Сиполс В.* Тайны дипломатические. С. 101, 105.

тельную живучесть, но и удивительную приспособляемость к новым условиям. Представители традиционного, к счастью, теперь уже не единственного, но все еще очень влиятельного направления в сегодняшней российской историографии внешней политики СССР пытаются реанимировать ее основные положения, прежде всего в том, что касается советско-германского пакта о ненападении от 23 августа 1939 г. Поразительно, с какой легкостью, не утруждая себя сколько-нибудь серьезной аргументацией, приверженцы этого направления стремятся представить свои выводы, касающиеся этой важнейшей вехи советской внешней политики как адекватные современному состоянию исторической науки⁵⁵³. Не будучи в состоянии полностью игнорировать уже опубликованные документы, они пытаются приспособить их к «основополагающим» тезисам Исторической справки «Фальсификаторы истории», обвиняя всех несогласных с ними в дискредитации «славного прошлого» России, в забвении ее интересов⁵⁵⁴.

Таким образом, в исторические исследования вновь привносится идеологический компонент, а дискуссии, если они имеют место, зачастую выходят за рамки научного спора. В обстановке, когда нынешнее руководство России сделало ставку не на максимальную открытость архивов и обеспечение необходимых условий для всестороннего, научного изучения истории внешней политики нашей страны, а исключительно на культивирование позитивного образа ее прошлого, в частности, путем создания новых учебников истории, призванных политически «корректно» отображать это прошлое, великодержавно настроенные историки получили немало возможностей влиять на широкую аудиторию, в том числе через средства массовой информации, что усугубляет существующий разрыв между достигнутым уровнем исторического знания и все еще сохраняющимся шансом сделать его частью общей культуры российских граждан.

⁵⁵³ «С позиций сегодняшних знаний можно утверждать, что это было нежелательное, но единственно возможное решение для СССР в той конкретной международной обстановке. (...) договор, и это главное, позволил СССР выиграть около двух лет для укрепления обороны страны» (*Мягков М.Ю.* От Мюнхенского соглашения до подписания советско-германского договора от 23 августа 1939 г.: предыстория вопроса // *Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. Материалы международной конференции.* Москва, 3–4 февраля 2005 г. М., 2006. С. 58).

⁵⁵⁴ См. весьма показательное в этом отношении интервью О.А. Ржешевского // *Независимая газета.* 1999. 20.08. С. 6.

Часть первая

«Круглые столы» (1989–1990)

Политический кризис 1939 года и страны Центральной и Юго-Восточной Европы*

Материалы «круглого стола», проведенного 15 февраля 1989 г. по инициативе сектора Истории международных отношений Института славяноведения и балканистики АН СССР (ИСБ).

В.К. Волков (ИСБ). У нашего «круглого стола» есть свой специфический угол зрения, а именно – роль стран Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ) в период политического кризиса 1939 г. Хронологически мы хотим уделить внимание событиям, имевшим место в период с марта 1939 г. до начала советско-финского конфликта. Этот короткий отрезок времени до предела насыщен драматическими событиями и страны ЦЮВЕ неизменно стояли в их эпицентре. Именно вокруг них и в связи с ними шла основная политическая и дипломатическая борьба между великими державами. В позиции самих стран этого региона отразились все особенности международной обстановки того времени.

Однако, несмотря на то что эти малые и средние европейские страны играли в международных делах столь большую роль, она не получила в исторической литературе адекватного освещения. Чаще всего упоминается позиция Польши, главным образом в связи с ее отказом разрешить проход советских войск в случае заключения тройственного англо-франко-советского союза, либо аналогичная позиция Румынии. Все другие страны – Болгария, Югославия, Греция, Турция, Венгрия – фактически выпадали из общего кругозора историков. Политика названных стран в основном исследуется их национальной историографией. В итоге отсутствует полная и взаимоувязанная картина всех политиче-

* Опубл.: Советское славяноведение. 1989. № 5. С. 3–34.

ских процессов, происходивших в Европе в тот период. Постараться воссоздать эту картину – наша сегодняшняя задача.

Предвоенный политический кризис в Европе открылся событиями 14–15 марта 1939 г., когда по нацистскому сценарию была провозглашена «независимость» марионеточной Словакии, а германские войска захватили Прагу. Уже тогда было ясно, что эти новые агрессивные действия гитлеровской Германии, приведшие к ликвидации чехословацкого государства, затрагивали в первую очередь интересы западных держав. Они перечеркнули договоренности, которые были достигнуты в Мюнхене, в частности обязательство гарантировать Чехословакии неприкосновенность ее остававшейся территории. В политическом плане это был удар по позициям западных держав в мировой политике: дальнейшее их бездействие могло привести к установлению полной германской гегемонии в Европе и сползанию западных держав на второстепенные позиции. В экономическом плане захват гитлеровской Германией чешской промышленности, в первую очередь ее развитой военной индустрии, резко усиливал военный потенциал Германии. Наконец, в военно-стратегическом плане в Восточной Европе произошли радикальные изменения: вступление немецких войск на чешскую и часть словацкой территории привело к военно-стратегическому окружению Польши, что сразу создало для нее особую ситуацию.

Решительно изменилась обстановка в Юго-Восточной Европе. Скачкообразно обострились и подошли к грани войны отношения между Румынией и Венгрией (последняя захватила Закарпатскую Украину). «Аллергически» реагировали на происшедшие изменения Югославия и Болгария. Последующий захват Италией Албании (7 апреля 1939 г.) привел к тому, что и южный фланг Юго-Восточной Европы (а именно Греция и Турция) был также охвачен политической лихорадкой. Все эти события послужили исходным пунктом начавшейся «политики гарантий» западных держав.

В нашей исторической литературе получил распространение тезис, что «политика гарантий» являлась продолжением мюнхенского курса, только другими средствами. Думается, что эта характеристика нуждается в уточнении, особенно с позиций сегодняшнего дня. Хотя говорить о «дипломатической революции», как иногда именовали «политику гарантий» в западных публикациях, не приходится, тем не менее нельзя считать, будто ничего не изменилось. Об этом говорят факты. 31 марта была предоставлена английская гарантия Польше, позднее превращенная в соглашение о взаимной помощи. Начались переговоры об англий-

ской гарантии Греции, а также переговоры о заключении договора с Турцией (в мае 1939 г. опубликована декларация о намерениях сторон). Наконец, 13 апреля были предоставлены гарантии не только Греции, но и Румынии, причем к английским гарантиям присоединилась и Франция. Таким образом, был создан некий «пакет» обязательств западных держав в отношении ряда стран ЦЮВЕ.

Что же представляла из себя эта система гарантий? Прежде всего следует констатировать, что она не составляла чего-то единого целого. Гарантии отдельным странам не были увязаны друг с другом, не были подкреплены военно-стратегическими выкладками или соответствующими мероприятиями. Между самими странами, которые получили эти гарантии, тоже не существовало каких-то договорных обязательств. Характерны «люки» (или бреши), которые оставила эта политика гарантий. Так, помимо Польши, наибольшая угроза нависла над Югославией. Но Югославия не получила гарантий, а британская дипломатия сделала все от нее зависящее, чтобы уйти в сторону даже от обсуждения этого вопроса. Такая тактика не была случайной. Великобритания в тот период преследовала цель расколоть «ось», не допустить заключения союза между Италией и Германией. Поставленная задача, по мнению британских стратегов, была несовместима с политикой создания какого-либо блока в Юго-Восточной Европе. Более того, существовали расчеты столкновения германских и итальянских интересов из-за Югославии. Именно по этим причинам английская дипломатия и не предоставила гарантий Югославии. Тем не менее «политика гарантий» связывала определенными обязательствами западные державы, ставила рамки их политическому курсу. Была ли она альтернативной политике умиротворения агрессии? Думаю, что в известной степени была. Обе эти тенденции – к нарастанию конфронтации между западными державами и фашистскими государствами и к политике умиротворения – сохранялись в тот момент, существовали параллельно, хотя и боролись одна с другой.

Невозможно в полной мере оценить эту политику без анализа отношения западных держав к Советскому Союзу. После 15 марта 1939 г. они неоднократно отклоняли советские предложения о совместных действиях. Из обнародованных британских документов с полной очевидностью предстают причины такой тактики. После сталинских «чисток», считали западные политики, военная сила СССР сомнительна, а сотрудничество с ним принесет больше неудобств, чем выгод. В частности, полагали они, союз с СССР может оттолкнуть от западных держав такие стра-

ны, как Польша и Румыния, а Германия получит огромный пропагандистский козырь. Только под влиянием общественных настроений они приступили к переговорам с СССР, да и то лишь после завершения создания системы гарантий. Естественно, что их позиция накладывала печать на отношения стран ЦЮВЕ к Советскому Союзу. Последний находился в состоянии изоляции, его искусственно оттирали от участия в решении европейских дел. Готовность к равноправному сотрудничеству с ним у западных держав отсутствовала. Последовавшие же с их стороны после завершения «политики гарантий» предложения были таковы, что М.М. Литвинов, который находился уже последние дни на посту наркома иностранных дел, назвал их «издевательскими».

Эти особенности международной обстановки следует иметь в виду при обсуждении политики стран ЦЮВЕ в период предвоенного политического кризиса. На «круглом столе» предполагается обсудить следующие вопросы: ликвидация Чехословацкой Республики в марте 1939 г. и страны ЦЮВЕ; итальянская агрессия в Албании в апреле 1939 г. и положение на Балканах; английская «политика гарантий» и страны ЦЮВЕ; советские предложения по совместной обороне и реакция стран ЦЮВЕ; политика стран ЦЮВЕ в начальный период предвоенного кризиса; англо-франко-советские переговоры 1939 г. и страны ЦЮВЕ; советско-германский договор от 23 августа 1939 г. и страны ЦЮВЕ; начало Второй мировой войны; характер нейтралитета стран ЦЮВЕ; англо-франко-турецкий договор от 19 октября 1939 г. и страны ЦЮВЕ; великие державы и страны ЦЮВЕ в первые месяцы Второй мировой войны (до советско-финской войны 1939–1940 гг.).

И.И. Пон (ИСБ). 15 марта 1939 г. «странный мир», который, как обещал англичанам Чемберлен, должен был длиться после подписания Мюнхенского соглашения на протяжении жизни целого поколения, – кончился. То, что происходило между 15 марта и 1 сентября 1939 г. «миром» уже назвать нельзя. В этот период практически шло группирование «военных колонн», в которые так или иначе были втянуты все европейские страны. Расчленение Чехословакии и создание протектората Чехия и Моравия воспринято было в регионе ЦЮВЕ по-разному, но большой неожиданностью ни для кого не явилось. Слишком очевидной была агония нежизнеспособной после Мюнхена и Венского арбитража Второй Чехословацкой Республики. Но самый парадоксальный, на первый взгляд, факт, что оккупация Чешских земель после первого потрясения принесла полную определенность для чешского общества. После глубочайшего морального упадка так называемой Второй Республики, отрицания и буквально оплевы-

вания даже светлейших сторон своей национальной истории, от которого одни замыкались в себе, другие бежали в эмиграцию, а такие, как К. Чапек, воплощавшие демократические традиции Первой Республики, умирали в расцвете лет, – каждый чех с душевной болью думал о необходимости малой нации приспособляться в столь отчаянной ситуации, как это делают по отношению к Германии гораздо более сильные, экономически независимые и геополитически находящиеся в более выгодном положении государства. Такие настроения стали основой для возникновения специфической ситуации, когда коллаборационистское правительство сотрудничало с зарождавшимся движением Сопротивления. «Странному миру» и «странному миротворчеству» одних соответствовала «странная» до поры до времени оккупационная система со «странным» коллаборационизмом. В широких кругах чешской нации после 15 марта преобладало всеобщее стремление к общенациональному единству в создавшихся условиях. Полная безучастность окружающего мира к судьбе их страны, страх перед возможным ударом оккупантов, которые еще только примерялись к своей роли, заставляли многих чехов видеть своим даже беспомощное протекторатное правительство. В результате возникла еще одна парадоксальная ситуация, когда германская оккупация улучшила положение «гаховской гарнитуры», привела к возникновению общенационального оппозиционного единства. Образование такой оппозиции оккупантам в Чешских землях после 15 марта является основной особенностью чешского общества, без понимания которой невозможно объяснить и дальнейший путь чешского Сопротивления, которое должно было разбить это единство, чтобы вывести народ из латаргии. Для того чтобы впредь объединиться, нужно было разъединиться в этой первой оппозиции 15 марта 1939 г.

Иная ситуация была в Словакии, формально ставшей независимой республикой, а фактически существовавшей только по воле третьего рейха. Оформление независимости словацкими клеро-фашистами проведено было без проявления какого-либо энтузиазма со стороны широких масс. Сама формула независимости как альтернативы возможной оккупации хортистской Венгрии носила какой-то извиняющий характер.

Трагичной была судьба самой восточной части Чехословацкой Республики – автономной «Карпатской Украины», ставшей «яблоком раздора» между соседними государствами в период агонии Второй Республики. 15 марта хортистская Венгрия с разрешения Берлина приступила к оккупации Карпатской Украины и завершила ее спустя три дня.

Несколько слов о возможности помощи странам ЦЮВЕ со стороны Советского Союза. С получением известной телеграммы Форин оффис по поводу Румынии (15–16 марта 1939 г.) СССР сразу предложил организацию международной конференции. Это была не новая политика – ее Советский Союз придерживался уже с весны 1938 г. (т.е. еще с чехословацкого кризиса), когда в Москве была принята линия коллективных мер, а не одностороннего ангажирования. На мой взгляд, такая политика была обусловлена провалом проводившейся Советским Союзом политики чрезмерного ангажирования в Испании. Встает вопрос и о реальности пропуска войск Советского Союза через территорию Румынии или через территорию Польши с целью оказания помощи этим государствам в случае нападения на них. Не только политические, но даже и художественные журналы Польши и Чехословакии того периода детально описывали происходившие в СССР процессы. Их оценки событий не отличались от тех, которые мы находим сейчас в большинстве наших журналов. Поэтому ответ на вопрос о доверии к Советскому правительству в плане его возможной помощи мог быть однозначно только негативным. Свою роль в этом сыграло и заявление К.Е. Ворошилова весной 1938 г. в довольно узком кругу в Кремле (оно быстро стало известно германским дипломатам и предано гласности) о том, что скоро в Европе опять будет война, а советские войска окажутся на Висле и произойдет революция (т.е. состоится второй тур всемирной революции).

Н.Д. Смирнова (Ин-т всеобщей истории АН СССР). Еще 16 октября 1938 г. в беседе с французским послом в Москве Кулондром М.М. Литвинов назвал случившееся в Мюнхене «катастрофой для всего мира». Он считал, что «вероятнее всего, Германия пожелает уничтожить Британскую империю и стать ее наследницей. Менее вероятно нападение на нас, более для Гитлера рискованное»¹. Посол в Великобритании И.М. Майский замечал 25 февраля 1939 г., что в английской и французской печати сразу же после Мюнхена началось усиленное муссирование слухов о том, что Гитлер теперь пойдет на Восток. «Некоторые крупные деятели, – сообщал Майский, – прямо нашептывают Гитлеру эту восточную авантюру. Но Гитлер обнаружил меньше всего желания идти на Восток. На самом же деле Гитлер сразу же после Мюнхена начал нажим против Запада»². В том же донесении он отмечал, что линия Чемберлена на умиротворение остается гене-

¹ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. М., 1971. С. 45.

² Там же. С. 208.

ральной линией британской внешней политики. Аналогичная оценка ситуации давалась в отчетном докладе ЦК ВКП(б) на XVIII съезде партии в марте 1939 г. В нем подчеркивалось, что западные демократии отдали немцам районы Чехословакии как цену за обязательство начать войну против Советского Союза, но просчитались, ибо началась борьба за новый передел мира и сфер влияния за счет интересов неагрессивных государств. Эта характеристика укладывалась в сталинскую теорию о том, что межимпериалистические противоречия сильнее и гораздо более чреваты войной, чем противоречия между капитализмом и социализмом. Таковы были оценки советской дипломатией и партийным руководством общеполитической обстановки в Европе, когда 7 апреля 1939 г. итальянскими войсками была оккупирована Албания. Муссолини пытался волевыми решениями навязать старшему партнеру по «оси» свою точку зрения, свое понимание раздела сфер влияния. Оккупация Албании была заявкой на безраздельное господство Италии на Балканах, чему в Берлине негласно сопротивлялись. Так, уже сразу после заключения итало-германского договора в итальянских дипломатических и правительственных кругах возникло опасение, что это будет не «ось Рим–Берлин», даже не «ось Берлин–Рим», а «ось Берлин – Берлин». Италия даже не была поставлена в известность о намерениях своего союзника захватить Чехословакию (хотя по условиям союза Германия обязывалась консультироваться по всем военным вопросам). Несмотря на официальные правительственные заявления о солидарности с политикой Германии, в верхах итальянской фашистской партии существовало недовольство ею. Так, посол в Берлине Аттолико жаловался 18 марта 1939 г. своему министру Чиано на немцев, которые стремятся не только устранить с Балкан Великобританию и Францию, но и вытеснить Италию, «оставив ей одну лишь средиземноморскую воду»³. В МИД Италии считали, что «ось» стала орудием одной лишь Германии и захват Албании должен был стать своего рода заявкой на равноправие в блоке. И действительно, нельзя не признать того, что весной 1939 г. Албания стала своего рода платой за ту поддержку, которую клика Муссолини оказывала германским фашистам в наиболее критические для них моменты.

Стремление Италии воспротивиться диктату союзника по «оси» (подталкивавшего Муссолини в Африку и резервировавшего за собой Балканы, которые должны были послужить сырьевой базой для обеспечения немецких планов по захвату террито-

³ Смирнова Н.Д. Балканская политика фашистской Италии. М., 1969. С. 92.

рий на Западе и Востоке) привело к возникновению теории «параллельной войны», согласно которой Италия должна была вести параллельные с Германией войны, но в своих интересах. Оккупация Албании и стала одной из таких «параллельных» акций. И хотя она шла вразрез с намерениями Гитлера в этом регионе, он ее одобрил. В этот период у Гитлера была совершенно четкая ориентация на сохранение мира и стабильности на Балканах в том виде, как это сложилось к весне 1939 г.: продолжение экономического проникновения Германии в эти страны, окончательное отстранение Франции как покровительницы Балкан, разрушение союзов малых стран. Оккупация Албании имела серьезные и далеко идущие последствия для судеб мира в целом. Соглашательская политика западных держав, поощрявших фашистских агрессоров, оборачивалась трагедией для народов малых государств, служивших «разменной монетой» в глобальных комбинациях крупных империалистических хищников.

В.В. Зеленин (ИСБ). В марте–апреле 1939 г. ряд фактов свидетельствовал о том, что в итальянской политике планы агрессии против Югославии встали «на повестку дня». После раздела Чехословакии Чиано в марте 1939 г. предупредил германского посла в Риме о том, что Италия не может безразлично относиться к дальнейшей судьбе Югославии, и вновь напомнил о давних претензиях итальянских фашистов считать Адриатическое море «Итальянским морем». В мае того же года, после оккупации Италией Албании, Риббентроп сообщил Чиано, что, если Югославия распадется в силу внутренних причин, Германия будет согласна на то, чтобы Италия проводила намеченную ею в отношении Югославии политику. В июне 1939 г. Югославия имела немало оснований опасаться агрессии как со стороны Италии, так и со стороны Германии, незадолго перед этим ставшей ее непосредственным соседом после аншлюса Австрии. Поэтому «узкий кабинет» в принципе принял решение о визите принца-регента Павла Карагеоргиевича в Германию и затем в Великобританию для выяснения положения Югославии в связи (как считали в югославских правящих кругах) с постоянной угрозой для нее со стороны Италии. В ходе переговоров в Берлине Югославии предложили выйти из Лиги Наций и тем самым продемонстрировать свою солидарность с Германией, а также присоединиться к «Антикоминтерновскому пакту». Принц Павел на это не пошел. По возвращении в Белград он доложил «узкому кабинету» (или Коронному совету) о переговорах с Гитлером. Было решено, что он поедет в Великобританию, а представитель Генерального штаба генерал П. Пешич

направится во Францию и в Великобританию. В Лондоне, куда он прибыл в конце июня, Павел имел беседы с министром иностранных дел Галифаксом и с другими деятелями британского правительства по вопросу о британо-югославских отношениях. И хотя, как потом он докладывал на Коронном совете, было заметно известное отрезвление после Мюнхена и особенно после раздела Чехословакии, тем не менее чувствовался холодок по отношению к Югославии. Одной из причин этого холодка была неудача состоявшейся незадолго до этого миссии в Югославию наследника английского престола герцога Кентского, который, в частности, передал югославскому регенту и правительству секретную просьбу о предоставлении англичанам военно-морской базы в Которском заливе (на что югославы не пошли). Визит Павла в Лондон принес только один результат: югославам стало ясно, что Великобритания не в состоянии оказать Югославии какую-либо военную помощь в случае нападения на нее Германии.

Несколько слов о миссии генерала Пешича, отправившегося в июне сначала во Францию, а затем в Великобританию. Во Франции он имел беседы с начальником Генерального штаба генералом М. Гамеленом. Впечатления Пешича о готовности Франции к ведению войны с фашистской Германией были самыми восторженными. Как понял Пешич, во Франции мнение о немецкой армии было весьма низким. Несколько иные впечатления вынес Пешич из своего визита в Лондон, где он беседовал с начальником штаба генералом Гортом. Пешич пришел к выводу, что Великобритания готова к обороне своих островов, но к наступательной войне пока что у нее готовности нет. И в Париже и в Лондоне Пешич заявил, что в случае возникновения войны Югославия останется нейтральной.

На заседании «узкого кабинета» в конце июля был сделан вывод, что Югославии не от кого ждать помощи, поэтому нужно форсировать собственную оборону, усиливать пограничные укрепления, приобретать новые вооружения и т.д. Одновременно «узкий кабинет» констатировал необходимость решения ряда внутренних (в первую очередь «хорватского вопроса») и внешнеполитических (улучшения отношений с Болгарией) проблем. Известно, что «хорватский вопрос» удалось в какой-то мере решить: 26 августа 1939 г. правительством Д. Цветковича было заключено соглашение с председателем Хорватской крестьянской партии В. Мачеком о предоставлении значительной внутренней автономии Хорватской бановине. Мачек занял пост вице-премьера; министром иностранных дел был назначен занимавший до

этого пост посланника Югославии в Берлине А. Цинцар-Маркович, известный своими симпатиями по отношению к Германии и Италии.

Попытка улучшить отношения с Болгарией успеха не принесла. Встреча югославских руководителей с председателем Совета министров Болгарии Г. Кьосеивановым, состоявшаяся 10 июля 1939 г., проходила в сдержанной атмосфере, так как болгары были недовольны несговорчивостью югославы по поводу территориальных претензий Болгарии (за свое вступление в Балканский пакт болгары требовали от всех его членов территориальных компенсаций).

Следуя своей политике лавирования между двумя империалистическими блоками, Югославия 5 июля 1939 г. подписала секретное экономическое соглашение с Германией, положившее начало превращению экономики страны в сырьевой придаток военной экономики третьего рейха. Начало Второй мировой войны Югославия встретила во враждебном окружении, без союзников перед лицом угрозы агрессии со стороны фашистских держав.

В.В. Марьина (ИСБ). Подписание Гахой ультимативных условий оккупации Чехословакии представляется мне логическим следствием политики правительства Берана, попиравшего принципы буржуазной демократии и взявшего курс на постепенную фашизацию страны, все более шедшего на сближение с гитлеровской Германией и подчинение ей своей внешней и внутренней политики. Любопытная трактовка ликвидации Чехословацкого государства содержится в коммюнике для прессы, подготовленном спустя несколько дней после этого события польским Генеральным штабом. Вопрос в этом документе ставится следующим образом: по существу, оккупация Чешских земель и их включение в состав третьего рейха являлись заранее спланированной и подготовленной акцией, которая была осуществлена некоторыми членами чехословацкого правительства (конкретно указывается министр обороны генерал Сыровы) по согласованию с Берлином. В документе обозначены и цели, которые якобы преследовало чехословацкое правительство, ведя такую игру и исходя из постулата, сформулированного чешскими политическими деятелями еще в период Мюнхена, а именно – «мы недостаточно сильны, чтобы защищать себя, но достаточно сильны, чтобы развязать мировую войну». Говорится в документе о фиктивном и временном включении Чешских земель в состав третьего рейха, определяются цели, которые при этом преследовались: отомстить Великобритании и Франции за их вероломство и предательство в период Мюнхена; отомстить Польше, присоединившей к себе в период Мюн-

хена часть территории Чехословакии; наконец, воспользоваться высшими политическими успехами третьего рейха в своих интересах и к своей выгоде, а именно – учитывая неизбежность обращения германских взоров на Восток, оказать содействие фашистской Германии в оккупации Советской России. Пока что остается вопрос: только ли это частное мнение одного из представителей польского Генерального штаба?

А.Я. Манусевич (ИСБ). Мы привыкли нарушение гарантий, взятых западными странами в Мюнхене в отношении границ урезанной Чехословакии, относить к весне 1939 г. Мне представляется, что не следует забывать о неразрывной связи этих «гарантий» с поощрением к дальнейшему разделу Чехословакии, который получили в том же Мюнхене «санационная» Польша и хорватская Венгрия. По сути дела, нарушение гарантийных обязательств произошло одновременно с их принятием.

В.И. Беляева (ИСБ). Хочу остановиться на вопросе о тех гарантиях, которые действительно были предоставлены странам Восточной Европы в марте – апреле 1939 г. Оккупация Чехословакии для европейских дипломатов большой неожиданностью не была, но она явилась своеобразным шоком для европейской общественности. И настолько сильным, что это существенно воздействовало на изменение ситуации в Европе, в частности, заставило британское правительство, как главного инициатора политики умиротворения, срочно менять свою политику. Отношения между Польшей и Великобританией после 15 марта 1939 г. носили несколько странный характер. Точных сведений о том, в каком состоянии находятся польско-германские отношения, у британского правительства на этот момент не было. Польские дипломаты и Ю. Бек не распространялись особенно о требованиях гитлеровцев, в достаточно грубой форме выдвинутых в адрес Польши. Более того, в своем выступлении в Палате общин 31 марта 1939 г. Чемберлен вообще возложил на Великобританию одностороннюю гарантию, сформулировав ее довольно странным образом: вопрос об угрозе независимости Польши решало польское правительство, и лишь в соответствии с его решением начинало действовать британское. То есть вопрос о вступлении в войну Великобритании становился прерогативой правительства иностранной державы. Кроме того, в этой гарантии содержалась еще одна очень существенная формулировка: Великобритания гарантировала независимость Польши, но не ее национальную территорию. Почему же Великобритания пошла на заключение с Польшей договора о взаимных гарантиях? Говорить о том, что такой убежденный «умиротворитель», как Чемберлен вдруг отказался от

своей политики, нет достаточных оснований. И документы говорят о том, что он от этой политики не отказался до конца своего пребывания на посту британского премьер-министра. Более того, в период чехословацкого кризиса британское правительство приложило максимум усилий, чтобы не допустить военного конфликта между Чехословакией и Германией, потому что в этом случае автоматически вступал в действие франко-чехословацкий договор и Франции в этой ситуации было бы очень трудно отказаться от своих обязательств. В свою очередь это повлекло бы участие в конфликте Великобритании (в силу договора с Францией). В Великобритании прекрасно отдавали себе отчет в значимости именно двусторонних договоров. Представляется, что в марте 1939 г. британское правительство предоставлением гарантий Польше пыталось воздействовать на Гитлера с тем, чтобы он осознал опасность для Германии в случае развязывания войны против этой страны, поскольку наличие англо-польского договора делало практически неизбежным участие Великобритании в возможной германо-польской войне. Британские гарантии, на мой взгляд, это не готовность Великобритании дать вооруженный отпор агрессии, а попытка оказать давление на Германию с целью заставить ее согласиться на переговоры, которые виделись британской стороне, скорее всего, в духе Мюнхена. Активный политический курс на противодействие агрессорам вплоть до вооруженной борьбы с ними был глубоко чужд Чемберлену. Политика гарантий, по-моему, была лишь модификацией мюнхенской политики. Британское правительство в данном случае использовало другой метод для той же цели: не допустить именно вооруженного отпора эвентуальной агрессии. Но в результате оно само угодило в ловушку, и 3 сентября Чемберлен был вынужден сделать то, что противоречило всей его политике – объявить войну Германии. Если бы не было двустороннего договора с Польшей, события, возможно, могли бы пойти и по другому пути.

Несколько слов относительно советских предложений от 18 марта 1939 г. о созыве международной конференции с целью обсуждения ситуации в Европе. Мне они представляются не отвечающими сложившейся в тот момент европейской ситуации. В конце 30-х годов стало особенно ясно, что отношения между европейскими странами основываются на такой степени взаимного недоверия и даже враждебности, что международные конференции вряд ли могли привести к какому-нибудь позитивному итогу. Тем более что к тому моменту у Советского Союза не было практически ни одного дружественно настроенного к нему соседа (кроме разве что Монголии).

В.К. Волков. Что же дает анализ ситуации весны 1939 г. в ЦЮВЕ для более глубокого понимания, с одной стороны, хода переговоров Советского Союза с западными державами, и с другой – для понимания проблемы генезиса советско-германского договора о ненападении? В конце апреля – начале мая первый заместитель наркома иностранных дел В.П. Потемкин посетил Анкару, Софию, Бухарест и Варшаву. В это время Турция вела переговоры с Великобританией о заключении союзного договора. По условиям советско-турецкого договора 1925 г. он мог быть заключен только с согласия СССР. И Советский Союз дал такое согласие (что показательно для общего направления советской политики в тот период). 12 мая была опубликована англо-турецкая декларация; выяснилось, что она распространяла свое действие на все Балканы. И Советский Союз одобрительно прокомментировал это соглашение. В этот же момент турецкие правящие круги сделали предложение СССР о заключении турецко-советского договора (мыслившегося как дополнение к турецко-английскому договору, а в более широком плане примыкавшего к англо-франко-советской военно-политической комбинации, переговоры о которой уже начались), охватывавшего также регион Черного моря, части Балкан и проливов. Это тоже было принято советской стороной. Наконец, ряд балканских компартий выступил весной 1939 г. с инициативой создания балканского блока обороны против фашистской агрессии. Как же в эти факты укладывается генезис советско-германского договора о ненападении? Его концептуальную подготовку многие ныне связывают с докладом Сталина на XVIII съезде партии, в котором фактически был провозглашен принцип верховенства национально-государственных интересов. Из практических шагов следует отметить следующие. Когда 17 апреля Советский Союз устами Литвинова ответил на сделанное западными державами предложение о переговорах, то в тот же день наш посол в Берлине Мерекалов в беседе с одним из руководителей германского МИД затронул вопрос о возможности улучшения советско-германских отношений. Наконец, крупной акцией в этом плане была отставка 3 мая Литвинова с поста наркоминдела. Обрушившийся на МИД новый шквал репрессий фактически завершил его ликвидацию. Дальнейшие переговоры велись новым руководством советской дипломатии.

А.И. Недорезов (ИСБ). Март 1939 г. – следствие Мюнхенского соглашения. Но правительство Чехословакии виновно в том, что в конечном счете не пошло на оказание отпора агрессии, будь то с помощью Советского Союза или Франции. На мой

взгляд, мы не должны забывать и о той ответственности, которую в конечном счете несло польское правительство Ю. Бека за развязывание Второй мировой войны. Это проявилось в том, что оно отказалось участвовать в конференции (с инициативой созыва которой 18 марта выступило британское правительство) для рассмотрения нависшей над Польшей угрозы, оно отказалось затем пропустить советские войска и т.д.

Данные правительством Великобритании гарантии действительно в какой-то мере намечали определенный поворот в его политике, но это был очень непоследовательный поворот. Черчилль назвал его политикой с позиции слабости, а не с позиции силы. Британское правительство пыталось оказать давление на Германию, но политика Мюнхенского соглашения с Германией продолжалась. Это проявилось в начавшихся англо-германских переговорах об экономическом соглашении, в подписании англо-германской и франко-германской деклараций о ненападении и т.д. В конечном счете политика Мюнхена привела к тому, что у Советского Союза появилось недоверие к великим державам, заставила Советское правительство думать о том, какими путями ему идти дальше.

В.С. Парсаданова (ИСБ). Остановлюсь на вопросах советско-польских отношений накануне сентября 1939 г. Оказавшись фактически изолированной после Мюнхена, Польша (в поисках союзников в условиях открытого покушения Германии на целостность страны) обратилась и к Востоку. Возникла своеобразная дилемма: СССР был готов пойти даже на заключение с Польшей военного союза против Германии; Варшаве необходимо было определить пределы возможного сотрудничества с Советским Союзом. Определенное негативное воздействие на поиски путей возможного сотрудничества оказали общий «синдром 1920 г.», чрезвычайная идеологизация межгосударственных отношений, боязнь Польши утратить свой суверенитет в результате ввода советских войск на ее территорию для предотвращения или отпора гитлеровского нашествия. Самое большее, на что «санационное» руководство Польши оказалось согласно в отношениях с СССР, — экономическое сотрудничество во время войны (транзит военных материалов от союзников, поставки советского сырья в Польшу и др.). После заключения 23 августа 1939 г. советско-германского договора отношения между СССР и Польшей внешне не изменились. Заместитель наркома иностранных дел С.А. Лозовский заявил 26 августа, что договор о ненападении 1932 г. с Польшей остается в силе. 2 сентября советский посол в Польше Н.И. Шаронов в ходе визита к Ю. Беку спросил его: по-

чему Польша не обращается за помощью к СССР? Лишь 5 сентября, когда немецко-фашистские войска подходили к Варшаве, польский посол в СССР В. Гжибовский сделал это, подтвердив заявленную ранее позицию Польши об отношениях с СССР. В работах советских историков приводилась часть ответа В.М. Молотова послу: советская сторона намерена в точности выполнять предписания торгового договора. Однако далее Молотов продолжал: что касается поставок из СССР в Польшу военных материалов, транзита и т.д., то это маловероятно в нынешних создавшихся условиях, когда в войне уже участвуют Польша, Германия, Великобритания и Франция. А Советский Союз не хочет быть втянутым в войну на той или другой стороне. И должен в свою очередь принимать меры для своей безопасности⁴. Таким образом, Польша в итоге получила отказ в советской помощи.

В.М. Кулиш (д-р ист. наук). Касясь вопросов англо-франко-советских переговоров и заключения советско-германского договора о ненападении, на мой взгляд, необходимо прежде всего осмыслить и понять интересы участвовавших в этих дипломатических «играх» государств. Это в значительной степени прояснит обстановку того времени, вскроет истинные мотивы тех или иных действий разных сторон. Сегодня историков беспокоят многие сюжеты этих переговоров. Например, почему переговоры с Великобританией и Францией (по существу начавшиеся еще в 1935 г.) не привели к заключению военной конвенции, а переговоры с Германией (с мая 1939 г.) завершились подписанием договора? Утвердившаяся в советской историографии точка зрения известна: Великобритания и Франция не хотели заключать с нами военной конвенции (хотя также известно, что в последний момент Франция дала своему представителю на переговорах разрешение согласиться на конвенцию), в то же время СССР – в силу сложившейся международной ситуации (определяемой сейчас как ситуация Брестского мира) – был вынужден пойти на подписание договора с Германией.

Каковы же были истинные интересы участвовавших в переговорах государств? Еще на Пленуме ЦК РКП(б) в январе 1925 г. Сталин высказал некоторые положения, впоследствии сыгравшие определенную роль в выработке внешнеполитических акций нашего государства. В частности, он говорил о том, что если начнется война между империалистическими державами, то нам не удастся отсидеться в стороне. Мы будем втянуты в эту войну. Но задача состоит в том, чтобы мы вступили в эту войну как можно

⁴ См., например: *Севостьянов П.П.* Перед великим испытанием. М., 1983. С. 25.

позже и положили свою гирию на чашу весов. И эта гирия должна сыграть решающую роль. В марте того же года Н.А. Скрыпник на Пленуме ЦК требовал решить наконец вопрос о присоединении к Советскому Союзу Буковины, восточных областей Польши и Карпатской Украины (или Карпатской Руси). Корректируя позицию Скрыпника (с учетом возможных впоследствии на международной арене обвинений СССР в территориальных претензиях, в империалистической политике), Г.В. Чичерин предложил поставить и проводить в жизнь этот вопрос на принципиальной основе – воссоединения этнически близких народов. Наконец, в 1934 г. в докладе на XVII съезде партии, Сталин заявил, что Прибалтика – это именно тот плацдарм, который Германия хотела бы захватить для действий против Советского Союза. Эти разновременные высказывания нашли свое отражение и в переговорах 1939 г. Уже в мае, в оккупированной фашистами Праге на встрече Г. Астахова с К. Шнурре (в связи с торговыми переговорами) последний заявил, что Германия не имеет таких интересов в Прибалтике, которые бы противоречили интересам Советского Союза. Позже Германия дала СССР подобные гарантии в отношении Восточной Польши и Буковины. Ничего подобного на переговорах с Великобританией и Францией быть не могло, поскольку являлось нарушением международного права и права прибалтийских народов, зафиксированного в договорах (в свое время подписанных Советским правительством).

Необходимо отметить и особенность международных отношений этого времени: они шли как бы на двух уровнях. Первый уровень – отношения между великими державами, второй – более низкий – отношения великих держав с малыми государствами. Для всех великих держав эти малые государства были не более, чем фишки в игре. Сталин признавал не дипломатию слова, а дипломатию силы. Заинтересованность Германии в заключении договора с СССР определялась прежде всего ее стратегическими планами. К этому времени правящие круги Германии уже решили вопрос о нападении на Польшу, о войне с Францией и др. И самое главное – Германия добилась заключением договора устранения СССР от вмешательства в эту войну. Более того, в 1940 г. Германия благодаря этому договору (который Гитлер называл не иначе, как перестраховочным) смогла сосредоточить около 140 дивизий против Франции и Великобритании (оставив на новой границе с СССР лишь 3 полевых и 7 охранных дивизий). В январе 1941 г., продолжая играть на заинтересованности Советского Союза в решении своих территориальных вопросов (т.е. воссоединении народов в исторически сложившихся границах

бывшей Российской империи), фашистское руководство устами Шуленбурга заверило Молотова, что Германия ни в коем случае не будет захватывать Черноморские проливы и не будет угрожать интересам СССР в этом районе.

Существенное значение в определении внешнеполитических акций советской дипломатии и способов их осуществления играла и сложившаяся у партийно-государственного руководства оценка (как только враждебного) капиталистического окружения, что, кстати, вполне оправдывало политику «игры на противоречиях» в достижении своих целей. Делавшиеся при этом неоднократные заявления о необходимости сохранения мира носили, скорее, декларативный характер. Немалую отрицательную роль сыграла и ошибочная оценка (вошедшая в советскую военную доктрину) революционной ситуации в западных странах, необоснованные ожидания революционного взрыва в них. Эту точку зрения Сталина и его окружения образно выразил в докладе на XVII съезде партии Д.З. Мануильский, когда заявил, что Германия и Япония, развязывая войну, роют могилу для всего капитализма.

М.Д. Ереценко (ИСБ). Рассматривая хронику событий середины марта 1939 г., нельзя обойти вниманием «дело Тили» (румынского посланника в Лондоне), выявившее тот самый узел интересов европейской дипломатии, которые переплелись тогда между столицами великих держав и стран Восточной Европы, определили расстановку сил в последующие месяцы до начала Второй мировой войны.

Уже 15 марта в Праге появились первые приказы и объявления германского военного командования. Часть из них была на румынском языке: румынскому населению предлагалось подчиняться приказам германских властей. 16 марта в ходе визита (повидимому, по указанию из Бухареста) в Форин оффис В. Тили поставил вопрос о прояснении позиции Великобритании в отношении Румынии в случае угрозы ей со стороны Германии. При этом Тили пояснил, что в ходе ранее состоявшихся румыно-германских переговоров по экономическому соглашению Берлин уже предъявил Бухаресту буквально кабальные условия. Информация о встрече Тили с лордом Галифаксом сразу же появилась на страницах ведущих западных изданий. На заседании Британского кабинета 18 марта Галифакс изложил информацию Тили, уточнив, что Румыния рассматривает экономические претензии Германии «как очень похожие на ультиматум», поэтому есть необходимость прояснить позицию Великобритании в том случае, «если Румыния стала бы жертвой германской агрессии». Галифакс

предложил информировать правительства Франции, США, СССР, Польши, Турции, Греции и Югославии о демарше румынского дипломата и определить их реакцию на германский «ультиматум Румынии»⁵. Британское правительство обратилось к СССР с предложением обсудить этот вопрос, но уклонилось от определения своих позиций. СССР, а не Великобритания, как утверждал здесь А.И. Недорезов, предложил срочно созвать конференцию заинтересованных государств для «совместных консультаций». Однако Бухарест дезавуировал своего дипломата, отказался подтвердить, что ему давались какие-либо поручения ставить вопрос об опасности Румынии и что никакого германского ультиматума не было. Кстати, ни в одном из ответов запрошенных Лондоном столиц слово «ультиматум» также не употреблялось. Польша проявила полное безразличие к румынской ситуации. Франция выдвинула предположение, что в данный момент Румынии вряд ли грозит война, скорее речь идет об урегулировании германо-румынских экономических отношений. Советское предложение о созыве конференции не было принято ни в Лондоне, ни в Бухаресте.

В своих неопубликованных мемуарах Тиля намекает, что фраза об «ультиматуме» Румынии исходила не от него – это была позиция британского кабинета. Вероятнее всего, «румынский вопрос» действительно мог послужить для британского правительства тем «пробным камнем», на котором оно могло проверить (и проверило) реакцию возможных партнеров по своей внешнеполитической деятельности. Представляется, что во многом эта реакция помогла британскому кабинету скорректировать свои дальнейшие внешнеполитические шаги.

Т.Ю. Григорьянц (ИСБ). Решив для себя весной 1939 г. вопрос о войне с Польшей, Гитлер вплоть до начала октября не мог окончательно определить судьбу польского государства. Определенную роль в этом, по расчетам фашистских стратегов, должна была сыграть позиция советского руководства в отношении будущего Польши. До осени 1939 г. германские дипломаты на переговорах с СССР оперировали в основном понятием «остаточная» Польша («*Reststaat*»), предполагавшим сохранение в какой-то форме польской государственности. При этом нацистское руководство учитывало в «дипломатических играх» буквально малейшие нюансы в ответных «ходах» противоположной стороны. Так, Шуленбург, сообщая в Берлин о речи Сталина 10 марта

⁵ Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. Third Ser. London, 1968. T. IV. Doc. 389, 395, 454.

1939 г. на XVIII съезде партии, подчеркнул, что ирония и критика Сталина значительно острее обращена против Англии, чем против так называемых государств-агрессоров и, особенно, Германии. Важным этапом в зондаже позиций СССР и подготовки «плана Вайс» (нападения на Польшу) явились для фашистской Германии начавшиеся 27 июля переговоры о заключении экономического соглашения с СССР, завершившиеся 19 августа его подписанием. В ходе их посланник К. Шнурре уже 27 июля заявил советскому поверенному в делах Г. Астахову и торгпреду в Берлине Е. Бабарину: «При всем различии нашего мировоззрения в идеологии Германии, Италии и Советского Союза есть одно общее – наше противостояние капиталистическим демократиям. Поэтому мне кажется удивительно парадоксальным, что Советский Союз как социалистическое государство хочет выступить исключительно на стороне западных демократий»⁶. 10 августа Шнурре, выясняя позицию СССР в конфликте Германия–Польша, явно по указанию сверху, посулил «куда более весомые, чем английские» гарантии безопасности Советскому Союзу, заявил «об обеспечении гарантий советских интересов в Польше» и «о возможности советско-германского соглашения на этой основе»⁷. Договор 23 августа в определенной степени предопределил будущую политику нацистов на территории Польши и судьбу польской государственности, хотя в секретном протоколе формулировка этого сюжета и была недостаточно определенной: «Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого польского государства и каковы будут границы этого государства может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития». При этом Сталин, получив равные с Гитлером права решать вопрос об устройстве Польши, не вполне учитывал существенное обстоятельство: стратегические планы нацистского руководства по установлению «нового порядка» предусматривали в ближайшем будущем захват всей территории СССР.

Объявление Великобританией и Францией 3 сентября войны Германии заставило нацистское руководство «подстраховать» договоренность со Сталиным о разделе Польши. В тот же день Риббентроп официально призвал Советский Союз к военному вторжению в Польшу – к занятию своей зоны интересов. Сталин и Молотов заняли выжидательную позицию. 10 сентября в бесе-

⁶ Akten zur deutschen auswärtigen Politik (ADAP). 1918–1945. Ser. D: 1937–1941. Baden-Baden; Göttingen, 1950–1970. Bd. VI. Dok. 729. S. 847.

⁷ Ibid. Bd. VII. Dok. 18. S. 15.

де с Шуленбургом Молотов говорил, что Красной Армии необходимо для подготовки похода на Польшу от двух до трех недель. Ввод советских войск 17 сентября в Польшу значительно уменьшил вероятность создания «остаточного» польского государства. В своей речи в Данциге 19 сентября Гитлер еще раз подтвердил, что «окончательная форма государственности» занятых польских областей зависит в первую очередь от Германии и России. 20 сентября Шуленбург сообщил в Берлин, что Сталин выступил решительно против создания «остаточного» польского государства, предпочел окончательный раздел Польши по линии Писа–Нарев–Висла–Сан и пожелал быстрее окончательного определения и оформления разграничения польских областей⁸. 25 сентября Сталин (в ответ на просьбу Берлина уступить Виленскую область) предложил Германии Люблинское воеводство и восточную часть территории Варшавского воеводства в обмен на Литву, используя в качестве границы р. Буг. Это предложение было реализовано в договоре от 28 сентября. Таким образом, решение вопроса о судьбе «остаточного» польского государства целиком предоставлялось Германии. 6 октября Гитлер заявил, что целью имперского правительства на «новых территориях» является также восстановление польского государства, которое будет гарантировать, что там не возникнет ни очага пожара против Германской империи, ни центра интриг против России и Германии. Однако спустя неделю в Польше была установлена германская гражданская администрация, перечеркнувшая идею «государственности».

И.И. Костюшко (ИСБ). Существует мнение, что Вторая мировая война была порождена межимпериалистическими противоречиями. Вначале она имела империалистический характер; с участием в ней Советского Союза ее характер изменился. Следует квалифицировать как предпосылку войны, быть может важнейшую, противоречие между капиталистической и социалистической системами.

С приходом Гитлера к власти ярко проявились захватнические устремления Германии в отношении как западных держав, так и Советского Союза. Западные державы видели в Германии своего противника, но, несмотря на это, едва ли по недомыслию, так или иначе содействовали ее укреплению (аншлюс Австрии, ликвидация Чехословакии и т.д.), поощряли экспансию на восток. Такая экспансия, по их расчетам, должна была привести к столкновению Германии с СССР, ликвидации социалистической

⁸ Ibid. Bd. VIII. Dok. 104. S. 82.

системы, к возможному ослаблению противника или уменьшению его претензий. С этой целью, хотя ситуация несколько изменилась, они, по существу, пожертвовали и Польшей.

В.М. Кулиш. Складывается впечатление, что мы не боялись войны. Более того, что она нам нужна была с точки зрения разжигания революции в Европе. Идея мировой революции проходит через многие документы Коминтерна.

С.З. Случ (ИНИОН АН СССР). Прежде всего некоторые соображения по поднятым дискуссионным вопросам. Я далек от мысли трактовать происшедшие на Даунинг-стрит перемены в духе концепции «радикального поворота» во внешней политике Великобритании после исчезновения Чехословацкого государства с политической карты Европы. Приоритетным в тот период для британской внешней политики было стремление во что бы то ни стало остаться вне надвигавшейся войны, и при этом как можно дольше (что позволило бы увеличить военную мощь страны для предстоящей схватки с державами фашистского блока). Предоставление «необеспеченных гарантий» Польше (столь очевидное для всего мира), на мой взгляд, серьезный аргумент в пользу версии о стремлении Чемберлена подчеркнуть взаимозависимость политики Варшавы и Лондона, создать состояние неуверенности в Берлине относительно ближайших намерений западных держав, исключить возможность нового польско-германского соглашения и, наконец, переключить германскую агрессию с запада на восток. Однако в 1939 г. Чемберлен, как и Сталин, допустил грубый просчет, игнорируя глубокий смысл предложенной Литвиновым формулы о «неделимости мира» и стремясь обеспечить мир исключительно для Западной Европы. Развитие событий после 31 марта так или иначе свидетельствует о серьезном воздействии этого шага главы британского кабинета вкупе с предшествующей ему позицией польского правительства на внешнеполитические решения Гитлера. В августе 1939 г. последний убедил командование вермахта в реально существующей «связке» Польша–Запад, в которой Варшава, по его мнению, представляла собой слабейшее и, в отличие от западных держав, поддающееся изоляции звено. Действия Чемберлена объективно дали Гитлеру как бы последний толчок для принятия решения о разгроме Польши – повороте агрессии с запада на восток.

Думаю, что утверждения о нарастающей в 1939 г. международной изоляции СССР требуют корректировки. Изоляция СССР достигла своего пика именно в период Мюнхенской конференции, но после марта 1939 г. она вплоть до 23 августа объективно уменьшалась: вряд ли обоснованно говорить о возрастаю-

щей изоляции государства, к переговорам с которым стремятся с самых разных сторон.

Относительно упоминавшегося заявления Н.И. Шаронова в Варшаве и последовавшей затем встрече в Москве В. Гжибовского с В.М. Молотовым. Действительно, Шаронов сделал заявление по поводу того, почему Польша не получает от СССР то сырье и военные материалы, которые 27 августа ей были обещаны К.Е. Ворошиловым. 5 сентября Молотов заявил Гжибовскому, что вмешательство Великобритании и Франции в войну создало совершенно новое положение, исключающее возможность поставки военных материалов в Польшу, сообщил также о прекращении транзита их в Польшу через территорию СССР. Последнее являлось прямым нарушением статьи 2-й советско-польского договора о ненападении 1932 г. Еще более грубым нарушением этого договора явилось разрешение советским руководством использования радиостанции г. Минска в качестве радиомаяка германскими ВВС, выполнявшими боевые задания над территорией Польши.

Естественно, западные страны на переговорах с СССР в 1939 г. не могли пойти на предоставление ему «свободы рук» в Прибалтике, что означало бы гипертрофированное переиздание Мюнхенского договора, не мотивированное даже никакими этническими «зацепками». Но советское руководство в ходе переговоров и не ставило этот вопрос перед западными державами в столь откровенной форме, как это имело место на переговорах с Германией (раздел сфер влияния). Переговоры между СССР и западными державами натолкнулись на такое препятствие, как определение понятия «косвенная агрессия». Для Сталина это был тот самый «троянский конь», с помощью которого он пытался открыть дорогу в Прибалтику, прикрываясь необходимостью обеспечения «государственных задач в районах западных границ» СССР, на что, как известно, Запад не пошел.

В проекте договора о ненападении, представленном советской стороной германским дипломатам 19 августа, содержалась приписка: «Настоящий договор вступает в силу только в случае одновременного подписания специального протокола по внешнеполитическим вопросам, представляющим интерес для высоких договаривающихся сторон»⁹. Это и был тот секретный протокол, существование которого до сих пор отрицается официальными инстанциями в СССР. Попытки некоторых историков противопоставить договор о ненападении от 23 августа догово-

⁹ ADAP. Ser. D. Bd. VII. Dok. 133. S. 126.

ру «О дружбе и границе» от 28 сентября (первый – «хороший», второй – «нехороший») безосновательны и несерьезны. Все основные компоненты самого настоящего сговора между Сталиным и Гитлером содержались уже в договоре от 23 августа, причем не только в секретном приложении, но и в основной части. В тексте договора отсутствовала статья, которая предусматривала бы право денонсировать договор в случае, если бы одна из договаривающихся сторон предприняла агрессию против третьего государства. Подобную статью в возглавляемом М.М. Литвиновым Наркоминделе традиционно считали «неизменной частью всякого пакта о ненападении». Отсутствие ее в договоре от 23 августа автоматически превращало его в соглашение с неограниченным нейтралитетом его участников. В результате Гитлер не только обезопасил Германию с востока от любых неожиданностей вне зависимости от развития международной обстановки, но при этом еще и заручился благожелательным нейтралитетом со стороны СССР, добившись от последнего «свободы рук» в отношении третьих стран (большинства европейских государств), в том числе и в отношении тех, с которыми Советский Союз имел договоренности, исключавшие возможность подобного соглашения с нацистским агрессором. Таким образом, договор от 23 августа не только не ограничивал нацистскую агрессию, но всячески способствовал ее расширению. Наличие секретных приложений к договорам от 23 августа и 28 сентября подтверждается прежде всего конкретной политикой СССР в согласованных с третьим рейхом сферах влияния. Поэтому ставить под сомнение факт четвертого раздела Польши, осуществленного в результате советско-германских договоренностей, означает входить в противоречие с исторической реальностью.

С точки зрения ревнителей стерильности советской внешней политики, Молотов, выступая 31 октября 1939 г. на V внеочередной сессии Верховного Совета СССР, сказал немало «лишнего», в частности по отношению к Польше. По меньшей мере странно было бы утверждать, что заявления председателя СНК не всегда могут рассматриваться в качестве аргумента для оценки политики Советского государства в тот или иной период. Посмотрим, кстати, как освещала политику советского руководства германская сторона. 10 сентября германский посол в Москве Ф. фон Шуленбург доносил в Берлин: «Советское правительство намеревалось воспользоваться дальнейшим продвижением германских войск и заявить, что Польша разваливается на куски и вследствие этого Советский Союз должен прийти на помощь украинцам и

белорусам, которым “угрожает” Германия»¹⁰. Однако под давлением германской стороны первоначальный текст ноты был изменен. 17 сентября Шуленбург так описывал заключительный этап согласований: «Сталин в присутствии Молотова и Ворошилова принял меня в 2 часа ночи и заявил, что Красная Армия пересечет советскую границу в 6 часов утра на всем протяжении от Плоцка до Каменец-Подольска... Сталин зачитал мне ноту, которая будет вручена уже этой ночью польскому послу и конец которой в течение дня будет разослан всем миссиям, а затем опубликован... Зачитанный мне проект содержал три пункта для нас неприемлемых. В ответ на мои возражения Сталин с предельной готовностью изменил текст так, что теперь нота вполне нас удовлетворяет»¹¹. Из ноты «выпало» всякое упоминание о германской угрозе украинцам и белорусам, проживающим на территории Польши; она как бы подразумевалась, вытекая из содержания этого документа. Однако опубликованное спустя два дня в «Правде» германо-советское коммюнике уже по иному высвечивало уровень сотрудничества между двумя государствами: «Во избежание всякого рода необоснованных слухов насчет задач советских и германских войск, действующих в Польше, правительство СССР и правительство Германии заявляют, что действия этих войск не преследуют какой-либо цели, идущей вразрез интересов Германии или Советского Союза и противоречащей духу и букве пакта о ненападении, заключенного между Германией и СССР. Задача этих войск, наоборот, состоит в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенные распадом польского государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования». Таким образом, на одну доску недвусмысленно поставлены действия вермахта и Красной Армии на территории Польши. В совместном протоколе, принятом по итогам состоявшихся в Москве 20 сентября секретных военных переговоров между советскими и германскими представителями, подтверждалась необходимость координации действий вооруженных сил обоих государств при занятии ими согласованных ранее сфер влияния на территории Польши. Вермахт брал на себя обязательство принять «необходимые меры» для воспрепятствования «возможных провокаций и актов саботажа со стороны польских банд и тому подобных» в передаваемых Красной Армией городах и деревнях. Командование Красной Армии обязывалось в случае необходимости выделить «силы

¹⁰ ADAP. Ser. D. Bd. VIII. Dok. 46. S. 35.

¹¹ Ibid. Dok. 80. S. 62.

для уничтожения частей польских войск или банд» на направлениях отвода германских войск в оккупируемую ими зону. Этот документ с советской стороны подписали нарком обороны Ворошилов и начальник Генштаба Б.М. Шапошников¹². Своего рода апогеем военного сотрудничества советских и германских войск в период польской кампании явился их совместный парад в Брест-Литовске 22 сентября 1939 г., который с германской стороны принимал генерал Гудериан, а с советской – комбриг Кривошеин.

Поскольку речь идет о сталинском руководстве, то альтернативы советско-германскому договору о ненападении не было. Объективно же, исходя из национально-государственных интересов Советского Союза, альтернатива была. Причем она могла быть связана как с достижением соглашения с западными державами, так и с сохранением «свободы рук» до определенного периода (этот вариант практически никогда не рассматривается). Научная разработка альтернативного развития советской внешней политики в 1939–1940 гг. позволила бы четко разграничить национально-государственные интересы СССР и интересы сталинского руководства.

Л.Я. Гибианский (ИСБ). Остановлюсь на некоторых поднятых здесь вопросах. Первое. Мне кажется, категория «вины», употребляемая А.И. Недорезовым для характеристики позиций тех или иных стран, в частности западных держав или Польши, вряд ли плодотворна с точки зрения понимания причинно-следственных связей исторического процесса, реальных интересов, лежавших в основе внешней политики. Ведь если идти по цепочке «кто в чем виноват», то ретроспективно она границ не имеет. Допустим, как выяснить «вину» в советско-польских отношениях, где были и поход на Варшаву в 1920 г., и на Киев в 1919 г., а корни неотделимы от всей предшествовавшей истории русско-польских отношений? Идти по этому пути – значит, по-моему, опять сбиваться на пропаганду, которая много лет подменяла историю.

Второе – о тезисе И.И. Костюшко, что все определяло противостояние двух систем. Но ведь это самая общая постановка. А каково ее конкретное преломление в истории? Двух систем – значит двух политик? Но тогда давайте зададим вопрос: а была ли на протяжении всего периода между двумя мировыми войнами внешняя политика одной системы, т.е. Советского государства, всегда одной и той же? Или на разных этапах это были разные политики, с разными целями? Разве можно целиком оторвать

¹² Цит. по: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1983. Bd. 4. S. 84.

внешнюю политику от тех процессов социальной дезориентации, деформации социализма, которые имели место внутри страны? Необходимо ведь поставить вопрос о том, чьи интересы выражала внешняя политика СССР в конце 30-х годов. Социалистической системы, социалистического государства? Или правящей группы, которая олицетворяла собой это государство, но действовала вразрез с идеалами социализма? Без ответа на эти вопросы тезис о противоречиях между двумя системами лишается реального социального наполнения, превращается в абстракцию.

Третье – по вопросу об «Антикоминтерновском пакте» могу сказать: те, кто с советской стороны подписывал договор 23 августа, видимо, рассчитывали, помимо прочего, таким образом разбить пакт. 25 и 26 августа возник правительственный кризис в Японии, и кабинет ушел в отставку, поскольку японское правительство заявило Германии протест против заключения ею договора с СССР. Дальнейшее развитие событий показало, что если были расчеты на развал пакта, они оказались неосновательны.

Наконец, об основном. Здесь уже говорилось о выступлении Сталина на XVIII съезде партии, где содержалась довольно хитрая формула, представлявшая собой, по сути, сигнал немцам о готовности к возможному изменению враждебных до того времени отношений с Германией. В дальнейшем последовала, хотя и постепенно развертывавшаяся, в сущности, классическая «игра на двух столах»: с одной стороны – то прерываемые, то возобновляемые переговоры с Великобританией и Францией, с другой – с Германией, носившие поначалу как бы экономический характер. По своей сути – это классическая политика буржуазной дипломатии, обслуживавшая интересы того правящего слоя, который выступал от имени социалистического государства. На IV внеочередной сессии Верховного Совета СССР 31 августа 1939 г. Молотов отдал должное обеим сторонам: и гениальному Сталину, осуществившему такой замечательный ход на XVIII съезде партии, и сообразительному немецкому руководству, должным образом оценившему этот шаг. Конечный результат – договор от 23 августа, ратификация которого производится как раз накануне 1 сентября. В своем сообщении от правительства СССР 31 августа Молотов говорил: «Различие в мировоззрениях и в политических системах не должно и не может быть препятствием для установления хороших политических отношений между обоими государствами, как подобное же различие не препятствует хорошим политическим отношениям СССР с другими несоветскими, капиталистическими странами. Только враги Германии и СССР могут стремиться к созданию и

раздуванию вражды между народами этих стран. Мы стояли и стоим за дружбу народов СССР и Германии, за развитие и расцвет дружбы между народами Советского Союза и германским народом. (Бурные продолжительные аплодисменты.)»¹³ Таким образом, в речи при ратификации договора глава правительства и народный комиссар иностранных дел провозглашает положение о «дружбе» народов СССР и народа Германии, в которой правит возглавляемая Гитлером национал-социалистическая партия. Так закладывается перспектива договора «О дружбе и границе» между СССР и Германией от 28 сентября 1939 г. В конце своего выступления Молотов заявил, что в результате договора «поле возможных военных столкновений в Европе суживается. Если даже не удастся избежать военных столкновений в Европе, масштаб этих военных действий будет ограничен. Недовольными таким положением дел могут быть только поджигатели всеобщей войны в Европе, те, кто под маской миролюбия хотят зажечь всеевропейский военный пожар»¹⁴. Это говорится в адрес противостоящей Германии англо-французской коалиции и этим определяется полная солидарность с тем, что произойдет на следующий день, фактически провозглашается альянс между Советским Союзом и Германией.

В.Г. Сироткин (Дипломатическая академия МИД СССР). Рекомендую посмотреть документальный фильм В.В. Познера «Свидетель», запечатлевший беседу с переводчиком Молотова в ноябре 1940 г. в Берлине В. Бережковым. В этом фильме, в частности, говорится и о таком факте: в обмен на присоединение СССР к «Антикоминтерновскому пакту» Сталину предлагалось объявить войну «плутократам» (Великобритании, Франции, США) и за это, в дополнение к Западной Украине, Западной Белоруссии, Прибалтике и Бессарабии, получить военно-морские базы в Черноморском проливе, в Персидском заливе, «сферу влияния» в Индии и т.д. И Молотов согласился, но Гитлер, подчинив к началу 1941 г. всю Европу, передумал.

Здесь важен принцип подхода к «белым (темным) пятнам» нашей истории. Во внутренней политике – сегодня полный разрыв со сталинизмом. А во внешней – по-прежнему континуитет, от мирного сосуществования Ленина к «За Родину! За Сталина!» в 1934–1941 гг. Отсюда попытки обелить внешнюю политику Сталина в 1938 – мае 1941 гг. Не лучше ли, как и во внутренней политике, раз и навсегда отмежеваться от Сталина и в политике

¹³ Известия. 1939. 1.09. С. 1.

¹⁴ Там же.

внешней, что уже и сделали дипломаты¹⁵, а вот наши идеологи и некоторые ученые все еще стоят на позициях 40-летней давности, по сути перепевая имперский лозунг справки «Фальсификаторы истории»: «Права или не права, но это моя страна!» Полагаю, что дискуссия о соглашениях 1939 г. между Сталиным и Гитлером должна вестись не по тупиковому пути – найдем или не найдем оригинал документа, а по пути анализа причин и условий, в которых стал возможен беспрецедентный сговор Сталина с Гитлером.

Многое здесь помогут понять опубликованные документы Коминтерна (а их и сегодня историки игнорируют, ибо это – «не внешняя политика СССР»). С 1927 г. Сталин начал нагнетать синдром военного нападения на СССР как психологическую установку для ликвидации нэпа, укрепления власти аппаратчиков и своей лично. VI конгресс Коминтерна в 1928 г. выдвинул тезис о новом туре войн и мировых пролетарских революций, о «двойном» капиталистическом окружении – внешнем и внутреннем (вредители, кулаки, спецы). X пленум ИККИ (доклад Молотова, 1929 г.) объявил правых и левых социал-демократов социал-фашистами и предложил считать экономический кризис 1929–1933 гг. началом «второй мировой революции». Но сначала надо было довершить эту «вторую революцию» в СССР – ликвидировать кулака как класс (а под видом этого и наиболее трудоспособную часть крестьянства), разгромить нэповскую беспартийную интеллигенцию и т.д., что и было сделано.

XI пленум ИККИ (1931) уже назначил «срок» военного нападения – нет, не Германии, а... Франции и Великобритании на СССР, причем основанием для этого утверждения (доклад М. Кашена) послужили судебные протоколы по делу «Промпартии» в 1930 г.: подсудимые были якобы связаны с французским Генеральным штабом. Как известно из недавней публикации в журнале «Огонек», «Промпартия» была выдумана профессором Л.К. Рамзиным в результате его сговора с ОГПУ и лично Сталиным.

Тем не менее утверждения о скором нападении Франции и Великобритании в 1931 г. на СССР из протоколов процесса «Промпартии» кочуют вот уже более 50 лет из одного нашего учебника по внешней политике в другой¹⁶.

¹⁵ См.: доклад Э.А. Шеварднадзе на научно-практической конференции МИД СССР в июле 1988 г. // Международная жизнь. 1988. № 9.

¹⁶ См.: История внешней политики СССР / Под ред. А.А. Громыко и Б.Н. Пономарева. Изд. 5-е, перераб. и доп. М., 1986. Т. I. С. 255.

«Правда» в недавней статье к 70-летию Коминтерна в марте 1989 г. (И.Ф. Фирсов и др.) сообщила, что Г.В. Чичерин еще в 1929 г. призывал Сталина не путать интересы его борьбы в партии за власть с реальной международной обстановкой, а мы ищем «оригиналы» документов о нападении Франции и Великобритании.

Уверен, что Сталин ничего не понимал ни в дипломатии, ни в международных делах, но ловко использовал синдром «осажденной крепости» для борьбы за власть и весьма в этом преуспел. Вместе с Коминтерном сталинисты проморгали приход фашистов к власти, а когда Гитлер растоптал Версальский договор, тут уж было не до жиру – возобладал принцип: «спасайся, кто может и как может!» Запад спасался при помощи Мюнхена № 1 (1938), Сталин – Мюнхена № 2 (1939), и обе стороны проиграли: Гитлер обманул и Чемберлена с Даладье и Сталина.

Нельзя во имя ложно понятого государственного престижа обелять Сталина: надо раз и навсегда от него и от его внешней политики отмежеваться, как сделали ГДР и ФРГ в отношении внешней политики Гитлера. Давно пора отделить Сталина и его группу от всей остальной страны. Думаю, что следует восстановить и оценки так называемых троцкистов (Х.Г. Раковский, В. Косиор, Н. Муралов и др.) 1929 г., когда они из ссылки направили в президиум XI съезда партии (1930)* декларацию, где квалифицировали внутреннюю и внешнюю политику сталинской группы как головотяпскую, безграмотную и абсолютно некомпетентную.

А.И. Пушкаш (ИСБ). Прежде всего остановлюсь на выступлении Сталина на XVIII съезде партии по вопросу о Закарпатской Украине. Действительно, такое представление в дипломатии Советского Союза присутствовало примерно с осени 1938 г. Прочитую запись беседы венгерского посланника в Москве М. Юнгера-Арноти с Потемкиным: «Что касается Закарпатья, то Потемкин знает, что Гитлер против присоединения этой территории к Венгрии, ибо он хочет создать там нацистский центр в интересах своих восточных планов, в частности против Польши. Он хочет будоражить соседних Закарпатья галицких украинцев, чтобы было легче осуществить свои планы в отношении требований к Польше»¹⁷. Известно, что в январе 1939 г. этот вопрос для Гитлера был решен: Закарпатскую Украину он пообещал Венгрии за совместные с Германией действия.

* В 1930 г. состоялся XVI съезд ВКП(б). – *Здесь и далее примеч. ред.-сост.*
¹⁷ Orszgos Levantar. FT. N 36202.

Небольшой штрих к сюжету о договоре 23 августа. 9 сентября Риббентроп позвонил на квартиру министра иностранных дел Венгрии К. Кани (отдыхавшего в Германии в июле – августе 1939 г.) и поинтересовался отношением венгерского правительства к его просьбе. Как выяснилось позже, просьба заключалась в следующем: Венгрия должна была разрешить пропуск немецких войск через территорию Закарпатской Украины в Восточную Галицию для удара в тыл отступающим польским войскам. Однако решение Коронного совета, созданного Хорти, было не в пользу Германии. Необходимо пояснить, что Хорти был в хороших отношениях с поляками и 30 августа даже информировал польского посланника в Будапеште о предстоящем нападении Германии, он обещал также, что Венгрия не предпримет со своей стороны в отношении Польши никаких предосудительных шагов. Более того, 10 сентября Венгрия уже принимала польских беженцев именно через те перевалы, прохода через которые требовала для себя Германия. В связи с этим, мне кажется, что вопрос о развитии отношений между Советским Союзом и Германией между 1 и 17 сентября требует более тщательного и углубленного изучения. Возможно, тогда мы узнаем и причины, побудившие Германию спешить с захватом упомянутой территории.

Н.Д. Смирнова. На мой взгляд, неверно утверждение, что политика Великобритании в отношении Италии в 1939 г. была направлена на то, чтобы вытащить Италию из «оси». Как оправдание политики соглашательства этот тезис выдвигался. На самом деле никакой отрыв после 1936 г. был невозможен. Эфиопия, испанская война и заключение «оси» Берлин – Рим сделали процесс необратимым. Тогда же произошла сдача позиций в связи с аншлюсом. Итальянцы же пытались спекулировать на этом. Заигрывание с западом использовалось в качестве давления на Германию. Муссолини и Чиано опасались, что в определенной ситуации Германия может предпочесть Италии Великобританию. Кроме того, у итальянских политиков наблюдался своеобразный комплекс неполноценности, а отсюда стремление – доказать своему более сильному и удачливому сопернику, что и они что-то значат.

В 1939 г. все, кроме Гитлера, стремились повторить Мюнхен. Такой вариант не исключался. Но вот что сказал Гитлер о своих планах, выступая 22 августа перед руководством вермахта: «Решение сначала выступить против Запада, а только потом против Востока было принято еще весной* (...) Я боюсь

* Неточное цитирование. Следует читать: «Я принял решение (о войне с Польшей) еще весной, но считал, что сначала мне в ближайшие годы придется выступить против Запада, а уже потом только – против Востока.

лишь того, что в последний момент какая-нибудь свинья подсунет мне свое предложение о посредничестве»¹⁸. Такой персонаж возник: им оказался Муссолини, который повел переговоры с англичанами ради нового Мюнхена. 1 сентября, как известно, началась война.

В.К. Волков. Я не разделяю мнение о том, что советско-германский договор от 23 августа был «Мюнхен № 2». Эти явления очень разные, хотя причинно-следственная связь между ними присутствует: без Мюнхена не могло быть пакта с Германией. Говоря о договоре, важно разобраться в следующем: во-первых, вскрыть причины, которые побудили к такому широкомасштабному маневру, завершившемуся заключением договора; во-вторых, в самой форме этого соглашения и последующем его воплощении в жизнь. В генезисе советско-германского договора сплелись и внутрисполитические, и внешнеполитические причины. Из внутрисполитических причин следует назвать в первую очередь складывание командно-административной системы, которая деформировала социалистический строй и оказала огромное влияние на внешнюю политику Советского Союза. В период становления единовластия Сталина внешняя политика окончательно превратилась в домен очень узкой группы политических деятелей – группы, у которой имелись также и свои собственные интересы, не остававшиеся к тому же неизменными. Это, по-видимому, самая сложная для изучения проблема, которую мы сегодня в силу объективных причин только обозначаем. В-третьих, эксцессы, которые произошли в Советском Союзе (методы коллективизации, массовый террор – от первых показательных процессов до безумных репрессий 1937–1938 гг.), привели к резкому падению международного престижа СССР, подрыву веры в его политическую стабильность и военную силу, нараставшей в конце 30-х годов его международной изоляции. Эта изоляция стала заметной в период гражданской войны в Испании. Для Советского Союза, принявшего активное участие в связанных с нею событиях, она обернулась размыванием его международных позиций, в частности – выхолащиванием союзных договоров с Францией и Чехословакией. Этот региональный конфликт внес свою лепту в складывание «политики невмешательства». Что я имею в виду под конкретными проявлениями изоляции СССР? В период Мюнхена она стала очевидной. И хотя с СССР другие страны поддерживали диплома-

¹⁸ Цит. по: *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973. Т. I. С. 138, 140.

тические отношения и вели переговоры, последние не дали результатов. Есть такое понятие, как «союзоспособность», введенное в практику исследовательской работы теорией международных отношений. Этот термин обозначает привлекательность той или иной страны в качестве союзника для других государств, их готовность вступать с нею в договорные отношения, что отражает их доверие к ее внешнеполитическим целям, готовность связать с ее судьбой свою собственную судьбу и безопасность. По всем этим параметрам союзоспособность нашей страны к концу 30-х годов была близка к нулю. И это сказалось в период предвоенного политического кризиса в Европе. Переговоры с СССР были для западных держав средством перестраховки, преследовали цель сорвать возможность советско-германского сближения.

Теоретически возможность такого сближения всегда учитывалась в правящих кругах Запада. Обсуждалась она и руководством стран Центральной и Юго-Восточной Европы (в частности, весной 1939 г. лугецкой дипломатией в ходе контактов с Польшей). Однако в возможность такого поворота летом 1939 г. мало верили. Доминирующим было нежелание идти на сотрудничество с СССР, что особенно ярко проявлялось в позиции Польши и Румынии. Советская сторона отдавала себе отчет в сложившейся ситуации, хотя и по-своему трактовала ее причины. У Сталина все более росло убеждение, что эти переговоры велись западными державами только для того, чтобы связать руки советской дипломатии и лишить ее возможности маневра. К тому же реальная оценка возможностей СССР должна была привести его к выводу, что страна не готова к большой войне. Поиски выхода из создавшегося положения приводили к выводу, что возможность даже плохого сближения с Германией сулила гораздо больше, чем перспектива сотрудничества с западными державами. Отсюда рождались идеи альтернативного курса: любое соглашение с Германией сразу выводило страну на позиции нейтралитета в условиях нараставшей возможности военного столкновения между западными державами и Германией. Предполагалось, что это будет длительный конфликт. Поэтому, когда мы говорим о возможности большого политического маневра, то, принимая во внимание состояние наших внутренних дел, особенности сталинской политической элиты и образ ее мышления, необходимо признать, что никакой другой реальной альтернативы для Советского Союза не было.

Каковы же были формы реализации такой альтернативы? Прежде всего надо учитывать исключительно высокую степень

информированности Сталина и его ближайшего окружения. Поступавшая достоверная информация говорила о нежелании западных держав идти на сотрудничество с СССР, о готовности гитлеровцев к столкновению с западными державами и подготовке агрессии против Польши. Огромную роль играли страхи оказаться перед лицом нового сговора западных держав и фашистских государств («новый Мюнхен» за счет Польши).

Первые зондажи в отношениях между СССР и Германией начались весной 1939 г., шли они параллельно переговорам СССР с западными державами. Контактам с СССР германская сторона довольно быстро придала форму циничного торга. Особенно отличался в этом плане германский дипломат Шнурре, о позиции которого уже говорилось.

Характерная деталь: чем больше западные державы становились в позицию противостояния Германии, тем больше ослабевала готовность Советского Союза идти на соглашение с ними. Такая тенденция подогревалась и кунктаторской тактикой английской и французской дипломатии. Реальный сдвиг в контактах с СССР произошел где-то на рубеже июня – июля 1939 г.

Другая характерная особенность того времени: каждая из трех заинтересованных сторон была достаточно полно и достоверно информирована о состоянии дел на двух других сторонах треугольника. Так, о советско-германских переговорах английская разведслужба знала вполне достаточно уже в середине июля 1939 г.¹⁹

Но было и другое: цейтнот, в обстановке которого оформлялось советско-германское соглашение. Оно носило на себе неизгладимые черты импровизации, усугублявшейся тем, что соглашение готовилось с советской стороны людьми, которые не были профессионалами в области внешней политики. Отсюда масса грубых ошибок и просто противоправных формулировок вследствие их незнакомства с нормами международного права. И хотя многие документы о действиях советской стороны отсутствуют, уже сейчас ясно, что подготовка заключения советско-германского пакта велась очень узкой группой лиц. Помимо Сталина и Молотова прослеживается участие Ворошилова и, может быть, Буденного. Многие детали его подготовки вообще не документированы, а причастные к нему лица (например, Астахов и Мерекалов) вскоре были репрессированы.

¹⁹ См. мемуары руководителя чехословацкой разведки в эмиграции генерала Ф. Моравца (*Moravec F. Špion, jemuž nevěřili: Mater of Spies. Toronto (Ont.), 1977*).

Окончательное решение о заключении пакта с Германией, судя по имеющимся данным, было принято буквально в последний момент, а именно 19 августа 1939 г. Все последующие шаги делались в спешке: ряд косвенных данных свидетельствует, что многие предпринимаемые действия совершались без достаточной проработки, без серьезного взвешивания ожидаемых выгод и вероятных издержек. В самый последний момент, уже в ходе выработки текста документов и при их подписании (если судить по опубликованным германским материалам) наблюдалась эскалация ожиданий, причем в степени, близкой к утрате чувства реальности. Это «головокружение от успехов» еще более усилилось после заключения договора «О дружбе и границе» от 28 сентября 1939 г.

Последнее обстоятельство позволяет высказать сомнение в появившихся в нашей публицистике утверждениях, что договор о ненападении от 23 августа 1939 г. и договор «О дружбе и границе» от 28 сентября 1939 г. представляют собой единое целое, один «пакет» договорных обязательств. Несмотря на их хронологическую близость и даже переключку в содержании их секретных протоколов, между ними лежит целая эпоха, а заодно – решительная смена вех во внешнеполитическом мышлении и концепциях сталинского руководства.

Секретные дополнительные протоколы к пакту от 23 августа 1939 г. (хотя они и не обнаружены в советских архивах, у нас нет оснований считать их фальсификатом) носят на себе следы спешки и непродуманности в определении «зон интересов». За очевидными огрехами (что частично было следствием низкой компетентности лиц, ответственных за выработку принимавшихся решений) скрывался не только импровизационный характер выработанных формул, но и значительная доля неясности относительно форм и методов осуществления достигнутых соглашений, неуверенность в развитии событий в ближайший период, в частности в позиции западных держав, а также недоверие к истинным намерениям Германии.

Напротив, к 28 сентября многие неизвестные величины были уже определены. За фактом частичного изменения «зоны интересов» (в германскую сферу отходили часто польские области западнее линии Керзона, хотя последняя и не была упомянута, а в советскую – Литва, так что отныне она охватывала всю Прибалтику) скрывалось завершение первого этапа выработки новой внешнеполитической концепции. Она исходила из стремления не иметь внутри страны «польского вопроса», а также установить стратегический контроль над Прибалтикой, исключить здесь

германское влияние. Характерно, что такое разграничение совпадало с границами России накануне Первой мировой войны.

Заключение договора 28 сентября 1939 г. сопровождалось другими договоренностями. В секретных протоколах, приложенных к нему, говорилось, в частности, что ни одна из сторон не допустит на своей территории польской агитации, направленной против территории второй стороны.

В промежутке между двумя договорами лежали такие громадные события, как германское нападение на Польшу и объявление западными державами войны Германии, т.е. начало Второй мировой войны, а также вступление Красной Армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. Обозначилась новая расстановка сил на мировой арене, при которой резко возросла враждебность западных держав к СССР, но одновременно была снята напряженность в отношениях между СССР и Германией. Анализ событий убеждает в том, что сталинское руководство восприняло происшедшие перемены однобоко, не заметило их преходящего характера, перенесло положения договора о ненападении на сферу идеологии (антифашистская пропаганда на два года сошла с повестки дня), а руководство Коминтерна, расценив войну как империалистическую с обеих сторон (т.е. уравнивая западные державы с гитлеровской Германией), сосредоточило пропагандистские усилия на разоблачении политики Великобритании и Франции, на которых стала возлагаться ответственность за продолжение войны вследствие их отказа заключить мир с Германией.

В послесловии к материалам встречи с представителями польской интеллигенции в Варшаве 14 июля 1988 г. М.С. Горбачев расценил договор от 23 августа 1939 г. как «неизбежный», но в то же время резко осудил договор от 28 сентября 1939 г. Последний, вместе с заявлениями Молотова, связанными с этим договором, был охарактеризован как «политическая ошибка с тяжелыми последствиями» для СССР и для других стран, а также для коммунистического движения, как «прямое и вызывающее отступление от ленинизма, попрание ленинских принципов».

Мне кажется, что такая трактовка оправдана. В основе ее лежат, на мой взгляд, разграничение необходимости крупного внешнеполитического маневра и попытки остаться в стороне от конфликта, от конкретных форм и методов, которые были применены в практических шагах сталинского руководства. И дело не в существовании секретных протоколов к заключенным договорам (без разграничения «зон интересов» пакт о ненападении, например, терял всякий смысл и был бы непригоден как реаль-

ный инструмент внешней политики). На практике политика Сталина вышла далеко за рамки, очерченные этими договорами. Следует учитывать, что Советский Союз разбил ту экономическую блокаду, которая была организована западными державами вокруг Германии. Было положено начало сотрудничеству между службами безопасности обоих государств. Дело дошло до чудовищных фактов: выдачи в руки гестапо немецких антифашистов и коммунистов, арестованных в годы сталинского террора.

Неоднозначный подход к советско-германскому договору о ненападении проявился со стороны балканских государств. На практике только они реально ощутили такое его последствие, как колебания в отношениях между фашистскими Италией и Германией, временное ослабление для них угрозы со стороны Италии, агрессивности которой особенно опасались тогда Югославия и Греция, а также Турция. Это сказалось и на характере их нейтралитета, о котором они заявили после начала войны. Пожалуй, только одна румынская дипломатия расценила договор однозначно – как полное обесценивание гарантий, которые страна получила от Великобритании и Франции. В целом балканские страны подходили к нему с той точки зрения, что он облегчал их задачу остаться в стороне от начавшегося мирового конфликта. Их позиция прослеживалась в контактах балканских дипломатов с советскими. В частности, советский посол в Лондоне И.М. Майский подробно обсудил связанные с договором проблемы с югославским поверенным в делах В. Милановичем. Уже в начале сентября 1939 г. Майский развивал ту аргументацию, которая впоследствии легла в историческую справку «Фальсификаторы истории». Не поступившись против истины, он заверил югославского собеседника, что никакого дележа сфер влияния на Балканах (о чем тогда писала западная пресса) между СССР и Германией не было. Такая информация имела значительную ценность для ориентации югославского правительства.

В Болгарии большинство политических течений (кроме крайних антисоветских сил) весьма позитивно откликнулись на заключение пакта. Его политическое воздействие выразилось в заметном падении британского, а равно и французского влияния на болгарскую политику. По этому поводу имеется свидетельство посла Великобритании в Софии Дж. Ренделя, болезненно реагировавшего на это обстоятельство.

Особого рассмотрения заслуживает позиция Турции. Известно, что Советский Союз еще в мае 1939 г. дал согласие на заключение англо-франко-турецкого политического договора. В сентябре, накануне заключения этого договора, министр иностранных

дел Турции Ш. Сараджоглу приехал в Москву. 26 сентября 1939 г. состоялась его первая встреча с Молотовым. Но в связи с приездом Риббентропа в Москву их переговоры прервались на два дня. Когда они возобновились 30 сентября, в них участвовал лично Сталин. Он предложил турецкому министру заключить широкий политический договор, который в условиях существования пакта о ненападении с Германией становился известной альтернативой англо-франко-турецкому договору. Сталин предложил также заключить новую конвенцию о режиме проливов (хотя бы на время войны), что было сразу же отклонено турецким министром. Трудно сказать, рассчитывала ли советская сторона на принятие таких предложений Турцией или, может быть, это было формой зондажа турецких намерений. В пользу последнего предположения говорит тот факт, что советская сторона в соответствии со сложившейся ранее практикой советско-турецких отношений высказала одновременно пожелание: если Турция будет заключать англо-франко-турецкий договор, то она должна сделать так называемую советскую оговорку, смысл которой сводился к тому, что этот договор не вступает в силу, если он может привести к столкновению Турции с Советским Союзом.

С временной дистанции в 50 лет советская позиция представляется чрезмерно усложненной, временами нелогичной и рассчитанной на достижение нестыкующихся целей. Только этим можно объяснить, например, тот факт, что Советский Союз в свое предложение о союзе с Турцией включал так называемую германскую оговорку. Дело заключалось в том, что переговоры Советского Союза с Турцией привлекли особое внимание германской дипломатии, и Риббентроп во время пребывания в Москве в конце сентября 1939 г. поднимал этот вопрос в беседах с Молотовым и Сталиным. Поэтому Советский Союз и занял такую несколько своеобразную позицию. Дипломатическая игра сводилась к тому, что СССР не собирался выполнять роли «загонщика» Турции в германские воды. Советско-турецкие переговоры, протянувшись несколько недель, закончились ничем. Но Советский Союз дал согласие на заключение англо-франко-турецкого договора, который и был подписан 19 октября 1939 г. В целом такая игра не принесла какой-либо пользы советской дипломатии. Начавшийся же в конце ноября 1939 г. советско-финский конфликт нанес серьезный ущерб советским позициям на Балканах.

В.М. Кулиш. Когда историк оценивает решение, принятое тем или иным правительством, руководителем страны, он зачастую не имеет достаточно четкого представления о восприятии этим лицом или группой лиц действительного положения дел.

Еще в марте 1924 г. М.В. Фрунзе говорил, что нашим главным аргументом, определяющим наши дипломатические успехи, является Красная Армия. В начале 30-х годов Сталин, Ворошилов и другие руководители страны были уверены, что мы сильны в военном отношении. После репрессий 1937–1938 гг. Ворошилов заявил, что «репрессировав, уничтожив этих мерзавцев, мы укрепили нашу оборону. Мы отсрочили возможность войны, предупредили ее»²⁰. И эта уверенность была у нашего руководства до войны с Финляндией. Только после нее Сталин увидел нашу слабость. Но ее увидел и Гитлер и использовал, чтобы скорее напасть на нас. После падения Франции Сталин был в шоке. Почувствовав, насколько мы слабы, он просто лебезил перед Гитлером, чтобы не спровоцировать его нападение. Об этом определенно высказывался Василевский, говорит в мемуарах Жуков. Этот момент при оценке возможностей нашей внешней политики мы обязаны в должной степени учитывать.

Г.М. Славин (ИСБ). Следует сказать и о том, как отнеслись к договору от 23 августа компартия Югославии (КПЮ) и ее руководство. Подобно другим партиям, входившим в Коминтерн, КПЮ одобрила этот шаг Советского правительства. На этот счет есть свидетельство генерального секретаря ЦК КПЮ И.Б. Тито, прибывшего из Франции в СССР 2 сентября 1939 г. В Коминтерне Тито получил задание от члена Секретариата ИККИ В. Пика написать отчет о политическом положении в стране, о деятельности КПЮ и ее задачах в новой ситуации, возникшей в связи с началом Второй мировой войны. Как позднее утверждал Тито, положение было деликатным, щекотливым, поскольку возникал вопрос и о политике Коминтерна в Югославии с учетом заключенного СССР договора с Германией. С одной стороны, речь шла о развязывании новой войны, с другой – о наличии договора между социалистическим и фашистским государствами. По словам Тито, это у многих вызвало замешательство. Он сообщает, что тогда секретарь Президиума ИККИ Д.З. Мануильский собрал группу представителей компартий и дал им задание – каждому написать для своей страны воззвание с учетом сложившейся обстановки, определить в нем главные направления деятельности партии. В марте 1977 г. Тито отмечал в лекции для слушателей Политической школы в Кумровце, что для него принципы решения поставленной Мануильским задачи были тогда достаточно ясными. Он считал, что Гитлер с помощью договора хотел нейтрализовать СССР на время предстоявшего завое-

²⁰ Архив Генерального штаба. Оп. 796. Д. 74. Л. 497.

вания Европы, Советский Союз надеялся обеспечить себе мир на длительный период. Тито полагал, что все это не должно существенно повлиять на политику компартий и исходил, по его словам, из того, что фашизм продолжал представлять главную опасность для прогрессивного человечества.

Когда на следующий день представители компартий пришли к Мануильскому, то оказалось, что лишь у одного Тито был готов текст воззвания (другие набросали тезисы или ничего не написали): никто не знал, как сформулировать текст, касающийся заключения советско-германского договора. Мануильский одобрил подготовленное Тито воззвание. Тито считал, что коммунисты не должны сейчас упоминать в своих воззваниях СССР. Этим говорил и Мануильский, подчеркивая: пишите об опасности для вашего народа и ведите подготовку на случай фашистского нападения; вы должны вести борьбу, а не заниматься теперь тем, что предпринял Советский Союз; договор является делом политики и тактики.

Сообщая обо всем этом своим слушателям, Тито особо отмечал, что тогда в Коминтерне не требовалось, чтобы все партии неукоснительно проводили политику, учитывавшую договор между СССР и Германией. По словам Тито, для него это являлось наилучшим показателем того, что у Советского Союза были причины заключить такой договор, чтобы на длительное время отодвинуть грозившую ему опасность. Однако, отмечал Тито, позднее выяснилось, что это было иллюзией.

Руководство КПЮ в первые месяцы войны оценивало ее как империалистическую с обеих сторон. Политика КПЮ была направлена на то, чтобы не допустить присоединения Югославии ни к одному из блоков воюющих держав. Партия призывала трудящихся города и деревни, все народы Югославии добиваться установления дипломатических отношений с СССР, подчеркивала, что только союз с ним и опора на него могут обеспечить Югославии мир.

Ю.С. Новопашин (ИСБ). Определяя стержневое противоречие советской внешней политики последних предвоенных лет, В.К. Волков сказал, что государственные интересы СССР требовали остаться в стороне от конфликта, в то время как Коминтерн стоял на позиции борьбы против фашизма, т.е. выражал несколько другой интерес. Думаю, что здесь в наши рассуждения вкрадывается не только терминологическая, но и смысловая неточность. Национально-государственные интересы СССР, как и любой другой страны, – это по своему содержанию совокупность направленных в сферу межгосударственных отношений потребно-

стей развития; это обусловленное всей данной совокупностью потребностей Советского Союза объективное отношение правящего рабочего класса к соответствующим международным условиям жизнедеятельности социалистического государства и всего общества. Национально-государственные интересы представляют собой весьма сложный комплекс интересов: интернациональных и национально-специфических, политических и экономических, долговременных и текущих, общенародных и групповых, в том числе элитарных, и т.д. Разумеется, если налицо узурпация классового господства партийно-государственным аппаратом, а в предвоенном Советском Союзе так оно, несомненно, и было, то вся иерархия интересов на общегосударственном уровне смещается в сторону резкого повышения удельного веса элитарно-групповых интересов правящего слоя парт- и госаппаратчиков в ущерб общенародным, подлинно национальным интересам. Таким образом, национально-государственные интересы предвоенного Советского Союза – это не та же самая категория, что интересы бесконтрольно правившей в то время в нашей стране сталинской группы большевистских перерожденцев и узурпаторов воли партийных масс, рабочего класса и всех трудящихся, воли многочисленных наций и народностей СССР, их суверенных прав. Не считаю, что действительные национально-государственные интересы Советского Союза требовали в тот период любой ценой «остаться в стороне от конфликта». А вот что касается интересов тогдашних кремлевских временщиков, вполне допускаю, что они заключались именно в этом.

После войны наша официальная история пыталась доказывать своему народу и всему человечеству, что-де Советскому Союзу удалось умело использовать советско-немецкий пакт в целях укрепления своей обороны, что ему удалось раздвинуть свои границы далеко на запад и преградить путь беспрепятственному продвижению немецкой агрессии на Восток. Если кому и удалось умело использовать советско-немецкий пакт, так это руководителям фашистской Германии, а не аппарату бездарной сталинской диктатуры. Что же касается раздвигания границ далеко на Запад, молотовской похвальбы насчет территориальных, людских и прочих приобретений, включая военные трофеи в двухнедельной наступательной войне с буржуазной Польшей (финскую кампанию, в которой начавший первым военные действия Советский Союз просто опозорился на весь мир, председатель СНК СССР в хвалебном тоне никогда не характеризовал), то не будет ли это яркой иллюстрацией полнейшего выхолащивания социально-классового, социалистического элемента из содержания

советской внешней политики последних предвоенных лет? Одним словом, если бы социалистический элемент был определяющим в содержании предвоенных национально-государственных интересов СССР, то он требовал бы не оставаться во что бы то ни стало в стороне от конфликта, навязанного Европе и всему миру агрессивной фашистской политикой, а решительно встать в этом конфликте на сторону антифашистских сил, требовал бы не издеваться с глубокомысленностью идиотов над заявлением британского правительства, что целью войны против Германии является «уничтожение гитлеризма», а присоединиться к этому заявлению тогда же, в начале сентября 1939 г., а не два года спустя, когда нацистская военная машина якобы внезапно обрушила свою мощь на СССР с целью искоренения навечно советского коммунизма.

Т.А. Покивайлова (ИСБ). Каким образом можно было в тех условиях интенсифицировать борьбу против гитлеризма не пропагандистки, а на государственном уровне?

Ю.С. Новопашин. Позиция, что-де просто не было другого пути у руководства СССР, чем подписание договора о ненападении, бессмысленного и просто недействительного без секретного к нему протокола о разделе сфер влияния, прежде всего о разделе территории Польского государства, – это стремление тем или иным способом, но все-таки оправдать в конечном счете предвоенную политику сталинского руководства – политику недалеко-видную, беспринципную, если хотите, антисоциалистическую. Как тут не вспомнить строки Ф.Ф. Раскольникова из его Открытого письма Сталину от 17 августа 1939 г. «В грозный час военной опасности, – писал он, – когда острие фашизма направлено против Советского Союза, когда борьба за Данциг и война в Китае – лишь подготовка плацдарма для будущей интервенции против СССР, когда главный объект германо-японской агрессии – наша Родина, когда единственная возможность предотвращения войны – открытое вступление Союза Советов в Международный блок демократических государств, скорейшее заключение военного и политического союза с Англией и Францией, вы колеблетесь, выжидаете и качаетесь, как маятник между двумя осями»²¹.

В этих провидческих словах, мне кажется, во многом ответ на заданный вопрос. Надо также сказать и о деятельности Коминтерна. Кое-что он мог бы сделать полезного для нашей внешней политики, если бы эта политика сама была полезной социализму, коммунистической идеологии, советскому народу, т.е. если бы

²¹ Неделя. 1988. № 26. С. 7.

она не порывала – путем заигрывания с нацистами – со своей революционной социально-классовой сутью. Но, будучи чрезвычайно ослабленным массовыми репрессиями советской охраны против коминтерновских кадров и полностью дезориентированным идеологически и политически беспрецедентным поворотом политики СССР к союзу и дружбе с нацистской Германией, в 1939 г. Коминтерн был уже совершенно не тот, что раньше: он оказался под полным контролем Сталина и органов НКВД, превратился, образно говоря, еще в один отдел этих охранно-репрессивных «органов», стоявших отнюдь не на страже интересов социального прогресса, мира и демократии, а исключительно на службе советской тоталитарной административно-командной системы – антипода социализма.

Е.К. Жигунов (ИСБ). Среди источников, отражающих сложности развития европейских событий весны – осени 1939 г., определенный интерес представляют статьи бывшего председателя Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкого – «Двойная звезда: Гитлер–Сталин» (декабрь 1939 г.) и «Сталин после Финляндского опыта» (март 1940 г.). Обе работы отличает всесторонний аналитический анализ политических, социально-экономических и нравственных (точнее – безнравственных) сторон созданных в Германии и СССР тоталитарных режимов, нелицеприятная, уничтожающая критика их вождей. Для Троцкого причина союза Сталина с Гитлером однозначна: Германия оказалась по оценке сталинского окружения сильнее своих западных противников. Переговоры с военными делегациями Великобритании и Франции послужили не только прикрытием переговоров с Гитлером, но и прямой военной разведкой – Генеральный штаб убедился в неподготовленности западных держав к мировой войне. Купить же благожелательность Германии можно было только путем содействия ее планам. Орбиты Гитлера и Сталина, утверждает Троцкий, связаны какой-то внутренней связью. И действительно: «Когда Гитлер молниеносно вторгается в Польшу с Запада, Сталин осторожно, крадучись, вступает в Польшу с Востока. Когда Гитлер, задушив 23 миллиона поляков, предлагает прекратить “бесполезную войну”, Сталин через свою дипломатию и свой Коминтерн восхваляет преимущества мира. Когда Сталин занимает стратегические позиции в Прибалтике, Гитлер услужливо вывозит оттуда своих немцев. Когда Сталин наступает на Финляндию, печать Гитлера – единственная в мире – выражает Кремлю свою полную солидарность»²².

²² *Троцкий Л.* Портреты. Нью-Йорк, 1984. С. 65.

Национал-социализм вырос на проповеди войны против Советского Союза, и Сталин, естественно, не мог поверить Гитлеру «на честное слово». Переговоры между ними велись в «реалистических» тонах: Гитлер предложил гарантии и Сталин их взял. Полученные им выгоды, безусловно, были значительны: половина Польши (по числу населения – около трети), господство над восточным побережьем Балтийского моря, открытая дорога на Балканы и др. Однако окончательный счет в их «игре», заявляет Троцкий, еще не подведен: Германия начала борьбу мирового масштаба и выйдет из нее либо хозяином Европы и всех ее колоний, либо раздавленной (при участии Америки и западных держав). Обеспечить же свою восточную границу накануне такой войны было для Гитлера вопросом «жизни и смерти». И он сделал это, заплатив Сталину частями бывшей Российской империи. Насколько же дорога эта плата? Утверждать, что новая граница навсегда преградит Гитлеру путь на Восток – значит впасть в глубокое заблуждение. Германия решает свою задачу по этапам: в порядке дня стоит уничтожение Великобритании и ради достижения этой цели Гитлеру можно кое-чем поступиться. Дорога на Восток предполагает новую большую войну между Германией и СССР. Когда же очередь дойдет до нее, как бы подытоживает Троцкий, то вопрос о том, на какой черте начнется столкновение, будет иметь второстепенное значение.

Ф.Г. Зуев (ИСБ). Несколько слов по поводу польского сопротивления, именно – коммунистов и левых социалистов, после сентябрьской катастрофы. Польские коммунисты оказались в состоянии двойной изоляции: и перед гитлеровцами, оккупировавшими страну, и перед собственным народом. Возникла теория «двух врагов», в основе которой лежал аргумент, что Польша уничтожена совместно гитлеровской Германией и советскими войсками. Но среди польских коммунистов появилось стремление сгруппироваться, возникли первые организации. Обсуждались два центральных вопроса: о характере войны и о текущей деятельности коммунистов.

Касаясь характера войны, часть коммунистов считала, что необходимо руководствоваться в оценке войны оценками ИККИ. Другие в то же время считали, что характер войны должен в ближайшем будущем претерпеть изменения. Среди коммунистов существовало мнение, что договоры 1939 г. – конъюнктурное явление, что в конечном итоге между СССР и Германией неизбежна вооруженная схватка.

В текущей деятельности коммунисты считали необходимым вести подготовку к восстановлению партии. Однако в определе-

нии конкретных направлений этой работы они не были едины: одни считали, что необходимо вовлекаться в подпольную борьбу; другие допускали только возможность разведывательной деятельности, заявляя при этом, что, пока существует договор между Германией и СССР, всякое выступление против немецких оккупантов может дать Германии повод для обвинений в адрес Советского Союза. В реализации курса на разведывательную деятельность было создано значительное количество ячеек, поставивших информацию в Советский Союз. Многие коммунисты погибли при переходе границы с этой информацией, многие из приходивших на территорию СССР рассматривались соответствующими органами как провокаторы. В сложный и ответственный момент польские коммунисты не смогли выдвинуть никакой программы организации борьбы своего народа.

После оккупации страны Польская социалистическая партия (ППС) прекратила существование. Но возникла ППС-ВРН, стали группироваться и не вошедшие в эту партию левые социалисты. Группировки создавались вокруг Барлицкого, Курловича, Гаевского, Дюбуа, Прухника. Одновременно польские социалисты стали выработать программные положения социалистического движения и перспективы борьбы, разворачивали практическую деятельность, исходя в ней из положения (выдвинутого Прухником), что советский строй – это своеобразная форма государственного капитализма, при которой капиталистическая собственность экспроприирована, но государство выполняет роль крупнейшего капиталиста. Недоверие к Советскому Союзу обращалось [трансформировалось. – *Ред.-сост.*] у них и в недоверие к польским коммунистам. В то же время левые социалисты считали СССР тылом западноевропейского пролетариата в революционной борьбе, не сомневались, что антифашистская борьба в поращенной Европе неизбежно развернется, что разгром фашизма будет неизбежен.

В.В. Марьина. За ходом англо-франко-советских переговоров с большим вниманием следили не только в Чешских землях, но и в зарубежной чешской эмиграции, поскольку в случае их успешного завершения обозначались определенные перспективы и в решении чехословацкого вопроса. Авторитет СССР в чешском общественном мнении внутри страны в летние месяцы 1939 г. был весьма высок.

Заключение советско-германского договора 23 августа вызвало в чешском общественном мнении шоковое состояние (более – своей неожиданностью). Однако уже в сентябре – ноябре 1939 г. оно было, в общем, сведено на нет. Об этом свидетельст-

вуют и документы немецкой службы безопасности, и материалы сторонников Э. Бенеша, направлявшиеся из страны в Лондон. В одном из таких сообщений, полученных Бенешем в ноябре 1939 г., говорилось: «Вопреки пакту с Германией Россия пользуется у нас большой любовью. Пакт рассматривается как ловушка, подготовленная Гитлеру русской стороной»²³.

Компартия Чехословакии (КПЧ) свое отношение к договору выразила уже 24 августа: правильность действий СССР не подвергалась сомнению. Представляют интерес интерпретация договора и выводы из него для КПЧ и движения Сопротивления в стране: «Мы усматриваем в этом поступке СССР решительный призыв ко всем народам освободиться и бороться за прочный мир, а также призыв к чешскому народу усилить свою борьбу против нацистских оккупантов и вести ее вплоть до свержения гитлеровского режима и восстановления Чехословацкой республики»²⁴. Также оценивало договор и руководство компартии Словакии. Однозначно положительным было отношение к договору чешских коммунистов-рабочих, в основном дезориентированных коммунистов из числа интеллигенции (многие из них отошли от активной деятельности), неоднозначным – в среде чехословацкой коммунистической эмиграции на Западе. Свое несогласие с ним выразил, например В. Клементис, исключенный в связи с этим из партии.

Позиции некоммунистических кругов отражает, пожалуй, оценка договора чехословацким послом в Москве З. Фирлингером: видя его недостатки, возможность негативных последствий в международном плане, он вместе с тем считал договор тактическим маневром Советского государства, полагал, что в подходящий момент СССР вступит в войну. Весьма сдержанной была реакция на договор Бенеша, хотя он и писал Фирлингеру 28 сентября: «Немецко-советский пакт создал здесь тяжелую обстановку и вызвал своего рода революцию против Советов». В сообщении начальника канцелярии Бенеша на родину 24 августа отмечалось: «...мы смотрим на новую ситуацию весьма спокойно и полагаем, что этот договор является выражением недоверия Советского Союза к западным державам после мюнхенского опыта»²⁵. В одном из посланий Бенеша в страну в конце октября подчеркивалось, что отношение к Советскому Союзу сохраняется в русле последних лет, выражалась надежда на то, что в своих внешнепо-

²³ *Janaček F. Dva směry v začiatkoch národného odboja*. Bratislava, 1962. S. 216.

²⁴ *Rude pravo*. 1939–1945. Praha, 1971. S. 32.

²⁵ *Krěň J. V emigraci: Západní zahraniční odboj, 1939–1940*. Praha, 1969. S. 49.

литических действиях СССР не предпримет чего-либо, что нанесет вред чехословацким интересам. Однако в среде чехословацкой эмиграции на Западе раздавались и голоса, имевшие антисоветскую направленность.

В Протекторате коллаборационистское правительство Гахи воспользовалось договором, чтобы в очередной раз призвать чешский народ к лояльности в отношении третьего рейха и послушанию ему.

И.И. Поп. По словам Ю. Фучика, произнесенным им 22 июня 1941 г., компартия Чехословакии после 23 августа 1939 г. находилась в «подполье перед собственным народом».

Е.Л. Валева (ИСБ). Для болгарского правительства Г. Кьосеиванова советско-германский договор от 23 августа не явился полной неожиданностью (еще в июне 1939 г. оно получило информацию от своего посла в Берлине о возможности его заключения). В заключении договора прогерманское правительство Кьосеиванова видело весьма благоприятное для себя решение, предоставлявшее Болгарии возможность сближения и сотрудничества с обеими странами, от которых, по его мнению, зависело разрешение некоторых важных для Болгарии внешнеполитических вопросов. Немецкие наблюдатели сообщали в донесениях из Софии, что договор был восторженно воспринят и болгарским населением.

Болгарская рабочая партия (БРП), следуя указаниям ИККИ, с самого начала выступила в поддержку этого шага Советского правительства. В специальном письме, распространенном среди населения, ЦК БРП разъяснял позицию партии в связи с заключением договора. В сентябрьском номере нелегального органа БРП газеты «Работническо дело» была опубликована передовая статья «Германо-советский пакт о ненападении» (также распространявшаяся в виде отдельной листовки по всей стране). ЦК БРП разъяснял, что заключение договора не означает поворота в политике Советского правительства, так как этот шаг является продолжением его миролюбивой политики в отношении всех стран, готовых проводить такую же политику по отношению к нему.

Положительно восприняло договор и подавляющее большинство рядовых коммунистов. Однако отдельные члены и сочувствующие БРП испытывали растерянность и недоумение, имелись колебания в рядах партийной интеллигенции.

Реакция различных политических деятелей и группировок на договор показывает, что его заключение внесло смятение в ряды антифашистов, вызвало кризис в движении Народного фронта.

Многие деятели БЗНС, БРСДП, Демократической, Национально-либеральной партии отказались от установленного в предвоенные годы сотрудничества с коммунистами. Наиболее правые буржуазные лидеры вышли из оппозиции и открыто перешли на сторону правительства. Большая же часть нефашистских буржуазных деятелей оставалась в оппозиции властям с позиций защиты буржуазной демократии. Они выступали за нейтралитет Болгарии, не одобряли советско-германский договор и обвиняли СССР в том, что он предал Великобританию и Францию, чью войну против Германии они считали справедливой.

Л.Я. Гибианский. Прежде всего хотел бы остановиться на вопросе о Коминтерне. Наибольший шок и тяжелые последствия заключение договора вызвало в компартиях тех стран, которые вступили в войну с Германией или оказались жертвами фашистской агрессии. В Париже, например, многие коммунисты приходили к зданию ЦК партии и жгли свои партийные билеты. На Балканах (в частности, в Югославии) немалая часть коммунистов в этот момент просто отошла от деятельности, не зная, что им делать. И еще один момент, касающийся Балкан, в частности, в связи с прозвучавшим здесь выступлением Г.М. Славина. С самого начала политика Советского Союза в данном регионе была иной, нежели в Центральной Европе: это была политика противостояния тому, чтобы Юго-Восточная Европа стала германской зоной. Отсюда и существенно отличная линия Коминтерна в отношении Балкан, определившая особенности политики балканских компартий (наиболее ярко она проявилась в 1940 г., когда непосредственно столкнулись интересы СССР и Германии).

Теперь по вопросу об альтернативе. Представляется, что главной целью британской и французской дипломатии на переговорах с СССР было не стремление вести войну с Германией с двух сторон, а достижение самого факта подписания военной конвенции, чтобы остановить Германию у границ Польши. Все ли сделала тогда советская сторона для достижения соглашения? И обязателен ли был договор с Германией? Советский Союз, как уже справедливо отмечалось, был несоюзоспособен. И причина этого лежала в самом Советском Союзе, руководство которого ввергло страну в жесточайший внутривластный и внутриэкономический кризис. Договором оно толкнуло страну в жесточайший внешнеполитический кризис, пытаясь как бы компенсировать им внутривластный. Правомерно, в свете этого, задаться вопросом о задаче СССР как государства. Естественно, первая внешнеполитическая задача – обеспечить свою безопасность, в том числе дипломатическим путем, созданием системы

договоров. Но разве безопасность СССР была создана системой советско-германских договоров, подписанных в августе и сентябре? Просто Германия тогда еще не могла воевать с СССР. А когда смогла, – напала и при договорной системе.

Думаю, оформление этой системы во многом неотделимо от определенных интересов тогдашнего советского руководства. Обратимся к опубликованным документам, в частности к договору от 28 сентября. В его преамбуле говорится, что «Правительство СССР и Германское Правительство после распада бывшего Польского государства рассматривают исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой территории и обеспечить народам, живущим там, мирное существование, соответствующее их национальным особенностям». В статье I фиксируется установленная граница обоюдных интересов: к западу их будет обеспечивать Германия, к востоку – Советский Союз. В статье II определяется: «Обе Стороны признают установленную в статье I границу обоюдных государственных интересов окончательной и устранят всякое вмешательство третьих держав в это решение»²⁶. В приложенном к договору заявлении советского и германского правительств формулировка уже идет несколько дальше. Здесь говорится, что «Германское Правительство и Правительство СССР подписанным сегодня договором окончательно урегулировали вопросы, возникшие в результате распада Польского государства, и тем самым создали прочный фундамент для длительного мира в Восточной Европе»²⁷. Тут уже от Польши это урегулирование как бы распространяется вообще на Восточную Европу. А 29 сентября в заявлении Риббентропа (перед отлетом из Москвы) корреспонденту ТАСС прямо говорилось: «Обе страны никогда не допустят вмешательства третьих держав в восточноевропейские вопросы»²⁸. 30 сентября заявление с этой чеканной формулой было опубликовано центральной советской печатью на первых полосах. Причем не последовало никаких корректирующих комментариев, т.е. эта формула тем самым разделялась и советской стороной. В свете этого какой же конкретный интерес, кроме стремления избежать войны, руководил теми людьми, которые решили с советской стороны заключить не только первый, но и тем более второй договор? Совершенно очевидно, что вопрос о влиянии на судьбу Восточной Европы, к сожалению, играл тут первостепенную роль. В понимании тех

²⁶ Известия. 1939. 29.09. С. 1.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. 30.09. С. 1.

времен Восточная Европа охватывала и Прибалтику, и Финляндию. Нужно ли было в этой связи с точки зрения интересов СССР как интересов социалистического государства вступать в такие отношения с Германией? Думается, здесь имело место то явление, которое я бы назвал потерей социального ориентира. Так же как он был потерян во внутреннем развитии страны и от социалистического социального ориентира правящая верхушка, узурпировавшая власть, стала нацеливаться на некий иной – квазисоциалистический, явно противостоящий основам представлений о социализме, то такой же курс определился и во внешней политике. Главным стал вопрос о территориях, о влиянии в определенных регионах Европы.

Для уяснения характера установившейся системы отношений между СССР и Германией вернемся к уже упоминавшемуся заявлению советского и германского правительств от 28 сентября. В нем говорилось, что «оба Правительства направят свои общие усилия, в случае нужды в согласии с другими дружественными державами» (кстати – какими же?), чтобы «возможно скорее» достигнуть цели прекращения войны между Великобританией и Францией, с одной стороны, и Германией – с другой. «Если, однако, эти усилия обоих Правительств останутся безуспешными, то таким образом будет установлен факт, что Англия и Франция несут ответственность за продолжение войны, причем в случае продолжения войны Правительства Германии и СССР будут консультироваться друг с другом о необходимых мерах»²⁹. Другими словами – это явный документ политической поддержки. Еще дальше эта формулировка «протянута» в докладе Молотова при ратификации договора от 28 сентября на V внеочередной сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г., где он говорил об изменении содержания понятий «агрессия» и «агрессор» (прежде, когда об этом говорилось, то имелась в виду Германия). Молотов заявил: «Теперь, если говорить о великих державах Европы, Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция, вчера еще ратовавшие против агрессии, стоят за продолжение войны и против заключения мира. Роли, как вы видите, меняются»³⁰. В том же докладе говорится: «Наши отношения с Германией, как я уже сказал, улучшились коренным образом. Здесь дело развивалось по линии укрепления дружественных отношений, развития

²⁹ Там же. 29.09. С. 1.

³⁰ Внеочередная пятая сессия Верховного Совета СССР. 31 окт.– 2 нояб. 1939 г. Стеногр. отчет. М., 1939. С. 9.

практического сотрудничества и политической поддержки Германии в ее стремлениях к миру»³¹. Так квалифицируется фашистский агрессор, ведущий войну и только что уже расчленивший Польшу. Это трудно охарактеризовать иначе, как нарочито не совсем четко сформулированную установку на политический союз или политический альянс в условиях уже начавшейся войны.

Наконец, о некоторых противоречиях, которыми оказался полон этот доклад Молотова. В нем есть явные вставки, отличающиеся по своему стилю от стиля, присущего наркоминделу. Любопытно, что в этих местах возникают противоречия с тем, что сказал Молотов в другом месте того же доклада. Например, Молотов, повторяя заявление, сделанное 17 сентября 1939 г., говорит, что мы не могли оставить в беде братьев украинцев и белорусов, но вступили на территорию польского государства только после его распада 17 сентября³². Однако перед этим идет вставка совсем в ином духе: «Правящие круги Польши немало кичились “прочностью” своего государства и “мощью” своей армии. Однако оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем – Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения непольских национальностей»³³. В этих формулах все достаточно ясно и без каких-либо секретных протоколов. Я думаю, что не социалистическая цель определила в тот момент выбор людей, потерявших социальный ориентир социализма.

В.К. Волков. Выражаю большую благодарность всем, кто принял участие в «круглом столе». Думаю, что в ближайшем будущем мы сможем продолжить нашу дискуссию и обсудить события, происшедшие в регионе ЦЮВЕ в период между осенью 1939 г. и июнем 1941 г.

³¹ Там же. С. 11.

³² Там же.

³³ Там же. С. 8.

Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале Второй мировой войны (сентябрь 1939 – август 1940)*

Данный «круглый стол», подготовленный сектором Истории международных отношений Института славяноведения и балканистики АН СССР (ИСБ), был проведен в конце декабря 1989 г. и явился продолжением дискуссий историков и политологов, развернувшихся в ИСБ в феврале того же года¹. Хронологически он охватывает в основном период от начала Второй мировой войны до переломного рубежа летом 1940 г., когда потерпела поражение Франция, и Гитлер отдал директиву о подготовке непосредственного плана нападения на СССР. Несмотря на дискуссионный характер, материалы «круглого стола» позволяют приблизиться к восстановлению цельной и взаимоувязанной картины тех политических процессов, которые происходили в Европе в тот период.

В.К. Волков (ИСБ). На нашем очередном «круглом столе» предполагается обсудить следующие основные вопросы: характер нейтралитета стран Юго-Восточной Европы в начальный период войны; реакция стран Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ) на захват Польши; договоры СССР с Прибалтийскими государствами осенью 1939 г. и страны ЦЮВЕ; англо-франко-турецкий договор (октябрь 1939 г.) и страны ЦЮВЕ; планы создания балканского «блока нейтралов»; советско-финляндская война и реакция на нее в странах ЦЮВЕ; разгром Франции и страны ЦЮВЕ; начало германо-итальянских переговоров о «новом порядке» в Европе и внешнеполитические дилеммы стран ЦЮВЕ; включение Прибалтийских стран в состав СССР и страны ЦЮВЕ; новые черты советской политики на Балканах (весна–лето 1940 г.); установление отношений с Югославией; присое-

* Опубл.: Советское славяноведение. 1991. № 1. С. 3–27.

¹ См.: Советское славяноведение. 1989. № 5. С. 3–34.

динение Бессарабии и Северной Буковины; новые тенденции в расстановке сил на международной арене и проблемы стран ЦЮВЕ на рубеже лета – осени 1940 г.

Страны ЦЮВЕ играли гораздо ббольшую роль в мировой политике, чем это пока отражено в исторической литературе. Историография США, Англии, Германии, СССР сосредоточилась в основном на проблемах отношений между этими государствами; малые страны оказались на втором плане. В реальной же политической жизни положение было несколько иным.

На Балканах же традиционно ситуация была чрезвычайно сложной, поскольку в этом регионе сталкивались интересы всех великих держав, к тому же сильны были и противоречия между самими странами этого региона. Наложение этих двух рядов противоречий еще более осложняло положение. К моменту развязывания Второй мировой войны на Балканах существовало несколько «горячих точек». Во-первых, это Болгария, опасавшаяся возможного нападения турецких войск, сосредоточенных на границе. По крайней мере, болгары расценивали этот факт как мощное давление со стороны англо-французской коалиции. Во-вторых, были крайне обострены румыно-венгерские отношения, и в Румынии ожидали нападения. В-третьих, напряженность царила в Югославии, где 26 августа 1939 г. образовалось новое правительство. Общая ситуация на Балканах усугублялась частичной мобилизацией армий, проведенной в Румынии, Болгарии, Югославии и Венгрии.

Занятие Балканскими странами в начале войны нейтральной позиции также сопровождалось известными особенностями. Наибольшее внимание тут привлекали те страны, которые получили гарантии западных держав – Румыния и Греция. Иной характер носил нейтралитет стран, которые таких гарантий не получили – Югославии и Болгарии. Особого внимания заслуживает характер нейтралитета Турции: в тот момент (в канун Второй мировой войны и в сентябре 1939 г.) советская дипломатия подтвердила готовность заключить двусторонний советско-турецкий оборонительный договор, что было продолжением идеи так называемого Черноморского пакта.

Необходимо отметить отличительную черту международных отношений после начала мировой войны – резкое возрастание влияния Советского Союза во всем регионе Юго-Восточной Европы. Произошло то, о чем в западной литературе говорится как о возрождении былой роли России на Балканах.

Советско-германский пакт от 23 августа 1939 г. имел неоднозначные последствия для различных секторов мировой полити-

ки. Для северо-восточной части Центральной Европы (Польша, Прибалтика) это было фактическое разграничение сфер влияния, сопровождавшееся последующим советско-германским взаимодействием по осуществлению этих договоренностей. Для Балкан, оставшихся вне сферы военных действий, пакт имел другой смысл. Существовал и третий фактор: изменения в отношениях между потенциальными участниками агрессивного блока, в треугольнике Германия – Италия – Япония. Последняя восприняла советско-германский пакт как предательство своих интересов и на длительный период (практически до осени 1940 г.) заморозила отношения с Германией. Большие колебания испытала во внешней политике и Италия. Одним словом, осложнения в отношениях среди потенциальных участников агрессивной коалиции можно отнести к тем немногим позитивам, которые имел пакт. И это обстоятельство почувствовали на себе именно Балканские страны.

Наконец, проблемы, которые встали перед странами ЦЮВЕ в результате военного поражения Польши. СССР в первых числах сентября занимал выжидательную позицию и выбирал благоприятное для себя время с тем, чтобы снизить негативные последствия ввода советских войск на территории Западной Белоруссии и Западной Украины. Только после того, как было получено известие о том, что польское правительство и Генеральный штаб покинули территорию страны (потом выяснилось, что это были неточные сведения), 17 сентября советские войска перешли линию советско-польской границы. Отношение Балканских стран к этой «польской кампании» было сложным и сдержанным. В общем они смотрели на события в Польше и на все, что связано с этой группой проблем, глазами английской дипломатии (1 октября У. Черчилль заявил, что в продвижении советской армии на Запад имеется и позитивный момент).

Вообще весь период «странной войны» можно разделить на несколько подпериодов. Первый – сентябрь–ноябрь 1939 г. – до начала советско-финляндской войны. Второй – три с половиной месяца (до середины марта 1940 г.) советско-финляндская война. Третий – апрель–июнь 1940 г., т.е. от окончания советско-финляндской войны до начала германских действий на Западе (сначала против Дании и Норвегии и вплоть до капитуляции Франции, ставшей одной из величайших цезур в истории Второй мировой войны).

С началом войны на Балканах возник ряд проблем. Среди них – характер нейтралитета Балканских стран, попытки созда-

ния балканского «блока нейтралов», предпринимаемые с нескольких сторон, но инициатором была все-таки английская дипломатия. Форин оффис разработал целую серию мер, направленных на то, чтобы с помощью балканской политики и привлечения сюда внимания итальянской дипломатии как-то нарушить отношения между Италией и Германией. Реально переговоры о балканском «блоке нейтралов» начались в конце сентября и шли весь октябрь. На рубеже октября–ноября конкретным инициатором его создания выступила румынская дипломатия. Эта проблема долго обсуждалась и приобрела новую окраску после начала советско-финляндской войны. Только в начале 1940 г. стало очевидно, что это очередная мертворожденная дипломатическая идея.

Наконец, крупная проблема – отношение Советского Союза к англо-франко-турецкому договору, подписанному 19 октября 1939 г. Имеется ряд документов Балканских стран (а не только германских и английских), говорящих о том, что СССР проводил в этом вопросе своеобразную и не совсем для того времени обычную тактику. По приезду Сараджоглу в Москву в конце сентября – начале октября были продолжены переговоры об оборонном соглашении между СССР и Турцией, выдвинуты предложения о пересмотре режима проливов. Несколько ранее, в середине сентября, была высказана идея (и сообщена дипломатии Балканских стран) о заключении договора о дружбе и взаимной помощи СССР и Болгарии, что связывалось с возможным советско-турецким соглашением в духе идей Черноморского пакта. Хотя переговоры с Турцией не принесли результатов, любопытна характерная деталь: СССР дал согласие на заключение англо-франко-турецкого договора. При этом было совершенно ясно, что Турция шла на сотрудничество с западными державами, и это мало совмещалось с теми последствиями, которые, казалось, должен был иметь советско-германский пакт.

Что касается отношений стран Дунайского региона и Балканского полуострова к заключению группы договоров СССР с Прибалтийскими государствами, то эта проблема не вызвала на Балканах сколько-нибудь большого интереса. Они рассматривались как мероприятия в рамках политики защитных мер со стороны СССР, т.е. с точки зрения военно-стратегических выкладок. Однако советско-финляндский конфликт качественно изменил оценку внешней политики СССР, замедлил тенденцию к сближению СССР с рядом Балканских стран, в первую очередь с Югославией. Любопытна позиция Балканских стран в период обсуждения жалобы Финляндии в Совете Лиги Наций. Ни

одна из них не приняла участия в голосовании по поводу исключения СССР из Лиги. Воздержались при голосовании Китай и Турция. Помимо Франции и Англии, «за» голосовали Египет, Доминиканская Республика, Боливия и другие – всего семь стран. Даже Финляндия воздержалась от голосования во время обсуждения собственной жалобы. Профессор Сорбоннского университета Гиболи в своем докладе на симпозиуме в Париже в начале октября 1989 г. назвал решение 14 декабря 1939 г. уникальным случаем в истории Лиги, «сюрреалистическим эпизодом», когда агонизировавшая Лига Наций решила на какой-то демарш. Психологическое влияние этих событий, как считает Гиболи, было далеко идущим – обострение отношений между западными державами и СССР. И эта акция потом еще долго, вплоть до Ялтинской конференции, вспоминалась советской дипломатией.

Совершенно неожиданный элемент во внешнеполитическое и стратегическое планирование великих и особенно малых держав внесло быстрое поражение Франции, низведение ее до положения оккупированной страны. Это явилось шоком для многих Балканских стран, особенно таких, как Югославия, Румыния, Турция, Греция.

Н.Д. Смирнова (Ин-т всеобщей истории АН СССР). В воспоминаниях советского дипломата Н.В. Новикова дана иная, нежели у Вас, концепция англо-франко-турецкого договора.

В.К. Волков. Некоторые положения в мемуарах расходятся с теми выкладками, которые тот же Новиков давал в документах НКВД. Турецкие источники свидетельствуют, что этот договор был подписан без возражений со стороны Советского Союза. Следует учитывать, что этот случай прямо подпадал под условия советско-турецкого договора 1925 г. (там было четко сказано о необходимости консультаций и получения согласия). И этот факт говорит сам за себя.

Л.Я. Гибианский (ИСБ). Но есть еще и другое обстоятельство, которое требует объяснения. Ведь на V внеочередной сессии Верховного Совета СССР 31 октября – 2 ноября Молотов оценил англо-франко-турецкий договор отрицательно. И прямо спросил, не пожалее ли об этом Турция?

В.К. Волков. Многие высказывания, которые допускал Молотов в своих выступлениях, преследовали какие-то совершенно иные цели, чем прямо выказанные, имели демонстративный характер. Это хорошо видно на примере его заявления 1 августа 1940 г. на сессии Верховного Совета о том, что отношения Советского Союза и Германии строятся не на каких-то привходящих и

конъюнктурных соображениях, а отражают глубинные интересы внешней политики Советского Союза².

Тогдашнее советское руководство из прагматических соображений выступало подчас с заявлениями, которые свидетельствовали не только о некомпетентности многих лиц и низком профессиональном уровне нашей дипломатии, но и об отсутствии прогностического мышления, т.е. попыток просчитать хоть на какой-то более или менее длительный период возможные варианты развития событий. Неудивительно поэтому, что слишком уж часто принимались ошибочные решения. Так что подобные заявления отражали скорее уровень руководства, чем его действительные взгляды и намерения.

Хочу отметить еще один момент. Летом 1940 г. встал вопрос о Буковине. Еще 23 июля Молотов сообщил Шуленбургу о желании Советского Союза поставить вопрос о Бессарабии и Буковине. Но если судьба Бессарабии была оговорена советско-германскими секретными протоколами, то проблема Буковины вызвала крупное недовольство в германском МИД. Здесь считали, что Буковина – одна из коронных земель Австро-Венгрии, что она никогда не входила в состав России. Лидеры Германии и Советского Союза как бы руководствовались своего рода концепцией «собрания земель».

Н.Д. Смирнова. Муссолини отрицательно отнесся к советско-германскому пакту 1939 г. Он считал его изменой идее (это ярко выразилось в его «странном письме» от 3 января 1940 г.). Начиная войну, Гитлер, на мой взгляд, стремился вовлечь в нее наибольшее число государств. Он предложил Италии Хорватию, Венгрии – осуществить территориальные притязания в отношении Румынии, Литве – в отношении Польши. Согласно итальянским документам, литовское правительство вполне серьезно думало о возвращении древней столицы – Вильнюса.

Реакция же трех Прибалтийских государств на сам договор о ненападении от 23 августа в целом была положительной. Прежде всего они считали, что договором поставлен предел германскому движению на Восток, надеялись на создание «буферной зоны» (между Германией и СССР) и дальнейшее свое существование в качестве своеобразной «балтийской Антанты».

С.З. Случ (ИСБ). Возникает вопрос, хотела ли Германия той войны, которая началась в сентябре 1939 г.? Нет, такой войны

² Об этом см.: *Волков В.К.* Советско-югославские отношения в начальный период второй мировой войны в контексте мировых событий (1939–1941 гг.) // Советское славяноведение, 1990. № 6. С. 3–17.

Гитлер не хотел. По крайней мере, после Мюнхена он собирался воевать на Западе. И Польшу собирался привлечь, во всяком случае, если не в качестве союзника, то как благожелательного нейтрала. Но ситуация изменилась и приходилось менять стратегические установки, решать польскую проблему. Для этого Германия на протяжении весны–лета 1939 г. пыталась обеспечить себя союзниками, локализовать польскую кампанию. Попытки эти в отношении стран ЦЮВЕ результатов не дали. Практически Германия, если оставить за скобками Советский Союз, начинала польскую кампанию, а соответственно и Вторую мировую войну без союзников. Ситуация в какой-то степени уникальная. И в этой связи хотелось бы несколько подробнее остановиться на том, что, собственно, дал Германии заключенный 23 августа договор именно в плане решения польской проблемы? Зачем нужно было Германии соучастие Советского Союза в разделе Польши? Разумеется, не для того, чтобы отодвигать границу Советского Союза на запад, а прежде всего для того, чтобы изолировать на этот раз уже Советский Союз. Ибо любые действия СССР по отношению к Польше неизбежно усиливали напряженность между ним и целым рядом других государств, прежде всего западных. Не исключена была теоретически даже возможность объявления войны со стороны западных государств Советскому Союзу. В принципе вопрос о введении советских войск на территорию Польши был фактически предрешен положениями секретного протокола к советско-германскому договору о ненападении. Формулировки этого документа не оставляют места для двусмысленного толкования намерений как гитлеровского, так и сталинского руководства. Все же остальное было делом техники отношений двух тоталитарных режимов – техники обмана, шантажа и манипулирования как на международной арене, так и внутри страны. При этом выдвинутая 17 сентября 1939 г. задача «освобождения» народов Западной Украины и Западной Белоруссии ничего общего не имела с истинными имперскими амбициями Сталина и его ближайшего окружения. Народ в очередной раз выступал только в качестве средства этой политики. И на этом в принципе можно было бы поставить точку, ибо все дальнейшее развитие событий до 28 сентября 1939 г., когда капитулировала Варшава и в Кремле был подписан новый договор между «победителями», на этот раз «О дружбе и границе», было запрограммировано августовскими соглашениями. Однако точку ставить еще рано, поскольку в представлениях очень многих людей политика СССР в сентябре 1939 г. все еще ассоциируется с триумфальным освободительным походом Красной Армии, привед-

шим к воссоединению западных областей Украины и Белоруссии с Советским Союзом. Но самое главное, с продвижением границ СССР на запад.

Получив сообщение о падении Варшавы поздно вечером 8 сентября, Молотов немедленно направил Шуленбургу телефонограмму: «Я получил Ваше сообщение о том, что германские войска вошли в Варшаву. Пожалуйста, передайте мои поздравления и приветствия правительству германской империи». В действительности 4-я танковая дивизия вермахта 8 сентября достигла окраин Варшавы, но натолкнулась на упорное сопротивление и была остановлена, а спустя два дня польская армия нанесла контрудар под Бзурой, где разгорелось крупное сражение, продолжавшееся десять дней. Польские войска изрядно потрепали вермахт, не надолго, но все-таки приостановив его наступление на Варшаву. Однако советское руководство такие детали не интересовало. С 3 сентября оно находилось под постоянным нажимом германской стороны, настаивавшей на безотлагательном введении Красной Армии в согласованную в секретном дополнительном протоколе «советскую сферу интересов на территории Польши». Однако советское руководство затягивало этот рискованный шаг, опасаясь прежде всего реакции на него западных держав. При этом Кремль, с одной стороны, заверял Берлин в том, что причиной задержки является неготовность частей Красной Армии, требующих пополнения резервистами. А с другой – постепенно разворачивал методичную антипольскую пропагандистскую кампанию в печати.

Освещение войны в советской прессе не носило нейтрального характера хотя бы уже потому, что в первую очередь и главным образом публиковалась информация германского верховного командования о положении на фронте. 9 сентября со ссылкой на этот источник «Известия» публикуют заметку «Германские войска вошли в Варшаву». В тот же день точно такую же заметку опубликовала «Völkischer Beobachter». Начиная с 11 сентября в советских газетах почти ежедневно публиковались сообщения о кочующем из одного города в другой польском правительстве, бросившем столицу и армию на произвол судьбы. 14 сентября «Правда» вышла с передовой под заголовком «О внутренних причинах поражения Польши», в которой проводилась мысль об определяющем значении невоенных факторов, обусловивших военный разгром Польского государства. «Правда» писала: «Трудно объяснить такое быстрое поражение Польши одним лишь превосходством военной организации Германии и отсутствием эффективной помощи Польше со стороны Англии и Фран-

ции». Пройдет несколько дней и эта недосказанность обретет конкретное содержание. А пока напряженность в общественном мнении нагнеталась, в частности сообщениями, набравшимися крупным шрифтом, о нарушении границы СССР польскими военными самолетами.

Еще за неделю до 17 сентября в Кремле начались консультации с германским послом относительно заявления советского правительства и о содержании ноты, которую предполагалось вручить послу Польши и направить дипломатическим представителям стран, аккредитованным в Москве. Согласно донесениям Шуленбурга в Берлин от 10 сентября, советское правительство намеревалось воспользоваться дальнейшим продвижением германских войск и заявить, что Польша разваливается на куски и вследствие этого Советский Союз вынужден прийти на помощь украинцам и белорусам, которым угрожает Германия. По мнению Молотова, сообщает Шуленбург, этот предлог сделает вмешательство Советского Союза благовидным в глазах масс и предоставит ему возможность не выглядеть агрессором. Однако под давлением Риббентропа, заявившего, что подобная мотивировка противоречит соглашениям, достигнутым в Москве, первоначальный вариант ноты был изменен, хотя и не сразу. Так, по сообщениям Шуленбурга от 16 сентября, Молотов согласился с тем, что планируемая советским правительством формулировка «содержала в себе оттенок, обидный для чувств немцев», но просил, принимая во внимание сложную для советского правительства ситуацию, «не позволять подобным пустякам вставать на нашем пути». Советское правительство не видит какой-либо другой возможности для мотивации своих действий, поскольку до сих пор Советский Союз не проявлял озабоченности о положении своих меньшинств в Польше и должен так или иначе оправдать перед внешним миром свое теперешнее вмешательство.

Шуленбург следующим образом описывал заключительный этап согласований с советским руководством: «Сталин в присутствии Молотова и Ворошилова принял меня в 2 часа ночи 17 сентября и заявил, что Красная Армия пересечет советскую границу в 6 часов утра на всем протяжении от Полоцка до Каменец-Подольска. Сталин зачитал мне ноту, которая будет вручена этой же ночью польскому послу. Зачитанный мне проект содержал три пункта, для нас неприемлемых. В ответ на мои возражения Сталин с предельной готовностью изменил текст так, что теперь нота нас вполне удовлетворяет». Из ноты выпало всякое упоминание о германской угрозе украинцам и белорусам, проживающим на территории Польши. Ее в действительности и не было, так как по се-

кретному дополнительному протоколу от 23 августа эти территории отходили в «сферу интересов» Советского Союза.

Иное впечатление осталось от этой ночи у польского посла Гжибовского. В 2 часа 15 минут ему сообщили, что через 45 минут его ждет в Кремле Молотов. Однако он был принят заместителем наркома иностранных дел Потемкиным, зачитавшим ему только что согласованную с Шуленбургом ноту советского правительства. Выслушав текст, Гжибовский заявил решительный протест и отказался передавать своему правительству содержание ноты. «У меня все еще есть надежда, – заявил польский посол, – что Ваше правительство не отдаст приказ Красной Армии вступить на территорию Польши и не ударит нам в спину в тот момент, когда мы сражаемся против немцев». Гжибовский выразил согласие поставить свое правительство в известность только о самом факте нападения Советского Союза на Польшу. Потемкин решил сообщить Сталину и Молотову о позиции польского посла и попросил Гжибовского подождать. Примерно через полчаса он сообщил польскому послу, что правительство СССР не может изменить принятых решений. В тот же день послы Польши в Париже и Лондоне официально уведомили правительства Франции и Великобритании, что 17 сентября 1939 г. СССР предпринял нападение на Польшу. Польское правительство заявило протест Москве и дало указание своему послу потребовать паспорта.

Все публикации на страницах советской печати так или иначе, естественно, отталкивались от выступления Молотова по радио 17 сентября 1939 г. Он, в частности, сказал: «События, вызванные польско-германской войной, показали внутреннюю несостоятельность и явную недееспособность Польского государства. Польское государство и его правительство фактически перестали существовать. В силу такого положения заключенные между Советским правительством и Польшей договоры прекратили свое действие. В Польше создалось положение, требующее со стороны Советского правительства особой заботы в отношении безопасности своего государства. Советское правительство до последнего времени оставалось нейтральным, но оно в силу указанных обстоятельств не может больше нейтрально относиться к создавшемуся положению. Советское правительство отдало распоряжение Главному Командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии». Что касается «заботы» об этом населении, то об этом достаточно красноречиво было уже сказано языком документов. Но в выступлении Молотова есть еще некоторые места, на которые необходимо обратить вни-

мание. Во-первых, Молотов признал, что СССР в отношении Польши перестал быть нейтральным государством. Пройдет полтора месяца и Молотов более четко сформулирует роль СССР в ликвидации Польского государства, выдвинув концепцию «двух ударов» – со стороны сперва германской, а затем советской армий. И будет абсолютно прав, отразив истинные намерения и действия сталинского руководства. Во-вторых, Молотов упомянул о том, что в связи с прекращением существования Польского государства прекратили свое действие и советско-польские договоры. Что здесь имеется в виду? Рижский мирный договор 1921 г., договор о ненападении 1932 г., а также конвенция об определении агрессии 1933 г. Однако в данном случае Молотов, разумеется, недоговаривал, ибо начиная с 23 августа 1939 г. советское правительство неоднократно нарушало прежде всего договор с Польшей о ненападении от 25 июля 1932 г. А 17 сентября нарушило и все другие договоры. Достаточно назвать только такие действия советской стороны, как оказание политической и военной поддержки третьему рейху до 17 сентября 1939 г., выразившееся в содействии развязыванию германо-польской войны, в сосредоточении крупных вооруженных сил на границе с Польшей, предоставлении возможности использования радиостанции Минска в качестве радиомаяка для немецких военных самолетов, выполнявших боевые задачи над территорией Польши, запрещении транзита военных грузов в Польшу через свою территорию, пропагандистском прикрытии нацистской агрессии на страницах советской печати. Все это было грубым нарушением заключенных в различные годы советско-польских договоров и соглашений.

Агрессия 17 сентября 1939 г. была следствием, закономерно вытекавшим из поведения СССР на международной арене после 23 августа. Руководствуясь имперскими амбициями, сталинское руководство пошло на беспрецедентную по своему цинизму сделку с нацистским рейхом, чем способствовало развязыванию Второй мировой войны.

Совершив 17 сентября агрессию против Польши, сталинский режим де-факто втянул Советский Союз во Вторую мировую войну на стороне нацистской Германии. И я хочу подчеркнуть здесь принципиальное различие между втягиванием СССР во Вторую мировую войну, которое действительно произошло в сентябре 1939 г., и Великой Отечественной войной, которая началась 22 июня 1941 г. Два этих события не нужно смешивать.

В.С. Парсаданова (ИСБ). Как Вы расцениваете то, что Польша не объявила и не считала себя в состоянии войны с Советским Союзом в сентябре 1939 г.?

С.З. Случ. То, что Польша не объявила Советскому Союзу войну, хотя и требовала соответствующих шагов со стороны Англии и Франции, лишь показывает тяжесть положения, в котором находилась страна на момент 17 сентября.

В.И. Прибылов (Ин-т истории АН БССР). Как вы учитываете национальные интересы украинского и белорусского народов при оценке договора от 17 сентября 1939 г.?^{*}

С.З. Случ. В данном случае имели место лишь имперские амбиции сталинского руководства. Истинные интересы украинского и белорусского народов были только разменной монетой в «большой игре» СССР и Германии.

В.И. Прибылов. Не могу с Вами согласиться в том, что интересы белорусского и украинского народов были второстепенными. Речь идет о национальном развитии народов, которые Рижским миром были разделены надвое. На мой взгляд, Вы несколько увлеклись обвинительным уклоном сталинского руководства, а вот вопросы, которые лежали в основе этой политики, у Вас выпали.

Л.Я. Гибянский. То, что по Рижскому миру была допущена историческая несправедливость в отношении украинского и белорусского народов, думаю, не подлежит сомнению. Но это одна сторона вопроса. Другая же заключается в следующем: Вторая мировая война возникла не как локальный конфликт, касалась судеб не того или иного народа. Это была тотальная война, направленная на порабощение всех народов. В истории неоднократно возникали определенные противоречия между конкретной ситуацией, связанной с судьбой одного народа, и глобальной ситуацией, которая в конечном счете и определяла судьбу этого народа. Давайте рассмотрим с этой точки зрения не только 1 и 17 сентября 1939 г., но и 22 июня 1941 г., ибо эти даты взаимосвязаны. К чему привело решение, которое было в принципе принято до 1 сентября (т.е. в момент заключения пакта о ненападении) и реализовано последовательно обеими сторонами (соответственно 1 и 17 сентября)? Оно привело к тому, что СССР, в котором была сосредоточена основная масса украинского и белорусского населения (имевшего свою советскую государственность), оказался на грани катастрофы и полного краха всех живущих в нем народов. 22 июня 1941 г. было заложено 23 августа 1939 г. В конечном счете вопреки тому, что воображало себе тогдашнее советское руководство, все, что случилось в сентябре 1939 г., открыло Гитлеру путь в СССР, а не наоборот. Хотя советское руководство думало как раз иначе. Мне кажется, совершенно пра-

^{*} Речь идет о советско-германском договоре от 23 августа.

вомерна постановка вопроса о том, что в сущности это был удар в спину тому государству (пусть и построенному на национальном неравенстве), которое находилось между Германией и Советским Союзом. И ликвидация его была направлена прежде всего против национально-государственных интересов всех народов, населяющих СССР.

Т.Ю. Григорьянц (ИСБ). Хочу поддержать тезис С.З. Случа о том, что вопрос о западнобелорусских и западноукраинских землях для Сталина и Гитлера был в буквальном смысле «дипломатической уловкой» в их политической игре. В отношении Гитлера это подтверждается как документом, составленным в ведомстве Розенберга в июне 1939 г.³, так и записями в дневнике начальника штаба сухопутных войск (ОКХ) Ф. Гальдера.

Вернусь к беседе Шуленбурга со Сталиным 17 сентября. Тогда Сталин сказал, что советские самолеты начнут уже сегодня бомбардировку восточнее Львова. Это еще раз показывает, что сами народы никакой ценности ни для Гитлера, ни для Сталина не представляли, их жизни собирались использовать и тот и другой.

Т.А. Покивайлова (ИСБ). Если принять тезис о том, что отношение Сталина, скажем, к белорусскому народу было еще более циничным, чем Гитлера, то откуда такое движение сопротивления в Белоруссии и такой повальный геноцид по отношению к народу в целом во время гитлеровской оккупации? Безусловно, гитлеровский геноцид проводился против народов в целом, а сталинский – опирался на сложившиеся классовые догмы.

И.И. Поп (ИСБ). На мой взгляд, в данном случае смешиваются разные понятия: сопротивление украинского и белорусского народов в период войны и то, что произошло после 17 сентября 1939 г. Убежден, что ни о каких национально-государственных интересах, украинских или белорусских, в тот момент говорить нельзя. Украинская и белорусская советские государственности были в сталинской империи чистой формальностью. Никакими правами они не пользовались и не могли и мечтать о культурно-национальных правах, которые имело, например, украинское население в Галиции, входившей в состав Польши. Кстати, все украинские политические группировки и партии 1 сентября 1939 г. с трибуны Сейма в Варшаве заявили о своей полной политической лояльности Польскому государству. И лишь маргинальная

³ См.: *Григорьянц Т.Ю.* Гитлеровские планы в отношении Польши и советско-германские переговоры летом 1939 г. // Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы / Отв. ред. И.И. Поп. М., 1989. С. 65–66.

группа ОУН выступила против Польши. Воевавшие в польской армии украинцы и белорусы (от солдат до офицеров) были героями борьбы против фашизма.

Через месяц после 17 сентября на Западной Украине были разрушены все культурные учреждения, их представители были отправлены в «холодные края». И здесь о каких-то национальных интересах и национальной защите говорить не приходится. Были просто имперские интересы Сталина.

В.И. Прибылов. Как же тогда оценивать приветствие украинским населением вступления советских войск на территорию Западной Украины, а также имевшие место конфликты между украинцами и польским населением, остановленные именно советской армией?

И.И. Поп. Это вполне объяснимо: были разные слои и среди украинского крестьянства, существовала вражда между украинцами и поляками-осадниками, являвшимися опорой режима Пилсудского на Западной Украине. Было и крестьянство, подпавшее под воздействие пропагандистской кампании раздачи помещичьих земель и приветствовавшее советские войска. Позже украинское крестьянство заплатило за это большой кровью в ходе гражданской войны, продолжавшейся до 1952 г.

В.В. Марьина (ИСБ). В Центральном партийном архиве ИМЛ существует документ с поправками Жданова. Он дает представление о том, как готовилась декларация от населения Западной Украины с приветствиями Красной Армии и заявлением о согласии присоединиться к Советскому Союзу. Это интересный документ, раскрывающий политическую кухню событий.

Е.Л. Валева (ИСБ). Остановлюсь на более частном вопросе – о характере нейтралитета Болгарии.

Нейтралитет и стремление к мирной ревизии Нейиского договора 1919 г. Болгария подчеркивала еще накануне Второй мировой войны. Несмотря на сильное дипломатическое давление со стороны великих держав, царь Борис и болгарское правительство не спешили примкнуть ни к одной из группировок и занимали выжидательную позицию, понимая, что в напряженной обстановке предвоенного соперничества цена маленькой Болгарии будет неуклонно повышаться. И это позволит ей лавировать до того момента, пока не станет ясно, участие в каком из блоков позволит Болгарии извлечь для себя максимальную выгоду при минимальных потерях.

В то же время уже накануне войны начала обозначаться линия правящих кругов на сближение с фашистской Германией. В секретной директиве № 19 о позиции Болгарии в создавшейся

международной обстановке, которую премьер-министр Г. Кьосеиванов направил в апреле 1939 г. всем болгарским посольствам за границей, говорилось: «Наши экономические связи с Германией, которые поглощают более 75% нашего экспорта, делают для нас невозможным, независимо от политических соображений, присоединение к демократическим государствам против тоталитарных государств». Далее отмечалось, что Германия является основным поставщиком оружия для Болгарии, что также делает позицию болгарского правительства понятной. Правда, в директиве выражалось опасение, что Болгарии будут поставлены политические условия с германской стороны. И специально подчеркивалось, что в конечном итоге Болгария будет придерживаться выжидательной политики. Но с началом войны политические силы Болгарии оказались в новой ситуации. Борьба дипломатии двух блоков за Болгарию приняла более интенсивный характер.

15 сентября 1939 г. правительство Кьосеиванова официально заявило о нейтралитете Болгарии в начавшейся мировой войне. Болгарским дипломатам за границей вменялось в обязанность особенно настойчиво подчеркивать миролюбие и нейтралитет Болгарии, при этом разъясняя, что Болгария не отказывается от требований ревизии Нейсского договора мирным путем. В этом же духе были выдержаны многочисленные высказывания царя Бориса и других болгарских политических деятелей. Встает вопрос, насколько эти заявления соответствовали действительным намерениям болгарских правящих кругов, каков был истинный характер объявленного Болгарией нейтралитета?

В исторической литературе этот вопрос остается дискуссионным. Большинство ученых полагают, что болгарское правительство следовало политике так называемого мнимого нейтралитета, под прикрытием которого сознательно, целенаправленно и неуклонно проводило курс на всестороннее привязывание Болгарии к гитлеровской Германии. Согласно другой точке зрения, Болгария действительно придерживалась политики мира и нейтралитета, выражавшейся в неприсоединении и свободном лавировании между противоречивыми тенденциями в международных отношениях. Постепенно оформилась и третья точка зрения, заключающаяся в том, что не было твердой прогерманской ориентации Болгарии, но и нейтралитет не был последовательным. Один из ведущих специалистов по истории Болгарии периода Второй мировой войны, Д. Сирков, в своем вышедшем в 1979 г. труде «Внешняя политика Болгарии 1938–1941 гг.» пришел к выводу, что внешняя политика Болгарии в рассматриваемый период не диктовалась ни «мнимым нейтралитетом», ни линией «пос-

ледовательного нейтралитета» и неприсоединения. В этой политике имелись элементы и того, и другого, но она этим отнюдь не исчерпывалась. «Речь идет, – пишет автор, – о такой политической линии, о таком нейтралитете, который содержит в себе постоянно возрастающее прогерманское ядро... Если в конце 1939 г. и начале 1940 г. утверждается линия “шагания в ногу с Германией” при неучастии в военном конфликте, то в апреле–октябре 1940 г., когда фашистский блок одерживает ряд крупных побед, Болгария уже ориентируется на частичную реализацию своих требований при поддержке Германии. Болгарское правительство уже придерживается тезиса о “невоюющей”, а не “нейтральной” стороне».

Наряду с правительственными на политической арене страны действовали в тот период и другие силы: буржуазная нефашистская оппозиция, левые силы во главе с Болгарской рабочей партией (БРП). Примечательно, что все политические силы в стране, за исключением крайне экстремистских кругов реакционной военщины, действовали в рассматриваемый период под одним лозунгом «За мир и нейтралитет», но каждая из них вкладывала в эти понятия совершенно различное содержание, имела собственную внешнеполитическую концепцию. С самого начала войны нефашистская буржуазная оппозиция подчеркивала справедливую, антифашистскую направленность борьбы Англии и Франции. Эту линию поддерживали радикалы, демократы, правые социал-демократы, часть деятелей БЗНС. БРП отстаивала лозунг нейтралитета, опирающегося на СССР, и требовала заключения договора о взаимопомощи между Болгарией и Советским Союзом. До ноября 1939 г. БРП видела в войне освободительные тенденции (при общей оценке войны как империалистической), не исключала возможности превращения ее в справедливую для противников Германии. Однако в ноябре 1939 г. БРП фактически воспринимает новую политическую линию в области как внешней, так и внутренней политики. Война по-прежнему оценивалась как империалистическая, но, во-первых, главными ее поджигателями называются Англия и Франция, а, во-вторых, игнорируется возможность перерастания войны для противников Германии в справедливую. Полностью отрицались освободительные тенденции в войне. Возобладало мнение, что, пока существуют буржуазные правительства, противники Германии не могут вести справедливую войну. БРП отрицала необходимость антифашистского этапа в развитии революционного кризиса и возможность сотрудничества с нефашистской буржуазией; лозунг Народного фронта заменялся новой формулой «Единство дейст-

вий рабочего класса и других трудящихся против капиталистической диктатуры и эксплуатации». Острые борьбы направлялось уже не против фашистской буржуазии, а против буржуазии вообще. Несомненно, эти недостатки в политической линии БРП объяснялись прежде всего ошибочными установками Коминтерна в тот период.

До весны 1940 г. БРП вела борьбу против обоих воюющих блоков, в равной степени оценивая их как агрессивные и империалистические. Однако уже в мае–июне 1940 г. (с поражением Франции) БРП сосредоточивает основной огонь против германского фашизма. Наиболее отчетливо перемена во внешнеполитическом курсе партии видна в воззвании ЦК в начале августа 1940 г. Это воззвание стало известно в Лондоне и было передано по радио с комментариями, что, очевидно, Россия решила порвать советско-германские отношения и намекнула о своих истинных намерениях в отношении Германии через БРП (во главе которой стоит Генеральный секретарь Коминтерна Г. Димитров). Поскольку все это произошло вскоре после пресловутой речи Молотова 1 августа, уловка английской пропаганды имела далеко идущие последствия. Димитров был вызван к Сталину и вынужден давать объяснения по поводу действий БРП. Вскоре Димитров в свою очередь вызвал к себе представителя Внутреннего ЦК БРП Ц. Драгойчеву с подробным отчетом о деятельности партии.

Внешнеполитический курс Внутреннего ЦК был подвергнут в Москве резкой критике. После отъезда Драгойчевой Загранбюро направило Внутреннему ЦК письмо, а затем телеграмму, в которых предлагало всесторонне обсудить позицию партии и срочно исправить ее тактику в соответствии с директивами Коминтерна. В конце сентября 1940 г. Внутренний ЦК под давлением Загранбюро вновь изменил свою внешнеполитическую линию.

В.В. Марьина. Позволю себе остановиться на чехословацком вопросе и отношении к нему СССР после начала Второй мировой войны.

17 сентября 1939 г. в официозной словацкой газете «Slovenská politika» появилось сообщение об установлении дипломатических отношений между СССР и Словацкой республикой. В существующей литературе по данному вопросу в качестве основного аргумента, объясняющего действия СССР, приводилось то, что он не хотел допустить укрепления влияния Германии в этом марионеточном славянском государстве. На мой взгляд, это объяснение вторично и вытекает из главного: сближение с Германией дикто-

вало СССР и новый подход к чехословацкому вопросу, который не должен был стать «камнем преткновения» в реализации взятого Советским Союзом курса. В словацкой официальной печати факт установления дипломатических отношений с СССР был оценен весьма положительно (большие надежды при этом возлагались на экономическое сотрудничество). С радостью эта весть была встречена и действовавшими в подполье словацкими коммунистами. В свете развивавшихся событий все более двусмысленным и не отвечающим интересам советской стороны становилось положение все еще функционирующего в СССР чехословацкого посольства. Посол З. Фирлингер надеялся на сохранение status quo, хотя и отдавал себе отчет в том, что такое положение не может сохраняться долго.

Внешнеполитический курс СССР на сближение с Германией, ведущий к ослаблению возможного антигитлеровского фронта, естественно, не мог вызвать симпатий Э. Бенеша (и группировавшейся вокруг него западной чехословацкой эмиграции). Этот курс ставил под угрозу успех дела восстановления Чехословакии, что, по мнению Бенеша, было возможно лишь с изменением расстановки сил на Европейском континенте в результате войны и поражения в ней Германии. Однако Бенеш никогда не верил в искренность советско-германской «дружбы», видя в действиях советского руководства лишь тактический шаг и полагая, что в конечном счете Гитлер не откажется от своей идеи похода на Восток, а СССР окажется в едином с западными державами блоке борьбы против немецкого фашизма.

Вступление Красной Армии на территорию сражающейся Польши и установление новой границы СССР хотя и не вызвали всеобщего одобрения, но приветствовались достаточно широкими слоями чешского населения, которое связывало с этим надежды на освобождение от немецкой оккупации. Налицо была и негативная оценка происшедшего некоторыми функционерами бывшей социал-демократической партии и др. Коммунисты осенью 1939 г. в подполье по-прежнему выступали под лозунгом восстановления новой, свободной Чехословацкой республики (в марте 1940 г., следуя новой линии Коминтерна, КПЧ от него отказалась, заменив лозунгом о полном праве на самоопределение для чехов и словаков).

1 декабря 1939 г. СНК СССР принял постановление об открытии постпредства СССР в Словакии (во главе с Г.М. Пушкиным). 11 декабря в Москву прибыл словацкий посол Ф. Тисо (брат президента Словацкой республики Ш. Тисо). Три дня спустя протокольный отдел НКВД СССР сообщил Фирлингеру, что

советское правительство далее не может признавать его дипломатические функции (сотрудникам посольства предоставлялось право остаться в Москве на положении частных лиц). 25 декабря Фирлингер отбыл из Советского Союза. Ликвидация посольства в Москве наносила чувствительный удар по планам Бенеша, связанным с восстановлением Чехословакии. Он расценивал этот шаг как «еще одно удручающее событие». Происшедшее не могло содействовать и росту прорусских, просоветских настроений в оккупированных чешских землях. В частности, подпольная газета «V boj» расценила это как признание Советским Союзом оккупации Чехословакии. Проявившееся в целом охлаждение в отношении к СССР было связано и с начавшейся советско-финляндской войной, которую значительная часть чешской общественности оценивала как несправедливую со стороны Советского Союза.

Т.А. Покивайлова. По-видимому, необходимо отметить сложность взаимоотношений между заграничными центрами Коминтерна и руководством компартий. Первой реакцией румынской компартии на начало Второй мировой войны было выступление в защиту Польши, которая, как говорилось в заявлении, ведет справедливую войну за свою независимость. Компартия Румынии продолжала вести линию на развитие антифашистской борьбы и создание широкого Народного фронта, на негативное отношение к фашистским и тоталитарным организациям типа Национального фронта возрождения и корпоративных союзов. Некоторые документы позволяют считать, что изменение Внутренним руководством внешнеполитической линии (в соответствии с установками Коминтерна) происходило не без сопротивления этому со стороны определенной части коммунистов.

Т.Ю. Григорьянц. Остановлюсь на отражении в немецких документах трагических событий 17 сентября и последующих дней (до заключения 28 сентября советско-германского договора «О дружбе и границе»). Соединения вермахта не остановились на согласованной по секретному протоколу демаркационной линии. Гальдер записал в своем дневнике 17 сентября: «2 [часа ночи]. Сообщение, что русские двинули свои армии через границу Польши. В 7 [часов утра] – приказ нашим войскам остановиться на линии Сколе–Львов–Владимир–Волынский–Брест–Белосток». И далее: «В первой половине дня [17-го] обмен мнениями с ОКВ [Верховное главнокомандование вермахта] относительно будущей демаркационной линии». В дневниковой записи за 20 сентября (речь идет о событиях 17 сентября) он пишет: «Трения с Россией: Львов... Разговор с генерал-полковником Браухи-

чем. Йодль: действовать совместно с русскими, немедленное совместное урегулирование разногласий на месте. ... Решено: русские займут Львов. Немецкие войска очистят Львов. День позора немецкого политического руководства». Так Гальдер расценил распоряжение Гитлера об оставлении занятых немецкими войсками районов.

Далее следует довольно любопытная запись Гальдера: «Для удовлетворения настойчивых требований Ворошилова фюрер принял решение об окончательной демаркационной линии, о чем сегодня будет официально объявлено. [Она проходит по] р. Писса, р. Нарев, р. Висла, железная дорога вдоль Сана, Перемышль...17.00. Кребс⁴ [докладывает]: переговоры закончились в дружественной обстановке».

Как мы знаем, переговоры завершились совместным германо-советским коммюнике от 22 сентября, в котором говорилось следующее: «Германское правительство и правительство СССР установили демаркационную линию между германской и советской армиями, которая проходит по реке Писса до ее впадения в реку Нарев, далее по реке Нарев до впадения ее в реку Буг, далее по реке Буг до ее впадения в реку Висла, далее по реке Висла до впадения в нее реки Сан и дальше по реке Сан до ее истока». Вместе с коммюнике в советской прессе была опубликована карта демаркационной линии. Она оказалась как раз той линией раздела сфер влияния, которая была обозначена в секретном протоколе к пакту о ненападении. Теперь дело шло уже к подписанию договора о границе.

Риббентроп писал Шуленбургу в телеграмме от 22 сентября, что «русский ход мыслей установить границу вдоль известной линии по четырем рекам совпадает в общем с точкой зрения имперского правительства». Риббентроп выразил готовность вновь прилететь в Москву. 25 сентября в 20 часов Сталин пригласил Шуленбурга в Кремль. Последний после беседы со Сталиным записал: «Сталин заявил, что ему кажется, что оставление самостоятельной, остаточной Польши ошибочно. Он сделал следующее предложение: от области, лежащей восточнее демаркационной линии, к нашей части должны быть добавлены все воеводство Люблин и часть Варшавского воеводства до Буга, за это мы отказываемся от Литвы. Сталин добавил, что в случае нашего согласия Советский Союз приступил бы тотчас же к решению проблемы балтийских государств в соответствии с секретным протоколом от 23 августа. И при этом он ожидает безусловной под-

⁴ Заместитель германского военного атташе в Москве.

держки германского правительства. Сталин говорил исключительно об Эстонии, Латвии и Литве, не упоминал, однако, Финляндию».

27 сентября в Москву прибыл Риббентроп. На следующий же день был подписан договор «О дружбе и границе» и секретные протоколы, где фиксировалось частичное изменение (с учетом предложений Сталина) германо-советской границы.

С.З. Случ. Изменение точки зрения Сталина на пограничную проблему произошло примерно 25 сентября, поскольку утром 25 сентября в Берлине об этом ничего не знали: в середине дня Гитлер подписал директиву, предусматривавшую в случае необходимости захват Литвы.

В.С. Парсаданова. Среди многих еще недостаточно разработанных проблем начального периода Второй мировой войны – вопрос о депортациях населения, о военнопленных и интернированных в СССР⁵.

Л.Я. Гибианский. С моей точки зрения, в момент перед началом войны, а тем более, когда она уже началась, все, что происходило в странах ЦЮВЕ, определялось международной ситуацией, тем соотношением сил и теми процессами, которые происходили в треугольнике Запад–фашистские державы–Советский Союз. Необходимо отметить с точки зрения общей методологической посылки: попытки анализировать ту или иную из существовавших проблем саму по себе дают неадекватный взгляд на исторический процесс. Их невозможно вычленивать из общего исторического процесса, в котором есть определяющие факторы (все же остальное оказывается подчиненным).

На мой взгляд, наша «организованная история» (классическая – социальная или классовая школа) не дает подлинного ответа на вопрос, что происходило накануне войны, в ее начальный период и впоследствии.

Много лет представителями этой школы культивировался довольно примитивный взгляд: существовал фашистский агрессор, с которым как будто все ясно; были некоторые зловерные западные державы, непрерывно подыгрывавшие этому агрессору для того, чтобы он обрушился на Советский Союз; наконец, был третий игрок, который играл всегда одну и ту же свою партию – «за мир, безопасность и укрепление международной стабильности».

⁵ Основные положения выступления В.С. Парсадановой нашли отражение в опубликованной в журнале «Советское славяноведение» (1990, № 5) статье «К истории интернированных в СССР солдат и офицеров Войска Польского».

Мне кажется, что накануне войны и в ее начальный период тем более, проявилась одна очень существенная черта, заключающаяся в том, что каждый, кто плыл в хаосе международных отношений, исходил из их конкретной комбинаторики, складывающейся сиюминутно их системы, баланса сил и их взаимосвязи. С другой стороны, четко проявилась неотделимость внешней политики от внутренней, от природы того строя, который существовал в том или ином государстве. У государств с одним типом политического режима оказались одни возможности маневрирования. А у государств с другим типом эти возможности были совершенно иными. В реальной системе международных отношений страны ЦЮВЕ существовали между двумя из трех основных международных партнеров: между Германией (и ее союзницей Италией) и СССР. Запад был третьей стороной, но практической роли в итоге не сыграл. Эта политическая структура изначально определяла все то, что должно было происходить в этих странах в зависимости от целей и действий с одной стороны Германии (и Италии), с другой стороны, Советского Союза. Судьба Восточной Европы в этой ситуации зависела от того, как сложатся отношения между СССР и Германией.

В чем заключался национально-государственный интерес СССР в главном? Обезопасить себя от агрессии, сохранить то положение, которое оказалось ослабленным в Восточной Европе после ликвидации Чехословацкой республики. А это значит – сохранение самого крупного государства, Польши, которое и отделяло СССР от Германии. Как действовало руководство Советского Союза в этой ситуации? Прямо противоположным образом.

Можно обнаружить определенную преемственность в той политике, которая была обречена, в сущности, 23 августа, и в том, что дальше происходило на протяжении всего первого периода войны. Советский Союз последовательно включает в свой состав прилегающие территории: либо целиком другие государства, либо территории, находящиеся в составе других государств. Сегодня говорилось о государственной идее «собирания земель». Но, вставая на эту точку зрения, мы будем стоять на самом деле не на реальной геополитической почве, а на почве тех представлений об имперской модели, которые унаследовал Сталин. Это совершенно разные вещи. Наконец, некоторые присоединенные территории (Буковина, Галиция) никогда в Российскую империю не входили. Я думаю, что вряд ли можно исследовать это явление, не обратившись к тому, что имело место спустя несколько месяцев после рассматриваемого нами периода: предложению о за-

ключении пакта четырех держав, которое было сделано в Берлине в ноябре 1940 г. (сегодня стало очевидным, что все документы, опубликованные по этому поводу, соответствуют действительности). И мы ответили (начиная с конца ноября, а затем в январе 1941 г.) положительно. Этот ответ, между прочим, предусматривал определенные территориальные приращения (и не малые) не на Западе, а к югу от наших границ. Если идти от этих фактов, то вся система советской внешней политики, в том числе и в отношении стран ЦЮВЕ, предстает как симбиоз разных факторов, одним из которых было то обстоятельство, что советское руководство известным образом плыло по течению, не имея сколько-нибудь реального стратегического замысла.

И второе обстоятельство: в этот момент невероятный интерес Сталина вызвали возможности прямого или косвенного (в виде патронирования) приращения территорий или утверждения влияния СССР. По крайней мере в регионе ЦЮВЕ это сказывалось чрезвычайно. Выполнима ли была эта политика в рамках системы советско-германских договоров? На регионе ЦЮВЕ, как мне представляется, раньше всего обнаружилось, что это была задача, поставленная людьми, решительно ничего не понимавшими ни в международных отношениях, ни в интересах своей собственной страны.

Советский Союз этой политикой последовательно подрывал все возможности обеспечения своей внешней безопасности, открывал Германии шаг за шагом поле полного охвата на Востоке. Сегодня уже говорилось, что в Балканских странах имелись германская, англо-французская (позже чисто английская), наконец, просоветская (переплетенная с традиционной прорусской) ориентации. Выступая против прозападной ориентации и одновременно демонстрируя свою неспособность оказать реальное влияние на развивающиеся события, СССР блокировал союз антигерманских сил внутри этих стран. В то же время руководство СССР создавало в широчайших народных массах иллюзию советско-германского сотрудничества, которую и использовали прогерманские правящие круги этих стран. Этой политикой (ее ориентированностью) фактически заранее под германское господство отдавалось то, что еще оставалось от региона Восточной Европы.

Именно политика Советского Союза в рассматриваемый период, в сущности, привела к тому, что антифашистское сопротивление на государственном уровне не было организовано и оказалось фактически невозможным.

Н.Д. Смирнова. Прежде всего некоторые коррективы по вопросу о «блоке нейтралов». Первоначальная инициатива его соз-

дания осенью 1939 г. принадлежала Германии. Вайцзеккер на переговорах с итальянскими руководителями высказал идею, что Италия должна создать на Балканах некую экономическую конфигурацию, которая воспрепятствовала бы англо-французской блокаде. По германскому плану конца 1939 г. Италии нужно было сколачивать «блок нейтралов» на Балканах и в Средиземноморье. В него также должны были входить часть латиноамериканских и скандинавских стран.

Некоторых уточнений требует и вопрос так называемого исключения Советского Союза из Лиги Наций. По сути это было не исключение, а скорее констатация существующего факта. Об этом свидетельствует и формулировка, которая содержалась в решении Совета Лиги Наций: «Советский Союз поставил себя своей акцией вне рамок Лиги Наций». На мой взгляд, позиция Англии и Франции свидетельствует скорее о том, что они делали все возможное для того, чтобы не оказаться вовлеченными в вооруженный конфликт с Советским Союзом. Западные страны, понимая характер советско-германских отношений и неизбежность предстоящего конфликта, все же не хотели в тот период окончательно бросить Советский Союз в объятия Германии, пытались не допустить интернационализации советско-финляндской войны.

А.Я. Варславан (Латвийский гос. ун-т). В конце 1939 г. на Прибалтику так же, как на Балканы и Польшу, действовали три основные силы, определенные Л.Я. Гибанским. В этой связи хочу обратить внимание на изменение характера политики Советского Союза в отношении Прибалтики. В 1939 г. он отошел от провозглашенных ранее принципов мирного сосуществования и перешел на принципы дипломатического и даже военного давления. Переломным моментом был договор от 23 августа, который несет в себе, по крайней мере, три основных отказа от принципов мирного сосуществования. В последующем отношения с Прибалтийскими государствами осуществлялись Советским Союзом с позиций полного демонтажа принципов мирного сосуществования, с учетом приобретенного опыта с Польшей.

Принцип дипломатического давления фактически проявился в заключении в сентябре–октябре 1939 г. договоров о сотрудничестве и ненападении с Прибалтийскими государствами. Уже в ходе переговоров с Мунтерсом (министр иностранных дел Латвии) Сталин заявлял: можете делать, что хотите, но у нас с Германией есть договоренность и Германия ничего не будет предпринимать против наших действий в советской зоне интересов. Очевидно, что момент принуждения здесь налицо. Еще более зримо политика дипломатического принуждения проявилась в

отношении Финляндии. Но Финляндия не поддавалась давлению, и Советский Союз применил военную силу, чтобы фактически достичь той же цели, которая была достигнута в Прибалтике.

В дальнейшем – ультимативные ноты Прибалтийским государствам в июне 1940 г. Они несут в себе и дипломатическое, и военное давление. Не требует дополнительного пояснения факт ввода в небольшое государство вдвое большего контингента армии, чем армия данного государства. Это действие никак не согласуется с принципами мирного сосуществования.

Далее появился еще один прием – экспорт революции (через своих «дипломатических наместников»), который фактически облегчил для сталинской политики того времени внешнеполитический кризис Прибалтики.

В.В. Марьина. Существовала ли, по Вашему мнению, осенью 1939 г. угроза Прибалтийским республикам со стороны Германии?

А.Я. Варслан. Во внешнеполитическом положении, по моему мнению, Прибалтийский регион уже с конца 1937 г. вошел в кризисное положение. После Чехословакии, а особенно после Клайпеды угроза со стороны Германии особенно чувствовалась в отношении Латвии и Литвы. Как результат этого – заключение в июле 1939 г. договоров о ненападении между Латвией и Эстонией с одной стороны и Германией – с другой, которые стали первым шагом в демонтаже политики «чистого нейтралитета», объявленной Прибалтийскими республиками в конце 1938 г.

Другим шагом этого процесса явилось заключение в сентябре–октябре договоров с Советским Союзом. Это второй демонтаж. Политика «чистого нейтралитета» потерпела полную неудачу. И потерпела частично потому, что и третья сила – в лице Англии – отказалась от политических гарантий в отношении Прибалтики. Во внешнеполитическом положении Прибалтийский регион оказался в кризисном положении.

Говоря о сложной обстановке 1939 г., нельзя не коснуться и внутрисполитических особенностей в Прибалтийских государствах. В руководящих звеньях их управления наблюдались определенные расслоения. В дипломатическом корпусе прослеживается прогерманская ориентация, в армейских кругах – прорусская. Последнее объяснимо: большинство старого высшего офицерства составляли выходцы из царской армии. К тому же сильные антигерманские настроения охватывали основные массы народа (что определялось почти семилетним господством германских баронов в первую мировую и гражданскую войны). В дипломатических и правительственных кругах Латвии во второй половине 1939 г. возобладали политика в направлении «большого восточ-

ного соседа». Заключение сентябрьского договора с Советским Союзом истолковывалось как положительное явление, которое создавало определенный status quo. И хотя заключение договора проходило под значительным дипломатическим давлением, он был оценен частично положительно. В народе тогда существовала поговорка-вопрос: «Что лучше – или под кнутом немца или под бородой русского?»

На мой взгляд, сохраняя буферную зону антигермански настроенных самостоятельных государств, Советский Союз больше бы предохранил свои границы, нежели сделал это включением их силой в свой состав. И это тоже один из аспектов политики «собирания земель» бывшей империи. Как подтверждение можно привести заявление Молотова в июле 1940 г.: «Мы можем радоваться, что наши бывшие земли полностью возвращаются в наш состав». Еще существовали суверенные Прибалтийские государства, но уже 18 июля 1940 г. был отдан приказ о создании Прибалтийского военного округа.

О.Н. Решетникова (Ин-т истории СССР АН СССР). С начала Второй мировой войны Югославия оказалась практически в полной изоляции, зажата «в клещи» между Италией и Германией. Привычная политика балансирования уже не давала ей гарантий против возможной экспансии со стороны «дружественных» Германии и Италии, на помощь западных держав рассчитывать не приходилось. Вот почему Белград больше не мог продолжать игнорировать Советский Союз как фактор международной политики, тем более, что Германия, этот «великий сосед» и «друг» Югославии, находилась чуть ли не в союзнических отношениях с СССР. Вследствие этого политика Югославии с началом войны приобретает новые черты: нейтралитет; стремление ничем не вызвать раздражение Германии и Италии, укрепление «дружбы» с ними; анемичные отношения с западными державами в рамках объявленного нейтралитета; установление дипломатических отношений с СССР, потенциальным союзником «дружественной» Югославии Германии. Однако советско-финляндская война помешала осуществлению практических шагов Югославии с целью нормализации отношений с Советским Союзом. Обострение международной обстановки летом 1940 г., а также давление широких кругов югославской общественности заставили югославское правительство поторопиться с установлением дипломатических отношений с СССР, хотя еще в марте 1940 г. оно склонялось к идее ограничиться лишь налаживанием торгово-экономических связей. В своей политике по отношению к СССР официальные круги действовали с постоянной оглядкой на Берлин. Если нега-

тивная реакция Рима в связи с урегулированием советско-югославских отношений в Белграде не вызвала удивления, то совершенно неожиданным для югославского правительства явилось «тихое негодование» гитлеровской Германии. Югославские дипломаты в Берлине были вынуждены убеждать германских представителей, что Югославия сотрудничает с СССР, лишь поскольку существует пакт между СССР и Германией, а премьер Цветкович заявлял, что, если придется выбирать между Германией и Советским Союзом, то он на стороне Германии.

Опасаясь вызвать недовольство Берлина, Югославия, по существу, ограничила развитие советско-югославских отношений экономической сферой. Со своей стороны, Советский Союз строил свою политику в отношении Югославии, стремясь не спровоцировать негативную реакцию Берлина. Стратегические цели СССР на Балканах состояли в том, чтобы не допустить вовлечения Югославии в войну, укрепить ее в решении оказать сопротивление Германии в случае возможного нападения. Однако связанный договором с Германией, Советский Союз играл лишь роль морального фактора, воодушевлявшего народ Югославии на борьбу за мир, против фашистской агрессии.

А.И. Пушкаш (ИСБ). Когда готовилось нападение на Польшу, в венгерских дипломатических документах говорилось о нейтралитете Венгрии. После же начала войны речь уже шла о невоюющей стороне. Обсуждался вопрос о позиции Венгрии и в случае перерастания германо-польской войны в общеевропейскую.

3 сентября польский посланник в Будапеште Орловский отправил на родину свою последнюю информацию, где он сообщал о разговоре с министром иностранных дел Венгрии Чаки. Орловский заявил Чаки, что нападение на Польшу означает и потерю независимости Венгрии, в ее интересах оказать Польше всю возможную помощь, но так, чтобы не дразнить одновременно и гитлеровцев. Чаки ответил, что он это понимает, ибо в случае проигрыша Германии положение Венгрии тоже будет тяжелым, поскольку это угрожает восстановлением Чехословакии. Орловский также заявил Чаки, что Венгрия должна считаться с Польшей, ибо если Германия проиграет, то не Бенеш будет править Юго-Восточной Европой, а Польша, которая выберет себе союзника на юге от Карпат.

Б.Й. Желицки (ИСБ). Для понимания позиции Венгрии по ряду ключевых проблем европейской политики 1939–1940 гг., логики поступков высшего руководства страны в условиях готовящейся и начавшейся Второй мировой войны следует, на наш взгляд, учитывать следующие факторы и обстоятельства,

которые так или иначе детерминировали основные политические шаги как самого руководства, так и различных венгерских политических сил. Это, во-первых, геополитический фактор. Будучи малой страной, стремящейся выжить в разгоревшемся мировом пожаре, выйти из него с как можно меньшими потерями, Венгрия пыталась (впрочем, как и другие малые государства ЦЮВЕ) сохранить свой нейтралитет и по мере возможности сопротивляться германскому давлению. Отсюда политика «качелей» и лавирования, которая стала характерной для венгерского курса как в канун, так и на начальном этапе войны, да и позже, когда страна оказалась между двумя «жерновами» в условиях столкновения двух мировых держав – германского рейха и Советского Союза (в тех условиях венгерские господствующие классы в равной мере опасались как гитлеровского фашизма, так и сталинского «социализма»). Во-вторых, важным фактором являлось неуклонное стремление к возвращению хотя бы той части утерянных в результате Трианонского мирного договора территорий, которые были компактно заселены венгерским населением. Высшее политическое руководство Венгрии сделало в этом направлении несколько конкретных шагов, что, в свою очередь, в данных исторических условиях не могло не иметь соответствующих последствий и не оказывать влияния на ориентацию внешней политики страны. Последствия империалистического диктата Версаля объективно толкали, таким образом, венгерское руководство в определенном направлении. Наконец, действенным фактором была также реальная расстановка основных политических сил страны, позиции и стремления их отдельных групп и представителей, что оказывало определяющее влияние на ход и возможное развитие событий, на формирование линии государственного руководства. Разумеется, в политической иерархии, на различных ее ступенях были представлены самые различные течения и интересы, давали о себе знать различные стремления, имело место противоборство отдельных группировок или личностей в вопросах внешнеполитической ориентации страны, но в ключевых вопросах их цели и задачи в основном совпадали.

Особую остроту приобретал вопрос о том, в какой степени, до каких пределов следует пойти на уступки усиливающимся германским требованиям, как обеспечить в тех сложных условиях относительную самостоятельность и нейтралитет Венгрии. Характерно, что именно по этим вопросам определялся водораздел между сторонниками и противниками германской ориентации. Различные политические силы, группы и отдельные деятели при-

держивались той или другой позиции в зависимости от того, какое место они занимали в политической палитре страны.

На левом фланге стояли профсоюзы и социал-демократическая партия, а также находившиеся в подполье коммунисты, позиции которых характеризовались ярко выраженной антифашистской направленностью.

Основные правительственные силы, определявшие главное направление политической ориентации, а также занимавшие политический центр либерально-буржуазные и религиозные партии, церковь и часть высшей знати были настроены в целом также антифашистски. Они побаивались и сторонились фашизма, но в равной мере пугались и коммунистической идеологии (о ней они получили в 1919 г. достаточно полное представление), по мере возможности препятствовали ее проникновению в страну и тормозили ее распространение. Все эти политические силы центра фактически стояли на либерально-центристских позициях и придерживались проитальянской и проанглийской внешнеполитической ориентации, добивались сохранения нейтралитета страны. Отдельные представители этих кругов неоднократно выражали свой протест фашизму (как, например, граф И. Бетлен, член парламента Э. Байчи-Жилински и другие, на некотором этапе к ним примыкал граф П. Телеки).

Крайне правые группировки и политические организации профашистского толка не пользовались в стране популярностью, были незначительной и малочисленной силой на венгерской политической сцене.

Вторым Венским арбитражем (30 августа 1940 г.) Германия положила конец политике лавирования и вооруженного нейтралитета, осуществлявшейся правительством Венгрии на начальном этапе Второй мировой войны. Германия «утихомирила» и Венгрию, и Румынию, втянула их в орбиту своей политики, обеспечила себе возможность и в дальнейшем пользоваться их ресурсами.

А.И. Пушкиаш. По-видимому, необходимо определить позицию Венгрии в отношении советско-финляндской войны. Венгрия и Италия готовы были оказать Финляндии военную помощь. Готовились специальные отряды, которые планировалось перебросить в Финляндию. Но, поскольку война продлилась недолго, этот план не осуществился. Возвращаясь к вопросу о позиции Венгрии в начале Второй мировой войны, хочу отметить следующий факт: 45 тыс. поляков (некоторые с семьями) все-таки перешли через Карпатские перевалы в Венгрию. Венгры пропустили и разоружили эти войска. Впоследствии они находились в основном в лагерях в районе Комарно.

В.В. Марьина. Хотела бы сказать о реакции в чешском и словацком обществе на советско-финляндскую войну. В широких слоях как чешского, так и словацкого общества эта война сначала вызвала недоумение, а затем – резкое осуждение. В определенном смысле это было обусловлено и формальным отказом Советского Союза от поддержки планов чехословацкой эмиграции восстановления Чехословакии, что выразилось в установлении дипломатических отношений со Словакией, в приезде в декабре 1939 г. в Москву словацкого посла и ликвидации чехословацкого посольства. И все же официальные круги (Бенеш, Масарик и др.) продолжали занимать в отношении СССР выжидательную позицию, не желая, видимо, осложнить в будущем решение чехословацкого вопроса. Это, в частности, сказалось и в отказе («по техническим причинам») делегации чехословацкого Национального комитета участвовать в работе Совета Лиги Наций, обсуждавшего вопрос о советско-финляндской войне.

Любопытна оценка советско-финляндской войны, данная Бенешем в одной из его инструкций на родину в марте 1940 г. Он писал: «Советская военная кампания против Финляндии показала, если даже делать осторожные выводы, что СССР плохо ее подготовил, т.е. выбрал для нее плохое время с военной точки зрения. И что он просчитался, полагая, что Финляндия подчинится нажиму так, как это сделали другие государства под немецким нажимом. Советские военные операции против Финляндии не оправдали надежд и с военной точки зрения. Еще с момента вступления советских войск на территорию Польши раздавались критические голоса, касающиеся недостатков в организации советской армии, а также узкой и односторонней подготовки советского офицерского корпуса. Эти недостатки были также причиной неудач советских войск на финском фронте. С одной стороны, была малая армия, однако хорошо подготовленная, во главе с хорошим офицерским корпусом и защищающая свою землю с энтузиазмом. В то же время советская армия наступала без воодушевления и на всех ее действиях явно сказывались организационные недостатки и слабость командования. С трудом достигнутые успехи СССР оплатил огромными потерями».

Как воспринималась советско-финляндская война коммунистами? Прежде всего – не как локальный конфликт, а как начало столкновения между капитализмом и социализмом. В опубликованных в нелегальной газете «*Rude pravo*» материалах, в листовках оценки этой войны полностью соответствуют тем, которые в это время давались Коминтерном. Однако необходимо отметить, что точка зрения руководства компартий в большинстве

случаев не совпадала с мнением и настроением как их рядовых членов, так и прогрессивно настроенного населения стран. Так, коммунист-журналист Райцен сообщал Готвальду, что распространены мнения о том, что СССР предал малые народы, разделил их с Германией.

Весной 1940 г., когда стало ясно, что успехи Германии на Западе неоспоримы, настроения чешской эмиграции вновь колебнулись в сторону Советского Союза (это, в частности, проявилось в попытках Бенеша восстановить чехословацкое представительство в Москве, наладить отношения разведывательных служб). В июле 1940 г. Бенеш высказал надежду, что в конце концов Советский Союз восстановит свое доброе отношение к Чехословакии и положительно отнесется к решению чехословацкого вопроса. Поворот различных слоев общества в сторону России наблюдается также в протекторате и в Словакии. В подпольной коммунистической печати однозначно – с позиций газеты «Правда» – давались оценки «воссоединения» с СССР Литвы, Латвии, Эстонии, Бессарабии и Северной Буковины, поражения Франции.

Е.К. Жигунов (ИСБ). Касаясь вопроса об оценках советско-финляндской войны, нельзя не привести высказывание Л.Д. Троцкого, по времени (13 марта 1940 г.) и по характеру почти совпадающее с цитированным В.В. Марьиной высказыванием Бенеша. «Финляндская осечка, – писал Троцкий в Койоакане, – открывает в биографии Сталина главу упадка.

В дни вторжения Красной Армии в Польшу советская печать открыла внезапно великие стратегические таланты Сталина, будто бы обнаруженные им уже во время гражданской войны, и сразу провозгласила его сверх-Наполеоном. Во время переговоров с балтийскими делегациями та же печать изображала его величайшим из дипломатов. Она обещала впереди ряд чудес, осуществляемых без пролития крови, силою одних лишь гениальных комбинаций. Вышло не так. Не сумев оценить традицию долгой борьбы финского народа за независимость, Сталин полагал, что сломит Гельсингфорс одним дипломатическим нажимом. Он грубо просчитался. Вместо того чтобы вовремя пересмотреть свой план, он стал угрожать. По его приказу «Правда» давала обещание покончить с Финляндией в несколько дней. В окружающей его атмосфере византийского раболепства Сталин сам стал жертвой своих угроз: они не подействовали на финнов, но вынудили его самого к немедленным действиям. Так началась постыдная война – без необходимости, без ясной перспективы, без моральной и материальной подготовки, в такой момент, когда сам календарь, казалось, предостерегал против авантюры.

Замечательный штрих: Сталин даже не подумал, по примеру своего вдохновителя Гитлера, выехать на фронт. “Кремлевский комбинатор” слишком осторожен, чтобы рисковать своей фальшивой репутацией стратега. К тому же лицом к лицу с массами ему нечего сказать. Нельзя даже представить себе эту серую фигуру с неподвижным лицом, с желтоватыми белками глаз, со слабым и невыразительным гортанным голосом перед лицом солдатских масс, в окопах или на походе. Сверх-Наполеон осторожно остался в Кремле, окруженный телефонами и секретарями.

В течение двух с половиной месяцев Красная Армия не знала ничего, кроме неудач, страданий и унижений: ничто не было предвидено, даже климат. Второе наступление развивалось медленно и стоило больших жертв. Отсутствие обещанной «молниеносной» победы над слабым противником было уже само по себе поражением. Оправдать хоть до некоторой степени ошибки, неудачи и потери, примирить хоть задним числом народы СССР с безрассудным вторжением в Финляндию можно было только одним путем, именно – завоевав сочувствие хотя бы части финляндских крестьян и рабочих путем социального переворота. Сталин понимал это и открыто провозгласил низвержение финляндской буржуазии своей целью: для этого и был извлечен из канцелярии Коминтерна злополучный Куусинен. Но Сталин испугался вмешательства Англии и Франции, недовольства Гитлера затяжкой войны и – отступил. Трагическая авантюра заключилась бастардным миром: “диктатом” по форме, гнилым компромиссом по существу.

При помощи советско-финляндской войны Гитлер скомпрометировал Сталина и теснее привязал его к своей колеснице. При помощи мирного договора он обеспечил за собой дальнейшее получение скандинавского сырья. СССР получил, правда, на северо-западе стратегические выгоды, но какой ценой? Престиж Красной Армии подорван. Доверие трудящихся масс и угнетенных народов всего мира утеряно. В результате международное положение СССР не укрепилось, а стало слабее. Сталин лично вышел из всей этой операции полностью разбитым. Общее чувство в стране, несомненно, таково: не нужно было начинать недостойной войны, а раз она была начата, нужно было довести ее до конца, т.е. до советизации Финляндии. Сталин обещал это, но не исполнил. Значит, он ничего не предвидел: ни сопротивления финнов, ни морозов, ни опасности со стороны союзников»⁶.

⁶ *Троцкий Л.* Сталин после Финляндского опыта // *Он же.* Портреты. Нью-Йорк, 1984. С. 91–94.

С.З. Случ. Первый из договоров с Прибалтийскими государствами был подписан в тот же день, что и договор «О дружбе и границе» с Германией. В тактическом плане первый этап процесса их включения в состав СССР был связан именно с навязыванием договоров, ограничивавших суверенитет этих стран, с размещением здесь военных контингентов. На переговорах с министром иностранных дел Литвы Сталин, настаивая на необходимости присутствия здесь 30-тысячного контингента, убеждал своего собеседника в том, что советские войска будут для Литвы реальной гарантией независимости: «Наши гарнизоны помогут Вам подавить коммунистическое восстание, если оно произойдет в Литве».

Второй этап ликвидации суверенитета Прибалтийских государств начался в момент наибольшей занятости Германии в ходе западной кампании. К этому времени изменяется и позиция советского руководства по вопросу о нейтралитете малых стран. 16 мая 1940 г. «Известия» писали в передовой статье (имевшей отношение не только к Прибалтийским государствам, но и ко всем странам ЦЮВЕ): «Что касается малых стран... то последние события еще раз подтвердили, что “нейтралитет” малых стран, за которым нет реальной силы, способной обеспечить этот нейтралитет, является ничем иным, как фантазией. Всякие рассуждения о правомерности или неправомерности действий в отношении малых стран, когда великие империалистические державы ведут войну не на жизнь, а на смерть, могут быть только наивными». 15 июня после предъявления ультиматумов правительствам Литвы, Латвии и Эстонии этот вопрос был решен не в пользу сохранения даже ограниченного суверенитета этих государств. Однако подобное развитие событий не являлось неожиданностью для Германии. Свидетельством этому может служить красноречивая запись в дневнике Геббельса: «Литва, Латвия и Эстония перешли, или лучше сказать, переведены в состав Советского Союза. Это наша цена за нейтралитет России».

Л.Я. Гибианский. Практически в войне, которую начал Советский Союз против Финляндии, все было запрограммировано изначально той кампанией, которая была проведена против Польши. Хочу в этой связи напомнить, что при обсуждении 31 октября на V Внеочередной сессии Верховного Совета доклада Молотова о внешней политике Советского Союза выступил только второй секретарь Ленинградского обкома и горкома партии А.А. Кузнецов, который предложил не проводить прений по докладу, поскольку есть только одно предложение – полностью одобрить внешнюю политику правительства. При этом Кузнецов

высказал следующие принципиальные положения: «Заключение пактов о взаимопомощи между СССР, Эстонией, Латвией и Литвой обеспечивает надежную оборону как Советского Союза, так и самих Прибалтийских стран. Эти договоры служат действительному укреплению дела мира. Тем более непонятным становится поведение правящих кругов Финляндии, которые до сих пор тормозят заключение договора между СССР и Финляндией. Я не знаю, на кого рассчитывают представители этих правящих кругов. Нам хорошо известно, что кое-какие правительства в Европе тоже на кого-то рассчитывали, надеялись, даже имели гарантии, но что из этого получилось, также хорошо всем известно». Таким образом, было обозначено, что если дипломатическими средствами не удастся вынудить правительство Финляндии согласиться на требования, выдвинутые советской стороной, то в таком случае будет иметь место то, что случилось 17 сентября с Польшей.

С.З. Случ. Несколько слов о стратегической линии Германии. Еще в ходе французской кампании по различным каналам шел активный зондаж в Великобритании так называемой кливлендской группы по поводу возможности заключения соглашения с Германией на условиях предоставления ей свободы рук в континентальной Европе и сохранения Британской империи (даже выделения сил для ее охраны). Одновременно в конце мая 1940 г. группой консерваторов во главе с Чемберленом на Черчилля был оказан серьезный нажим в плане возможности заключения соглашения с Германией. Последний этап в этой стратегии – выступление Гитлера в рейхстаге 19 июля, когда он обратился с далеко идущими предложениями к Великобритании.

Параллельно прорабатывались и другие варианты выведения Великобритании из войны (в частности, операция «Морской лев»). Гитлер ставил себе в заслугу поиски возможности ведения войны на одном фронте, поскольку уже 2 июня (в беседе с Йодлем) он определяет следующим этапом агрессии Россию. С начала августа предпринимается попытка бомбардировками принудить Англию к капитуляции. На совещаниях 21 и 31 июля с высшим военным и политическим руководством Гитлер формулирует идею разгрома Советского Союза. Причем, понимая, что незавершенность войны на Западе вызовет недовольство этим планом со стороны высшего военного руководства, он обосновывает свою позицию следующим образом: Советский Союз и Англия остались на континенте без союзников; единственная надежда Англии теперь – Советский Союз, разгром которого поставит на колени и Англию.

М.Д. Ерещенко (ИСБ). Начало Второй мировой войны застало румынское правительство связанным определенными обязательствами перед Польшей и западными странами. Официально объявив нейтралитет в первые же дни войны, оно фактически отказалось от выполнения своих договорных обязательств. В Бухаресте пытались объяснить принятое решение желанием избежать «осложнений с соседними странами». Фактически же тактика «игры на двух столах» европейской дипломатии уступала место прогерманской ориентации.

С конца 1939 г. официальные круги Румынии неоднократно пытались прозондировать в европейских столицах возможность получить защиту в случае угрозы территориальных притязаний со стороны Венгрии, Болгарии и особенно Советского Союза, в отношениях с которыми доминировали спорные территориальные вопросы. В этой связи весьма показательным был зондаж румынской стороны по поводу ставшего ей известным настораживающего факта, что 5 декабря 1939 г. первый заместитель наркома иностранных дел Потемкин в беседе с французским послом в Москве обратил внимание последнего, что без возвращения Бессарабии Одесса – «мертвый порт» и что в новых международных условиях советское правительство к этой проблеме не может относиться безучастно.

Зимой 1940 г. румынское правительство проводило, и небезуспешно, переговоры с Турцией относительно ее согласия оказать помощь в случае «русской угрозы». Такие же переговоры в Риме с министром иностранных дел Италии Чиано закончились подписанием в марте 1940 г. совместного соглашения. Итальянское руководство рекомендовало Румынии проявлять «твердость» в отношениях с СССР и обещало оказать ей «полную поддержку» ради сохранения «первого барьера против большевизации Балкан».

Как «угрожающий симптом» было воспринято в МИД Румынии заявление Молотова на сессии Верховного Совета 29 марта 1940 г.: «У нас нет пакта о ненападении с Румынией. Это объясняется наличием нерешенного вопроса, вопроса о Бессарабии, захват которой Румынией Советский Союз никогда не признавал, хотя и никогда не ставил вопроса о возвращении Бессарабии военным путем». В течение двух последующих дней представители румынского руководства неоднократно встречались с членами германской миссии в Бухаресте в расчете получить успокоительные заверения в обмен на подтверждение курса на румыно-германское сотрудничество. На заседании румынского правительства 15 апреля Кароль II заявил, что Румыния должна присоеди-

ниться к «политической линии Германии» и предложил руководствоваться этим намерением в переговорах с Берлином.

Поражение Франции произвело шоковую реакцию на Бухарест. В течение недели румынские правящие круги завершили подготовку и подписали с Германией «нефтяной пакт», который обязывал Румынию сразу на треть увеличить поставки нефти рейху. Румынский король не говорил больше о нейтралитете страны. МИД Румынии подготовил меморандум, в котором румынское правительство сообщало о своем желании развивать с Германией «тесное сотрудничество... не только в экономической, но и во всех прочих областях». Все точки над «i» были поставлены во втором меморандуме, составленном лично Каролом II для Гитлера и переданном 20 июня 1940 г. Румыния окончательно связала свою судьбу с Германией.

В этих условиях СССР не стал больше откладывать решение бессарабского вопроса. 23 июня 1940 г. Молотов передал через германского посла советское заявление германскому руководству о стремлении Советского Союза «разрешить бессарабскую проблему, не прибегая к силе, мирным путем...». Одновременно был поставлен вопрос и о части Буковины с преимущественно украинским населением. Молотов выразил уверенность, что германское руководство поддержит действия СССР, и, в свою очередь, обещал, что «советское правительство сделает все от него зависящее, чтобы обеспечить интересы Германии в Румынии». И в беседах в Москве, и при рассмотрении советского заявления в Берлине стороны ссылались на содержание секретного протокола к советско-германскому пакту от 23 августа 1939 г.

В ответ на советское обращение Гитлер передал по телефону инструкции германскому послу в Москве: сообщить Молотову, что Германия сохраняет приверженность московским договоренностям и «не проявляет никакого интереса к проблеме Бессарабии»; германская сторона обращает внимание лишь на судьбу проживающих на этой территории примерно 100 тыс. немцев и надеется, что их будущее будет гарантировано, а также на проблемы Буковины, которая «в прошлом была частью Австрийской короны» и также имеет немецкое население, к судьбе которого Германия проявляет интерес. По остальным проблемам советско-румынских переговоров по Бессарабии Германия обещала действовать «в духе московского договора и советовать Румынии добиваться мирного разрешения бессарабского вопроса в соответствии с русскими условиями». Германский МИД настаивал, чтобы Шуленбург подтвердил Молотову, что Германия «особо

заинтересована в том, чтобы Румыния не стала театром военных действий».

Практически в этих консультациях между Москвой и Берлином в 20-х числах июня 1940 г. все основные сложности вопроса о Бессарабии были разрешены, заодно выяснены советской стороной и позиции Берлина относительно Северной Буковины. 26 июня, через час после переданного Шуленбургом германского ответа, Молотов принял румынского посла в СССР и вручил ему ноту правительству Румынии о необходимости немедленного решения бессарабского вопроса, поставив условием, чтобы в течение четырех дней, начиная с 28 июня, румынские войска очистили территорию Бессарабии и Северной Буковины. Румыния в июне 1940 г. была последней уступкой со стороны Гитлера Советскому Союзу и последней политической акцией по реализации пакта Молотова–Риббентропа.

А.И. Пушкаш. Думаю, что определенный интерес может представлять оценка советской внешней политики середины 1940 г., данная в донесении от 11 июля венгерского посланника Криштофи из Москвы в Будапешт. Этот обобщающий материал (озаглавленный «Венгрия и Советский Союз») был составлен Криштофи на основе его бесед с Молотовым и другими представителями НКВД. В частности, Криштофи сгруппировал высказанные Молотовым позиции по советско-венгерским отношениям: «У Советского Союза нет никаких требований в отношении Венгрии... Советское правительство считает венгерские территориальные притязания к Румынии обоснованными и готово их поддержать на мирной конференции, если бы туда вынесли такой вопрос... В случае эвентуального венгеро-румынского конфликта поведение Советского Союза вытекало бы из позиции, занятой в отношении венгерских требований... С целью заключения торгового соглашения советское правительство готово начать переговоры в самое ближайшее время». И далее: «Из этих обобщенных сообщений, – писал Криштофи, – можно сделать выводы, что советское правительство намерено отойти в отношениях с Венгрией от прежней сдержанной позиции... согласно наполнить их со своей стороны новым внутренним содержанием... Немецко-советские отношения идут гладко, но с подозрениями... Советское правительство радо бы видеть венгерско-румынский конфликт, поскольку он мог бы помешать германским интересам. Теперь можно только к этому дополнить то, что советское правительство надеялось в этой заварушке осуществить территориальные притязания за счет Румынии... От младших работников немецкого посольства я слышал утверждение, что со-

ветское правительство не может отказаться от Закарпатья, ибо пока часть украинского народа живет за советскими пределами, до тех пор украинский вопрос окончательно не закрыт. И они попытаются это сделать, как только венгры окажутся в тяжелом положении... В любое время советская внешняя политика, поскольку она не имеет моральной основы, может изменить свое направление».

В.К. Волков. Завершая дискуссию, считаю необходимым напомнить всем ее участникам, что наш следующий «круглый стол» хронологически будет охватывать период с сентября 1940 г. по 22 июня 1941 г.

Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы накануне нападения Германии на СССР (сентябрь 1940 – июнь 1941)*

Предлагаемый читателю «круглый стол», подготовленный Сектором истории международных отношений Института славяноведения и балканистики АН СССР (ИСБ), проведенный в начале декабря 1990 г., завершает серию опубликованных журналом дискуссий по вопросам международных отношений в Европе накануне и в начальный период Второй мировой войны.

В.К. Волков (ИСБ). Период, события которого мы сегодня поставили в качестве предмета обсуждения, это примерно год до нападения Германии на Советский Союз, что и определяло характер происшедшего в то время. В принципе о событиях этого периода известно очень многое. Но следует сказать, что реальная политика в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ) тогда осуществлялась не только методами официальной дипломатии, а в значительной степени методами разведслужб. Балканы были своеобразным полигоном всех разведывательных организаций: германской, советской, британской (начальник болгарской полиции Н. Гешев, например, являлся британским агентом). Вторгалась туда и молодая американская разведка (миссия Доновена). Но как раз эта сторона труднее всего поддается исследованию, ибо ни одна разведслужба историкам своих документов полностью никогда не откроет.

Второе «белое пятно» относится к советской внешней политике. Мы до сих пор не знаем ее движущих мотивов и стимулов. Советской политике сталинского периода вообще, а в 1940–1941 гг. в особенности, была присуща глубокая раздвоенность, когда аргументация выдвигалась одна, действия были другими, а уж последствия совершенно непредсказуемыми, даже не предвиденными руководством НКВД. Это была в полном смысле слова «кухаркина дипломатия».

* Опул.: Советское славяноведение. 1991. № 4. С. 3–23.

Когда мы говорим о внешней политике в регионе ЦЮВЕ, нужно иметь в виду два уровня: во-первых, политику великих держав в этом регионе; во-вторых, влияние ее на сложный клубок противоречий между балканскими странами. Это затрудняет общее понимание и видение тех направлений внешней политики, которые проводились каждой из сторон. Но сначала, конечно, следует разобраться в характере глобальной расстановки политических сил. Нужно прежде всего сказать о последствиях разгрома Франции и исчезновения ее как великой державы из мировой политики. Этого не предвидели ни западные державы, ни советское руководство. Последнее неудивительно, поскольку прогнозистом Сталин не был. Его можно назвать хорошим тактиком, но не стратегом.

Международные последствия поражения Франции были совершенно уникальными. И они сказались сразу и в первую очередь – на темпах формирования англо-американского союза. На следующий же день после разгрома Франции англо-американский союз вступил в строй действующих. Начиная с этого момента, можно говорить о совместной англо-американской политике, в том числе и на Балканах. Это, во-первых. Во-вторых, полностью изменилась позиция Японии. Если до лета 1940 г. отношения между Японией и Германией были весьма прохладными вследствие заключения германо-советского пакта, то теперь начались очень быстрые переговоры о заключении Тройственного пакта. И этот глобальный фашистский блок был создан уже в сентябре 1940 г. В-третьих, в очень сложном положении оказался Советский Союз. С одной стороны, Сталин решил воспользоваться создавшейся ситуацией и решить проблему Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины. Но все это было сделано предельно грубо, топорно, в свойственном Сталину имперском стиле, принесло Советскому Союзу впоследствии много хлопот и вызывает их до сих пор. С другой стороны, после разгрома Франции совершенно чудовищное ускорение получила внешнеполитическая программа Гитлера. И если Сталин решал проблемы тактические, то Гитлер уже начал решать стратегические в смысле подготовки нападения на СССР. 31 июля 1940 г. Гитлер отдал распоряжение о начале разработки конкретного плана нападения на Советский Союз, получившего в декабре того же года наименование план «Барбаросса». И одновременно, 1 августа 1940 г. на заседании Верховного Совета выступил В.М. Молотов со своей печально знаменитой речью, в которой говорилось, что в основе отношений между Германией и СССР лежат не случайные привходящие факторы, а коренные государственные интересы Советского Союза и Германии...

Перед советским руководством тогда возник вопрос: что делать? Решается он двойной бухгалтерией. С одной стороны, указанное заявление Молотова, а с другой – серия бесед посланника Югославии М. Гавриловича с советскими руководителями об угрозе Германии славянским странам, необходимости сплотиться. Беда только в том, что все сообщения югославского посланника из Москвы очень скоро оказывались в Берлине, поскольку у германской разведки имелся агент в МИД Югославии. Так что двойная бухгалтерия себя не оправдала. Она только показала двойственность советской политики. Германия же начиная с августа 1940 г. фактически перестала считаться с реальными интересами Советского Союза и совершала действия, нарушавшие советско-германский пакт о ненападении. Первым таким актом стало проведение второго Венского арбитража, где была решена судьба Трансильвании. Советской стороной германской дипломатии было заявлено, что это расценивается как нарушение договоренности между Германией и Советским Союзом. Затем последовала попытка созвать экспертов по Дунаю без СССР, вызвавшая протест советского правительства, поскольку СССР уже стал, после присоединения Бессарабии, дунайской державой. Началась серия переговоров по Дунаю, длившаяся примерно два месяца. На рубеже октября–ноября 1940 г. переговоры зашли в тупик. Третья проблема заключалась в появлении так называемых учебных германских войск «военной миссии» на территории Румынии. Тут последовал уже формальный протест Молотова о нарушении Германией условий советско-германского договора. С этого момента мы наблюдаем эскалацию советско-германских противоречий на Балканах. Но при этом возникают вопросы: имели ли эти противоречия тактический или стратегический характер? Как их оценивала советская сторона? Каковы были действительные цели советской внешней политики на Балканах? Что касается целей, то это было желание твердо закрепить свои позиции в данном регионе, рассматривавшемся как зона безопасности Советского Союза. В результате появление германских войск в Румынии трактовалось как барьер, который немцы выставили, чтобы отсечь Советский Союз от Балкан или Балканы от Советского Союза. И ставилась задача – барьер разрушить! Но как? Путем установления тесных отношений с Болгарией и Югославией. Однако тот, кто планировал советскую внешнюю политику, явно не знал балканских реалий. Югославия и Болгария в одном блоке были несовместимы.

Поставленные задачи имелись в виду во время визита Молотова в Берлин. В это время Гитлер предложил СССР присоеди-

ниться к Тройственному пакту. Характерно, что Молотов не отверг это предложение, но выдвинул четыре условия присоединения. Условия такие, что над ними крепко призадуматься. И опять возникает вопрос: была ли это тактическая или стратегическая линия? Я лично склонен думать, что здесь не было ни глубокой стратегии, ни глубокой тактики, в Москве просто хотели выиграть время. Мне кажется, что тогда никакой продуманной линии во внешней политике не было, потому что шараханье из стороны в сторону, допускавшееся советской дипломатией, попросту чудовищно.

26 ноября 1940 г. Советский Союз ответил на предложение Германии о присоединении к пакту, выдвинув при этом четыре условия: вывод германских войск из Финляндии и Румынии; заключение договора о дружбе и взаимопомощи между СССР и Болгарией и создание советских баз в зоне проливов; признание советской зоны интересов к югу от линии Батум–Баку; отказ Японии от всех дальневосточных притязаний, сахалинских концессий и т.д. Совершенно очевидно, что мы имеем дело с такой группой вопросов, которую трудно увязать во что-то единое. Воистину «кухаркина дипломатия» в действии. К тому же, ответу от 26 ноября предшествовало прямо противоположное заявление ТАСС от 23 ноября о том, что СССР не одобряет присоединение Венгрии к Тройственному пакту.

Теперь посмотрим, какова была балканская политика СССР. В Софию 25 ноября 1940 г. прибыл советский дипломат А.А. Соболев. В советских документах об этом ни слова. А после его отъезда в Софии распространились листовки, в которых говорилось, что СССР предлагает удовлетворение болгарских территориальных претензий – присоединение Адрианополя, выход Болгарии в Эгейское море. Одновременно в Москве в беседе с послом Турции Актаем советские представители заявляют, что СССР понимает заинтересованность Турции в обеспечении ее безопасности и хочет даже помочь ей в этом. В то же время советский посол в Афинах ведет переговоры о поставках оружия Греции. Как все это согласуется? Ведь совершенно очевидно, что в «балканском дипломатическом мешке» шила не утаишь. Там все всё друг о друге знают. Ничего, кроме компрометации дипломатии СССР, в итоге не получилось. И этот курс держится долго, вплоть до весны 1941 г., когда сам объект курса исчезает. Семь месяцев для периода войны – это гигантский срок!

В то же время в Москве были убеждены, что западные державы пытаются на Балканах столкнуть Германию и СССР. Об этом говорят многие источники, прежде всего разведывательно-

го характера. В тот момент у СССР был хороший источник информации в Лондоне – Ким Филби. Английская дипломатия действительно считала, что в создавшихся условиях СССР и Великобритания – «естественные союзники» против германской экспансии на Балканах. Американцы проводили мощную кампанию дезинформации Германии через известных им немецких резидентов в западном полушарии. Был и третий источник, а именно германская дезинформация, маскировавшая мероприятия по подготовке нападения на Советский Союз. О ней мы знаем совершенно недостаточно.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на миссию Доновена на Балканах. Доновен был личным представителем Рузвельта, и целью поездки являлось создание антигерманского фронта на Балканах. При этом все его действия тесно координировались с британскими представителями и спецслужбами на Балканах. С Доновеном происходили странные вещи. Как известно, в Софии у него пропал бумажник с секретнейшими документами. Об их содержании можно только гадать. Можно также предположить, что в основном они содержали секреты германской стороны и раскрывали планы Гитлера. Как «пропал» бумажник, дело запутанное, на этот счет существует много фантастических домыслов. Важно, к кому он попал? Я смотрел разные немецкие материалы, в них и намек нет на то, что Берлин получил этот бумажник. Я глубоко убежден в том, что бумажник Доновена с документами хранится в одном из сейфов где-то в переулках близ Лубянки. Именно после пропажи документов генерал армии Голиков, начальник Главного разведывательного управления Красной Армии, уверенно пишет в своих донесениях: «Как известно, американцы и англичане провоцируют столкновение на Балканах». Возможно, это была сознательно подстроенная утечка информации. Но с какой целью? Конечно, не для того, чтобы столкнуть Россию и Германию лбами.

Цель была иной – шла борьба за союзника. И в этой борьбе можно даже поставить определенные вехи. Начало января 1941 г., беседа госсекретаря К. Хэлла и его заместителя С. Уэллеса с послом СССР в США К.А. Уманским, которому открытым текстом говорится: американское правительство располагает сведениями о начавшейся подготовке гитлеровской Германии к нападению на Советский Союз. Вы знаете, что являлось самой большой тайной Второй мировой войны? Это проблема «Энигмы». «Энигма» – шифровальная машина германского Генерального штаба. К ней подбирали ключи многие, но наибольший вклад внесли поляки и чехи, а результаты передали английской

разведке, создавшей целый городок дешифровальщиков, где работали в годы войны около 40 тыс. человек. Они читали всю секретную переписку германского Генерального штаба. Именно в этом отгадка секрета, почему со столь малыми силами англичане добились таких больших успехов в борьбе против Германии. Короче говоря, первое сообщение Уэллеса Уманскому – также результат работы английских дешифровальщиков. В январе 1941 г. американцы снимают так называемое «моральное эмбарго» на торговлю с СССР. Целый ряд мероприятий аналогичного порядка проводят англичане. Более того, 13 июня 1941 г., т.е. за день до публикации печально знаменитого сообщения ТАСС, Иден заявил Майскому, что в случае германского нападения СССР может рассчитывать на полную поддержку и лояльность Британской империи.

Итак, где-то с конца 1940 – начала 1941 г. Великобритания и США начинают борьбу за создание антигитлеровского блока. Единственным, кто сопротивлялся, был Советский Союз. И сопротивлялся энергично и упорно. Думаю, что миссия Доновена была одним из ходов в этой политике.

И последнее. Существовала ли переписка Гитлера со Сталиным? Сейчас появилось много спекуляций и о встрече двух диктаторов. В последнее я не верю. Но переписка между ними была. Известно, что Гитлер переписывался буквально со всеми руководителями, с которыми он вступал в какие-либо контакты. Начало ей положил обмен телеграммами, который сопровождал подписание советско-германского пакта о ненападении. Мне кажется, что эта переписка с немецкой стороны была уничтожена (вспомним историю с уничтожением секретных протоколов пакта Риббентроп–Молотов). Но следы переписки искать надо. Существуют следы готовившейся встречи двух диктаторов. Я долго думал, зачем Сталину потребовался пост председателя СНК, на который он вступил 6 мая 1941 г.? Вряд ли это давало ему какие-то новые права или полномочия. Но, вероятно, ввиду намечавшейся встречи ему был необходим не просто партийный, но государственный пост. Более того, был даже сделан многозначительный внешнеполитический жест в сторону Гитлера после занятия Сталиным поста председателя СНК – разрыв дипломатических отношений с Бельгией, Норвегией и Югославией (8 мая 1941 г.).

Ф.И. Фирсов (Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). Когда думаешь о реакции наших историков на проблемы советской внешней политики конца 30-х – начала 40-х годов, то невольно приходит в голову известный чеховский персонаж, кото-

рый дал чеканную фразу: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда».

Напомню ситуацию в связи с протоколами к советско-германскому пакту о ненападении и то, как некоторые наши специалисты категорически отрицали их существование. Нечто аналогичное, по-моему, сейчас происходит с вопросом о возможности вступления Советского Союза в Тройственный пакт. В журнале «Новое время» опубликована статья публициста-международника Л. Безыменского¹, в которой вполне аргументированно и обоснованно доказывается абсурдность версии историка Д.Г. Наджафова о якобы имевшей место встрече Сталина с Гитлером. Но вот, исследуя вопрос о возможности вступления СССР в Тройственный пакт, автор цитирует четыре условия вступления, которые были выдвинуты Сталиным. И пишет, что спор о смысле и подоплеке советского ответа идет до сих пор, что трудно принять версию, будто Сталин всерьез планировал подобную акцию. Мне кажется, что и в данном случае сработал принцип «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда».

Я хочу рассмотреть несколько архивных документов из Центрального партийного архива в Софии², которые, полагаю, проливают свет на эти вопросы.

25 ноября 1940 г. Г. Димитров был вызван к Молотову. В записи Димитрова о беседе читаем: «У Молотова. Говорили о Болгарии. Указал ему, что необходимо принять срочные меры, чтобы Болгария не попала под исключительное влияние Германии и не была бы использована как ее послушный инструмент. Молотов: Мы действуем в этом направлении. Как раз сегодня будем обсуждать ряд конкретных мер. В Берлине мы с немцами не заключили никакого соглашения и не принимали никаких обязательств. Немцы обрабатывают теперь Турцию. И это, они считают, главное. Что будет делать Турция, трудно предвидеть. Но мы следим внимательно, что там делается, и то, что вокруг Турции происходит. Немцы хотят представить, что мы одобрили их планы на Балканах. Зато мы и опубликовали опровержение по поводу присоединения Венгрии к Тройственному пакту. Теперь все будут знать, что мы не давали никакого согласия. Димитров: Мы ведем курс на разложение оккупационных немецких войск в разных странах. И эту работу, не крича об этом, хотим еще больше усилить. Не помешает ли это советской политике? Молотов: Ко-

¹ *Безыменский Л.А.* Встречался ли Сталин с Гитлером? // Новое время. 1990. № 48. С. 34–37.

² Ф. 146. Оп. 2. Д. 6.

нечно, это надо делать. Мы не были бы коммунистами, если бы не вели такой курс. Только делать это надо бесшумно».

Димитров вернулся от Молотова к себе. Но тут же, видимо, раздался телефонный звонок. Следующая запись Димитрова: «Только что вернулся в Коминтерн, был вызван к Сталину. Застал там Молотова и Деканозова. Сталин: Мы сегодня делаем болгарам предложение о заключении пакта о взаимопомощи. Не гарантии, как, видимо, болгарский посол Семенов (скорее всего, Стаменов, у Димитрова описка. – Ф.Ф.) раньше неправильно понял Молотова, предлагаем мы, а пакт о взаимопомощи. Мы указываем болгарскому правительству, что безопасности обеих стран угрожается со стороны Черного моря и проливов и требуются совместные усилия для обеспечения этой безопасности. Исторически опасность шла всегда отсюда: Крымская война, занятие Севастополя, интервенция Врангеля в 1919 году и так далее. Мы поддерживаем территориальные претензии Болгарии – линия Мидия – Энос (Адрианопольская область, Западная Фракия, Додегач, Драма и Кавала). Мы готовы оказать болгарам помощь хлебом, хлопком и так далее в форме займа, а также флотом и другими способами. Если будет заключен пакт, конкретно договоримся о формах и размерах взаимной помощи. При заключении пакта о взаимопомощи *мы не только не возражаем, чтобы Болгария присоединилась к Тройственному пакту, но тогда и мы сами присоединимся к этому пакту.* Если болгары не примут это наше предложение, они попадут целиком в лапы немцев и итальянцев и тогда погибнут. В отношении Турции мы требуем базы, чтобы проливы не могли быть использованы против нас. Немцы, видимо, хотели, чтобы итальянцы стали хозяевами проливов. Но они сами не могут не признать наших преимущественных интересов в этой области. *Мы турок выгоним в Азию. Какая это Турция! Там два миллиона грузин, полтора миллиона армян, один миллион курдов и так далее. Турок только 6–7 миллионов.* Главное теперь Болгария. Если такой пакт будет заключен, Турция не решится воевать против Болгарии. И все положение на Балканах иначе будет выглядеть. Неправильно считать Англию разбитой. Она имеет большие силы в Средиземном море. Она непосредственно стоит у проливов.

После захвата греческих островов Англия усилила свои позиции и в этой области. Наши отношения с немцами внешне вежливые, но между нами есть серьезные трения. Предложение болгарскому правительству сегодня передано. Наш пратеник (полпред) уже был принят Филовым. Скоро будет принят и царем Борисом. Нужно, чтобы это предложение знали в широких бол-

гарских кругах. (Решили вызвать Стаменова, чтобы ему сообщить сделанные Софии предложения)».

Вернувшись к себе, Димитров немедленно посылает в Софию Болгарской компартии телеграмму: «Советское правительство сегодня отправило болгарскому правительству конкретное предложение по заключению пакта о взаимопомощи. Советское правительство считает, что обеспечение безопасности Болгарии и Советского Союза в отношении Черного моря и проливов и сохранение мира – это жизненный интерес обеих стран и для этого требуются совместные усилия. Советский Союз поддерживает справедливые территориальные претензии Болгарии и особенно возвращение Адрианопольской области [до] линии Мидия – Энос, Западная Фракия с Додеагачем, Драма, Кавала, и окажет Болгарии всемерную помощь. При заключении такого пакта Советский Союз не только не возражает против присоединения Болгарии к Тройственному пакту, но и сам присоединится к этому пакту. Это предложение передано сегодня царю Борису и Филову. Примите самые быстрые и энергичные меры, чтобы это предложение стало достоянием в парламенте и вне его, в печати и массах. Мобилизуйте для этих целей наших депутатов. Разверните самую энергичную кампанию по всей стране в пользу этого предложения. Добивайтесь немедленного и безусловного приема этого предложения. Оно решит на долгие годы судьбы болгарского народа. Подтвердите тотчас получение этого сообщения. Держите нас ежедневно в курсе кампании и событий. И сообщайте о том, как реагируют правительство и другие слои».

26 ноября Димитров посылает Сталину телефонограмму, в которой говорится: «Вчера вечером я передал болгарским товарищам в Софии предложение, сделанное Советским правительством Филову и царю Борису. Из Софии нам уже подтвердили получение этого сообщения. Одновременно ЦК Болгарской партии сообщает, что в Болгарии проводится усиленная мобилизация, войска срочно сосредотачиваются на турецкой и греческой границах».

Таким образом, дело не ограничивалось ответом Сталина германскому правительству о вступлении Советского Союза в Тройственный пакт на определенных условиях. И это, как представляется, не было просто дипломатическим маневром. В Болгарии началась та самая листовочная кампания, о которой говорил В.К. Волков, и события получили совершенно неожиданный поворот. Вечером 28 ноября Димитрову позвонил Молотов из кабинета Сталина. И Димитров записывает: «Наши в Софии распространяли листовки по поводу советского предложения Болга-

рии. Дураки! Отправил указание, чтобы прекратили эту вредную глупость». В последующие дни советское руководство и Димитров еще несколько раз возвращались к этому вопросу. В результате Димитров дает новую директиву Болгарской компартии: «Кампания о пакте не должна носить партийный, антибуржуазный, антидинастический и антигерманский характер. Надо ее вести не на классовой, а на общенациональной и государственной почве». Ну, а 20 декабря последовал разговор по телефону Димитрова с Молотовым о Болгарии: «Молотов. Болгарское правительство отклонило советское предложение, опасаясь вовлечения в войну и так далее». Приведенные документы позволяют сделать определенные выводы. Во-первых, в тот период в результате очередного витка сталинской политики наша страна подошла к краю бездны, ибо вхождение Советского Союза в условиях войны в Тройственный пакт могло повлечь за собой и вовлечение нашей страны в войну на стороне этого пакта. Последствия были бы непредсказуемы. Кстати, существуют некоторые доказательства того, что у Сталина в начале Второй мировой войны были серьезные иллюзии в отношении Германии. Он полагал, что война последней против Англии и Франции может принять «антикапиталистическую направленность». Во-вторых, эти документы, а также целый ряд других, с которыми мне удалось познакомиться в последнее время, не оставляют никакого сомнения в отношении того, что Коминтерн в тот период был внешнеполитическим инструментом в руках советского руководства и очень четко выполнял эту свою служебную роль.

Т.Ю. Григорьянц (ИСБ). Вокруг предположения, высказанного Д.Г. Наджафовым о секретной встрече Сталина и Гитлера во Львове 17 октября 1939 г., в прессе развернулась дискуссия. Мне представляется, что сам предмет полемики не столь важен: встречались ли лично в тот день драматической осени 1939 г. два диктатора – Гитлер и Сталин. Гораздо важнее факт, который нельзя опровергнуть: между Гитлером и Сталиным существовал сговор, зафиксированный в позорных пакте о ненападении от 23 августа 1939 г. и секретном протоколе к нему, а также в договоре «О дружбе и границе» от 28 сентября 1939 г. и протоколах к нему, приведших к совместному разделу Польши и начавшейся после этого, в соответствии с договоренностью о разделе «сфер влияния и государственных интересов», перекройке карты Европы. Развитие «дружественных» советско-германских отношений, начавшееся в августе 1939 г., шло к своему апогею, – присоединению к Тройственному пакту. 25 ноября 1940 г. в ответ на обращение из Берлина Молотов сообщил Шуленбургу о

готовности советского руководства принять предложение о присоединении к Тройственному пакту на определенных условиях. Нет сомнения, что Сталин шел на это всерьез, что этот шаг не был ни дипломатическим ходом, ни хитроумной уловкой или военной хитростью. Логика событий и все развитие советско-германских отношений с августа 1939 г. до 22 июня 1941 г. говорят о том, что Сталин сознательно искал сговора с Гитлером, пошел на него с целью скоординировать свои имперские интересы с агрессивными намерениями Гитлера путем раздела «сфер влияния и государственных интересов». Есть основания думать, что идея подобного сговора могла зародиться у Сталина еще осенью 1938 г., в период Мюнхена. Сталин, по всей вероятности, рассудил, что он не хуже Чемберлена и Даладье сможет договориться с Гитлером. Если два западных политика пошли на «умиротворение агрессора», то у Сталина родилась мысль о сговоре с ним. Дело шло к созданию inferнального союза четырех держав (Германии, Италии, Японии, СССР). И кто знает, каков был бы дальнейший ход исторических событий, если бы Гитлер принял условия Сталина. Но этого не произошло, ибо столкнулись имперские устремления двух диктаторов. Грубые дипломатические просчеты, политическая близорукость, патологическая ненависть к «западным демократиям» не позволили Сталину объективно оценить стратегические и тактические замыслы своего партнера – фашистской Германии.

Е.Л. Валева (ИСБ). Известно, что сразу после подписания Тройственного пакта Германия стала активно добиваться присоединения к нему государств ЦЮВЕ. Первое предложение о присоединении к пакту было сделано Болгарии 16 октября 1940 г., причем в ультимативной форме. Болгария в тот период продолжала придерживаться нейтралитета. Будучи тесно связана с Германией, она стремилась в то же время остаться вне войны, не брать на себя никаких внешнеполитических обязательств. Ответные дипломатические шаги болгарских властей свидетельствуют об их попытках отказаться от присоединения к пакту, однако натиск германской дипломатии не прекращался. 17 ноября 1940 г. болгарский монарх вместе с министром иностранных дел И. Поповым тайно вылетели на встречу с Гитлером в его резиденцию Берхтесгаден. На требование фюрера подписать пакт царь Борис пытался возражать, приводя в качестве аргументов неподготовленность Болгарии к войне, экономические выгоды, которые получит Германия, если Болгария останется вне военных действий, опасность со стороны Турции, наконец, возможность осложнения отношений с Советским Союзом. Царь Борис спросил, зон-

дировался ли этот вопрос немцами во время ноябрьской встречи с Молотовым? В ответ Гитлер заявил, что «большевики зондировали наше мнение о возможном создании военных баз в Болгарии», и подчеркнул, что Германия поддержит болгарскую сторону в вопросе о советских базах лишь в том случае, если Болгария подпишет Тройственный пакт. Несмотря на подобный шантаж, царь Борис отклонил предложение фюрера. Таким образом, на этом этапе попытки Германии включить Болгарию в свою коалицию потерпели провал.

25 ноября в Софию прибыла миссия А. Соболева. То, что царь Борис считал шантажом со стороны Гитлера – требование Советским Союзом создания своих военных баз в Болгарии, – Соболев предложил ему подкрепить пактом о взаимной помощи. И если Гитлер недвусмысленно угрожал войсками, то Сталин оказывал нажим на правительство Болгарии через ее собственный народ: по всей стране началась массовая кампания за принятие советского предложения, вошедшая в историю Болгарии под названием «Соболевская акция». Как писал Б. Филев, миссия А. Соболева подтолкнула царя Бориса к преодолению колебаний в отношении присоединения к Тройственному пакту: что следует за созданием советских баз, болгары знали, на их глазах разыгралась драма Прибалтийских республик.

В дополнение к тем документам, которые привел Ф.И. Фирсов, я бы процитировала еще некоторые. В отчете Внутреннего ЦК Болгарской компартии загранбюро ЦК БКП, находившемуся в Москве, говорилось: «Посылаем Вам финансовый отчет за ноябрь. Организационные расходы и расходы по кампании в пользу пакта 63 тысячи левов». В донесении французской разведки сообщалось, что «толпа демонстрантов перед Народным собранием состояла из самых различных элементов, но руководство явно было единым. Создается впечатление, что в последнее время в распоряжение болгарских коммунистических руководителей были переданы огромные суммы. Чувствуется, что коммунистическая пропаганда в пользу сближения Болгарии и СССР усилилась после визита в Софию Соболева. Нет сомнения, что эта пропаганда имела успех как в городе, так и в деревне».

Затем последовала телеграмма из Москвы от Димитрова об ошибочности распространения листовок: «Распространение листовок по поводу советского предложения является огромной ошибкой. Немедленно прекратите. Вы должны только устно, через депутатов парламента и других подходящих лиц, распространять сведения об этом предложении, а не через печатные документы, и ни в коем случае от имени наших органов». Внутреннее

ЦК оправдывается: «В ваших указаниях о широкой агитации за советские предложения и энергичной кампании в их поддержку не говорится, что это должно происходить только устно. Немедленно останавливаем распространение. Сообщите срочно, в чем должна выразиться кампания».

После провала миссии Соболева Советский Союз не оставил попыток втянуть Болгарию в свою орбиту, делал еще некоторые предложения, но безуспешно. Царь Борис дал указание подписать акт о присоединении Болгарии к Тройственному пакту, что и произошло 1 марта 1941 г.

Ф.И. Фирсов. Хотел бы зачитать по этому сюжету еще один документ от 3 декабря 1940 г.: «Товарищу Сталину... Сразу после того, как товарищ Молотов позвонил мне 28.11 вечером, я указал болгарским товарищам в Софии на их грубейшую ошибку с распространением листовок по поводу предложения Советского правительства и затребовал немедленного прекращения распространения этих листовок». В ответ ЦК Болгарской компартии сообщал: «Признаём свою ошибку. Мы думали, что делаем хорошее дело. А оказалось это, к сожалению, “медвежьей услугой”. Приняли все меры для прекращения распространения изданных листовок»³.

А.И. Пушкаш (ИСБ). После присоединения Советским Союзом Бессарабии резко возросло напряжение в отношениях между Румынией и Венгрией. Последняя провела в июле 1940 г. частичную мобилизацию и придвинула войска к границе. Германия не желала военного конфликта в регионе, поэтому ею была предпринята серия консультативных встреч с представителями Венгрии (10 июля 1940 г.), Румынии (28 июля 1940 г.) и Болгарии (27 июля 1940 г.). Гитлер и Риббентроп настаивали на решении территориальных проблем, изменении границ между тремя государствами путем переговоров на основе территориальных уступок со стороны Румынии и последующего переселения меньшинств. Нацистские руководители недвусмысленно намекали воинственно настроенным представителям Венгрии, что их военные силы недостаточны для силового решения трансильванской проблемы, к тому же вовлечение Румынии в войну с соседями не входит в планы Германии и Италии, ибо государства «оси» заинтересованы в регулярных поставках румынской нефти. Не вызывало восторга у Гитлера, Риббентропа и Чиано, по крайней мере внешне, и предложение спорящих сторон об арбитражном решении.

³ ЦПА ИМЛ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 75. Л. 6.

Т.А. Покивайлова (ИСБ). Остановлюсь на такой совершенно у нас не изученной по ряду причин проблеме, как Трансильвания и второй Венский арбитраж. Проблема «перекроя» Трансильвании особенно остро встала после решения вопроса о Бессарабии и Северной Буковине, хотя в течение длительного времени наши историки отрицали подобную взаимосвязь. После ультиматума Советского Союза Румынии по вопросу о Бессарабии и Северной Буковине и его принятия румынским правительством первым из дипломатов, кто посетил НКВД с поздравлениями, был венгерский посланник в Москве И. Криштоффи. Он заявил, что у Венгрии также имеются территориальные претензии к Румынии. Однако, как писал в своем отчете беседовавший с Криштоффи Деканозов, венгерский посланник не конкретизировал эти претензии. В целом на фоне ухудшения советско-румынских отношений по восходящей линии развивались отношения между СССР и Венгрией. Складывался некий антирумынский фронт с участием Советского Союза.

На середину августа 1940 г. приходится резкое возрастание пограничных инцидентов между СССР и Румынией. Идет обмен нотами. Наиболее резкими по тону были ноты советского правительства от 17, 19 и 29 августа. Давление на Румынию оказывала и другая сторона. Еще в июле 1940 г. на совещании держав «оси» в Зальцбурге, на которое были приглашены глава правительства Румынии Джигурту и министр иностранных дел Маноилеску, перед ними ставился вопрос о том, чтобы Румыния удовлетворила территориальные требования Венгрии и Болгарии. Под давлением держав «оси» 16 августа 1940 г. в городе Турну-Северин начались переговоры между румынской и венгерской делегациями по вопросу о Трансильвании, так что возрастание напряжения на советско-румынской границе не являлось случайным. Румынская делегация предложила решить спор о Трансильвании незначительным исправлением границ в пользу Венгрии и обменом населением. Площадь уступаемой Румынией территории не превышала одной десятой территориальных претензий Венгрии. Венгерская делегация не приняла румынских предложений и выдвинула встречные требования о передаче Венгрии значительной части Трансильвании, а затем уже о последующем обмене населением. Переговоры в Турну-Северин зашли в тупик и по инициативе венгерской делегации были прерваны.

В это же время (25 августа) в немецкой печати появились сообщения о том, что державы «оси» не собираются выступать в качестве арбитров решения территориальных споров между Венгрией и Румынией. Но имеются данные, что уже 27 августа Гит-

лер начертил новые границы между Румынией и Венгрией. А 29 августа Деканозов вручил посланнику Румынии в Москве резкую ноту протеста в связи с инцидентами на границе. Это в то время, когда в Вене заседали «арбитры» и Румынии было предъявлено ультимативное требование о передаче северной части Трансильвании Венгрии. Советская нота от 29 августа была использована и венгерской стороной и державами «оси» для нажима на Румынию. Это – с одной стороны. С другой стороны, Румыния ссылкой на эту ноту оправдывала свои уступки Венгрии.

В.К. Волков. Это и есть пример «кухаркиной дипломатии». Нотой от 29 августа советская дипломатия в лице ее «выдающегося» представителя Деканозова не столько заявляла протест Румынии как таковой, сколько как бы выказывала свое недовольство тем, что происходит в Вене без ее участия. То есть адресат на конверте был один, фактическим адресатом являлся другой, использовала же все это третья сторона в своих интересах. И в конечном счете в проигрыше оказалась советская сторона.

М.Д. Ереценко (ИСБ). Позвольте высказать несколько замечаний относительно того, что в июле – августе 1940 г. якобы сложился единый антирумынский фронт с участием СССР. Я не могу с этим согласиться. Данный тезис подкрепляется тем, что Советский Союз устраивал провокации на границе с Румынией и якобы угрожал ей после присоединения Бессарабии. Это, на мой взгляд, неверно. Речь шла действительно о нарушениях границы. Дело в том, что началось массовое бегство жителей Бессарабии в Румынию. А советские пограничники сдерживали это бегство как могли, открывая огонь и не стесняясь в выборе средств, например, высаживались на румынский берег Прута и оттуда возвращали беглецов. Естественно, возникали конфликты. И чем более массовым было бегство, тем жестче становились советские ноты, о которых говорилось.

Относительно того, что якобы и державы «оси» участвовали в так называемом антирумынском фронте. Мне думается, что это тоже не совсем так. По свидетельству бывшего переводчика Гитлера Пауля Шмидта, в период румыно-венгерского спора относительно Трансильвании Гитлер не был абсолютно уверен в прогерманской позиции Венгрии из-за ее некоторого заигрывания с Советским Союзом и в то же время абсолютно был уверен в прогерманской ориентации Румынии, особенно после присоединения к СССР Бессарабии и Северной Буковины. Первоначально Гитлер склонен был согласиться на плебисцит в целом в Трансильвании или в отдельных ее районах. Но переговоры в Турну-Северин показали, что Венгрия этим не удовлетворится и возможен

даже вооруженный конфликт между Венгрией и Румынией. Такого конфликта Берлин не желал и предпочел надавить на Румынию, пообещав, что в скором времени, участвуя в войне против Советского Союза, та получит больше. Поэтому о каком антирумынском фронте можно говорить?

Хочу обратить внимание присутствующих еще на один момент. В ночь с 23 на 24 июня 1941 г., когда румынские войска перешли Прут и уже участвовали в военных действиях, оказалось, что Румыния официально не объявила войну Советскому Союзу. Молотов вызвал румынского посла Жика Гафенку и спросил, находится ли Румыния в состоянии войны с СССР? У румынского дипломата не оказалось никаких инструкций из Бухареста на этот счет. Затем Молотов в течение примерно полутора часов рассуждал о том, зачем румынам нужны военные действия, тем более если война официально не объявлена. Может быть, не поздно повернуть оружие, ведь Москва с Бухарестом могли бы договориться? И если Румыния хочет вернуть Бессарабию, то вопрос этот не закрыт. Молотов просил Гафенку довести это до сведения румынского правительства с тем, чтобы Румыния одумалась, пока не поздно. Молотовым также было сказано, что Москва не признает Венского диктата.

Н.Д. Смирнова (Ин-т всеобщей истории АН СССР). Я хотела бы сделать несколько замечаний. Во-первых, относительно сообщения Д.Г. Наджафова о встрече Гитлера и Сталина. Интересно само происхождение этой дезинформации. Согласно итальянским дипломатическим документам, американское радио сообщило, что 13 октября 1939 г. якобы состоятся тайные германо-итало-советские переговоры о заключении пакта. Подобные «сведения» исходили от американской разведки.

Меня очень заинтересовали документы, зачитанные Ф.И. Фирсовым. Вот еще один момент, касающийся согласия СССР с болгарскими требованиями о выходе к Эгейскому морю и о приобретении ряда территорий. За месяц до этого, 22 или 23 октября 1940 г., аналогичное предложение, но уже конкретное, включавшее вступление в войну против Греции, сделала Болгария Италия. Как известно, 28 октября началась агрессия Италии против Греции. Но болгары, проконсультировавшись с немцами, тогда ответили отказом. Таким образом, советское руководство шло уже торной дорогой.

Хотела сделать замечание в отношении вновь прозвучавшего здесь определения «политика держав “оси”». Не было единого фронта держав «оси» на Балканах в тот период. Между ними существовало больше противоречий, чем единства. Поэтому нель-

зя говорить об «итало-германской агрессии на Балканах». Германская внешняя политика на Балканах ориентировалась не на агрессию, не на захват Балкан, а на сохранение их как мирного тыла, который бы давал сырье и ресурсы гитлеровской Германии. А вот ориентация самих балканских стран четко проявилась после визита французского министра иностранных дел Дельбоса на Балканы в декабре 1937 г. Тогда стало ясно, что Франция не станет защищать Балканы в случае агрессии. И балканские страны выработали политику «спасайся в одиночку», за счет соседей в том числе.

Во всех сегодняшних построениях о политике Советского Союза, политике Германии совершенно исключается тот факт, что в это время шла война, в том числе и на Балканах. Мы же часто рассуждаем так, будто идут какие-то дипломатические комбинации мирного времени. А война уже расставила и изменила очень многие акценты в политике заинтересованных держав в этом регионе. И не надо забывать, что уже невозможны были простые дипломатические переговоры и следовало исходить из совершенно иной обстановки.

Л.Я. Гибианский (ИСБ). После разгрома Франции Балканы окончательно стали неким магнитным полем между двумя полюсами. Два полюса, оказывающие прямое воздействие на балкано-дунайский регион, – это СССР с востока и Германия с запада. Все движение происходило между ними, плюс достаточно хаотичное движение внутри, по принципу «спасайся, кто может и как может». Но определяющими все-таки были советско-германские отношения.

А вот как они определяли и организовывали процесс взаимоотношений на Балканах, и есть, на мой взгляд, наибольшее «белое пятно». О политике Германии написано много. Что касается политики СССР, то здесь все остается на уровне предположений из-за отсутствия ключевых архивных материалов. Поэтому главным является вопрос: каков был замысел советской политики? И тут диапазон мнений огромен – от традиционного взгляда о стратегии, к которой мощное государство стремится всеми доступными средствами, до противоположного взгляда, согласно которому вообще никакой стратегии не было. По-моему, изначально стратегия была, но с определенного момента, а именно крушения Франции, все пошло на самотек, потому что изначальные замыслы рухнули.

Мне кажется, что общее направление советской политики в регионе ЦЮВЕ было определено на рубеже августа–сентября 1939 г. Тогда уже были сформулированы ее основные цели.

Применительно к странам Центральной Европы, народам Прибалтики – все, что можно, взять! А для Юго-Востока Европы, за исключением претензий на Бессарабию и Северную Буковину, с начала Второй мировой войны просматривается явное стремление достичь двух целей: с одной стороны, не допустить установления там германского контроля, а с другой – не допустить «империалистического вмешательства» Англии и Франции, «вовлечения» стран субрегиона в войну. Эти две цели просматриваются во всей политике, причем четче не по линии НКВД, а по линии «коминтерновско-партийной». Есть и третий план, о котором говорил В.К. Волков, – политика тайных служб, известная нам мало.

Итак, на мой взгляд, в советской внешней политике был стратегический замысел, но были и зигзаги, ее несло по течению, но ведь шла война в Европе, была полная непредсказуемость международной ситуации и как результат – политика лавирования, прагматическое приспособление к каждому дню и, конечно, то, что В.К. Волков назвал «кухаркиной дипломатией». И все-таки, мне кажется, есть некое генеральное, организующее начало в советских действиях – это попытка осуществить две вышеуказанные цели, но совмещенные с третьей, важнейшей, целью – сохранением советско-германского альянса врагов. Именно врагов, каждый из которых сознавал, что цели другого для него крайне опасны. Но это альянс особого рода. И все происходившее в дальнейшем, в том числе и в ЦЮВЕ, во многом обусловлено как раз тем, что третья цель, поставленная советской политикой, изначально являлась неосуществимой, ибо невозможно было совместить противодействие Германии с противодействием западным державам при сохранении советско-германского союза. Какая-то из сторон этого треугольника должна была быть ликвидирована для того, чтобы данная политика, хотя бы теоретически, встала на реальную основу. В результате, мне кажется, советское руководство, в сущности, само запрограммировало отдачу балкано-дунайского региона под германский контроль, хотя стремились к прямо противоположному. А дальше происходит совершенно невероятная вещь для великой державы. Я не знаю, много ли найдется в истории примеров такого рода, когда мировая держава все время находится в роли человека, догоняющего поезд. Причем весь мир видит эти позорные сообщения ТАСС по поводу привязывания Румынии, Венгрии, Болгарии осенью 1940 – весной 1941 г. к гитлеровскому блоку. Все вдогонку: «Неправда, с нами не советовались», «неправда, мы этого не одобряем». То есть все уходит, все обгоняет нас, а мы бежим вприпрыжку.

ку. Советское руководство вертелось в этом хаосе и никак не могло из него выбраться.

А какова политика малых государств региона ЦЮВЕ? До сих пор мы ее изображали по упрощенной схеме – реакционные режимы вели антинародную политику и тяготели к сговору с Германией. Все это имело место, режимы были либо консервативные, либо реакционные или, как мы говорим, «фашистские», их правящие круги симпатизировали фашистскому блоку и тянули в его сторону. И тем не менее это, скорее, броуновское движение, качающийся маятник. Все искали: кого бы найти в качестве патрона, на которого можно опереться. Политика сохранения альянса с Германией лишала советское руководство возможности стать таким патроном. Англия же не могла им быть, к тому же ей дружно препятствовали и Берлин и Москва. И реальный патрон для стран региона оставался только один – Германия. Естественно, что она в итоге и устанавливала здесь свой контроль.

Все сказанное продолжается до начала марта 1941 г., когда неподчиненным Германии остается лишь южный и юго-западный, отдаленный от СССР балканский фланг – Югославия и Греция. И тут возникает совершенно новая ситуация, связанная с Югославией. Советское руководство предпринимает попытку построить несколько иную политику, которую тут же, кстати, проваливает. После этого начинается «ожидание захлопывания клетки», которое происходит 22 июня 1941 г. И уже не руководство, не правительство, а народ нашей страны ценой большой крови вынужден был отстаивать свою независимость.

В.К. Волков. Л.Я. Гибианский поставил вопрос правильно: рамки советской политики были заданы соглашением с Германией 1939 г. И если СССР руководствовался этими рамками и собирался ограничиться «мирными» средствами, не прибегая к войне, то Германия уже вышла за них где-то с августа 1940 г., а окончательно – с декабря. Ситуация складывалась довольно странная и для большой политики не характерная. Но тем не менее, на мой взгляд, в тот момент трудно было придумать какую-либо другую политику, кроме как готовиться к войне.

Повороты в политике СССР происходят даже в этот краткий период, с осени 1940 г. до лета 1941 г. До декабря 1940 г. предпринимаются попытки найти свое место в совершенно новых внешнеполитических условиях путем блокировки с Германией. Однако уже в декабре в Москве начинают понимать, что это невозможно. И с декабря 1940 г. берет начало совершенно новая линия, которая четко просматривается в действиях Коминтерна.

Почти одновременно резкий поворот делают пять компартий: болгарская, югославская, греческая, турецкая и румынская. Они выступают с заявлениями, что надо противостоять попыткам втягивания Балкан в войну, а главный враг все-таки не Великобритания, а Германия. Поворот был определен не самими этими партиями, а Коминтерном, за которым стоял Сталин.

Второй момент – это массовая переброска войск Германии на Балканы. Она началась примерно с конца декабря 1940 г., а широко развернулась с 5–6 января 1941 г. По донесениям югославской разведки, с 6–7 января по 18–20 эшелонов ежедневно проходило через территорию Венгрии в Румынию. Там создавался гигантский ударный кулак в 400–500 тыс. солдат. Затем начинается давление на Болгарию с тем, чтобы она не принимала предложения СССР. Тогда подключается советская дипломатия. Она протестует против вступления германских войск в Румынию, а после 1 марта 1941 г. и в Болгарию. Начинается советско-турецкая дипломатическая «игра». В конце марта 1941 г. происходит обмен декларациями о том, что СССР полностью признает советско-турецкий пакт о ненападении от 1925 г. и если Турция подвергнется нападению, то она может рассчитывать на благожелательный нейтралитет и поддержку СССР. Анкара благодарит и заявляет, что в случае, если СССР окажется в подобном же положении, то также может рассчитывать на полное понимание и нейтралитет Турции. Совершенно очевидно, что здесь, как говорится, негласно присутствующим был призрак «Барбароссы», который «бродил по Европе» в тот момент.

Мне кажется, что март – начало апреля 1941 г. – это апогей дуэли двух диктаторов. Но дело заключается в том, что Сталин не хотел выходить за рамки соглашения 1939 г., а Гитлер его уже давно выбросил в корзину.

О.Н. Решетникова (Ин-т истории СССР АН СССР). Остановлюсь на вопросе о советско-югославском договоре от 5 апреля 1941 г. В историографии нет единой оценки этого документа, как нет единства и в трактовке обстоятельств заключения договора и даже самой процедуры его подписания. Советская историография стремится спроецировать открытую антигерманскую, антифашистскую линию, которая возобладала после 22 июня 1941 г., на предшествующий период. Не случайно поэтому возникла версия о том, что СССР принадлежала инициатива заключения договора как проявление доброй воли в оказании помощи Югославии. Недавно ставшие доступными документы позволяют сделать вывод о том, что инициатива, однако, принадлежала не советской, а югославской стороне. Причем правительство Д. Симовича пред-

лагало советскому руководству заключить не договор о дружбе, а полномасштабный военно-политический союз.

Поворот внешнеполитического курса Белграда не был неожиданностью для советского руководства. Советские дипломаты предполагали, что в критический момент югославское правительство может сделать шаг в сторону СССР, но объясняли это... эффектным ходом английской дипломатии. Линию СССР выразил в своем обзоре поверенный в делах В.Г. Лебедев: «Успех действий Советского Союза, заинтересованного в сохранении мира в этом регионе, предполагает активную борьбу Югославии как против английских, так и против германских стремлений перебросить сюда свои войска». Практически во всех документах врагом номер один выступала Великобритания и лишь на втором месте – Германия.

Советское руководство не доверяло югославскому правительству. С одной стороны, югославы утверждали, что решили обратиться к Советскому Союзу, несмотря на то что Англия обещает им полную поддержку, но они ее не хотят, так как это означает войну. С другой стороны, сообщали советскому руководству, что по данным их разведки Германия планирует в мае нападение на СССР. В таком случае оба варианта грозили войной, так почему Белград выбирает СССР, задавались вопросом в Москве. Но тем не менее советское правительство решило оказать Югославии поддержку. Определяя же ее форму, советское руководство, как мне представляется, исходило из ошибочного прогноза развития войны и переоценивало заинтересованность Германии в сохранении дружественных отношений с СССР. Более того, как известно, в беседе с Молотовым германский посол Шуленбург откровенно заявил, что такой шаг советского правительства вызовет непонимание в Берлине. Молотов ответил, что советское правительство обдумало свой шаг и приняло окончательное решение. В литературе это обычно трактуется как доказательство твердого и последовательного курса советского руководства, которое стремилось оказать помощь потенциальной жертве фашистской угрозы. В действительности же, как мне представляется, советское правительство по-прежнему опасалось спровоцировать нападение Германии, но оно не случайно пошло на переговоры с Югославией, убедившись, что югославское правительство не денонсировало участие страны в Тройственном пакте и отказалось принять помощь Англии. Позицию Молотова можно объяснить уверенностью советского руководства в том, что ради сохранения дружбы с СССР Гитлер если и не пойдет на уступки, то хотя бы учтет мнение советского руководства в этом вопросе.

Я не буду подробно останавливаться на самой процедуре заключения договора, хотя здесь тоже есть интересный момент. В исторической литературе прочно утвердилась записанная со слов М. Гавриловича, руководителя югославской делегации, версия о его категорическом отказе подписать договор в советской редакции, которая содержала обязательства второй договаривающейся стороны сохранять нейтралитет в отношении жертвы агрессии. Упорное несогласие Гавриловича якобы заставило Сталина пойти на уступки и изменить формулировку статьи.

Существует документ, до сих пор не опубликованный и хранящийся в Архиве внешней политики СССР. Это отчет Н.В. Новикова о переговорах, где однозначно говорится, что Гаврилович дал согласие на подписание договора в советской редакции, но, приехав в Кремль, был уведомлен, что советское руководство все-таки пошло навстречу и решило изменить спорную формулировку.

В советской историографии утвердилась однозначная оценка, согласно которой договор между СССР и Югославией был крупным международным актом, имевшим исторические последствия. На мой взгляд, оценка эта не соответствует действительности. Дальше ведь идет продолжение «кухаркиной дипломатии». 8 мая Вышинский заявил югославскому представителю Гавриловичу о том, что советское правительство не видит оснований для продолжения деятельности югославской миссии в Москве. А ведь в подобных условиях в годы Первой мировой войны и царское, и Временное и большевистское правительства поддерживали отношения с правительством Сербии. А весной 1941 г. договор подписывают и в трагической для Югославии ситуации от него тут же отказываются!

Л.Я. Гибианский. Традиционно считается, что переворот в Белграде 27 марта 1941 г. – дело рук пробритански настроенных офицеров. Это упрощенный взгляд. Все, что тогда произошло, это прежде всего следствие тех сложных процессов в правительственных, военных, партийно-политических кругах Югославии, которые увидели, что выбор политической ориентации стал крайне ограничен: либо с немцами, либо против. О принце-регенте Павле, т.е. реальном правителе Югославии, у нас обычно писали как о реакционере, склонном к прогерманскому курсу. Нет смысла сейчас говорить о том, каковы были его социальные и политические симпатии и антипатии, но ясно, что он являлся скорее англофилом, нежели сторонником союза с Германией. После переговоров с Гитлером принца-регента Павла в марте 1941 г. обстановка складывалась таким образом, что, по оценкам в Бел-

граде, Югославии некуда было деваться. Отсюда – присоединение к Тройственному пакту. И как раз в этот момент выступила антигермански настроенная группа. Преобладали в ней военные, связанные с британскими службами. Но в заговоре участвовала и русофильская группа, ориентировавшаяся на традиционную сербскую политику. В сущности, это был сербский, военный переворот. Сколь тесно часть его участников была связана с советской стороной? Для полного ответа нужны документы советской военной разведки и разведки НКГБ. Очевидно, связанные с СССР группы, в том числе офицеров-заговорщиков, имели контакты и вели переговоры с советской стороной уже до марта 1941 г. Об этом свидетельствует опубликованная в «Вестнике МИД»⁴ телеграмма поверенного в делах в Югославии Лебедева от 1 марта. В ней говорится, что прибывший в Москву Б. Симич имеет секретные полномочия для переговоров с советским правительством. Симича традиционно считают человеком, связанным с М. Голубичем, который в югославской историографии фигурирует, хотя и без конкретных доказательств, как резидент советской разведки на Балканах.

На что рассчитывали советские лидеры, используя связи среди заговорщиков? Логика должна была подсказывать советскому руководству, если оно мыслило в реальных рамках, что следует помочь созданию на южной и юго-западной оконечности Балкан антигерманского фронта. Ведь основной интерес СССР состоял в том, чтобы оттянуть момент нападения на него Германии. А этого можно было достичь только посредством военного конфликта на Балканах при британской поддержке. Великобритания, в свою очередь, рассчитывала, что удастся изменить позицию СССР. По логике вещей, в новой обстановке должны были совпадать интересы этих двух держав. Понимали ли это в Москве? Мы не знаем.

Какую все-таки цель преследовала Москва, участвуя в перевороте в Югославии? Ведь было ясно, что это переворот антигерманский, при том происшедший уже после присоединения Югославии к Тройственному пакту. Между прочим, еще 22 марта югославский посланник в Москве Гаврилович, будучи противником вступления его страны в Тройственный пакт, просил А.Я. Вышинского, чтобы советское правительство оказало давление на правительство Югославии. Вечером того же дня Вышинский пригласил Гавриловича и сказал, что, по сведениям советской стороны, вопрос о присоединении Югославии к пакту

⁴ Вестник МИД. 1989. № 15. С. 57.

уже решен и что югославское правительство и раньше стояло за присоединение к «оси». Поэтому проблема, поставленная Гавриловичем сегодня, является беспредметной. И одновременно, в тот же день по каналам Коминтерна в адрес КПЮ поступила телеграмма, которая требовала от коммунистов развернуть массовые народные действия против присоединения Югославии к пакту. Стало быть, Гавриловичу отвечали одно, а на самом деле предпринимали все же попытку вовлечения Югославии в противостояние Германии.

Дальше происходит то, о чем сегодня уже говорилось. Прежде мы утверждали, что предложение о заключении договора с Югославией исходило от СССР. Из документов же, опубликованных в 1989 г., следует, что это была югославская инициатива: 30 марта 1941 г. военный министр Югославии генерал Б. Илич в беседе с советским поверенным в делах В.Г. Лебедевым, военным атташе А.Г. Самохиным и советником Д.С. Солодом выдвинул от имени нового премьера генерала Д. Симовича предложение о заключении военно-политического пакта. Но еще 29 марта Тито получил от Коминтерна депешу, в которой говорилось о необходимости прекратить уличные демонстрации. Выходит, 29 марта, за день до обращения Илича, в Москве уже знали, что с правительством Симовича будут вестись переговоры. Чья же инициатива была реальной?

В ходе переговоров советское правительство настаивает на том, чтобы был заключен договор о дружбе и нейтралитете. Югославов нейтралитет не устраивает. Но в конце концов их заставили согласиться с такой формулировкой. Тем большим было изумление югославских дипломатов, когда в ночь с 5 на 6 апреля их вновь собрали в Кремле и Сталин и Молотов вдруг объявили, что согласны изменить вторую статью и название договора. Договор будет называться «О дружбе и ненападении», а во второй статье будет сказано, что каждая из сторон в случае нападения третьей стороны придерживается политики дружественных отношений. Самое поразительное то, что все это последовало после того, как 4 апреля Молотов сообщил германскому послу Шуленбургу о предстоящем заключении такого договора; Шуленбург решительно возражал и дал понять, что Германия будет рассматривать данные действия как враждебные. Тем не менее Молотов подтвердил советскую позицию. Создается странная картина. Советское руководство вопреки немецким предостережениям решает вдруг заключить договор на порядок выше, чем оно предлагало первоначально, проявляя при этом поразительную торопливость. Ведь уже было известно, что существует угроза

германского нападения на Югославию. Договор был подписан и буквально через несколько часов последовало германское нападение на Югославию. Этим, попросту говоря, великой мировой державе «дали по морде». И тем не менее подписание этого договора со стороны СССР не было просто жестом, потому что, согласно донесениям Гавриловича, Сталин дал поручение Генеральному штабу в ответ на просьбу югославской стороны в срочном порядке заключить соответствующую договоренность о поставках оружия. Причем цифры планировавшихся поставок внушительны. Известно также, что была дана команда об отгрузке этих военных материалов через Одессу.

И вдруг снова резкий поворот, знаменитая сцена 13 апреля на московском вокзале, когда при проводах министра иностранных дел Японии Сталин демонстративно подошел не только к германскому послу, но и к военному атташе, сильно тряс им руки и чуть ли не обнимался. И упорно, так, чтобы слышали окружающие, громко говорил: «Мы должны остаться друзьями». Между тем накануне посланник Венгрии в Москве И. Криштоффи посетил Вышинского и сделал ему заявление о мотивах, по которым венгерское правительство ввело свои войска на территорию Югославии, т.е. присоединилось к агрессии против этой страны. И что же ответил Вышинский? «Если это заявление делается для того, чтобы Советское правительство высказало свое мнение, то я должен заявить, что Советское правительство не может одобрить подобный шаг Венгрии. На Советское правительство производит особенно плохое впечатление то обстоятельство, что Венгрия начала войну против Югославии всего через 4 месяца после того, как она заключила с ней пакт о вечной дружбе. Нетрудно понять, в каком положении оказалась бы Венгрия, если бы она сама попала в беду и ее стали бы рвать на части, так как известно, что в Венгрии также имеются национальные меньшинства» (имелось в виду заявление венгерского посланника, что Югославия не существует с 10 апреля, т.е. с момента провозглашения в Загребе «Независимого государства Хорватия»). Более того, заявление Вышинского 13 апреля, т.е. в день сцены на вокзале, появилось в советской прессе и было передано ТАСС.

Германия советского демарша всерьез не приняла. Ответ Риббентропа на запрос венгерского правительства был пренебрежительным: на советское заявление нужно реагировать только путем комментария в печати.

Мне кажется, что вся «югославская история», была, возможно, попыткой использовать новую ситуацию, возникшую после 27 марта 1941 г. Провал этого шага показал Сталину полную бес-

перспективность положения. Дальше, мне кажется, вся его политика являлась, в сущности, политикой коллапса.

И.И. Поп (ИСБ). Я буду говорить о самом, может быть, незначительном субъекте международных отношений этого периода – о Словакии. Реконструкция внешней политики Словакии того периода до сих пор была сильно затруднена. Властью позволено было проследить только словацко-венгерские и словацко-немецкие отношения. На все остальные, особенно отношения словацко-советские, налагалось табу, хотя в Братиславе имелось для того времени гигантское посольство СССР, насчитывавшее свыше 100 сотрудников (конечно, не только НКВД, но и других учреждений). Мы ничего не знаем о деятельности советского посольства в Братиславе. Обычно упоминается только сам факт установления дипломатических отношений между СССР и Словакией, и то с объяснением, что в этом проявилась позитивная роль СССР в ЦЮВЕ, позволявшая чуть ли не удерживать страны региона в каком-то «противостоянии гитлеровской Германии», что, конечно, не соответствует действительности.

Атмосфера в Словацком государстве летом 1940 г. в целом была весьма напряженная. Братиславский режим существовал уже более года, и благодаря поддержке Германии (а вернее, ее патронату) ему удалось утвердиться на международной арене. Но чувство временности положения не проходило. Основная опасность при этом виделась в политике Венгрии. Беспокойство Братиславы вызывала активизация венгерских дипломатов в Берлине, всячески стремившихся устранить недоверие и охлаждение к Венгрии нацистского руководства, возникшие в сентябре 1939 г. в связи с польской кампанией. Источником нестабильности в Центральной Европе хортистские дипломаты считали Словакию. Словацкие дипломаты не оставались в долгу, и, в свою очередь, заявляли в Берлине, что внешняя политика Венгрии находится в полной зависимости от ... Советского Союза.

С установлением новой советской границы в Карпатах Венгрия охотно пошла на переговоры со Словакией о развитии тесных экономических отношений и вела их в дружественном тоне. Но как только СССР потерпел неудачу в войне с Финляндией, позиция Венгрии резко изменилась. Из Будапешта распространяются слухи о контактах братиславского правительства с чехословацкой эмиграцией в Лондоне, происходят инциденты на словацко-венгерской границе. Напряжение в отношениях между Словакией и Венгрией летом 1940 г. достигло такого уровня, что обе стороны объявили частичную мобилизацию. Новые слухи и комбинации в Братиславе породило присоединение к СССР Бессара-

бии и Северной Буковины: распространяются «сообщения», согласно которым на очереди присоединение к СССР Закарпатской Украины, а затем, возможно, и Словакии. В полицейском сообщении об этом говорилось: «Вопрос этот широко обсуждается и можно без преувеличения сказать, что среди молодежи и особенно в рядах интеллигенции найдется очень много сторонников этой идеи, имеющей свои корни в идеях славянской взаимности». О подобных настроениях в Словакии было, конечно, известно в Берлине, ведь словацкая партия немецкого меньшинства под руководством Ф. Кармазина выступала в роли коллективного доносчика.

Нацистское руководство беспокоила также конкурентная борьба в братиславских верхах и независимая политика министра иностранных дел Словакии Ф. Дюрчанского. Подливали масла в огонь венгерские дипломаты, «обнаруживавшие» в Словакии панславистские настроения, заигрывание И. Тисо с Москвой (в связи с поездкой нескольких делегатов в Москву на переговоры об экономических отношениях). В Братиславе шла борьба между сторонниками президента Тисо, «борцами за народную Словакию», и сторонниками главы правительства В. Туки и руководителя полувоенных формирований «Гвардии Глинки» (организации типа СД) А. Маха, «борцами за национально-социалистскую Словакию». Ф. Дюрчанский как католический деятель опирался на поддержку Папы и поэтому позволял себе вести относительно независимую политику, чем вызывал раздражение в Берлине. Фактически Тука и Мах готовили с помощью немецкой агентуры, притом агентуры по линии СС, путч «Гвардии Глинки» против Тисо под лозунгом абсолютной ориентации на Германию в сфере внешней и внутренней политики.

Президент Тисо во внутренней политике, несмотря на всю сервильность в отношении Берлина, стремился все-таки учитывать специфику Словакии и свое положение католического священника. Это, в частности, касалось еврейского вопроса, что для Туки и Маха было удобным поводом для обвинений Тисо в нелояльности по отношению к Германии. Тайной для Тисо готовившийся путч не был. Он решил упредить путчистов и 21 мая 1940 г. объявил об отставке Маха с поста руководителя «Гвардии Глинки», а вместе с ним отстранил и других радикалов этого словацкого прообраза СД. Такая «самостоятельность» словацкого президента вызвала резкое недовольство в Берлине. Руководитель политического отдела МИД Германии Вёрман пишет записку Риббентропу о необходимости срочного вмешательства с целями: вернуть А. Маха и сделать его министром внутренних дел,

притом руками Тисо; окончательно отстранить Дюрчанского, а портфель министра иностранных дел передать главе правительства В. Туке; убрать с политической арены Словакии всех ненадежных или враждебных Германии лиц. Вёрман рекомендовал также официально заявить, что Германия твердо придерживается принципов «договора об охране» и все слухи о возможной оккупации Словакии Венгрией или разделе ее между Германией и Венгрией беспочвенны.

28 июня 1940 г. Тисо, Тука, Мах и Дюрчанский были приглашены для беседы с фюрером в Оберзальцберг. От Тисо потребовали, чтобы он немедленно убрал Дюрчанского, передал портфель министра иностранных дел Туке, а портфель министра внутренних дел Маху. Для того чтобы подсластить горькую пилюлю, Гитлер обещал Тисо твердую поддержку в защите целостности Словакии, перечеркнув тем самым все надежды Будапешта на оккупацию или раздел «Верхней Земли», как называли в Будапеште Словакию. Тисо безоговорочно согласился с предложенным ему включением Словакии в единое экономическое пространство, организованное Германией. В связи с этим Гитлер подчеркнул, что не допустит проникновения за Карпаты другой великой державы, имея в виду СССР. Переговоры и их результаты полностью разрушили с такими усилиями создававшуюся словацким режимом иллюзию суверенного Словацкого государства.

После «разрешения» внутренних споров с помощью Германии братиславский триумvirат (Тисо–Тука–Мах) вновь обращает взоры на юг, в сторону Венгрии. Но свою ревизионистскую политику Тисо стремился всячески камуфлировать, опасаясь очередного окрика из Берлина, ибо на все намеки представителей словацкого режима о возможности ревизии Венского арбитража Риббентроп отвечал однозначно: «Не время, к этому вернемся после войны».

Летом 1940 г. «гардисты», подчиненные Маха, распространяли в Словакии листовки, в которых развивалась идея о наличии у них союзников в Венгрии в лице Ф. Салаши и его «Скрещенных стрел», которые, по их мнению, не поддерживают феодальную идею Великой Венгрии. Тем большим было их разочарование, когда Салаши, вернувшись на венгерскую политическую арену с помощью Берлина, сразу выступил с идеей «Великой Родины» («Пакс Хунгарика») в карпато-дунайском регионе. По мнению Салаши, «Пакс Хунгарика» должен «заполнять» пространство между германской Северной и итальянской Южной Европой. Другим в этом регионе места не находилось. После второго Венского арбитража отношения между Словакией и Венгрией на не-

которое время стабилизировались: Словакия обретает свое место в нацистской концепции «большого пространства», Венгрии же потребовалось некоторое время, чтобы «переварить» Северную Трансильванию.

24 ноября 1940 г. Словакия присоединилась к Тройственному пакту. В дальнейшем в связи с разработкой плана «Барбаросса» она рассматривается как стратегическое пространство вермахта. Однако и «гардисты» и нацистские агенты не унимаются и еще в начале 1941 г. готовят очередной путч против Тисо. Но Тисо больше устраивал Гитлера, несмотря на свою сдержанную политику, особенно в еврейском вопросе и по проблеме аризации. Гитлер, поддерживая Тисо, конечно, держал в запасе и того же Туку как противовес Тисо. Однако планы путча были перечеркнуты позицией фюрера, хотя с путчистами ничего не случилось и Мах продолжал в дальнейшем свою деятельность в роли министра.

В.В. Марьина (ИСБ). В продолжение тех соображений, которые я высказывала на двух предыдущих «круглых столах», хотела бы очень коротко проанализировать советско-чехословацкие отношения.

Советско-словацкие отношения до сих пор рассматривались лишь как попытка Советского Союза воспрепятствовать безраздельному утверждению влияния Германии в Словакии, что не охватывает всей полноты событий. Инициатива в установлении этих отношений исходила от Советского Союза. Официальным представителем Словакии в Москве стал брат президента И. Тисо – Ф. Тисо, экономист по образованию. Это вызвало предположение о возможном установлении экономических отношений между двумя государствами. Переговоры на этот счёт шли в течение всего 1940 г., но очень вяло. Только в декабре 1940 г. был заключен советско-словацкий договор о торговле и судоходстве. Но этот договор, вступивший в силу в начале 1941 г., так и не был реализован: с конца сентября 1940 г. словацкое представительство в Москве начало уже свертывать свою деятельность.

Развивались экономические отношения СССР с протекторатом в рамках договоренностей с Германией. При этом учитывались принципы торгового договора, заключенного СССР с Чехословакией в 1935 г. Существовали довольно обширные контакты советских представителей с чехословацкой эмиграцией. Малоизвестную страницу представляет сотрудничество чехословацкой и советской разведок. Падение Франции стало заметной вехой в советско-чехословацких отношениях. С лета 1940 г. вновь возрастают русофильские симпатии чешской общественности. Все это происходило при полной изоляции коммунистов, безоговорочно

следовавших инструкциям Коминтерна и поддерживавших все «миролюбивые» инициативы Берлина и Москвы.

Историография до последнего времени упрощенно рассматривала центральную фигуру чехословацкой эмиграции – Э. Бенеша. Именно в то время он формулирует концепцию Чехословакии как связующего звена, «моста» между Востоком и Западом. К сожалению, не по его вине она не получила тогда развития. Возврат к ней ясно прослеживается в деятельности нынешнего чехословацкого руководства. Соблюдение Бенешем определенной дистанции в отношении к СССР в 1939–1940 гг. имело своей причиной политику дружбы Советского Союза с Германией. Он был реалист и неоднократно заявлял, что относится с пониманием к политике СССР, но тем не менее требовал каких-то ее моральных пределов, дальше которых, по его мнению, не следовало идти. Естественно, что чехословацкое правительство в эмиграции свою политику в отношении СССР сверяло с политикой Великобритании как главным в данный момент противником Германии. Э. Бенеш в послании на родину писал: «Мы хотим, чтобы и наше сотрудничество с Советами шло параллельно развитию сближения Советов и Англии».

Требует серьезной корректировки отношение к проблеме чехословацко-польской конфедерации, пик переговоров о которой приходится на период, о котором у нас идет речь. Документы свидетельствуют о том, что чехословацко-польская конфедерация была задумана как какой-то барьер между Германией и Россией, причем барьер и против большевизации и коммунизации Европы. Но вместе с тем Бенеш считал, что конфедерация не будет находиться в конфронтации с СССР. Спорадические контакты по линии разведок двух стран осенью 1940 г. перешли на уровень прямых переговоров на территории Турции. В этих переговорах участвовал также подполковник Л. Свобода, группа которого была интернирована в СССР после перехода с территории Польши. Он неоднократно приезжал в Стамбул для того, чтобы установить контакты между чехословацкими разведчиками и советским консульством в Стамбуле.

В апреле 1941 г. было достигнуто соглашение о том, что в Москве будет создана чехословацкая военная миссия во главе с подполковником Пикой. В СССР она прибыла в канун нападения Германии на Советский Союз.

В.С. Парсаданова (ИСБ). Падение Франции изменяет климат и в советско-польских отношениях. Лондонская эмиграция приходит к заключению, что, возможно, Польша будет союзником союзника Великобритании, т.е. Советского Союза. Концепция

безопасности независимой Польши видится в Лондоне в солидарном союзе славянских государств, организаторов новой Европы, между Балтикой, Черным морем и Адриатикой. Этот союз должен отражать напор Германии на Восток и отделять Германию от России. Резкий поворот делает глава польского эмигрантского правительства В. Сикорский после переезда в Лондон. В беседе с Черчиллем в обмен на улучшение отношения советского правительства к польскому населению он согласился на ревизию восточных границ Польши, создание 300-тысячной польской армии на территории СССР, проход советских войск через территорию Польши и т.д. Заявление Сикорского Черчиллю привело к кризису в эмигрантском правительстве. С этого момента, 20-х чисел июня 1940 г., расходятся пути санационных группировок, поддерживавших правительство. Выделяется центр во главе с генералом К. Соснковским и сторонники Сикорского, активно шедшие на сотрудничество с СССР. Потому в 1941 г. потребовался только месяц на подписание договора между СССР и польским эмигрантским правительством о совместных антигерманских действиях.

О проблеме польско-чехословацкой конфедерации. Бенеш представлял себе этот союз, мне кажется, с опорой на СССР. Сикорский в принципе с ним соглашался, но подчеркивал, что к этому надо подойти с сильными козырями, нужно создать блок государств Центральной Европы. Бенеш также советовал Сикорскому во имя будущего конфедерации согласиться с границами Польши в этнических рамках. Сикорский отказался принять этот совет, не отрицая вообще возможности переговоров о границах.

С осени 1940 г. в СССР началась подготовка к созданию польской армии. Во второй половине 1940 г. в составе английского посольства в Москве находился человек, представлявший польское эмигрантское правительство, поляк по национальности. Кстати, работал там и представитель чехословацкого правительства. С начала 1941 г. активизируются контакты и по линии разведывательных служб.

Ф.Г. Зуев (ИСБ). Поражение Франции имело тяжелые последствия для Польши. Прежде всего это был крах внешнеполитической ориентации эмигрантского правительства. Внутри правительства возник кризис, о котором говорила В.С. Парсаданова. Поражение Франции сказалось и на обстановке внутри страны: произошел спад движения Сопротивления, свертывание внутренних подпольных вооруженных сил. После капитуляции Франции главные надежды британских правящих кругов стали связываться с вовлечением в войну против Германии Советского Союза.

Это обстоятельство повлияло на позиции некоторых членов польского эмигрантского правительства, и прежде всего Сикорского, более реалистически относившегося к СССР. Но основные заботы польского эмигрантского правительства были сосредоточены на создании польских вооруженных сил. Потери во Франции оказались невосполнены, единственным источником оставался СССР, где проживали около миллиона поляков. Теплились надежды и на интернированные польские части. С изменением внешнеполитического курса правительства Сикорского соотносятся и его планы строительства новых отношений в Центральной Европе, о которых уже говорили В.В. Марьина и В.С. Парсаданова. Однако в конце 1940 г. между польским и чехословацким эмигрантскими правительствами возникли разногласия, вызванные намерением Сикорского включить в конфедерацию Литву, Латвию и Эстонию. Сикорский считал, что ход мировых событий повторит Первую мировую войну, поэтому следует ориентироваться на Запад и не считать СССР серьезным фактором. Бенеш, напротив, не умаляя роль Запада, полагал, что Польша и Чехословакия должны серьезно учитывать советский фактор. Поэтому Бенеш выступил против идеи Сикорского о вовлечении в среднеевропейскую конфедерацию Литвы, Латвии и Эстонии. План Сикорского не получил поддержки и со стороны президента США Ф. Рузвельта и, в конце концов, оказался не реализован. Активизирует свои усилия в польско-советском сближении Великобритания. Она давала понять СССР, что будет содействовать решению проблемы границ в пользу СССР, а польскую сторону убеждала в том, что главное – это создание вооруженных сил, людские же источники для них находятся в СССР.

Л.Я. Гибианский. Наша дискуссия была достаточно плодотворной. Она показала, что общие направления развития событий в ЦЮВЕ мы можем, очевидно, обрисовать. Но полная картина достижима лишь на основе серьезных исследований и необходимого минимума источников, прежде всего из советских архивов. Политика, проводившаяся в 1939–1941 гг., до нападения Германии на СССР, сталинским руководством, явилась важнейшим международным фактором, по сути, подыгравшим успеху экспансионистских, агрессивных действий Гитлера в Центральной и Юго-Восточной Европе. Подчинение, прямой захват третьим рейхом балканских стран осенью 1940 – весной 1941 г., о чем шла речь сегодня, стали заключительным аккордом этого трагического процесса. Континентальная Европа оказалась в руках фашистских агрессоров. И теперь настала очередь следующей намеченной ими жертвы – Советского Союза. 22 июня 1941 г. в ре-

результате преступного гитлеровского нападения и вследствие преступной сталинской политики народы нашей страны оказались перед лицом смертельной опасности. Трагичность этой даты отчетливо ощущается и 50 лет спустя. Потребовались поистине неимоверные усилия, чтобы в последовавшей четырехлетней войне ценой гигантских жертв и страшных лишений разгромить агрессора и одержать подлинно историческую победу. Цену, как всегда, пришлось платить нашему народу. И именно он был реальным творцом победы 1945 г. Но тот же, возглавляемый Сталиным тоталитарный режим, который несет ответственность за положение, в котором оказался СССР перед лицом гитлеровской агрессии, воспользовался политическими плодами победы, добытой народом в Отечественной войне, в том числе для осуществления сталинских гегемонистских целей в регионе ЦЮВЕ. И это тоже важная тема, требующая наших исследований.

Часть вторая

«Круглые столы» (2000–2002)

Начало Второй мировой войны, 1939 год Современное состояние проблемы*

27 января 2000 г. в Институте славяноведения РАН (ИСл РАН) после многолетнего перерыва¹ состоялся «круглый стол», посвященный проблемам кануна и начала Второй мировой войны, а именно событиям 1939 г., организованный Отделом истории славянских народов периода мировых войн. Потребность в его проведении была продиктована рядом причин, среди которых ведущий «круглого стола» С.З. Случ (ИСл РАН) выделил основные.

Прежде всего серьезным побудительным мотивом стала ситуация, сложившаяся в последнее десятилетие в отечественной историографии проблем 1939 г. Нельзя сказать, что их разработка не ведется, выходят в свет книги (среди самых последних – «Восточная Европа между Гитлером и Сталиным, 1939–1941 гг.», подготовленная в ИСл РАН), появляются статьи, официальные документальные публикации². Вместе с тем вся эта работа, особенно в последние годы, носит в значительной степени спорадический характер, осуществляется вне рамок продуманной общей

* Опубл.: Славяноведение. 2000. № 6. С. 58–82.

¹ Ряд «круглых столов» на эту тему был проведен в Институте в 1988–1989 гг., дав толчок серии сборников, подготовленных тогдашним Сектором истории международных отношений: Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы / Отв. ред. И.И. Поп. М., 1989; Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале Второй мировой войны (сентябрь 1939 – август 1940) / Отв. ред. Л.Я. Гибианский. М., 1990; Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940 – июнь 1941) / Отв. ред. Л.Я. Гибианский, С.З. Случ. М., 1992.

² См. библиографию в конце сборника.

концепции, которая основывалась бы на результатах, достигнутых мировой исторической наукой, и дополнялась отечественными исследованиями последнего десятилетия, базирующимися в основном на ставших доступными архивных материалах. Подобная нескоординированность работы ведет к неизбежным издержкам, связанным с распылением усилий немногочисленных историков, занимающихся проблемами 1939 г. Как правило, они настолько увлечены поиском новых документов, что не замечают или не хотят замечать, над чем работают их коллеги³. В появляющихся публикациях редко можно встретить ссылки на работы других историков, не говоря уже о полемике с ними. Неудивительно, что в подобной обстановке ушли в прошлое и дискуссии специалистов по проблемам 1939 г.⁴, ставшие одним из важных этапов деидеологизации исторической науки. И это отнюдь не свидетельство господствующего единодушия или даже его видимости, а нечто, имеющее скорее отношение к научной этике.

Не может не беспокоить и то, что подготовка и издание документов, относящихся к предыстории Второй мировой войны, не являются объектом усилий отдельных групп исследователей, а отданы на откуп официальным организациям, что неизбежно и отнюдь не лучшим образом влияет на характер публикуемых документов.

Разобщенность отдельных исследователей и их усилий по разработке конкретных проблем, связанных с переломным в истории человечества 1939 годом, несомненно, не может не сказываться на результатах работы, уровне анализа нового материала. К тому же многие важные проблемы вообще остаются вне поля зрения историков, чего скорее всего, можно было бы избежать при координации их усилий.

Все это вместе взятое и побудило вновь обратиться к такой форме обмена мнениями между специалистами по наиболее важ-

³ На этом фоне заметно выделяется монография М.И. Мельтюхова (см.: *Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина: Советский Союз и борьба за Европу, 1939–1941 (Документы, факты, суждения)*. М., 2000.), представившего не только свое видение внешней политики Сталина во второй половине 30-х – начале 40-х годов, но и основные позиции отечественных историков по рассматриваемой им проблеме.

⁴ См.: «Круглый стол»: Советский Союз в 30-е годы // *Вопросы истории*. 1988. № 12. С. 3–30; «Круглый стол»: Некоторые вопросы истории Коминтерна // *Новая и новейшая история*. 1989. № 2. С. 75–107; «Круглый стол»: Вторая мировая война – истоки и причины // *Вопросы истории*. 1989. № 6. С. 3–32; Август 1939-го: Уроки минувшего («Круглый стол») // *Коммунист*. 1989. № 12. С. 94–103; Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы [«Круглый стол»] // *Советское славяноведение*. 1989. № 5. С. 3–34.

ным и по-прежнему дискуссионным проблемам 1939 г. как «круглый стол». Правда, в отличие от «круглых столов» 10–12-летней давности, которые отличались большой публицистичностью и высоким эмоциональным накалом, стремлением буквально выплеснуть ранее закрытую информацию, на этот раз ставилась иная задача. Речь должна была идти о конструктивном обмене мнениями по строго очерченному кругу проблем, степени их разработанности в отечественной и зарубежной историографии, о введении в научный оборот новых документов, о творческих планах участников дискуссии и т.п. С этой целью заранее были намечены четыре ключевые дискуссионные проблемы (Советский Союз, Восточная Европа и предвоенный политический кризис; англо-франко-советские переговоры: была ли реальная перспектива?; советско-германский пакт и Мюнхенское соглашение: общее и особенное; советско-германское сотрудничество осенью 1939 г.) и докладчики. После каждого из сообщений состоялась часовая дискуссия с участием всех присутствующих (более 40 человек из различных институтов РАН и университетов).

Нижеследующие заметки, не претендуя на полноту, преследуют своей целью не только передать основное содержание произошедшего обмена мнениями, но и критически оценить их, т.е. в известной степени «продолжить начатый разговор», а также поделиться впечатлениями как о самом замысле, так и о его содержании.

Первым с сообщением на тему «Советский Союз, Восточная Европа и предвоенный политический кризис» выступил *В.К. Волков* (ИСл РАН). Он начал с характеристики мировой историографической ситуации, отметив, что интерес исторической науки к генезису Второй мировой войны, хотя, несомненно, уменьшившийся, по-прежнему сохраняется, о чем свидетельствуют новые публикации книг и особенно статей в научных журналах, основывающихся на широкой документальной базе. Вместе с тем сегодняшнее положение серьезно отличается от предшествующих десятилетий, особенно от периода 50–70-х годов, когда стали доступны архивы, и в научный оборот были введены основные массивы документов многих стран, в том числе большинства ведущих «игроков» на международной арене предвоенной эпохи. Все это открыло исключительно благоприятные возможности для исследователей, позволившие создать немало по-настоящему крупных трудов о предыстории Второй мировой войны.

Перейдя к характеристике атмосферы, в которой происходило в конце 80-х годов обсуждение вопросов, связанных с советско-германским договором о ненападении 1939 г., *В.К. Волков*

отметил, что определенные политические круги в Прибалтике и Москве, а также группы радикально настроенных интеллигентов использовали накал эмоций в попытках дискредитации сталинского руководства, разоблачения его закулисных маневров и т.д. Одновременно по решению II Съезда народных депутатов СССР была создана специальная комиссия по изучению комплекса вопросов, связанных с договором 23 августа 1939 г. во главе с А.Н. Яковлевым, собравшая огромный материал, дальнейшая судьба которого неизвестна. Правда, в последующие годы МИД продолжил выпуск серии «Документы внешней политики СССР», вобравшей очень интересные документы и доведя ее до 22 июня 1941 г. В свою очередь международный фонд «Демократия» подготовил двухтомник «1941 год», содержащий немало документов предшествующего периода. Однако, несколько уточнил свою мысль докладчик, как опубликованные документы, так и те из них, что вводятся в научный оборот исследователями, не дают оснований для надежд на какие-либо «открытия», способные сколько-нибудь существенно изменить наши представления о предыстории Второй мировой войны.

Это, разумеется, не означает, что проблема генезиса величайшего конфликта XX в. исчерпана. По мнению *В.К. Волкова*, несомненно перспективными являются новые концептуальные подходы в изучении происхождения Второй мировой войны. Сама история межвоенного двадцатилетия, сопровождавшаяся массой самых различных радикальных изменений в системе международных отношений, стала своего рода лабораторией для изучения многих методологических и теоретических построений. Речь идет, например, о разработке проблемы зарождения, развития и кризиса Версальской системы международных отношений, обладавшей как общими для большинства систем международных отношений, так и специфическими, присущими только Версальской закономерностями: блокообразованием, союзоспособностью государств, входящих в нее и соприкасающихся с ней, внутренней перестройкой и кризисными фазами развития, которые периодически сотрясали систему, начиная с Рапалльского кризиса и кончая кризисом 1939 г.

В этой связи небезынтересно, особенно принимая во внимание специализацию ИСл РАН, рассмотреть, как в рамках этой глобальной системы международных отношений (начиная с Первой мировой войны есть все основания вести речь именно о глобализации международных отношений) развивается регион Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ), включивший в себя целый ряд независимых государств, возникших после распада

Австро-Венгерской и Российской империй. Это особенно важно, потому что именно этому региону было суждено сыграть огромную роль в вызревании Второй мировой войны. Именно с этим регионом были связаны основные международные кризисы в межвоенный период, что предполагает более глубокое изучение всего комплекса проблем, так или иначе относящихся к Центральной и Юго-Восточной Европе.

Далее докладчик перешел к вопросу, выходящему за рамки обсуждаемой проблемы, хотя, несомненно, с ней связанному, а именно: отправной или переломной точке в международном развитии на пути ко Второй мировой войне. Вопрос этот на протяжении многих десятилетий серьезно дебатировался в западной историографии, которая предложила большой набор ответов на него в широком диапазоне от Версальского мирного договора, мирового экономического кризиса, прихода к власти Гитлера до нападения Японии на Маньчжурию в 1931 г., Абиссинского кризиса, Большого террора Сталина и даже стремления западных демократий к миру⁵. Как известно, советская историография в духе известной сталинской схемы сводила все к двум «очагам войны» – милитаристской Японии и нацистской Германии, как основным вехам на пути ко Второй мировой войне.

Концепция, предложенная *В.К. Волковым*, сводится к следующим положениям. Переломным в развитии кризиса системы международных отношений и вехой на пути к войне был 1936 г. Это объясняется обилием важных событий, произошедших в этом году: германо-австрийский договор об особых отношениях; создание Антикоминтерновского пакта; на первый взгляд второстепенное событие, но отразившее серьезные изменения в Центральной и Юго-Восточной Европе – падение правительства Н. Титулеску в Румынии; поворот в германо-польских отношениях, выразившийся в сближении Ю. Бека с Гитлером⁶; начало Гражданской войны в Испании, подтолкнувшей систему междуна-

⁵ Подробнее см.: *Случ С.З.* Некоторые тенденции в развитии немарксистской историографии происхождения Второй мировой войны (60–80-е годы) // Агрессивная политика держав фашистского блока и происхождение Второй мировой войны: Реф. сборник. ИНИОН АН СССР. М., 1989. С. 51–85.

⁶ В 1936 г., на мой взгляд, не произошло никакого дальнейшего сближения между Германией и Польшей, хотя бы несколько углублявшего достигнутое в ходе подписания пакта о ненападении от 26 января 1934 г. Положение национальных меньшинств в обеих странах по-прежнему отягощало отношения между Варшавой и Берлином (см.: *Roos H.* Polen und Europa. Studien zur polnischen Außenpolitik, 1931–1939. Tübingen, 1957; *Wojciechowski M.* Die polnisch-deutschen Beziehungen 1933–1938. Leiden, 1971).

родных отношений к трансформации в нужном для Берлина направлении; нарастание широкомасштабного террора в СССР. Если объединить эти события под углом зрения их влияния на существовавшую систему международных отношений, то станет очевидно, что именно здесь произошел перелом, началось движение по пути к мировой войне. По мнению докладчика, эти процессы не осмыслены в нашей историографии, да и вообще не затрагивались в исторической литературе⁷.

В.К. Волков затронул также вопрос о роли Советского Союза в развитии кризиса международной системы. По его мнению, массовые чистки в СССР, в том числе среди высшего партийного, государственного и военного руководства, подробно освещавшиеся и комментировавшиеся печатью на Западе, самым серьезным образом сказались на отношении многих европейских государств к договорам, заключенным ими с Москвой. Не следует забывать и о личном восприятии страны «Большого террора» государственными и политическими деятелями мира, и без того в своем подавляющем большинстве не питавших особо теплых чувств к «цитадели мирового коммунизма». Среди договоров, которым массовые эксцессы в Советском Союзе нанесли особенно заметный ущерб, – советско-чехословацкий и советско-французский 1935 г. В конечном счете, союзоспособность СССР была самым советским руководством доведена практически до нуля. Уже в ходе кризиса 1938 г. вокруг Чехословакии в дипломатических кругах проговаривался вопрос об эвентуальном пропуске Красной Армии через территории сопредельных государств – Польши и Румынии – на помощь Праге, если в этом возникнет необходимость. Разумеется, ответ на этот вопрос мог быть только отрицательным. Советская да и российская историографии объясняли причины отказа боязнью руководства этих стран перед большевизацией и т.п. Действительно боялись, но помимо этого, кто же разрешит пропуск, т.е. даже кратковременное присутствие на своей территории, войск такого государства, в котором уничтожаются носители государственности, политической системы, идеологии и т.д.

⁷ Еще в середине 60-х годов была опубликована статья западногерманского историка, посвященная кризису международной системы в 1936 г., однако высказанные в ней положения, по существу, не получили поддержки со стороны других исследователей (*Ziebur G. Die Krise des internationalen Systems 1936 // Historische Zeitschrift. 1966. Bd. 203. H. 1. S. 90–98*). См. также крупное исследование американского историка Г. Уайнберга, рассматривавшего новации, привнесенные внешней политикой третьего рейха в 1933–1936 гг., как «дипломатическую революцию» в Европе (*Weinberg G.L. The Foreign Policy of Hitler's Germany: Diplomatic Revolution in Europe, 1933–1936. Chicago, 1970*).

Под влиянием всех этих событий в отношениях между Советским Союзом и восточноевропейскими странами произошел, как считает *В.К. Волков*, гигантский перелом. Последние фактически оказались изолированы, раздираемы серьезными противоречиями и зажаты между Германией и СССР. Любые изменения на международной арене, особенно с участием Берлина или Москвы, моментально отражались на положении стран Восточной и Юго-Восточной Европы. Так, после Мюнхенского соглашения распался блок восточноевропейских государств – Малая Антанта. Балканский пакт тоже превратился в пустышку. Таким образом, когда фашистская Германия стала разворачивать широкомасштабную экспансию на континенте, все договорно-правовые отношения, связывающие страны ЦЮВЕ, фактически превратились в труху.

В связи с подобным развитием в восточноевропейском регионе, отмечает *В.К. Волков*, возникает еще один чрезвычайно интересный вопрос общего плана. Известно, что система международных отношений – это саморегулирующийся организм, в конечном счете всегда достигающий известного баланса, равновесия сил. Во второй половине 30-х годов это равновесие было резко нарушено в результате стремительного возрастания военной мощи нацистской Германии, с одной стороны, и заметного отставания в военной сфере Англии, Франции и Советского Союза – с другой. Причем если западные державы отставали от третьего рейха под влиянием серьезных, но достаточно ординарных издержек внутренней и внешней политики (внутриполитической нестабильности во Франции и курса на «умиротворение» держав фашистского блока в ведущей в этом тандеме Великобритании), то отставание в военной области СССР являлось следствием не только общей материально-технической отсталости, но прежде всего результатом экстраординарной внутренней политики сталинского режима, массовых репрессий в стране, которые с особой силой обрушились на высший командный состав и офицерский корпус Красной Армии. В ходе репрессий второй половины 30-х годов Сталин уничтожил больше офицеров и генералов Красной Армии, чем Советский Союз потерял в годы Великой Отечественной войны. Все это в совокупности указывает на то, сколь сложен и многогранен был процесс, связанный с возникновением Второй мировой войны.

В заключение *В.К. Волков* обратил внимание на то обстоятельство, что существует немало проблем, затрагивающих предысторию Второй мировой войны, которые все еще не осмыслены. Поэтому дальнейшее продвижение в изучении ее генезиса

должно быть связано не столько с привлечением нового материала, сколько в новых подходах к исследованию уже введенного в научный оборот. Не менее важно еще раз вернуться и к тем вопросам, которые считались давно решенными, попытаться взглянуть на известные факты с позиций не только более разностороннего знания о предмете, но и более объемного, в том числе и нетрадиционного, его видения.

Выступление *В.К. Волкова* вызвало оживленную дискуссию, особенно в связи с его тезисом о 1936 г. как переломном в истории предвоенных международных отношений.

В.П. Смирнов (МГУ), не согласившийся с *В.К. Волковым*, полагает, что эрозия Версальской системы международных отношений началась еще в 1925 г., когда были заключены Локарнские соглашения, а поворотным пунктом в развитии международной обстановки в Европе стал, по его мнению, приход Гитлера к власти в 1933 г., тогда как начало предвоенного политического кризиса связано с событиями 1938 г.

Схожей позиции придерживается и *Э. Дурачинский* (постоянный представитель Польской АН в Москве при Российской АН), считающий, что отсчет процесса ломки Версальской системы международных отношений, имевшей для Польши большое положительное значение, следует начинать с Рапалльского договора (1922). 1933 год был переломным не только в истории Германии, но и для международных отношений в целом. Однако решающую роль на пути ко Второй мировой войне сыграл, несомненно, 1938 год (аншлюс Австрии и Мюнхенское соглашение).

Л.Я. Гибианский (ИСл РАН) поставил вопрос о необходимости найти четкие дефиниции самой Версальской системы международных отношений, в частности, определив ее взаимоотношения с СССР: являлся ли последний частью этой системы или нет? По его мнению, ключ к пониманию предвоенного политического кризиса находился в 1938 г., когда фактически рухнула вся система международных отношений.

Н.С. Лебедева считает, что многое, из-за чего в дискуссии ломаются копыя, связано с терминологическими неточностями. Предвоенный политический кризис – это кризис, который непосредственно предшествовал началу Второй мировой войны, т.е. с 15 марта 1939 г. до 1 сентября 1939 г. Другое дело – кризисные явления, которыми были затронуты международные отношения в целом. Однако здесь имели место существенные региональные или, точнее, континентальные различия. Поэтому выделять в качестве переломного какой-то год для всей системы международных отношений было бы неправильно. Что касается Европы, то

для нее перелом наступил в ходе первой насильственной акции фашистской Германии по отношению к суверенному государству – Австрии в марте 1938 г.

И.В. Михутина (ИСл РАН) выразила несогласие с тем, что союзоспособность СССР в 1936 г. была равна нулю, принимая во внимание заключенные годом ранее договоры с Францией и Чехословакией. По ее мнению, переломным моментом на пути ко Второй мировой войне стал аншлюс Австрии в марте 1938 г.

В.В. Малай (ИВИ РАН) также поставила под сомнение утверждение о нулевой союзоспособности Советского Союза в период до начала Большого террора. Британские архивные документы свидетельствуют, что в Лондоне в 1936 г. по-прежнему присматривались к СССР, и однозначное мнение об эвентуальной политике по отношению к нашей стране в Форин оффис еще не сформировалось. Поэтому говорить об изоляции Советского Союза как результате целенаправленной политики западных держав можно только с конца 1937 г.

Г.Ф. Матвеев (МГУ) обратил внимание на генетические слабости Версальской системы международных отношений, только частично воплотившей на практике теоретические построения президента США В. Вильсона. Поскольку же право наций на самоопределение не было реализовано в межвоенной Европе, то созданная в Версале международная конструкция подверглась очень серьезному испытанию и фактически была обречена не из-за политических противоречий, а в результате межнациональных конфликтов. *Г.Ф. Матвеев* оценил Мюнхенский договор как зафиксировавший в межгосударственном соглашении признание права наций на самоопределение, а Гитлера – как впервые на международной арене добившегося реализации этого права для судетских немцев⁸. Подобные, мягко говоря, не совсем обычные для российских историков оценки политики третьего рейха, основывающиеся не в последнюю очередь как на формально-односторонней интерпретации произошедшего, так и на принятии на веру публичных заявлений Берлина, сделанных для оправдания его агрессивных действий, не вызвали интереса у участников «круглого стола».

⁸ Эта концепция, как правило, представлена в работах праворадикальных историков, пытающихся оправдать агрессивную политику нацистской Германии (см., например: *Brennecke G. Die Nürnberger Geschichtsentstellung: Quellen zur Vorgeschichte und Geschichte des 2. Weltkriegs aus den Akten der deutschen Verteidigung. Tübingen, 1970; Klüver M. War es Hitlers Krieg? Die «Irrtümer» der Geschichtsschreibung über Deutschlands Außenpolitik 1937–1939. Leoni am Starnberger See, 1984*).

С.З. Случ напомнил, что развитие международной обстановки на континенте во второй половине 30-х годов в решающей степени находилось под влиянием политики третьего рейха. Поэтому решения, которые принимались в Берлине, оказывали серьезное влияние на политический климат в Европе. В этой связи этапным моментом в развитии внешней политики нацистской Германии, а тем самым и международной обстановки в целом стало совещание в рейхсканцелярии 5 ноября 1937 г. На нем Гитлер выступил с программным заявлением о переходе рейха к политике территориальной экспансии уже в обозримой перспективе. Произошедшая на протяжении 1938 г. резкая динамизация внешней и внутренней политики Германии в решающей степени связана именно с этим выступлением фюрера⁹.

В заключительном слове *В.К. Волков* постарался ответить на возникшие в ходе дискуссии вопросы и возражения. Он подчеркнул, что Версальская система международных отношений не могла быть устойчива без Германии и Советской России. Ее кризисными точками были Рапалльский договор, Локарнские соглашения, а также заключение в 1933 г. «пакта четырех» (Англии, Франции, Италии и Германии)¹⁰. Общий же кризис Версальской системы проявился, по его мнению, именно в 1936 г., а его наиболее значимыми составляющими были ремилитаризация Рейнской области, конференция в Монте и ее решения о режиме проливов, начало Гражданской войны в Испании и вмешательство в нее других держав, принятие Германией «четырёхлетнего плана» подготовки страны к войне, отстранение в Румынии от власти министра иностранных дел Н. Титулеску и, наконец, подписание Антикоминтерновского пакта. Что же касается предвоенного политического кризиса, то точкой отсчета здесь является март 1939 г. – оккупация Чехии.

От составителя. Как показала дискуссия по другим сообщениям, представленным на «круглом столе», интерес к тезисам *В.К. Вол-*

⁹ См.: Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 1947–1949. Doc. 386-PS. Vol. XXV. P. 402–413; *Smith B.F.* Die Überlieferung der Hoßbach-Niederschrift im Lichte neuer Quellen // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1990. Н. 2. S. 329–336.

¹⁰ Этот пакт, как известно, хотя и подписанный всеми его участниками, не вступил в силу, так как не был ратифицирован ни Францией, ни Германией, и уже только по этой причине не мог быть «кризисной точкой» в развитии международных отношений (см.: *Jarausch K.H.* The Four Power Pact, 1933. Madison (Wisc.), 1965; *Белоусова З.С.* Франция и европейская безопасность, 1929–1939 гг. М., 1976. С. 108–144).

кова не был в полной мере исчерпан, хотя далеко не все его аргументы показали участникам убедительными, особенно в том, что касается роли 1936 года в генезисе Второй мировой войны. И это неудивительно, принимая во внимание, что мотором, движущей силой процесса, который неуклонно приближал мир к войне, прежде всего являлась политика нацистского рейха, политика Гитлера. Действительно, 1936 год был ознаменован двумя важными событиями в процессе динамизации этой политики: восстановлением полного суверенитета Германии над ее территорией, определенной Версальским мирным договором, в ходе введения частей вермахта в демилитаризованную часть Рейнской области¹¹ и издание Гитлером меморандума по «четырёхлетнему плану» подготовки германской экономики к войне¹². При этом первое из них представляло собой по существу последнюю важную внешнеполитическую акцию третьего рейха в процессе ненавязчивой ревизии Версальского договора. Второе – этапный момент в процессе перевода экономики Германии на военные рельсы, последствия которого в 1936 г. были далеко не очевидны. Все это свидетельствует о том, что 1936 г. представлял собой, несомненно, важный, но все-таки отнюдь не переломный этап в развитии внешней политики нацистской Германии, а тем самым и международных отношений межвоенного периода в целом.

В проблемно-постановочном выступлении В.К. Волкова целый ряд конкретных вопросов, непосредственно связанных с заявленной темой «Советский Союз, Восточная Европа и предвоенный политический кризис», не был затронут. Прежде всего это касается оценки того места, которое занимал восточноевропейский регион в политических расчетах Кремля в период его активного сближения с нацистской Германией. Хотя В.К. Волков был единственным из докладчиков, кто уделил внимание положению в историографии проблемы, однако данные им ее характеристики носили общий характер, а оценки были размыты.

С сообщением на тему «Англо-франко-советские переговоры: была ли реальная перспектива?» выступил *О.А. Ржешевский* (ИВИ РАН). Его эмоционально окрашенный доклад был сконцентрирован на англо-франко-советских военных переговорах в августе 1939 г., хотя заявленная для обсуждения тема звучала шире.

По мнению *О.А. Ржешевского*, в череде насыщенного событиями 1939 г. англо-франко-советские переговоры по-прежнему привлекают особо большое внимание историков потому, что от хода и исхода этих переговоров в конечном счете зависело даль-

¹¹ См.: *Emmerson J.T.* The Rhineland Crisis. 7 March 1936: A Study on Multilateral Diplomacy. L., 1977.

¹² См.: *Petzina D.* Autarkiepolitik im Dritten Reich: Der nationalsozialistische Vierjahresplan. Stuttgart, 1968.

нейшее развитие событий, в том числе и то, будет заключен советско-германский договор или нет. В сегодняшней российской историографии существует на этот счет немало версий, в основе которых лежат не понятийные расхождения, а сугубо политические, так как, по утверждению *О.А. Ржешевского*, история была и всегда будет наукой политической, отстаивающей определенные ценности, трансформирующиеся в определенные утверждения. Среди них, например, такие: СССР вел эти переговоры с западными державами чисто формально, поскольку в Кремле уже было все решено относительно заключения договора с Германией; советская военная делегация, получив распоряжение Сталина, оформленное в виде записки А.Н. Поскребышева К.Е. Ворошилову следующего содержания: «Клим, Коба сказал, чтобы ты кончал эту шарманку»¹³, преждевременно прервала военные переговоры. Все это, по мнению докладчика, разумеется, лишь версии, и только имеющиеся документы могут служить ориентиром для тех или иных научных выводов, в том числе и в ходе нашей дискуссии.

За последние годы стал известен только один новый документ, имеющий принципиальное значение для оценки хода и исхода англо-франко-советских военных переговоров в Москве. Речь идет об инструкции главе советской военной делегации маршалу Ворошилову на ведение этих переговоров¹⁴. По мнению *О.А. Ржешевского*, эта инструкция позволяет сделать два вполне определенных вывода. Во-первых, она свидетельствует, что советское руководство сомневалось в позиции Англии и Франции, в их готовности заключить военную конвенцию. Во-вторых, СССР со своей стороны был готов к заключению этой конвенции и стремился к этому на вполне определенных условиях, но не на основе сформулированных лишь в общей форме обязательств, которые ему ничего не давали.

В ходе переговоров военных миссий все сконцентрировалось на одном вопросе: пропустит ли Польша советские войска на свою территорию в случае немецкой агрессии против нее. Это требование советской делегации, обращенное к западным державам и Польше, было, с военной точки зрения, совершенно обоснованно, так как диктовалось необходимостью своевременно войти в непосредственное соприкосновение с вермахтом. Нали-

¹³ См.: *Сувениров О.Ф.* «Клим, Коба сказал...» // Военно-исторический журнал. 1988. № 12. С. 52–60.

¹⁴ Документы внешней политики (ДВП). 1939. М., 1992. Т. XXII, кн. 1. Док. 453. С. 584.

чие у поляков и руководства западных держав опасений относительно возможной в этом случае большевизации Польши, ее захвата Красной Армией и т.д. необходимо, по утверждению докладчика, отнести к категории политических спекуляций, ибо речь шла о вопросе большой стратегии, т.е. строго военной проблеме. Для всякого здравомыслящего человека и сегодня совершенно очевидно, что СССР не должен был дожидаться, пока немецкая армия подойдет к западной советской границе, а выдвинуть свои войска навстречу ей.

Хорошо известно, продолжал *О.А. Ржешевский*, чем закончились военные переговоры Советского Союза с западными державами. Польское правительство официально заявило, что оно против любых военно-политических соглашений с Москвой и категорически против пропуска советских войск через свою территорию. Из не так давно опубликованных французских документов стало известно, что позиция французской военной делегации была ясной и четкой. Французы понимали, что вопрос о пропуске советских войск через территорию Польши является кардинальным, без него не может быть заключена военная конвенция. Поэтому французская делегация приложила максимум усилий для того, чтобы подтолкнуть польское руководство на какую-то форму согласия с советскими требованиями, позволявшего Западу хотя бы продолжить переговоры в Москве. О позиции французской делегации свидетельствует и то, что ее телеграммы в Париж возымели действие: премьер-министр Э. Даладье прислал главе делегации генералу Ж. Думенку полномочия на подписание военной конвенции. Однако англичане и поляки молчали, и на этом переговоры военных миссий завершились.

Возникает вопрос, отмечает *О.А. Ржешевский*, хотя он и относится к области виртуальной истории: была ли возможность заключения военного соглашения между СССР и западными державами в августе 1939 г.? По мнению докладчика, шансов на заключение такого соглашения в то время не имелось. Это объясняется, прежде всего, позицией Великобритании, которая продолжала вести сложную интригу на международной арене, в основном заботясь о собственной безопасности. Обеспечение последней связывалось в Лондоне с подталкиванием германской экспансии в восточном направлении, которое было главным в политике фашистского руководства, т.е. против Советского Союза. Это обстоятельство и сделало невозможным военный союз между тремя державами в конце лета 1939 г. Вместе с тем, утверждает *О.А. Ржешевский*, Ворошилов оказался прав, когда он сказал

26 августа, что переговоры могут быть продолжены, и они будут продолжены¹⁵. На сегодняшний день мы уже располагаем совершенно конкретными документами о том, что действительно англо-советские переговоры были продолжены, но уже по английской инициативе в октябре 1939 г.¹⁶, сразу же после заключения советско-германского договора «О дружбе и границе» 28 сентября.

Заканчивая свое выступление, *О.А. Ржешевский* заметил, что в сложной обстановке лета 1939 г., когда параллельно шли не только советско-германские, но и англо-германские переговоры, для него остается совершенно не проясненным один исторический факт, а именно: действительно ли происходила во второй половине августа подготовка полета Геринга в Англию, решение о котором Гитлер отменил сразу же, как только получил послание Сталина с согласием на приезд Риббентропа в Москву 23 августа. В ходе состоявшегося в сентябре 1999 г. в Берлине заседания российско-германской комиссии историков, приуроченной к 60-летию начала Второй мировой войны, он задал этот вопрос немецким коллегам, но не получил на него ответа.

Прежде чем началась дискуссия по докладу *О.А. Ржешевского*, ему был задан ряд вопросов.

Вопрос: Прошло 10 лет, как вышла книга «1939 год: Уроки истории», первая крупная работа эпохи Перестройки, посвященная событиям кануна Второй мировой войны, в которой Вами написана глава, относящаяся к англо-франко-советским переговорам летом 1939 г.¹⁷ Что изменилось за истекшее время в Вашей оценке этих переговоров?

¹⁵ По-видимому, *О.А. Ржешевский* имел в виду заявление Ворошилова, сделанное им 25 августа в ходе прощальной аудиенции с главами английской и французской военных миссий. Оно, как явствует из сделанной записи, носило чисто дипломатический характер, отражало своего рода стремление хозяина, указывающего на дверь своим гостям, несколько смягчить не очень приятную, но предусмотренную протоколом процедуру прощания. «К сожалению, — заявил Ворошилов, — нам на этот раз не удалось договориться. Но будем надеяться, что в другое время наша работа будет носить более успешный характер» (ДВП. Т. XXII, кн. 2. Примеч. 192. С. 595–596).

¹⁶ Действительно, на протяжении октября 1939 г. *И.М. Майский* неоднократно встречался с различными британскими политиками, в том числе с главой внешнеполитического ведомства Э. Галифаксом, который выразил озабоченность состоянием англо-советских отношений и предложил в целях их улучшения начать «переговоры по вопросам торговли» (см.: телеграмму Майского в Наркоминдел, 16.10.1939 // Там же. Док. 689. С. 190). Предложений о каких-либо других переговорах с английской стороны не поступало.

¹⁷ 1939 год: Уроки истории / Отв. ред. *О.А. Ржешевский*. М., 1990 С. 298–318.

О.А. Ржешевский: В основном ничего не изменилось. Пожалуй, только то, что советской стороне следовало настаивать на участии в этих переговорах польской военной делегации.

Вопрос: Анализируя текст инструкции Ворошилову на ведение переговоров, не кажется ли Вам, что советская сторона была прекрасно информирована о том, с каким «багажом» придут в Москву западные партнеры по переговорам? Что, наверное, и неудивительно, принимая во внимание деятельность «кембриджской пятерки», работавшей на советскую разведку¹⁸.

О.А. Ржешевский: Материалы разведки нам неизвестны. В последнее время мы работаем с дневниками советского посла в Лондоне И.М. Майского, но там таких сведений нет.

Вопрос: У Вас не создается впечатление при чтении инструкции Ворошилову, что вокруг вопроса о проходе советских войск через территорию Польши, ответ на который был давно известен в Кремле, было умышленно сосредоточено столь большое внимание, чтобы завести переговоры в тупик?

О.А. Ржешевский: Странная постановка вопроса. На какой же основе мы должны были заключать военную конвенцию? Ведь речь шла о защите наших национальных интересов.

Вопрос: Кто в 1939 г. представлял большую опасность для Великобритании – СССР или Германия?

О.А. Ржешевский: Достаточно посмотреть выступления У. Черчилля¹⁹, чтобы убедиться в том, главную опасность в Лондоне видели в Германии.

Вопрос: Известно ли Вам, что нарком обороны Ворошилов получил летом 1939 г. приглашение прибыть для переговоров в Лондон, которое было отклонено?

О.А. Ржешевский: Я о таком приглашении ничего не знаю, здесь надо оперировать документами, а не слухами.

Вопрос: Почему все-таки СССР не настоял на приглашении Польши для участия в военных переговорах? Может быть, ее реакция была заранее известна в Москве?

¹⁸ В 1939 г. в британском посольстве в Париже работал Д. Маклейн, один из членов «кембриджской пятерки» (см.: *Sudoplatov P., Sudoplatov A. with J.a.L. Schecter. Special Tasks: The Memoirs of an Unwanted Spicemaster.* Boston a.o., 1994. P. 95).

¹⁹ Выступления У. Черчилля этого периода совершенно не показательны для характеристики официальной позиции Лондона. На протяжении большей части 1939 г. Черчилль являлся одним из решительных критиков правительственной точки зрения по ключевым международным проблемам и вошел в состав кабинета Н. Чемберлена только после начала Второй мировой войны.

О.А. Ржешевский: Это была ошибка советского руководства, Польшу надо было обязательно приглашать на переговоры. Отказалась бы Польша или нет, этого нельзя утверждать однозначно. Ведь обстановка в Москве была иная, чем годом ранее в Мюнхене.

Первым в дискуссии по сообщению О.А. Ржешевского выступил Э. Дурачиньский. По его мнению, у Советского Союза были немалые сомнения на военных переговорах с западными державами, но при этом он все-таки стремился к соглашению. Разумеется, в Кремле была заранее известна негативная позиция польского руководства в том, что касается допуска советских войск. И она объясняется необходимостью обеспечения суверенитета страны, вне зависимости от того, о каких иностранных войсках шла речь. Тем не менее остается открытым вопрос, когда же произошел поворот во внешней политике СССР – 11 или 19 августа?²⁰ От ответа на него зависит и оценка содержания инструкции Ворошилову. В целом же ответственность за провал переговоров лежит на всех его участниках.

В.А. Голубев (Ин-т российской истории РАН), вернувшись к поднятому В.К. Волковым вопросу о союзоспособности СССР, отметил, что, наряду с союзоспособностью государств существует и такая немаловажная категория, как союзопотребность во внешней политике. Так, у Франции она была в межвоенный период очень высока, у Великобритании – на среднем уровне, а у СССР – низкая. Последнее неудивительно, так как высокая степень манипулирования массовым сознанием в условиях тоталитарного режима навязывала обществу стереотип тотального вра-

²⁰ Э. Дурачиньский связывает поворот во внешней политике СССР с формальными моментами в развитии советско-германских отношений: 11 августа, по данным Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении 1939 г., вопрос о советско-германских отношениях рассматривался на Политбюро, принявшего решение «вступить в официальное обсуждение поднятых немцами вопросов» (Известия. 1989. 25 дек. С. 6); 19 августа В.М. Молотов вручил германскому послу Ф.В. фон Шуленбургу советский проект пакта о ненападении и сообщил о согласии Сталина на приезд в Москву 26–27 августа министра иностранных дел Германии Й. фон Риббентропа (ДВП. Т. XXII, кн. 1. Док. 474. С. 617). В действительности поворот во внешней политике СССР в сторону активного сближения с Германией произошел значительно раньше, в конце 1938 – начале 1939 г. (см.: *Случ С.З. Германия и СССР в 1918–1939 годах: мотивы и последствия внешнеполитических решений // Россия и Германия в годы войны и мира (1941–1995) / Под ред. Д. Прозектора и др. М., 1995. С. 68–69; Безыменский Л.А. Советско-германские договоры 1939 г.: Новые документы и старые проблемы // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 8).*

ждебного окружения СССР. Поэтому на проблему союзников население Советского Союза смотрело исключительно через идеологическую призму, что создавало для верхушки дополнительные возможности для обработки масс в зависимости от ситуации.

Н.С. Лебедева считает, что все европейские державы, кроме Германии, стремились избежать войны. При этом Польша рассматривалась в Лондоне в качестве разменной карты в англо-германских отношениях, и влиятельные силы в правительственных кругах даже готовы были пойти на организацию «второго Мюнхена», на этот раз для Польши. Однако Берлин это уже не устраивало, он стремился к разгрому Польши. Великобритания и Франция не могли с этим согласиться, не утратив полностью лица на международной арене. Поэтому англо-германский сговор на условиях, продиктованных нацистскими лидерами, был невозможен.

Возможен ли был иной исход переговоров, которые велись в то время в различных местах главными участниками событий? – так поставил вопрос *В.К. Волков*. По всей видимости, нет. Для Англии и Франции договоренность за счет Польши была исключена из-за общественного мнения этих стран, для Германии и СССР подобной проблемы не существовало. Но и договоренность с Советским Союзом для Великобритании являлась весьма проблематичной, если даже иметь в виду только военный аспект: Англия могла выставить пять дивизий, СССР – 120. И это при том, что в Лондоне традиционно занимались поисками ландскнехтов для борьбы с Германией. Сталин, более всего опасавшийся сговора западных держав с Берлином, пошел на переговоры с Англией и Францией ради зондажа, давления на них и одновременно на Германию, в первую очередь в пропагандистских целях, считает *В.К. Волков*. По его мнению, ни один из участников переговоров в Москве не мог похвастаться безупречностью замыслов и предложенных путей их реализации, при этом все они и Польша демонстрировали большую, явно излишнюю самоуверенность, что было на руку только Берлину.

И.С. Яжборовская (Ин-т сравнительной политологии РАН) указала на необходимость не отождествлять интересы СССР с деятельностью Сталина, политика которого привела к результатам, диаметрально противоположным декларированным публично намерениям. Позиция Польши относительно пропуска советских войск через ее территорию была давно известна в Кремле и объективно никак не могла повлиять на исход англо-франко-советских военных переговоров. Другое дело – угроза капиталистического окружения на западе и востоке, гипнотизировавшая со-

ветское руководство, вне зависимости от степени ее реальности. Характеризуя состояние польской историографии событий 1939 г. (более 1200 названий), *И.С. Яжборовская* обратила внимание на несопоставимые масштабы усилий историков России и Польши на этом направлении.

Г.Ф. Матвеев считает, что для успешной разработки проблем 1939 г. нужны прежде всего новые идеи. С огромным трудом выйдя из международной изоляции в первой половине 1939 г., СССР оказался перед альтернативой: продолжать политику коллективной безопасности М.М. Литвинова или найти иные пути обеспечения собственной безопасности. Переговоры с западными державами были для Советского Союза необходимы, чтобы не допустить «второго Мюнхена», а также являлись своего рода проверкой Запада, искренности его намерений на деле противостоять германской агрессии. В советском требовании о пропуске войск через территорию Польши не было ничего необычного, так как подобная возможность предусматривалась и Уставом Лиги Наций²¹. По мнению *Г.Ф. Матвеева*, поворот советской политики в сторону соглашения с Германией представлял собой прагматичный выход из сложившейся ситуации.

С.З. Случ обратил внимание на некоторые нюансы советской внешней политики на протяжении 1939 г., имевшие самое непосредственное отношение к «польской проблеме». Например, внося 17 апреля на обсуждение Англии и Франции свой пакет предложений о сотрудничестве, выработанный при непосредственном участии Сталина²², советская сторона включила, в частности, следующий пункт: «4. Английское правительство разъясняет, что обещанная им Польше помощь имеет в виду агрессию исключительно со стороны Германии»²³. Странно, что, читая этот документ, историки до сих пор не задались вопросом: в случае агрессии с чьей стороны советское руководство стремилось «обезопасить» Польшу от британской помощи? И еще один штрих в

²¹ Г.Ф. Матвеев слишком буквально трактует статью 16 Устава Лиги Наций, действие которой не носило столь обязывающего, а тем более автоматического характера, сопровождаясь рядом немаловажных оговорок. Согласно ей, члены Лиги Наций «принимают необходимые постановления для облегчения прохода через их территорию сил всякого Члена Лиги, участвующего в общем действии для поддержания уважения к обязательствам Лиги» (курсив мой. – С.С.) (Версальский мирный договор / Пер. с фр. М., 1925. С. 12). Не случайно советские дипломаты ни в 1938, ни в 1939 г. никогда не ссылались на эту статью Устава. Впрочем, на то могли быть и совсем иные причины.

²² См.: Посетители Кремлевского кабинета И.В. Сталина // Исторический архив. 1995. № 5/6. С. 35; ДВП. Т. XXII, кн. 1. Док. 228. С. 283.

²³ ДВП. Т. XXII, кн. 1. Док. 229. С. 284.

этой связи. В июне советская сторона отказалась от заключения специального соглашения о взаимном транзите товаров через территорию Польши и СССР и даже от переговоров на этот счет, что было большой неожиданностью для поляков, рассчитывавших на получение оружия и других военных грузов от западных держав через СССР²⁴. Эти и другие подобные факты, по мнению С.З. Случа, свидетельствуют о том, что советское руководство даже косвенным образом не собиралось облегчать положение своего соседа в условиях надвигавшейся германской агрессии, хотя сохранение независимости и территориальной целостности Польши объективно отвечало национально-государственным интересам Советского Союза.

В заключение взял слово *О.А. Ржешевский*, возразивший тем выступавшим, кто утверждал, что Сталин был беспринципным и циничным политиком, а также тем, кто поставил под сомнение реальность угрозы, исходившей для СССР в 1939 г. от капиталистического окружения. По его мнению, в наши дни российские историки расколоты на «западников» и «славянофилов», как некогда в XIX в., поэтому необходимо искать консенсус, в частности, опубликовав материалы данной дискуссии.

От составителя. Полностью соглашаясь с заключительным выводом О.А. Ржешевского о невозможности достичь положительного результата на англо-франко-советских военных переговорах, полагаю, что данные этому объяснения вызывают серьезные возражения. Во-первых, обособление англо-франко-советских военных переговоров в августе 1939 г. от предшествовавших им дипломатических контактов и политической дискуссии представляется мне в принципе неверным, ибо невозможность прийти к соглашению по политическим вопросам по сути дела предопределила неудачу и военных переговоров. Во-вторых, внешнеполитические цели советского руководства и западных держав в 1939 г. были трудно совместимы, основываясь на резко отличающихся базовых принципах и подходах к существовавшей системе международных отношений; находясь под влиянием огромного недоверия друг к

²⁴ Там же. Док. 362. С. 450–451. Вплоть до заключения торгового договора должен был действовать запрет на транзит оружия и военного снаряжения через территорию обеих стран, оговоренный статьей XXII Рижского мирного договора 1921 г. (ДВП. М., 1959. Т. III. Док. 350. С. 640). Однако в Дополнительном протоколе к торговому договору между СССР и Польшей от 19 февраля 1939 г. констатировалось, что вопросы, касающиеся урегулирования транзита товаров через территорию обоих государств, «будут предметом особого соглашения, переговоры о заключении которого начнутся в Москве не позже чем через четыре месяца со дня вступления в силу настоящего протокола» (Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1973. Т. VII. Док. 13. С. 39–40).

другу, сформировавшегося под воздействием внешней политики обеих сторон и в значительной мере внутривосточного развития в СССР; наконец, из-за отсутствия некоего мощного общего знаменателя, интегратора, который позволил бы преодолеть существующие серьезные противоречия. В-третьих, рассуждения относительно «подталкивания» германской агрессии на Восток как чуть ли не одной из доминант британской внешней политики относятся к числу пропагандистских клише, в свое время взятых на вооружение советской исторической наукой, а не итогом серьезного анализа такого сложного явления, каким являлась политика умиротворения. В этой связи, я думаю, отнюдь не случайно в советской историографии, изобиловавшей критикой этой политики западных держав, не было ни одного серьезного исследования политики умиротворения, как комплексного явления международной жизни в 30-е годы. В-четвертых, вопрос о пропуске иностранных войск на территорию суверенного государства, причем не просто о транзите, но для ведения боевых действий на его территории – это, разумеется, в первую очередь вопрос политический, а не военный. Его решение могло быть результатом только прямых переговоров и договоренностей между всеми заинтересованными сторонами на самом высоком уровне. Нежелание польской, как, впрочем, и советской, стороны даже вести подобные переговоры убедительно свидетельствует о том, что «польскому вопросу» на англо-франко-советских переговорах отводилась Кремлем исключительно инструментальная роль, а именно – срыва этих переговоров²⁵. Кстати, никто пока еще убедительно не обосновал, уже с военной точки зрения, преимущества ведения боевых действий с противником на территории сопредельного государства, а не на своей собственной, с опорой на имеющуюся систему оборонительных сооружений, хорошо известный театр военных действий и собственную транспортную сеть. В-пятых, опасения в Варшаве, связанные с эвентуальными последствиями появления советских войск на территории Польши, относятся отнюдь не к категории политических спекуляций, о чем весьма убедительно свидетельствует трагическая судьба Прибалтийских государств.

Из доклада О.А. Ржешевского стало известно, что опубликованные за последнее время французские документы проливают дополнительный свет на действия французской военной делегации на переговорах в Москве, что британские архивы по-прежнему хранят многие тайны. Но из выступления О.А. Ржешевского мы абсолютно ничего не узнали о том, что *нового* дали публикации документов и исследования российских историков в 90-е годы. Вместе с тем очевидно, что уже известные советские документы, как архивные, так и опубликованные, позволяют по-новому взглянуть на весь комплекс англо-франко-советских как политических, так и военных переговоров весной-летом 1939 г. И возник-

²⁵ См.: инструкцию Ворошилову от 7.08.1939 г. (ДВП. Т. XXII, кн. 1. Док. 453. С. 584); а также: Случ С.З. Гитлер, Сталин и генезис четвертого раздела Польши // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным, 1939–1941 гг. / Отв. ред. В.К. Волков, Л.Я. Гибианский. М., 1999. С. 164–166.

шая при этом картина будет выглядеть, очевидно, иначе по сравнению с той, что предстала в докладе О.А. Ржешевского. При этом необходимо соблюсти лишь два условия: не отрывать внутреннюю политику государств – участников переговоров от внешней и принимать во внимание весь комплекс имеющихся в распоряжении исследователей документов, в том числе не вписывающихся в заезженную схему «СССР в борьбе за мир».

С докладом «Советско-германский пакт и Мюнхенское соглашение: общее и особенное» выступил *М.И. Семиряга* (РГГУ).

История войн подтверждает, что любой войне, особенно коалиционной, а тем более мировой, предшествует предвоенный политический кризис. Предвоенный политический кризис – это такое состояние международных отношений, когда враждующие страны уже не в состоянии мирно преодолевать существующие между ними противоречия и неуклонно двигаются к войне. Подобная обстановка сложилась в 1938 г. и в первой половине 1939 г. К сожалению, отметил *М.И. Семиряга*, в отечественной исторической литературе эта проблема разработана еще недостаточно, хотя дефицита в архивных документах здесь не ощущается. Другой вопрос, что мы все еще по-разному оцениваем одни и те же факты. Это может быть совсем неплохо для научного процесса, но явно негативно сказывается на преподавании истории в средней и высшей школе.

Наиболее значимыми событиями, которые содействовали агрессору в развертывании Второй мировой войны и составили суть предвоенного политического кризиса, стали Мюнхенское соглашение (сентябрь 1938 г.) и советско-германский пакт (август 1939 г.). Каждая из этих договоренностей была вызвана своими особыми обстоятельствами, различалась составом партнеров и конечными результатами, но их и объединял ряд общих черт. Во-первых, их вдохновителем и инициатором была наиболее агрессивная военно-политическая сила того времени – нацистская Германия. Под предлогом исправления несправедливости Версальской системы Гитлер стремился решить проблему «жизненного пространства» за счет своих соседей. Во-вторых, общей чертой договоренностей как в Мюнхене, так и в Москве было то, что по своему политическому характеру они являлись имперскими реваншистскими сговорами, жертвами которых стали третьи страны. В Мюнхене – одна Чехословакия, а в Москве – пять стран-лимитрофов, расположенных на западе и северо-западе от СССР. Румынию к этой категории *М.И. Семиряга* не причисляет, так как, по его мнению, акция по возвращению Советскому Союзу летом 1940 г. Бессарабии, оккупированной еще в 1918 г.,

имела справедливый характер и соответствовала международному праву²⁶. В-третьих, оба соглашения, в которых участвовала Германия, под видом «умиротворения» Гитлера разрушили существовавшую относительную стабильность в Европе и создали обстановку, благоприятствовавшую германскому агрессору в развязывании Второй мировой войны. В-четвертых, участники этих соглашений единолично решали судьбы третьих стран, совершенно игнорируя их интересы. Наконец, в-пятых, Германия как участница обеих договоренностей вскоре нарушила их, открыто продемонстрировав свои агрессивные намерения как в отношении Чехословакии, так и СССР.

Но, как известно, общих черт в подобного рода политических соглашениях в чистом виде не бывает. Поэтому они проявлялись вперемешку с особенностями, которые в значительной мере и отличали один договор или сговор от другого. Состав партнеров Германии по переговорам был разным: в Мюнхене имело место четырехстороннее соглашение, в Москве – двустороннее. Далее. В Мюнхене Гитлер стремился к расчленению и ослаблению Чехословакии, и он добился своей цели при помощи западных держав, хотя последние и пытались в какой-то мере ограничить его аппетит. Однако, полагает *М.И. Семиряга*, когда Гитлер в нарушение достигнутых договоренностей оккупировал Чехию, то Чемберлен и Даладье признали свое поражение и обещали военную помощь эвентуальной следующей жертве германской агрессии – Польше. Иные задачи стояли перед Гитлером, когда он направил в августе 1939 г. Риббентропа в Москву. Ему необходимо было заручиться благожелательным нейтралитетом СССР на время Польской и, самое главное, Западной кампании вермахта. Ради этого он готов был временно поделиться со Сталиным территориями в Европе. И эта задача была успешно решена. Идя на заключение пакта с Германией, Сталин также преследовал вполне определенные цели. Предоставив в распоряжение Берлина свой сверхблагожелательный нейтралитет, он стремился, по мнению *М.И. Семиряги*, усилить военную мощь третьего рейха и тем самым добиться затяжной войны на Западе, которая обескрови-

²⁶ Акция СССР по возвращению Бессарабии, а тем более Северной Буковины, которая никогда не входила в состав Российской империи, едва ли может быть признана соответствующей международному праву, поскольку была осуществлена в форме ультиматума Москвы правительству Румынии 26–27 июня 1940 г. (ДВП. М., 1995. Т. XXIII, кн. 1. Док. 229. С. 380–384; Док. 232. С. 385–386; Док. 236. С. 389), опиравшегося на секретный протокол к советско-германскому пакту от 23 августа 1939 г. о разделе сфер интересов в Европе (ДВП. Т. XXII, кн. 1. Док. 485. С. 632).

ла бы обе стороны, дав тем самым возможность выиграть время для лучшей подготовки СССР к неизбежной войне в будущем. Ни одна, ни другая задачи не были выполнены. Хотя определенный выигрыш времени и имел место, но Германия воспользовалась им более эффективно, чем Советский Союз.

Различны были и методы реализации Мюнхенского и Московского соглашений. Участники Мюнхенского договора добивались своих задач политическим и дипломатическим путем, даже тогда, когда сам договор превратился в пустую бумажку. Напротив, советско-германский пакт предоставил Гитлеру исключительные возможности для использования военной силы на одном фронте, а Сталину позволил решать территориальные проблемы, сочетая прямое применение силы против Польши и Финляндии с угрозой ее применения в отношении Прибалтийских государств и Румынии. Причем в случае с Финляндией СССР не удалось реализовать поставленную стратегическую задачу, т.е. в конечном счете оккупировать и присоединить всю Финляндию.

Договоренности в Мюнхене и Москве отличались по продолжительности их действия, а также направленности их нарушения. Если в первом случае Германия нарушила соглашение менее чем через полгода после его подписания, оккупировав в марте 1939 г. Чехию, т.е. агрессия была совершена в отношении государства, являвшегося объектом договоренностей в Мюнхене, то в июне 1941 г., т.е. спустя 22 месяца после подписания пакта о ненападении между Берлином и Москвой, Германия напала на СССР, который не только был ее партнером по разделу Европы, но и способствовал на протяжении всех этих месяцев осуществлению нацистских планов.

Мюнхенское соглашение не содержало никаких секретных статей или приложений. Гитлер не скрывал своих намерений и был уверен, что его партнеры пойдут на уступки. Лидеры Великобритании, Франции и Италии, в свою очередь, считали, что действуют сугубо в интересах своих стран, и, разумеется, во имя обеспечения мира на континенте. Совсем по-иному относились к своему детищу авторы и соавторы советско-германского пакта о ненападении. По инициативе советской стороны он включал Секретный протокол, воплотивший, по мнению *М.И. Семиряги*, суть этого соглашения. Этот протокол был в такой степени засекречен, что его скрыли даже от некоторых членов Политбюро, не говоря уже о депутатах Верховного Совета СССР, ратифицировавших только основной текст договора.

Еще одно немаловажное различие этих двух соглашений заключалось в том, что в результате Мюнхенского договора толь-

ко один из его участников расширил территорию своей страны – Германия, в то время как другие лишь молчаливо дали на это санкцию. В итоге пакта Молотова–Риббентропа была не просто поделена Европа на сферы интересов, но и осуществлено насильственное включение целых стран и многих миллионов их жителей в состав Великой германской империи (Großdeutschland) и не менее великого Советского Союза.

Оценивая общее и особенное этих двух международных соглашений, необходимо, по мнению *М.И. Семиряги*, учитывать конкретную историческую обстановку, в которых они заключались, но главным все же является результат, т.е. последствия для участников договоренностей. Надо признать, что они были отрицательными как для Англии и Франции, подписавших Мюнхенское соглашение, так и для СССР, пошедшего на сговор с нацистской Германией. Заключение пакта 23 августа 1939 г., считает *М.И. Семиряга*, явилось политическим просчетом советского руководства, принявшего это решение без стратегического анализа этого шага и без рассмотрения какой-либо альтернативы ему. А между тем эта альтернатива реально существовала, о чем *М.И. Семиряга* писал еще 5 октября 1988 г. в «Литературной газете». По его мнению, в августе 1939 г. развитие событий могло пойти и по одному из следующих вариантов.

Вариант 1. СССР отвергает предложение Германии как неприемлемое или затягивает переговоры с ней, одновременно упорно и с готовностью к компромиссу добиваясь заключения военного соглашения с Англией и Францией.

Вариант 2. При отсутствии готовности западных держав, а также Польши, достичь определенного компромисса в ходе переговоров с СССР, советское руководство заключает договор о ненападении с Германией, включая в него статью, позволявшую аннулировать это соглашение, если Берлин развяжет войну против третьих стран. Одновременно СССР продолжает осуществлять давление на западные державы с тем, чтобы добиться от них более гибкой, готовой к компромиссу линии поведения.

Вариант 3. СССР не заключает политического соглашения с Германией, но при этом поддерживает с ней выгодные экономические отношения. СССР не заключает никаких соглашений также с Англией и Францией, если они продолжают настаивать на совершенно неприемлемых для Москвы условиях. Это означало бы, что Советский Союз сохраняет статус подлинно нейтрального государства, выигрывая время для лучшей подготовки к будущей неизбежной войне. Как известно, время работало на СССР, а не на Германию.

Конечно, полагает *М.И. Семиряга*, рассчитывать на подобное альтернативное развитие можно было только в случае уверенности в том, что третий рейх при отсутствии договора с Советским Союзом не нападет на Польшу в сентябре 1939 г. По его мнению, именно так могло бы и произойти, если иметь в виду, что Берлин пошел на заключение договора прежде всего для того, чтобы нейтрализовать СССР, исключив тем самым опасность войны на два фронта.

Таким образом, можно утверждать, резюмировал докладчик, что альтернатива заключенному 23 августа пакту о ненападении с Германией существовала, но она осталась нереализованной.

Прежде чем началась дискуссия по выступлению *М.И. Семиряги*, ему был задан ряд вопросов.

Вопрос: Есть ли у Вас какие-либо документы, подтверждающие возможность альтернативных решений для советского руководства в 1939 г.?

М.И. Семиряга: Нет, таких документов у меня нет.

Вопрос: Чем отличается не подкрепленная документами концепция от фантазии?

М.И. Семиряга: Логическим анализом.

Вопрос: Какими документами Вы руководствовались, когда говорили о том, что цели СССР не были достигнуты в ходе советско-финляндской войны?

М.И. Семиряга: Это можно проследить по целому комплексу документов: 1) решение Кремля о создании правительства О. Куусинена; 2) советские военные планы, предусматривавшие последовательный выход на рубеж Выборга – Хельсинки – граница Швеции и Норвегии; 3) выступление секретаря ЦК компартии Карелии Н.Г. Куприянова на открытии Петрозаводского университета, в котором речь шла о помощи трудящимся Финляндии в ходе войны; 4) приказ войскам об освобождении Финляндии.

Вопрос: Была ли альтернатива Мюнхенскому соглашению?

М.И. Семиряга: Да, такая альтернатива была. СССР мог занять более решительную позицию. Войска были уже отобилированы²⁷.

Первой в дискуссии по сообщению *М.И. Семиряги* выступила *В.В. Марьина* (Исл РАН). Она поддержала точку зрения о наличии реальной альтернативы Мюнхенскому соглашению.

²⁷ Наличие или отсутствие альтернативы Мюнхенскому соглашению зависело не от позиции СССР, а от позиции прежде всего Чехословакии, а также западных держав. Реальной альтернативой Мюнхенскому договору была война, которой не хотели ни в Праге, ни в Лондоне и Париже.

В.В. Марьина ознакомила присутствующих с некоторыми записями из дневников Майского, не так давно ставших доступными для исследователей. В частности, о беседе Майского с Черчиллем 23 марта 1938 г., в ходе которой этот крупный английский политический деятель, находившийся в то время в оппозиции правительству Чемберлена, высказался за союзнические отношения между Великобританией и СССР. При этом Черчилль порекомендовал советскому правительству публично подтвердить свои обязательства в отношении Чехословакии. По его мнению, нацистская угроза миру и безопасности народов Европы превосходила по своим масштабам и последствиям коммунистическую угрозу.

Э. Дурачинский подчеркнул важность исследования альтернативных ситуаций в истории, позволяющих лучше понять реально произошедшие процессы. По его мнению, Сталин еще в 1925 г. был уверен в неизбежности большой войны в Европе, а также в том, что СССР вступит в эту войну последним²⁸. В историографии уже в начале 60-х годов рассматривались три гипотетические возможности действий на международной арене, имевшиеся у Сталина в 1939 г. Реальны ли были эти варианты? По мнению *Э. Дурачинского*, нет. Сталин мог осуществить только тот вариант поведения, который он реализовал 23 августа 1939 г. Советско-германский пакт имел для СССР как плюсы, так и минусы. Действительно, Сталин, расширив территорию Советского Союза в 1939–1940 гг., в перспективе немало выиграл, но это была уже послевоенная перспектива. Непосредственные же последствия его политики, резюмировал *Э. Дурачинский*, наглядно проявились после 22 июня 1941 г., и они были однозначно отрицательными.

Н.В. Курков (Московский педагогический университет) не согласился с оценкой советско-германского пакта, как имевшего только отрицательные последствия для СССР. Международное сообщество признало после Второй мировой войны новые границы Советского Союза, в том числе и его права на те территории, которые были присоединены в 1939–1940 г. А это означает, считает *Н.В. Курков*, что Сталин как глава империалистической державы получил немалые выгоды.

Л.Я. Гибианский упрекнул организаторов «круглого стола» в том, что они решили ограничить дискуссию событиями 1939 г. По его мнению, невозможно анализировать события 1939 г. в отрыве от последующего периода вплоть до нападения Германии на СССР. Только в этом случае возможно в полной мере оценить

²⁸ *Сталин И.В.* Соч. М., 1947. Т. 7. С. 14.

события 1939 г., их место в историческом процессе. *Л.Я. Гибянский* полагает, что на протяжении всего периода 1939–1941 гг. внешнеполитические действия Сталина были противоречивы. Являлось ли необходимым с такой настойчивостью вплоть до 22 июня 1941 г. следовать курсом, заложенным решениями 1939 г., это большой вопрос.

О.А. Ржешевский охарактеризовал происходящую дискуссию, как свидетельство того, что виртуальная история приобретает научный характер. Однако, по его мнению, необходимо при анализе альтернативных вариантов развития приводить факты и документы, а не ограничиваться построением всякого рода умозрительных конструкций. В частности, по его мнению, нет документов, в которых рассматривались советские планы захвата всей Финляндии.

С.З. Случ отметил, что, рассматривая вопрос об альтернативах во внешней политике того или иного государства, как правило, оставляют вне поля зрения внутривнутриполитический аспект, а именно – форму политического режима в странах, выступавших в качестве основных игроков на международной арене. Без учета этого важнейшего фактора многие рассуждения в значительной мере теряют смысл, даже если они основываются на документах. Принимая же во внимание эту составляющую поведения любого государства, следует признать, что во внешней политике СССР в 1939 г. не было реальной альтернативы пакту с нацистской Германией.

С заключительным словом выступил *М.И. Семиряга*. Если альтернативы пакту с Германией не было, сказал он, то одно из двух: либо Сталина загнали в 1939 г. в тупик, либо он создал его искусственно сам. Советско-германский договор имел и плюсы, но минусы преобладали, так как немцы от пакта выиграли неизмеримо больше. Коснувшись вопроса о незавершенности советских планов в отношении Финляндии, он напомнил, что отнюдь не случайно на переговорах в Берлине в ноябре 1940 г. Молотов подчеркнул, что «советское правительство считает своим долгом окончательно урегулировать финский вопрос»²⁹.

От составителя. Сообщение М.И. Семиряги вызвало неоднозначное впечатление. Сама тема – сравнение Мюнхенского соглашения и

²⁹ Akten zur deutschen auswärtigen Politik (ADAP) (1918–1945). Ser. D (1937–1941). Bonn, 1964. Bd. XI. Dok. 328. S. 466. В советской записи этого документа мысль Молотова была облечена в следующую форму: «Финляндский вопрос следовало бы провести так, как он был решен в прошлом году» (ДВП. М., 1998. Т. XXIII, кн. 2. Док. 511. С. 66).

советско-германского пакта о ненападении – представляет несомненный интерес. Однако ее раскрытие подразумевает большую опору на документальный материал, а итоговые выводы – соответствующую замыслу широту видения проблемы. В противном случае неизбежно возникнут уязвимые для критики тезисы. Например, утверждение М.И. Семиряги, что «вдохновителем и инициатором Мюнхенского и Московского соглашений была наиболее агрессивная военно-политическая сила того времени – нацистская Германия», не соответствует действительности. Инициатором Мюнхенской конференции был британский премьер-министр Н. Чемберлен, обратившийся с просьбой о посредничестве к Б. Муссолини³⁰. Что же касается пакта Молотова–Риббентропа, то здесь решающая инициативная роль принадлежала отнюдь не Германии, а СССР, проделавшему основную подготовительную работу по сближению двух государств³¹.

Представляется неточным утверждение М.И. Семиряги, что оба соглашения, в которых участвовала Германия, под видом «умиротворения» Гитлера разрушили существовавшую относительную стабильность в Европе. Оно, разумеется, полностью применимо к Мюнхенскому договору, но имеет мало общего с советско-германским пактом, хотя бы уже потому, что в Москве на заключительной стадии переговоров не умиротворяли Гитлера, а ублажали Сталина, идя ему на практически любые уступки. 23 августа 1939 г. не было необходимости разрушать даже относительную стабильность в Европе, ее к тому времени вообще не существовало.

Однако самые серьезные замечания вызывают рассуждения М.И. Семиряги по поводу реальности альтернативы советско-германскому пакту о ненападении. Их основной недостаток состоит в том, что все они исходят из предпосылки, что СССР обладал неограниченной свободой маневра на международной арене, а его руководство стремилось к оптимизации внешнеполитических решений, но совершило просчет. В действительности, ни того, ни другого не было. Ни один из трех названных вариантов не являлся предметом размышлений для Сталина и его ближайшего окружения, ибо не давал возможности осуществлять экспансионистскую политику, не втягиваясь де-факто в большую войну. В свою очередь осуществление этой экспансионистской политики было возможно только с опорой на нацистскую Германию, а не на западные державы. В предложенных же М.И. Семирягой сценариях советская внешняя политика полностью оторвана от формы политического режима, господствовавшего в стране, поэтому они совершенно нереалистичны. Советско-германский пакт от 23 августа 1939 г. не был вынужденной акцией с советской стороны, в Кремле настойчиво стремились именно к такому соглашению с Берлином, и для советского тоталитарного режима во главе со Сталиным ему не было и не могло быть никакой реальной альтернативы.

³⁰ *Messerschmidt M. Außenpolitik und Kriegsvorbereitung // Ursachen und Voraussetzungen des Zweiten Weltkrieges. Frankfurt a. M., 1989. S. 794.*

³¹ *Случ С.З. Германия и СССР в 1918–1939 годах. С. 68–79.*

Н.С. Лебедева (ИВИ РАН) выступила с докладом на тему «Советско-германское сотрудничество осенью 1939 г.» Первый вопрос, который возникает при анализе этой проблемы: чем являлось в этот период сотрудничество для Германии и для СССР – тактическим ходом или стратегическим поворотом в их политике? По мнению *Н.С. Лебедевой*, курс на сотрудничество с третьим рейхом означал для советского руководства окончательный разрыв с политикой коллективной безопасности и переход к территориальной экспансии в различных регионах, причем не только в Европе, но и в Азии, путем раздела сфер интересов с самой мощной агрессивной державой. И в этом отношении поворот был, несомненно, стратегическим. Если бы Кремль стремился лишь на время остаться вне войны, чтобы как можно лучше подготовиться к неизбежному столкновению с нацистской Германией, он должен был проводить совершенно иную политику, не способствующую столь стремительному усилению главного потенциального противника. Однако, недооценивая мощь Германии и одновременно переоценивая возможности вооруженных сил Англии и Франции, Сталин и его ближайшее окружение рассчитывали на длительную вооруженную борьбу между ними, на ослабление в ходе этой борьбы капиталистического мира в целом и соответствующее усиление СССР. Именно ради этого советский режим отбросил антифашистские лозунги и стал активно сотрудничать с нацистским государством.

В свою очередь, Германия, продолжала *Н.С. Лебедева*, в результате сотрудничества с СССР в стратегическом плане избежала войны на два фронта и смогла реализовать свои замыслы в отношении Польши. Поддерживая Советский Союз в его действиях по захвату части Польши, Прибалтики, Бессарабии и Финляндии, Гитлер не только расплачивался с СССР за его неучастие в войне на стороне противников рейха. Он тем самым пытался спровоцировать западные державы на военный конфликт с Москвой, заставить их воевать на два фронта и одновременно ослабить СССР. Кроме того, советская агрессия в отношении соседних государств должна была серьезно дискредитировать СССР в глазах общественности Запада, сделав невозможным впоследствии оказание ему помощи, когда Германия нанесет удар уже по нему. В условиях экономической блокады западных держав для Берлина имело огромное значение использование огромных сырьевых ресурсов СССР, а также транзит необходимых ему товаров через территорию Советского Союза. Однако ни расчеты Сталина, ни надежды Гитлера не были полностью реализованы в ходе их почти двухлетнего союза.

В сентябре–декабре 1939 г. сотрудничество двух государств развивалось по следующим направлениям: 1) дальнейшее оформление союзнических отношений и перераспределение сфер влияния и контроля; 2) военно-политическое сотрудничество в интересах раздела Польши и ликвидации ее как независимого государства; 3) взаимодействие двух тоталитарных режимов при заключении договоров о взаимопомощи СССР с Эстонией, Латвией и Литвой; 4) сотрудничество в ходе советско-финляндской войны; 5) обмен населением в ходе раздела Польши; 6) экономическое сотрудничество.

Хотя советско-германский пакт о ненападении, считает Н.С. Лебедева, давал возможность сталинскому руководству соблюдать нейтралитет, оно предпочло пойти на политическое, дипломатическое, военное, экономическое и даже идеологическое сотрудничество с гитлеровским режимом.

Уже 3 сентября Германия официально обратилась к СССР с предложением ввести свои войска на часть территории Польши, включенную в советскую сферу интересов. 5 сентября Молотов ответил: «Мы согласны, что в подходящий момент обязательно придется нам начать конкретные действия. Но мы считаем, что этот момент пока еще не созрел»³². Тем не менее подготовка СССР к «освободительному походу» началась с первого дня Второй мировой войны. Решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 1 сентября 1939 г. РККА была увеличена на 76 дивизий и их общее количество было тем самым доведено до 173. 3 сентября по решению Политбюро было на месяц задержано в Красной Армии около 311 тыс. человек, подлежащих демобилизации, объявлен подъем приписного автотранспорта, тракторов, лошадей шести военных округов, приведены в повышенную боеготовность ПВО Минска, Киева, Ленинграда, Великих Лук и ряда других городов.

7 сентября началась мобилизация в Московском и Орловском военных округах. К советско-польской границе перебрасывались дивизии и корпуса, формировались новые соединения и группы армий. Вскоре на базе Киевского особого военного округа (КОВО) и Белорусского особого военного округа (БОВО) создаются Украинский и Белорусский фронты. Решением Политбюро от 8 сентября был высвобожден грузовой и пассажирский железнодорожный транспорт для осуществления военных перевозок в широких масштабах.

Как отмечает Н.С. Лебедева, долгое время считалось, что СССР решил ввести свои войска на территорию Польши лишь

³² ДВП. Т. XXII, кн. 2. Док. 540. С. 25.

после ее полного военного поражения. Однако в ходе работы над первым томом катынских документов в архиве Генштаба удалось обнаружить подготовленные директивы К.Е. Ворошилова и Б.М. Шапошникова от 9 сентября, в соответствии с которыми войска двух фронтов должны были уже в ночь с 12 на 13 сентября перейти советско-польскую границу и разгромить польские вооруженные силы³³.

8 сентября Л.П. Берия отдал приказ наркомам внутренних дел УССР и БССР выделить работников для создания пяти оперативно-чекистских групп, которые должны были по мере продвижения войск проводить, выражаясь современным языком, зачистку польских территорий и создавать на них временные органы власти.

Несостоятельна точка зрения тех историков, продолжает *Н.С. Лебедева*, кто считает, что СССР в ходе так называемого «освободительного похода» лишь стремился вернуть себе земли, населенные преимущественно украинцами и белорусами. Первоначально, согласно советско-германским договоренностям, в сферу интересов СССР входили территории Люблинского и части Варшавского воеводств. Более того, уже 19 сентября Молотов поставил перед Берлином вопрос об окончательной ликвидации Польского государства и разделе его территории по линии Писса–Нарев–Висла–Сан³⁴. 22 сентября правительства СССР и Германии официально зафиксировали демаркационную линию по этим же рекам³⁵, и начался согласованный отвод вермахта и продвижение Красной Армии к указанным рубежам.

Однако уже 25 сентября Москва поставила вопрос о новом перераспределении сфер интересов: Германии было предложено занять Люблинское и полностью Варшавское воеводства в обмен на Литву, которая должна была отойти в сферу интересов СССР. С чем это было связано? Только ли с тем, что 24 сентября советские лидеры приступили к реализации своих планов по навязыванию Эстонии, а затем и Латвии договоров о взаимопомощи, предусматривавших создание на территории этих государств военных баз и введение туда крупных контингентов советских войск? По мнению *Н.С. Лебедевой*, помимо этого важного моти-

³³ Эти директивы были отправлены в войска спустя пять дней, принимая во внимание прежде всего продолжавшееся упорное сопротивление Войска Польского. Соответственно была сдвинута и дата советского наступления (см.: Катынь: Пленники необъявленной войны: Документы и материалы. М., 1997. Док. 3. С. 59–60; Док. 4. С. 61–63).

³⁴ ADAP. Ser. D. Bd. VIII. Dok. 104. S. 82.

³⁵ Известия. 1939. 23.09. С. 2.

ва, был и другой. Германия пыталась спровоцировать Литву на захват Вильнюса, уже занятого советскими войсками. Вооруженное столкновение между СССР и Литвой могло побудить западные державы к каким-то действиям, осложняющим их положение, как, впрочем, и Москвы. Характерно, что в беседе с Шуленбургом 25 сентября Сталин подчеркнул: «При окончательном урегулировании польского вопроса нужно избежать всего, что в будущем может вызвать трения между Германией и Советским Союзом». В то же время Сталин отметил, что в случае согласия немецкой стороны на предложение о передаче в сферу интересов СССР Литвы советское руководство «немедленно возьмется за решение проблемы Прибалтийских государств в соответствии с протоколом от 23 августа и ожидает в этом деле полную поддержку со стороны германского правительства»³⁶. Как известно, в ходе переговоров в конце сентября Сталина и Молотова с Риббентропом был не только согласован обмен территориями, в результате чего Литва оказалась в сфере советского влияния, но и подписаны германо-советский договор «О дружбе и границе», а также три секретных протокола к нему³⁷.

Позиция Германии являлась определяющей и при решении правительствами Эстонии, Латвии и Литвы вопроса о подписании пактов о взаимопомощи с СССР, поставивших их фактически уже в 1939 г. под протекторат великодержавного соседа. Так, например, незадолго до прибытия эстонской правительственной делегации в Москву в Кёнигсберге состоялась встреча эстонских и германских генштабистов. Представители Верховного командования вермахта дали понять эстонским коллегам, что подписанный с СССР договор не позволит Германии оказать помощь Эстонии. Более того, в случае возникновения советско-эстонской войны Германия, возможно, займет враждебную Эстонии позицию.

Германия давала понять и руководству Финляндии, что эта страна входит в сферу интересов Советского Союза и любые разговоры о помощи ей со стороны третьего рейха исключены. Вместе с тем позиция Германии в финляндском вопросе, по утверждению *Н.С. Лебедевой*, была двойственной если не провокационной. Иной раз из Берлина, в частности от Геринга, поступали рекомендации – проявить твердость по отношению к советским требованиям, а затем – прямо противоположные – передать СССР военно-морскую базу, проявить уступчивость и в других

³⁶ ADAP. Ser. D. Bd. VIII. Dok. 131. S. 101.

³⁷ ДВП. Т. XXII, кн. 2. Док. 640. С. 134–135; Док. 641, 642, 643.

вопросах, чтобы избежать войны, в которой Германия не сможет поддержать Финляндию. В октябре по особому распоряжению Гитлера было заключено соглашение о продаже Финляндии 20-миллиметровых зенитных орудий в обмен на увеличение поставок меди и никеля. Поставки зенитных орудий начались в ноябре и продолжались после начала зимней войны. После того как этот факт предала гласности шведская печать, последовал резкий протест со стороны Москвы. Несмотря на это, по мнению *Н.С. Лебедевой*, в конце декабря Гитлер дал добро на продолжение поставок оружия в Финляндию через Швецию. Более того, Гитлер и Геринг заверили шведов, что Германия останется в стороне, если Швеция примет участие в советско-финляндской войне. Их единственным условием было неучастие Швеции во Второй мировой войне на стороне западных держав. Как полагает *Н.С. Лебедева*, роль Германии в провоцировании советско-финляндского вооруженного конфликта еще не до конца выяснена, но имеющаяся информация подтверждает тезис, согласно которому Германия осенью 1939 г. стремилась втянуть СССР в войну и тем самым максимально ослабить его в военном отношении.

Еще одним аспектом сотрудничества Москвы и Берлина стал обмен населением, для осуществления которого была создана двусторонняя комиссия, регулировавшая обмен беженцами с территорий Восточной и Центральной Польши. Часть беженцев, в первую очередь евреи, отказались вернуться на контролируруемую Германией территорию. Все они были помещены в спецлагеря, а летом 1940 г. депортированы в северные районы СССР. В свою очередь, со стороны Германии имела место насильственная переправка, без предварительной договоренности, на контролируемую СССР территорию более 5 тыс. евреев. При попытке советских пограничников выдворять их назад немецкая погранохрана открывала огонь, в результате чего многие были убиты. По просьбе Берлина ему были переданы арестованные в СССР в 30-е годы немецкие граждане, в том числе коммунисты.

И наконец, отмечает *Н.С. Лебедева*, в условиях британской блокады особое место в двусторонних отношениях занимало экономическое сотрудничество, имевшее для Германии первостепенное значение. На это особое внимание обратил Риббентроп в беседе со Сталиным 28 сентября³⁸. В ходе ведущихся с начала октября переговоров по торгово-экономическим вопросам германская сторона настаивала на поставках из СССР стратегического сырья и

³⁸ *Фляйшхауэр И.* Пакт Молотова – Риббентропа: Германская версия // *Международная жизнь.* 1991. № 7. С. 135.

продовольствия на сумму в 1,5 млрд рейхсмарок в обмен на промышленные товары. В свою очередь, СССР стремился прежде всего к закупкам в Германии вооружения и новейших технологий, соглашаясь поставлять в большом объеме нефть, хромовую и марганцевую руды, фосфаты, лес, кормовое зерно и т.д. При этом Сталин исходил из того, как он заявил в беседе с главой немецкой делегации К. Риттером, что экономические отношения между двумя странами строятся не на коммерческой основе, а базируются на взаимной помощи в осуществлении стоявших перед ними задач. В начале февраля 1940 г. соответствующее экономическое соглашение было заключено. Согласно ему, СССР поставлял в Германию в больших количествах стратегическое сырье, столь необходимое рейху для дальнейшего ведения войны, а тот со своей стороны продавал Советскому Союзу промышленное оборудование, вооружение и даже некоторые новейшие военные технологии. Гитлер согласился на это, как полагает *Н.С. Лебедева*, потому, что, собираясь вскоре напасть на СССР, не допускал, что там за столь короткое время смогут наладить массовое производство новейших образцов вооружения. В Москве же этот шаг был воспринят как желание нацистского руководства установить сотрудничество на долговременной основе. Однако это была иллюзия. Альянс с СССР, резюмирует *Н.С. Лебедева*, был необходим Германии лишь до разгрома Франции и нейтрализации Великобритании, а его ресурсы лишь до того времени, пока не будут закончены приготовления к нападению на Советский Союз.

Прежде чем началась дискуссия по докладу *Н.С. Лебедевой*, она ответила на несколько вопросов.

Вопрос: Уверены ли Вы в оценке политики Германии в ходе советско-финляндской войны как двойственной?

Н.С. Лебедева: Да, об этом наглядно свидетельствует поставка зенитных орудий через Швецию.

Вопрос: Как Вы можете охарактеризовать опубликованную у нас несколько лет тому назад запись на французском языке выступления Сталина на заседании Политбюро 19 августа 1939 г.?

Н.С. Лебедева: Сталин не мог выступить с подобным заявлением в августе 1939 г., по своему содержанию оно могло бы иметь место не ранее ноября 1940 г.³⁹

Первым в дискуссии по сообщению *Н.С. Лебедевой* выступил *В.А. Невежин* (Ин-т российской истории РАН), обративший вни-

³⁹ Речь идет не о том, мог или не мог Сталин высказать подобные мысли, а о том, произносил ли он 19 августа 1939 г. приписываемый ему и опубликованный в конце ноября агентством Гавас текст или нет.

мание на развитие достаточно интенсивных культурных связей между СССР и Германией после подписания пакта о ненападении. Материалы о них содержатся в архиве Всесоюзного общества культурной связи с заграницей и уже стали объектом изучения⁴⁰.

По мнению *М.И. Семиряги*, в период советско-финляндской войны не было двойственной политики Германии в отношении Финляндии: Берлин занимал однозначно просоветскую позицию, которая, как и все сотрудничество с СССР, представляла собой тактическую линию Берлина после подписания пакта о ненападении. Решение Политбюро от 11 августа 1939 г. о начале советско-германских переговоров по широкому кругу вопросов, о котором говорил в докладе на II Съезде народных депутатов СССР А.Н. Яковлев, хотя и не было до сих пор нигде опубликовано, но реально существует. Этот документ видел, в частности, один из членов Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г., д-р ист. наук В.М. Кулиш. Что касается позиции советских представителей в двусторонней комиссии по переселению, пояснил *М.И. Семиряга*, то она совершенно не входила в такие «мелочи», как вероятные последствия для еврейского населения, оказавшегося в зоне немецкой оккупации Польши. Ее принцип сводился к следующему: нам нужны не евреи, а пролетарии.

В.П. Смирнов считает, что противоречия между СССР и Германией постоянно нарастали, в полной мере проявившись в ходе ноябрьского визита 1940 г. Молотова в Берлин. После него нельзя вести речь более о советско-германском сотрудничестве, а исключительно – о преобладании соперничества над сотрудничеством в различных сферах.

В.В. Марьина оценивает советско-германский пакт как «брак по расчету», который с обеих сторон представлял собой не стратегию, а тактику. Бывший президент Чехословакии Э. Бенеш говорил советскому послу в Лондоне И.М. Майскому, что это пакт недолговечен.

По мнению *Л.Я. Гибианского*, не долгосрочная стратегия, а политика импровизации была характерна абсолютно для всех главных действующих лиц на международной арене. Вряд ли возможно говорить о стратегии или тактике в политике СССР и Германии в чистом виде. Они были и оставались противниками на протяжении всего периода сотрудничества, несмотря ни на какие соглашения и заявления. Однако, считает *Л.Я. Гибианский*, это

⁴⁰ *Невежин В.А.* Советская политика и культурные связи с Германией (1939–1941 гг.) // Отечественная история. 1993. № 1. С. 18–34.

не имело особого значения, так как постоянно превалировали сиюминутные интересы. Это был альянс врагов на неопределенное время, и что было в нем стратегией, а что – тактикой, порой даже не знали высокопоставленные официальные лица обоих государств. К сожалению, в отсутствие доступа к соответствующим советским документам того периода многие выводы ученых опираются преимущественно на анализ косвенных материалов и реконструирование.

С.З. Случ высказал точку зрения, согласно которой 17 сентября 1939 г. знаменовало собой кардинальные изменения во внешней политике СССР, вступившего во Вторую мировую войну фактически на стороне Германии, хотя и для реализации своих собственных целей⁴¹.

В заключительном слове *Н.С. Лебедева* отметила, что, разумеется, трудно отделить тактику от стратегии в политике Москвы и Берлина в 1939–1940 гг. Тем не менее очевидно, что стратегическая линия СССР сводилась к тому, чтобы использовать предполагаемое затяжное противоборство между рейхом и западными державами для реализации собственных глобальных имперских целей. Для Германии же сотрудничество с Советским Союзом всегда являлось лишь тактической линией поведения. По мнению *Н.С. Лебедевой*, к сентябрю 1940 г. сотрудничество между двумя государствами по существу завершилось.

От составителя. Н.С. Лебедева не смогла в рамках «круглого стола» в полном объеме изложить подготовленное выступление, представленное здесь в расширенном виде. Оно весьма информативно, содержит много новых фактов, в том числе почерпнутых из таких архивов, которые пока еще остаются недоступными для основной массы исследователей, как, например, архив Генштаба. Это сообщение основывается в значительной части на опубликованных Н.С. Лебедевой в последнее время работах, которые были посвящены главным образом роли СССР в четвертом разделе Польши⁴². Вопросы советско-германского сотрудничества в 1939 г., выходящие за рамки польского вопроса, как правило, оставались вне ее поля зрения. Особенно это сказалось в трактовке германской политики в преддверии и в ходе совет-

⁴¹ Случ С.З. Советско-германские отношения в ходе Польской кампании и вопрос о вступлении СССР во вторую мировую войну // Славяноведение. 1999. № 6. С. 32–43.

⁴² Лебедева Н.С. Четвертый раздел Польши и катынская трагедия // Другая война: 1939–1945 / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996. С. 237–295; Она же. Польша между Германией и СССР в 1939 году // Война и политика, 1939–1941 / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 1999. С. 65–84; Она же. Германско-советское взаимодействие и ликвидация польского государства // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным 1939–1941 гг. С. 169–197.

ско-финляндской войны. Так, руководство третьего рейха и в мыслях не имело провоцировать обострение в 1939 г. советско-финляндских отношений, а уж тем более подталкивать СССР к войне с Финляндией. Для Гитлера СССР был важен как надежное благожелательно настроенное нейтральное государство на время его борьбы с западными державами и одновременно в качестве поставщика важнейших видов стратегического сырья и продовольствия. Гитлер, разумеется, не возражал, чтобы Москва оказалась в состоянии войны с западными державами, но не для ослабления СССР (военные возможности которого он оценивал весьма невысоко), а прежде всего ради распыления сил Англии и Франции, к чему фюрер постоянно стремился, выстраивая военно-политическую «ось». Что же касается поставок рейхом вооружения Финляндии уже в период зимней войны, помимо 20 зенитных орудий по ранее заключенному контракту⁴³, то пока историки не обнаружили сколько-нибудь весомых аргументов в пользу подтверждения этой версии.

Утверждение Н.С. Лебедевой, что Германия пыталась спровоцировать Литву на захват Вильнюса, уже занятого советскими войсками, полностью противоречит всей германской политике того времени. Позиция Гитлера на этот счет была озвучена начальником штаба оперативного руководства ОКВ генералом А. Йодлем в беседе с главнокомандующим сухопутных войск генерал-полковником В. Браухичем: «Действовать совместно с русскими. (...) Если русские настаивают на территориальных требованиях, мы очистим территорию. (...) Не должно произойти никакого обострения политической обстановки»⁴⁴.

Развитие экономических отношений между СССР и Германией в 1939 г. шло очень непросто. Гитлер решительно препятствовал передаче СССР каких-либо опытных образцов военной техники, которую даже не демонстрировали советской военно-экономической делегации, посещавшей Германию осенью 1939 г. Советская сторона должна была поставлять большое количество стратегического сырья с значительным опережением в сроках по сравнению с ответными поставками оборудования и военной техники⁴⁵. Вывод же относительно долгосрочного сотрудничества с третьим рейхом был сделан в Кремле не в феврале 1940 г. после подписания первого Хозяйственного соглашения между СССР и Германией, как утверждает Н.С. Лебедева, а в январе 1941 г. после подписания второго такого соглашения сроком действия до 1 августа 1942 г., когда выявилась уже серьезная напряженность в отношениях между обоими государствами.

⁴³ Вихавайнен Т. Иностранная помощь Финляндии // Зимняя война 1939–1940. М., 1998. Кн. 1. С. 193.

⁴⁴ Generaloberst [Franz] Halder, Kriegstagebuch: Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres 1939–1942. Stuttgart, 1962. Bd. 1. S. 81.

⁴⁵ См.: Schwendemann H. Die wirtschaftliche Zusammenarbeit zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion von 1939 bis 1941: Alternative zu Hitlers Ostprogramm? В., 1993. S. 135–142.

Ни формально, ни фактически союза между СССР и Германией в 1939 г., конечно, не существовало, поэтому употребление этого термина вряд ли оправдано. Хотя их партнерские отношения зашли достаточно далеко в 1939–1940 гг., позволяя обеим сторонам в отдельные периоды реализовывать весьма рискованные агрессивные внешнеполитические замыслы. Во всяком случае, вне этих отношений невозможно представить ход Второй мировой войны на ее первом этапе, с ее неотъемлемыми составляющими – совместная Польская кампания, агрессия СССР против Финляндии, германская агрессия против Дании и Норвегии, Западная кампания, а также советская оккупация Прибалтийских государств, Бессарабии и Северной Буковины.

На этом заседании «круглого стола» завершилось. На нем были обсуждены крупные проблемы, связанные с развитием международных отношений в 1939 г. Дискуссия выявила немало общих подходов в оценке событий того времени, хотя порой имело место и существенное расхождение мнений. Не удалось в полной мере избежать и эмоциональной окрашенности дискуссии, ее известной политизации, хотя в основном она носила деловой и конструктивный характер. К сожалению, во время обсуждения в центре внимания оказалась исключительно событийная сторона поставленных вопросов, в то время как современное состояние их разработки в историографии фактически осталось вне поля зрения. В целом проведение «круглого стола» нашло положительный отклик, выразившийся не только в активности его участников, но и в неоднократно звучавших пожеланиях сделать проведение подобных научных мероприятий регулярным. Возможно, именно на этом пути удастся приблизиться и к решению проблемы координации усилий историков в разработке сложных проблем, связанных с происхождением и началом Второй мировой войны.

Вторая мировая война, 1940 год

Дискуссионные и неразработанные проблемы*

1 февраля 2001 г. в Институте славяноведения РАН (Исл РАН) состоялся очередной «круглый стол» в рамках тематической серии «Восточная Европа и Вторая мировая война», посвященный ключевым событиям 1940 г. В его работе, организованной Отделом истории славянских народов периода мировых войн, приняли участие научные сотрудники институтов РАН, университетов, Института военной истории МО, в общей сложности более 40 человек.

Во вступительном слове ведущий «круглого стола» С.З. Случ (Исл РАН) отметил важность событий 1940 г. в истории Второй мировой войны, причем не только тех из них, которые в прямом смысле потрясли весь мир (разгром Франции), но и тех, что были надолго скрыты от посторонних глаз (принятие Гитлером решения о нападении на СССР, переговоры В.М. Молотова в Берлине). К сожалению, в последнее десятилетие историки различных стран все меньше внимания уделяли событиям 1940 г., особенно по сравнению с 1939 г. и 1941 г. Можно даже сказать, что 1940 год, как *совокупность* тесно взаимосвязанных событий, в отечественной историографии в значительной мере предан забвению.

Тем не менее за истекший год российская историография пополнилась рядом работ, в которых нашли отражение события 1940 г. Это, прежде всего, – коллективная монография «Восточная Европа между Гитлером и Сталиным 1939–1941 гг.», а также книги М.И. Мельтюхова и Л.А. Безыменского. Непосредственное отношение к событиям 1940 г. имеет и сборник документов «Советско-румынские отношения 1917–1941 гг.». Издана в переводе на русский язык книга израильского историка Г. Городецкого, значительная часть которой посвящена событиям 1940 г.¹

* Опубл.: Славяноведение. 2001. № 6. С. 3–32.

¹ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным 1939–1941 гг. / Отв. ред. В.К. Волков и Л.Я. Гибианский. М., 1999; Мельтюхов М.И. Упущенный шанс

Заслуживают внимания также некоторые работы, появившиеся за последнее время в Германии. Это, прежде всего, сборники статей с участием российских историков «Превентивная война? Нападение Германии на Советский Союз» и «Между традицией и революцией: Детерминанты и структуры советской внешней политики 1917–1941», а также монографии Ю. Эльверта «Срединная Европа! Германские планы переустройства Европы (1918–1945)» и Ф. Кристофа «Примирение в Дунайском бассейне: второй Венский арбитраж и германо-венгерские дипломатические отношения 1939–1942»². Эти различные по тематике и научной ценности работы в той или иной степени касаются событий 1940 г., являвшегося во многом переломным как в политике третьего рейха, так и государств, ставших либо объектом его внешнеполитической экспансии, либо инструментом в осуществлении будущих экспансионистских планов Гитлера.

Далее С.З. Случ остановился на задачах нынешнего «круглого стола», в рамках которого были предложены следующие проблемы для обсуждения: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным в 1940 г.; изменение соотношения сил в мире после поражения Франции и позиция Коминтерна; Советский Союз и Германия: союзники, партнеры или антагонисты?; состояние источниковой базы исследований: опубликованные и архивные документы.

По уже сложившейся традиции, первым с сообщением, наиболее близким тематике Института славяноведения, выступил его директор В.К. Волков. Обращаясь к теме «Восточная Европа между Гитлером и Сталиным», он прежде всего согласился с уже высказанной оценкой событий 1940 г. как в значительной мере обойденных вниманием отечественной историографии. Причем совершенно не заслуженно, так как после крушения Франции Вторая мировая война приобрела совершенно новое направление.

Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 (Документы, факты, суждения). М., 2000; *Безыменский Л.А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000; Советско-румынские отношения 1917–1941 гг.: Документы и материалы: В 2 т. М., 2000; *Городецкий Г.* Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз / Пер. с англ. М., 2001.

² *Präventivkrieg? Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion* / Hrsg. von B. Pietrow-Ennker. Frankfurt a. M., 2000; *Zwischen Tradition und Revolution: Determinanten und Strukturen sowjetischer Außenpolitik 1917–1941* / Hrsg. von L. Thomas u. V. Knoll. Stuttgart, 2000; *Elvert J.* Mitteleuropa! Deutsche Pläne zur europäischen Neuordnung, 1918–1945. Stuttgart, 1999; *Christof F.* Befriedung im Donauraum: Der Zweite Wiener Schiedsspruch und die deutsch-ungarischen diplomatischen Beziehungen 1939–1942. Frankfurt a. Main, 1998.

Здесь основное внимание следует обратить на два обстоятельства. Первое – это советско-финская война, завершившаяся к середине марта 1940 г. и принесящая Советскому Союзу в международно-правовом плане только проблемы. Еще в конце 1939 г. он был исключен из Лиги Наций как государство-агрессор; еще ниже упала – и без того невысокая – репутация Красной Армии, которая не смогла преодолеть оборону финнов так быстро и решительно, как первоначально планировалось.

Начало 1940 г. оставляло ощущение неопределенности в международной политике. На Западе шла «странная война», поэтому внимание в основном было приковано к советско-финскому конфликту. В этой обстановке отчетливо проявились антисоветские настроения в Англии, во Франции и в США. Этот период завершился 9 апреля 1940 г., когда Германия совершила нападение на Данию и Норвегию, и стало очевидно, что вскоре предстоит германское наступление на Западе. Конечно, никто не предполагал, что для разгрома Франции потребуется всего шесть недель. Это было потрясение для всех политиков в мире, ставшее, по мнению *В.К. Волкова*, вторым и самым важным обстоятельством, наложившим отпечаток на ход событий в первой половине 1940 г.

К этому времени географические рамки неоккупированной Восточной Европы резко сузились. Весной 1940 г. вся внешнеполитическая активность в этом регионе сосредоточилась на Балканском направлении. Если говорить о СССР, то стоит упомянуть почти совершенно незаметные итало-советские контакты по поводу ситуации на Балканах. Москва начала также переговоры с Югославией о восстановлении дипломатических отношений, первым шагом на пути к которому был договор о торговле. Имели место и другие контакты с представителями стран Восточной Европы.

После крушения Франции коренной перелом наметился и в международных отношениях. Быстрее других осознали всю серьезность положения англичане. Одним из их первых шагов Лондона стало послание премьер-министра У. Черчилля Сталину. Его центральный тезис: Германия теперь – гегемон в Европе, и она угрожает как Великобритании, так и Советскому Союзу. Черчилль предоставлял возможность Сталину сделать вывод, необходимы ли в новой ситуации более тесные отношения между двумя странами. Но этим дело не ограничилось. Новый британский посол в Москве сэр С. Криппс, добившись аудиенции у Сталина, сделал от имени своего правительства предложение Советскому Союзу стать ведущей державой на Балканах, чтобы стабилизи-

ровать ситуацию в этом регионе. (Эту мысль он уже высказывал в ходе своей первой встречи с В.М. Молотовым 14 июня 1940 г.)

Подобное предложение поставило перед советским руководством вопрос: что за этим стоит? Реальный политический замысел? Но это противоречило всем традициям британской внешней политики на Балканах. В таком случае что же? Провокация, желание столкнуть Советский Союз с Германией и переложить на него основную тяжесть войны? Иных выводов относительно мотивов, обусловивших этот шаг Черчилля, в Кремле, скорее всего, и не могли сделать, хотя это, подчеркнул *В.К. Волков*, разумеется, только предположение.

По его мнению, взгляд Сталина на международные проблемы был рационалистичен и сугубо прагматичен. Но мировая политика выстраивается не только согласно замыслам государственных деятелей. Пример Сталина весьма показателен, поскольку демонстрирует высокую степень утраты им чувства реальности и аберрации взглядов высшего советского руководства в целом. Конечно, Сталин использовал поражение Франции для реализации возможностей, заключенных в секретном протоколе советско-германского пакта от 23 августа 1939 г.: была присоединена Прибалтика; предъявлен ультиматум Румынии об уступке не только Бессарабии, но и Северной Буковины, которая никогда прежде в состав России не входила, т.е. советская внешняя политика реализовала достигнутые ранее соглашения с третьим рейхом, имея, таким образом, антибританскую направленность. Поэтому, получив предложение Черчилля, Сталин решил направить информацию о беседе с британским послом Гитлеру, подав ее в нужном Москве духе.

О чем думал при этом Сталин? Если будет найден правильный ответ на этот вопрос, то многое, возможно, прояснится и в том, почему для советского руководства нападение Германии 22 июня 1941 г. явилось, как порой еще утверждают, неожиданностью. Никакой неожиданности не было, полагает *В.К. Волков*, но речь должна идти об ином: о различной оценке в Москве и Берлине перспектив развития международной обстановки, сложившейся во второй половине 1940 г. – начале 1941 г.

Гитлер расценил ситуацию после поражения Франции как созревшую для подготовки похода на Восток. Другая картина рисовалась Сталину. Он понимал, что Англия слаба, но завоевать ее будет трудно, хотя бы потому, что США, британские доминионы, Латинская Америка будут этому противодействовать. Но откуда возьмутся военные силы, которые могли бы разгромить Германию? В 1940 г. Британия не имела крупных сухопут-

ных сил. Хорошо вооружены были Германия, Япония, Италия; Советский Союз располагал огромной, хотя и оснащенной устаревшей техникой и плохо руководимой армией, но все-таки это была могучая сила. Вопрос о дальнейших действиях был отнюдь не простым.

В конце сентября 1940 г. был заключен Тройственный пакт. Что делать Советскому Союзу? Выступить против него – значит играть на руку Великобритании. Более того, это означало резкое обострение отношений, прежде всего с Германией, и в недалекой перспективе угрозу вовлечения в войну против всего фашистского блока. Альтернативой, с точки зрения Кремля, могла бы быть договоренность с Берлином. Но на каких условиях? Сталин не желал быть младшим партнером Гитлера. Его целью было стать равным партнером, но на известных условиях; причем именно партнером, не союзником, хотя на первых порах, после 23 августа 1939 г., СССР выступал фактическим союзником третьего рейха.

К сожалению, продолжал *В.К. Волков*, от исследователей по-прежнему скрыт механизм принятия решений в Советском Союзе. Новые документы пока не дают оснований для сколько-нибудь определенных выводов. Но, по крайней мере, имело место несколько официальных заявлений, исходивших от высших советских руководителей, о том, что германо-советские отношения строятся на перспективу на основе глубинных интересов двух стран. Эта мысль была несколько раз повторена на протяжении лета–осени 1940 г. В этом же духе была выдержана и статья В.М. Молотова в «Правде»³ по поводу заключения Тройственного пакта. И, наконец, директивы, данные ему на ведение переговоров в Берлине, демонстрирующие, насколько широко обсуждались в Кремле проблемы дальнейшего развития мировых собитий и участия в них Советского Союза.

Все это приобрело особую значимость, когда Молотов, вернувшись из Берлина, сообщил о сносшибательном предложении Гитлера, касающемся присоединения СССР к Тройственному пакту и его трансформации в пакт четырех держав. Спустя две недели, 25 ноября Гитлеру был направлен ответ, согласно которому советское руководство изъявляло согласие принять в основном проект предложенного пакта, но выдвигало при этом четыре условия: вывод немецких войск из Финляндии; обеспечение безопасности СССР в районе проливов путем заключения советско-болгарского пакта о взаимопомощи, а также соглашения с Германией и Итали-

³ Правда. 1940. 30.09. С. 1.

ей о Турции, касающегося создания военной и военно-морской базы в районе Босфора и Дарданелл; признание линии Баку–Батум в качестве исходной для дальнейших aspirations СССР в направлении Персидского залива; отказ Японии от ее концессионных прав на Северном Сахалине⁴. Эти условия присоединения должны были фиксироваться в секретных протоколах между СССР и государствами-участниками Тройственного пакта. Ни одно из них не было неожиданностью: все они фигурировали в инструкциях В.М. Молотову для переговоров в Берлине.

По мнению *В.К. Волкова*, вопреки точке зрения некоторых историков, что это предложение советского руководства являлось только зондажем, лишь игрой, затеянной Кремлем, это был действительный замысел Сталина. Как полагает докладчик, Сталин, давая согласие на заключение пакта четырех держав, фактически предлагал Гитлеру победу в мировой войне. Но за этот широкий жест была назначена и цена, которую он не собирался снижать.

Доверял ли Сталин Гитлеру? Как считает *В.К. Волков*, нет. Вместе с тем самый недоверчивый политик XX в. был обманут. Как известно, немецкой стороной была разработана целая система дезинформационных мероприятий, направленных на маскировку подготовки нападения на СССР. Сам визит Молотова в Берлин был использован Гитлером как грандиозная политическая мистификация. И Сталин поддался на нее, что, по мнению докладчика, дает ответ на вопрос: почему для него явилось как бы неожиданностью нападение 22 июня 1941 г.?

Сообщение *В.К. Волкова* и в особенности сама тема, рассмотренная им, вызвали немало вопросов.

Вопрос: Не кажется ли Вам, что Сталин сам был готов обмануться? Что он в сравнении с Гитлером был в плену целого комплекса догм?

В.К. Волков: Я думаю, что по сравнению с Гитлером Сталин как марксист оказался менее догматичен, чем Гитлер как националист. Сталин уже был к тому времени полным прагматиком, который все просчитывал.

Вопрос: Вывод, что Гитлер обманул Сталина, это, мягко говоря, некоторое преувеличение. Не думаете ли Вы, что сам ход переговоров Молотова в Берлине наглядно свидетельствует об отсутствии какой-либо возможности нового соглашения между двумя странами?

⁴ Документы внешней политики (ДВП) 1939. М., 1992. Т. XXII, кн. 2. Док. 548. С. 136–137.

В.К. Волков: В области внешней политики тоталитарные государства имеют огромные преимущества перед демократическими. Они способны за сутки развернуть общественное мнение в нужном им направлении. В сознании их лидеров нет ничего невозможного.

Вопрос: Тема Вашего выступления «Восточная Европа между Гитлером и Сталиным». Каково в этой связи Ваше отношение к событиям в Прибалтике в 1940 г.?

В.К. Волков: Я не ставил перед собой задачу освещать советскую политику в отношении этих государств⁵. В условиях войны действия СССР были необходимым и неизбежным шагом. Другое дело, как это было сделано, к какому государству были присоединены эти лимитрофы, возникшие, кстати (о чем мы часто забываем), в феврале 1918 г., в канун Брестского мира как один из элементов осуществления военных замыслов кайзеровской Германии на востоке Европы.

Вопрос: Каким было реальное наполнение понятия «нейтралитет»? Чем отличался советский нейтралитет в 1939–1940 гг. от общепринятого в международном праве и как тоталитарный режим манипулировал этим понятием?

В.К. Волков: Это не столько исторический, а скорее философский вопрос с международно-правовой подкладкой. Советский нейтралитет определялся политикой англо-французского блока в период зимней войны. И естественно, он был далек от полного нейтралитета⁶. Если говорить о 1940 г., то здесь с советской стороны имели место и торговые отношения, и даже извест-

⁵ Вне зависимости от того, как в современной историографии трактуется геополитическая принадлежность Прибалтийских государств, в Секретном дополнительном протоколе к советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 г. «о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе» (ДВП. Т. XXII, кн. 1. Док. 485. С. 632), к последней были отнесены и Прибалтийские государства, представлявшие таким образом с геополитической точки зрения, по крайней мере в 1939–1941 гг., составную часть восточноевропейского региона.

⁶ Государство, являющееся не только участником военных действий, но и агрессором в советско-финской войне – части Второй мировой войны, разумеется, не может рассматриваться как нейтральное. Международное право выделяет несколько вариантов поведения государства в условиях войны – нейтралитет, невоюющая сторона, участник военных действий (главный и второстепенный). Международное право не выделяет состояния, именуемого неполным или частичным нейтралитетом (см.: *Oppenheim L. International Law. L. a.o., 1940. Vol. I–II*). Подробнее см.: *Случ С.З. Советско-германские отношения в сентябре-декабре 1939 года и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну // Отечественная история. 2000. № 5, 6.*

ное военное сотрудничество с воюющими державами. Была проводка германских военных судов по Северному морскому пути в Тихий океан; разрешена транспортировка по железной дороге огромного количества вооружения из Германии в Японию. Поэтому в первой половине 1940 г. советский нейтралитет был, конечно, в пользу Германии. Но во второй половине 1940 г. Советский Союз начал менять свою политику и активно бороться за свои интересы на Балканах, где он резко столкнулся с Германией.

Вопрос: Как реагирует Восточная Европа на бурное развитие событий в 1940 г. на Европейском континенте, прежде всего на действия Москвы и Берлина?

В.К. Волков: По-разному в разные периоды и в разных странах. Одни стремились сохранить нейтралитет, другие ориентировались на более сильную сторону. В Румынии в сентябре 1940 г. произошел государственный переворот и установилась диктатура И. Антонеску. В начале 1940 г. произошла смена правительства в Болгарии. Нервничала перед лицом фашистского блока Югославия, а ее правители пытались играть на многих столах, но везде проигрывали. Венгрия уже определила свое место, став частью фашистского блока.

Вопрос: Можно ли считать, что советские действия в Прибалтике, в отношении Бессарабии и Северной Буковины подтолкнули другие государства региона к более четкой ориентации на Берлин?

В.К. Волков: Это две разные проблемы. Насколько я могу судить на основании болгарских и югославских архивов, в балканских странах никак не реагировали на события в Прибалтике, рассматривая их почти как естественные и закономерные. Другое дело – советские действия в отношении Румынии, которые сразу же актуализировали все балканские проблемы, поставив на повестку дня вопрос о Трансильвании и Южной Добрудже. Решение второго Венского арбитража резко обострило советско-германские противоречия на Балканах.

Вопрос: Каково происхождение директив Молотову на ведение переговоров в Берлине, были ли они написаны под диктовку Сталина, или это был результат некоего совместного творчества?

В.К. Волков: Это любопытный документ, который, разумеется, не исчерпывает всего комплекса советско-германских отношений. Можно предположить, что это был конспект более обширного материала, сделанный наскоро и только для собственной ориентации в ходе переговоров. Он не производит впечатления написанного под диктовку текста (там нет даже малейших исправлений), а скорее выписок из более обширного документа. На

это предположение наводит телеграфная переписка между Сталиным и Молотовым во время берлинских переговоров, в которой Сталин несколько раз ссылаясь на директивы Инстанции. Это свидетельствует о том, что у Сталина под рукой был тоже какой-то документ, развернутые директивы⁷.

Затем по сообщению В.К. Волкова развернулась дискуссия.

По мнению *Т.М. Исламова* (ИСл РАН), о ситуации в Восточной Европе в 1940 г., к сожалению, было сказано очень мало и не достаточно внятно. Во-первых, за Восточную Европу шла борьба между Германией, Англией и СССР. При этом, как считает *Т.М. Исламов*, ее ключевым аспектом был румынский вопрос. Для Гитлера Румыния имела очень большое значение как политическое, так и военно-стратегическое. Для Сталина это был путь на Балканы, к проливам. Во-вторых, судя по всем документам, советская дипломатия в Восточной Европе занимала очень странную позицию. Она упорно отказывалась от всех предложений, особенно после ноября 1940 г., от всех попыток, инициатива которых исходила от балканских стран, наладить какой-то контакт. Поэтому можно утверждать, что никакой активной политики на Балканах СССР в этот период не проводил, она исчерпала себя занятием Бессарабии и Северной Буковины. И еще один аспект, как правило, недооцениваемый нашей историографией, это – проливы и Турция, хотя, казалось бы, нельзя не заметить принципиального различия в подходах: огромного внимания британской дипломатии к Турции и полного игнорирования ее со стороны советской дипломатии.

Э. Дурачиньский (постоянный представитель Польской АН при РАН) затронул вопрос об отношении Советского Союза ко Второй мировой войне. До сих пор идут серьезные споры, как охарактеризовать политику СССР в период с 17 сентября 1939 г. по 22 июня 1941 г.: нейтральное государство, участник войны, чей-то союзник или агрессор? Если нейтральное государство, то насколько строгим был его нейтралитет? В 1940 г. польское правительство в эмиграции (сначала в Париже, затем в Лондоне) считало, что Советский Союз агрессор, участник войны, союзник Германии. У меня, подчеркнул *Э. Дурачиньский*, готового ответа нет, хотя я

⁷ Это совершенно необязательно. Сталин, как известно, обладал прекрасной памятью и, ссылаясь на «директивы Инстанции», скорее всего, имел в виду тот же самый документ, который был выработан им совместно с Молотовым перед поездкой последнего в Берлин. Будучи склонен к сверхсекретности, Сталин не стал бы в телеграмме, которую мог читать не только Молотов, входить в какие-то детали, связанные с инструктированием главы советской делегации.

считаю, что по отношению к Польше, Финляндии, Прибалтике, Румынии СССР выступил как агрессор и никто, по его мнению, из польских историков и политологов не думает иначе.

М.Д. Ерещенко (ИСл РАН) обратила внимание на отношение Румынии к советско-германскому сближению. По ее мнению, пакт Молотова-Риббентропа в какой-то степени даже успокоил Румынию, политикам которой казалось, что их страна вписывается в эти договоренности между Москвой и Берлином. Конечно, Бухарест не могла не насторожить советско-финская война. Вместе с тем в первой половине 1940 г. политику Румынии характеризовало балансирование между Западом и Германией, а также стремление прояснить позицию Советского Союза, развивать экономические отношения и взаимные контакты с ним. Как считает *М.Д. Ерещенко*, Румыния вела себя в это время лояльно в отношении как Германии, так и Советского Союза. Поэтому советский ультиматум в конце июня 1940 г., касающийся Бессарабии и Северной Буковины, вызвал не только шок и возмущение в румынском обществе, но и удивление и даже обиду. Еще в мае 1940 г. румынские дипломаты подтверждали свою готовность вести диалог, предлагая советской стороне только прояснить позицию.

В.В. Марьина (ИСл РАН) затронула отношение СССР в 1940 г. к чехословацким проблемам. Для Советского Союза тогда чехословацкий вопрос расщеплялся на три составляющих. Первая – это Москва – Братислава, вторая – Москва – Прага и, наконец, третья – это отношения с чехословацким эмигрантским правительством в Лондоне. При этом первые два вопроса находились в плоскости советско-германских отношений, а третий – советско-английских.

Советскому Союзу не удалось в этот период укрепиться в Словакии из-за германского противодействия. Отношения Москвы и Праги после создания протектората Богемии и Моравии совершенно не исследованы в исторической науке. Эта проблема включает в себя три основных компонента. Во-первых, преобразование советского полпредства в Праге в генконсульство, проходившее в очень сложной обстановке из-за противодействия немецкой стороны. По этому вопросу, несмотря на значительное количество документов, пока отсутствуют исследования. Во-вторых, экономические связи между Москвой и Прагой, имевшие продолжение и после оккупации. В-третьих, совершенно недостаточно исследованный вопрос о разведывательной деятельности советского генконсульства в Праге. Правда, кое-какие публикации уже появились на эту тему в Чехии. Что касается отношений Москвы с чехословацким правительством Э. Бенеша в

лондонской эмиграции, то, по мнению *В.В. Марьиной*, эти отношения изменились после падения Франции, как со стороны чехов, так и в определенном смысле и со стороны СССР. Бенеш явно повернул в сторону восстановления отношений с Советским Союзом, о чем свидетельствовали его неофициальные высказывания. Заметную роль в налаживании этих отношений играла разведка, как чешская, так и советская, особенно активизировавшаяся начиная с лета 1940 г. Бенеш, не имея ничего против контактов чешских представителей с советской разведкой и обмена информацией, предложил осуществлять последний под его непосредственным контролем в Лондоне, но в тайне от британских властей.

Бенеш настаивал в этот период, чтобы Советский Союз как-то отреагировал на образование чехословацкого временного правительства, которое Англия уже признала. СССР, естественно, игнорировал подобные предложения. В свою очередь Москва была крайне заинтересована в чешской разведке, имевшей свою агентуру по всей Европе, и прежде всего в информации, касающейся Германии. Во второй половине 1940 г. в Лондоне имели место многочисленные встречи бывшего посла Чехословакии в Москве З. Фирлингера, выступавшего в качестве частного лица, с советским полпредом И.М. Майским. Во время этих встреч Фирлингер передавал от имени Бенеша сообщения, которые удавалось получить чешской разведке. Служебный дневник И.М. Майского, находящийся в АВП РФ, содержит немало интересной информации на этот счет.

А.А. Гуров (Ин-т военной истории МО) обратил внимание на то, что в сообщении В.К. Волкова нечетко определено, что такое Восточная Европа в 1940 г. По мнению *А.А. Гурова*, страны Восточной Европы можно разделить на три категории по политическим, военным, экономическим и другим аспектам. Одна категория – это страны Прибалтики. Вторая категория – оккупированные Германией страны Восточной Европы, т.е. Польша и Чехия. И третья – балканские страны: Румыния, Югославия. Их политику необходимо оценивать исходя из этих категорий. Как полагает *А.А. Гуров*, Э. Дурачинский отстаивает концепцию равной ответственности за войну Гитлера и Сталина, утверждая, что они оба агрессоры. Эта концепция превалирует не только в Польше, но и во многих других странах, особенно на Западе. Она возникла в 1985 г., т.е. с началом Перестройки, и служила дискредитации Советского Союза, разгромившего фашизм. До этого времени шла ожесточенная борьба по вопросу о том, кто внес больший вклад в победу над фашистской Германией. Именно с учетом

этих обстоятельств, по мнению А.А. Гурова, следовало бы, и рассматривать Восточную Европу «между Сталиным и Гитлером».

Е.Л. Валева (ИСл РАН) отметила, что осенью 1940 г. на Балканах началась быстрая эскалация противоречий между Германией и СССР. В это время одним из центральных звеньев советской системы безопасности, по ее мнению, стала Болгария, представлявшая собой сухопутный мост к турецким Черноморским проливам. Однако бесплодная берлинская встреча, на которой Молотов безуспешно поднимал вопрос о советских гарантиях Болгарии, свидетельствовала о том, что Сталин стремительно проигрывал битву за эту страну.

Тем не менее, 25 ноября 1940 г. в Софию прилетел генеральный секретарь Наркоминдела А.А. Соболев с предложением заключить пакт о взаимной помощи. Встретившись поочередно с премьер-министром Б. Филовым и царем Борисом, Соболев ознакомил их с советским предложением. В 12 его пунктах СССР предлагал Болгарии тесное сотрудничество, помощь, в том числе военную, а также поддержку «в осуществлении ее национальных устремлений не только в Западной, но и в Восточной Фракии». В свою очередь, Болгария должна была оказать помощь СССР в случае возникновения реальной угрозы его интересам в Черном море или в районе проливов. Особо оговаривалось, что предлагаемый пакт никоим образом не затрагивает внутренний режим, суверенитет и независимость Болгарии. Особый интерес представлял последний, 12-й пункт советского предложения, гласивший, что «при условии заключения пакта о взаимной помощи с СССР отпадают возражения против присоединения Болгарии к известному пакту трех держав. Вполне вероятно, что и Советский Союз в этом случае присоединится к Тройственному пакту»⁸. По-видимому, считает *Е.Л. Валева*, в Москве полагали, что в случае заключения советско-болгарского пакта позиции СССР в Болгарии и на Балканах настолько бы укрепились, что даже подписание Болгарией Тройственного пакта не представляло бы серьезной опасности.

В осторожной, но категоричной форме болгарское правительство, имевшее перед глазами пример Прибалтийских государств, ссылаясь на возможное осложнение отношений с Германией, с которой уже давно ведутся переговоры о присоединении Болгарии к Тройственному пакту, отклонило советское предложение.

⁸ Архив на Министерство на вътрешните работи (АМВР) П Народен съд. А.е. 14. Л. 42.

Однако Москва не желала отступить и 6 декабря советский полпред в Софии А.А. Лаврищев вручил министру иностранных дел Болгарии И. Попову ноту, в которой мотивы отказа признавались необоснованными. При этом предлагалось вместо заключения пакта о взаимной помощи ограничиться предоставлением советской стороной гарантий безопасности и интересов Болгарии, что означало бы освобождение последней от военных обязательств. В ответ Попов просил передать в Москву, что «Болгарское правительство считает, что заключение пакта с Советским Союзом усилило бы угрозу военного нападения на Болгарию и было бы лишним грузом для самого СССР»⁹.

Сталин попытался оказать нажим на царя Бориса через народные массы, используя болгарских коммунистов, деятельность которых направлялась находившимся в Москве Заграничным бюро ЦК БРП. Однако развернувшаяся в Болгарии массовая кампания в пользу принятия советского предложения, «Соболевская акция», не принесла желаемых результатов. Зато миссия Соболева вызвала большое раздражение в Берлине. 3 декабря Гитлер, беседуя с болгарским посланником П. Драгановым, внушал ему, что наивно верить заявлениям советского руководства о гарантиях Болгарии, которые не связаны с вмешательством в ее внутренние дела. «Пока у русских остается надежда получить что-то в Болгарии, они не оставят болгар в покое», – заявил фюрер. Поэтому Россию «следует поставить перед свершившимся фактом»: «если Болгария вступит в Тройственный пакт, Россия автоматически уберет свои руки от Болгарии»¹⁰. В историографии имеются разные точки зрения по вопросу о том, ускорила ли «Соболевская акция» присоединение Болгарии к Тройственному пакту или, напротив, затормозила. Скорее всего, полагает *Е.Л. Валева*, она позволила царю Борису несколько оттянуть этот шаг. При этом царь приводил в качестве основного аргумента русофильство болгарского народа, продемонстрированного в ходе «Соболевской акции».

В.П. Сафронов (ИРИ РАН) предложил свою оценку политики Советского Союза в Восточной Европе в 1940 г. Как он считает, для понимания сути политики Сталина нужно осмыслить ее логику. При этом необходимо рассматривать не только конкретные внешнеполитические шаги в Финляндии, Прибалтике, Румынии, а взять проблему шире, добавив, в частности,

⁹ ДВП. М., 1998. Т. XXIII, кн. 2. Док. 597. С. 211.

¹⁰ Akten zur deutschen auswärtigen Politik (ADAP) 1918–1945. Ser. D: 1937–1941. Baden-Baden, Göttingen, 1950–1970. Bd. XI, 2. Dok. 438. S. 643.

Дальний Восток. И тогда, по мнению *В.П. Сафронова*, складывается вполне целостная картина. Сутью политики Сталина в 1939–1940 гг. было возврат территорий Российской империи. Это – идея фикс Сталина. Целью войны с Финляндией было только одно – возврат российских территорий. По договору от 12 марта 1940 г. СССР получил именно те границы, которые были определены еще в результате Северной войны по Ништадтскому миру 1721 г. Утверждение, что Советский Союз стремился захватить Финляндию, создать себе какие-то стратегические базы, – это уже другой вопрос. Это же относится к Западной Украине и Западной Белоруссии, Прибалтике и Бессарабии. Единственное исключение – Северная Буковина, никогда не входившая в состав России. И на Дальнем Востоке Сталин не отходит от этой концепции, стремясь к такому соглашению с Японией, которое позволило бы ему вернуть Южный Сахалин и Курилы. *В.П. Сафронов* приходит к выводу, что Сталину было глубоко безразлично, что происходило в 1940 г. на Западе между Англией, Францией и Германией, ибо его главной задачей был возврат территорий, ранее принадлежавших Российской империи, и поскольку цель, преследуемая Сталиным, была такой ограниченной, СССР оставался нейтральным государством.

Л.Я. Гибианский (Исл РАН) выразил несогласие с точкой зрения *В.П. Сафронова*, отметив, что вся советская политика демонстрирует как раз полностью противоположное. Все происшедшее на Западе отслеживалось в Москве с особым вниманием, и активность СССР напрямую увязывалась с развитием событий на Западном фронте.

Далее *Л.Я. Гибианский* остановился на некоторых вопросах, поднятых в сообщении *В.К. Волкова* и в дискуссии. По его мнению, главный вопрос связан с выяснением смысла берлинских переговоров для советской стороны и последующих действий Кремля, прежде всего советского ответа от 25 ноября на предложение Гитлера и Риббентропа о присоединении СССР к Тройственному пакту. *В.К. Волков* представил свою точку зрения, которую он подробно изложил в одной из глав книги «Восточная Европа между Гитлером и Сталиным»¹¹, где приводится логичная система доказательств серьезности намерений Сталина на этот счет. Однако в историографии по-прежнему идет спор, и этот спор имеет свои основания, потому что кроме некоторых умозаключений, может быть и верных, у нас нет никаких документальных

¹¹ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 283–294.

доказательств, и пока их нет, стоило бы воздержаться от категоричных выводов.

Остановившись на вопросе о реакции правящих кругов балканских стран на захват Прибалтийских государств, *Л.Я. Гибвианский* согласился с точкой зрения *В.К. Волкова*, что они спокойно отреагировали на эти события и даже оправдывали советскую политику. Однако как только последовало советское предложение о гарантиях Болгарии, на Балканах вспомнили об этом прибалтийском опыте.

Много неясного остается и в советской политике по отношению к оккупированным Германией странам Восточной Европы. И, прежде всего, это связано с польским вопросом, в отношении которого советские документы начала и середины лета 1940 г. оставляют немало загадочного. Например, к этому времени относится директива Сталина ЦК компартии Украины и львовскому обкому, возлагающая на них ответственность за недопустимые перегибы в отношении польского населения, его прав, языковой политики, культурного развития, его самоорганизации и т.д. Чем это можно объяснить? Этот вопрос, далеко выходящий за пределы польского аспекта советской внешней политики, уже неоднократно ставился как польскими, так и западными историками, но удовлетворительного ответа пока нет.

С.З. Случ особо отметил, что активность советской внешней политики в 1940 г., будь то в отношении Финляндии, Прибалтики, Румынии, была возможна только благодаря благожелательной позиции Берлина, оговоренной еще в Секретном протоколе к советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 г. И эту доминанту внешней политики сталинского режима не следует упускать из вида. По мнению *С.З. Случа*, опираясь на нормы тогдашнего международного права, СССР, начиная с 17 сентября 1939 г., принимал участие во Второй мировой войне де-факто на стороне Германии. Именно исходя из этого необходимо оценивать действия Советского Союза в 1940 г. в отношении государств Восточной Европы.

В заключительном слове *В.К. Волков* согласился с теми участниками дискуссии, кто отмечал ключевую роль румынской проблемы в развитии Балканского региона в 1940 г. как в связи с занятием СССР Бессарабии и Северной Буковины, так и с решениями второго Венского арбитража, в совокупности означавшими, по определению румынской историографии, раздел страны. Полемизируя с *В.П. Сафроновым*, он отметил, что Сталин стремился не столько к возвращению территорий Российской империи, сколько к улучшению Советским Союзом его геостратегии.

ческих позиций. При этом ему хотелось иметь четкие границы на западе и прочные позиции на Дальнем Востоке. Возвращение к границам Ништадтского мира, по мнению *В.К. Волкова*, являлось для Сталина программой-минимумом. А программа-максимум, вероятно, была связана с Финляндией, которая должна была либо, оставаясь формально независимой, фактически превратиться в сателлита, либо развитие на этом направлении должно было пойти по прибалтийскому варианту.

Что касается балканских стран, то Румыния традиционно рассматривалась советской дипломатией как препятствие на пути России к проливам. После предоставления ей германских гарантий осенью 1940 г. здесь на первый план выходила проблема Болгарии и Турции, а Турция – это контроль над проливами. Повидимому, Сталин в этот момент стремился всеми силами к тому, чтобы ему были предоставлены те стратегически важные территории, которые обеспечивали бы благоприятные условия для утверждения своего военно-политического господства в сопредельном регионе.

Подытоживая свое выступление, *В.К. Волков* отметил, что в 1940 г. в головах советского руководства произошел тот поворот, который в дальнейшем затмил ему взгляд на реальное развитие событий. Отсюда несоответствие политических установок тем предложениям, которые шли со стороны Генштаба, начиная с августа 1940 г.

От составителя. Тема «Восточная Европа между Гитлером и Сталиным» уже своим названием предполагает один из трех вариантов ее раскрытия: положение стран региона между Германией и СССР, их политика в отношении Берлина и Москвы; политика третьего рейха и Советского Союза по отношению к Восточной Европе как в целом, так и в отношении отдельных стран этого региона; и, наконец, сочетание первого и второго вариантов, что, на мой взгляд, представляется оптимальным. Подходя с этими мерками к сообщению *В.К. Волкова*, нетрудно заметить, что фактически не один из перечисленных вариантов не был в нем реализован, на что, в частности, обратил внимание *Т.М. Исламов*. *В.К. Волков* основное внимание сосредоточил на политике Сталина, но преимущественно не в отношении стран Восточной Европы, а на германском ее направлении (этот недостаток был частично восполнен в ходе ответов на заданные *В.К. Волкову* вопросы и в его заключительном слове, но только частично). При этом общая характеристика советской политики в отношении нацистской Германии на протяжении 1940 г. не нашла четкого выражения.

Недостаточное внимание *В.К. Волкова* к процессам, происходившим внутри восточноевропейского региона, не только не позволило дифференцировать политику входящих в него государств по степени

определенности в их ориентации к началу рассматриваемого периода, но и объяснить в ряде случаев достаточно очевидную тенденцию в изменении этой ориентации не только под влиянием резкого изменения соотношения сил на континенте после поражения Франции, но и под воздействием нарастающего экспансионизма советской внешней политики. И в этой связи весьма симптоматично, что советская экспансия в отношении Прибалтики оказалась вообще вне поля зрения В.К. Волкова, хотя она представляла собой одну из важнейших составляющих советско-германских договоренностей от 23 августа 1939 г. о разделе сфер интересов в Восточной Европе. Отвечая на вопрос о советской политике в отношении Прибалтийских стран, он оправдывал действия СССР, как «необходимый и неизбежный шаг», хотя отличие последнего от действий нацистской политики в отношении Австрии в 1938 г. и Чехословакии – в 1939 г. если и имело место, то в основном сводилось к тому, что фюрер действовал фактически в одиночку, а Сталин, опираясь исключительно на договоренности с Гитлером. Суть же содеянного оставалась той же самой – насильственный аншлюс малых суверенных государств.

С сообщением на тему «Изменение соотношения сил в мире после поражения Франции и позиция Коминтерна» выступил *В.П. Смирнов* (МГУ). При освещении этой темы естественно обращение прежде всего к политике Советского Союза, потому что политическую линию Коминтерна тогда определял Сталин. Первый вопрос – о целях сталинского руководства. Все знают, что в 1939–1940 гг. Советский Союз и Германия, связанные договором «О дружбе и границе» и рядом секретных протоколов, нередко действовали совместно и, следовательно, имели общие или совпадающие цели.

Цели советского руководства очень четко были определены Сталиным в известной беседе с Г. Димитровым 7 сентября 1939 г., когда он заявил, что коммунисты не должны поддерживать ни одну из воюющих коалиций. При этом Сталин добавил: «Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо было бы, если бы руками Германии было расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии)». В связи с предстоящим разделом Польши между СССР и Германией Сталин сказал: «Что плохого было бы, если бы в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую систему на новые территории и население?»¹² Эти слова представляли собой инструкции Коминтерну, и они были подтверждены всем последующим ходом событий. Разумеется, эти

¹² Цит. по: *Фирсов Ф.И.* Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 18–19.

цели не имели ничего общего ни с международным правом, ни с правами человека и гражданина, ни с правом наций на самоопределение. Сталин действовал в соответствии с унаследованной от прошлого империалистической логикой, дополненной мотивами революционного мессианства. Однако поставленные им цели, не совпадая с долговременными целями гитлеровской Германии, отчасти и временно совпадали с ее краткосрочными целями.

Второй вопрос – как изменилась политика Советского Союза и Коминтерна после поражения Франции? До этого Коминтерн, в соответствии с инструкциями Сталина, называл войну империалистической с обеих сторон, выдвигал на первый план лозунг мира и считал главным врагом «врага в собственной стране», т.е. собственную буржуазию и социал-демократию.

Наиболее опасным противником СССР считалась не Германия, а Англия. «Не фашистская Германия, пошедшая на соглашение с СССР, является опорой капитализма, а реакционная антисоветская Англия с ее огромной колониальной империей», говорилось в секретной директиве Коминтерна компартии Великобритании 29 сентября 1939 г.¹³ После поражения Франции вся мировая политическая и стратегическая ситуации резко изменилась. Войну против Германии и Италии продолжала только Англия.

В политике всех великих держав произошли большие перемены. Начался процесс формирования новых, противостоящих друг другу военно-политических коалиций. С одной стороны, вместо распавшегося англо-французского союза формировался англо-американский блок, с другой – происходило дальнейшее сближение Германии, Италии и Японии. 27 сентября они подписали Тройственный пакт, согласно которому Япония признавала руководящую роль Германии и Италии в создании «нового порядка» в Европе, а Италия и Германия – руководящую роль Японии в «великом восточноазиатском пространстве»¹⁴. По существу это был договор о переделе мира.

Какой выбор был у Советского Союза? Теоретически можно было подумать о присоединении к Англии, но на практике это означало бы немедленную войну с Германией в самых невыгодных условиях. Противоположный вариант: присоединиться к Германии и вступить в войну с Англией, чтобы воспользоваться плодами казавшейся близкой победы над Англией, мог представиться более выгодным, но он тоже означал бы вступление в войну.

¹³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 184. Д. 4. Л. 53.

¹⁴ Правда. 1940. 28.09. С. 5.

По мнению *В.П. Смирнова*, Сталин избрал третий, промежуточный вариант, который можно назвать тактикой «двойной игры». Суть ее состояла в том, чтобы, не вступая в войну, поддерживать официальные «дружественные отношения» с Германией, использовать их для новых территориальных приобретений и в то же время тайно противодействовать Германии, в том числе через Коминтерн.

Сразу же после поражения Франции советское правительство присоединило к СССР Эстонию, Латвию и Литву, а затем Бессарабию и Северную Буковину. Такие действия, в общем, соответствовали секретным советско-германским протоколам 1939 г., хотя в них речь шла о «сфере интересов» СССР, а не о присоединении к Советскому Союзу новых территорий, а Северная Буковина вообще не была упомянута.

Одновременно руководство Коминтерна издало секретные директивы, которые на первый взгляд противоречили политике Сталина, а на деле были согласованы с ним. Так, 22 июня 1940 г. руководство Коминтерна дало компартии Франции секретную директиву «поддерживать и организовывать сопротивление масс против мер насилия, грабежей и произвола со стороны захватчиков»¹⁵. Принятые через неделю негласные «советы» компартиям Дании и Норвегии также нацеливали коммунистов на противодействие оккупантам, хотя Коминтерн продолжал считать войну империалистической с обеих сторон и требовать заключения мира.

Все эти рекомендации, в том числе наивные и совершенно безуспешные попытки распропагандировать немецких солдат не имели большого практического значения, но они указывали на направление политики Коминтерна, которое, по видимости, не совпадало с официальной политикой СССР, но фактически дополняло ее как часть «двойной игры» Сталина.

Третий и наиболее спорный вопрос – это позиция Советского Союза и Коминтерна во время берлинских переговоров Молотова с Гитлером и Риббентропом в ноябре 1940 г.

Оперативный план Вооруженных сил СССР, утвержденный правительством 14 октября, исходил из предположения, что «Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на Западе против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией, Финляндией, и на Востоке – против Японии»¹⁶. Вместе с тем советское руководство еще не исключало

¹⁵ Коминтерн и Вторая мировая война. / Сост. Н.С. Лебедева, М.М. Наринский. Отв. ред. К.М. Андерсон, А.О. Чубарьян. М., 1994. Ч. I. Док. 104. С. 372.

¹⁶ 1941 год: В 2 кн. / Сост. Л.Е. Решин и др.; под ред. В.П. Наумова. М., 1998. Док. 117. С. 237.

возможности на некоторое время остаться вне войны и при содействии Берлина добиться новых территориальных приращений, особенно если Англия будет вынуждена пойти на компромиссный мир с Германией.

После заключения Тройственного пакта советское правительство приняло предложение Германии вступить в переговоры с ней, чтобы, – как говорилось в этом предложении, – *«согласовать свои долгосрочные политические цели и, разграничив между собой сферы интересов в мировом масштабе, направить по правильному пути будущее своих народов»*¹⁷. Одновременно Гитлер приказал продолжать подготовку нападения на СССР. По-видимому, считает В.П. Смирнов, он хотел выяснить намерения советского руководства, а может быть, даже втянуть Советский Союз в войну против Англии, соблазнив его руководство перспективой раздела британского наследства.

О намерениях советского руководства можно судить по исключительно важному документу – директивам Сталина Молотову перед его отъездом в Берлин¹⁸. Согласно им, Молотов должен был решить две основные задачи. Первая из них – относительно простая: «а) **Разузнать** действительные намерения Г[ермании] и всех участников Пакта 3-х», в том числе и «**место СССР**» в их планах. Вторая задача была гораздо сложнее: «б) **Подготовить** первоначальную наметку **сферы интересов СССР** в Европе, а также в ближней и средней Азии, прощупав возможность соглашения об этом с Г[ерманией], (а также с И[талией]), но не заключать какого-либо соглашения с Германией и И[талией] на данной стадии переговоров, имея в виду продолжение этих переговоров в Москве, куда должен приехать Риб[бентроп] в ближайшее время».

Далее в директивах говорилось, что поскольку секретные соглашения 1939 г. с Германией о разграничении сфер интересов исчерпаны (за исключением Финляндии) нужно добиваться, чтобы к сфере интересов СССР, кроме Финляндии, были еще отнесены Дунай (в части морского Дуная) и особенно Болгария – «главный вопрос переговоров» – сказано в директивах. Кроме того, советское руководство желало участвовать в решении дальнейшей судьбы Турции, Ирана, Румынии и Венгрии.

В случае согласия Германии на такие условия Молотов имел инструкции «предложить сделать **мирную акцию**» в виде откры-

¹⁷ Оглашению подлежит: СССР–Германия. 1939–1941: Документы и материалы / Сост. Ю. Фельштинский. М., 1991. Док. 132. С. 234.

¹⁸ ДВП. Т. XXIII, кн. 2. Док. 491. С. 30–32.

той декларации 4-х держав (СССР, Германии, Италии и Японии), «(если выяснится благоприятный ход основных переговоров: Болг[ария], Тур[ция] и др. на условиях сохранения Великой Британской Империи (без подмандатных территорий) со всеми теми владениями, которыми Англия теперь владеет, и при условии невмешательства в дела Европы и немедленного ухода из Гибралтара и Египта, а также с обязательством немедленного возврата Германии ее прежних колоний...» В директивах указывалось, что СССР готов заключить с Японией договор о ненападении на определенных условиях и не возражает, «чтобы Индонезия была признана сферой влияния Японии», а Маньчжоу-Го осталось под её властью, но считает необходимым «добиваться почетного мира для Китая».

По мнению *В.П. Смирнова*, директивы 9 ноября 1940 г. доказывают, что Сталин был готов договориться со странами Тройственного пакта о новом переделе мира, при условии, что Советский Союз получит свою долю. При этом, очевидно, предполагалось, что СССР останется вне войны, а Британская империя сохранится, хотя и в сильно урезанных размерах.

В ходе берлинских переговоров Гитлер и Риббентроп фактически отвергли притязания Молотова на отнесение к сфере интересов Советского Союза Финляндии и Болгарии, но предложили СССР «участвовать как четвертому партнеру» в Тройственном пакте¹⁹, обещая, что в таком случае «СССР может извлечь выгоды при перераспределении территорий Британской империи путем экспансии в направлении Персидского залива и Аравийского моря»²⁰.

После возвращения Молотова в Москву советское правительство 25 ноября 1940 г. сообщило германскому послу, что оно готово присоединиться к Тройственному пакту на следующих условиях: немедленный вывод германских войск из Финляндии; заключение пакта о взаимопомощи между СССР и Болгарией и организация военной и военно-морской базы СССР в районе Босфора и Дарданелл; признание центром тяжести дальнейших стремлений СССР район к югу от Батума и Баку «в общем направлении к Персидскому заливу»; отказ Японии от концессий на Северном Сахалине²¹.

Гитлер не ответил на это предложение, и оно не имело практических последствий, но вызвало споры среди историков. Одни

¹⁹ ДВП. Т. XXIII, кн. 2. Док. 498. С. 46.

²⁰ Там же. Док. 497. С. 37.

²¹ Там же. Док. 548. С. 136–137.

предполагают, что нота от 25 ноября свидетельствует о намерении СССР присоединиться к Тройственному пакту и тесно сотрудничать с Германией; другие – что это был дипломатический маневр с целью уклониться от слишком обязывающего предложения и выиграть время.

В.П. Смирнов полагает, что вторая точка зрения более убедительна, потому что нота 25 ноября лишь повторяла требования, выдвигавшиеся Молотовым в Берлине. Гитлер их уже отверг, и было очевидно, что Германия их не примет. Дополнительным аргументом в пользу этого вывода может служить позиция Коминтерна. В этот же день состоялась беседа Молотова с Димитровым, в ходе которой Димитров сказал: «Мы ведём линию на разложение немецких оккупационных войск в разных странах. И эту работу, не крича об этом, мы хотим ещё больше усилить. Не помешает ли это советской политике?» Молотов ответил: «Конечно, это надо делать. Мы не были бы коммунистами, если бы не вели такой курс. Только делать это надо бесшумно»²². Эта беседа, по мнению *В.П. Смирнова*, подтверждает мысль о «двойной игре» советского правительства. Берлинские переговоры Молотова означали не дальнейшее развитие германо-советского сотрудничества, а начало его конца. Именно с этого времени, резюмирует *В.П. Смирнов*, Советский Союз и Коминтерн все более и более определенно начали противодействовать гитлеровской Германии, медленно, но верно перемещаясь на сторону ее противников.

В.П. Смирнов ответил на ряд вопросов участников «круглого стола».

Вопрос: Что за политическая сила был Коминтерн в 1940 г.? Можно ли привести пример хотя бы одной крупной акции Коминтерна в Европе, которая бы пошатнула Европу, заставила задуматься европейские правительства?

В.П. Смирнов: Разумеется, невозможно сравнивать силу реального влияния Коминтерна или социал-демократов с политикой какой-либо крупной, а тем более великой державы. Не было и никаких крупных акций Коминтерна в 1939–1941 гг., которые повлияли бы на политику какого-либо правительства, например гитлеровского. Тем не менее Коминтерн все же оставался существенным фактором развития международных отношений. Во-

²² Чит по: *Фирсов Ф.И.* Советско-германские отношения, политика СССР на Балканах в конце 1940 г. и Коминтерн (новые документы) // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940–июнь 1941) / Отв. ред. Л.Я. Гибианский, С.З. Случ. М., 1992. С. 57.

первых, благодаря тому, что компартии продолжали действовать и сыграли свою роль в движении Сопротивления; во-вторых, потому что Коминтерн обладал огромной информационной сетью, которая позволяла Сталину получать информацию; и, наконец, в-третьих, активность Коминтерна создавала представление не только о нем самом, но и о советской внешней политике.

Вопрос: Не считаете ли вы, что идея мировой революции претерпела некоторые изменения на протяжении 1939–1941 гг., в первую очередь позиция Сталина по отношению к этой идее?

В.П. Смирнов: Да, несомненно. К примеру, 21 января 1940 г. Сталин заявил: «Мировые революции как единый акт – ерунда. Она происходит в разные времена в разных странах. Действия Красной Армии – это также дело мировой революции»²³. Таким образом, в это время Сталин связывал развитие мировой революции напрямую с действиями Красной Армии.

Вопрос: Как развивалось движение Сопротивления во Франции во второй половине 1940 г.? Можно ли говорить об имевших место там процессах, как о движении Сопротивления, или как таковое оно оформилось только после нападения Германии на Советский Союз?

В.П. Смирнов: Я думаю, что в этот период можно говорить как о движении, но ограниченном в основном коммунистами, т.е. существовали небольшие подпольные группы, издававшие небольшие информационные листки. Но все другие организации Сопротивления в это время были такие же или даже меньше. К примеру, «Humanité» издавалась тиражом в несколько сотен тысяч экземпляров, а тираж какой-нибудь организации «Resistance» составлял 200 экземпляров.

Первым в дискуссии по сообщению В.П. Смирнова выступил *Э. Дурачинский*, выразивший согласие с оценкой докладчиком зародышевого состояния сопротивления во Франции во второй половине 1940 г. Что касается влияния Коминтерна на начало движения Сопротивления в оккупированной Европе, то, с точки зрения *Э. Дурачинского*, оно было крайне незначительно и в известной мере даже негативно. Роль возникшей в июле 1940 г. в Англии организации «Управление специальных операций» (Special Organization Executive), создавшей постепенно свои отделения во всех оккупированных странах, прежде всего в Западной Европе, а во Франции уже в 1940 г., на самой начальной стадии развития сопротивления оккупантам была намного больше, чем Коминтерна.

²³ Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. I. Док. 161. Примеч. 1. С. 516.

Что касается Чехии и Польши, то в них сопротивление, как известно, началось значительно раньше, независимо от Коминтерна и даже вопреки ему. «Обрана народа» – самая крупная подпольная организация в Чехии, связанная с Бенешем, не имела ничего общего с Коминтерном. Коммунисты, конечно, принимали участие в ее создании, но они не играли в ней той роли, какую стали играть позже. А для Польши 1940 г. – это очень важный год, ибо именно тогда оформилось то, что называется в польской историографии подпольным польским государством («Polish underground state»). Именно в 1940 г. возникли его основы – тайная армия, тайная подпольная администрация, тайное просвещение, тайное судопроизводство, тайная пресса, тайная культура и т.д. Начало этого процесса, его корни – в 1939 г., а оформилось оно в 1940 г.

Л.Я. Гибианский остановился на директивах Коминтерна и его установках компартиям в 1940 г. После поражения Франции эта организация известным образом корректирует, а затем меняет свою линию, выдвигая на первый план антиоккупационную тональность в своих директивах. Фактически же такая политика проводилась Коминтерном с начала Второй мировой войны в отношении некоторых балканских стран. Это была линия, направленная, разумеется, не на открытую борьбу, но на известное противодействие германской экспансии. Существовали антибританские и антифранцузские директивы Коминтерна. Однако в отношении Югославии и Болгарии они выглядели иначе. На этом направлении прослеживалась очень сильная тенденция противодействия на двух фронтах: против англо-французского альянса и против распространения нацистской агрессии в регионе. Эта особенность балканского направления в политике Коминтерна получила дальнейшее развитие во второй половине 1940 г., когда на Балканах началось явное противостояние СССР и Германии. Но, в известном смысле, тенденции этой политики, по мнению *Л.Я. Гибианского*, проявились еще раньше.

Как полагает *И.В. Михутина* (Исл РАН), отказ от идеи мировой революции произошел значительно раньше, чем в 1939–1940 гг. Он связан с укреплением власти Сталина, т.е. относится к концу 20-х – началу 30-х годов. Тогда начал преобладать более прагматичный взгляд на положение СССР «не до жиру, быть бы живу», т.е. не до мировой революции²⁴. По мнению

²⁴ Отказ от идеи мировой революции как первостепенной задачи международного коммунистического движения нашел отражение в решениях VII конгресса Коминтерна в 1935 г. Подробнее см.: *Шириня К.К.* Идея мировой революции в стратегии Коминтерна // Новая и новейшая история. 1995. № 5. С. 41–61; Коминтерн и идея мировой революции: Документы / Отв. ред. Я.С. Дрabbкин. М., 1998.

И.В. Михутиной, методологически не правильно ограничивать нашу дискуссию только 1940 г.

Т.М. Исламов полагает, что 1940 г. совершенно обоснованно выбран для дискуссии. Два главных события этого года определили фактически всю предвоенную ситуацию для Советского Союза: это разгром Франции и ноябрьские переговоры в Берлине. По мнению *Т.М. Исламова*, в ходе берлинских бесед Молотова с Гитлером и Риббентропом выяснилось, что дальнейшее сотрудничество невозможно. Можно сказать, что в ноябре 1940 г. завершается этап в советско-германских отношениях, начавшийся после заключения пакта Молотова–Риббентропа. В ноябре 1940 г. становится очевидным невозможность для Гитлера удовлетворять дальнейшие политические и территориальные притязания Сталина, а Сталин понимает, что Гитлер не пустит его на Балканы. И это решающий момент.

В.К. Волков остановился на роли Коминтерна. Сталина в 1940 г. волновали проблемы ближайшего времени, а в обозримом будущем не было надежды на широкое развитие коммунистического движения. Другое дело, считал Сталин, использование инструмента Коминтерна в торге с руководством Германии и в создании Гитлеру препятствий по осуществлению его замыслов. В оценке этого вопроса, отметил *В.К. Волков*, он полностью согласен с В.П. Смирновым и Л.Я. Гибианским и выразил несогласие с утверждением *Т.М. Исламова*, что в ходе берлинских переговоров выяснилась невозможность дальнейшего сотрудничества Советского Союза и Германии. Сталин воспринял итоги переговоров не так, поняв их как вопрос о цене за продолжение сотрудничества. 10 дней – с 15 ноября, когда Молотов возвратился в Москву, и до 25 ноября, когда Шуленбургу была вручена нота советского правительства с согласием на присоединение СССР к Тройственному пакту на определенных условиях, – внесли существенные коррективы в дальнейшие планы Кремля. Сталин реально предложил Гитлеру пакт четырех держав, и этот шаг, по мнению *В.К. Волкова*, не следует воспринимать только как маневр. Сталин думал, что он сможет вынудить Гитлера принять его условия, но ведь и Германии он предложил немало – возможность достичь победы во Второй мировой войне. В случае осуществления этого замысла Сталина такой блок четырех держав был бы полностью неуязвим на мировой арене.

В.П. Сафронов затронул вопрос о влиянии поражения Франции на ситуацию на Дальнем Востоке, где для Советского Союза она изменилась в лучшую сторону. Уже 2 июля 1940 г. после почти десятимесячного молчания Япония решила начать пере-

говоры об урегулировании отношений с Советским Союзом, предложив заключить пакт о нейтралитете. Ответ советского руководства увязывал заключение подобного соглашения с Японией, в результате которого якобы неизбежно ухудшение отношений Москвы с целым рядом крупных государств, с необходимостью соответствующей территориальной компенсации со стороны Токио за возможный ущерб. В этой ситуации новый глава японского МИД И. Мацуока воспользовался идеей Риббентропа о создании Четверного блока и стал активно лоббировать ее в беседах с германскими представителями. В Берлин был передан план присоединения СССР к Тройственному союзу, чтобы сделать Кремль более покладистым в отношении интересов Японии. В частности, у Мацуока возникла идея направить советские аспирации в сторону Индийского океана. Поэтому, резюмировал *В.П. Сафронов*, нельзя согласиться с утверждением, что Сталин не хотел присоединяться к Тройственному пакту. Риббентроп очень много ему обещал за это присоединение. И Сталин не мог от этого отказаться, хотя и выдвинул свои контрпредложения. В частности, советские аспирации в сторону Индийского океана были заменены аспирациями в сторону Персидского залива и т.д., что подтверждает серьезность намерений Сталина.

С.З. Случ остановился на влиянии, которое оказало завершение кампании вермахта на севере и западе Европы на экономическое положение третьего рейха. В распоряжении Германии оказались крупные запасы стратегически важного сырья: железная руда Эльзас–Лотарингии, молибден Норвегии, доступ к сырьевым источникам Испании и Португалии. Швеция переориентировала практически всю свою внешнюю торговлю на третий рейх, а с Румынией был заключен договор об обмене нефти на оружие. В связи с этим, считает *С.З. Случ*, роль, которую играло в планах третьего рейха экономическое партнерство с Советским Союзом, особенно в том, что касается поставок стратегического сырья, видоизменилась. Отныне эти поставки не имели для Берлина прежнего значения – они при необходимости могли быть в значительной мере восполнены из других источников. А вот роль поставок продовольствия из СССР оставалась на прежнем уровне. Поэтому во второй половине 1940 г. немецкие представители на переговорах в Москве постоянно акцентируют внимание на их увеличении.

С.З. Случ также затронул вопрос об оценке деятельности Коминтерна в третьем рейхе. Так, в начале февраля 1940 г. в Главном имперском управлении безопасности (РСХА) была подгото-

влена записка «Борьба с коммунизмом»²⁵. В ней отмечалось, что в условиях действия пакта с Германией Советский Союз, по крайней мере внешне, соблюдает все установленные правила игры. Однако это ничего не меняет в отношении третьего рейха к коммунизму и его носителям – Коминтерну и компартиям. Это была принципиальная установка Берлина на всем протяжении действия советско-германского пакта. В конце мая 1940 г. Внешнеполитическое ведомство НСДАП, возглавлявшееся А. Розенбергом, подготовило записку под названием «Нынешняя позиция Советского Союза по вопросу о мировой революции и Коминтерне»²⁶. В ней указывалось на то, что после августа 1939 г. Москва не ограничивала и не скорректировала деятельность секций Коминтерна и его руководства. На основании этого в записке констатировалось: во-первых, цели Советов, связанные с мировой революцией, остались неизменными; во-вторых, советское правительство считает целесообразным вновь акцентировать эти цели для внутреннего пользования и для его зарубежных сторонников; в-третьих, в оценке Москвой Германии и существующего в ней режима не произошло никаких изменений: она, как и прежде, фигурирует среди врагов мирового пролетариата.

Все это дополняется памятной запиской, подготовленной в РСХА к первой годовщине пакта, т.е. в конце августа 1940 г. Она называлась «Анализ деятельности мирового коммунизма со времени заключения советско-германского пакта о ненападении и его влияния на Великую Германию»²⁷. В ней обращалось внимание на серьезные различия между заявлениями советских официальных инстанций, советской прессы и высказываниями лидеров и функционеров Коминтерна. По мнению сотрудников РСХА, влияние Коминтерна и его конкретных секций на политику в оккупированных странах имело явную тенденцию к снижению. Последнее объяснялось все возрастающими арестами, в частности, только в Протекторате в течение 1940 г. было арестовано 4300 коммунистов. Таким образом, резюмировал С.З. Случ, карательные органы третьего рейха на протяжении 1940 г. констатировали наличие неразрывной, хотя и тщательно скрываемой связи между советской внешней политикой и деятельностью Коминтерна.

В заключительном слове *В.П. Смирнов* подчеркнул, что не следует однозначно отрицательно оценивать деятельность Ко-

²⁵ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 500/К. Оп. 3. Д. 129. Л. 75–82.

²⁶ Там же. Л. 162–168.

²⁷ Там же. Л. 4–21.

минтерна в рассматриваемый период. Уже во второй половине 1940 г. он начинает ориентировать коммунистические партии на борьбу с оккупантами. «Управление специальных операций» сыграло важную роль в годы Второй мировой войны, однако в 1940 г. его деятельность еще не была сколько-нибудь заметна; в то время как коммунистические партии в оккупированных странах уже тогда взяли на себя львиную долю пропагандистской работы в массах²⁸.

От составителя. В последние годы отечественные историки опубликовали монографию²⁹, ряд статей³⁰ и сборник документов³¹, освещающих деятельность Коминтерна в первые годы Второй мировой войны. Появились документальные публикации о деятельности Коминтерна и за рубежом, которые должны вызвать особый интерес у отечественных исследователей, поскольку проливают дополнительный свет на механизм связи между высшим советским руководством и руководством Коминтерна – это дневник Димитрова, изданный в Болгарии и Германии, переписка Сталина и Димитрова в 1934–1943 гг., изданная А. Далиным и Ф. Фирсовым в США³². Сообщение В.П. Смирнова и последовавшая за ним дискуссия продемонстрировали, что эти источники медленно вводятся в научный оборот. Это обстоятельство, а также недоступность все еще многих документов, связанных с работой Секретариата ИККИ, но особенно относящихся к деятельности Службы связи, осуществлявшей по поручению руководства Коминтерна многочисленные зарубежные операции, нередко выходящие за рамки контактов с компартиями, позволяют делать порой лишь предположительные выводы относительно подоплеки конкретной деятельности этого инструмента советской внешней политики. Это относится и к утверждению В.П. Смирнова, что Советский Союз и Коминтерн после неудачи переговоров Молотова в Берлине все более и более определенно начали противодействовать гитлеровской Германии, медленно, но верно перемещаясь на сто-

²⁸ Смирнов В.П. Коминтерн и поражение Франции (По архивам Коминтерна) // Вторая мировая война: Актуальные проблемы / Отв. ред. О.А. Ржешевский. М., 1995. С. 18–39.

²⁹ Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Организационная структура Коминтерна, 1919–1943. М., 1997.

³⁰ Лебедева Н.С., Наринский М.М. Коминтерн и Вторая мировая война 1939–1941 гг. Вступительная статья // Коминтерн и Вторая мировая война 1939–1941 гг. Ч. I. С. 3–64; Centre and Periphery: The History of the Comintern in the Light of New Documents. Amsterdam, 1996; Наринский М.М. Советская внешняя политика и Коминтерн 1939–1941 // Война и политика, 1939–1941. М., 1999. С. 38–49.

³¹ См. сн. 15.

³² Димитров Г. Дневник: (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София, 1997; Dimitroff G. Tagebücher 1933–1943 / Hrsg. von B.H. Bayerlein. Berlin, 2000. Bd. 1–2; Dimitrov and Stalin, 1934–1943: Letters from the Soviet Archives / Ed. by A. Dallin, F. Firsov. New Haven; London, 2000.

рону ее противников; и к предположению В.К. Волкова о якобы имевших место замыслах Сталина по использованию инструмента Коминтерна в торге с руководством гитлеровской Германии.

В.П. Смирнов и другие участники в дискуссии мало внимания уделили роли Германии, политика которой и явилась причиной резкого изменения соотношения сил в мире в середине 1940 г. Может сложиться впечатление, что внешняя политика третьего рейха, изучением которой на широкой документальной базе занимаются историки различных стран на протяжении многих десятилетий, не оставила к сегодняшнему дню никаких вопросов. Это – не так. Более 35 лет тому назад в фундаментальной монографии западногерманского профессора А. Хильгрубера «Стратегия Гитлера. Политика и руководство войной 1940–1941»³³ было обозначено такое количество проблем, которые и сегодня, несмотря на все усилия исследователей, оставляют немало вопросов.

Повышенное внимание к позиции советской стороны на переговорах Молотова в Берлине не должно затенять изучения политики и замыслов инициатора этих переговоров – Гитлера, который пошел на них исключительно для введения в заблуждение советского руководства.

С сообщением «Советский Союз и Германия: союзники, партнеры или антагонисты» выступил *М.И. Мельтюхов* (Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела). За последнее десятилетие в России появилось не только большое количество исследований, но и новые документальные публикации по советско-германским отношениям. Благодаря этому историки располагают хотя бы общей картиной взаимоотношений двух стран в период кануна Великой Отечественной войны, в том числе по 1940 г.

В начале 1940 г. шли советско-германские экономические переговоры. Начались они еще осенью 1939 г. и в январе–феврале 1940 г. достигли своего апогея. Уровень переговорщиков постоянно повышался: в итоге в этих переговорах принял участие сам Сталин, которому Риббентроп направил личное послание с просьбой содействовать достижению соглашения. По мнению *М.И. Мельтюхова*, советскому руководству удалось настоять на учете своих интересов. Хозяйственное соглашение от 11 февраля 1940 г. стало компромиссом, определявшим экономические взаимоотношения Москвы и Берлина на протяжении последующего года.

Какой вес имели в германской внешней политике эти контакты с Советским Союзом? Под влиянием англоязычной историографии периода холодной войны в последние годы в отечественных исследованиях все чаще стало однозначно утверждаться, что именно советская экономическая поддержка позволила немцам

³³ Hillgruber A. Hitlers Strategie: Politik und Kriegführung 1940–1941. Bonn, 1965.

продолжать войну. Однако в работах немецких историков, появившихся в последние 10–15 лет и базирующихся на материалах германских архивов, доказывается, что в основе подобных оценок лежит серьезное преувеличение роли советских поставок для военной экономики третьего рейха. Как видно из немецкой статистики, в 1940 г. Советский Союз занимал соответственно в германском экспорте всего 4,5%, а германском импорте – 7,6%. Тем не менее, исследование этого вопроса на советских источниках весьма актуально, поскольку в российской историографии он остается фактически неизученным. С другой стороны, продолжал *М.И. Мельтюхов*, нельзя забывать о том, что территория Советского Союза использовалась немцами для транзита грузов. И здесь, согласно немецкой статистике, он играл гораздо более значительную роль: за 1940 г. германский экспорт через территорию СССР составил 49%, импорт – 59%.

Переходя к политическим отношениям между СССР и Германией, *М.И. Мельтюхов* отметил, что по мере обострения отношений между Москвой, с одной стороны, и Лондоном и Парижем, с другой, в ходе советско-финской войны создалась реальная угроза того, что западные державы могут вмешаться тем или иным способом в эту войну: либо высадив войска на Скандинавском полуострове, либо нанеся авиационные удары по Закавказью. Учитывая, что одним из мотивов подобного вмешательства был бы тезис об активной поддержке Советским Союзом германских военных усилий, Москва стала демонстрировать нейтралитет. Германские дипломаты отмечали, что с конца февраля и в марте–апреле 1940 г. возникают определенные заминки в контактах между Москвой и Берлином.

Когда же в апреле–мае 1940 г. немецкие войска начали реальную войну в Западной Европе, угроза столкновения СССР с западными союзниками перестала быть актуальной. И Москва смогла позволить себе вновь потепление отношений с Германией.

Как отразилось изменение ситуации в Европе после разгрома Франции на советско-германских отношениях? Проблема вывода из войны Англии в то время являлась для немцев первостепенной. Поначалу в Берлине полагали, что буквально через неделю-другую, максимум через месяц Лондон пойдет на переговоры с Германией.

Одновременно на повестку дня германской политики выходит восточная проблема. В конце июня – июле 1940 г. в германских военных кругах возникает идея заняться разработкой военных действий и против Советского Союза. И, после того как 21–22 июля эти настроения были официально озвучены Гитле-

ром, началось планирование той операции, которая в дальнейшем получит название «Барбаросса».

Однако эти подготовительные мероприятия находились еще в начальной стадии, а основная в те месяцы проблема – «что делать с Англией?» В августе–сентябре 1940 г. выясняется, что у немцев пока нет реальных возможностей для силового воздействия на англичан: воздушная битва за Англию закончилась ничем, а на форсирование Ла-Манша и высадку на Британских островах немцы не решились. Проблема незавершенной войны на Западе во второй половине 1940 г. по-прежнему существует, что учитывается в расчетах как в Берлине, так и в Москве.

Уже в июле, но особенно в августе и сентябре 1940 г. постепенно выявляется, что Москва и Берлин по-разному видят решение вопросов, касающихся Восточной Европы. Проблемы возникли уже в связи с инкорпорацией Литвы в состав Советского Союза и т.д. Еще в большей степени разные интересы проявились в ситуации вокруг Румынии в ходе второго Венского арбитража, приведшего к перекройке границ Румынии и закрепившей ее присоединение к числу германских союзников. К этому времени руководство третьего рейха все больше полагало, что от него политических уступок в отношении СССР не потребуется, поскольку Германия достаточно сильна. Однако в Москве расценили эту позицию Берлина если не как нарушение соглашения 1939 г., то как весьма опасный симптом.

Советское руководство не собиралось в этой ситуации ограничиваться шагами по дипломатическим каналам. Летом – в начале осени 1940 г. были подготовлены первые варианты оперативных планов Красной Армии, которые однозначно свидетельствовали о том, что самый вероятный противник СССР – это Германия. 14 октября советское правительство утвердило один из таких планов, в результате чего, как полагает *М.И. Мельтюхов*, Красная Армия получила действующий документ, который лег в основу дальнейшего военного планирования и подготовки советских войск в преддверии войны.

При анализе советско-германских отношений в 1940 г. неизбежно большое внимание уделяется переговорам Молотова в Берлине. По мнению *М.И. Мельтюхова*, проявившаяся в историографии, да и в рамках данного «круглого стола», дискуссия по вопросу о замыслах советского руководства на этих переговорах во многом свелась к неоправданному противопоставлению зондажа реальным расчетам сторон, хотя одно и другое в дипломатии неразрывно связано. Нет оснований для утверждения, считает *М.И. Мельтюхов*, что еще до начала переговоров их результат

был очевиден для обеих сторон. Напротив, и в Берлине, и в Москве имели место определенные ожидания относительно продолжения отношений, сложившихся между СССР и Германией после 23 августа 1939 г.

Ход берлинских переговоров проливает свет и на последующее развитие советско-германских отношений. Если Гитлер и Риббентроп на них больше говорили о глобальных аспектах будущего сотрудничества Москвы и Берлина, то Молотова в первую очередь интересовали конкретные проблемы, связанные с ситуацией в районах, примыкающих к западным границам СССР. Однако выяснилось, что немцы не готовы к их обсуждению. С этим обстоятельством непосредственно связан документ, который Москва передала Берлину спустя две недели, 25 ноября 1940 г. В нем содержались условия, на которых Советский Союз был готов присоединиться к Тройственному пакту, точнее, по мнению *М.И. Мельтюхова*, продолжить переговоры о заключении нового соглашения, прежде всего между СССР и Германией. Тем не менее не следует представлять этот документ как выбор «или – или». Здесь был и элемент игры со стороны Москвы, и обозначение тех реальных условий, на основе которых в Кремле были готовы обсуждать эту проблему, и в определенном смысле зондаж – готов ли Гитлер реально обсуждать эти проблемы.

Для германского руководства (на это обращали внимание и отечественные и зарубежные историки) уступки, о которых шла речь в советских условиях присоединения к Тройственному пакту, были неприемлемы. Поэтому большинство историков рассматривает утверждение Гитлером плана «Барбаросса» 18 декабря 1940 г. как его непосредственную реакцию на советские предложения. В то же время для обоих государств чисто внешняя сторона их отношений сохраняла свою важность вплоть до 22 июня 1941 г.

По мнению *М.И. Мельтюхова*, в отношениях Москвы и Берлина в 1940 г. условно можно выделить несколько периодов: февраль-март – это небольшое охлаждение, затем непродолжительное потепление и с июля постепенно нарастающее охлаждение. В этом контексте ноябрьские переговоры в Берлине можно рассматривать как реальный перелом в советско-германских отношениях, подведший черту под двусторонним сотрудничеством.

Говоря о характере советско-германских отношений в 1940 г. в целом, *М.И. Мельтюхов* высказал мнение, что в этот период не существовало советско-германского союза ни формального, ни фактического.

Если исходить из значения слова «партнер» – участник какой-то совместной деятельности, – то, конечно, Москва и Берлин были партнерами. А что сделало возможным их партнерство? В чем заключался коренной интерес, сблизивший обе страны? По мнению *М.И. Мельтюхова*, стремление к ослаблению влияния Англии и Франции толкнуло СССР и Германию к соглашению в августе 1939 г., и оно же сыграло спустя некоторое время противоположную роль. Отношения между Кремлем и рейхсканцелярией никогда не выходили за рамки партнерства–соперничества, поскольку каждая из сторон совершенно по-разному видела и цели, и результаты этого партнерства, которое по мере ослабления западных держав наполнялось все большими противоречиями. И переговоры Молотова в Берлине обозначили тот рубеж, за которым соперничество становится непримиримым.

В заключение *М.И. Мельтюхов* вернулся к вопросу о том, был ли Советский Союз после начала Второй мировой войны нейтральным государством и если да, то в чью пользу был этот нейтралитет? Здесь, по его мнению, историки сталкиваются с проблемой, которая никогда не рассматривалась в отечественной литературе³⁴ и не очень объективно поднимается в иностранной историографии. Утверждение, что Советский Союз не был нейтральным в отношении англо-германской войны, с точки зрения *М.И. Мельтюхова*, требует серьезных доказательств. Однако если рассматривать Вторую мировую войну не только как противостояние между Лондоном и Берлином, а как борьбу за новое мировое устройство, то в этом случае нейтралитет Москвы более чем сомнителен. Это касается как действий СССР в Восточной Европе, в том числе в 1940 г., так и подготовки, которую он осуществлял накануне войны. Вопрос о международно-правовой оценке действий СССР в Европе вплоть до 22 июня 1941 г. требует самого серьезного изучения.

М.И. Мельтюхов ответил на вопросы участников «круглого стола».

Вопрос: Всегда ли интересы Советского Союза тождественны интересам сталинского руководства?

М.И. Мельтюхов: А кого мы можем противопоставить действовавшему советскому руководству? Кто еще реально определял интересы страны?

Вопрос: Какое место занимали решения высшего германского руководства второй половины июля 1940 г. (имеется в виду ре-

³⁴ Это утверждение неточно, первые шаги в изучении этой проблемы уже были сделаны в отечественной историографии. См. сн. 6.

шение о нападении на СССР) в последующей политике третьего рейха?

М.И. Мельтюхов: Опираясь на официальные документы Верховного командования вермахта, можно сказать, что вплоть до конца 1940 г. в первоочередных задачах не произошло кардинальных изменений. Политическое решение о нападении на СССР было одной из многих задач, стоявших перед высшим руководством Германии, и во второй половине 1940 г. в нем происходили непростые процессы согласования различных взглядов на проблему войны на Востоке при одновременном ведении войны с Англией.

Первым в дискуссии по сообщению М.И. Мельтюхова выступил *В.К. Волков*, остановившийся, прежде всего, на методологическом аспекте проблемы, представив оценки и решения Сталина и Гитлера в 1940 г. с точки зрения теории международных отношений. По его мнению, осмысление внешнеполитических реалий имело место с обеих сторон, но со значительными деформациями и отходом от реальных потребностей и интересов. Формулирование Сталиным национально-государственных интересов представляло собой чрезвычайно сложное переплетение самых противоречивых компонентов, например, таких, как его коммунистические взгляды и эклектические представления о национально-государственной традиции России, унаследованной Советским Союзом, схематическое представление о новом мировом устройстве, содержащее массу неизвестных, и стремление обеспечить СССР соответствующее положение в новой системе координат.

Продолжая тему национально-государственных интересов, *В.К. Волков* отметил, что в общественном мнении Советского Союза в 1940 г. присутствовало и критическое отношение к сотрудничеству с Германией. Об этом, в частности, говорил М.И. Калинин в беседах с югославским послом М. Гавриловичем. Во второй половине 1940 г. и в начале 1941 г. в СССР бытовало выражение «заклятые друзья», отражающее представления части советской элиты о преходящем характере сотрудничества с гитлеровской Германией.

Далее *В.К. Волков* вновь затронул вопрос о мотивации ноты советского руководства Берлину от 25 ноября 1940 г., призвав самым серьезным образом отнестись к мыслям, выраженным в этом документе. Это была не игра, а вполне конкретный ответ на германский зондаж советских намерений. Никакой неприемлемости в сталинских требованиях для Гитлера не было. *В.К. Волков* согласен с теми немецкими историками, кто считает, что ре-

шение Гитлера напасть на Советский Союз было вызвано отсутствием у фюрера желания идти на дальнейшие соглашения с Москвой. С точки зрения Гитлера, проще или дешевле было разбить СССР, чем заплатить ту цену, которую запрашивал Сталин.

А.А. Гуров считает, что СССР и Германия были в 1940 г. антагонистами, но никак не союзниками, хотя элементы партнерства (экономического и политического) присутствовали. Почему же все-таки антагонисты? Нацистское руководство заговорило о войне с СССР уже 25 июня 1940 г., т.е. на третий день после подписания капитуляции Франции. 22 июля были уже готовы наброски плана разгрома Советского Союза, а 31 июля на совещании Гитлер практически этот план утвердил³⁵. 18 декабря им был подписан окончательный вариант плана «Барбаросса». Весьма симптоматично, отметил *А.А. Гуров*, что фазы разработки плана нападения на СССР почти синхронно совпадали с подготовкой и утверждением соответствующих мобилизационных планов в Советском Союзе. Эти факты являются еще одним свидетельством того, что СССР и Германия были, прежде всего, антагонистами.

По мнению *Ю.С. Новопашина* (Исл РАН), утверждение, что Москва и Берлин в 1940 г. были антагонистами, не вытекает из схожести политических режимов, господствовавших в обоих государствах, а потому требует более серьезной аргументации и дополнительного изучения.

И.В. Михутина обратила внимание, что уже в 1940 г., несмотря на произошедший раскол ОУН (Организация украинских националистов) на две организации: мельниковскую и бандеровскую, обе они были ориентированы Германией на подрывную работу внутри Советского Союза, прежде всего на Украине.

А.А. Печенкин (Московский педагогический государственный ун-т) вернулся к вопросу, соответствовали ли внешнеполитические интересы сталинского руководства интересам Советского Союза? По его мнению, не во всем и не всегда, но в 1940 г. проводимая Сталиным внешняя политика вполне отвечала интересам Советского Союза. Стоит пристальнее посмотреть на то, в каких

³⁵ 31 июля 1940 г. Гитлер не утверждал никакого, даже предварительного плана разгрома СССР, его к этому времени еще не существовало. Он сформулировал в этот день политическое решение и обозначил общие контуры замысла операции. Поручение о разработке первого варианта подобного плана было дано начальником генштаба сухопутных войск генерал-полковником Ф. Гальдером начальнику штаба 18-й армии генерал-майору Э. Марксу 29 июля (*Гальдер Ф.* Военный дневник: Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. / Пер. с нем., под ред. и с предисл. Д.М. Проэктора. М., 1969. Т. 2. С. 70).

военных конфликтах участвовал Советский Союз в тот период. Речь идет о государствах, которые либо уже были союзниками Германии, либо стали таковыми в ближайшее время. Это – Япония, затем Финляндия и, наконец, Румыния. Польша – это, конечно, особый случай. Хотя поход, начавшийся 17 сентября 1939 г., вряд ли можно назвать войной с советской стороны. Территориальные приращения, которые были сделаны Советским Союзом в 1939–1940 гг., соответствовали его внешнеполитическим интересам и укрепляли оборону страны.

С.З. Случа остановился на нескольких вопросах, поднятых в сообщении М.И. Мельтюхова. Во-первых, амплитуда колебаний в советско-германских отношениях на протяжении 1940 г. Если взглянуть на динамику их торгово-экономических отношений, то возникает несколько иная картина. Самый незначительный германский импорт из Советского Союза падает на январь–март 1940 г., а самый большой – на август–октябрь, причем в сентябре импорт из Советского Союза составлял 17,5% от общего импорта Германии. Далее, что касается германского экспорта в СССР: низшая точка – февраль–март, что почти совпадает с объемом импорта в тот же период, и пик – июнь и декабрь. Причем в июне – это 8,7% от общего экспорта Германии. Теперь о распределении советских поставок в Германию, если брать 1940 г. в целом: за январь–май они составили 16%, за июнь–август – 26% и за сентябрь–декабрь – 22%³⁶. Таким образом, на лето 1940 г. падает максимум советских поставок в Германию. По мнению С.З. Случа, это не совсем совпадает с предложенной М.И. Мельтюховым концепцией периодов потепления и охлаждения в советско-германских отношениях.

Во-вторых, что касается политического решения о нападении на Советский Союз. Здесь одним из важнейших источников является дневник Гальдера. Вот его известная запись о выступлении Гитлера 31 июля 1940 г. «Если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия. Вывод: В соответствии с этим рассуждением Россия должна быть ликвидирована. Срок – весна 1941 года. Начало [военной кампании] – май 1941 года. Маскировка: Испания, Северная Африка, Англия»³⁷. С точки зрения С.З. Случа, после 31 июля 1940 г. для большой германской политики не было уже альтернативы нападению на СССР.

³⁶ Schwendemann H. Die wirtschaftliche Zusammenarbeit zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion von 1939 bis 1941: Alternative zu Hitlers Ostprogramm? В., 1993. S. 367–383.

³⁷ Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 80–81.

В заключительном слове *М.И. Мельтюхов* остановился на проблеме национально-государственных интересов. В теории международных отношений сложился на сегодняшний день консенсус по поводу того, что у любой страны объективный интерес распадается на три составляющие: национальная безопасность, экономическая мощь и благосостояние населения.

Советский Союз уже со второй половины 30-х годов стремился к достижению, прежде всего, равноправия в кругу тогдашних великих держав. Для СССР речь шла в первую очередь о том, чтобы на его границах не было либо потенциально, либо реально враждебного окружения. Переговоры Молотова в Берлине подтверждают, что советское руководство готово говорить в принципе о чем угодно, но только в том случае, если интересы Москвы будут учитываться.

По поводу сказанного С.З. Случае относительно решения Гитлера о нападении на СССР: окончательное оно или неокончательное? Начиная с лета 1940 г. и примерно до конца сентября–октября в германских штабах параллельно разрабатывались операция «Морской лев»³⁸ и операция «Барбаросса», хотя к концу года последняя выходит на первый план. Однако, считает *М.И. Мельтюхов*, любое решение, рассчитанное на перспективу, каким бы окончательным оно ни выглядело в момент его принятия, всегда имеет возможность быть скорректированным. Как известно, операция «Барбаросса» была перенесена с середины мая на вторую половину июня 1941 г. Однако к апрелю 1941 г. сложилась новая ситуация, связанная с необходимостью для Берлина вести войну на Балканах, которую летом 1940 г. предусмотреть было невозможно. Поэтому, утверждает *М.И. Мельтюхов*, реальное решение напасть на Советский Союз было принято все-таки днем 21 июня 1941 г., когда войска, сосредоточенные на Востоке, получили известный пароль «Дортмунд»³⁹, который и

³⁸ 15 сентября 1940 г. ОКВ издало директиву о мероприятиях по маскировке операции «Морской лев» (Dokumente zum Unternehmen «Seelöwe»: Die geplante deutsche Landung in England 1940 / Hrsg. von K. Klee. Göttingen, 1959. S. 426–427), которые фактически предназначались уже для маскировки ее отмены. 19 сентября последовала новая директива ОКВ, предписывавшая приостановить «движение по сосредоточению транспортных средств, если оно еще не закончено» (Ibid. S. 436). Она была первым практическим мероприятием по приостановлению дальнейшей подготовки к уже фактически отложенной на весну 1941 г. операции.

³⁹ Пароль «Дортмунд» был направлен в войска вечером 20 июня (Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht 1940–1945 (Wehrmachtführungsstab) / Zugest. u. erläut. von H.-A. Jacobsen; Hrsg. von P.E. Schramm. Frankfurt a. Main, 1965. Bd. I. S. 408). *М.И. Мельтюхов* смешивает принятие военно-политического решения о нападении на Советский Союз (Entschluß zum Ostfeldzug) с решением об отдаче приказа о нападении (Befehl zum Losschlagen).

развязал нацистскую агрессию. Тот же факт, что со второй половины 1940 г. операция «Барбаросса» постепенно вытесняла в германском руководстве другие альтернативы внешнеполитических действий, сомнений не вызывает.

От составителя. В контексте советско-германских отношений 1940 г. центральным событием, несомненно, было совещание Гитлера с высшим военным руководством 31 июля, на котором он сообщил о своем решении напасть на Советский Союз весной 1941 г. В конкретной обстановке второй половины лета 1940 г. оно играло двоякую роль – осуществление центрального замысла всей внешнеполитической программы Гитлера и одновременно разрешение тупиковой ситуации, связанной с невозможностью для Германии завершить войну на Западе военными средствами или вынудить Великобританию заключить мир с третьим рейхом на условиях последнего. При этом попытки элиминировать «английскую проблему» до начала нападения на СССР, прежде всего путем массированных бомбардировок, а после их провала, переключив внимание на периферийную стратегию и создание широкого антибританского блока, основой которого стал Тройственный пакт, отнюдь не снимались с повестки дня. Однако они представляли собой вспомогательные и промежуточные, а не альтернативные нападению на СССР решения, что лишний раз подтверждается графиком осуществления этих операций, полностью подчиненным срокам осуществления плана «Барбаросса»⁴⁰. Все это в совокупности подтверждает оценку А. Хильгрубером решений июля 1940 г. как «истинного поворотного пункта Второй мировой войны»⁴¹.

Другие события в рамках отношений Германии и СССР – визит Молотова в Берлин, нота Кремля от 25 ноября об условиях присоединения СССР к Тройственному пакту, перепады в торгово-экономических отношениях и т.д. характеризовали больше действия советской стороны, подчеркивая определяющую роль политической составляющей в отношениях между двумя тоталитарными режимами. В сообщении М.И. Мельтюхова и в большинстве выступлений советско-германские отношения представляли преимущественно как «германское направление внешней политики СССР». Вместе с тем мотором международного развития в 1940 г. по-прежнему была политика нацистской Германии, во многом определявшая и температуру в советско-германских отношениях.

За последнее десятилетие в освещении советско-германских отношений конца 30-х – начала 40-х годов произошли немалые позитивные сдвиги, но ситуация все-таки еще далека от раскрытия, как утверждает М.И. Мельтюхов, «общей картины взаимоотношений двух стран в период кануна Великой Отечественной войны». Это объясняется рядом

⁴⁰ Гальдер Ф. Указ соч. Т. 2. С. 277–278; Kriegstagebuch des OKW. Bd. I. S. 204–205.

⁴¹ Hillgruber A. England in Hitlers außenpolitischer Konzeption // Historische Zeitschrift. 1974. Bd. 218. H. 1. S. 78.

причин. Во-первых, сложностью и многогранностью самой проблемы, которая отнюдь не сводится к комплексу дипломатических или экономических отношений Москвы и Берлина. Советско-германские отношения, особенно во второй половине 1940 г., это – ключевая проблема для международных отношений в целом. Во-вторых, недоступностью значительного массива советских политических, военных, экономических, разведывательных и тому подобных документов, не позволяющих адекватно оценить, прежде всего, намерения Сталина, степень его информированности и соответственно реакции на меняющуюся обстановку. В-третьих, разобщенность усилий небольшой группы историков, профессионально занимающихся этой проблемой. И, наконец, в-четвертых, отставание многих публикаций по истории советско-германских отношений от современного уровня знаний по данной теме, предполагающего архивный поиск не как самоцель, а как обоснованное движение вперед от уже достигнутого уровня в исторической науке.

С сообщением «Состояние источниковой базы исследований. Российские документы: опубликованные и архивные» выступил *В.П. Сафронов* (ИРИ РАН). Политика СССР в 1940 г. в советское время была в наибольшей мере закрытой и не обеспеченной опубликованными документами темой. Однако в последнее десятилетие в России имеет место настоящий документальный бум по данной проблематике.

Опубликованные документы можно подразделить на несколько групп: дипломатические⁴², военные⁴³, оперативно-разве-

⁴² ДВП. Т. XXIII, кн. 1–2; Полпреды сообщают...: Сб. документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 – август 1940 / МИД СССР. М., 1990; Советско-румынские отношения, 1917–1941. Т. 2; Трансильванский вопрос: Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946 гг.: Документы российских архивов / Под ред. Т.М. Исламова и Т.А. Покивайловой. М., 2000; 1941 год. Кн. 1–2; Русско-китайские отношения в XX веке / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 2000. Т. 4, кн. 1: 1937–1944 гг.

⁴³ 1941 год. Кн. 1–2; Зимняя война 1939–1940. М., 1998. Кн. 2: И.В. Сталин и финская кампания (стенограмма совещания при ЦК ВКП(б)); Тайны и уроки зимней войны, 1939–1940: По документам рассекреченных архивов / Ред.-сост. Н.Л. Волковский; под общ. ред. В.А. Золотарева. СПб., 2000; Русский архив: Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы: Документы и материалы. В 2-х т. / Сост. В.Н. Варганов и др., под общ. ред. В.А. Золотарева. М., 1997. Т. 18(7–1); Русский архив. Великая Отечественная: Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. / Отв. сост. А.И. Барсуков; под общ. ред. В.А. Золотарева. М., 1993. Т. 12(1); Русский архив. Великая Отечественная: Накануне войны. Материалы совещаний высшего руководящего состава ВМФ СССР в конце 1940 / Отв. сост. В.И. Жуматий; под общ. ред. В.А. Золотарева. М., 1997. Т. 12(2); Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. 1937–22 июня 1941 г. / Отв. сост. А.С. Емелин, под общ. ред. В.А. Золотарева. М., 1994. Т. 13(2–1).

дывательные⁴⁴. В указанных публикациях с той или иной степенью полноты представлены все основные перипетии 1940 г.: советско-финская война; расширение территории СССР; отношения с основными государствами-фигурантами: Германией, Японией, Англией, Финляндией, Румынией, Эстонией, Латвией, Литвой, Болгарией, Италией, США; укрепление обороноспособности СССР; советская разведка.

Дипломатическая сторона советско-финской войны, отраженная в «Документах внешней политики» (ДВП), представлена не вполне достаточно, в том числе переговорный процесс, связанный с посредничеством Швеции в прекращении войны и заключении мира. К примеру, не опубликованы важнейшие записи бесед Молотова со шведским посланником П.В.Г. Ассарсоном, имеющиеся в АВП РФ, в ходе которых советская сторона изложила свои условия мирного договора. Хотя именно эти документы, полагает *В.П. Сафронов*, позволяют утверждать, что целью военной кампании, начатой Сталиным, являлась не аннексия Финляндии и не насаждение там просоветского правительства О. Куусинена, а лишь намерение вернуть Советскому Союзу бывшие российские земли на Карельском перешейке и в Карелии.

Центральное место во внешней политике СССР в 1940 г. занимали отношения с Германией. Опубликованы практически все основные переговоры и записи бесед между советскими и немецкими представителями по экономическим вопросам, в том числе записи бесед со Сталиным. Вызывает, однако, недоумение отказ составителей сборника от публикации документов, отражающих списки заказанных и поставленных сторонами друг другу товаров.

Политическим взаимоотношениям СССР и Германии в публикациях уделено главное внимание. Документы отражают самые разные вопросы, которые обсуждались в то время между Москвой и Берлином. Важнейшие из них касались таких тем, как территориальное переустройство в Прибалтике и Румынии; переселение немецких подданных из этих регионов в Германию; вступление немецких войск в Финляндию и Румынию; гарантии безопасности Болгарии; новое разграничение сфер влияния в мире между державами «оси» и СССР.

Большой интерес представляют опубликованные документы о советско-германских контактах по вопросу передачи Советскому Союзу Бессарабии и Северной Буковины, которые, как счита-

⁴⁴ 1941 год. Кн. 1–2; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов. М., 1995. Т. 1: Накануне. Кн. 1: Ноябрь 1938 г. – декабрь 1940 г.

ет *В.П. Сафронов*, показывают прямую вовлеченность Берлина в эти мероприятия и учет Москвой его позиции. Если сравнить ДВП с немецким изданием «*Akten zur deutschen auswärtigen Politik*» (ADAP), то следует отметить наличие в обеих публикациях тождественных документов о подавляющем большинстве бесед советских руководителей с германскими представителями. И лишь небольшая часть их отсутствует в российском или немецком издании. Например, среди важных документов, не помещенных в ДВП, можно выделить запись беседы Молотова с Шуленбургом от 26 июня 1940 г. по вопросу о согласии Москвы ограничить свои требования к Румынии уступкой Советскому Союзу только Северной Буковины, а не всей области.

Вместе с тем существенным отличием и несомненным преимуществом российских сборников документов является то, что в них приведены полные записи бесед, в то время как с немецкой стороны чаще всего (когда это касается, прежде всего, участия посла Шуленбурга) мы имеем только их краткий пересказ в его телеграммах в Берлин. Между тем, полагает *В.П. Сафронов*, именно существование образцовой немецкой публикации стало примером при подготовке российского издания. Полнота германской проблематики в ДВП особенно выделяются на фоне других тем.

Основные документы об отношениях СССР с Прибалтийскими странами (Эстонией, Латвией и Литвой) в 1940 г. были изданы МИД СССР в сборнике «Полпреды сообщают...» еще в 1990 г. С одной стороны, целью составителей было осудить проявления сталинизма во внешней политике Советского Союза, выразившиеся в использовании Молотовым и другими советскими государственными деятелями формы ультиматумов во взаимоотношениях с государствами Прибалтики. С другой, требовалось обосновать законность их присоединения к СССР. При этом данные мероприятия составители сборника предлагают рассматривать под углом зрения укрепления обороны СССР и трех Прибалтийских стран от угрозы возможной германской агрессии в связи с опасениями Москвы блокирования правящих кругов Эстонии, Латвии и Литвы с фашистской Германией.

Между тем важные аспекты этого процесса вызывают сомнения. В частности, свобода волеизъявления населения Прибалтики и демократичность выборов, проведенных на их территории летом 1940 г. Из опубликованных документов следует, что в выборах участвовали только левые политические силы просоветской ориентации, объединенные в один избирательный блок и получившие почти стопроцентную поддержку голосовавших. С большой осторожностью следует относиться и к опубликован-

ным документам о претензиях Москвы к правительствам Прибалтийских государств, якобы вынудивших ее предъявить им в июне 1940 г. политические ультиматумы, повлекшие за собой все последующие события.

Одним из важнейших сюжетов 1940 г. явилось территориальное переустройство Румынии, произведенное первоначально по инициативе СССР, примеру которого затем последовали Венгрия и Болгария. Этим событиям посвящено большое число документов, опубликованных в России в 90-е годы, два специальных документальных сборника. В них рассматриваются две ключевые темы: уступка Румынией Бессарабии и Северной Буковины Советскому Союзу и позиция СССР в связи с венгеро-румынским территориальным спором из-за Трансильвании. В XXIII томе ДВП и в «Советско-румынских отношениях» достаточно подробно представлена первая из них. Центральное место здесь занимают записи бесед Молотова с посланником Румынии Г. Давидеску в конце июня 1940 г. (в ходе которых советская сторона выдвинула ультиматум о передаче Бессарабии и Северной Буковины), позволяющие лучше уяснить мотивацию советских действий. Для обоснования присоединения Северной Буковины к СССР Москва избрала факт проживания на ее территории некоторого количества украинцев. Но, поскольку этот довод выглядел не очень убедительно, был добавлен и другой – компенсация Советскому Союзу за двадцатилетнюю эксплуатацию Румынией Бессарабии. Из документов явствует и намерение Сталина захватить и Южную Буковину. Этому замыслу не суждено было осуществиться после территориальных гарантий, предоставленных Берлином Бухаресту, и вводом германских войск в Румынию.

Большой новизной отличается комплекс опубликованных документов, содержащихся в ДВП, посвященный советско-английским отношениям в 1940 г., картина которых до сих пор мало была известна. В количественном отношении они занимают второе место после документов по советско-германским отношениям. Материалы полпредства в Лондоне свидетельствуют, что Майский по праву являлся ключевой фигурой в советском дипломатическом корпусе. Исследователями справедливо выделяются записи бесед Сталина и Молотова с английским послом Криппсом и Майского с парламентским заместителем министра иностранных дел Великобритании Р. Батлером летом 1940 г. Не менее важной является и беседа Криппса с А.Я. Вышинским 22 октября 1940 г., в ходе которой британская сторона предложила Москве договориться о взаимных обязательствах соблюдать благожелательный нейтралитет в сложившейся ситуации, заключить пакт о

ненападении, аналогичный советско-германскому, и обещала признать территориальные приобретения СССР, совершенные им с начала Второй мировой войны.

С особым интересом исследователи ожидали появления документов советских разведывательных органов за этот период. Таких материалов опубликовано много. Они свидетельствуют о контроле советской разведки за оперативными передвижениями немецких войск на территориях, прилегавших к западным границам СССР, но и об отсутствии у Москвы на конец 1940 г. конкретных данных о планах Гитлера напасть на Советский Союз.

Необходимо отметить, что сборники документов, подготовленные с помощью сотрудников научных институтов, удались лучше, чем издания, осуществленные в одиночку соответствующими ведомствами. Это, например, относится к сборнику «Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг.», подготовленному учеными Института Дальнего Востока РАН, в котором собран комплект документов, представляющий целостную картину событий. В то время как в ДВП по данной теме имеются большие пробелы, а также часто отсутствует указание о пропуске документов, о которых известно из контекста или из других документальных публикаций.

В.П. Сафронов ответил на вопросы участников «круглого стола».

Вопрос: Вы считаете, что надо публиковать все документы без исключения?

В.П. Сафронов: Это было бы, конечно, идеально, но вряд ли возможно, да и целесообразно. Вместе с тем многие важные документы не публикуются совершенно неоправданно. Например, освещение советско-японских отношений в XXIII томе ДВП вызывает откровенное недоумение и разочарование. Составители изъяли почти все (шесть!) важнейшие (70 машинописных листов) записи бесед Молотова с японскими послами в Москве С. Того и И. Татекава в ходе переговоров о заключении пакта о нейтралитете или ненападении в августе, октябре, ноябре 1940 г. и апреле 1941 г., без которых эту проблему вообще невозможно понять.

Вопрос: В Советском Союзе все делалось согласно решениям ЦК, а иногда и Политбюро. В какой степени эта инстанционная канва отражена в опубликованных сборниках документов?

В.П. Сафронов: Решения высших партийных инстанций в дипломатических документах представлены крайне слабо. Правда, применительно к советско-германским отношениям можно проследить позицию Сталина. В других же случаях, как правило, имеются лишь записи бесед, на основании которых только и возможно сделать вывод, в чем заключалась суть политики. Однако

никаких директивных документов, касающихся внешней политики, мне встречать не приходилось.

Затем началась дискуссия по сообщению В.П. Сафронова.

Как отметила *В.В. Марьина*, прозвучавшее сообщение было полезно. Однако более интересно было бы получить представление и о фондах тех архивов, в которых работают исследователи. Например, особенно для изучения периода 1939–1941 гг. было бы очень полезно познакомиться с дневником советского посла в Лондоне Майского, который находится в АВП РФ. Как и всякий источник, он требует сопоставления с другими документами. Имеющиеся расхождения в записях тех или иных бесед носят далеко не всегда безобидный характер, требуя *post factum* как минимум соответствующих комментариев. Например, помещенная в ДВП запись беседы Бенеша с Майским 22 сентября 1939 г., в частности, касающаяся позиции бывшего президента Чехословакии в отношении Закарпатской Украины, выглядит так: «Что же касается “Рутении” (Карпатской Украины), то она, по мнению Бенеша, непременно должна войти в состав УССР. Еще в бытность свою президентом Чехословацкой республики Бенеш мысленно всегда считал “Рутению” будущей частью СССР»⁴⁵. Запись этой беседы, сделанная Бенешем, расставляет в его позиции иные акценты. На вопрос Бенеша о Подкарпатской Руси (Карпатской Украине), Майский «усмехнулся. Я (Бенеш) сказал, что эта земля наша, что мы имеем на это право... Для нас решение может быть только двояким: или она останется у нас, или, в случае, если они (Советы) будут нашими соседями и потребуют этого, то мы против этого не возражали бы. Ни поляки, ни венгры, а они особенно, не должны ее иметь»⁴⁶. Очевидно, что есть определенное расхождение между этими двумя записями, позиция Бенеша во второй из них выглядит не столь однозначно и категорично⁴⁷. Однако именно документ, опирающийся на первую запись Майского, был предъявлен Бенешу в марте 1945 г. в Москве как отражающий его позицию, когда его вынудили подписать обязательство о передаче Закарпатской Украины СССР⁴⁸.

⁴⁵ ДВП. Т. XXII, кн. 2. Док. 625. С. 122.

⁴⁶ Цит. по: *Марьина В.В.* Чехословацко-советские отношения в дипломатических переговорах 1939–1945 гг. // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 146.

⁴⁷ Опубликованная в ДВП запись беседы Бенеша с Майским от 21 ноября 1939 г. практически полностью совпадает с этой позицией бывшего президента Чехословакии в вопросе о Карпатской Украине (ДВП. Т. XXII, кн. 2. Док. 802. С. 327).

⁴⁸ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 835. Л. 9; *Марьина В.В.* Э. Бенеш: Последний визит в Москву (март 1945 г.): Документальный очерк // Славяноведение. 1996. № 6. С. 83. Примеч. 2.

С.З. Случ также обратил внимание на издание «Документы внешней политики»⁴⁹. Сравнивая освещение советско-германских отношений в 1940 г. в российской публикации ДВП и в немецкой ADAP, необходимо отметить, что в отечественной публикации отражены подробные записи бесед между советскими и немецкими представителями, которые носят более полный характер по сравнению с телеграммами-отчетами немецких дипломатов. Однако, как уже отмечал В.П. Сафронов, в томе фактически отсутствуют инструкции руководства Наркоминдела советским дипломатам в Берлине, что свидетельствует об избирательном подходе публикаторов. Можно предположить и наличие купюр при публикации, причем не оговоренных в тексте. И здесь очень полезна та сопоставительная работа, о которой упоминала В.В. Марьяна. Например, 3 января 1940 г. Риббентроп сообщил Шуленбургу о намерении направить в Москву Н. Роста, который должен изучить возможности влияния немецкой стороны на французскую секцию Коминтерна и зондирования доступа к советским информационным материалам, касающимся французских коммунистов. Риббентроп просил Шуленбурга оказать содействие этой деликатной миссии Роста. 9 января этот вопрос обсуждался германским послом с первым заместителем наркома иностранных дел В.П. Потемкиным. В ДВП содержится запись этой беседы⁵⁰, но в ней нет ни слова о поднятом послом вопросе, хотя в подготовительных материалах Шуленбурга содержится специальный пункт относительно миссии Роста⁵¹. Это дает основания предполагать, что этот пункт был опущен при публикации документа в ДВП или, что менее вероятно, при оформлении записи беседы⁵².

С.З. Случ затронул вопрос о репрезентативности ДВП за 1940 г. Вот как выглядит она в чисто статистическом сопоставлении с ADAP. За период с 1 января по 31 декабря 1940 г. немецкая

⁴⁹ В начале 90-х годов аббревиатура «СССР» в угаре политической конъюнктуры исчезла из названия XXII тома, создав беспрецедентную ситуацию, когда из названия продолжающейся многотомной серии документов не понятно, о каком государстве идет речь. Этот «научный» подход сохранен и при публикации последующих томов.

⁵⁰ ДВП. Т. XXIII, кн. 1. Док. 11. С. 30–31.

⁵¹ ADAP. Bd. VIII. Dok. 521. S. 505.

⁵² Для подобных предположений есть серьезные основания, так как на телеграмме Риббентропа имеется пометка советника германского посольства в Москве В. фон Типпельскирха от 9 января 1940 г.: «Обсуждалось г-ном послом с г-ном Потемкиным, был поставлен вопрос о возможности беседы Роста с руководителем французской секции Коминтерна. П. проверит эту возможность и даст ответ» (Ibid. Bd. VIII. Dok. 501. Anm. 1. S. 469).

публикация содержит 1723 документа, наша – 627, что не может не натолкнуть на предположение, что многие, в том числе принципиально важные документы, не были в нее включены.

С.З. Случ остановился и на комментариях мидовского издания ДВП. В советское время они носили полностью идеологизированный характер. Нельзя сказать, что от этой практики полностью не отказались и в наши дни, принимая во внимание персональный состав редакционной коллегии, в частности О.А. Ржешевского, В.Я. Сиполса и некоторых других. Оставляет желать лучшего и качество комментариев в XXIII томе ДВП, посвященного событиям 1940 г.⁵³ Все это, резюмировал *С.З. Случ*, приводит к выводу, что и к документальным публикациям 90-х годов нужно по целому ряду причин подходить с осторожностью, не забывая о необходимости сопоставления одних публикаций документов с другими, не говоря уже о критическом отношении к комментариям.

В заключительном слове *В.П. Сафронов* выразил свое согласие с тем, что исследователи не могут быть в полной мере удовлетворены теми изданиями документов, которыми они располагают на сегодняшний день. Это относится, прежде всего, к дипломатическим сборникам документов, при издании которых необходимо учитывать опыт, например США. Там, отметил *В.П. Сафронов*, издавали пять-восемь томов документов по каждому году, а у нас – максимум два тома. При этом публикуется в среднем по 40–50 документов, касающихся отношений с крупными государствами, что ничтожно мало по сравнению с имеющимися в фондах документами.

Купюры при публикации документов – это большая беда и давняя болезнь наших издателей, особенно в тех случаях, когда они не оговорены, что неизбежно вызывает недоверие к изданию в целом. Что касается комментариев, то, по мнению *В.П. Сафронова*, здесь необходимо брать за образец западные публикации документов, содержащие лишь те комментарии, без которых действительно невозможно обойтись. В отечественных сборниках часто в примечаниях публикуются оригинальные документы, что недопустимо. В целом же все опубликованное на сегодняшний день – лишь малая толика того, что имеется в архивах.

Разумеется, подытожил *В.П. Сафронов*, то, что уже опубликовано, создает определенную базу для исследования, прежде всего, по таким проблемам, как советско-германские и советско-английские отношения. Но по многим другим проблемам публикации документов явно неудовлетворительные и исследователи

⁵³ Например, см.: ДВП. Т. XXIII, кн. 2. Примеч. 208. С. 819.

должны по-прежнему работать в архивах, хотя сейчас это уже труднее делать, чем раньше. Архивы постепенно закрывают свои фонды, и не исключено, что многие документы будут вскоре опять недоступны для исследователей.

От составителя. Несмотря на то что выступление В.П. Сафронова во многом носило фрагментарный характер и преимущественно затрагивало опубликованные, прежде всего дипломатические, документы, поднятые в нем вопросы представляют значительный интерес для исследователей. Количество опубликованных советских документов по 1940 г., хотя и неизмеримо (соизмерять практически не с чем!) выросло за последнее десятилетие, но все же остается недостаточным для понимания многообразных процессов внутренней и внешней политики СССР.

Подготовители и комментаторы публикуемых документов должны стремиться к полноте информации о фондах архивов. Невозможно, да и в этом нет необходимости, публиковать все или даже большую часть документов, находящихся в архивах. Однако их отбор должен осуществляться на сугубо научной основе, исходить прежде всего следует из важности того или иного документа в общем контексте исторических событий. Комментарий должен нести полезную, дополнительную информацию, облегчающую исследователю ориентацию среди огромного числа опубликованных и поистине необозримого количества неопубликованных документов. Но эта информация не должна быть избыточной и ни в коем случае не носить оценочного характера, если только он не относится к источниковедческому анализу документа. И здесь, конечно, не обойтись без широкого привлечения сотрудников специализированных институтов РАН, знания которых явно недостаточно востребованы при подготовке публикаций документов.

На этом «круглый стол» завершил свою работу. Активное и заинтересованное обсуждение актуальных проблем международного развития в 1940 г. дало немало полезного его участникам. Дискуссия обнаружила не только позитивные сдвиги в разработке целого ряда вопросов, но и лакуны. Так, например, отсутствует целостное представление об изменении соотношения сил в мире после поражения Франции, английском аспекте стратегии прямых и непрямых (периферийных) действий Гитлера в 1940 г., коалиционной стратегии в рамках фашистского блока, о влиянии «фактора США» на политику третьего рейха, отнюдь не исчерпала себя и дискуссия о мотивах и времени окончательного решения Гитлера напасть на СССР и т.д. Все эти проблемы, хотя интерес к ним за последние годы явно снизился, являются актуальными для мировой историографии, особенно под влиянием введения в оборот большого массива ранее неизвестных советских документов. Но еще большее значение они имеют для российской историографии,

стоящей перед сложными задачами не только по осмыслению прошлого собственной страны, но и новому прочтению истории международных отношений, в том числе событий 1940 г.

Явно недостаточно используются исследования зарубежных историков, причем в возрастающей мере наблюдается очередная крайность: если в советской историографии трудно было себе представить исследование международных проблем без учета зарубежной, прежде всего «буржуазной историографии», позволявшей хотя бы в какой-то мере возместить отсутствие возможности работать в архивах, то ныне наличие подобной возможности сплошь и рядом ведет к игнорированию достижений западных коллег. Не случайно в рамках «круглого стола», хотя и состоялась продуктивная дискуссия по некоторым вопросам, общего впечатления о состоянии международной историографии проблем 1940 г., равно как и основным дискуссионным и неразработанным проблемам, в ней так и не сложилось. Последнее в очередной раз привлекло внимание к специфической ситуации в отечественной исторической науке, переживающей в значительной мере период экстенсивного освоения ранее недоступного архивного материала и потому во многом замыкающей на самое себя. Одной из форм преодоления этого определенно затянувшегося состояния является обмен мнениями между историками в рамках «круглых столов», которые, как хотелось бы надеяться, являясь некоторым «раздражителем» научной мысли, дадут импульс новым исследованиям.

Накануне нападения Германии

Внешняя и внутренняя политика СССР в первой половине 1941 года*

28 февраля 2002 г. в Институте славяноведения РАН (Исл РАН) состоялся очередной «круглый стол» в рамках серии исследований «Восточная Европа и Вторая мировая война». Он был посвящен внешней и внутренней политике Советского Союза в первой половине 1941 г. В его работе, организованной Отделом истории славянских народов периода мировых войн, приняли участие научные сотрудники институтов РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, Института военной истории МО, ряда других научно-исследовательских учреждений (всего более 30 человек).

Вступительное слово ведущего «круглого стола» *С.З. Случа* (Исл РАН) было посвящено значению внешней политики Советского Союза в первой половине 1941 г. для мировой и европейской истории, особенно планов, замыслов советского руководства и конкретного их осуществления Кремлем. Эти планы представляли собой переплетение самых различных тенденций, мотивы которых все еще остаются не совсем ясны. Основные усилия внешней политики СССР в первой половине 1941 г. были связаны с балканским регионом, с советско-германскими, советско-японскими, а также с очень непростыми советско-английскими отношениями.

Нынешнее положение с источниками по всем этим вопросам неоднозначно. С начала 90-х годов в России опубликовано более 10 сборников документов, в которых в той или иной степени отражены события первой половины 1941 г. Это немало, и крайне важно, что упомянутые сборники документов были изданы, поскольку ситуация в отечественных архивах, связанная с доступом к документам советской внешней и военной политики этого периода, ныне, к сожалению, заметно ухудшилась. Многие доку-

* Оpubл.: Славяноведение. 2002. № 6. С. 3–39.

менты, которые были еще несколько лет тому назад доступны, вновь закрыты. За последние два года российская историография пополнилась несколькими работами, в которых затрагиваются проблемы, связанные с внешней и военной политикой СССР в 1941 г.¹ Нельзя не отметить и ряд зарубежных работ по этой проблематике, вышедших в это же время².

Как известно, проблемы, связанные с внешней и военной политикой Советского Союза в первой половине 1941 г., стали на протяжении последнего десятилетия предметом острой дискуссии, прежде всего в российской историографии, которую не в последнюю очередь инициировали книги В. Суворова³, а также введение в научный оборот некоторых документов Генштаба РККА⁴. Существует мнение, что эта дискуссия была российским

¹ *Безыменский Л.А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000; *Вишнёв О.В.* Накануне 22 июня 1941 года: Документальные очерки. М., 2001; *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина: Советский Союз и борьба за Европу, 1939–1941 (Документы, факты, суждения). 2-е изд., исправ. и доп. М., 2002; *Молодяков В.Э.* Берлин–Москва–Токио: К истории несостоявшейся «оси», 1939–1941. М., 2000; *Сафронов В.П.* СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане, 1931–1945 гг. М., 2001.

² *Городецкий Г.* Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз / Пер. с англ. М., 2001; *Beyrau D.* Schlachtfeld der Diktatoren: Osteuropa im Schatten von Hitler und Stalin. Göttingen, 2000; *Hoffmann J.* Stalins Vernichtungskrieg 1941–1945: Planung, Ausführung und Dokumentation. 8. Aufl. München, 2001; *Magenheimer H.* Entscheidungskampf 1941 – Sowjetische Kriegsvorbereitungen – Aufmarsch – Zusammenstoß. Bielefeld, 2000; *Müller R.-D., Ueberschär G.R.* Hitlers Krieg im Osten 1941–1945: Ein Forschungsbericht. Darmstadt, 2000; *Osborn P.R.* Operation Pike: Britain versus the Soviet Union, 1939–1941. Westport (Conn.) etc., 2000; *Превентивkrieg? Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion* / Hrsg. von B. Pietrow-Ennker. Frankfurt a. Main, 2000; *Russia in the Age of Wars 1914–1945* / Ed. by S. Pons, A. Romano. Milano, 2000.

³ *Суворов В.* Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну? Нефантастическая повесть-документ. М., 1992; *Он же.* День-М: Когда началась Вторая мировая война? Нефантастическая повесть-документ. Книга вторая. М., 1994; *Он же.* Последняя Республика: Почему Советский Союз проиграл Вторую мировую войну? М., 1995; *Он же.* Очищение: Зачем Сталин обезглавил свою армию? М., 1998; *Он же.* Самоубийство: Зачем Гитлер напал на Советский Союз? М., 2000.

⁴ *Danilov W.* Hat der Generalstab der Roten Armee einen Präventivschlag gegen Deutschland vorbereitet? // *Österreichische Militärische Zeitschrift.* 1993. N. 1; *Данилов В.Д.* Готовил ли Генеральный штаб Красной Армии упреждающий удар по Германии? // Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия: Сб. материалов / Сост. В.А. Неужин; под ред. Г.А. Бордюгова. М., 1995; *Горьков Ю.А.* Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г.? // Новая и новейшая история. 1993. № 3; *Горьков Ю.А., Семин Ю.Н.* Конец глобальной лжи о вероломстве СССР // Военно-исторический журнал. 1996. № 2/6; *Они же.* О характере военно-оперативных планов СССР накануне Великой Отечественной войны: Новые архивные документы // Новая и новейшая история. 1997. № 5.

историкам навязана, что неверно. Во второй половине XX в. мировая историография столкнулась с несколькими острыми дискуссиями, вышедшими за рамки национальных историографий. Одни из них серьезно обогатили мировую историческую науку⁵; другие были в большой или меньшей степени бесплодными, как, например, «Historikerstreit» («спор историков») в ФРГ во второй половине 80-х годов⁶, вылившийся в очевидную перебранку и наклеивание ярлыков, хотя и имевший определенный политический резонанс.

К сожалению, состоявшаяся в Москве в мае 2001 г. международная конференция, посвященная 60-летию нападения Германии на Советский Союз, также не отличалась конструктивностью. Организаторы превратили ее в формальное мероприятие, о чем свидетельствует и опубликованный отчет о проведении этого форума⁷.

Далее С.З. Случ обратился к задачам проводимого «круглого стола». Были предложены следующие проблемы для обмена мнениями: развязка на Балканах и поражение советской внешней политики; советская внешняя политика и пропаганда; вермахт и Красная Армия в 1941 г.; о некоторых аномалиях внешней политики СССР.

С сообщением «Развязка на Балканах и поражение советской внешней политики» выступил Л.Я. Гибианский (ИСл РАН).

Он счел необходимым предварить свое выступление замечанием относительно источниковой базы. Хотя в последние годы стал доступен довольно большой массив новых документов из российских архивов, однако мы по-прежнему лишены, во-пер-

⁵ Речь идет прежде всего о дискуссиях вокруг книг западногерманского историка Ф. Фишера (см.: *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht: Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/18. Düsseldorf, 1961; ders. *Krieg der Illusionen: Die deutsche Politik von 1911–1914.* Düsseldorf, 1969; *Thof B.* Der Erste Weltkrieg als Ereignis und Erlebnis: Paradigmenwechsel in der westdeutschen Weltkriegsforschung seit der Fischer-Kontroverse // *Der Erste Weltkrieg: Wirkung, Wahrnehmung, Analyse / Hrsg. von W. Michalka.* München, 1994) и книги английского историка А.Дж.П. Тейлора (см.: *Taylor A.J.P.* The Origins of the Second World War. London, 1961; *The Origins of the Second World War Reconsidered: The A.J.P. Taylor Debate after 25 Years / Ed. by G. Martel.* Boston etc., 1986).

⁶ «Historikerstreit»: Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung. München; Zürich, 1987; *Maier Ch.S.* Die Gegenwart der Vergangenheit: Geschichte und die nationale Identität der Deutschen. Frankfurt a. Main etc., 1992; *Schneider M.* «Volkspädagogik» von rechts: Ernst Nolte, die Bemühungen um die «Historisierung» des Nationalsozialismus und die «selbstbewusste Nation». Bonn, 1995.

⁷ Новая и новейшая история. 2001. № 6. С. 204–212.

вых, материалов о том, как анализировалась поступающая информация и делались те или иные выводы в Кремле; во-вторых, подготовительных материалов на уровне НКВД, где давались бы оценки событиям и могли вырабатываться предварительные предложения; в-третьих, значительной части документации о деятельности советской дипломатии в отношении Балкан. Не говоря уже, в-четвертых, о недоступности документов Генштаба и разведывательных органов. Это ведет к большой фрагментарности имеющейся картины.

Другое предварительное замечание: за несколько последних лет не появилось новых документов, которые вносили бы сколько-нибудь существенные изменения в представления о советской политике на Балканах в первой половине 1941 г. по сравнению с теми, что были использованы авторами монографии «Восточная Европа между Гитлером и Сталиным 1939–1941 гг.» (М., 1999). Поэтому, не вдаваясь в детали, которые представлены в упомянутом труде, докладчик охарактеризовал общие направления политики СССР в этом регионе.

К началу 1941 г. Балканы оставались почти единственной сферой советской внешнеполитической активности в Европе. Все остальные направления либо были утрачены, либо закрыты, либо представлялись таковыми руководству СССР. Например, на британском направлении в действительности ничто не было закрыто, но советская политика здесь не могла двигаться в силу самоограничений, наложенных Кремлем.

Чего добились Германия к рубежу 1940–1941 гг. на Балканах? С одной стороны, довольно многого, представ перед балканскими странами как наиболее влиятельная и мощная сила на Европейском континенте, армия которой стояла уже не только на границах региона, но находилась внутри него – в Румынии. С другой стороны, поставленная Берлином цель присоединения этих стран к Тройственному пакту на правах подчиненных была достигнута только в отношении Румынии. А все остальные, путем различных дипломатических маневров, от подобного шага пока уклонялись. Правда, Болгария уже достаточно далеко продвинулась в направлении присоединения к пакту, но и в этом случае дело по-прежнему ограничивалось переговорами. А на самом юге региона Италия, захватившая Албанию еще в 1939 г., терпела катастрофическое поражение на греческом фронте.

Вместе с тем перед Германией открывались на Балканах весьма неплохие перспективы, и не только благодаря ее военной мощи, но и вследствие того, что у нее отсутствовали там серьезные противники. Сами балканские страны были разобщены и

найти какую-либо форму объединения для защиты своих интересов не могли, особенно ввиду традиционных территориальных противоречий. Каждая из них искала возможности избежать втягивания в конфликт между великими державами или, по крайней мере, найти сильного покровителя, под защитой которого можно было бы пережить трудные времена. Разобщены были и великие державы, заинтересованные в том, чтобы противостоять Германии и Италии на Балканах, а основным фактором этой разобщенности являлось представление СССР о враждебности ему Великобритании и США. Все попытки англичан на протяжении второй половины 1940 г. наладить контакт с Москвой для противодействия германо-итальянской экспансии на Балканах ни к чему не приводят, наталкиваясь на негативную позицию Кремля. Не вступая в обсуждение того, была она оправдана или нет, замечу, что на этот вопрос ответ давно дала история. Как только такая позиция после 22 июня 1941 г. претерпела изменение, причем в резко ухудшившейся для Москвы ситуации, Запад, при всех возможных оговорках, оказался достаточно надежным союзником СССР на протяжении войны.

Поскольку Англия на рубеже 1940–1941 гг. не предпринимала активных шагов для военного вмешательства на Балканах, а военного присутствия СССР там не было, то для Германии в регионе оставалось большое поле деятельности. К началу 1941 г. там ей противостоять серьезно никто не мог. Что касается советской политики, то она потерпела поражение на Балканах уже в конце 1940 г. То, что произошло на протяжении несколько недель после переговоров В.М. Молотова в Берлине, означало только одно: как только СССР выступил со своими претензиями в отношении Болгарии и проливов, он объективно из положения державы, претендовавшей на роль партнера-соперника Германии в регионе, был отодвинут на маргинальную позицию. Берлин даже не удостоил Москву ответом. Болгары же на предложения СССР ответили отказом.

На этом международном фоне начинается 1941 год, события первых трех месяцев которого развиваются по тому же сценарию. С начала января развертывается мощное немецкое политико-дипломатическое наступление в отношении Болгарии. Запад и СССР, не согласовывая свои действия, а, скорее, мешая друг другу, пытаются этому противостоять, но безрезультатно. Советские демарши, включая заявление ТАСС от 13 февраля, попытки Молотова в беседах с германским послом в Москве графом Ф.В. фон Шуленбургом заявить о том, что советское правительство рассматривает Болгарию как сферу своей безопасности, а

появление любых иностранных войск на ее территории – как нарушающее интересы этой безопасности, Берлин игнорирует. Болгары также не обращают особого внимания на действия Москвы, хотя они еще пытаются как-то смягчить возможную реакцию СССР, опасаясь, вероятно, его вмешательства. Впрочем, как известно из немецкой записи беседы премьер-министра Болгарии Б. Филова с Гитлером в начале января 1941 г., последний заявил, что не следует бояться советского вмешательства, поскольку «русские знают, что в таком случае конфликт расширится на всю протяженность германо-русской границы»⁸.

Западные демарши в Софии тоже тщетны. Миссия эмиссара президента США полковника У. Доновена, которая в литературе обросла немалым числом мифов, дала нулевой результат.

1 марта 1941 г. Болгария присоединилась к Тройственному пакту, и группировка вермахта численностью почти в 700 тыс. человек оказалась на ее территории. Это кардинально меняет всю ситуацию в регионе – Германия становится господствующей силой на Балканах. Такого положения не могут компенсировать ни последовавшая затем высадка английского ограниченного контингента в Греции, ни неудача итальянского наступления против греческой армии в марте. Судьба Балкан решена.

Почти то же самое (до переворота 27 марта 1941 г.) повторяется и в случае с Югославией. Однако есть и отличия. СССР не принимает активного участия в предотвращении присоединения Югославии к Тройственному пакту. Активно действует Англия, пытающаяся не допустить перехода Югославии в лоно «оси». У Лондона гораздо более сильные позиции в Белграде, чем в Софии, да и во главе Югославского государства стоят сторонники проанглийской ориентации. Но у англичан ничего не получается, так как чего-то реального Югославии они не могут предложить.

Что касается советской позиции на югославском направлении, то тут есть одна неясность, связанная с так называемой миссией Б. Симича, человека не официального, отставного полковника. Вокруг этой истории нагромождено немало мифов. В книге «Восточная Европа между Гитлером и Сталиным» была предпринята попытка развеять эти мифы, используя документы югославского военного атташе в СССР полковника Ж. Поповича, с которыми Л.Я. Гибианский ознакомился в архиве Гуверовского института в Стэнфорде. На сегодняшний день остается неясным, предлагало ли советское руководство в начале марта Б. Симичу,

⁸ Akten zur deutschen auswärtigen Politik (ADAP) 1918–1945. Ser. D: 1937–1941. Baden-Baden; Göttingen, 1950–1970. Bd. XI, 2. Dok. 606. S. 851.

находившемуся в Москве, заключить с Югославией военно-политический пакт. На взгляд докладчика, это весьма сомнительно, потому что когда югославское правительство после переворота 27 марта выразило желание заключить подобный пакт, то это не удалось именно из-за советской позиции. Нельзя исключать, что зондаж в этом направлении мог предприниматься, возможно, даже делались какие-то заявления не слишком обязывающего характера, чтобы удержать югославов от присоединения к Тройственному пакту. Однако советские документы на сей счет неизвестны или на сегодняшний день недоступны. На основании югославских документов ничего определенного сказать нельзя. На поверхности лежит совсем другое: СССР явных действий на югославском направлении не предпринимал. Более того, все попытки югославских дипломатов, прежде всего посланника в Москве М. Гавриловича, побудить советское руководство хотя бы к минимальным шагам, подобным заявлению в связи с вводом немецких войск в Болгарию, но превентивного характера, не имели успеха. Кремль на это не идет. Чем это можно объяснить? Если исходить из логических рассуждений, то, по-видимому, превалировала столь типичная тогда оглядка на Берлин, боязнь нарушить систему отношений с Германией, чтобы раньше времени не оказаться вовлеченным в военный конфликт. Это умозрительные, хотя, очевидно, и справедливые соображения. Однако механизм принятия решений в советском руководстве в данном случае, как и во многих других, остается совершенно неясен.

Но германская политика на Балканах дала осечку в связи с переворотом 27 марта в Белграде. На короткое время Югославия оказалась в центре международной политики. И здесь начинается область сплошных загадок. Известно, кто принимал участие в перевороте, хотя неизвестно, кто им руководил, так как документы, связанные с переворотом, отсутствуют. Официально его возглавил командующий югославскими ВВС генерал Д. Симович, но, если судить по некоторым мемуарам, реально – заместитель Симовича генерал Б. Миркович. По сей день в югославской литературе идет дискуссия по поводу событий того времени, но в качестве аргументов выступают только свидетельства мемуаристов, а это – крайне ненадежный источник, особенно, если он единственный.

Для нас более важно другое: какие внешние силы стояли за этим переворотом? Согласно традиционному взгляду, это была британская операция. А по свидетельству П.А. Судоплатова, опять-таки мемуарному, переворот был организован по инициативе и при участии чуть ли не руководства советских спецслужб –

как военной разведки, так и зарубежной разведки НКГБ⁹. Была ли это параллельная акция британских и советских спецслужб, или каждая из них приписывала постфактум себе заслугу в организации или участии в перевороте, остается неясным. Сами участники переворота, причем абсолютно все, утверждают, что он был организован только ими, что ни с какими иностранными спецслужбами они не были связаны.

Сейчас нам определенно известно следующее. Во-первых, сразу после переворота начинаются интенсивные советско-югославские переговоры. Из их содержания становится очевидным, что новое югославское руководство, вопреки всему, что писалось ранее в отечественной и югославской историографии, не проводило проанглийского политического курса. Оно смертельно боялось, что Лондон ввергнет Югославию в войну с Германией. Отсюда следовал вывод: поскольку СССР союзник Германии, необходимо ориентироваться только на него, что позволит удержать немцев от нападения на Югославию.

Во-вторых, новые документы позволяют прояснить и советскую позицию в отношении главного, что до тех пор было содержанием политики СССР на Балканах, т.е. противодействия как Германии с Италией, так и Великобритании. Эта позиция меняется радикальным образом. Теперь советская сторона дает ясно понять югославским представителям, что она не только не возражает, но даже рекомендует им пойти на соглашение с англичанами, получать от них оружие, а СССР будет помогать Белграду тайно. Но на военно-политическое соглашение, к которому так стремилось югославское руководство, Кремль не идет. В результате заключается совершенно беззубый договор.

Правда, в той ситуации любой советско-югославский договор все равно был бесполезен, поскольку решение о нападении на Югославию было принято в Берлине сразу же после переворота в Белграде. Гитлер, как видно из немецких документов, прекрасно понимал, что Советский Союз не выступит активно в защиту Югославии, и потому без колебаний отдал приказ о нападении на нее 6 апреля (а заодно и на Грецию). В результате очередного блицкрига Балканы целиком оказались во власти «оси». Провал попытки Москвы продемонстрировать активность в случае с Югославией убедительно показал, что СССР совершенно не в состоянии вести эффективную внеш-

⁹ Судоплатов П.А. Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 136–137; Он же. Разные дни тайной войны и дипломатии, 1941 год. М., 2001. С. 129, 130.

ную политику, хоть как-то противодействовать дальнейшей экспансии Германии.

Л.Я. Гибианский ответил на вопросы участников «круглого стола».

Вопрос: Что мог реально сделать Советский Союз в той обстановке? Мог ли он позволить себе вести на Балканах политику, которая неизбежно должна была привести к столкновению с Германией?

Л.Я. Гибианский: Не знаю, сколь продуктивно обсуждать альтернативы реальной истории. Расчеты, из которых исходил Кремль в своей тогдашней политике на Балканах, оказались иллюзорными как в смысле противодействия установлению там господства стран «оси», так и в смысле стремления оттянуть военное столкновение СССР с Германией.

Вопрос: Вы говорили о поражении советской внешней политики на Балканах, а в чем состояли ее цели в регионе?

Л.Я. Гибианский: Судя по документам, особенно касающимся переговоров Молотова в Берлине в ноябре 1940 г., включая директивы Сталина к ним, цели состояли в том, чтобы если не весь балканский регион, что было программой максимум, то хотя бы его восточную часть, включая зону проливов, не отдать «оси», а превратить в свою сферу контроля. Но совершенно непонятно, считало ли советское руководство эти цели достижимыми в первые месяцы 1941 г. По поводу Болгарии Молотов в беседах с Шуленбургом буквально накануне ее присоединения к Тройственному пакту продолжал повторять, что это зона интересов безопасности СССР. Трудно сказать, на что при этом был расчет.

Вопрос: Городецкий в книге «Роковой самообман» утверждает, что прогерманский крен югославского правительства заставил Москву застопорить обговоренные поставки военного снаряжения. В какой степени могли бы эти поставки повлиять на позицию Югославии в отношении Тройственного пакта?

Л.Я. Гибианский: Почти весь сюжет, касающийся неосуществленных военных поставок СССР Югославии, заимствован Г. Городецким из рукописи моего доклада на состоявшейся в начале 1995 г. международной научной конференции «Советский Союз и начало войны, 1939–1941» (в книге есть ссылка на эту рукопись), который позднее был опубликован¹⁰. Переговоры о поставках, начатые по югославской инициативе, тянулись с перерывами с сентября 1940 по февраль 1941 г. Несмотря на много-

¹⁰ Гибианский Л.Я. Югославский кризис начала 1941 года и Советский Союз // Война и политика, 1939–1941 / Под ред. А.О. Чубарьяна. М., 1999. С. 207–225.

кратные обещания Москвы, поставки так и не были начаты. Городецкий принимает на веру советские объяснения, данные югославам в феврале 1941 г. Насколько же можно понять из некоторых документов, главным тормозом было опасение Кремля, как бы о таких поставках не узнали в Берлине. Отсутствие военного снабжения из СССР лишало Белград возможности оснащения своей армии. Именно на ее неготовность к противостоянию «оси» ссылались военный министр и начальник Генштаба, когда югославское руководство решало вопрос о присоединении страны к Тройственному пакту. Изменили ли бы советские поставки это решение, можно только гадать. Но то, что их отсутствие усиливало в Белграде тенденцию к капитуляции перед нажимом Гитлера, несомненно.

Вопрос: Существуют две точки зрения на мотивы, побудившие советское руководство заключить договор с Югославией. Согласно Судоплатову, это была попытка затянуть развитие событий на Балканах и таким образом отдалить столкновение СССР с Германией. По мнению Городецкого, Сталин этим шагом хотел усадить Гитлера за стол переговоров в рамках мирной конференции по Балканам.

Л.Я. Гибианский: Документов, которые давали бы ясный ответ на этот вопрос, нет. Можно только строить предположения. Если судить по тому, что на советско-югославских переговорах в начале апреля о заключении договора советская сторона, вопреки своей прежней позиции, высказалась в пользу получения югославами британской военной помощи, Москва была заинтересована в том, чтобы военная операция в Греции при поддержке англичан распространилась и на Югославию. Логично предположить, что целью Кремля было создать на Балканах очаг сопротивления, который хотя бы на время отодвинет нападение на СССР. Но нельзя исключить и возможных расчетов Сталина на то, что в такой ситуации Гитлер будет склонен к новому сговору с СССР, на этот раз по поводу Балкан.

Обсуждение сообщения Л.Я. Гибианского начал *Б.В. Соколов* («Наша общерегиональная газета»). По его мнению, во-первых, не совсем понятно из сказанного, ориентировался Сталин на неизбежное военное столкновение с Германией, или он рассчитывал на какой-то более или менее длительный период мирного сосуществования. Во-вторых, Л.Я. Гибианский утверждает, что, с одной стороны, новое руководство Югославии после переворота обращалось к СССР как к союзнику Германии, рассчитывая тем самым обезопасить себя от германского нападения, а с другой – рассчитывало заключить военный пакт с Москвой, что было бы

явно антигерманской акцией с обеих сторон. Непонятно, как одно сочетается с другим. В-третьих, вопрос о поставках советского вооружения в Югославию носит чисто гипотетический характер, так как они были неосуществимы: путь через Румынию был закрыт, торгового флота у СССР практически не имелось, и даже если бы и была попытка поставок через Средиземное море, то она была осуществима только под защитой англичан. Если с советской стороны и давались обещания поставок вооружения в Югославию, то, скорее всего, это была лишь риторика. Поэтому не стоит придавать данному вопросу большого значения.

Е.Л. Валева (Исл РАН) остановилась на положении в Болгарии как объекте советско-германского противоборства на Балканах. Хотя СССР к концу 1940 г. утратил свои позиции в этом регионе, страх перед ним сохранялся, особенно в тех балканских странах, где были сильными позиции левых сил. К тому же перед глазами царя Бориса и его правительства стоял свежий пример советской оккупации стран Балтии.

К концу 1940 г. возможности политики неприсоединения Болгарии оказались исчерпанными, она фигурировала уже в планах Берлина, готовившего операцию по овладению Балканами. Болгария находилась под большим нажимом не только со стороны великих держав, на царя Бориса оказывала сильное давление внутренняя оппозиция. Коммунисты настаивали на подписании договора с СССР, а правые националистические организации требовали немедленного присоединения к Тройственному пакту.

Болгарские историки задаются вопросом: существовала ли для царя Бориса альтернатива в сложившейся ситуации? По мнению *Е.Л. Валева*, в тех условиях любое сопротивление Германии, помимо того, что Болгария была не в состоянии его осуществить, означало бы ее отказ от идеи национального объединения. В то время как разрыв с нейтралитетом обещал решение этой приоритетной внешнеполитической задачи, хотя бы и ценой превращения страны в сателлита третьего рейха.

Т.М. Исламов (Исл РАН) считает, что при изучении внешней политики СССР кануна войны необходимо исходить не из большевистских идеологических установок, изживших себя еще в 1939 г., а из сложившихся к 1941 г. реальных международных и внутренних условий. В какой мере реальная политика соответствовала «текущему моменту» и высшим интересам государства – таким видится главный, если не единственный критерий анализа. В условиях подавляющего перевеса сил вероятного противника и собственной внутренней слабости, неподготовленности страны, народа и армии к большой войне прагматический интерес, реали-

стичная политика (Realpolitik) не могли быть иными, чем только курс на максимальное оттягивание сроков неминуемого столкновения с Германией.

Л.Я. Гибианский прав, утверждая, что сфера дипломатической активности СССР в Европе к середине 1940 г. сузилась до пределов Балканского полуострова, а также в том, что как этому положению, так и быстрому успеху Германии в регионе в решающей мере способствовала враждебность СССР и Англии. Не совсем точно, однако, что она была «обусловлена советской политикой», ибо враждебность была взаимной. Маргинализация советской внешней политики началась еще раньше, а ее очевидным провалом явился второй Венский арбитраж. Отчетливым рубежом неспособности СССР играть роль великой державы на Балканах стал визит Молотова в Берлин в ноябре 1940 г., и никакое дипломатическое искусство в этих условиях не могло изменить ситуацию. СССР нечего было предложить Балканам, поскольку он не мог позволить себе риск конфронтации со своим формальным союзником. Жаль, что не поставлен элементарный вопрос – какой смысл мог бы иметь военный союз с Югославией весной 1941 г.? Буффонада? Провокация? Скорее последнее. В этой связи сомнительной представляется и «новая ориентация» советской политики – «новое издание» Балканского союза при «опоре на англичан», абсолютно несовместимая «с оглядкой на Берлин».

В.К. Волков (Исл РАН) выразил полное согласие с основным тезисом сообщения Л.Я. Гибианского: советская политика потерпела в 1941 г. полное поражение на Балканах. После нападения Италии на Грецию осенью 1940 г. этот регион оказался на авансцене мировой политики, представляя в последующие полгода поле активного противоборства всех трех главных действующих сторон – Германии, Великобритании и СССР.

Каждый из участников этого треугольника думал о конечных результатах и о дальних стратегических целях. Наверное, большим реалистом в данном случае был Гитлер, хотя он и заблуждался в оценке сил СССР. Тем более, что борьба велась не между Берлином и Москвой, а в рамках всего треугольника. Сталин исходил из следующего предположения: если Гитлер хочет выиграть войну, он должен принимать во внимание интересы Советского Союза и идти на сотрудничество с ним. Гитлер же рассуждал иначе и не собирался считаться с СССР, сделав ставку на широкомасштабную подготовку его разгрома. Оценивая советскую политику, необходимо констатировать, что она исходила из ложных посылок, руководствуясь тем, чем сейчас руководствуются многие историки при ее оценке, а именно – логикой.

Далее *В.К. Волков* попытался ответить на вопрос, что мог предпринять Кремль весной 1941 г. на Балканах, когда в течение нескольких недель на территорию Румынии было переброшено около 700 тыс. солдат и офицеров вермахта. В этой ситуации какие-либо дипломатические шаги были бессмысленны. После того, как германские войска появились и на территории Болгарии, судьба Греции была предрешена, положение Турции оказалось в зависимости от третьего рейха, а Югославия была взята в клещи. Почему все-таки Сталин пошел на заключение 5 апреля 1941 г. договора с Югославией? По мнению *В.К. Волкова*, кроме демонстрации в адрес Гитлера, этот договор ничего не преследовал, будучи лишь очередной попыткой Москвы отстоять свои геополитические претензии.

С.З. Случ высказал сомнения относительно оценки политики Германии на Балканах в 1941 г. исключительно через призму достигнутых успехов. С началом итальянской кампании против Греции в конце октября 1940 г. в этом регионе для Берлина возникли проблемы. Неудачи Муссолини вынудили Гитлера, заинтересованного в том, чтобы на Балканах в то время было все спокойно, утвердить директиву по плану «Марита» (военные действия против Греции), для успешного осуществления которого ему было необходимо присоединение Болгарии и Югославии к Тройственному пакту. С Болгарией уже к началу весны 1941 г. все завершилось благоприятно для третьего рейха. Однако государственный переворот в Югославии, приведший к власти силы, не желавшие столь однозначной ориентации на Германию, означал определенное поражение Гитлера и его политики по расширению фашистского блока за счет балканских стран. Надежда Берлина на достижение соглашения с Белградом исчезла. Гитлер принял решение о проведении военной кампании против Югославии не потому, что он стремился к установлению *в то время* своего господства на Балканах, а потому что он был *вынужден* к нему необходимостью создания предпосылок для осуществления плана «Барбаросса». Однако стремление нацистского руководства после достижения военной победы над Югославией к ее эффективному экономическому использованию было поставлено под сомнение уже в первые месяцы, прежде всего, в силу невозможности при разделе страны хотя бы смягчить национальные проблемы. Напротив, последние получили беспрецедентное обострение, носившее черты «религиозных войн», особенно между хорватами и сербами. С началом же организованной партизанской войны стало очевидно, что в этой части Балкан не удалось создать столь необходимого Гитлеру стабильного положения. Поэтому собы-

тия конца марта 1941 г. и последовавшую за ними операцию вермахта против Югославии вряд ли можно рассматривать только под углом зрения успехов третьего рейха. Целый ряд факторов позволяет рассматривать этот успех только в ограниченных масштабах.

В заключительном слове *Л.Я. Гибанский* остановился на главном вопросе, возникшем в ходе дискуссии: расчеты Сталина по поводу перспектив отношений с Германией и изменения советской внешней политики после потери Балкан. Несмотря на то что данная проблема не являлась предметом его анализа, *Л.Я. Гибанский* высказал несколько соображений методологического характера. При отсутствии многих важных документов советского руководства интерпретация тогдашней политики СССР во многом зависит от того, с каких общих позиций подходить к изучению действий Кремля на международной арене. Если исходить из точки зрения, присущей ряду авторов, о якобы имевших место сталинских замыслах нанесения превентивного удара по Германии, то все может предстать в совсем ином свете, чем если исходить из предположения, что Сталин рассчитывал на возможный дальнейший торг и заключение нового партнерского компромисса с Германией. И наконец, если разделять широко распространенную точку зрения, согласно которой он просто тянул время, чтобы лучше подготовиться к войне, то и интерпретация событий будет совсем другой. Пока исследователи не располагают соответствующими документами, любое толкование мотивов тех или иных действий Сталина может быть только на уровне в большей или меньшей степени обоснованных предположений.

Хотя Т.М. Исламов прав, подчеркивая, сколь лимитировались внешнеполитические возможности Кремля недостаточной готовностью к войне, в огромной мере влияя на сталинскую позицию, этот фактор не был единственным, ее определявшим. Если говорить о Балканах, вовсе не он обусловил продолжавшуюся там до конца марта 1941 г. антибританскую политику Москвы. Для оттягивания нападения на СССР Сталин должен был быть заинтересован в максимальном, желателно военном вмешательстве Англии на Балканах, в возникновении там очага войны, который бы отвлекал Гитлера как можно дольше. Антибританская линия Сталина диктовалась тем, что наряду с несомненным прагматизмом ему был присущ и значительный догматизм, включая достаточно идеологизированный взгляд по ряду международных проблем. В том числе он слишком долго не мог оценить той крупной перемены внешнеполитического курса Англии, которая ознаменовалась приходом У. Черчилля к руководству страной. И

здесь приходится возразить Т.М. Исламову, утверждавшему, будто между СССР и Англией «враждебность была взаимной». По крайней мере, с лета 1940 г. британская позиция стала иной. По поводу же сомнения Т.М. Исламова, имел ли место после 27 марта радикальный поворот советской политики в пользу военного соглашения Югославии с Англией, *Л.Я. Гибианский* сослался на беседу заместителя наркома иностранных дел А.Я. Вышинского с Симичем 5 апреля, которая вряд ли оставляет на этот счет какие-либо сомнения¹¹.

В связи с утверждением Б.В. Соколова, будто есть противоречие между желанием правительства Симовича заключить с СССР военно-политический пакт и отношением этого правительства к Советскому Союзу как к партнеру Германии, *Л.Я. Гибианский* высказал мнение, что никакого противоречия нет. Белград полагал, что, с одной стороны, СССР как явный соперник Германии на Балканах будет содействовать укреплению позиции Югославии перед лицом нацистской угрозы, а с другой – ввиду альянса между Москвой и Берлином Германии будет труднее напасть на Югославию, если та станет союзником СССР.

Что же касается замечания Б.В. Соколова, будто поставки вооружения в Югославию были невозможны, то оно неверно. Во-первых, имелся дунайский путь, где все еще соблюдался международный режим. И югославы были готовы воспользоваться им даже в феврале 1941 г. Во-вторых, был воздушный путь, который югославы хотели использовать для перегона самолетов из СССР. В-третьих, существовал морской путь, к югославской свободной экономической зоне в Салониках. Немцы тогда не контролировали ни проливы, ни восточное Средиземноморье и были не в состоянии противодействовать британским военно-морским силам в этом регионе.

От составителя. Заключив 23 августа 1939 г. с Германией пакт о ненападении, советское руководство полагало, что обеспечило себе определенную свободу политического маневра в Европе. В действительности же оно было жестко ограничено этим соглашением, хотя благодаря ему границы Советского Союза в 1939–1940 гг. и существенно расширились. Не случайно в инструкциях Молотову на переговоры в Берлине в ноябре 1940 г. была сформулирована задача добиваться, чтобы в рамках *нового разграничения* сфер интересов СССР мог получить, прежде всего, Болгарию, с предоставлением ей гарантий Москвы и вводом туда советских войск¹². Как известно, из этого ничего не получилось. В

¹¹ Документы внешней политики (ДВП). М., 1998. Т. XXIII, кн. 2. Док. 751. С. 531–532.

¹² Там же. Док. 491. С. 31.

отличие от двух визитов Риббентропа в Москву, пребывание Молотова в Берлине окончилось безрезультатно, поскольку было инициировано германской стороной вовсе не для того, чтобы вести переговоры или сближать позиции (по дипломатической линии никакая предварительная работа визиту не предшествовала), а прежде всего в дезинформационных целях. Так что апелляции Молотова в беседах с Шуленбургом относительно принадлежности Болгарии «к зоне безопасности СССР»¹³ оставались для Берлина пустым звуком. До бесед Молотова в Берлине в Кремле еще могла сохраняться известная иллюзия свободы действий СССР на международной арене, хотя при этом приходилось все больше учитывать реакцию третьего рейха, что означало ограничение возможности обеспечивать интересы страны рамками не имеющих исторической перспективы конъюнктурных отношений с государствами-участниками Тройственного пакта. Но после предпринятого фиаско берлинских «переговоров» паралич несанкционированной рейхсканцелярией советской внешней политики стал очевидным фактом. Поэтому маргинализация внешней политики СССР – это результат не неудачи того или иного конкретного действия Москвы на международной арене, а длительный процесс, начало которому было положено советско-германскими соглашениями августа–сентября 1939 г. и всей последующей линией Кремля на поддержку агрессивной политики третьего рейха. Попытка повести весной 1941 г. свою «игру» на Балканах, вне зависимости от того, кто стоял за переворотом в Белграде, была запоздалой и ограниченной. Не произведя никакого впечатления на Берлин и не оказав влияния на развитие событий, она больше всего напугала самих ее инициаторов, явно опасавшихся, что не удастся сохранить дружбу с немцами «при любых обстоятельствах»¹⁴.

С сообщением «Советская внешняя политика и пропаганда (май–июнь 1941 г.)» выступил *В.А. Невежин* (Институт российской истории РАН). При изучении проблем внешней и внутренней политики СССР первой половины 1941 г. остается актуальной необходимость прояснения позиции советского руководства по магистральным направлениям взаимоотношений с Германией. Требуется большая ясность в понимании оценок Сталиным и его ближайшим окружением перспектив вооруженного столкновения с немцами. Наконец, еще не до конца определена степень важности внешней политики и пропаганды как необходимых составляющих в процессе принятия сталинским руководством ключевых решений по обеспечению национально-государственных интересов СССР.

Российская историография подключилась к обсуждению проблем, связанных с генезисом советско-германской войны, только

¹³ Там же. Док. 654. С. 344; Док. 699. С. 435.

¹⁴ ADAP. Ser. D. Bd. XII,2. Dok. 333. S. 448.

в 90-е годы. В период холодной войны в советской историографии присутствовала официально-охранительная точка зрения на характер внешней политики СССР накануне войны с Германией. Архивные материалы оставались преимущественно недоступными для исследователей. В подобной обстановке историки писали исключительно о правильности внешнеполитического курса большевистской партии, об исконном миролюбии советского государства. Отсюда и трактовка чуть ли не всех внешнеполитических акций советского руководства в 1939–1941 гг. как направленных на оттягивание войны с Германией. В период «оттепели» в советской историографии появилась кратковременная возможность критики лично Сталина как основного виновника всех неудач во внешней политике, которые привели к катастрофическому для СССР началу войны с Германией. Новые возможности в изучении предвоенного периода советской истории, поначалу весьма скромные, открылись только на этапе Перестройки. В области изучения внешней политики СССР они носили особенно робкий и непоследовательный характер. Так, в конце 80-х – начале 90-х годов тезис о стремлении Сталина любыми путями, в том числе и с помощью внешней политики, оттянуть войну причудливо сочетался с прямыми обвинениями в адрес советского вождя за его попытки «умиротворить» Гитлера весной–летом 1941 г.

Существует общепринятая типология стратегии поведения сторон, вовлеченных в кризис. И в этой типологии термин «умиротворение» обозначает: уступки без активного сопротивления потенциальному противнику. Но такая типология неприменима, когда известно, что хотя бы одна из сторон готовилась к войне. Гитлер вел дело к тому, чтобы кризис перерос в войну. Сталин и сам готовился к войне. Поэтому термин «умиротворение» применительно к действиям Сталина в отношении Гитлера явно неудачен, он не способствует глубокому пониманию ни советско-германских отношений в 1940–1941 гг., ни внешней политики СССР этого периода в целом.

В середине 90-х годов в российской историографии развернулась дискуссия о намерениях и планах советского руководства в 1939–1941 гг. В ходе ее обсуждались среди прочих и внешнеполитические и пропагандистские аспекты подготовки СССР к большой войне. Одним из итогов дискуссии явилась предпринятая М.И. Мельтюховым попытка критического переосмысления тезиса об использовании Сталиным внешнеполитического инструментария для оттягивания войны с Германией. По его мнению, поскольку решение о нападении на СССР Гитлер принимал единолично, то объективно Сталин никак не мог повлиять на окон-

чательный выбор фюрера. М.И. Мельтюхов также выдвинул гипотезу, согласно которой Сталин первым готовился начать войну против Германии¹⁵.

Одновременно в ходе развернувшейся дискуссии шло обсуждение выдвинутой М.И. Мельтюховым и В.А. Невежиным концепции о развертывании советской пропагандой в мае–июне 1941 г. политико-идеологической кампании под лозунгом наступательной войны. Суть ее состоит в том, что после выступления Сталина 5 мая 1941 г. в Кремле перед выпускниками военных академий, в котором он призывал готовиться к большой войне, перейти от обороны к политике наступательных действий, перестроить пропаганду и агитацию в наступательном духе и т.д., началось изменение курса всей советской пропаганды. Изучение ранее не доступных архивных документов, мемуаров, материалов периодической печати, художественной литературы того периода позволило утвердиться во мнении, что в советской пропаганде мая–июня 1941 г. уже преобладали наступательные настроения. Они отчетливо прослеживаются в проектах директивных политико-идеологических документов, подготовленных Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) (УПА) и Главным управлением политической пропаганды РККА (ГУППКА), а также в стенограммах выступлений сталинских соратников – А.А. Жданова, А.С. Щербакова, М.И. Калинина. Эти факты приобрели еще больший вес в связи с полемикой, которая развернулась вокруг опубликованного в начале 90-х годов документа – «Соображений» Генерального штаба РККА от 15 мая 1941 г. «по плану стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками»¹⁶, где содержалась идея нанесения упреждающего удара Красной Армии по вермахту. Подобный нетрадиционный взгляд на события кануна войны вызвал резко отрицательную реакцию сторонников устоявшейся точки зрения. К сожалению, в ходе развернувшейся полемики, последними использовались методы, которые вряд ли можно назвать научными: наклеивание политических ярлыков, причисление оппонентов к сторонникам небезызвестного В. Суворова и т.п.

Несмотря на существенное расширение источниковой базы за последнее десятилетие, пока не удастся достичь качественных сдвигов в понимании механизма принятия сталинским руководст-

¹⁵ Мельтюхов М.И. Указ. соч. С. 334.

¹⁶ 1941 год: В 2 кн. / Сост. Л.Е. Решин и др.; под ред. В.П. Наумова. М., 1998. Кн. 2. Док. 473. С. 215–220.

вом важных внешнеполитических решений. Зачастую, оперируя одними и теми же архивными или опубликованными документами, исследователи, придерживающиеся различных точек зрения на события первой половины 1941 г., приходят к диаметрально противоположным выводам. В качестве примера можно упомянуть различные интерпретации содержания и целей Сообщения ТАСС от 13 июня 1941 г.¹⁷, содержащиеся в работах О.В. Вишнёва, Г. Городецкого, М.И. Мельтюхова, Б.В. Соколова.

Изолированное изучение внешнеполитических акций того или иного государства, особенно в кризисных ситуациях, накануне войны, скорее способно ввести в заблуждение относительно истинных намерений руководства, осуществлявшего их, не позволяет до конца понять механизм принятия политических решений. Заявления дипломатов редко отражают их собственный взгляд на проблему, а за их заверениями зачастую скрывается лишь обычная дипломатическая рутинa. Совсем иное дело – сфера пропаганды. Руководители пропагандистских структур в СССР, в отличие от дипломатов, не могли придерживаться различных точек зрения относительно поставленных перед ними задач. В интерпретации основной политической идеи, которая подлежала внедрению в общественное сознание, они должны были придерживаться и придерживались единой линии. И именно в мае–июне 1941 г. советская пропагандистская машина начала перестраиваться с целью внедрения в общественное сознание настрoений предстоящей наступательной войны.

Введенные за последние годы в научный оборот документы с большой полнотой отражают деятельность центрального идеологического аппарата накануне войны с Германией. В частности, они дают возможность не только смоделировать, но и составить представление о первых результатах развернувшейся в мае–июне пропагандистской кампании. Уже защищено несколько диссертаций о политико-идеологических кампаниях 30–40-х годов в СССР¹⁸, в которых выявлена основная методика их развития.

Как правило, все начиналось с некоей отправной точки. В нашем случае – это выступление Сталина. За ним следуют разъясняющие наставления Жданова, Калинина, Щербакова перед ру-

¹⁷ ДВП. Т. XXIII, кн. 2. Док. 861. С. 734–735.

¹⁸ Гречухин П.Б. Власть и формирование исторического сознания общества в 1934–1941 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 1997; Ушакова С.Н. Идеолого-пропагандистские кампании как способ социальной мобилизации советского общества в конце 20-х – начале 1940-х гг. (на материалах Западной Сибири): Дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001.

ководителями средств массовой информации, кинематографистами (совещание 14–15 мая), армейскими политработниками (выступление Калинина в Военно-политической академии им. В.И. Ленина 5 июня). В основе всех этих выступлений лежат сталинские указания. На следующем этапе начинается работа над проектами директивных материалов в УПА и ГУППКА. Несколько проектов таких директив сохранилось в архивах. Они так и не были утверждены, так как нападение Германии кардинально изменило ситуацию. И это является важным аргументом тех историков, которые считают, что никакой пропагандистской кампании по подготовке населения СССР к наступательной войне не было вообще. При этом совершенно упускается из виду или игнорируется тот факт, что параллельно началась работа по устному доведению до личного состава Красной Армии, до всего населения через пропагандистов-агитаторов содержания еще не утвержденных директив. Это особенно заметно по армейским газетам военных округов, в которых по нарастающей идет разъяснение сущности нового пропагандистского поворота. Личный состав РККА, все население страны совершенно адекватно реагировали на первые шаги по развертыванию этой пропагандистской кампании по подготовке к наступательной войне¹⁹.

Некоторые авторы, критикуя нетрадиционный подход к оценке намерений советского руководства, явно пытаются принизить значимость выявленных, опубликованных и проанализированных политико-идеологических документов, относящихся к маю–июню 1941 г. При этом выдвигаются следующие аргументы. Во-первых, поворот в пропаганде совершался в тиши кабинетов, в бумаготворческой работе руководства УПА и ГУППКА. Во-вторых, кампанию возглавляли Жданов и Щербаков, т.е. важные фигуры в советском руководстве, но не первостепенные. И, наконец, в-третьих, вся политика Сталина была нацелена на то, чтобы оттянуть вступление в войну и начать переговоры с Берлином, чего можно было бы достичь только демонстрируя миролюбие, не провоцируя Германию на конфликт.

А теперь обратимся к фактам. 4 мая 1941 г. было принято решение Политбюро, оформленное опросом в виде постановления пленума ЦК, согласно которому, в частности, Жданов и Щербаков получили чрезвычайные полномочия в сфере пропаганды и агитации в СССР. Это решение было направлено на усиление работы центральных и местных органов в создавшейся сложной международной обстановке.

¹⁹ 1941 год. Кн. 2. Док. 437. С. 158–162.

В действиях Сталина исследователи обнаруживают не только попытки продемонстрировать миролюбие. Как известно, на приеме 5 мая Сталин пресек попытку со стороны одного из выступавших генералов акцентировать внимание на миролюбии внешней политики СССР. В этот период в деятельности Сталина явно прослеживается стремление «поиграть мускулами». Стоит напомнить в этой связи его слова «пусть попробуют», прозвучавшие месяцем ранее, 5 апреля, в ответ на информацию югославского посланника Гавриловича о планах немцев осуществить нападение на СССР в мае 1941 г. Об отнюдь не миролюбивых настроениях Сталина свидетельствует и его речь 5 мая, выдержанная в антигерманском духе. Ее суть сводилась к тому, что Германия ведет агрессивную политику, и война СССР с ней неизбежна.

Известно также, что Сталин сам отредактировал и дополнил опровержение ТАСС от 9 мая, которое можно рассматривать как стремление продемонстрировать немцам советскую военную мощь. Обладая таким значительным комплексом документов, историки, тем не менее, все еще не в состоянии выявить главную парадигму в исследовании внешней политики Советского Союза в предвоенные месяцы – хотя бы на уровне комплексного анализа основных внешнеполитических акций Сталина: принятие на себя обязанностей председателя СНК СССР 4 мая; выступление перед выпускниками военных академий 5 мая; публикация в журнале «Большевик» письма Сталина членам Политбюро «О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма”», написанного еще в 1934 г.²⁰; непосредственное участие Сталина в подготовке текста Опровержения ТАСС от 9 мая, а также, по всей видимости, и Сообщения ТАСС от 13 июня, о предыстории появления которого пока есть возможность судить только по мемуарам С.М. Буденного²¹.

В преддверии войны с Германией Сталин использовал различные политико-пропагандистские и дипломатические методы, но не они были для него главным. В случае любого развития событий Сталин надеялся, что мощная, современная, готовая к наступлению Красная Армия достойным образом встретится на полях сражений с вермахтом.

В.А. Невежин ответил на вопросы участников «круглого стола».

²⁰ Сталин И.В. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // Большевик. 1941. № 9.

²¹ Буденный С.М. Пройденный путь. Главы из четвертой книги // Дон. 1975. № 3. С. 57–58.

Вопрос: В какой мере пропагандистская кампания наступательной войны отражала конкретные внешнеполитические намерения и ближайшие внешнеполитические задачи советского руководства? В какой мере она была направлена вовнутрь, а в какой – вовне? Каковы были настроения в советском обществе накануне этой кампании?

В.А. Невежин: Весной 1941 г. еще действовали Пакт о ненападении и договор «О дружбе и границе» с Германией. Поэтому с началом политико-пропагандистской кампании необходимо было по-прежнему демонстрировать приверженность этим соглашениям, не допуская утечки информации о ее развертывании, тем более в столь напряженный момент. Не случайно 40-минутная сталинская речь перед выпускниками военных академий была отражена в «Правде» лишь в виде краткой информации, из которой трудно было что-либо понять о содержании выступления. Сталин говорил тогда о неизбежности войны с Германией, но по официальным каналам данная информация не была сообщена.

Одновременно через ТАСС 9 мая 1941 г. публикуется опровержение распространявшихся зарубежными информационными службами утверждений о переброске СССР войск с Дальнего Востока к западным границам²². Однако, согласно сводкам НКВД о настроениях в частях Красной Армии, военнослужащие воспринимали Опровержение ТАСС от 9 мая с точностью до наоборот, высказывая в беседах мнение, что советские войска движутся в направлении к германской границе²³.

Пропагандистская кампания под лозунгами наступательной войны, начатая в мае 1941 г., постепенно набирала обороты, о чем сохранились многочисленные архивные документы, но к 22 июня была еще далека от завершения. У большинства населения СССР преобладали мирные настроения, существовала надежда на то, что немцы не нарушат пакт о ненападении.

Спустя лишь неделю после нападения Германии на СССР, 29 июня, была принята директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей, соответствующая обстановке, создавшейся на фронте. Она была «озвучена» в выступлении Сталина по радио 3 июля. Из этого следует, что *до нападения Германии советские пропагандистские органы к оборонительной войне не готовились*. Если бы в распоряжении советского руководства к 22 июня были заранее заготовленные документы, где разъяснялось бы, как вести про-

²² ДВП. Т. XXIII, кн. 2. Док. 822. С. 663–664.

²³ Мельтюхов М.И. Указ. соч. С. 364–365.

паганду в случае нападения врага, то их бы немедленно пустили в дело. В то время как материалы, подготовленные на основании указаний Сталина о пропагандистской подготовке к наступательной войне, после 22 июня 1941 г. оказались никому не нужны и были отправлены в архив.

Вопрос: Между содержанием выступления Сталина по поводу какого-то поворота в пропаганде и конкретным решением об этом повороте может быть существенная разница. Известны ли исследователям решения советского руководства о подобных поворотах?

В.А. Невежин: Проекты директивных материалов УПА и ГУППКА содержат формулировки, прямо «заимствованные» из выступления Сталина 5 мая. Проект ключевой директивы ЦК ВКП(б) требовал согласования со Сталиным, но был передан ему лишь 20 июня.

Вопрос: Известно, что к Сталину приходили многочисленные сообщения о возможном нападении, даже с указанием конкретных дат. Имели ли место какие-либо обсуждения у Сталина этих вопросов или поступавшая информация оседала только в его голове?

В.А. Невежин: Чем больше будет известно документальных свидетельств, подтверждающих, что предупреждения об угрозе нападения Германии на СССР стекались к Сталину по разным каналам, тем меньше вероятность того, что он действительно смог ознакомиться со всеми из них, принимая во внимание объем поступавшей к нему информации, причем не только разведывательной²⁴. Что касается пропагандистской сферы, то из текстов вышеупомянутых проектов директивных материалов следует, что разведанные в какой-то степени были известны руководству УПА. К сожалению, в распоряжении исследователей нет достоверных сведений о том, исходя из каких разведанных Сталин принимал решения о мерах по подготовке к войне.

Вопрос: В книге Ю.Н. Жукова²⁵ много говорится о борьбе в высшем советском руководстве за власть, влияние и т.п. Если эта борьба имела место, то влияла ли она на формирование пропагандистских установок?

²⁴ А.И. Микоян упоминает факт обсуждения донесений разведки, поступивших через посла в Берлине В.Г. Деканозова: «Помнится одно такое донесение мы обсуждали в Политбюро. Сталин говорил, что В.Г. Деканозову английские агенты подбрасывают дезинформацию, чтобы запутать нас, а Деканозов «не такой уж умный человек, чтобы разобраться в этом» (*Анастас Иванович Микоян*. Так было: Размышления о минувшем. М., 1999. С. 377).

²⁵ Жуков Ю.Н. Тайны Кремля: Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000.

В.А. Невежин: Можно привести следующий конкретный пример подобного противостояния, имевшего место во взаимоотношениях между А.А. Ждановым и Г.М. Маленковым. Во время обсуждения на Главном военном совете проекта директивы ГУППКА «Очередные задачи партийно-политической работы в Красной Армии» (4 июня 1941 г.) в ответ на высказывание Жданова о том, что СССР уже вступил «на путь наступательной политики», Маленков тут же заметил: «Документ примитивно составлен (в тексте – изложен. – *Ред.-сост.*), как будто бы мы завтра будем воевать»²⁶. Складывается впечатление, что Жданов на заседании Главного военного совета давал четкие указания о перестройке пропаганды в полном соответствии с тезисом Сталина о необходимости переходить «от обороны к военной политике наступательных действий», в то время как Маленков выступал в роли его оппонента. Объяснение этому следует искать в том, что каждый из них обладал исчерпывающей информацией, но в «своей ячейке». Можно предположить, что Маленков не имел доступа к тем сведениям, которыми уже обладал Жданов после того, как он 4 мая решением Политбюро был назначен заместителем Сталина по Секретариату ЦК ВКП(б).

В дискуссии по сообщению В.А. Невежина А.С. Орлов (Институт военной истории МО) отметил, что в каждом государстве всегда реализуются две политики: политика декларативная, рассчитанная на «внутреннее потребление», т.е. на общество, и политика реальная, которая тщательно скрывается. Что касается «наступательной» пропаганды, то она велась и в 1938, и в 1939, и в 1940, и в 1941 гг., причем варьировалась в зависимости от ситуации: сначала говорили – «малой кровью, могучим ударом», затем несколько сбавили тон – «чужой земли нам не нужно, но и ни пяди своей не отдадим». С одной стороны, советская декларативная политика того времени ориентировалась на то, чтобы «поиграть мускулами», показать внешнему миру – лучше нас не трогайте, лучше живите с нами в мире; этой же цели служат и военные игры, сборы 800 тыс. резервистов, выдвижение к западным границам четырех армий, хотя они фактически пешком шли с Кавказа, и ряд других мер, которые должны продемонстрировать Гитлеру, что нападение на СССР будет чревато серьезными последствиями.

С другой стороны, реальная политика свидетельствует совсем о другом, и прежде всего о страхе Сталина и его окружения.

²⁶ Центральный архив министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 32. Оп. 11302. Д. 20. Л. 84–86. Теперь также см.: Главный военный совет РККА, 13 марта 1938 г. – 20 июня 1941 г.: Документы и материалы. М., 2004. Док. 109. С. 490.

Его выражением стало и известное поведение Сталина во время проводов министра иностранных дел Японии Й. Мацуока 13 апреля 1941 г., об этом говорит и сообщение ТАСС от 13 июня, и т.д. В частности, в не публиковавшейся до недавнего времени части мемуаров маршала Г.К. Жукова упоминается следующий эпизод. За несколько дней до 22 июня 1941 г. С.К. Тимошенко и Г.К. Жуков стали настаивать на проведении оперативно-стратегических мероприятий на случай возникновения войны. На это Сталин резко возразил: «Вы что, толкаете нас на провокацию войны» и далее – «сейчас главное – это не спровоцировать военных столкновений, обстановка накалилась, надо быть осторожным»²⁷. Эти слова, возможно, больше, чем что-либо иное, выдавали страх Сталина, наложивший отпечаток на всю его политику подготовки страны к войне.

По мнению *Л.Я. Гибанского*, сообщение В.А. Невежина опирается на важные архивные источники о соответствующих директивах и тех совещаниях, на которых была взята на вооружение пропаганда наступательной войны. Однако встает вопрос, в каком соотношении находились предшествующая сугубо внутренняя пропаганда, в том числе пропаганда в войсках, и то, что называют новой линией в пропаганде, начало которой было положено в мае-июне 1941 г. Насколько эта линия была новой и в чем именно? Ответа на это В.А. Невежин не дал.

Как полагает *Л.Я. Гибанский*, за полемикой вокруг новых акцентов в пропаганде на самом деле скрывается более важная проблема: готовил СССР весной 1941 г. превентивный удар или нет? И это мешает разобраться в вопросе о реальном характере изменений в пропаганде, как бы разводя всех участников дискуссии на сторонников или противников тезиса о «превентивной войне». Пропаганда наступательной войны находилась в мае-июне 1941 г. еще на самом начальном этапе, широкие круги населения еще не были ею охвачены, можно только предполагать, как она развивалась бы дальше, ни случись нападения на СССР. С другой стороны, известно, что Берлин на протяжении многих месяцев вел в отношении СССР большую дезинформационную игру. А не может ли быть, что советское руководство также решило вести пропагандистско-камуфляжную игру в условиях тяжелого международного положения, которое сложилось для СССР весной 1941 г.?

Представляется важным попытаться ответить на вопрос, чем руководствовался Сталин, высказываясь перед выпускниками военных академий 5 мая? Будучи, как известно, крайне подозри-

²⁷ 1941 год. Кн. 2. Док. 655. С. 501–502.

тельным и мнительным политиком, он должен был отдавать себе отчет в том, что сказанное им в этот день в Кремле не останется только информацией для присутствующих. Тогда, возможно, его выступление преследовало и какие-то иные цели?

Как считает *Б.В. Соколов*, пропагандистская кампания наступательной войны находилась в мае-июне 1941 г. на подготовительной стадии. Однако если бы планировалось нападение на Германию, то она могла бы начаться буквально накануне. Судя по письмам и дневникам немецких солдат, им только 21 июня объяснили, что на следующий день начнется война с большевистской Россией. По мнению *Б.В. Соколова*, развертывание советской пропаганды вряд ли шло бы по иному сценарию.

В.К. Волков высказал несогласие с некоторыми положениями сообщения *В.А. Невежина*. Совершенно неверно, что отечественная историография приступила к изучению генезиса германского нападения на Советский Союз только в 90-е годы, поскольку этой проблемой научная мысль в СССР занималась все время после окончания войны, более того, это являлось одним из генеральных направлений в советской историографии. Другое дело, что в 90-е годы XX в. нас подключили к этому делу со стороны, а именно: появление так называемого *В. Суворова* – это, по мнению *В.К. Волкова*, просто поздняя отрыжка информационно-психологической войны против Советского Союза. Фактически российским историкам эту дискуссию навязали. Конечно, может быть, ее использовали и конструктивно, но какая-то часть участников поддалась на эту уловку.

Вызывает возражение и утверждение, что речь Сталина 5 мая была выдержана в антигерманском духе. Эту речь подверг тщательному анализу немецкий историк *Б. Бонвеч*²⁸, который пришел к выводу, что по своему содержанию она совершенно не была антигерманской, а скорее носила характер официального правительственного заявления. Как теперь стало известно, решение о назначении Сталина председателем Совнаркома состоялось уже накануне. *В.К. Волков* выразил также несогласие с тезисом *В.А. Невежина* о якобы отсутствии политики умиротворения Германии со стороны СССР.

С.З. Случ сопоставил установки в сфере пропаганды в СССР и третьем рейхе. Выступая на закрытом совещании перед пред-

²⁸ *Bonwetsch B.* Stalins Äußerungen zur Politik gegenüber Deutschland 1939–1941. Quellenkritische Bemerkungen // Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion 1941: die Kontroverse um die Präventivkriegsthese / Hrsg. von G.R. Ueberschär, L.A. Bezymenskij, Darmstadt, 1998. S. 150–152.

ставителями прессы 10 ноября 1938 г., Гитлер заявил: «Обстоятельства вынуждали меня десятки лет говорить почти только о мире. Очевидно, что эта многолетняя мирная пропаганда имеет свои теневые стороны, ибо она может легко привести к тому, что в умах многих людей наш режим будет ассоциироваться с решимостью и волей сохранять мир при всех обстоятельствах»²⁹. Действительно, начиная с ноября 1938 г. национал-социалистическая пропаганда постепенно начинает менять акценты, исходя из установки, что не все внешнеполитические цели могут быть достигнуты без применения силы, без войны. А теперь приведем выдержку из директивы начальника ГУППКА Щербакова, относящейся к началу июня 1941 г.: «Внешняя политика Советского Союза ничего общего не имеет с пацифизмом, со стремлением к достижению мира, во что бы то ни стало»; «...ленинизм учит, что страна социализма, используя благоприятно сложившуюся международную обстановку, должна и обязана будет взять на себя инициативу наступательных военных действий против капиталистического окружения с целью расширения фронта социализма»³⁰. Сравнивая эти указания с тем, что говорил Гитлер в ноябре 1938 г., правомерно предположить, что они также были рассчитаны на некоторую перспективу, на то, чтобы заблаговременно подготовить население СССР к мысли о неизбежности крупномасштабной войны.

Что касается вопроса о советской политике умиротворения Германии, то ее последовательное осуществление в самых различных сферах – экономической (резкое увеличение поставок сырья и продовольствия весной 1941 г.), политико-дипломатической (постоянное стремление втянуть Берлин в диалог по тем или иным вопросам, полный разрыв отношений со странами, подвергшимися германской оккупации, и одновременно установление дипломатических отношений с сателлитами третьего рейха), военной (допущение многочисленных нарушений воздушного пространства СССР, не приведение в состояние повышенной боевой готовности западных военных округов и т.д.), не говоря уже о принятых за неделю до нападения Германии решениях Политбюро о переводе немецким фирмам в качестве предоплаты более 1 млн долларов³¹, вряд ли допускает двойственное толкование.

²⁹ Deutsche Geschichte 1933–1945: Dokumente zur Innen- und Außenpolitik / Hrsg. von W. Michalka. Frankfurt a. Main, 1993. Dok. 125. S. 159.

³⁰ 1941 год. Кн. 2. Док. 512. С. 301, 302.

³¹ Там же. Док. 553. С. 364.

В заключительном слове В.А. Невежин отметил, что вопрос об использовании пропаганды в дезинформационных целях представляет несомненный интерес. Бесспорно, что как советская, так и германская сторона накануне 22 июня 1941 г. стремились не упустить такую возможность. При этом, с одной стороны, слова Сталина о необходимости перестройки советской пропаганды в наступательном духе, прозвучавшие 5 мая, нельзя рассматривать как дезинформацию. Это, несомненно, директивное выступление было, в частности, обращено к руководству УПА и ГУППКА. Последние должны были сделать соответствующие выводы и начать работу по перестройке пропаганды. Но, с другой стороны, через корреспондента германского информационного агентства (ДНБ) в Москве Э. Шюле по указанию Сталина прошла «откорректированная», а по существу, искаженная версия его выступления 5 мая. Таким образом, была пущена в ход предназначенная для внешнего мира (в первую очередь для Берлина) информация, точнее, дезинформация об этом событии.

От составителя. Раскрытие затронутой В.А. Невежиным темы в конкретно-историческом плане предполагает анализ целей и действий СССР на международной арене и их преломления в деятельности пропагандистской машины внутри страны, исходя из поставленных высшим политическим руководством задач. Очевидно, что это совершенно разные формы деятельности, хотя они и тесно связаны друг с другом. Политика государства на международной арене обусловлена и ограничена целым набором факторов – как внутренних, так и внешних. Применительно к ситуации, в которой находился СССР весной 1941 г., его внешнеполитическая маневренность была сведена к минимуму, что в очередной раз продемонстрировали события на Балканах. Утверждение В.А. Невежина, что изолированное изучение внешнеполитических акций того или иного государства, особенно в кризисных ситуациях, накануне войны, скорее способно ввести в заблуждение относительно истинных намерений руководства, осуществлявшего их, не подкрепленное никакими фактами, остается декларативным, но отнюдь не нейтральным. Изолированное изучение тех или иных внешнеполитических процессов, конечно, всегда малопродуктивно. Их следует изучать комплексно, с учетом предшествующих действий СССР и его возможностей, в контексте динамичной международной обстановки и, разумеется, исходя их внутривнутриполитического развития (характера политического режима, состояния вооруженных сил и экономики страны, а также общественных настроений). Однако для лучшего понимания механизма принятия решений в Кремле предлагается нечто совсем иное: сосредоточиться на деятельности центрального идеологического аппарата накануне войны с Германией, который, по мнению В.А. Невежина, был наиболее адекватным интерпретатором основной политической идеи, подлежащей внедрению в общественное сознание. Подобный подход неизбежно ведет к абсолютизации деятельно-

сти пропагандистского аппарата, выполнявшего хотя и важные функции по обслуживанию тоталитарного режима, но представлявшего лишь одну из сторон его деятельности. Не говоря уже о том, что в общественное сознание внедрялись идеи, вовсе не обязательно отражавшие конкретные замыслы Сталина, которыми он, как известно, не всегда делился даже с членами Политбюро.

Представляется отнюдь не случайным вывод В.А. Неvejeва о ненаучном характере использования термина «умиротворения» применительно к действиям Сталина в отношении Гитлера на протяжении первой половины 1941 г. В течение десятилетий политика умиротворения, или *appeasement-policy*, ассоциировалась в историографии с политикой западных держав, прежде всего Великобритании, в 30-е годы в отношении держав фашистского блока, усиленно готовившихся к войне³². Только с начала 90-х годов, когда приоткрылись российские архивы, в историографии, преимущественно западной, понятие «умиротворение» стало применяться и для характеристики советской внешней политики первой половины 1941 г. в отношении третьего рейха³³. В российской историографии В.К. Волков в самом начале 90-х годов ввел в употребление понятие «умиротворение агрессора» применительно к сталинской внешней политике с середины апреля до 22 июня 1941 г.³⁴, но оно получило весьма ограниченное распространение. И хотя в основе британской и советской политики умиротворения нацистской Германии лежала различная мотивация, да и положение этих держав на международной арене в период ее осуществления было не сопоставимо, но и в том, и другом случаях к их действиям вполне применима характеристика «умиротворения», как стремления к сохранению мира, если и не любой ценой, то путем весьма значительных уступок, благоприятствующих агрессору, даже принесения в жертву собственных принципов³⁵. Приведенные в ходе дискуссии примеры политического оппортунизма сталинского руководства на международной арене в первой половине 1941 г. вряд ли оставляют сомнения в том, что советская политика вполне заслуживает этого наименования. Фактически выведя советско-германские отношения последних предвоенных месяцев из своего анализа,

³² См.: *The Fascist Challenge and the Policy of Appeasement* / Ed. by W.J. Mommsen, L. Kettenacker. London, 1983.

³³ См.: *Schwendemann H.* Die wirtschaftliche Zusammenarbeit zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion von 1939 bis 1941: Alternative zu Hitlers Ostprogramm? Berlin, 1993; *Gorodetsky G.* Russian «Appeasement» of Germany – Spring 1941 // *Tel Aviver Jahrbuch für deutsche Geschichte.* 1995. Bd. XXIV. N 2.

³⁴ *Волков В.К.* Советско-германские отношения и советская политика на Балканах накануне гитлеровского нападения на СССР (осень 1940 – первая половина 1941 г.) // *Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940 – июнь 1941).* М., 1992. С. 14–16.

³⁵ *Niedhart G.* Friede als nationales Interesse: Großbritannien in der Vorgeschichte des Zweiten Weltkriegs // *Neue politische Literatur.* 1972. H. 4. S. 451.

искусственно ограничив возможности использования самого понятия «политика умиротворения» для характеристики этой важнейшей стороны внешнеполитической деятельности Кремля, В.А. Невежин не дал ответа на вопрос о том, в какой корреляции находились советская внешняя политика и пропаганда накануне войны, а тем самым и о том, что в действительности скрывалось за директивами о разворачивании пропагандистской кампании наступательной войны.

С сообщением «Вермахт и Красная Армия в 1941 году: сравнительный анализ» выступил А.С. Орлов (Институт военной истории МО). С начала нападения Германии на СССР взоры советского народа обратились к Красной Армии. Полагали, что она разгромит и отбросит агрессора в короткие сроки, но произошло совершенно противоположное. Как же могло случиться, что РККА, воспитанная в духе бдительности, длительное время готовившаяся к войне, была захвачена врасплох и не могла сдерживать первоначальный натиск вермахта? На этот вопрос наша историография в разное время отвечала по-разному.

Советская военно-историческая литература объясняла поражение Красной Армии летом 1941 г. преимуществом немцев в численности войск, военной техники, вероломным нарушением договора о ненападении, военно-техническим превосходством Германии. Однако в последние годы выяснилось, что танков и самолетов у нас было намного больше, чем у немцев, что РККА не намного уступала вермахту и по количеству войск, и по качеству вооружений. Однако Сталин не привел войска западных округов в полную боеготовность, и это сыграло роковую роль. Появились и тракторки, согласно которым СССР сам готовил нападение на Германию, но Гитлер, узнав об этом, опередил Сталина. Но насколько все это соответствует действительности? Целесообразно не ограничиваться только военно-политическими оценками, а провести сравнительный анализ состояния Красной Армии и вермахта к лету 1941 г.

Что представлял собой вермахт в 1941 г.? Это – 7,3 млн человек, 71,5 тыс. орудий и минометов, 5700 боевых самолетов, 5600 танков (в 1941 г. до 50% танковых войск составляли средние танки Т-III и Т-IV)³⁶. Их тактико-технические данные были не хуже, чем у многих советских, и уступали только самым последним типам – Т-34 и КВ, которых было не так много. Немецкие самолеты в основном были лучше советских, превосходя их в скорости и в дальности полета.

³⁶ Великая Отечественная война, 1941–1945: Военно-исторические очерки: В 4 кн. / Под ред. В.А. Золотарева и др. М., 1998. Кн. 1. С. 47, 80.

Важнейшим фактором являлась боевая подготовка вермахта. В армии резерва боевая подготовка велась два месяца, в действующей армии – три, т.е. солдат вермахта был полностью подготовлен к действиям во фронтовой обстановке. Регулярно проводились командно-штабные учения. Цель – развитие оперативного мышления немецкого офицера. Отрабатывалось также боевое взаимодействие всех видов вооруженных сил, охранение флангов, умение владеть любым оружием, навыки управления частью или соединением. Были созданы и не менялись с 1939 г. оперативные штабы. Бесперебойно работала связь, в которой упор делался на радио, поскольку готовились к маневренной войне. Это позволило эффективно управлять танковыми войсками, моторизованными соединениями, обеспечить согласованное использование танков и авиации. В ходе кампаний в Польше, Франции и на Балканах было отработано взаимодействие между пехотой и танками, наземными войсками и авиацией, армией и флотом, фронтом и тылом. Велика была и роль морально-психологической подготовки. Победоносный опыт двухлетней войны внушал офицерам и солдатам ощущение непобедимости.

При подготовке нападения на Советский Союз количество танковых дивизий было увеличено с 10 до 21, моторизованных – с 6 до 18. Кадровые офицеры после мобилизации составляли 50% в танковых войсках и авиации, 35% – в пехоте³⁷. Костяком вермахта являлись военнослужащие, имевшие боевой опыт. Поскольку было известно, что на вооружении Красной Армии находится много танков, большое внимание уделялось противотанковой артиллерии, причем особенно 50 мм орудиям, а также 28 мм противотанковым ружьям, количество которых увеличилось за два года в 20 раз³⁸. Главным же фактором, позволившим немцам осуществить свой маневренный удар в 1941 г., была моторизация вермахта, располагавшего 500 тыс. автомобилей, а кроме того 300 тыс. лошадей и повозок³⁹. Большая работа проводилась и по подготовке необходимой инфраструктуры. Все железные дороги были переведены на двухпутную колею. Склады с горючим размещались таким образом, чтобы танковые и моторизованные соединения были обеспечены горючим на 700–800 км марша. Танковые дивизии получали по три комплекта боеприпасов, пехотные – по два. Для войны против СССР Германией и ее союзника-

³⁷ Там же. С. 49.

³⁸ Там же. С. 47.

³⁹ Там же. С. 101.

ми было сосредоточено: 5 млн человек, 4,4 тыс. танков, 4,3 тыс. самолетов, 47,2 тыс. орудий, 246 кораблей⁴⁰.

В то же время в подготовке вермахта к войне против СССР присутствовали и серьезные недостатки. Самый главный из них был связан с ориентацией всей германской стратегии на блицкриг, на маневренную войну и первоначальный сокрушающий удар. Имело место и пренебрежение к будущему противнику: немцы плохо изучали возможности Советского Союза.

Сопоставим все это с тем, чем располагал СССР к июню 1941 г. Пятимиллионной немецкой армии вторжения противостояли советские войска, насчитывавшие около трех миллионов человек. Хотя группировка советских западных округов превосходила противника в танках 3 к 1, в самолетах 1,5 к 1, но из 11 тыс. танков, которые имелись на их вооружении, только 3,8 тыс. были боеготовы⁴¹. Из 29 мехкорпусов, которые должны были быть сформированы, укомплектовали только один⁴². Танков новых типов было 10–12%, а устаревшие типы, уже исчерпавшие свой моторесурс, требовали ремонта, но ремонтная база составляла всего 10% от потребности⁴³. Почему так произошло? Значительная часть заводов перешли на производство новых танков и одновременно было прекращено производство запчастей к старым. Перевооружение армии этими танками должно было завершиться после выполнения третьей пятилетки, т.е. к концу 1942 г.

Схожим было положение и в авиации. Из 9 тыс. самолетов, находившихся в западных округах, 1200 не имели летных экипажей, а 13% были неисправны. Новых типов самолетов (Ил-2, МИГ-3, ЛАГГ-3, Як-1) насчитывалось около 1,5 тыс., но для них имелось только 208 подготовленных экипажей. Кроме того, первая тысяча Як-1, поступившая в войска, не имела радио. Таким образом, количественный перевес по отдельным видам вооружений отнюдь не обеспечивал качественного превосходства. Красная Армия значительно уступала в моторизации: у нас было 270 тыс. автомобилей, у немцев – более чем двукратное превосходство⁴⁴. К тому же наши грузовики ни в какое сравнение не шли с немецкими и другими лучшими автомобилями со всей Европы, находившимися в распоряжении вермахта. Велик был некомплект командного состава в РККА (25% не хватало в сухо-

⁴⁰ Там же. С. 113.

⁴¹ Орлов А. Роковой 41-й: готовил ли Советский Союз нападение на Германию? // Россия XXI. 2001. № 3. С. 83.

⁴² Великая Отечественная война. Кн. 1. С. 83.

⁴³ Орлов А. Роковой 41-й. С. 83.

⁴⁴ Там же.

путных войсках, 30% – в авиации), явившийся результатом репрессий и других причин. 73% командиров закончили только курсы младших лейтенантов или были призваны из запаса⁴⁵.

Тогдашнее состояние Красной Армии не являлось секретом для зарубежных наблюдателей. Вот что сообщал 16 июня 1941 г. американский военный атташе И. Итон: «В сравнении с высокомоторизованными, боеспособными, современными армиями боеспособность Красной Армии в настоящее время находится на относительно низком уровне»⁴⁶. О том же, но позднее писал фельдмаршал К. Маннергейм: «Полученный в финской войне опыт использовать на практике не успели, ибо те же недостатки руководства, тактики и организации, которые были свойственны Красной Армии в войне против нас, проявились на первых этапах советско-германской войны»⁴⁷. И не могли не проявиться. Ведь для того, чтобы встать вровень с вермахтом, недостаточно было иметь только больше танков и самолетов. Боевая подготовка Красной Армии находилась на низком уровне. 16 июня 1941 г. Тимошенко и Жуков докладывали Сталину: «Обучение бойцов и командиров проходит оторванно от основной задачи. Огневая подготовка на низком уровне. Взаимодействие родов войск внутри мехсоединений отрабатывается плохо. Крупные недостатки в подготовке летчиков. Каждый день из-за расхлябанности гибнут 2–3 самолета. Только за первый квартал 1941 г. 71 катастрофа и 156 аварий, убито 141 человек, разбито 138 самолетов»⁴⁸.

Столь низкий уровень объяснялся целым рядом объективных и субъективных причин. В ходе подготовки к войне разворачивалось огромное количество новых частей, которые не могли быть укомплектованы необходимым количеством командного состава и специалистами самого разного уровня, знающими дело и имеющими боевой опыт людьми. Острый дефицит ощущался почти во всем: не хватало горючего, боеприпасов, тренажеров, последних было в наличии только 15% от потребности; механик-водитель становился таковым за 10–12 часов обучения; летчик, направлявшийся в часть, имел не более 12 часов полетов, т.к. в приказах и наставлениях постоянно требовалось соблюдение строжайшего режима экономии во всем – моторесурсе, боеприпасах, горючем. Например, зенитные орудия тренировались на мишенях, пре-

⁴⁵ Орлов А.С. Гитлер, Сталин и Суворов // Аргументы и факты. 1995. № 15. С. 6.

⁴⁶ Великая Отечественная война. Кн. 1. С. 495.

⁴⁷ Маннергейм К. Мемуары / Сокр. пер. с фин. М., 1999. С. 320.

⁴⁸ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 85. Д. 179. Л. 20–21.

дельная скорость движения которых была 250 км/час, а немецкие самолеты летали со скоростью, превышающей 500 км/час⁴⁹.

Все это, конечно, не означает, что наша армия была небоеспособна. Она успешно могла воевать с Японией, Польшей, Финляндией, наверное, неплохо бы воевала даже с Францией, т.е. с теми армиями, которые, как и советская, готовились к *прошедшей* войне. Советские военачальники не представляли себе характера той войны, которую им навязал вермахт. Вот, например, что говорил нарком обороны Тимошенко на совещании в декабре 1940 г.: «В смысле стратегического творчества опыт войны в Европе, пожалуй, не дает ничего нового»⁵⁰. А в действительности там все было новое. Огромные массы танков и авиации вступали в действие в первые часы войны, авиация и диверсанты нарушали управление. Задача была в кратчайшие сроки уничтожить вражескую армию, а не захватить территорию, как в Первую мировую войну. А оперативный план, разработанный в Генштабе РККА, предусматривал 10–15 суток на сосредоточение войск, а на некоторых направлениях даже до 30 суток. Таким образом, время, которое командование Красной Армии собиралось отвести на сосредоточение сил, противник изначально ему не предоставлял. Жуков после войны признавал: «Самым крупным пробелом в нашей военно-политической стратегии являлось то, что не было сделано надлежащих выводов из начального периода Второй мировой войны...»⁵¹ Советские военачальники переоценили силы Красной Армии. На совещании высшего командного состава в январе 1941 г. начальник Генштаба К.А. Мерецков говорил: «При разработке устава мы исходили из того, что наша дивизия значительно сильнее дивизии немецко-фашистской армии. Во встречном бою она, безусловно, разобьет немецкую. В обороне же одна дивизия отразит удар 2–3 дивизий. В наступлении наши полторы дивизии прорвут оборону противника»⁵². Схожие мысли высказывал на этом же совещании генерал Д.Г. Павлов в отношении танковых дивизий. Подобного рода оценки свидетельствовали о том, что советские военачальники не изучали опыт вермахта в кампаниях 1939–1940 гг. и поэтому не понимали характера предстоящей войны. Например, не были своевременно созда-

⁴⁹ Великая Отечественная война. Кн. 1. С. 88.

⁵⁰ Русский архив: Великая Отечественная. Накануне войны: Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. / Отв. сост. А.И. Барсуков; под общ. ред. В.А. Золотарева. М., 1993. Т. 12 (1). С. 339.

⁵¹ 1941 год. Кн. 2. С. 505.

⁵² Цит. по: Кульков Е., Мягков М., Ржешевский О. Война 1941–1945: Факты и документы. М., 2001. С. 47.

ны крупные танковые соединения, хотя у СССР было достаточно танков. Танковые армии были созданы только в 1943 г. Не было и воздушных армий, от которых отказались в 1940 г., хотя авиации было достаточно, но 84% всей авиации было подчинено сухопутным войскам⁵³.

Имелась и еще одна важная причина, которая не позволяла полностью использовать имевшуюся военную технику, осуществлять должное управление войсками. Она заключалась в общей технической и культурной отсталости народов СССР от высокоиндустриальных стран Западной Европы и прежде всего от Германии. СССР вступил на путь индустриализации только в середине 20-х годов. За предвоенное время было сделано очень многое, но преодолеть за 15 лет всю многовековую отсталость России оказалось невозможным.

Поэтому на вопрос, могла ли по своему состоянию, по уровню подготовки Красная Армия предпринять мощное наступление на Германию в 1941 г. с надеждой на успех, необходимо ответить отрицательно. В представленном руководству страны плане стратегического развертывания от 18 сентября 1940 г. говорилось: «1. Активной обороной прочно прикрывать наши границы в период сосредоточения войск. 2. Во взаимодействии с левофланговой армией западного фронта силами юго-западного фронта нанести решительное поражение Люблин-Сандомирской группировке противника...»⁵⁴ Как нанести решительное поражение, об этом военачальники и генштабисты думали, к этому готовились, а вот вопрос, как выстоять 10–15 или 20 дней, необходимых для развертывания войск, не рассматривался. Даже военно-штабные игры, которые проводились в январе 1941 г., начинались не с начала войны, а с ее 15-го дня. В вводной к игре лишь упоминалось, что противник уже прорвался, затем отброшен, и Красная Армия движется вперед. В связи с этим отрабатывалось лишь то, что относилось к наступлению, которое задумывалось достаточно широким, но, разумеется, не таким, как план «Барбаросса». В сравнении с масштабами последнего это наступление планировалось как относительно локальное.

Нанести поражение вермахту теми силами, которые находились в западных приграничных округах, при имевшейся степени боеготовности, не представлялось возможным. Конечно, если бы войска были своевременно приведены в боевую готовность, вероятно, результаты были бы не столь плачевны. Возможно, на

⁵³ Великая Отечественная война. Кн. 1. С. 84.

⁵⁴ 1941 год. Кн. 1. Док. 117. С. 241.

начальном этапе были бы меньшие потери, и Красная Армия быстрее могла бы оправиться от первых ударов вермахта.

Для успешной войны против крупной державы необходимо наличие четырех обязательных факторов: 1) заблаговременно принятое политическое решение; 2) боеспособная и боеготовая армия, способная к активным маневренным действиям; 3) заранее разработанный, детальный план войны, содержащий политические цели ее ведения; 4) опыт ведения войны. Все эти факторы имелись в распоряжении нацистской Германии. В СССР о наличии даже некоторых из них можно говорить только с серьезными оговорками. К примеру, не было никакого политического решения о ведении наступательной войны.

Совокупность перечисленных объективных и субъективных причин обусловила тот ход событий, который произошел летом 1941 г. Понадобилось полтора года кровавой тяжелой учебы на полях сражений, чтобы Красная Армия научилась воевать, стала мощным военным механизмом, не уступающим противнику. Только после Сталинградской битвы можно считать, что синдром 1941 г. был преодолен.

А.С. Орлов ответил на вопросы участников «круглого стола».

Вопрос: Не думаете ли Вы, что если бы Красная Армия была заблаговременно полностью отмобилизована и выдвинута к западным границам, то она была бы там целиком потеряна уже в первые месяцы войны, как это случилось с сотнями тысяч солдат и офицеров в ходе «котлов» под Минском, Вязьмой, Киевом?

А.С. Орлов: Если бы была принята записка от 15 мая 1941 г. Тимошенко и Жукова о нанесении превентивного удара по вермахту, то мы бы потеряли всю армию сразу. Согласно плану «Барбаросса», основные силы Красной Армии, находящиеся в западной части СССР, должны были быть уничтожены «посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев», а «отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено»⁵⁵. И только тогда, когда Красная Армия начала отступать по-кутузовски, по существу, и начал срываться план «Барбаросса», хотя лучше бы, если бы эта задача достигалась не столь высокой ценой.

Вопрос: Какова была эффективность немецкой и советской разведки накануне войны?

А.С. Орлов: Это – очень большая тема, поэтому обращу внимание лишь на некоторые ее аспекты. Информированность нем-

⁵⁵ Там же. Кн. 1. Док. 212. С. 452.

цев была несопоставима с нашей: они прекрасно знали о всех соединениях, находившихся в западных приграничных округах, и степени их боеготовности. Немцы летали над территорией наших западных округов безнаказанно, поскольку с 1940 г. действовал приказ: самолеты люфтваффе не сбивать. Только за последние два месяца перед войной имели место 180 нарушений нашей воздушной границы. Помимо этого, специальным поисковым группам немцев было дано разрешение на территории СССР разыскивать захоронения периода Первой мировой войны. Чем они при этом занимались, стало ясно позднее. Во всяком случае, в западных приграничных округах было немного секретов, которые не были бы известны противнику.

Советская военная разведка докладывала обширные данные о концентрации вермахта на сопредельных с СССР территориях, но вся эта информация поступала к начальнику Главного разведывательного управления генералу Ф.И. Голикову, который, как правило, направлял ее в Кремль с выводом, что все сведения, «говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, быть может, германской разведки»⁵⁶. Сведения, поступавшие из Токио от Р. Зорге, также носили противоречивый характер: сначала указывались одни сроки германского нападения на СССР, затем – другие. Сталин при его огромной подозрительности уже не мог доверять информации такого агента.

По мнению *А.С. Орлова*, винить нашу разведку в целом нельзя, но стратегическую разведку можно. Ведь план «Барбаросса» она так и не сумела заполучить. В отечественных работах можно встретить утверждение, что в январе 1941 г. у Сталина на столе лежал план «Барбаросса». Конечно, Сталину докладывали, что, согласно полученным сведениям, Германия намерена напасть на СССР и это нападение должно произойти в марте 1941 г. Естественно, что никакого доверия таким сведениям не было и не могло быть: нападать на Россию в марте, с ее-то распутицей!

Вопрос: В какой мере катастрофическая ситуация, сложившаяся летом-осенью 1941 г., была обусловлена морально-политическим состоянием Красной Армии к началу войны?

А.С. Орлов: 1 сентября 1939 г. был издан приказ о призыве выпускников средней школы в РККА. В 1941 г. ребята 1923–1924 гг. рождения находились уже в армии, составляя основу командиров младшего звена. И в этом звене морально-полити-

⁵⁶ Там же. Кн. 1. Док. 327. С. 780.

ческий уровень был очень высок, чего нельзя сказать о мобилизованных солдатах и призванных из запаса офицерах.

Вопрос: В директиве Тимошенко и Жукова командующему Западным особым военным округом Павлову от 12 июня 1941 г.⁵⁷ перечислялись прибывающие с 17 июня по 2 июля на территорию округа части (два стрелковых корпуса и инженерный полк). При этом в директиве обращалось внимание, что соединения, прибывающие на территорию округа, в состав Западного особого военного округа не включаются, Военному совету округа не подчиняются и об их прибытии никто не должен знать, кроме очень узкого круга лиц. Чем можно объяснить столь повышенную секретность в данном случае?

А.С. Орлов: В Москве все время боялись спровоцировать немцев. Сталин опасался, что возможна любая провокация с их стороны, особенно, если узнают о выдвигении наших войск в район границы. Не случайно часто передислокация войск осуществлялась пешком, а не по железной дороге. Полагали, что немецким шпионам легче было считать количество эшелонов, а когда войска идут пешком, то за всеми дорогами не уследишь.

Дискуссию по сообщению А.С. Орлова начал *М.И. Мельтюхов* (Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела), остановившийся на вопросе о нехватке в РККА материальной части, горючего и продовольствия. По его мнению, состояние советских вооруженных сил на 22 июня 1941 г. и наличие запасов техники и вооружения в стране вообще – это разные вещи. Если исходить, например, из расчетов Генштаба по потребностям на год ведения войны, то к 22 июня сложилась следующая ситуация: запасы вооружения составляли 101,3%, боеприпасов – 26%, находившиеся на армейских складах запасы продовольствия – 31,2% и горючего – 15,4%. Накопленные запасы и система мобилизации вполне позволяли развернуть армию, превосходящую вермахт по количеству вооружения и в основном обеспеченную другими материальными средствами, что предоставляло возможность эффективно вести боевые действия в начальный период войны. Однако завершение подготовки Красной Армии к войне с Германией планировалось на середину июля 1941 г.⁵⁸ Поэтому в условиях германского нападения значительная часть запасов так и осталась на складах, где и была уничтожена или захвачена противником, что и породило во многом проблему нехватки в войсках необходимых материальных средств.

⁵⁷ Там же. Кн. 2. Док. 547. С. 355–356.

⁵⁸ *Мельтюхов М.И.* Указ. соч. С. 334.

Что касается политического решения о подготовке войны, то разработка любого плана, по мнению *М.И. Мельтюхова*, свидетельствует о том, что решение все-таки есть, в противном случае план никто готовить не будет. Наличие планов войны с Германией говорит о готовности советского руководства отстаивать в случае необходимости свои внешнеполитические интересы, в том числе и военными средствами. При этом *М.И. Мельтюхов* поддержал вывод *А.С. Орлова*, что Красная Армия к 22 июня 1941 г. не была отмобилизована. По его мнению, поскольку в своих планах стороны исходили из разных сроков начала военных действий, СССР явно запоздал со своими подготовительными мероприятиями, с созданием тех предпосылок для ведения войны, о которых упоминал *А.С. Орлов*.

В.К. Волков поставил вопрос о том, что конкретно было известно в Европе о плане «Барбаросса». Здесь необходимо различать две группы источников, а именно: агентурная разведка и техническая разведка. Судя по имеющейся литературе, агентурные сведения относительно плана «Барбаросса» были получены главным образом представителями малых государств, например, югославским военным атташе в Германии полковником *В. Ваухником*. Согласно публикациям о его деятельности, он одним из первых добыл план «Барбаросса», который через посредников был переправлен в Лондон. По утверждению самого *Ваухника*, он передал также данные о плане «Барбаросса» в январе 1941 г. советскому военному атташе и резиденту военной разведки в Германии генерал-майору *В.И. Тупикову*⁵⁹.

Главным источником информации Лондона была изобретенная поляками и усовершенствованная англичанами дешифровальная машина «Ультра», с помощью которой они могли расшифровывать немецкие коды и, соответственно, быть в курсе их секретной переписки. К весне 1941 г. британская разведка располагала уже обширной информацией о концентрации основных сил вермахта вдоль границ СССР, однако только 15 июня Черчилль принял решение о передаче этих сведений Москве. На следующий день заместитель главы Форин оффис *А. Кадоган* сообщил эту информацию советскому послу *И.М. Майскому*.

В беседах с политическими и государственными деятелями государств-сателлитов Гитлер, хотя и в дозированной форме, но также не скрывал своих намерений в отношении СССР. Таким

⁵⁹ *Tezić V. Slom Kraljevine Jugoslavije 1941: Uzroci i posledice poraza*. Beograd: Titograd, 1984. S. 370.

образом, о предстоящей войне Германии против Советского Союза было в той или иной мере известно в разных частях Европы, что, естественно, увеличивало и число информаторов советской разведки. К сожалению, книжка, которую выпустили ФСБ и СВР «Секреты Гитлера на столе у Сталина»⁶⁰ составлена так, чтобы ввести врага в заблуждение, а не предоставить информацию для историков.

С.З. Случ обратил внимание на продолжающиеся в Советском Союзе репрессии, в том числе и в Красной Армии. Согласно информации Прокурора СССР В.М. Бочкова, поступившей на имя Молотова, на 1 января 1941 г. только по указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о самовольном уходе рабочих и служащих с предприятий и учреждений» было осуждено 1955 тыс. человек⁶¹, а к 22 июня 1941 г. их число превысило уже 3 млн⁶². В подобной атмосфере насилия и страха, которой было охвачено все общество, в том числе и лица, ответственные за отбор и обобщение разведанных, с одной стороны, и перманентно ухудшавшейся международной обстановки – с другой, адекватная интерпретация разведывательной информации, как одной из составляющих подготовки страны к войне, приобретала особое значение. Однако ее решение, замыкавшееся на одном человеке, носило типичный для тоталитарных режимов характер – догматические полностью идеологизированные схемы имели очевидный приоритет перед анализом реальной, хотя и противоречивой информации.

По мнению *С.З. Случа*, мощь и возможности вермахта были явно переоценены руководством Красной Армии. Например, в докладе помощника военного атташе СССР в Германии от 21 апреля 1941 г. говорилось, что численность боевого состава немецкой авиации с резервами составляет не менее 20 тыс. самолетов. Разведуправление Генштаба РККА, уточняя эти сведения, указывало, что Германия располагает 20 700 самолетами, из них 10 980 самолетами в строю⁶³. В действительности накануне

⁶⁰ Секреты Гитлера на столе у Сталина: Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР, март-июнь 1941 г.: Документы из Центрального архива ФСБ России. М., 1995.

⁶¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 413. Л. 76.

⁶² *Стецовский Ю.С.* История советских репрессий. М., 1997. Т. 1. С. 71.

⁶³ Военно-Воздушные Силы Германии и СССР: Документы ЦАМО РФ о состоянии германских и советских ВВС, 1941 г. // Исторический архив. 1998. № 1. С. 68.

22 июня 1941 г. численность люфтваффе фронтового назначения составляла 5599 самолетов, что означало всего лишь незначительное увеличение по сравнению с кануном Западной кампании в мае 1940 г., а число боевых самолетов в результате потерь, понесенных люфтваффе в ходе «битвы за Англию», даже сократилось. При этом свыше 1800 самолетов, в том числе свыше 1200 боевых, предназначались для других театров военных действий или находились в резерве. Таким образом, только 68% от общего числа самолетов предназначалось для использования на Восточном фронте, а именно 3807 машин, из них боеготовых к 22 июня было 2513⁶⁴. И это только один из примеров того, что вермахт, несомненно, представлял собой очень большую силу, но его реальная мощь и возможности могут быть правильно оценены только при сопоставлении как с противостоящим ему противником, так и с масштабом стоявших перед ним задач.

В заключительном слове *А.С. Орлов* обратил внимание на поднятые в ходе дискуссии вопросы. По его мнению, Красная Армия, действительно, располагала к началу войны значительными запасами военной техники, боеприпасов, а также горючего, которые находились и в западных округах, и в тылу. Однако в условиях крайне низкой моторизации РККА доставка, например, горючего со склада превращалась в трудноразрешимую задачу. И эта проблема существовала не только в начале войны: в нужный момент горючего в потребном количестве, как правило, не хватало.

Что касается военных планов, то их разработка – это рутинная, повседневная работа Генштаба на все случаи жизни, даже самые невероятные. Однако, по мнению *А.С. Орлова*, историки должны анализировать только те из них, которые так или иначе, по крайней мере, пытались реализовать, а не те, что так и остались на бумаге.

Характеризуя деятельность советской разведки накануне войны, необходимо четко различать основные ступени прохождения разведывательных данных: агентурная разведка, войсковая разведка, аппарат Разведуправления Генштаба. Пройдя через все эти этапы разведывательная информация попадала к Сталину, за которым в отсутствие единого центра по анализу информации, поступающей по самым различным каналам, оставалось фактически единоличное право по ее оценке и одновременно принятию соответствующих решений. Надо отдавать себе отчет в том,

⁶⁴ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg / Hrsg. vom Militärgeschichtlichen Forschungsamt. Stuttgart, 1983. Bd. 4. S. 316.

что часто к разведке не прислушивались, ее донесениям не верили, их просто игнорировали, причем по самым разным причинам. Конечно, советская разведка не всегда смогла добывать достоверные данные, ошибалась она и в конкретике, в основном в сторону преувеличения сил противника. Разумеется, вермахт не был столь мощной армией, как могло сложиться впечатление, в том числе и по донесениям разведки, но задача данного сообщения заключалась в сопоставлении, а в сравнении с Красной Армией лета 1941 г. он был очень силен.

От составителя. Сравнительный анализ состояния вермахта и Красной Армии накануне 22 июня 1941 г. позволяет дать ответ на целый ряд весьма важных не только сугубо военных, но и политических вопросов. Сопоставление численности вооруженных сил, количества и качества основных видов боевой техники, находившихся в войсках, несомненно, важные составляющие такого анализа. Но они не исчерпывают военного аспекта проблемы. Особое значение имела готовность вооруженных сил в целом и, прежде всего, офицерского корпуса к ведению современной войны в условиях резко меняющейся обстановки. Дискутируя о гипотетической возможности или невозможности Красной Армии вести наступательную войну против Германии в 1941 г., не всегда в полной мере принимают во внимание указанные факторы. В этой связи хотелось бы обратить внимание на два документа, характеризующие состояние командного состава РККА различного уровня в конце 1940 – начале 1941 г. В акте приемки наркомата обороны Тимошенко от Ворошилова от 7 декабря 1940 г. констатировалось: «Качество подготовки командного состава низкое, особенно в звене взвод-рота, в котором 68% имеют лишь краткосрочную 6-месячную подготовку курса младшего лейтенанта»⁶⁵. 25 января 1941 г. наркомат обороны и Генштаб издадут директиву «Об итогах и задачах оперативной подготовки высшего командного состава Красной Армии», в которой отмечалось: «Опыт последних войн, походов, полевых поездок и учений показал низкую оперативную подготовку высшего командного состава, войсковых штабов, армейских и фронтовых управлений и особенно авиационных штабов», которые «имеют лишь начальные знания и поверхностное представление о характере современной операции армии и фронта. (...) Часть высшего командного состава до сих пор остается на уровне опыта гражданской войны и пытается перенести его на современность...» Высшему командному составу и штабам предписывалось в сжатые сроки резко повысить уровень оперативной подготовки в соответствии с поставленными задачами, представив годовой отчет об их выполнении к 1 ноября 1941 г.⁶⁶ Трудно представить, чтобы Сталин, не

⁶⁵ 1941 год. Кн. 2. Док. П31. С. 625.

⁶⁶ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР, 1937 – 22 июня 1941 г. / Отв. сост. А.С. Емелин; под общ. ред. В.А. Золотарева. М., 1994. Т. 13 (2–1). Док. 96. С. 224–226, 229.

устранив столь серьезные недостатки буквально во всех звеньях командного состава РККА, не говоря уже о других многочисленных провалах в подготовке вооруженных сил, мог делать ставку на ведение наступательной войны против Германии уже в 1941 г.

Но означало ли это, что в Генштабе не велась разработка соответствующих планов заранее? А.С. Орлов прав, что разработка военных планов «на все случаи жизни» действительно должна быть рутинной стороной деятельности Генштаба. Однако подготовка конкретного плана наступательной войны, да еще крупномасштабной – это уже не совсем рутинная работа, требующая соответствующих указаний политического руководства. Она, конечно, может начаться еще до того, как принято окончательное политическое решение, когда процесс вызревания последнего становится очевиден для руководства вооруженных сил. Так, кстати, произошло в третьем рейхе, где подготовительный этап разработки плана войны против СССР относится к началу июля 1940 г. (к этому времени начальник Генштаба сухопутных войск генерал Ф. Гальдер был уже неофициально информирован, что внимание Гитлера «нацелено на Восток»)⁶⁷, тогда как политическое решение на этот счет было сформулировано фюрером в конце июля. В СССР, где самостоятельность высшего генералитета была значительно меньше, чем в Германии, начальник Генштаба вряд ли отдал бы приказ о разработке плана наступательной войны, не имея на то указаний Сталина. Наличие или отсутствие последних к началу весны 1941 г. можно было бы косвенно проследить по оперативным документам Генштаба, например, по плану стратегического развертывания вооруженных сил СССР от 11 марта 1941 г., если бы он был опубликован полностью⁶⁸. Однако при публикации была опущена именно та его часть, которая относится к развертыванию Красной Армии на Западе, и это, естественно, расширяет поле для различного рода предположений о причинах такого рода купюр... Дополняя исследование реального состояния вооруженных сил, изучение оперативных планов, хотя и оставшихся на бумаге, директив, других генштабовских документов имеет, несомненно, большой интерес для историков, позволяя расширить наши представления не только о военной, но и политической стороне решений, связанных с подготовкой РККА к войне. Принимая во внимание различные «нестыковки» и пропуски в опубликованных оперативных документах, не говоря уже о большом их массиве, остающемся по-прежнему недоступным для исследователей, наряду с недостаточной изученностью целого ряда важных аспектов военной и военно-экономической политики СССР накануне войны, необходимо признать, что многое здесь все еще остается неясным. Поэтому нельзя не согласиться с точкой зрения военного историка П.Н. Бобылева, что в дискуссии о планировании в

⁶⁷ Halder F. Kriegstagebuch: Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres 1939–1942 / Bearb. von H.-A. Jacobsen. Stuttgart, 1962. Bd. 1. S. 375.

⁶⁸ 1941 год. Кн. 1. Док. 315. С. 741–746.

Генштабе РККА возможной войны с Германией в 1940–1941 гг. «точку ставить рано»⁶⁹.

С сообщением «О некоторых аномалиях внешней политики СССР (апрель–июнь 1941 г.)» выступил *В.К. Волков*. Катастрофическим поражениям, которые испытала Красная Армия летом 1941 г., предшествовали столь же масштабные заблуждения высшего советского руководства, а именно Сталина и Молотова, которые определяли внешнеполитический курс страны. Когда слухи о предстоящем нападении Германии на СССР, курсировавшие по Европе уже не одну неделю, приобрели поистине лавинообразный характер, все более подкрепляясь весомыми фактами, Г. Димитров утром 21 июня позвонил Молотову и в осторожной форме попросил поговорить со Сталиным: не будет ли каких указаний для зарубежных компартий в связи с создавшимся положением? Пообещав переговорить, Молотов заметил: «Положение неясное. Идет большая игра. Не все зависит от нас»⁷⁰. Что же «неясного» было для Молотова всего да сутки до германского нападения на СССР? И если, по его мнению, от советского руководства зависело «не все», то что же могло все-таки зависеть? На что Сталин и Молотов рассчитывали, на что могли еще надеяться в тот момент? Каковы были причины их стратегического просчета?

Заблуждения кремлевского руководства относились, конечно, не к последнему мирному дню, а имели длительную предысторию. Условно их начальный этап можно датировать переговорами Молотова в Берлине в ноябре 1940 г. и сделанными по их результатам выводами. Советское руководство всерьез отнеслось к предложению Гитлера присоединиться к Тройственному пакту, выдвинув при этом условия, на которых оно было готово пойти на этот шаг. Основным его требованием было признание советских интересов на Балканах и в районе черноморских проливов⁷¹. В течение последующих месяцев Кремль упорно стремился следовать этому курсу и отстаивать свои интересы, несмотря на полное нежелание нацистского руководства считаться с ними. Последним аккордом в проведении этого курса было заключение договора с Югославией о дружбе и ненападении 5 апреля 1941 г., ко-

⁶⁹ *Бобылев П.Н.* Точку в дискуссии ставить рано. К вопросу о планировании в Генеральном штабе РККА возможной войны с Германией в 1940–1941 годах // *Отечественная история*. 2000. № 1. С. 41–64.

⁷⁰ *Димитров Г.* Дневник, 9 март 1933 – 6 февруари 1949. София, 1997. С. 235.

⁷¹ *Волков В.К.* Балканские проблемы в отношениях Советского Союза и Германии в 1940 г. // *Восточная Европа между Гитлером и Сталиным*. 1939–1941 гг. / Отв. ред. В.К. Волков, Л.Я. Гибианский. М., 1999. С. 241–296.

торый не смог ни предотвратить германского нападения на эту страну, ни ее быстрого разгрома, лишь зафиксировав полный провал политики СССР на Балканах.

Германская агрессия против Югославии стала водоразделом, своего рода исходным пунктом в складывании новой тактической линии советской внешней политики. Ее начало, по мнению *В.К. Волкова*, можно датировать театральным появлением Сталина и Молотова 13 апреля на вокзале, где дипломаты провожали японского министра иностранных дел Й. Мацуока, который в тот день подписал пакт о нейтралитете между двумя странами. Отыскав в числе провожающих германского посла Ф. Шуленбурга и помощника германского военного атташе Х. Кребса, Сталин каждому из них (с небольшими вариациями) сказал: «Мы должны остаться друзьями с вами – в любом случае!»⁷² Этот эпизод приковал внимание всего дипломатического корпуса в Москве, на что, собственно, и был рассчитан. При этом слова Сталина точно отразили суть новой политической линии – курс на «умиротворение» Берлина, в основе которого лежало стремление избежать столкновения с Германией.

13 апреля отделяют от 22 июня ровно 10 недель. Небольшой отрезок времени вместил в себя много событий, которые можно подразделить на несколько этапов. Первый их них, занявший месяц, связан с выработкой новой тактики Кремля и принятием первых решений, затрагивающих как внутреннюю, так и внешнюю политику. Последовавшие за ними мероприятия должны были быть значимыми и знаковыми, выступая в качестве показателей смены курса. При их анализе следует принимать во внимание также ту информацию, которой располагало советское руководство, равно как и ее оценку, а также комплекс дезинформационных действий германской стороны.

Разведывательные данные, поступавшие в Москву, довольно полно характеризовали осуществлявшуюся в Германии подготовку к нападению на СССР, о чем, в частности, свидетельствовал доклад начальника военной разведки генерала Голикова руководству страны от 20 марта. Однако вывод, сопровождавший этот документ, что Германия может начать действия против СССР не ранее, чем будет достигнута победа над Англией или заключен с нею мир, по позднему признанию самого Голикова, был подогнан под представления Сталина. Симптоматично, что

⁷² *Fleischhauer I.* Diplomatischer Widerstand gegen «Unternehmen Barbarossa»: die Friedensbemühungen der Deutschen Botschaft Moskau 1939–1941. Berlin; Frankfurt a. Main, 1991. S. 304.

германские дезинформационные мероприятия шли в том же направлении. Не исключено, полагает *В.К. Волков*, что германская разведка была информирована о подобных взглядах и настроениях Сталина и учитывала в своих действиях его психологию и мотивацию поведения. Помимо дезинформации военного характера была запущена и различного рода политическая дезинформация, в том числе о планируемых якобы в Берлине в ближайшее время советско-германских переговорах на высшем уровне. В статье *О.В. Вишлёва* отмечается коварство такого замысла, который как бы навязывал Кремлю выжидательную позицию и создавал ложное представление о порядке действий Германии на ближайшее время⁷³. Проблема немецкой дезинформационной деятельности в преддверии осуществления плана «Барбаросса» все еще остается очень слабо изученной⁷⁴, представляя собой одну из приоритетных задач российской историографии.

По мнению *В.К. Волкова*, действия советского руководства весной 1941 г. явно строились из расчета предстоящих переговоров с Германией. Во второй половине апреля созрел замысел наделить Сталина высшей государственной должностью, что и было оформлено решением Политбюро ЦК ВКП(б) 4 мая 1941 г. о назначении его председателем Совнаркома СССР. Смысл замены Молотова Сталиным на посту главы правительства состоял в том, что она, ничего не меняя в объеме власти последнего внутри страны, коренным образом меняла статус Сталина на международной арене. В новом качестве он мог уже на равных встретиться с канцлером Германии⁷⁵, этот шаг как бы подготавливал почву для двусторонних переговоров.

Оставалась еще проблема отношений СССР с Тройственным пактом и Антикоминтерновским пактом. Как считает *В.К. Волков*, дальнейшее существование Коминтерна служило бы помехой на этом направлении. 20 апреля 1941 г. Сталин в «неформальной обстановке» (на концерте в Большом театре) в присутствии членов Политбюро завел разговор с Димитровым о том, что Коминтерн в новых условиях является помехой для деятельности компартий и о необходимости поиска новых форм их работы. Димитров правильно понял поднятый вопрос. На следующий

⁷³ *Вишлёв О.* Дезинформационная политика Гитлера накануне нападения на СССР // *Россия XXI.* 2001. № 3. С. 96–113.

⁷⁴ В западной историографии исследование этого вопроса началось уже давно, но эти работы не часто оказываются в поле зрения российских историков (например, см.: *Whaley B.* Codeword «Barbarossa». Cambridge (Mass.); London, 1973).

⁷⁵ На сегодняшний день историкам не известны ни советские, ни немецкие документы, подтверждающие подобные намерения Сталина.

день он вместе с П. Тольятти и М. Торезом обсудил вопрос о роспуске Коминтерна. Обсуждение этой проблемы в узком кругу продолжалось примерно три недели. 12 мая эти вопросы рассматривались на совещании Димитрова со Ждановым в ЦК ВКП(б). Как считает *В.К. Волков*, в апреле–мае 1941 г. речь шла о серьезной проработке политического шага, который должен был стать крупным внешнеполитическим маневром в рамках нового курса по «умиротворению» третьего рейха. Характерно, что аргументы в пользу намечаемых действий фактически предваряли доводы, приведенные в совершенно иной обстановке в 1943 г., когда был распущен Коминтерн.

Намечаемый курс должен был получить соответствующее идеологическое прикрытие, которое и появилось, причем в оригинальной форме. Советская пропаганда весной 1941 г., несомненно, приобрела антигерманский оттенок. Но делать из этого вывод о подготовке Сталиным упреждающего удара по Германии было бы неправильно. Как полагает *В.К. Волков*, пропагандистская кампания служила заблаговременному созданию внутри страны убежденности в последовательности политики советского руководства, твердо стоящего на большевистских и антифашистских позициях, хотя в действительности эти позиции были исключительно прагматическими. Нельзя же было готовить народ к мысли о неизбежных уступках в ходе предполагавшихся переговоров с Берлином, а именно таким образом Сталин надеялся выиграть время и оттянуть, если не предотвратить вообще, столкновение с Германией.

В конце апреля 1941 г. в Москву был вызван для консультаций советский посол в Берлине В.Г. Деканозов. 1 мая он стоял во время парада на Красной площади на трибуне мавзолея между Сталиным и Молотовым, что приковало к нему внимание дипломатического корпуса. Несомненно, такой шаг должен был заранее повысить внимание к тем инструкциям, которые он должен был привезти по возвращении в Берлин и довести до сведения германского руководства. Но его пребывание в Москве затянулось в связи с неожиданной инициативой, проявленной германским послом Шуленбургом. Последний незадолго перед тем вернулся из Берлина с убеждением в скором конфликте между Германией и СССР. Стремясь предотвратить его, Шуленбург пошел на государственное преступление, поставив перед Деканозовым в беседе 5 мая ряд вопросов о критическом состоянии отношений двух стран, в частности о пресечении «взрывоопасных слухов» об их возможном конфликте. Ответ последовал во время их следующей встречи 9 мая, когда Деканозов, принятый накануне Сталиным, выдвинул идею публикации совместного советско-германского коммюнике, опро-

вергающего подобные слухи. Шуленбург в свою очередь предложил, чтобы Сталин обратился к Гитлеру с письмом по случаю своего назначения главой советского правительства. На последней встрече с Шуленбургом 12 мая Деканозов прямо сослался на Сталина и Молотова и сообщил об их согласии на такой обмен письмами, но при условии, что Шуленбург предварительно обсудит их содержание с Молотовым. Это контрпредложение Кремля фактически свело на нет неординарные действия германского посла. Шуленбург, разумеется, не мог пойти на подобный шаг, поскольку несколько раз подчеркивал, что он выступает со своим предложением по личной инициативе, не имея на то инструкций из Берлина.

Реакция советского руководства на этот беспрецедентный в дипломатической практике эпизод, не получивший еще должного внимания со стороны исследователей, была, по мнению видного деятеля советских спецслужб того времени, совершенно ошибочной. В Кремле не допускали мысли о том, что Шуленбург действовал по собственной инициативе и без санкции Берлина. Его шаг был воспринят как позиция влиятельных политических кругов Германии, породившая ожидания последующих действий по подготовке встречи на высшем уровне⁷⁶.

Вполне закономерной акцией Москвы стал и разрыв дипломатических отношений 8 мая 1941 г. с Бельгией, Норвегией и Югославией, т.е. с оккупированными вермахтом странами, с мотивировкой, что они утратили свой суверенитет. Практически одновременно был решен вопрос об установлении дипломатических отношений с антибританским правительством Ирака, пользовавшимся поддержкой Берлина. Все эти факты вписывались в курс на «умиротворение» Германии, который в течение первого месяца его осуществления (с 13 апреля по 12 мая) приобрел достаточно конкретные очертания, обнаружив и соответствующие ожидания советского руководства. Однако здесь, как считает *В.К. Волков*, в действие вмешался случай, спутавший наметки Сталина и Молотова и придавший новое направление ходу их мыслей, а германской стороне – дополнительные возможности для проведения дезинформационных мероприятий⁷⁷: 13 мая в Мо-

⁷⁶ Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии. С. 167.

⁷⁷ Судя по дневнику Й. Геббельса, полет Гесса крайне болезненно был воспринят руководством третьего рейха, которое старалось всячески приглушить эту тему (см.: *Goebbels J. Die Tagebücher. Teil I: Aufzeichnungen 1923–1941 / Hrsg. von E. Fröhlich. München, 1997. Bd. 9. S. 309–319*). Более того, «миссия Гесса» определено шла в разрез с основной дезинформационной линией Берлина, ориентированной на создание впечатления о предстоящих ударах по Британской империи и ее метрополии, а не о каком-то соглашении с ней.

ске стало известно о полете заместителя Гитлера по партии Р. Гесса в Англию.

Это событие, о котором как Берлин, так и Лондон хранили молчание два дня, сразу же было интерпретировано в Москве как «миссия», целью которой было заключение сепаратного мира с Англией⁷⁸. Поскольку все подробности пребывания Гесса в Англии были окружены глубокой тайной, то завязалась самая крутая дипломатическая интрига Второй мировой войны (до сих пор историки не имеют полного доступа ко всем связанным с этим «делом» документам). Усилиям английской дипломатии, направленным на создание впечатления о возможном сепаратном мире и близком германском нападении на СССР, способствовал также ряд совпавших по времени других обстоятельств, которые усиливали желаемый результат (отъезд английского посла С. Криппса из Москвы в начале июня, вызов в США американского посла в Лондоне и т.д.). Не бездействовали и немцы. В литературе принято сравнивать воздействие «миссии Гесса» на Кремль с эффектом разорвавшейся бомбы, хотя документов о реакции советского руководства пока не обнаружено. Редко когда дезинформационные материалы со всех сторон достигали такой плотности. Завершением этого этапа можно считать появление Сообщения ТАСС от 13 июня 1941 г.

Если когда-либо удастся пролить свет на обстоятельства появления на свет этого Сообщения ТАСС, то это, по мнению *В.К. Волкова*, даст ключ к пониманию того, что происходило тогда в Кремле. До сих пор это остается самой большой загадкой и поистине аномальным явлением. Вечером 13 июня текст этого сообщения был вручен Молотовым Шуленбургу и передан по московскому радио, а 14 июня опубликован в печати. В нем говорилось об очевидной бессмысленности слухов о близости войны между двумя странами. Отмечалось, что Берлин не предъявлял Москве никаких претензий. Особо подчеркивалось, что «по данным СССР, Германия также неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта, как и Советский Союз». Поэтому «слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы»⁷⁹.

В советской историографии не любили вспоминать об этом эпизоде. В нем как в капле воды отразились основные постулаты сталинского курса «умиротворения» Германии. Попытки изобра-

⁷⁸ *Городецкий Г.* Канун войны: Сталин и дело Гесса // Вопросы истории. 1992. № 11/12. С. 161–169.

⁷⁹ ДВП. Т. XXIII, кн. 2. Док. 861. С. 734–735.

зять это Сообщение ТАСС как попытку зондажа, по мнению *В.К. Волкова*, мало состоятельны, ибо его отрицательные последствия слишком уж очевидно перевешивали какие-либо позитивные ожидания. Они разом перечеркнули все пропагандистские усилия, предпринимавшиеся весной 1941 г. Современники событий, авторы мемуаров единодушны в том, что Сообщение ТАСС морально разоружило армию, притупило бдительность командного состава, посеяло семена самоуспокоенности в стране. Вряд ли все приведенные соображения не приходили в голову таким искушенным политикам, как Сталин и Молотов. Тем более что подобный документ мог появиться только по их инициативе, а возможно, и при их непосредственном участии. По мнению *В.К. Волкова*, рационального объяснения причин появления этого Сообщения ТАСС до сих пор не найдено.

В ходе проводившейся Германией масштабной дезинформационной кампании, Геббельсом была специально написана статья «Крит как пример» для «*Völkischer Beobachter*». Чтобы придать ей видимость утечки информации и привлечь внимание, номер газеты с этой статьей в ночь с 12 на 13 июня 1941 г. был демонстративно конфискован, хотя часть тиража все-таки «успела» дойти до ряда иностранных посольств. Статья явно была рассчитана на психологию советских руководителей, в частности Сталина, и призвана вселить в них убеждение, что Германия теперь нацелилась на Англию, но тщательно это скрывает.

Следует обратить внимание на прокатившуюся в конце мая – начале июня в СССР волну арестов крупных военачальников, среди которых были командующий ВВС генерал П.В. Рычагов, начальник ПВО страны генерал Г.М. Штерн, командующий Прибалтийским округом генерал А.Д. Локтионов. Были арестованы также нарком оборонной промышленности Б.Л. Ванников и ряд руководителей НИИ по оборонной технике. 23 июня арестовали заместителя наркома обороны генерала К.А. Мерецкова. Все они (за исключением Ванникова и Мерецкова, освобожденных позднее по распоряжению Сталина) были расстреляны.

Последние предвоенные дни Сталин провел в состоянии ожидания, подавляя малейшие попытки военных передислоцировать войска, дабы «не спровоцировать» германскую сторону. Как видно, германские дезинформационные мероприятия достигли своей цели. Остается только поставить вопрос: как могло случиться, что был обманут самый подозрительный диктатор XX в.? Естественно, что ответственность вместе с ним должны разделить и другие члены политического руководства СССР, а также высшее командование РККА, равно как и руководство разведслужб. При

этом, полагает *В.К. Волков*, ссылки на сложность международного положения и противоречивость поступавших сведений не могут служить оправданием. Очевидно, резюмирует он, что этот период нуждается в дальнейшей разработке и, главное, в поиске новых документов.

В.К. Волков ответил на вопросы участников «круглого стола».

Вопрос: Что дает Вам основания утверждать, что советское руководство располагало информацией о содержании плана «Барбаросса»?

В.К. Волков: В опубликованном сообщении начальника Разведупра генерала Голикова Сталину от 20 марта сообщалось о трех группировках вермахта, их командующих и направлении их ударов на территории СССР. Другое дело, что в своем сообщении Сталину Голиков изложил эти важные сведения предельно коротко, сопроводив их к тому же выводами о том, что «слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию...»⁸⁰ Таким образом, высшее советское руководство несомненно располагало информацией о плане «Барбаросса», и главным препятствием на пути своевременного развертывания советских вооруженных сил был Сталин, которого командование РККА боялось значительно больше, чем врага.

Вопрос: Вы предполагаете, что намечалась встреча Сталина с Гитлером. Как это намерение можно соотнести с речью Сталина 5 мая и с соответствующими пропагандистскими директивами?

В.К. Волков: Я думаю, что это все прекрасно совмещается. Во-первых, о предстоящей встрече Гитлера и Сталина во многих дипломатических салонах говорили как о факте, который вот-вот должен свершиться. Более того, поездку Шуленбурга из Москвы в Берлин во второй половине апреля расценили как подготовку именно к такой встрече. В действительности это было не так, но подобные слухи имели место. Трудно сказать, верил ли Сталин этим слухам, но занятие им поста предсовнаркома, ряд других мероприятий, в том числе намерение распустить Коминтерн, говорят в пользу такого предположения. Таким образом, можно сказать, что Сталин сделал все, чтобы не только подготовить такую встречу, но и сделать ее возможной. Я думаю, что его пропагандистские мероприятия вполне укладываются в гипотезу о пропагандистской подготовке такой встречи.

Вопрос: Считаете ли Вы, что Сообщение ТАСС от 13 июня было написано лично Сталиным?

⁸⁰ 1941 год. Кн. 1. Док. 327. С. 780.

В.К. Волков: На этот вопрос я не могу ответить определенно, поскольку не располагаю необходимой информацией. Что касается стиля и аргументации этого документа, то я думаю, что он был либо согласован со Сталиным, либо написан под его диктовку. Содержание Сообщения ТАСС во многом перекликается с тем, о чем говорили Шуленбург и Деканозов в заключительной беседе 12 мая.

Вопрос: На чем основывается Ваше утверждение, что театрализованные действия 13 апреля на вокзале являются свидетельством стремления Сталина к «умиротворению» Гитлера?

В.К. Волков: А как можно иначе оценить события, произошедшие в день, когда вермахт практически занял Белград? Сталин неожиданно появляется на вокзале и именно германскому послу и заместителю военного атташе Х. Кребсу говорит: «Мы останемся с вами друзьями – при любых обстоятельствах»⁸¹. О каких обстоятельствах могла идти речь? Совершенно очевидно, что о развитии ситуации на Балканах. Таким образом, Сталин давал понять немцам, что он смирился с тем, что произошло, и не склонен к какому-либо обострению отношений.

Вопрос: В книге Городецкого «Роковой самообман» делается вывод о том, что советское руководство допустило немало ошибок в тот период, но время было настолько сложное, что вряд ли в действительности была альтернатива политике, проводимой Кремлем. Как Вы относитесь к этому утверждению?

В.К. Волков: Конечно, ситуация была сложная. Но Городецкий, по-видимому, в данном случае все-таки заблуждается. Альтернативы, как правило, в истории все же существуют. Надо, правда, уметь их разглядеть.

Вопрос: Не было ли Сообщение ТАСС, наоборот, дезинформацией со стороны Сталина, нацеленной на введение в заблуждение Берлина?

В.К. Волков: Нет, я так не думаю. Этим Сообщением ТАСС Сталин в очередной раз сигнализировал о своем стремлении установить контакт с Берлином и о своей готовности и дальше соблюдать условия пакта о ненападении. Дезинформировать Гитлера имело смысл только в том случае, если бы Сталин что-то замыслил в отношении Германии. Сообщение ТАСС от 13 июня отразило то, что Сталин сам был полностью дезориентирован. Больше того, он дезориентировал этим шагом всю страну и армию.

Открывший обсуждение сообщения В.К. Волкова М.И. Мельтюхов высказал сомнения относительно концепции

⁸¹ ADAP. Ser. D. Bd. XII.2. Dok. 333. S. 448.

«умиротворения» Германии и прежде всего составляющих ее тезисов. Коминтерн был распущен в 1943 г., и никакого отношения к Тройственному пакту и месту СССР в нем это уже не имело, хотя мотивировки Москвы при этом были схожими: не будем отягощать наших отношений с союзниками. Поэтому утверждение, что намерение распустить Коминтерн – это один из ярких примеров политики умиротворения именно Германии, представляется не очень убедительным.

М.И. Мельтюхов выразил также несогласие с предположением, что в случае удачи замысла Кремля вовлечь немецкую сторону весной 1941 г. в переговорный процесс Сталин готов был идти на уступки. Во-первых, это не подтверждает характер бесед Деканозова с Шуленбургом, в которых было высказано и немало упреков в адрес Берлина. Во-вторых, именно в мае-июне начинается перегруппировка советских войск на западную границу, производившаяся в соответствии с действующим оперативным планом, который, как известно, не предусматривал осуществления оборонительных мероприятий для отражения германской агрессии.

Как считает *М.И. Мельтюхов*, не следует абсолютизировать информацию, содержащуюся только в какой-то одной группе источников. Это относится, в частности, к широко распространенному в мемуарной литературе утверждению о пагубном, расхолаживающем влиянии на страну и армию Сообщения ТАСС от 13 июня. Сейчас исследователям уже доступны документы политорганов того времени, содержащие специальное предупреждение о том, что Сообщения ТАСС вообще не имеют никакого отношения к текущей пропаганде в войсках.

М.И. Мельтюхов подчеркнул, что не вызывает сомнения тот факт, что Гитлер и Сталин вели в то время крупную игру. Однако, представляя на уровне сегодняшнего знания многое, особенно с германской стороны, из того, как велась эта игра, вряд ли стоит упрощать все произошедшее, забывая о том, что весной 1941 г. главные игроки отнюдь не были столь информированы о замыслах друг друга.

Н.С. Лебедева (ИВИ РАН) затронула вопрос, связанный с роспуском Коминтерна. По ее мнению, этот шаг рассматривался в Кремле в 1941 г. как подарок Гитлеру, а в 1943 г. – как дар союзникам. Разговоры о том, что Коминтерн утратил свое значение и более не нужен, были в обоих случаях хорошо рассчитанным пропагандистским трюком Москвы. Когда Коминтерн официально объявили распущенным, то ни один человек из его аппарата не был уволен, все его структуры и функции были сохране-

ны и фактически его деятельность продолжалась, хотя и в видоизмененной форме, вплоть до 1990 г.

Нереалистичный характер сталинской внешней политики, отметила *Н.С. Лебедева*, в полной мере проявился весной 1941 г. и в деятельности подконтрольного Кремлю Коминтерна. Например, ИККИ в апреле-мае направляет директивы компартии США, ориентирующие последнюю на то, чтобы всеми силами бороться против вступления Америки в войну, хотя вступление США в войну на стороне Англии отвечало жизненным интересам СССР.

В.П. Сафронов (ИРИ РАН) обратил внимание на роль Дальнего Востока в месяцы, предшествующие нападению Германии на СССР. По его мнению, существовала большая вероятность открытия второго фронта против Советского Союза на Дальнем Востоке с начала Великой Отечественной войны. Однако Гитлер настолько заигрался с дезинформационными мероприятиями, что ввел в заблуждение не только СССР, но и своего союзника – Японию. Когда Мацуока в конце марта – начале апреля 1941 г. был с визитом в Германии, то Гитлер дал указание, чтобы ему ничего не сообщали о предстоящей войне с СССР. Прошедшие в Берлине беседы с японским министром не содержали никакой конкретной информации о намерениях германского руководства предпринять какие-либо действия в отношении Советского Союза. Если подобные мысли в весьма завуалированной форме и высказывались, то исключительно в сослагательном наклонении и относились к неопределенному будущему⁸². Мацуока оказался в полном неведении о ближайших планах третьего рейха. По его более позднему признанию, если бы он знал, что Гитлер собирается напасть на СССР, то никогда не заключил бы пакт о нейтралитете с Москвой. Не случайно сразу после 22 июня 1941 г. Мацуока стал главным инициатором идеи о нападении Японии на СССР.

С другой стороны, то обстоятельство, что Япония активно добивалась заключения пакта о нейтралитете с СССР, ввело в заблуждение Сталина, которому трудно было поверить в то, что один из важнейших союзников Германии идет на заключение соглашения о нейтралитете со страной, на которую Гитлер собира-

⁸² Это не совсем так. В беседе с Мацуока 29 марта Риббентроп недвусмысленно дал понять о предстоящей войне с СССР: «Если Германия почувствует, что ей угрожает опасность, она тотчас же начнет военные действия и покончит с большевизмом», поэтому «было бы лучше всего не слишком углублять дела с русскими», т.е. не подписывать с ними никаких соглашений (ADAP. Ser. D. Bd. XII.1. Dok. 233. S. 340–341).

ется вскоре нападать. По мнению *В.П. Сафронова*, Гитлер настолько был уверен в успехе плана «Барбаросса», что не только не хотел делиться с Японией плодами своей будущей победы, но даже просто ее информировать о своих намерениях⁸³.

Л.Я. Гибианский отметил, что развернувшаяся дискуссия в очередной раз демонстрирует: как только речь заходит о политике СССР, мы, как правило, сталкиваемся с отсутствием документов, которые бы позволяли с большей степенью уверенности говорить о той или иной модели поведения советского руководства, о тех мотивах, которыми руководствовался Сталин. Однако некоторые вопросы, затронутые в дискуссии, по мнению *Л.Я. Гибианского*, относятся к категории бесспорных, по крайней мере для специалистов. Например, проектировавшийся роспуск Коминтерна. Замысел, лежавший в его основе, очевиден. В этом же ряду находится ставшая исторической «сцена на вокзале» 13 апреля 1941 г., подоплека которой вряд ли может вызывать какие-либо сомнения.

С другой стороны, есть факты дискуссионные, к ним, например, относится происхождение Сообщения ТАСС от 13 июня 1941 г. Логика в той модели, которую представил В.К. Волков, безусловно, есть, но история движется не по законам логики. Трудно сказать, что лежало в основе этого шага Кремля, так как мы не знаем, в каком направлении Сталин в это время собирался двигаться дальше. Если взглянуть на ситуацию в комплексе, то что означали тогдашние вместе взятые советские дипломатические усилия, готовившаяся пропагандистская кампания и предпринимавшиеся военные мероприятия, вокруг которых идут споры, – подготовку к обороне или к превентивному нападению? Может быть, это все на самом деле отдельные элементы некой единой игры, начатой Кремлем, по крайней мере, весной 1941 г.? Здесь есть над чем серьезно думать.

По мнению *Т.М. Исламова*, в сфере внешней политики Сталин вынужден был глотать одну «пилюлю» за другой. Крайняя ограниченность возможностей СССР в этот период, *вынужденный характер его действий или скорее бездействий* явно недостаточно прозвучали в дискуссии. Нет оснований говорить об «аномалиях» советской политики, когда речь идет о больших вопросах мировой политики. Проблематичным, в частности,

⁸³ Речь должна идти о самоуверенности Гитлера, а не об его «жадности». В тот момент он считал более важным не расплыть военные усилия Японии и направить их против британских владений в Юго-Восточной Азии (см. директиву ОКВ от 5 марта 1941 г. // *Hitlers Weisungen für die Kriegführung 1939–1945* / Hrsg. von W. Hubatsch. Frankfurt a. Main, 1962. S. 105).

представляется тезис В.К. Волкова о «стратегическом просчете» связки Сталин–Молотов. Не было такого просчета, не было и «фактора неожиданности», который наряду со словами Молотова о «вероломном» нападении не более чем удачно придуманный пропагандистский трюк для объяснения и оправдания поражений в 1941–1942 гг.

По мнению *Т.М. Исламова*, «упорное нежелание» советского руководства (еще один тезис В.К. Волкова) реагировать на факт подготовки гитлеровского нападения надо считать отнюдь не «очевидной аномалией», а явным нежеланием Сталина ввязываться в драку раньше времени, железной последовательностью в проведении принятого стратегического курса. «Явной аномалией» была бы, вероятно, поспешная, непродуманная реакция на явно провокационные действия Германии. Нет никаких доказательств тому, что «самый подозрительный политический деятель XX в. был жестоко обманут». А что он мог сделать в той ситуации?

С.З. Случ полагает, что принятие Сталиным на себя полномочий главы правительства ни в коей мере не было связано с муссировавшимися западной печатью слухами о якобы предстоящей встрече Гитлера со Сталиным, поскольку последняя была полностью исключена. Для Гитлера в мае 1941 г. отсутствовала тема для беседы со Сталиным – для него все было уже предрешено. Сталин по самым разным, в том числе и чисто психологическим причинам, также вряд ли был склонен к подобного рода встрече, не в последнюю очередь осознавая слабость своих гипотетических переговорных позиций.

Что касается Сообщения ТАСС от 13 июня, то оно, по мнению *С.З. Случа*, скорее всего было реакцией не на статью Геббельса в «*Völkischer Beobachter*» «Крит как пример», а на беседы Деканозова и Шуленбурга в первой половине мая 1941 г. Это был явно запоздавший ответ Кремля на эти беседы, в которых германский посол, проявив несанкционированную инициативу, граничившую в той конкретной обстановке с государственной изменой, пытался побудить советское руководство к активности на германском направлении его внешней политики.

С.З. Случ остановился также на некоторых шагах Лондона, связанных с полетом Гесса. Рассекреченные в 1992 г. британские архивы высветили весьма сложную игру, которую вело в то время руководство Форин оффис⁸⁴. Э. Иден и А. Кадоган оказали очень серьезное давление на Черчилля с тем, чтобы убедить его

⁸⁴ См.: *Schmidt R.F.* Der Hess-Flug im Kalkül der britischen Kriegsdiplo­matie Mai-Juni 1941 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1994. H. 1. S. 1–38.

в необходимости ни в коем случае не распространять официальной информации относительно содержания возможных бесед с Гессом, а подпитывать общественное мнение и особенно за границу исключительно слухами. За этой интригой скрывалась попытка оказать давление прежде всего на СССР, принимая во внимание совершенно неконструктивную линию Кремля, занятую им в отношении неоднократных попыток посла Криппса наладить постоянный контакт с советским руководством, в частности организовать встречу Молотова и Идена весной 1941 г. В Лондоне в целом удачно разыграли «карту» Гесса, вызвав немалую обеспокоенность как в Москве, так и в Вашингтоне относительно дальнейшей роли Великобритании в войне и о своих собственных перспективах в этой связи.

В заключительном слове *В.К. Волков* отметил, что концепция советского «умиротворения» Германии представляется ему практически доказанной. Если все события того времени свести в единую логическую линию, то станет очевидно наличие готовности Москвы пойти на такую встречу. С.З. Случ утверждает, что Сталин на такую встречу бы не пошел. Думается, что для этого утверждения меньше оснований, чем для противоположного.

Историю с роспуском Коминтерна, конечно, не надо рассматривать как подарок кому-то. Просто Коминтерн к тому времени превратился из удобного орудия манипулирования другими компартиями в инструмент, который столь же часто и мешал это проделывать. Но не мог Сталин просто так идти на сближение с Тройственным пактом, ведь в основе последнего лежал Анτικοинтерновский пакт.

Сталин был часто неадекватен в своих реакциях, но, тем не менее, он был политиком очень хитрым и изворотливым. И его беседы и контакты с иностранными деятелями, в частности встречи с Ф.Д. Рузвельтом, с Черчиллем, показывают, что он был вполне на уровне требований, которые выдвигаются государственному деятелю при такого рода переговорах. Но Сталин как стратег – это явление совершенно другого порядка. В этом качестве Сталин был слаб, его стратегические решения неизменно бывали ошибочными и приводили к огромным потерям как во внутренней, так и особенно во внешней политике. Трудно даже представить, почему они были допущены, если только не принимать во внимание диагноз, поставленный ему В.М. Бехтеревым. Таким был просчет Сталина в 1929 г. по поводу предстоящей якобы мировой революции, когда была задана определенная линия Коминтерна. По мнению *В.К. Волкова*, его внешнеполитический просчет в отношениях с Гитлером находился в том же ряду. И по-

сле войны он не смог найти оптимального курса отношений с западными державами и политики СССР в германском вопросе. Он исходил из своих собственных представлений, а не из реальной действительности. В этом можно видеть и причины многих наших неудач в начальный период войны.

От составителя. Полемичное выступление В.К. Волкова обнажило целый комплекс вопросов, связанных с внешней политикой СССР весной 1941 г., которые требуют более пристального внимания; углубленной разработки и, по всей видимости, более веской аргументации. В противном случае, трудно было бы себе представить, что тезис о советской политике умиротворения Германии получит «подкрепление» в виде такого факта, как назначение Сталина председателем Совнаркома, или утверждения, что «Сталин сделал все, чтобы не только подготовить такую встречу (с Гитлером. – С.С.), но и сделать ее возможной». Что касается назначения Сталина на пост главы СНК, то, как показали последние исследования, ему предшествовала целая серия реорганизационных мероприятий в высших органах власти, начавшаяся в январе и завершившаяся во второй половине марта 1941 г. принятием двух совместных постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР. В результате центр принятия решений по важнейшим государственным вопросам однозначно перемещался в правительство, а процедура их утверждения в Политбюро фактически ликвидировалась. «В этих условиях, – приходит к выводу О.В. Хлевнюк, – самоназначение Сталина председателем СНК было лишь вопросом времени и подходящего момента»⁸⁵.

Если все же допустить, что Сталин мог стремиться к встрече с Гитлером в мае-июне 1941 г., то неизбежно возникает вопрос: что было сделано для организации подобной встречи советской стороной? По сути дела ничего, если не считать появления Деканозова 1 мая на трибуне мавзолея рядом со Сталиным и публикации Сообщения ТАСС от 13 июня, хотя, как известно, встречи на таком уровне требуют немалой подготовки. Эпизодические контакты Молотова с Шуленбургом после 4 апреля были посвящены третьестепенным вопросам, то же относится и к беседам Деканозова со статс-секретарем МИД Э. фон Вайцеккером в этот же период (с Риббентропом встреч вообще не было). Так, Вайцеккер отметил в сообщении для рейхсминистра после беседы с Деканозовым 18 июня, что последний ни единым словом не коснулся состояния германо-советских отношений⁸⁶. Для сравнения упомяну лишь, что когда Берлину нужно было в августе 1939 г., чтобы Риббентропа приняли в Москве, то Шуленбург чуть ли не каждый день, а то и дважды в день добивался приема у Молотова.

⁸⁵ Хлевнюк О.В. Сталин и Молотов: Единоличная диктатура и предпосылки «олигархизации» // Сталин. Сталинизм. Советское общество: К 70-летию В.С. Лельчука / Ред.-сост. Г.Ш. Сагателян и др. М., 2000. С. 279.

⁸⁶ ADAP. Ser. D. Bd. XII.2. Dok. 646. S. 875.

Советская политика умиротворения Германии началась не со «сцены на вокзале» 13 апреля, а значительно раньше – уже на заключительной стадии подготовки нового торгово-экономического соглашения, подписанного 10 января 1941 г., когда Кремль согласился удовлетворить требования третьего рейха в стратегическом сырье даже за счет собственных резервов⁸⁷. И эта политика неуклонно осуществлялась вплоть до 22 июня 1941 г., охватывая все новые сферы двусторонних отношений, даже тогда, когда в марте советское руководство попыталось «поиграть» в активность на балканском направлении.

В связи с этим возникает вопрос: а были ли аномалии во внешней политике Сталина весной 1941 г.? Ведь, пытаясь переиграть всех своих противников на международной арене, он, пойдя на соглашение с Гитлером, не отстаивал внешнеполитические интересы Советского Союза, как считают некоторые историки⁸⁸, а реализовывал свои внешнеполитические амбиции, загнав тем самым страну в им же созданный тупик. Тщетные поиски выхода из этого внешнеполитического тупика, приобретшие формы своего рода маниакального стремления любыми способами оттянуть войну с Германией, свидетельствовали о том, что Сталин просто не понимал сущности Гитлера-политика, признававшего только один аргумент – силу. И те конвульсии на международной арене, которые демонстрировал Кремль весной 1941 г., в полной мере отражали эту неадекватную оценку происходившего, будучи закономерными, а не аномальными действиями одного тоталитарного режима по отношению к другому.

Заслушанные на «круглом столе» сообщения и развернувшаяся дискуссия еще раз высветили проблемы, весьма характерные для современной российской историографии внешней политики СССР. Отсутствие или недоступность многих документов, позволяющих реконструировать процесс принятия решений в Кремле по внешнеполитическим вопросам, – только одна из них и притом не самая главная.

И сегодня мы сталкиваемся с теми же трудностями, что и в прежние годы: усилия историков, занимающихся внешней и военной политикой СССР и международными отношениями второй половины 30-х – начала 40-х годов, серьезно распылены; в своих исследованиях они преимущественно опираются на какую-то часть опубликованных или ставших доступными архивных документов, не уделяя обычно сколько-нибудь серьезного внимания работам своих коллег, не говоря уже об исследованиях зарубежных историков, которые, как это ни парадоксально, имеют и в наше время определенные преимущества в изучении советской

⁸⁷ Schwendemann H. Op. cit. S. 246–254.

⁸⁸ Мельтюхов М.И. Указ. соч. С. 238.

истории по сравнению с их российскими коллегами; изучение внешней и военной политики СССР предвоенного периода, как правило, осуществляется вне тесной связи с внутривластными процессами, с характером политического режима и его специфическими чертами, накладывавшими серьезный отпечаток на внешнюю политику страны; отсутствие или недоступность многих, особенно рабочих (подготовительных) документов, предшествующих тем или иным решениям Кремля, не должно закрывать для исследователя возможность для реконструкции альтернативной ситуации, если, разумеется, в основе гипотетических построений также находятся факты и документы, косвенно подтверждающие сделанные при этом выводы, а не только сакраментальное «я думаю, что это могло быть так, а это – не так...»; и, наконец, последнее – нынешняя историографическая ситуация. В последние годы в свет вышел ряд индивидуальных и коллективных монографий, сборников, журнальных статей, в которых в большей или меньшей степени затрагиваются различные аспекты внешней, военной и внутренней политики Советского Союза накануне Великой Отечественной войны. Они основываются на различной документальной базе, нередко их авторы придерживаются далеко не совпадающих взглядов и оценок на внешнеполитические планы и действия высшего советского руководства, но они крайне редко становятся предметом серьезного анализа: стремление не только декларировать, но и при необходимости отстаивать свою точку зрения в полемике с оппонентами не является типичным явлением в современной российской историографии. Исключение, пожалуй, составляет дискуссия о намерениях Сталина и планах Генштаба в 1941 г. («превентивной войне»), получившей уже даже наименование «русского спора историков»⁸⁹, которому, правда, не всегда удается сохранять соответствующий научный уровень, не говоря уже о характере полемики. Проведение на протяжении последних лет «круглых столов» в Институте славяноведения РАН преследовало в качестве одной из своих основных целей дать некоторый новый импульс обсуждению проблем 1939–1941 гг., все еще содержащих немало «белых пятен» и, по-прежнему, сохраняющих дискуссионную остроту, хотя и не всегда заметную.

⁸⁹ *Boroznjak A.I.* Ein russischer Historikerstreit?: Zur sowjetischen und russischen Historiographie über den deutschen Angriff auf die Sowjetunion // *Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion 1941: die Kontroverse um die Präventivkriegsthese* S. 116–128; *Vofß S.* Stalins Kriegsvorbereitungen 1941: erforscht, gedeutet und instrumentalisiert; eine Analyse postsowjetischer Geschichtsschreibung. Hamburg, 1998.

Библиография*

Документы

- Бессарабия* на перекрестке Европейской дипломатии: Документы и материалы / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 1996. 380 с.
- Военные разведчики докладывали...* / Публ. И.З. Евгеньева // Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 36–41; № 3. С. 40–42.
- Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1938, 1940 гг.:* Документы и материалы / Отв. сост. П.Н. Бобылев. М., 2006. 336 с.
- Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. – 20 июня 1941 г.:* Документы и материалы / Отв. ред. П.Н. Бобылев. М., 2004. 560 с.
- Государственный антисемитизм в СССР: От начала до кульминации, 1938–1953 /* Сост. Г.В. Костырченко, под общ. ред. А.Н. Яковлева. М., 2005. 592 с.
- Две директивы 1941 г. о пропагандистской подготовке к войне /* Вступ. ст. и публ. В.А. Невежина // Археографический ежегодник. 1995. М., 1997. С. 191–207.
- Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы /* Публ., вступ. ст. и коммент. А.Г. Фесюна. СПб., 2000. 192 с.
- Дипломатия и война. 1914 и 1939 годы /* Публ. О.А. Ржешевского, В.А. Емеца // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 3–11; опубли. также: Война и политика, 1939–1941 / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 1999. С. 26–37.
- Дипломатия накануне нападения Германии на СССР (советско-германские контакты в мае 1941 г.) /* Публ. С.Ф. Сакуна // Дипломатический вестник. 1993. № 11/12. С. 74–78.
- Директивы И.В. Сталина В.М. Молотову перед поездкой в Берлин в ноябре 1940 г. /* Предисл. Л.А. Безыменского // Новая и новейшая история. 1995. № 4. С. 76–79.
- Документы внешней политики [СССР]: 1939. Т. XXII: В 2 кн. М., 1992. Кн. 1: Январь–август. 709 с.; Кн. 2: Сентябрь–декабрь. 688 с.*
- Документы внешней политики [СССР]: 1940–22 июня 1941. Т. XXIII: В 2 кн. М., 1995–1998. Кн. 1: Январь–октябрь 1940. 746 с.; Кн. 2 (1): 1 ноября 1940 – 1 марта 1941; Кн. 2 (2): 2 марта 1941 – 22 июня 1941. 886 с.*
- За что пострадал генерал-лейтенант авиации П.И. Пумпур в мае 1941 года /* Публ. А.Г. Цымбалова // Военно-исторический журнал. 2006. № 12. С. 33–41.
- Застольные речи Сталина: Документы и материалы /* Сост., коммент. и вступ. ст. В.А. Невежина. М., 2003. 544 с.

* Публикации в России в 1992–2006 гг.

- Зимняя война 1939–1940*: В 2 кн. М., 1998. Кн. 2: И.В. Сталин и финская кампания (Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б)) / Отв. ред. Е.Н. Кульков, О.А. Ржешевский. 295 с.
- «*Зимняя война*»: работа над ошибками (апрель–май 1940 г.): Материалы комиссий Главного военного совета Красной Армии по обобщению опыта финской кампании / Отв. сост. Н.С. Тархова. М.; СПб., 2004. 560 с.
- Катынь*: Март 1940 г. – сентябрь 2000 г. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы / Отв. сост. Н.С. Лебедева. М., 2001. 688 с.
- Катынь*: Пленники необъявленной войны. Документы и материалы / Отв. сост. Н.С. Лебедева, В. Матерский. М., 1997. 608 с.
- Коминтерн* и Вторая мировая война / Сост. Н.С. Лебедева, М.М. Наринский; отв. ред. К.М. Андерсон, А.О. Чубарьян. М., 1994. Ч. I: До 22 июня 1941 г. 554 с.
- Коминтерн* и идея мировой революции: Документы / Отв. ред. Я.С. Драбкин. М., 1998. 949 с.
- Коминтерн* и Финляндия, 1919–1943: Документы / Под ред. Н.С. Лебедевой и др. М., 2003. 420 с.
- Коминтерн* против фашизма: Документы / Под ред. Н.П. Комоловой. М., 1999. 506 с.
- Краковский протокол 1940 г.*: Было ли «антипольское соглашение» между НКВД и гестапо? Из германских архивов / Публ. О.В. Вишлёва // Новая и новейшая история. 1995. № 5. С. 104–112.
- Красная Армия за год до фашистской агрессии* / Публ. В.А. Анфилова // Военно-исторический журнал. 1996. № 3. С. 18–28; № 4. С. 18–23.
- Кремлевский кинотеатр, 1928–1953*: Документы / Отв. сост. К.М. Андерсон, Л.В. Максименков. М., 2005. 1120 с.
- «*Ложные установки в деле воспитания и пропаганды*»: Доклад начальника Главного политического управления РККА Л.З. Мехлиса о военной идеологии, 1940 г. / Публ. Д.Л. Бранденбергера // Исторический архив. 1997. № 5/6. С. 82–99.
- Лубянка*: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти, 1937–1938 / Сост. В.Н. Хаустов и др. М., 2004. 736 с.
- Лубянка*: Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти / Сост. В.Н. Хаустов и др. М., 2006. 640 с.
- Материалы «Особой папки»* Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений 1923–1944 гг. / Под ред. И.И. Костюшко. М., 1997. 142 с.
- Мир* между войнами: Избранные документы по истории международных отношений 1910–1940-х годов / Сост. А.В. Мальгин. М., 1997. 301 с.
- Мировые войны XX века*: В 4 кн. М., 2002. Кн. 4: Вторая мировая война. Документы и материалы / Сост. Ю.А. Никифоров; отв. ред. М.Ю. Мягков. 597 с.
- Москва–Рим*: Политика и дипломатия Кремля. 1920–1939: Сб. документов / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 2003. 483 с.
- Москве кричали о войне* // Военно-исторический журнал. 1994. № 6. С. 21–26.

- Неизвестные письма Эрнста Тельмана И.В. Сталину и В.М. Молотову (1939–1941 гг.) / Публ. В.С. Рыкина, Б.Л. Хавкина // Новая и новейшая история. 1996. № 6. С. 76–111; 1997. № 1. С. 75–106; № 2. С. 87–112.*
- Неуслышанные сигналы войны: Докладные записки Л.П. Берия и И.И. Масленникова И.В. Сталину, В.М. Молотову, С.К. Тимошенко, Г.К. Жукову, А.Я. Вышинскому. Апрель–июнь 1941 г. / Публ. Л.М. Чижовой // Исторический архив. 1995. № 2. С. 4–22.*
- Новые документы из Архивов СВР и ФСБ России о подготовке Германией войны с СССР 1940–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1997. № 4. С. 94–104.*
- Новые документы по «делу Зорге» / Предисл. А.Г. Фесюна // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 118–146.*
- О чем умолчал гросс-адмирал Карл Дёниц [Из доклада немецкого военноморского атташе в Москве о состоянии Военно-морского флота СССР, 30.04.1941 г.] / Публ. В.П. Ямпольского // Военно-исторический журнал. 1994. № 2. С. 65–72.*
- Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: В 8 т. Сб. документов / Сост. В.П. Ямпольский и др. М., 1995. Т. 1: Накануне, кн. 1. Ноябрь 1938 г. – декабрь 1940 г. 452 с.; кн. 2. 1 января – 21 июня 1941 г. 398 с.*
- Отношения России (СССР) с Югославией 1941–1945 гг.: Документы и материалы / Сост. И.В. Бухаркин, Б. Петранович и др. М., 1998. 656 с.*
- Переписка В.М. Молотова с И.В. Сталиным. Ноябрь 1940 года / Публ. С.А. Горлова // Военно-исторический журнал. 1992. № 9. С. 18–23.*
- «По данным радиоразведки...» Документы Центрального военно-морского архива. Июнь 1941 г. / Публ. В.Г. Кикнадзе // Исторический архив. 2006. № 3. С. 20–29.*
- Поворот в советско-британском диалоге (Прием И.В. Сталиным британского посла Р.С. Крипса 1 июля 1940 г.) / Публ. С.Ф. Сакуна // Дипломатический вестник. 1993. № 21/22. С. 72–77.*
- Под лозунгом «Паразиты у власти!» [О подготовке Германией войны против Польши] / Публ. В.А. Пронько // Военно-исторический журнал. 1993. № 9. С. 93–96.*
- Поездка В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. / Публ. В.А. Лебедева, Б.Л. Хавкина; предисл. Г.Н. Севостьянова // Новая и новейшая история. 1993. № 5. С. 64–99.*
- Позиция Японии в отношении СССР в 1941 г.: По материалам службы внешней разведки РФ / Предисл. В.Н. Карпова // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 92–103.*
- Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг.: Документы. М., 2004. 960 с.*
- Правительственная связь СССР: В 2 т. Сб. документов / Сост. С.В. Троянов. М., 1997. Т. 1: 1931–1941. 303 с.*
- Принимай нас, Суоми-красавица! «Освободительный» поход в Финляндию, 1939–1940 гг.: Сб. документов и фотоматериалов. 2-е изд. доп. / Пер. с фин. Сост. Е.А. Балашов. СПб., 2004. 308 с.*
- «Разъяснить румынским солдатам безнадежность войны против СССР» [Директива Политуправления Красной Армии военным советам и начальникам политуправлений Киевского Особого и Одесского военных*

- округов от 21 июня 1940 г.] / Публ. Н. Сидорова // Источник. 1995. № 3. С. 61–68.
- Россия и США: Экономические отношения. 1933–1941. Сб. документов / Отв. сост. А.Ю. Бахтурина; отв. ред. Г.Н. Севостьянов, Е.А. Тюрина. М., 2001. 480 с.*
- Русский архив. Великая Отечественная: Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. / Отв. сост. А.И. Барсуков; под общ. ред. В.А. Золотарева. М., 1993. Т. 12 (1). 408 с.*
- Русский архив. Великая Отечественная: Накануне войны. Материалы совещаний высшего руководящего состава ВМФ СССР в конце 1940 / Отв. сост. В.И. Жуматий; под общ. ред. В.А. Золотарева. М., 1997. Т. 12 (2). 552 с.*
- Русский архив. Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. 1937 – 22 июня 1941 г. / Отв. сост. А.С. Емелин, под общ. ред. В.А. Золотарева. М., 1994. Т. 13 (2–1). 368 с.*
- Русский архив. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. В 2 т. М., 1997. Т. 18 (7–1) / Сост. В.Н. Вартанов и др., под общ. ред. В.А. Золотарева. 431 с.*
- Секретные документы из особых папок / Публ. М.И. Семиряги // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 3–22.*
- Секреты Гитлера на столе у Сталина: Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. Март–июнь 1941 г. Документы из Центрального архива ФСБ России / Сост. В.К. Виноградов и др. М., 1995. 253 с.*
- «Советская разведслужба... является наиболее опасной из всех разведслужб» / Публ. В.П. Ямпольского // Военно-исторический журнал. 1996. № 1. С. 35–41.*
- Советско-американские отношения. 1934–1939 / Сост. Б.И. Жилиев и др., под ред. Г.Н. Севостьянова. М., 2003. 800 с.*
- Советско-американские отношения. 1939–1945 / Сост. Б.И. Жилиев, В.И. Савченко; под ред. Г.Н. Севостьянова. М., 2004. 792 с.*
- Советско-германские документы 1939–1941 гг.: Из Архива ЦК КПСС // Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 83–95.*
- Советско-румынские отношения: Документы и материалы. В 2 т. М., 2000. Т. II: 1935–1941. 544 с.*
- «Современная армия – армия наступательная»: Выступление И.В. Сталина на приеме в Кремле перед выпускниками военных академий: Май 1941 г. / Публ. А.А. Печенкина // Исторический архив. 1995. № 2. С. 23–31.*
- «Солдат храбр и усерден, но...»: Выдержки из бюллетеня германского Генерального штаба «Вооруженные силы Советского Союза по состоянию на 1 января 1941 г.» // Родина. 1995. № 8. С. 57–60.*
- «Спровоцировать волнения среди мусульманского населения на Кавказе»: Такую задачу ставили правительства Англии и Франции, планируя в 1940 году вторжение в СССР / Публ. В.П. Ямпольского // Военно-исторический журнал. 1995. № 6. С. 64–70.*
- И.В. Сталин о «Кратком курсе истории ВКП(б)»: Стенограмма выступления на совещании пропагандистов Москвы и Ленинграда,*

1938 г. / Публ. Н.Н. Маслова // Исторический архив. 1994. № 5. С. 4–31.

И.В. Сталин – «О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма”» – и идеологическая подготовка к мировой войне / Публ. М.В. Зеленова // Вопросы истории. 2002. № 7. С. 3–40.

Тайны и уроки зимней войны. 1939–1940: По документам рассекреченных архивов / Ред.-сост. Н.Л. Волковский, под общ. ред. В.А. Золотарева. СПб., 2000. 544 с.

1941 год: В 2 кн. / Сост. Л.Е. Решин и др.; под ред. В.П. Наумова. М., 1998. Кн. 1. 832 с.; Кн. 2. 752 с.

Упрямые факты начала войны / Публ. В.Н. Киселева // Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 14–19.

Уроки войны с Финляндией: Неопубликованный доклад наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова на пленуме ЦК ВКП(б) 28 марта 1940 г. / Публ. Ю.Г. Мурина; предисл. Ю.А. Горькова // Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 100–122.

«Я почту за удовольствие вновь приехать в Москву». Обмен посланиями между И. Риббентропом и И.В. Сталиным в октябре 1940 г. // Источник. 1999. № 1. С. 140–146.

Дневники, воспоминания

«*Автобиографические заметки*» В.Н. Павлова – переводчика И.В. Сталина / Предисл. В.В. Соколова // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 94–111.

Агапов А.Б. Дневники Йозефа Геббельса: Прелюдия «Барбароссы» / Пер. с нем. 2-е изд. М., 2004. 504 с.

Бережков В.М. Как я стал переводчиком Сталина. М., 1993. 397 с.

Бережков В.М. Рядом со Сталиным. М., 1998. 478 с.

Василевский А.М. Накануне войны: Неопубликованное интервью Маршала Советского Союза А.М. Василевского / Публ. Ю. Мурина; предисл. Ю.А. Горькова // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 3–11.

Вишневский Вс. «...сами перейдем в нападение»: Из дневников 1939–1941 годов / Вступ. статья и коммент. А.В. Голубева, В.А. Неvejeина, подготовка текста В.А. Неvejeина // Москва. 1995. № 5. С. 103–110.

Воскресенская З.И. Под псевдонимом Ирина: Записки разведчицы. М., 1997. 350 с.

Дневники Йозефа Геббельса. 1940–1941 гг. / Пер. с нем. Предисл. Л.И. Гинцберга // Новая и новейшая история. 1994. № 6. С. 197–222; 1995. № 1. С. 230–239; № 3. С. 198–223.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3 т. 12-е изд. М., 1995. Т. 1. 400 с.

Коллонтай А.М. Дипломатические дневники, 1922–1940. В 2 т. / Предисл. и примеч. М.М. Мухамеджанова. М., 2001. Т. 2. 543 с.

Кузнецов Н.Г. Крутые повороты: Из записок адмирала. М., 1995. 254 с.

Куманев Г.А. Говорят сталинские наркомы. Смоленск, 2005. 632 с.

«*Предыстория 1939 года*» [Стенографическая запись беседы начальника Ин-та военной истории МО ген.-лейт. П.А. Жилина с б. помощ-

- ником наркоминдела и переводчиком Сталина В.Н. Павловым 5.04.1972 г.] // Свободная мысль – XXI. 1999. № 7. С. 108–112.
- «Пройдет десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти» [дневник В.А. Малышева] // Источник. 1997. № 5. С. 103–147.
- Майский И.М. Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943: В 2 кн. / Сост. Л.В. Поздеева и др.; отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2006. Кн. 1: 1934 – 3 сентября 1939. 531 с.
- Маннергейм К.Г. Мемуары / Сокр. пер. с фин. М., 1999. 507 с.
- Риббентроп И. фон. Между Лондоном и Москвой: Воспоминания и последние записи / Пер. с нем. М., 1996. 333 с.
- Роцин А. НКВД в 30-е годы // Дипломатический ежегодник. М., 1995. С. 195–212.
- Синицын Е. Резидент свидетельствует. М., 1996. 287 с.
- Чуев Ф. Молотов: Полудержавный властелин. М., 1999. 736 с.

Литература

- Акимова Е.А. Проблема Петсамо в советско-финляндских отношениях в годы Второй мировой войны // Россия и Финляндия в XVIII–XX вв.: Специфика границы / Редколлегия: Т. Вихавайнен и др. СПб., 1999. С. 254–268.
- Александров В.А. Сговор Сталина и Гитлера в 1939 году – мина, взорвавшаяся через полвека // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 71–85.
- Александров К.М. Новое об инциденте в Майниле: (Малоизвестные страницы истории советско-финляндской войны 1939–1940 гг.) // Новый часовой. 1994. № 1. С. 24–29.
- Аманн Р. Пакт между Гитлером и Сталиным: Оценка интерпретаций советской внешней политики, включая новые вопросы и новые исследования // Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. С. 75–86.
- Анфилов В.А. Вермахт воевал по советским разработкам? // Военно-исторический журнал. 1996. № 1. С. 24–34.
- Анфилов В.А. Грозное лето 41 года. М., 1995. 191 с.
- Анфилов В.А. Дорога к трагедии сорок первого года. М., 1997. 304 с.
- Аптекарь П. Советско-финские войны. М., 2004. 384 с.
- Арцыбашев В.А. Образ начального периода войны в представлениях командного состава Красной Армии в 1931–1941 гг. М., 2004. 72 с.
- Афанасьев Ю.Н. Другая война: история и память // Другая война. С. 15–31.
- Багдасарян В.Э. Образ врага в исторических фильмах 1930–1940 годов // Отечественная история. 2003. № 6. С. 31–46.
- Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в XX веке / Редакционная коллегия: А.А. Кольтоков (председатель) и др. М., 2005. 432 с.
- Барышников В.Н. «Аландский вопрос» в международных отношениях Балтийского региона в 1939 г. // Балтийский регион в истории России и Европы / Под ред. В.И. Гальцева. Калининград, 2005. С. 96–108.
- Барышников В.Н. Вступление Финляндии во вторую мировую, 1940–1941 гг. 2-е изд. доп. СПб., 2005. 481 с.

- Барышников В.Н.* Из истории териокского «правительства» и проблемы границы // Россия и Финляндия в XVIII–XX вв.: Специфика границы / Редколлегия: Т. Вихавайнен и др. СПб., 1999. С. 269–280.
- Барышников В.Н.* К вопросу о планировании Советским Балтийским флотом военных действий против Финляндии в 1930-е гг. (расчеты и реальность) // Россия и Финляндия в XX веке: К 80-летию независимости Финляндской республики / Редакционная коллегия: С.Б. Коренева, А.В. Прохоренко. СПб., 1997. С. 100–115.
- Барышников В.Н.* Начало зимней войны // Война и политика. С. 174–191.
- Барышников В.Н.* От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997. 353 с.
- Барышников В.Н.* Советско-германские переговоры в ноябре 1940 г. в Берлине и «финляндский вопрос» // Балтийский регион в международных отношениях в новое и новейшее время: Материалы международной научной конференции. Калининград, 10–11 октября 2003 г. / Отв. ред. Ю.В. Костяшов, В.В. Сергеев. Калининград, 2004. С. 176–184.
- Барышников Н.И.* Роль К.Г. Маннергейма в размещении немецких войск на территории Финляндии в 1940–1941 гг. // Международный кризис 1939–1941 гг. С. 180–191.
- Барышников Н.И., Барышников В.Н.* Рождение и крах «териокского правительства» (1939–1940). СПб., Хельсинки, 2003. 363 с.
- Басистов Ю.В.* Сталин–Гитлер: От пакта до войны. СПб., 2001. 199 с.
- Безыменский Л.А.* Визит В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г.: В свете новых документов // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 121–143.
- Безыменский Л.А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000. 512 с.
- Безыменский Л.А.* О «плане Г.К. Жукова» от 15 мая 1941 г. // Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 58–67.
- Безыменский Л.А.* Секретные протоколы 1939 г. как проблема советской историографии // Россия и современный мир. 1996. № 1. С. 129–150.
- Безыменский Л.А.* Советская разведка перед войной // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 78–90.
- Безыменский Л.А.* Советско-германские договоры 1939 г.: новые документы и старые проблемы // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 3–26.
- Безыменский Л.А.* Третий фронт: Секретная дипломатия Второй мировой войны. М., 2003. 448 с.
- Белоусов Р.* Советская экономика в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны // Вопросы экономики. 1995. № 5. С. 4–12.
- Белоусова З.С.* Предвоенный кризис 1939 года в освещении французских дипломатических документов // Предвоенный кризис 1939 года в документах. С. 5–24.
- Белоусова З.С.* Советский Союз: Поиски безопасности // Европа между миром и войной. С. 102–129.
- Белоусова З.С.* СССР в контексте международных отношений 30-х годов // Советская внешняя политика 1917–1945 гг. С. 131–156.
- Бобров М.А.* Стратегическое развертывание ВВС Красной Армии на западе страны перед Великой Отечественной войной // Военно-исторический журнал. 2006. № 5. С. 3–7.
- Бобылев П.Н.* К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 году? // Отечественная история. 1995. № 5. С. 3–20.

- Бобылев П.Н.* Репетиция катастрофы (По материалам совещания высшего командного состава Красной Армии в декабре 1940 г. и оперативно-стратегических игр на картах в январе 1941 г.) // Военно-исторический журнал. 1993. № 6. С. 10–16; № 7. С. 14–21; № 8. С. 28–35.
- Бобылев П.Н.* Точку в дискуссии ставить рано: К вопросу о планировании в Генеральном штабе РККА возможной войны с Германией в 1940–1941 годах // Отечественная история. 2000. № 1. С. 41–64.
- Бокарев Ю.* Директива № 21 // Россия XXI. 1996. № 7/8. С. 116–136; № 11/12. С. 114–137; 1997. № 1/2. С. 134–159.
- Бонвеч Б.* Наступательная стратегия – наступление – нападение: Историк из Германии о дискуссии вокруг событий 1941 года // Отечественная история. 1998. № 3. С. 20–25.
- Борозняк А.И.* Пакт Молотова–Риббентропа и германское движение Сопротивления // Международный кризис 1939–1941 гг. С. 123–136.
- Быстрова И.В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М., 2006. 704 с.
- Валева Е.Л.* Болгария в советско-германских противоречиях // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 363–404.
- Валева Е.Л.* К проблеме присоединения Болгарии к Тройственному пакту в 1941 г. // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы... С. 93–109.
- Валева Е.Л.* Советско-германское противоборство на Балканах в контексте международных отношений накануне и в начале Второй мировой войны // Россия–Польша–Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. С. 353–368.
- Вальбек К.* Шведская политика безопасности и пакт Молотова–Риббентропа // Международный кризис 1939–1941 гг. С. 423–439.
- Васильев А.Ф.* Был ли в 1941 г. Советский Союз готов к войне? // Вопросы истории. 2005. № 1. С. 105–110.
- Великая Отечественная война 1941–1945: Военно-исторические очерки.* В 4 кн. / Под ред. В.А. Золотарева, Г.Н. Севостьянова и др. М., 1998. Кн. 1: Суровые испытания. 544 с.
- Вечоркевич П.* О степени советской и немецкой угрозы и ее влиянии на политику Польши в области обороны в 1921–1939 гг. // Россия–Польша–Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. С. 274–296.
- Виноградов В.Н.* Бессарабия – камень преткновения в российско-румынских отношениях // Очаги тревоги в Восточной Европе (драма национальных противоречий) / Редакционная коллегия: В.Н. Виноградов и др. М., 1994. С. 11–54.
- Вишлёв О.* Дезинформационная политика Гитлера накануне нападения на СССР // Россия XXI. 2001. № 3. С. 96–113.
- Вишлёв О.* «Дружба, скрепленная кровью» // Молодая гвардия. 1996. № 12. С. 121–142.
- Вишлёв О.* Как Троцкий готовил «Час X», или Почему он был убит в 1940 году? // Молодая гвардия. 1996. № 5. С. 162–181.
- Вишлёв О.В.* «Большая политика»: март-май 1939 года (к предыстории советско-германского договора о ненападении) // Россия и Германия / Отв. ред. Б.М. Туполев. М., 2001. Вып. 2. С. 214–233.

- Вишлѐв О.В.* Была ли в СССР оппозиция «германской политике» Сталина накануне 22 июня 1941 г.: По документам германских архивов // Новая и новейшая история. 1994. № 4/5. С. 242–253.
- Вишлѐв О.В.* К вопросу о характере германо-советских отношений (осень 1939 г. – лето 1940 г.) // Россия и Германия / Отв. ред. Б.М. Туполев. М., 1998. Вып. 1. С. 337–349.
- Вишлѐв О.В.* Западные версии высказываний И.В. Сталина 5 мая 1941 г.: По материалам германских архивов // Новая и новейшая история. 1999. № 1. С. 93–115.
- Вишлѐв О.В.* «...может быть, вопрос еще уладится мирным путем» // Вторая мировая война: Актуальные проблемы. С. 39–53.
- Вишлѐв О.В.* Накануне 22 июня 1941 года: Документальные очерки. М., 2001. 230 с.
- Вишлѐв О.В.* Почему медлил И.В. Сталин в 1941 г.? (из германских архивов) // Новая и новейшая история. 1992. № 1. С. 86–100; № 2. С. 70–96.
- Вишлѐв О.В.* Речь И.В. Сталина 5 мая 1941 г.: Российские документы // Новая и новейшая история. 1998. № 4. С. 77–89.
- Владимиров О.В.* Деятельность советской военно-морской разведки в Германии, 1939–1941 годы // Отечественная история. 2004. № 3. С. 14–19.
- Война, 1939–1945: Два подхода* / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1995. Ч. 1. 144 с.
- Война и политика, 1939–1941* / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 1999. 495 с.
- Волков В.К.* Балканские проблемы в отношениях Советского Союза и Германии в 1940 г. // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 241–296; опубл. также: *Он же.* Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 7–58.
- Волков В.К.* Призрак и реальность «Барбароссы» в политике Сталина (весна-лето 1941 г.) // Вопросы истории. 2003. № 6. С. 31–58.
- Волков В.К.* Советско-германские отношения во второй половине 1940 года // Там же. 1997. № 2. С. 3–17.
- Волков В.К.* Советско-германские отношения и советская политика на Балканах накануне гитлеровского нападения на СССР (осень 1940 – первая половина 1941 г.) // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы... С. 6–20.
- Волков В.К.* Советско-германское противоборство на Балканах во второй половине 1940 года: мотивы и характер // Война и политика. С. 394–415.
- Волков В.К.* Страны Восточной Европы в водовороте событий накануне Второй мировой войны // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 13–76.
- Волков Ф.Д.* Взлет и падение Сталина. М., 1992. 336 с.
- Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг.* / Отв. ред. В.К. Волков, Л.Я. Гибянский. М., 1999. 528 с.
- Вторая мировая война: Актуальные проблемы* / Отв. ред. О.А. Ржешевский. М., 1995. 368 с.
- Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований* / Под ред. В. Михалки. Пер. с нем. М., 1996. 700 с.
- Взратик В.* Советско-германские отношения и вопрос о территориальной целостности Румынии в 1939–1940 гг. // Международный кризис 1939–1941 гг. С. 529–544.

- Ганелин Р.Ш.* Сталин и Гитлер (встречались ли они, какую роль играл в создании их союза еврейский вопрос?) // Барьер: Антифашистский журнал. СПб., 2001. № 1. С. 31–90.
- Гареев М.А.* Готовил ли Советский Союз упреждающее нападение на Германию в 1941 году? // Война и политика. С. 270–279.
- Гареев М.А.* Еще раз к вопросу: готовил ли Сталин превентивный удар в 1941 г. // Новая и новейшая история. 1994. № 2. С. 198–202.
- Гареев М.А.* История Великой Отечественной войны: предотвратить ее искажение и фальсификацию // Военно-исторический журнал. 2006. № 11. С. 3–8; № 12. С. 13–18.
- Гареев М.А.* Неоднозначные страницы войны (Очерки о проблемных вопросах Великой Отечественной войны). М., 1995. 320 с.
- Герасимов Г.И.* «Мобилизация есть война...» Мобилизационная готовность РККА и начальный период Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1999. № 3. С. 2–11.
- Геуст К.Ф.* Международная помощь финским военно-воздушным силам во время «зимней войны» 1939–1940 // Международный кризис 1939–1941 гг. С. 192–227.
- Гибианский Л.Я.* Балканский кризис и Советский Союз // Международный кризис 1939–1941 гг. С. 481–528.
- Гибианский Л.Я.* СССР и «первая Югославия» накануне и в момент ее гибели // Двести лет новой сербской государственности: К юбилею начала Первого сербского восстания 1804–1813 гг. / Отв. ред. В.К. Волков. СПб., 2005. С. 277–299.
- Гибианский Л.Я.* Югославия в советской политике на Балканах в начале Второй мировой войны // Доклады российских ученых. IX конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы (Тирана, 30.08. – 03.09.2004) / Отв. ред. В.К. Волков, А.Ю. Русаков. СПб., 2004. С. 66–89.
- Гибианский Л.Я.* Югославия перед лицом фашистской агрессии и Советский Союз // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 405–501.
- Гибианский Л.Я.* Югославский кризис начала 1941 года и Советский Союз // Война и политика. С. 207–225.
- Гилленсен В.М.* Фатальная ошибка. Роль немецкой разведки в принятии А. Гитлером решения о нападении на СССР // Военно-исторический журнал. 1998. № 4. С. 25–36.
- Гинцберг Л.И.* Советско-германский пакт: замысел и его реализация // Отечественная история. 1996. № 3. С. 29–40.
- Голубев А.* Запад глазами советского руководства в 1930-е годы // Россия XXI. 1997. № 11/12. С. 114–132.
- Голубев А.В.* «Весь мир против нас»: Запад глазами советского общества 1930-х годов // Труды Ин-та российской истории РАН 1997–1998 гг. / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2000. Вып. 2. С. 286–314.
- Голубев А.В.* Внешнеполитические стереотипы советского общества 1930-х годов // Россия и Запад. С. 145–167.
- Голубев А.В.* Запад глазами советского общества (Основные тенденции формирования внешнеполитических стереотипов в 30-х годах) // Отечественная история. 1996. № 1. С. 104–120.

- Голубев А.В. Советское общество 1930-х годов и формирование внешнеполитических стереотипов // Россия и Европа в XIX–XX веках: Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур / Отв. ред. А.В. Голубев. М., 1996. С. 86–115.
- Голубев А.В. Формирование образа внешнего мира в СССР в 30-е годы // Российская ментальность: методы и проблемы изучения. Сб. статей / Отв. ред. А.А. Горский, Е.Ю. Зубкова. М., 1999. С. 178–208.
- Горбунов Е.А. Военная разведка в 1934–1939 годах // Свободная мысль. 1998. № 2. С. 98–109; № 3. С. 54–61.
- Горлов С.А. Переговоры В.М. Молотова в Берлине в ноябре 1940 г. // Военно-исторический журнал. 1992. № 6/7. С. 45–48.
- Горлов С.А. Советско-германский диалог накануне пакта Молотова – Риббентропа 1939 г. // Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 13–34.
- Городецкий Г. Канун войны: Сталин и дело Гесса // Вопросы истории. 1992. № 11/12. С. 161–169.
- Городецкий Г. «Ледокол»? Сталин и путь к войне // Война и политика. С. 244–252.
- Городецкий Г. Миф «Ледокола» / Пер. с англ. М., 1995. 350 с.
- Городецкий Г. Пакт Риббентропа–Молотова и операция «Барбаросса» // Россия в XX веке: Историки мира спорят / Отв. ред. И.Д. Ковальченко. М., 1994. С. 429–436.
- Городецкий Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз / Пер. с англ. М., 2001. 384 с.
- Горохов В.Н. История международных отношений. 1918–1939: Курс лекций. М., 2004. 288 с.
- Горьков Ю.А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г.? // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 29–45; опубли. также: Другая война. С. 157–184.
- Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. 384 с.
- Горьков Ю.А., Семин Ю.Н. О характере военно-оперативных планов СССР накануне Великой Отечественной войны: Новые архивные документы // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 108–129; опубли. также: Война и политика. С. 280–304.
- Гостенков А.В. Немецкие историки о германо-советских отношениях 30-х гг. // Международные отношения накануне Второй мировой войны: Межвузовский сб. научных трудов / Под ред. В.К. Фураева. СПб., 1993. С. 104–119.
- Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера?: Незапланированная дискуссия. Сб. материалов / Сост. В.А. Невежин; под ред. Г.А. Бордюгова. М., 1995. 186 с.
- Григорьянц Т.Ю. Проблема сфер интересов СССР и Германии накануне и во время визита В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы... С. 32–55.
- Гришков И.Г. К вопросу о происхождении войны СССР с фашистской Германией (июнь 1941 – май 1945 г.) // История Великой Отечественной войны в документах и судьбах (по материалам Курской области) / Отв. ред., сост. А.Ю. Друговская. Курск, 1995. С. 14–26.

- Данилов В.Д.* Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность // Отечественная история. 1995. № 3. С. 33–44; опубл. также: Другая война. С. 136–156.
- Двойных Л., Тархова Н.* О чем докладывала военная разведка: Историки получили возможность проанализировать донесения советской разведки кануна войны // Наука и жизнь // Наука. № 3. С. 2–13.
- Дембски С.* Польско-советские отношения в оценках Берлина в 30-е годы: Некоторые вопросы // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. С. 97–105.
- Дембски С.* Советский Союз и вопросы польской политики равновесия в преддверии пакта Риббентропа–Молотова, 1938–1939 годы // Отечественная история. 2001. № 2. С. 72–93.
- Демидов С.В.* Англо-французские отношения накануне второй мировой войны (1936–1939 гг.). Рязань, 2000. 180 с.
- Демидов С.В.* Международные отношения в Европе в 1919–1939 гг. М., 2001. 236 с.
- Демидов С.В.* Европейская политика и дипломатия Великобритании в 1933–1939 гг. Рязань, 2001. 224 с.
- Демидова О.Г.* СССР – Запад. Первая попытка создания антигитлеровской коалиции в 1939 г. // Актуальные проблемы новой и новейшей истории России XIX–XX веков. Рязань / Отв. ред. А.Ф. Агарев. 2002. С. 156–168.
- Детуайлер Д.С.* Эскалация второй мировой войны в 1941 г. // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 70–79.
- Дорошенко В.Л.* Сталинская провокация второй мировой войны // Другая война. С. 60–72.
- Дриг Е.* Механизированные корпуса РККА в бою: История автобронетанковых войск Красной Армии в 1940–1941 годах. М., 2005. 830 с.
- Дризулис А.* Памятная записка министра иностранных дел Латвии В. Мунтерса о советско-латвийских переговорах 1939 г. по поводу заключения пакта о взаимопомощи // Отечественная история. 1992. № 2. С. 176–183.
- Другая война: 1939–1945 /* Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996. 490 с.
- Дурачински Э.* Внешняя политика Польши (1939–1941): условия, возможности, цели и результаты // Международный кризис 1939–1941 гг. С. 153–179.
- Дурачински Э.* Германия Гитлера и Россия Сталина в польской политике (некоторые вопросы) // Россия–Польша–Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. С. 369–388.
- Дурачинский Э.* Польша в политике Москвы 1939–1941 годов: факты, гипотезы, вопросы // Война и политика. С. 50–64.
- Европа между миром и войной /* Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 1992. 221 с.
- Елизаров О.С.* Советская военная доктрина накануне Великой Отечественной войны. СПб., 2001. 32 с.
- Задохин А.Г., Низовский А.Ю.* Пороховой погреб Европы: Балканские войны XX века. М., 2000. 416 с.
- Ерещенко М.Д.* Румыния между Германией и Советским Союзом: политика без иллюзий // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 333–362.
- Залепеев В.Н.* 17 апреля 1939 года: один день в истории германо-советских отношений // Англия, Франция, Германия, мусульманский Вос-

- ток. Межвузовский сб. трудов. Брянский гос. пед. ун-т им. Г.И. Петровского / Под общей ред. С.Ф. Блуменау. Брянск, 2000. Вып. 8. С. 116–125.
- Залепеев В.Н.* Экономика и политика: заключение между Германией и Советским Союзом хозяйственного соглашения 10 января 1941 года // Проблемы отечественной и всемирной истории: Сб. научных трудов. Брянский гос. пед. ун-т им. Г.И. Петровского / Отв. ред. С.Ф. Блуменау. Брянск. 1998. С. 192–203.
- Замойский Я.* «Черная дыра», сентябрь 1939 – июнь 1941 г. (К вопросу о политике СССР в начальном периоде конфликта) // Россия в XX веке: Историки мира спорят / Отв. ред. И.Д. Ковальченко. М., 1994. С. 421–428.
- Захариас М.* Предпосылки и мотивы политики Ю. Бека в 1939 году // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. С. 219–230.
- Захаров В.В.* Военные аспекты взаимоотношений СССР и Германии. 1921 – июнь 1941 г. М., 1992. 233 с.
- Згорняк М.* Военно-политическое положение и оперативные планы Польши перед началом Второй мировой войны // Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. С. 353–363.
- Зимняя война 1939–1940:* В 2 кн. М., 1998. Кн. 1: Политическая история / Отв. ред. О.А. Ржешевский, О. Вехвиляйнен. 382 с.
- Зимонин В.П.* Японский фактор в советской и мировой политике кануна и начала Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 2005. № 2. С. 60–75.
- Золов А.В.* От Литовской Республики к Литовской ССР: 1939–1940 гг. // Балтийский регион в международных отношениях в новое и новейшее время: Материалы международной научной конференции. Калининград, 10–11 октября 2003 г. / Отв. ред. Ю.В. Костяшов, В.В. Сергеев. Калининград, 2004. С. 156–167.
- Золотов Н.П., Исаев С.И.* Боеготовы были... (Историко-статистическое исследование количественно-качественного состояния танкового парка Красной Армии накануне Великой Отечественной войны) // Военно-исторический журнал. 1993. № 11. С. 75–77.
- Зоря Ю.* Нюрнбергская миссия // Инквизитор: Сталинский прокурор Вышинский / Сост. и общ. ред. О.Е. Кутафина. М., 1992. С. 268–288.
- Зунда А.* Страны Балтии и Соединенное Королевство в начале Второй мировой войны (1939–1941 гг.) // Международный кризис 1939–1941 гг. С. 440–460.
- Иванов А.Г.* Агрессоры и умиротворители: Гитлер, Муссолини и британская дипломатия. М., 1993. 207 с.
- Иванов Ю.В.* Освободительный поход или агрессия? Действия частей Красной Армии в сентябре 1939 года и современная польская историография // Военно-исторический журнал. 1994. № 9. С. 82–86.
- Иванов Ю.В.* Очерки истории российско(советско)-польских отношений в документах, 1914–1945 гг. М., 2002. 144 с.
- Иларионова Т.С.* Обмен населением между СССР и Германией накануне и в начале Второй мировой войны // Отечественная история. 2004. № 4. С. 54–62.

- Ильмарв М.* Балтийские страны в 1939–1940 гг.: замыслы и возможности // Международный кризис 1939–1941 гг. С. 268–285.
- Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.* Венгеро-румынский конфликт и советская дипломатия. 1940 – июнь 1941 года // Война и политика. С. 456–471.
- Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.* Румыно-венгерский конфликт в контексте германо-советского соперничества // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 297–332.
- Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.* Трансильвания – яблоко раздора между Венгрией и Румынией // Очаги тревоги в Восточной Европе (драма национальных противоречий) / Редакционная коллегия: В.Н. Виноградов и др. М., 1994. С. 54–136.
- История Коммунистического Интернационала 1919–1943: документальные очерки* / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2002. 413 с.
- Йокипи М.* Финляндия на пути к войне: Исследование о военном сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940–1941 гг. / Пер. с фин. Петрозаводск. 1999. 370 с.
- Камынин В.Д.* Нет пророка в своем отечестве! Современная германская историография пакта Риббентропа–Молотова // Россия и Европейский союз: стратегия взаимодействия: Материалы международной научной конференции, 17–19 апреля 2002 г. / Отв. ред. В.И. Михайленко. Екатеринбург, 2003. С. 164–172.
- Капистка В.В. И.В. Сталин: «Организуем изучение нашими людьми немецких военных самолетов»* // Военно-исторический журнал. 2001. № 11. С. 16–20.
- Карлей М.Д.* 1939. Альянс, который не состоялся, и приближение Второй мировой войны / Пер. с англ. М., 2005. 376 с.
- Каспаравичюс А.* Дипломатическая реакция Литвы на пакт Риббентропа–Молотова // Международный кризис 1939–1941 гг. С. 93–107.
- Кен О.Н.* Сталин, Литвинов и другие // Клио. СПб., 2003. № 1. С. 244–251.
- Кен О.Н., Рупасов А.И.* Москва и страны Балтии: Опыт взаимоотношений, 1917–1939 гг. // Страны Балтии и Россия: общества и государства / Отв. ред.-сост. Д.Е. Фурман, Э.Г. Задорожнюк. М., 2002. С. 225–256.
- Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л.* Швеция в политике Москвы, 1930–1950-е годы. М., 2005. 448 с.
- Кикнадзе В.Г.* Разведывательное обеспечение боевых действий Балтийского флота // Военно-исторический журнал. 2004. № 4. С. 26–30.
- Китчен М.* «Загадка, покрытая мраком неизвестности»: британские оценки СССР на начальном этапе второй мировой войны // Война и политика. С. 106–124.
- Клейменова Н.Е., Сидоров А.Ю.* Версальско-Вашингтонская система международных отношений: проблемы становления и развития. М., 1995. Ч. I. 147 с.
- Ковалев С.Н.* Советские войска на территории Эстонии. 1939–1940 гг. СПб., 2005. 194 с.
- Ковалев С.Н. И.В. Сталин: «Правительство Эстонии действовало мудро и на пользу эстонскому народу, заключив соглашение с Советским Союзом»: Политические и правовые особенности ввода войск СССР в При-*

- балтику в 1939 году // Военно-исторический журнал. 2004. № 6. С. 36–41.
- Кокошин А.А.* Армия и политика: Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль, 1918–1991. М., 1995. 286 с.
- Колпакиди А., Прохоров Д.* Внешняя разведка России. М., 2001. 512 с.
- Комал Ф.Б.* В преддверии войны // Народ и война: 50 лет Великой Победы: Сб. статей / Отв. ред. В.А. Ежов. СПб., 1995. С. 21–44.
- Константинов С.В.* Сталин как геополитик // Элементы. 1993. № 4. С. 36–40.
- Коробочкин М.Л.* Документы кабинета министров Великобритании об англо-франко-советских переговорах 1939 г. // Предвоенный кризис 1939 года в документах. С. 70–92.
- Корнат М.* Пакты Молотова–Риббентропа 23 августа и 28 сентября 1939 г. в польской и западной историографии // Польша–СССР, 1945–1989: Избранные политические проблемы, наследие прошлого / Отв. ред. Э. Дурачински, А.Н. Сахаров. М., 2005. С. 13–48.
- Корнат М.* Французские и британские планы вооруженной акции против Советского Союза с 1940 г. // Международный кризис 1939–1941 гг. С. 399–410.
- Короленков А.В.* Накануне: продолжение дискуссий о событиях предвоенной поры // Отечественная история. 2004. № 3. С. 169–176.
- Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М., 2001. 784 с.
- Костюк М.П.* Беларусь в международном военно-политическом кризисе 1939–1941 гг. // Международный кризис 1939–1941 гг. С. 299–306.
- Кошкин А.А.* Предыстория заключения пакта Молотова–Мацуока (1941 г.) // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 133–142.
- Кошкин А.А.* Советско-японский пакт о нейтралитете 1941 г. и его последствия // Новая и новейшая история. 1994. № 4/5. С. 67–79.
- Кошкин А.А.* СССР и Япония: Проблема нейтралитета // Вторая мировая война: Актуальные проблемы. С. 109–123.
- Кошкин А.А.* Японская дилемма: удар на север или на юг?: Японские документы 1941 года / Война и политика. С. 430–444.
- Краснопольская Н.Е.* Международные отношения в Европе и формирование внешней политики советского государства (октябрь 1938 года – март 1939 года) // Проблемы новой и новейшей истории / Отв. ред. И.Г. Жиряков. Рязань, 1996. С. 126–145.
- Кризис и война: Международные отношения в центре и на периферии мировой системы в 30–40-х годах / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М., 1998. 352 с.*
- Крысин М.Ю.* Прибалтика между Гитлером и Сталиным. М., 2004. 464 с.
- Кузнецов И.И.* Судьбы генеральские: Высшие командные кадры Красной Армии в 1940–1953 гг. Иркутск, 2000. 466 с.
- Кулешова Н.Ю.* «Большой день»: грядущая война в литературе 1930-х годов // Отечественная история. 2002. № 1. С. 181–191.
- Кулешова Н.Ю.* Военно-доктринальные установки сталинского руководства и репрессии в Красной Армии конца 1930-х годов // Отечественная история. 2001. № 2. С. 61–72.
- Кулешова Н.Ю.* Какой доктриной руководствовалась Красная Армия накануне нападения Германии на СССР? Преподавание истории в школе. 1998. № 1. С. 25–31.

- Кулешова Н.Ю. Красная армия в конце 1930-х годов: проблема боеспособности с точки зрения истории повседневности // Отечественная история. 2003. № 4. С. 60–83.
- Кулешова Н.Ю. «Не нынче – завтра грянет бой»: образ грядущей войны и ее участников в литературе 1930-х годов // История России XIX–XX веков: новые источники понимания / Под ред. С.С. Секиринского. М., 2001. С. 267–279.
- Кулиш В.М. Советская историография Великой Отечественной войны // Советская историография / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996. С. 274–315.
- Кульков Е.Н. Пакт трех держав и операция «Барбаросса» // Россия и Германия / Отв. ред. Б.М. Туполев. М., 2001. Вып. 2. С. 234–248.
- Кульков Е.Н. Советская реакция на заключение Пакта трех держав // Война и политика. С. 384–393.
- Кульков Е.Н. Советский Союз в военно-политических планах нацистской Германии // Предвоенный кризис 1939 года в документах. С. 116–132.
- Кульков Е.Н. Советский Союз в военно-политических планах нацистской Германии (1933–1941 гг.) // Россия и Германия / Отв. ред. Б.М. Туполев. М., 1998. Вып. 1. С. 294–318.
- Куманев Г., Шкляр Э. До и после пакта: Советско-германские отношения в преддверии войны // Свободная мысль. 1995. № 2. С. 4–14.
- Куманев Г.А. Тяжелый выбор: Советско-германский пакт о ненападении // Этот противоречивый XX век: К 80-летию со дня рождения академика РАН Ю.А. Полякова / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 2001. С. 152–167.
- Лавров В. Дипломатические зигзаги Германии накануне нападения на СССР (О поездке В.М. Молотова в Берлин и полете Р. Гесса в Англию) // Международная жизнь. 1993. № 9. С. 134–142; 1994. № 1. С. 82–88.
- Лавров В.С. В коварстве Гитлер не уступал Бисмарку: Дипломатические уловки Германии перед нападением на СССР // Военно-исторический журнал. 1996. № 2. С. 16–23.
- Лавров В.С. Что скрывалось за приглашением В.М. Молотова осенью 1940 года в Берлин и полетом Р. Гесса в мае 1941 года // Новая и новейшая история. 2005. № 1. С. 3–25; опубл. также: Международный кризис 1939–1941 гг. С. 357–385.
- Лауринавичюс Ч. Вильнюс во власти Литвы 1939–1940 гг.: внутренние и внешние аспекты // Международный кризис 1939–1941 гг. С. 228–245.
- Лебедев И.В. Новые архивные документы о советской внешней политике 1939–1941 годов // Война и политика. С. 21–25.
- Лебедева Н. Архивы Коминтерна: Малоизвестные страницы «Зимней кампании» и второй мировой войны // Международная жизнь. 1994. № 12. С. 112–120.
- Лебедева Н. Коминтерн и Польша: 1939–1943 годы // Международная жизнь. 1993. № 8. С. 147–157.
- Лебедева Н.С. Агрессия и геноцид в сталинской внешней политике (1939–1941 гг.) // Политическая история на пороге XXI века: Традиции и новации / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 1995. С. 205–216.
- Лебедева Н.С. Германия и присоединение Литвы к СССР // Международный кризис 1939–1941 гг. С. 246–267.

- Лебедева Н.С.* Германно-советское взаимодействие и ликвидация польского государства // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 169–197.
- Лебедева Н.С.* Катынь: Преступление против человечества. М., 1994. 352 с.
- Лебедева Н.С.* Польша между Германией и СССР в 1939 году // Война и политика. С. 65–84.
- Лебедева Н.С.* Протоколы ЦК ВКП(б) как исторический источник по «польской» политике Сталина (1939–1941 гг.) // Источниковедение и краеведение в культуре России: К 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту: Сборник / Отв. ред. В.Ф. Козлов. М., 2000. С. 194–198.
- Лебедева Н.С.* Четвертый раздел Польши и катынская трагедия // Другая война. С. 237–295.
- Левек Ф.* Дипломатия в тупике: Советско-французские отношения (сентябрь 1939 – июнь 1941 г.) // Россия и Франция XVIII–XX веков / Отв. ред. П. Черкасов. М., 1995. С. 238–250.
- Линдер И.Б., Чуркин С.А.* Красная паутина: Тайны разведки Коминтерна. 1919–1943. М., 2005. 688 с.
- Липинский Я.* Секретные протоколы Сталина и Гитлера – нескончаемая история с 1939 г. // Международный кризис 1939–1941 гг. С. 23–44.
- Лота В.* Секретный фронт Генерального штаба: Книга о военной разведке, 1940–1942. М., 2005. 539 с.
- Лузянин С.Г.* Дипломатическая история событий на Халхин-Голе, 1932–1939 гг. // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 41–51.
- Мадайчик Ч.* Катынь // Другая война. С. 225–236.
- Макар И.П.* Из опыта планирования стратегического развертывания Вооруженных сил СССР на случай войны с Германией и непосредственной подготовки к отражению агрессии // Военно-исторический журнал. 2006. № 6. С. 3–9.
- Макдермотт К., Азню Дж.* Коминтерн: История международного коммунизма от Ленина до Сталина / Пер. с англ. М., 2000. 224 с.
- Маковский В.Б.* Прикрытие госграницы накануне войны // Военно-исторический журнал. 1993. № 5. С. 51–58.
- Максимычев И.Ф.* Германский фактор в европейской политике России. 1914–2004 гг.: Доклады Ин-та Европы РАН. № 134. М., 2004. 62 с.
- Малафеев К.А.* Фридрих Вернер фон дер Шуленбург и заключение германно-советского пакта о ненападении 23 августа 1939 года // Проблемы новой и новейшей истории / Отв. ред. И.Г. Жиряков. Рязань, 1996. С. 145–156.
- Мальков В.Л.* Невыдуманная картина начала II мировой войны // Россия XXI. 2005. № 3. С. 134–171.
- Мальков В.Л.* Прибалтийский узел. 1939–1940 гг.: По материалам американских архивов // Россия XXI. 2006. № 3. С. 122–149.
- Мальков В.Л.* Советско-американские отношения 1934–1939 годов: Новые документы // Новая и новейшая история. 2005. № 6. С. 114–130.
- Мананнов М.А.* Военные аспекты внешней политики СССР конца 30-х годов: Было ли советское руководство готово к большой войне. Уфа, 2001. 156 с.
- Марьина В.* В тайне от Берлина и Лондона: Контакты советской и чехословацкой разведок в 1940–1941 гг. // Россия XXI. 2001. № 3. С. 116–151.

- Марына В.В.* «Ворота на Балканы»: Словакия в геополитических конструкциях СССР и Германии. 1939–1941 // *Война и политика*. С. 472–489.
- Марына В.В.* Восстановление Чехословацкого государства: международные аспекты. 1939–1945 гг. // *Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории* / Отв. ред. В.В. Марына. М., 2005. Кн. 1. С. 390–427.
- Марына В.В.* Еще раз о «Мюнхенском сговоре» (Новые документы из чешских архивов) // *Славяноведение*. 2006. № 3. С. 16–37.
- Марына В.В.* К истории советско-чехословацких отношений 1938–1940 гг.: По страницам дневника И.М. Майского // *Россия XXI*. 2006. № 3. С. 84–121.
- Марына В.В.* Коминтерн: ликвидация или модификация? (1939–1943 гг.) // *Славяноведение*. 1994. № 5. С. 14–28.
- Марына В.В.* Политика СССР по чехословацкому вопросу накануне Великой Отечественной войны (сентябрь 1940 – июнь 1941 г.) // *Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы...* С. 133–158.
- Марына В.В.* Путь к независимости?: Создание Словацкой республики 14 марта 1939 г. // *Национальный вопрос в Восточной Европе: Прошлое и настоящее* / Отв. ред. Р.П. Гришина, М.Д. Ереценко. М., 1995. С. 201–225.
- Марына В.В.* Расчленение Чехословакии. Начало Сопrotивления. 1939–1941 гг. // *Движение Сопrotивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939–1945* / Отв. ред. В.В. Марына. М., 1995. С. 25–61.
- Марына В.В.* Словакия в политике СССР и Германии // *Восточная Европа между Гитлером и Сталиным*. С. 169–197.
- Марына В.В.* Чехословацкий легион в СССР. 1939–1941 гг. // *Вопросы истории*. 1998. № 2. С. 58–73.
- Марына В.В.* Чехословацко-советские отношения в дипломатических переговорах 1939–1945 гг. // *Новая и новейшая история*. 2000. № 4. С. 136–147.
- Матерски В.* Польско-советские отношения (1932–1939). Узловые проблемы // *Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия*. С. 97–105.
- Матерский В.* К вопросу о периодизации польско-советских отношений в межвоенный период // *Вестник МГУ. Сер.: История*. 1995. № 4. С. 71–75.
- Медведев Ж.А., Медведев Р.А.* План «Барбаросса» // *Вопросы истории*. 2002. № 6. С. 14–35.
- Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940 – июнь 1941)* / Отв. ред. Л.Я. Гибианский, С.З. Случ. М., 1992. 166 с.
- Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР*. Материалы международной конференции, организованной Институтом всеобщей истории Российской академии наук, Университетом Латвии, Институтом современной истории (Мюнхен), Московским отделением Фонда им. Конрада Аденауэра. Москва, 3–4 февраля 2005 г. М., 2006. 560 с.

- Мельтюхов М.* Освободительный поход Сталина. Бессарабский вопрос в советско-румынских отношениях (1917–1940 гг.). М., 2006. 512 с.
- Мельтюхов М.И.* Идеологические документы мая-июня 1941 года о событиях Второй мировой войны // Отечественная история. 1995. № 2. С. 70–85; опубл. также: Другая война. С. 76–105.
- Мельтюхов М.И.* Канун Великой Отечественной войны: дискуссия продолжается. М., 1999. 68 с.
- Мельтюхов М.И.* «Крики об обороне – это вуаль» // Советское общество: Возникновение, развитие, исторический финал / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1997. Т. 1. С. 291–322.
- Мельтюхов М.И.* Нарастание советского военного присутствия в Прибалтике в 1939–1941 годах // Отечественная история. 1999. № 4. С. 46–70.
- Мельтюхов М.И.* «Народный фронт» для Финляндии? (К вопросу о целях советского руководства в войне с Финляндией) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 95–101.
- Мельтюхов М.И.* Предыстория Великой Отечественной войны в современных дискуссиях // Исторические исследования в России: Тенденции последних лет / Под ред. Г.А. Бордюгова. М., 1996. С. 278–307.
- Мельтюхов М.И.* Проблемы периодизации истории Второй мировой войны // Вопросы истории. 2003. № 1. С. 154–163.
- Мельтюхов М.И.* Репрессии в Красной Армии: Итоги новейших исследований // Отечественная история. 1997. № 5. С. 109–121.
- Мельтюхов М.И.* Советская разведка и проблема внезапного нападения // Отечественная история. 1998. № 3. С. 3–20.
- Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны: Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001. 464 с.
- Мельтюхов М.И.* Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол» // Советская историография / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996. С. 488–521.
- Мельтюхов М.И.* Споры вокруг 1941 года: опыт критического осмысления одной дискуссии // Отечественная история. 1994. № 3. С. 4–22. С заседания редколлегии [Обсуждение этой статьи] // Там же. 1994. № 4/5. С. 277–283.
- Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина: Советский Союз и борьба за Европу, 1939–1941 (Документы, факты, суждения). М., 2000. 608 с.; 2002. 544 с.
- Меннин Б.В.* Советские железные дороги и планирование военных действий. 1941 год // Война и политика. С. 359–365.
- Мерцалов А., Мерцалова Л.* «Непредсказуемое прошлое» или преднамеренная ложь? // Свободная мысль. 1993. № 6. С. 45–54.
- Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А.* Довольно о войне? Новый подход к исследованиям о второй мировой войне. Воронеж, 1992. 102 с.
- Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А.* Между двумя крайностями, или Кто соорудил «Ледокол»? // Военно-исторический журнал. 1994. № 5. С. 80–85.
- Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А.* Освещение в СССР – России Второй мировой войны: Итоги и проблемы // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки / Общ. ред. А.Н. Сахарова. М., 1996. С. 619–629.

- Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Отечественная историография Второй мировой войны. Некоторые итоги и проблемы // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 145–157.
- Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Сталинизм и война: Из непрочитанных страниц истории (1930–1990 гг.) М., 1994. 404 с.
- Мерцалова Л. Сталинизм и гитлеризм: Попытка сравнительного анализа // Рубеж: Альманах социальных исследований. Сыктывкар, 1992. № 3. С. 108–122.
- Мировые войны XX века: В 4 кн. М., 2002. Кн. 3: Вторая мировая война: Исторический очерк / Отв. ред. Е.Н. Кульков. 597 с.
- Михалев С.Н. Военная стратегия: Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени. М., 2003. 952 с.
- Молодяков В.Э. Берлин–Москва–Токио: К истории несостоявшейся «оси», 1939–1941. М., 2000. 71 с.
- Молодяков В.Э. Начало второй мировой войны: некоторые геополитические аспекты // Отечественная история. 1997. № 5. С. 128–135.
- Молодяков В.Э. Несостоявшаяся ось: Берлин–Москва–Токио. М., 2004. 480 с.
- Морозов С.В. Польско-чехословацкие отношения. 1933–1939: Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М., 2004. 528 с.
- Мухин М.Ю. Эволюция системы управления советской оборонной промышленности в 1921–1941 годах и смена приоритетов «оборонки» // Отечественная история. 2000. № 3. С. 3–15.
- Мюллер Р.-Д. Экономические приготовления Германии к операции «Барбаросса» // Война и политика. С. 344–358.
- Мягков М.Ю. От Мюнхенского соглашения до подписания советско-германского договора от 23 августа 1939 г.: предыстория вопроса // Международный кризис 1939–1941 гг. С. 47–60.
- Наджафов Д.Г. Дипломатия США и советско-германские переговоры 1939 года // Новая и новейшая история. 1992. № 1. С. 25–42.
- Наджафов Д.Г. Начало второй мировой войны: О мотивах сталинского руководства при заключении пакта Молотова–Риббентропа // Война и политика. С. 85–105.
- Наджафов Д.Г. «Подлинное толкование Мюнхена». Новый архивный документ и его интерпретация // СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы. С. 186–214.
- Наджафов Д.Г. Советский фактор в европейской стратегии США // Европа между миром и войной. С. 173–206.
- Наджафов Д.Г. Советско-германские переговоры 1939 года (по документальным публикациям США) // Предвоенный кризис 1939 года в документах. С. 45–69.
- Наджафов Д.Г. Советско-германский пакт 1939 года: Переосмысление подходов к его оценке // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 154–167.
- Наджафов Д.Г. Советско-германский пакт 1939 года и его исторические последствия // Вопросы истории. 2006. № 12. С. 3–22.
- Наджафов Д.Г. СССР в послевоенной Европе: Октябрь 1938 г. – март 1939 г. // Отечественная история. 2000. № 2. С. 67–88.
- Наринский М. Европа: проблемы границ и сфер влияния (1939–1947 годы) // Свободная мысль. 1998. № 3. С. 82–93.

- Наринский М.* Кремль и Коминтерн в 1939–1941 годах // Свободная мысль. 1995. № 2. С. 15–24.
- Наринский М.М.* Как это было // Другая война. С. 32–59.
- Наринский М.М.* Политика СССР в Европе и Польша. 1933–1938 // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. С. 28–38.
- Наринский М.М.* Советская внешняя политика и Коминтерн: 1939–1941 // Война и политика. С. 38–49.
- Наринский М.М., Сидоров А.Ю., Щипин А.В.* Советская внешняя политика и создание системы коллективной безопасности в 30-е гг. // Очерки истории Министерства иностранных дел России, 1802–2002: В 3 т. М., 2002. Т. 2 / Редакционная коллегия: А.В. Торкунов и др. С. 177–234.
- Наринский М.М., Филитов А.М.* Советская внешняя политика в период Второй мировой войны: Курс лекций по истории международных отношений (1939–1945 гг.) / Отв. ред. А.В. Загорский. М., 1999. 156 с.
- Наумов А.О.* Кризис Версальской системы 1936–1938. М., 2005. 331 с.
- Не* миф: речь Сталина 19 августа 1939 года / Публ. В.Л. Дорошенко, И.В. Павловой, Р.Ч. Раака // Вопросы истории. 2005. № 8. С. 3–20.
- Не* оправдавший надежд (об отставке М.М. Литвинова) // Родина. 1993. № 10. С. 48–53.
- Невакиви Ю.* Финляндия и план «Барбаросса» // Война и политика. С. 445–455.
- Невежин В.А.* Культура Третьего рейха через призму советской пропаганды // Россия и Европа в XIX–XX веках: Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур / Отв. ред. А.В. Голубев. М., 1996. С. 129–142.
- Невежин В.А.* Метаморфозы советской пропаганды в 1939–1941 годах // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 164–171.
- Невежин В.А.* Оценка Сталиным Германии как потенциального противника накануне 22 июня 1941 года // Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия / Отв. ред. А.В. Голубев. М., 2002. Вып. 2. С. 101–111.
- Невежин В.А.* Политико-идеологические кампании Кремля (1939–1941 гг.) // Международный кризис 1939–1941 гг. С. 307–326.
- Невежин В.А.* Польша в советской пропаганде 1939–1941 гг. // Россия и внешний мир: диалог культур: Сб. статей / Отв. ред. Ю.С. Борисов. М., 1997. С. 69–88.
- Невежин В.А.* Размышления писателя о грядущей войне // Армия и общество. 1900–1941 гг. Статьи, документы / Отв. ред. В.П. Дмитренко. М., 1999. С. 270–293.
- Невежин В.А.* Речь Сталина 5 мая 1941 года и апология наступательной войны // Отечественная история. 1995. № 2. С. 54–69; опубл. также: Другая война. С. 106–135.
- Невежин В.А.* Синдром наступательной войны: Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997. 288 с.
- Невежин В.А.* Синдром наступательной войны в пропаганде начала 1940-х гг. // Россия и Запад. С. 95–120.
- Невежин В.А.* Собирался ли Сталин наступать в 1941 г.? (Заметки на полях «Ледокола» В. Суворова) // Кентавр. 1995. № 1. С. 76–85.

- Невежин В.А.* Советская интеллектуальная элита и Запад на рубеже 1930–40-х гг. // *Россия и Запад.* С. 197–234.
- Невежин В.А.* Советская политика и культурные связи с Германией (1939–1941 гг.) // *Отечественная история.* 1993. № 1. С. 18–34.
- Невежин В.А.* Советско-германские дипломатические контакты 1939–1941 годов: Новейшие исследования // *Преподавание истории в школе.* 1992. № 1/2. С. 8–13.
- Невежин В.А.* СССР во Второй мировой войне: Новейшая российская историография проблемы // *Россия в XX веке: Война 1941–1945 годов: современные подходы / Отв. ред. А.Н. Сахаров.* М., 2005. С. 177–192.
- Невежин В.А.* Сталинский выбор 1941 года: оборона или... «лозунг наступательной войны»? (По поводу книги Г. Городецкого «Миф “Ледокола”») // *Отечественная история.* 1996. № 3. С. 55–73.
- Невежин В.А.* Стратегические замыслы Сталина накануне 22 июня 1941 года (По итогам «Незапланированной дискуссии» российских историков) // *Отечественная история.* 1999. № 5. С. 108–120.
- Невежин В.А.* Финляндия в советской пропаганде периода «зимней войны» (1939–1940 гг.) // *Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия.* М., 2000. Вып. 1. С. 284–305.
- Нидхарт Г.* «Странная война», которая привела к «блицкригу»: Выжидательная позиция Великобритании во время кризиса международной системы накануне и в начале Второй мировой войны // *Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований.* С. 42–47.
- Никифоров Ю.А.* Некоторые аспекты новейшей историографии советско-германских договоренностей 1939 года // *Вопросы отечественной истории и историографии: Межвузовский сб. научных трудов / Отв. ред. И.В. Сучков.* М., 2001. Вып. 4. С. 56–76.
- Орлов А.* Роковой 41-й: готовил ли Советский Союз нападение на Германию? // *Россия XXI.* 2001. № 3. С. 70–95.
- Орлов А.* «Суворов» против Сталина или опыт построения антиистории // *Россия XXI.* 1993. № 8. С. 6–20.
- Орлов А.С.* Прибалтика: 1939–1940 гг. // *Международный кризис 1939–1941 гг.* С. 286–295.
- Орлов А.С.* СССР и Прибалтика. 1939–1940 // *Война и политика.* С. 192–206.
- Орлов А.С.* Сталин: в преддверии войны. М., 2003. 416 с.
- Орлов А.С.* Третий рейх и Третий Рим (1933–1941). М., 1993. 238 с.
- Осьмачко С.Г.* Красная Армия в локальных войнах и военных конфликтах (1921–1941 гг.): боевой опыт и военная политика. Ярославль, 1999. 221 с.
- От войны к миру: СССР и Финляндия 1939–1944 гг.: Сб. статей / Под ред. В.Н. Барышникова и др.* СПб., 2006. 454 с.
- Ответы* главного консультанта группы консультантов Службы внешней разведки генерал-лейтенанта В.А. Кирпиченко на вопросы журнала «Новая и новейшая история» // *Новая и новейшая история.* 1997. № 4. С. 83–93.
- Очерки истории российской внешней разведки / Гл. ред. Е.М. Примаков.* М., 1997. Т. 3: 1933–1941. 496 с.

- Павленко Н.Г.* Была ли война...: Размышления военного историка. М., 1994. 416 с.
- Павлов А.Г.* Советская военная разведка накануне Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 49–60.
- Павлова И.В.* Механизм власти и строительство сталинского социализма / Отв. ред. В.Л. Дорошенко. Новосибирск, 2001. 460 с.
- Парилло М.* «И им суждено сойтись»: Халхин-Гол и Вторая мировая война // Международный кризис 1939–1941 гг. С. 137–149.
- Парсаданова В.С.* Начало Второй мировой войны в оценке маршала Э. Рыдз-Смиглы: К вопросу об интерпретации событий сентября 1939 г. // Российско-польские научные связи в XIX–XX вв. / Отв. ред. В.К. Волков. М., 2003. С. 242–251.
- Парсаданова В.С.* Новые архивные источники по истории советско-польских отношений. 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 2003. № 3. С. 157–162.
- Парсаданова В.С.* О некоторых аспектах внешней политики польского правительства в эмиграции в 1940–1941 гг. // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы... С. 124–132.
- Парсаданова В.С.* Польша, Германия и СССР между 23 августа и 28 сентября 1939 года // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 13–31.
- Петров Б.Н.* Вооруженные формирования Прибалтики накануне и в начале Великой Отечественной войны // Военно-исторический архив. 2000. № 10. С. 269–299.
- Петров Б.Н.* От «революционной чесотки» к военной катастрофе: Эволюция военной доктрины советского государства (1918–1941 гг.) // Военно-исторический архив. 2001. № 3. С. 18–38.
- Петров В.Л.* Страна готовилась к отражению агрессии // Военно-исторический журнал. 1995. № 6. С. 4–9.
- Петров П.В., Степаков В.Н., Фролов Д.Д.* Война в Заполярье (1939–1940 гг.) // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 116–132.
- Печатнов В.О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. М., 2006. 752 с.
- Печенкин А.А.* Была ли возможность наступать? // Отечественная история. 1995. № 3. С. 44–59; опубл. также: Другая война. С. 185–211.
- Печенкин А.А.* Высший командный состав Красной Армии в годы Второй мировой войны. М., 2002. 294 с.
- Печенкин А.А.* Военная элита СССР в 1935–1939 гг.: репрессии и обновление. М., 2003. 172 с.
- Печенкин А.А. И.В. Сталин:* «Армия должна пользоваться исключительной заботой и любовью народа и правительства» // Военно-исторический журнал. 2006. № 9. С. 7–11.
- Пещерский В.Л.* Как И.В. Сталин пытался предотвратить войну с Финляндией // Военно-исторический журнал. 1998. № 1. С. 54–63.
- Пиетров-Энкер Б.* Германия в июне 1941 г. – жертва советской агрессии? О разногласиях по поводу тезиса о превентивной войне // Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. С. 459–475.
- Поздеева Л.В.* Британские документы о военном значении союза Англии с СССР // Предвоенный кризис 1939 года в документах. С. 93–115.

- Поздеева Л.В.* Дневник И.М. Майского: Из записей о британской политике 1938–1941 гг. // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 46–63.
- Поздеева Л.В.* 1939 год: советская политика глазами англичан // Война и политика. С. 125–140.
- Позняков В.В.* Разведывательные службы СССР, Великобритании и США: оценки международной ситуации и перспектив ее развития (август 1939 – июнь 1941 г.) // Международный кризис 1939–1941 гг. С. 327–356.
- Позняков В.В.* Советская разведка в Америке, 1919–1941. М., 2005. 504 с.
- Покивайлова Т.А.* К истории Второго Венского арбитража // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы... С. 63–71.
- Покивайлова Т.А.* Коминтерн и Коммунистическая партия Румынии, 1939–1940 годы (по документам из архива Коминтерна) // Славяноведение. 1994. № 6. С. 3–9.
- Покивайлова Т.А.* Национально-территориальный вопрос в Румынии в контексте советско-германских отношений (август 1939 г. – июнь 1941 г.) // Международный кризис 1939–1941 гг. С. 545–556.
- Полканов В.Д.* «Ледокол» исследовательской неряшливости и отсебятины. Омск, 1996. 42 с.
- Помогайбо А.А.* Псевдоисторик Суворов и загадки Второй мировой войны. М., 2002. 480 с.
- Поторочен В.* Сталин: «Воевать с Германией буду на своей территории!» или зачем Сталину Финляндия? М., 1996. 104 с.
- Поцхверия Б.М.* Турция между двумя мировыми войнами: Очерки внешней политики. М., 1992. 253 с.
- Почтарев А.Н.* О советско-американских военных контактах перед Второй мировой войной // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 6. С. 35–43.
- Права Виктора Суворова.* Переписывая историю Второй мировой / Сост. Д. Хмельницкий. М., 2006. 352 с.
- Предвоенный кризис 1939 года в документах: Материалы научной конференции Института [всеобщей истории] 15 ноября 1989 г. / Отв. ред. З.С. Белоусова.* М., 1992. 160 с.
- Пронин А.А.* Советско-германские соглашения 1939 г.: Истоки и последствия. Екатеринбург, 1998. 136 с.
- Противостояние: Очерки военно-политической конфронтации первой половины XX века / Отв. ред. Ар.А. Улуян.* М., 1995. 425 с.
- Пушкаш А.И.* Венгрия и ее балканские соседи (август 1940 – апрель 1941 г.) // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы... С. 72–92.
- Пушкаш А.* Цивилизация или варварство: Закарпатье 1918–1945. М., 2006. 564 с.
- Пушкаш А.И.* Внешняя политика Венгрии: Февраль 1937 – сентябрь 1939 г. М., 2003. 460 с.
- Раак Р.Ч.* Источник из высших кругов Коминтерна о планах Сталина, связанных со Второй мировой войной // Отечественная история. 1996. № 3. С. 41–46.
- Раппопорт В.Н., Геллер Ю.А.* Измена Родине: Очерки по истории Красной Армии. М., 1995. 464 с.

- Резис А.* Проблема прибалтийских стран в советско-германских отношениях, 1939 год // Записки по проблемам национальностей / Под ред. Э. Паина, А. Попова. Нью-Йорк; Москва, 1993. Вып. 2. С. 93–145.
- Рео Э. дю.* Франция, Германия и СССР 1936–1939 годы. От ратификации советско-французского пакта о взаимопомощи до подписания советско-германского договора о ненападении // СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы. С. 215–228.
- Репрессии против поляков и польских граждан /* Сост. А.Э. Гурьянов. М., 1997. Вып. 1. 257 с.
- Решетникова О.Н.* К вопросу о советско-югославском договоре о дружбе и ненападении // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы... С. 110–123.
- Ржешевский О.А.* Перед великим испытанием // Военно-исторический журнал. 2006. № 4. С. 3–7.
- Ржешевский О.А.* У истоков антигитлеровской коалиции // Международный кризис 1939–1941 гг. С. 411–422.
- Робертс Дж.* Сферы влияния и советская внешняя политика в 1939–1945 гг.: идеология, расчет и импровизация // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 75–91.
- Робертс Дж.* Черчилль и Сталин: Эпизоды англо-советских отношений (сентябрь 1939 – июнь 1941 года) // Война и политика. С. 141–155.
- Робертс С.А.* Ошибки Сталина и Красной Армии накануне войны // Война и политика. С. 226–243.
- Роговин В.З.* Мировая революция и мировая война. М., 1998. 416 с.
- Розанов Г.Л.* Накануне войны (переговоры в Берлине осенью 1940 года) // Дипломаты вспоминают: мир глазами ветеранов дипломатической службы / Под ред. П.П. Петрик. М., 1997. С. 57–77.
- Розенблат Е.* Антисемитизм и политика советской власти в западных областях Беларуси в 1939–1941 годах (На примере Пинской области) // Вестник еврейского ун-та в Москве (Москва; Иерусалим). 1997. № 3. С. 61–72.
- Романенко С.А.* Югославия, Россия и «славянская идея»: Вторая половина XIX – начало XXI века. М., 2002. 624 с.
- Романова Н.Р.* К вопросу об англо-советских торговых переговорах 1939 г. // Предвоенный кризис 1939 года в документах. С. 133–143.
- Россия–Польша–Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. /* Под ред. Б.В. Носова, Ю.Е. Ивонина. М., 2002. 423 с.
- Россия и Запад: Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века /* Отв. ред. А.В. Голубев. М., 1998. 335 с.
- Россия и СССР в войнах XX века (Потери вооруженных сил): Статистическое исследование /* Под общей ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 2001. 608 с.
- Рунихин И.А.* Позиция Великобритании в период Мюнхенских соглашений 1938 года в современной историографии // Проблемы этнической истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время: Сб. научных трудов / Под ред. С.В. Кретицина. Воронеж, 2002. Вып. 1. С. 114–120.
- Рупасов А.И., Чистиков А.Н.* Советско-финляндская граница 1918–1938 гг. СПб., 2000. 163 с.

- Сайто Х.* Договор о ненападении между СССР и Германией 1939 г. // Россия XXI. 1994. № 9/10. С. 144–156.
- Сальков А.П.* «Беломорская» проблема как фактор международных отношений (XIX–XX вв.) // Вопросы истории. 2006. № 3. С. 52–69.
- Сальков А.П.* Западнофракийский фактор в дипломатическом противоборстве за внешнеполитическую ориентацию Болгарии (сентябрь 1939 г. – ноябрь 1940 г.) // Славянский мир в социокультурном измерении: Сб. научных трудов / Отв. ред. И.В. Крючков. Ставрополь, 2005. Вып. 2. С. 198–215.
- Сальков А.П.* Политика государств Тройственного пакта по национально-территориальному переустройству в Карпато-Дунайском бассейне (1940–1944 гг.) // Славянский мир в социокультурном измерении: Сб. научных трудов. Ставрополь, 2004. Вып. 1. С. 170–195.
- Сальков А.П.* Проблема «Беломорья» в период участия Болгарии в Тройственном пакте (март 1941 г. – сентябрь 1944 г.) // Проблемы славяноведения: Сб. научных статей и материалов / Отв. ред. С.И. Михальченко. Брянск, 2005. Вып. 7. С. 243–253.
- Сальков А.П.* Раздел или «неделимость» Польши: Западная Белоруссия и Западная Украина в дипломатической истории 1939–1941 гг. // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Ставрополь, 2004. Вып. 6 (специальный): Материалы международного научного семинара «Свое» и «Чужое» в исследовательском поле «истории пограничных областей» (Пятигорск, 16–18 апреля 2004). С. 192–200.
- Сальков А.П.* СССР и национально-территориальное переустройство в Юго-Восточной Европе (1938–1941 гг.) // Отечественная история. 2005. № 3. С. 71–83.
- Сальков А.П.* Трансильванский вопрос в политике СССР в Юго-Восточной Европе (1939–1941) // Актуальные проблемы славянской истории XIX и XX веков: К 60-летию профессора Московского университета Геннадия Филипповича Матвеева: Сб. статей / Отв. ред. З.С. Ненашева. М., 2003. С. 279–319.
- Сальков А.П.* Урегулирование проблемы Южной Добруджи (1939–1947 годы) // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 65–78.
- Самозельсон Л.* Красный колосс: Становление военно-промышленного комплекса СССР, 1921–1941 / Пер. с англ. М., 2001. 294 с.
- Сафронов В.П.* СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане: 1931–1945 гг. М., 2001. 453 с.
- Сафронов В.П.* СССР и японская агрессия (1937–1941 гг.) // Советская внешняя политика 1917–1945 гг.: Поиски новых подходов. С. 251–287.
- Сахаров А.Н.* Война и советская дипломатия: 1939–1945 гг. // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 26–45.
- Свищев В.Н.* Начало Великой Отечественной войны. М., 2003. Т. 1: Подготовка Германии и СССР к войне. 446 с.
- Севостьянов Г.Н.* Европейский кризис и позиция США, 1938–1939. М., 1992. 375 с.
- Семиряга М.И.* Советско-германские отношения (сентябрь 1939 – июнь 1941 г.) // Советская внешняя политика 1917–1945 гг.: Поиски новых подходов. С. 201–250.

- Семиряга М.И.* Советско-германские отношения (1939–1941 гг.) // Россия и Германия / Отв. ред. Б.М. Туполев. М., 1998. Вып. 1. С. 319–336.
- Семиряга М.И.* Тайны сталинской дипломатии 1939–1941. М., 1992. 302 с.
- Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. 288 с.
- Сенявский А.С.* Сталин–Гитлер: стратегическая дуэль с точки зрения теории игр // Военно-исторический архив. 2002. № 6 (30). С. 60–74.
- Сидоров А.Ю., Клеймёнова Н.Е.* История международных отношений. 1918–1939 гг.: Учебник. М., 2006. 640 с.
- Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: Темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996. 336 с.
- Сиполс В.* Тайны дипломатические: Канун Великой Отечественной. 1939–1941. М., 1997. 448 с.
- Сиполс В.Я.* Еще раз о дипломатической дуэли в Берлине в ноябре 1940 г. // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 145–161.
- Сиполс В.Я.* Миссия Криппса в 1940 г.: Беседа со Сталиным // Новая и новейшая история. 1992. № 5. С. 23–40.
- Сиполс В.Я.* Тайные документы «странной войны» // Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 91–122; № 3. С. 119–138.
- Сиполс В.Я.* Торгово-экономические отношения между СССР и Германией в 1939–1941 гг. в свете новых архивных документов // Новая и новейшая история. 1997. № 2. С. 29–41.
- Сироткин В.Г.* Геополитика и пакт Риббентропа–Молотова – 1939 год // Советская дипломатия в годы Великой Отечественной войны: Сб. статей / Под ред. Ю.Е. Фокина и др. М., 2001. С. 23–30.
- Системная история международных отношений в двух томах / Под ред. А.Д. Богатурова.* М., 2006. Т. 1: События 1918–1945 годов. 480 с.
- Славинский Б.Н.* Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: Дипломатическая история. М., 1995. 336 с.
- Славинский Б.Н.* СССР и Япония – на пути к войне: дипломатическая история, 1937–1945. М., 1999. 540 с.
- Случ С.З.* Внешнеполитическая стратегия Гитлера в 1939 году и Советский Союз // Международный кризис 1939–1941 гг. С. 61–92.
- Случ С.З.* Германия и СССР в 1918–1939 годах: мотивы и последствия внешнеполитических решений // Россия и Германия в годы войны и мира (1941–1995) / Под ред. Д. Проэктора и др. М., 1995. С. 26–94.
- Случ С.З.* Германо-советские отношения в 1918–1941 годы: Мотивы и последствия внешнеполитических решений // Славяноведение. 1995. № 6. С. 14–23; 1996. № 3. С. 101–113.
- Случ С.З.* Гитлер, Сталин и генезис четвертого раздела Польши // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 77–168.
- Случ С.З.* Пакты Молотова–Риббентропа в советской и российской историографии // Польша–СССР, 1945–1989: Избранные политические проблемы, наследие прошлого / Отв. ред. Э. Дурачински, А.Н. Сахаров. М., 2005. С. 49–65.
- Случ С.З.* Польша в политике Советского Союза // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. С. 156–190.

- Случ С.З.* Польша в политике Третьего рейха накануне Второй мировой войны (1938–1939 гг.) // Россия – Польша – Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. С. 305–352.
- Случ С.З.* Проблема борьбы на два фронта в политике и стратегии «третьего рейха» в начальный период второй мировой войны // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы... С. 21–31.
- Случ С.З.* Речь Сталина, которой не было // Отечественная история. 2004. № 1. С. 113–139.
- Случ С.З.* Советско-германские отношения в сентябре–декабре 1939 года и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну // Отечественная история. 2000. № 5. С. 46–58; № 6. С. 10–27.
- Случ С.З.* Советско-германские отношения в ходе польской кампании и вопрос о вступлении СССР во вторую мировую войну // Славяноведение. 1999. № 6. С. 32–43.
- Случ С.З.* Сталин и Гитлер, 1933–1941: расчеты и просчеты Кремля // Отечественная история. 2005. № 1. С. 98–119.
- Смирнов В.П.* Вторая мировая война и Коминтерн. 1939–1941 гг. (по архивным документам) // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 21–36.
- Смирнов В.П.* Коминтерн и поражение Франции (По архивам Коминтерна) // Вторая мировая война: Актуальные проблемы. С. 18–39.
- Смирнов В.П.* Коминтерн и Франция в 1939–1941 гг. // Международный кризис 1939–1941 гг. С. 461–478.
- Смирнов В.П.* Краткая история Второй мировой войны. М., 2005. 352 с.
- Смирнов В.П.* Французская коммунистическая партия и Коминтерн в 1939–1940 гг.: Новые архивные материалы // Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 30–46.
- Смирнова Н.Д.* Итальянские дипломатические документы о Европейском кризисе 1939 г. // Предвоенный кризис 1939 года в документах. С. 25–44.
- Смирнова Н.Д.* Неизвестные страницы советско-итальянских отношений 1939–1941 гг.: По новым документам // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 32–53.
- Смирнова Н.Д.* Советско-итальянские отношения, 1939–1940 // Война и политика. С. 416–429.
- Смирнова Н.Д.* Союзы стран Балкано-Дунайского региона в системе европейской безопасности // Европа между миром и войной. С. 130–151.
- Советская внешняя политика в ретроспективе 1917–1991 /* Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 1993. 207 с.
- Советская внешняя политика 1917–1945 гг.: Поиски новых подходов /* Отв. ред. Л.Н. Нежинский. М., 1992. 348 с.
- Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. Сб. статей /* Отв. ред. Э. Дурачински, А.Н. Сахаров. М., 2001. 232 с.
- Советско-финляндская война, 1939–1940: В 2 т. /* Сост. П.В. Петров, В.Н. Степаков. СПб., 2003. Т. 1. 542 с.; Т. 2. 638 с.
- Соколов Б.* Собирался ли Сталин напасть на Гитлера? // Грани. 1995. № 175. С. 213–246; опубликовано также: Война и политика. С. 305–329.
- Соколов Б.В.* Тайны Второй мировой. М., 2000. 480 с.

- Соколов Б.В.* Тайны финской войны. М., 2000. 416 с.
- Соколов В.* В преддверии: Дипломатия Москвы накануне Второй мировой войны // Свободная мысль – XXI. 1999. № 9. С. 76–91.
- Соколов В.* В преддверии Великой Отечественной... // Международная жизнь. 2005. № 3/4. С. 178–188.
- Соколов В.В.* Деятельность советского посольства в Берлине. 1918–1941 годы // Новая и новейшая история. 2006. № 2. С. 102–121.
- Соколов В.В.* Литвинов Максим Максимович // Очерки истории Министерства иностранных дел России, 1802–2002: В 3 т. М., 2002. Т. 3 / Отв. ред. А.Ю. Мешков. С. 340–353.
- Соколов В.В.* Молотов Вячеслав Михайлович // Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 3. С. 354–365.
- Соколов В.В.* НКВД СССР накануне и на начальном этапе Второй мировой войны (май 1939 г. – июнь 1941 г.) // Очерки истории Министерства иностранных дел России, 1802–2002: В 3 т. М., 2002. Т. 2 / Редакционная коллегия: А.В. Торкунов и др. С. 235–272.
- Соколов В.В.* Новые данные о подготовке германского вторжения в СССР в 1941 г. // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 82–89.
- Соколов В.В.* Польский внешнеполитический узел в преддверии Второй мировой войны // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. С. 85–96.
- Соколов В.В.* Трагическая судьба дипломата Г.А. Астахова // Новая и новейшая история. 1997. № 1. С. 167–183.
- Соловьев Б.Г.* 22 июня 1941 года (как готовилась война против СССР). М., 2004. 168 с.
- СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы.* Сб. научных статей / Отв. ред. М.М. Наринский. М., 2003. 229 с.
- Старков Б.А.* Союз или конфронтация: Из истории советско-германских отношений // Он же. Дела и люди сталинского времени. СПб., 1995. С. 71–82.
- Степаков В.* Еще раз об инциденте в Майниле 26 ноября 1939 г. // Новый часовой. СПб., 1995. № 3. С. 173–175.
- Степаков В.Н.* Легенды и мифы советско-финляндской войны // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 171–173.
- Степанов А.И.* Перед Мюнхеном (Вооруженные силы Германии и Чехословакии и планы сторон к осени 1938 г.) // Военно-исторический журнал. 1992. № 4/5. С. 4–9.
- Степанов А.С.* Военные планы и оборонная промышленность СССР накануне и в начале Второй мировой войны: Британский фактор // Отечественная история. 2006. № 3. С. 33–40.
- Степанов В., Орехов Д.* Майнила, или Загадка зимней войны // Стерх. 1992. № 1. С. 40–42.
- Стрельбицкий К.* В сентябре 39-го // Родина. 1996. № 7/8. С. 91–95.
- Сувениров О.Ф.* РККА накануне... Очерки истории политического воспитания личного состава Красной Армии 1929 г. – июнь 1941 г. М., 1993. 351 с.
- Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА 1937–1938. М., 1998. 528 с.
- Суворов В.* День – М: Когда началась Вторая мировая война? Нефантастическая повесть-документ. Книга вторая. М., 1994. 256 с.

- Суворов В. Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну? Нефантастическая повесть-документ. М., 1992. 352 с.
- Суворов В. Очищение: Зачем Сталин обезглавил свою армию? М., 1998. 480 с.
- Суворов В. Последняя республика: Почему Советский Союз проиграл Вторую мировую войну? М., 1995. 480 с.
- Суворов В. Самоубийство: Зачем Гитлер напал на Советский Союз? М., 2000. 384 с.
- Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1996. 509 с.
- Судоплатов П. Спецоперации: Лубянка и Кремль 1930–1950 гг. М., 1997. 688 с.
- Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001. 382 с.
- Суту Ж.-А. Виши, СССР и Германия, 1940–1941 гг.: По французским архивам // Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 121–140.
- Суту Ж.-А. Советские дипломаты и вишистская Франция (1940–1941) // Война и политика. С. 156–173.
- Такер Р. Сталин у власти. 1928–1941: История и личность / Пер. с англ. М., 1997. 646 с.
- Тибо П. Эпоха диктатур. 1918–1947 / Пер. с фр. М., 1998. 288 с.
- Токарев В.А. «Карá панам! Карá»: польская тема в предвоенном кино (1939–1941 годы) // Отечественная история. 2003. № 6. С. 47–59.
- Токарев В.А. Советская внешнеполитическая концепция накануне пакта Молотова–Риббентропа // Проблемы истории, филологии, культуры / Отв. ред. М.Г. Абрамзон. Москва; Магнитогорск, 1996. Ч. 1: История. Вып. 3. С. 193–198.
- Токарев В.А. Советско-германский договор о ненападении как антитеза литвиновской традиции // Проблемы российской истории / Главн. ред. В.А. Токарев. Магнитогорск, 2002. Вып. 1. С. 255–270.
- Токарев В.А. Советское общество и польская кампания 1939 г.: «романтическое ожидание войны» // Человек и война (Война как явление культуры). Сб. статей / Под ред. И.В. Нарского, О.Ю. Никоновой. М., 2001. С. 399–418.
- Тоталитаризм в Европе XX века: Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления / Рук. авт. кол. Я.С. Драбкин, Н.П. Комолова. М., 1996. 540 с.
- Улуния Ар.А. Коминтерн и геополитика: Балканский рубеж 1919–1938. М., 1997. 220 с.
- Уткин А.И. Вторая мировая война. М., 2002. 864 с.
- Уткин А.И. Россия над бездной (1918 г. – декабрь 1941 г.). Смоленск, 2000. 480 с.
- Уткин А.И. Так пришла война. Екатеринбург, 1992. 212 с.
- Уткин А.И. Унижение России: Брест, Версаль, Мюнхен. М., 2004. 624 с.
- Фельдманис И. Пакт Молотова–Риббентропа и отношения между Латвией и Германией (1939–1940) // Международный кризис 1939–1941 гг. С. 108–122.
- Фёрстер Ю. Гитлер поворачивает на Восток: военная политика Германии, 1940–1941 // Война и политика. С. 330–343.

- Фёрстер Ю.* Историческое место операции «Барбаросса» // Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. С. 490–502.
- Фирсов Ф.И.* Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 12–35.
- Фирсов Ф.И.* Советско-германские отношения, политика СССР на Балканах в конце 1940 г. и Коминтерн (новые документы) // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы... С. 56–62.
- Фолькман Г.-Э.* Польша в политико-экономических расчетах «третьего рейха» в 1933–1939 гг. // Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. С. 61–74.
- Фолькманн Х.-Э.* Советский Союз в экономических расчетах «третьего рейха», 1933–1941 годы // Отечественная история. 1997. № 2. С. 74–86.
- Форет И.В.* Французская дипломатия в период назревания предвоенного кризиса в конце 30-х годов XX века // Россия в контексте мировой истории / Отв. ред. В.А. Артемов. Воронеж, 2003. Вып. 2. С. 122–131.
- Фураев В.К.* Об изучении истории международных отношений и внешней политики СССР // Новая и новейшая история. 1992. № 3. С. 3–17.
- Харрис Дж.* Британское общественное мнение и советско-германский пакт // Международный кризис 1939–1941 гг. С. 389–398.
- Хильдебранд К.* Война в условиях мира и мир в условиях войны: Проблема легитимности в истории сообщества государств в 1931–1941 гг. // Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. С. 25–41.
- Хлевнюк О.В.* Политбюро: Механизм политической власти в 1930-е годы. М., 1996. 295 с.
- Хормач И.А.* СССР и Италия. 1924–1939 гг. (дипломатические и экономические отношения). М., 1995. 287 с.
- Хоффман И.* Подготовка Советского Союза к наступательной войне, 1941 год // Отечественная история. 1993. № 4. С. 19–31.
- Хохлов Е.В.* Военная экономика СССР накануне и в годы Второй мировой войны. СПб., 2005. 282 с.
- Цветков И.Ф.* Тайные торги диктаторов (Из истории советско-германского военно-морского сотрудничества в 1939–1941 гг.) // Новый часовой. 1994. № 2. С. 41–52.
- Чельшев И.А.* Год кризиса: сентябрь 1938 – сентябрь 1939 года // Советская внешняя политика 1917–1945 гг.: Поиск новых подходов. С. 157–200.
- Чельшев И.А.* Международное положение СССР накануне Великой Отечественной войны (1939 – июнь 1941 г.) // Россия в XX веке: Историка мира спорят / Отв. ред. И.Д. Ковальченко. М., 1994. С. 410–420.
- Чельшев И.А.* СССР–Франция: трудные годы 1938–1941. М., 1999. 367 с.
- Черевко К.Е.* Серп и молот против самурайского меча. М., 2003. 384 с.
- Чернова Л.Н.* События марта–августа 1939 года на страницах советской прессы // Предвоенный кризис 1939 года в документах. С. 144–159.
- Черушев Н.С.* Удар по своим. Красная Армия: 1938–1941. М., 2003. 480 с.
- Чубарьян А.О.* Дискуссионные вопросы истории войны // Вторая мировая война: Актуальные проблемы. С. 5–17.

- Чубарьян А.О.* Международный кризис 1939–1941 гг.: концептуальные подходы и интерпретации // Международный кризис 1939–1941 гг. С. 11–22.
- Чубарьян А.О.* Советская внешняя политика (1 сентября – конец октября 1939 года) // Война и политика. С. 7–20.
- Чубарьян А.О.* Упущенные возможности и исторические уроки // Европа между миром и войной. С. 207–220.
- Шевяков А.А.* Советско-германские экономические связи в предвоенные годы // Социологические исследования. 1995. № 5. С. 13–25.
- 60-летие* окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. Материалы к международному форуму (Москва, сентябрь 2005) / Под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова // Библиотека либерального чтения. М., 2005. Вып. 16: 248 с.
- Широкорад А.Б.* Тевтонский меч и русская броня: Русско-германское военное сотрудничество. М., 2003. 384 с.
- Шрайбер Г.* Вторая мировая война в международных исследованиях. Концепции, тезисы разногласия // Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. С. 8–24.
- Шtrandман Х.П. фон.* Обостряющиеся парадоксы: Гитлер, Сталин и германо-советские экономические связи, 1939–1941 // Война и политика. С. 366–383.
- Шубин А.В.* Мир на краю бездны: От глобального кризиса в мировой войне, 1929–1941 годы. М., 2004. 576 с.
- Шуранов Н.П.* Политика кануна Великой Отечественной войны. Кемерово, 1992. 240 с.
- Эндрю К., Гордиевский О.* КГБ: История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева / Пер. с англ. М., 1992. 666 с.
- Юбершер Г.* 22 июня 1941 г. в современной историографии ФРГ: К вопросу о «превентивной войне» // Новая и новейшая история. 1999. № 6. С. 59–67.
- Юбершер Г.Р.* «Пакт с сатаной ради изгнания дьявола»: Германо-советский договор о ненападении и военные намерения Гитлера в отношении Советского Союза // Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. С. 446–458.
- Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2001. 495 с.
- Якобсен Г.-А.* Противоречивые оценки 22 июня 1941 года // Война и политика. С. 253–269.

Научное издание

**СССР,
Восточная Европа
и
Вторая мировая война
1939–1941**

**Дискуссии,
комментарии,
размышления**

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института славяноведения
Российской академии наук*

Заведующая редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *Л.А. Зуева*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *О.В. Аредова*
Корректоры *Р.В. Молоканова, А.В. Морозова*

Подписано к печати 20.09.2007
Формат 60 x 90^{1/16}. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 30,5. Усл.кр.-отг. 30,5
Уч.-изд.л. 33,2. Тип. зак. 4522

Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ТОРГОВОЙ ФИРМЫ “АКАДЕМКНИГА”

Магазины “Книга-почтой”

121099 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7Б; (код 812) 235-05-67

Магазины “Академкнига” с указанием отделов “Книга-почтой”

690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140 (“Книга-почтой”); (код 4232) 5-27-91
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 (“Книга-почтой”); (код 3432)
55-10-03
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 (“Книга-почтой”); (код 3952) 46-56-20
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90
220012 Минск, проспект Ф. Скорины, 72; (код 10375-17) 232-00-52, 232-46-52;
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00
113105 Москва, Варшавское ш., 9, строение 1Б (книжная ярмарка “Централь-
ная”, 5 этаж); тел. 737-03-33 (доб. 50-10)
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79
103054 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96
630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 (“Книга-почтой”); (код 3832) 35-09-22
142292 Пущино Московской обл., МКР “В”, 1 (“Книга-почтой”); (13)
3-38-80
443022 Самара, проспект Ленина, 2 (“Книга-почтой”); (код 8462) 37-10-60
199034 Санкт-Петербург, В.О. 9-я линия, 16;
(код 812) 323-34-62
191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; (код 812) 328-32-11
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий пр-т, 4; (код 812) 247-70-39
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 51-60-36
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 (“Книга-почтой”); (код 3472) 24-47-74, факс
(код 3472) 24-46-94
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85

ISBN 978-5-02-035514-9

9 785020 355149

СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война 1939-1941